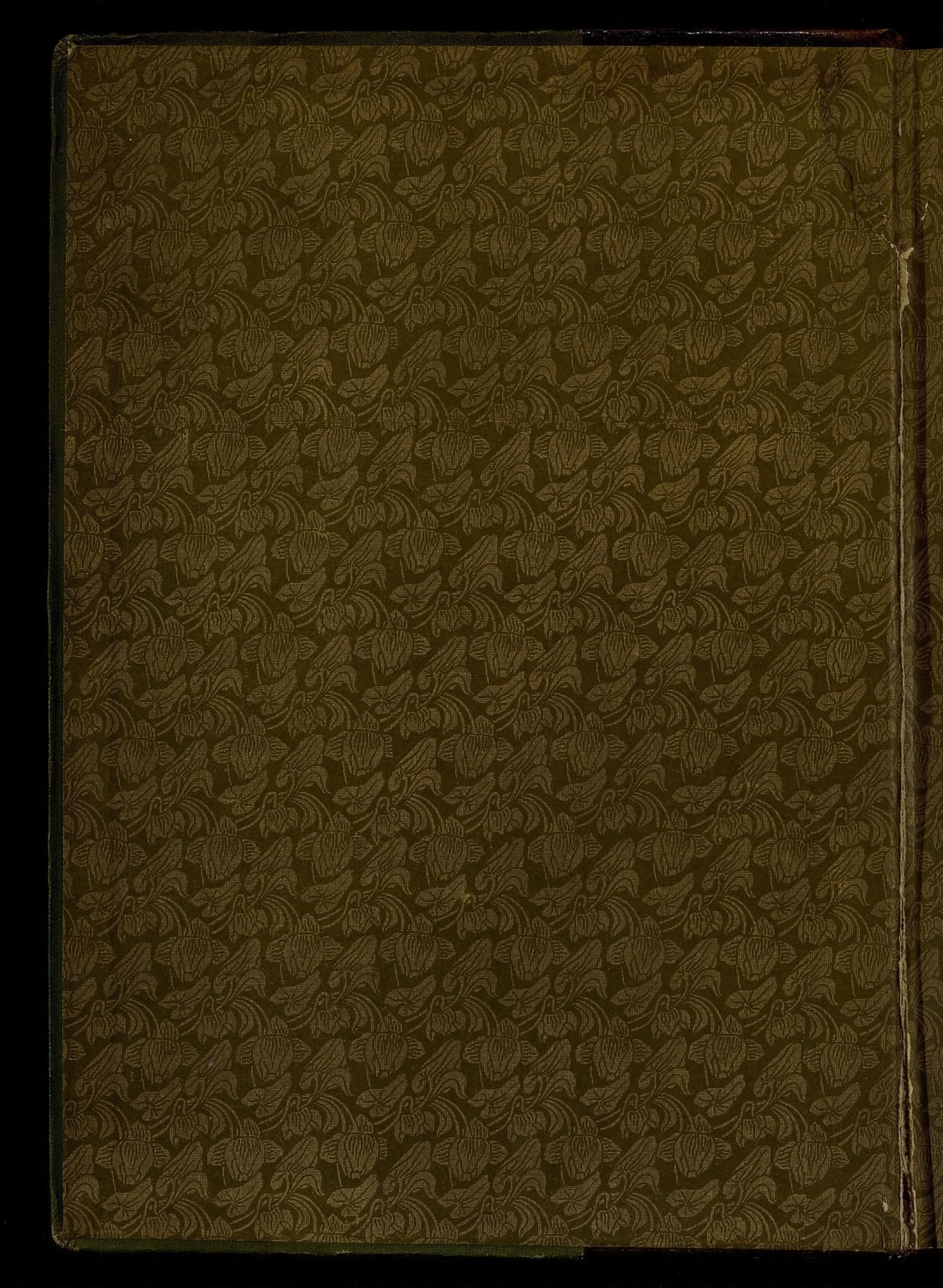
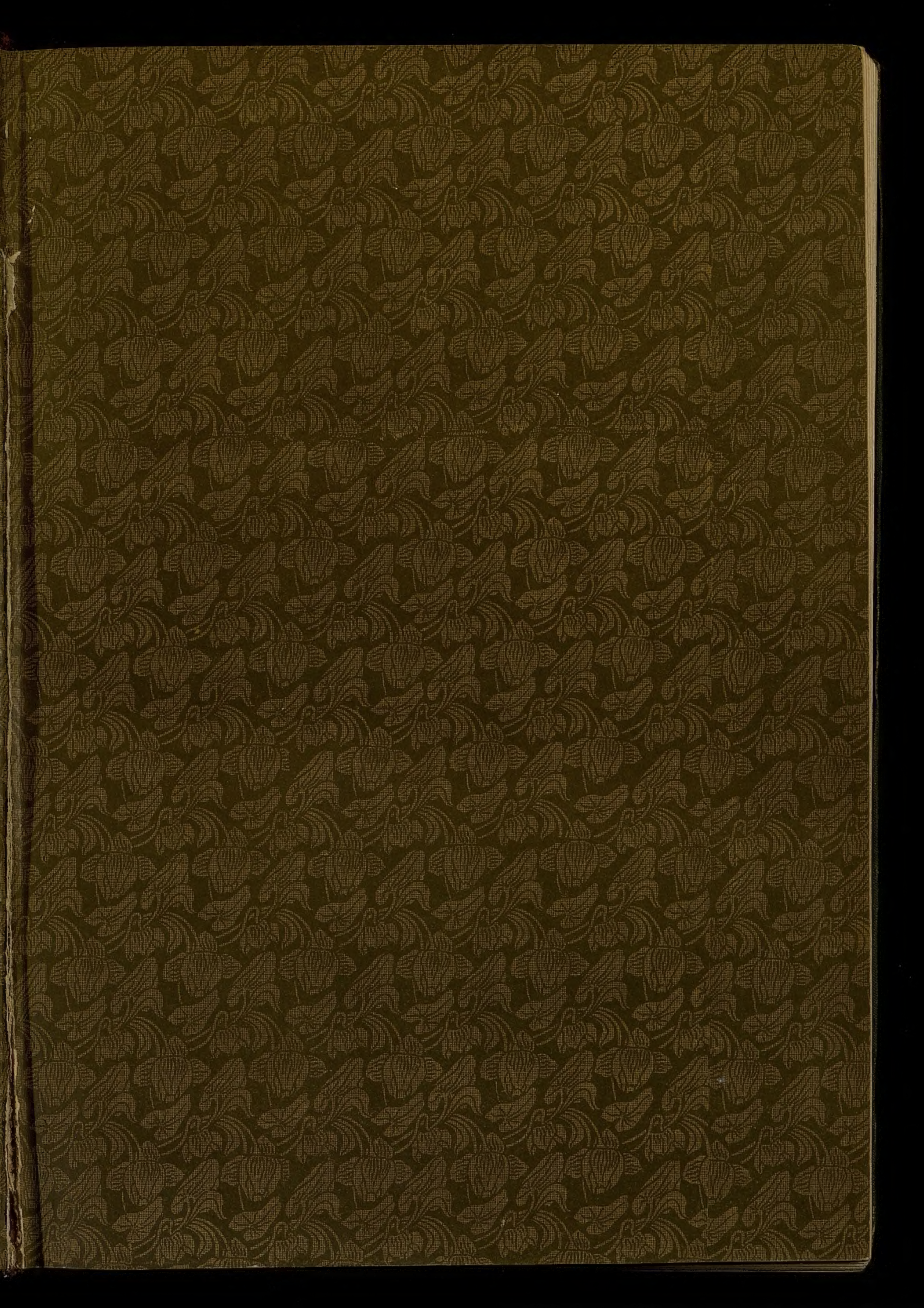
ЛАВИССЪ и РАМБО.

ИСТОРІЯ XIX В.

Т. VII

КОНЕЦЪ ВѢКА





ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(Западная Европа и внѣевропейскія государства).

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА).

Подъ редакціей профессоровъ Лависса и Рамбо.

При участіи: проф. А. Ваддингтонъ, проф. М. Валь, академика гр. Альберъ Вандаль, Анри Вастъ, академика Анри Гуссэ, А. Дебидуръ, проф. Дедевизъ дю-Дезеръ, проф. Э. Дени, Л. Каэнъ, Роберъ де-Ке де-Сентъ Эймуръ, проф. А. Кордье, проф. Фр. де-Крю, А. Лавуа, проф. Л. Леже, проф. А. Мале, проф. А. Метенъ, проф. А. Мильо, А. Мишель, проф. А. Муаро, проф. А. Оларъ, проф. А. Пенго, Ромэнъ Ролланъ, проф. Ш. Сеньобосъ, проф. Э. Сейу, проф. А. Сорель, проф. П. Таннери, проф. Эмиль Фагэ, Л. Фаржъ, проф. Э. Шенонъ, проф. Хр. Шефферъ, проф. А. Шюкэ, проф. Л. Эйзенманъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО, СЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ ПРОФЕССОРОВЪ

П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

Томъ VII.

Съ приложеніемъ статьи проф. К. А. Тимирязева:

„Основныя черты исторіи развитія біологіи въ XIX столѣтіи".

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

1907 г.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., с. д.
Москва—1907.

КОНЕЦЪ ВѢКА.

1870—1900.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Главы I—IV переведены М. О. Гершензономъ,
главы V—XII—И. И. Шитцемъ.

Глава I.

Третья республика.

I. — Національное собраніе (1871—1875).

Національное собраніе въ Бордо. — Заключая перемиріе съ нѣмцами, правительство національной обороны обязалось созвать въ Бордо „свободно избранное" собраніе для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ. Система выборовъ была принята та же, что въ 1848 г.: голосованіе въ главномъ пунктѣ кантона по относительному большинству, избраніе цѣлаго списка по департаментамъ, предоставленіе избирательнаго права и колоніямъ, плата депутатамъ въ 25 франковъ за день, число депутатовъ 750.

Въ Парижѣ выборная борьба шла между сторонниками правительства и революціонерами, въ департаментахъ—между сторонниками Гамбетты и оппозиціонной коалиціей, куда вошли орлеанисты, легитимисты и поссорившіеся съ Гамбеттой республиканцы. Составъ депутатовъ отъ Парижа оказался смѣшаннымъ. Оккупированные и юго-восточные департаменты выбрали республиканцевъ. Но въ большей части Франціи, гдѣ населеніе жаждало прежде всего мира, крестьяне, духовенство и буржуазія, въ пику Гамбеттѣ, который считался сторонникомъ „войны на жизнь и смерть", провели „списокъ миролюбивыхъ", т.-е. противниковъ Гамбетты (8 февраля 1871).

Національное собраніе составилось въ большинствѣ изъ сторонниковъ монархіи (около 400 противъ 350 республиканцевъ); это были большею частью орлеанисты и около сотни легитимистовъ; они были выбраны крестьянами, которые враждебно относились къ республикѣ и политическому вліянію Парижа: отсюда прозвище „собраніе деревенскихъ людей". Собравшись въ Бордо 12 февраля, оно увидѣло себя облеченнымъ неограниченной властью; но не располагая монархическимъ правительственнымъ персоналомъ, оно выбрало въ президенты республиканца Греви, противника политики Гамбетты, и затѣмъ назначило главою исполнительной власти Тьера, выбраннаго въ 26 департаментахъ и ставшаго самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи потому, что въ 1870 г. онъ говорилъ противъ объявленія войны. Бывшій орлеанистъ, перешедшій на сторону республики, Тьеръ составилъ кабинетъ главнымъ образомъ изъ республиканцевъ, стоявшихъ за миръ. Онъ обѣщалъ, что его политика не будетъ знать другой цѣли, какъ только „умиротвореніе, преобразованіе, поднятіе кредита", и что республика не будетъ признана окончательной формой правленія

во Франціи. Это обѣщаніе нейтралитета, повторенное 10 марта, и составило „Бордосскій договоръ“.

Собраніе утвердило предварительныя условія мира и низложеніе Бонапартовъ [1]). Затѣмъ оно рѣшило перенести свою резиденцію, и не въ Парижъ, гдѣ находилось правительство, а въ Версаль (10 марта).

Коммуна. — Парижская національная гвардія оставалась вооруженной; въ революціонныхъ кварталахъ, особенно въ восточныхъ предмѣстьяхъ, она за время осады организовала окружные комитеты, сформировавшіе въ свою очередь *Центральный делегатскій комитетъ.* Въ февралѣ собраніе делегатовъ и офицеровъ образовало *Республиканскую федерацію національной гвардіи,* задача которой заключалась въ томъ, чтобы защищать ихъ интересы и предупреждать всякую попытку, направленную къ низверженію республики; ею долженъ былъ руководить *Центральный комитетъ* делегатовъ, окончательно сформированный 15 марта. Онъ и явился первымъ центромъ политической оппозиціи противъ Національнаго собранія.

Парижанъ, раздраженныхъ долгимъ бездѣйствіемъ во время осады и капитуляціей, возмущала дѣятельность Собранія, въ большинствѣ монархическаго, которое грозило уничтожить республику и своимъ переселеніемъ въ Версаль лишало Парижъ значенія столицы. Кромѣ того, ихъ задѣли два практическихъ мѣропріятія: 1) во время осады была пріостановлена уплата наемныхъ денегъ и по торговымъ векселямъ; теперь просили о продленіи этой отсрочки въ виду того, что дѣла еще не оживились; но Собраніе отказало, и въ четыре дня было заявлено 150.000 протестовъ; 2) большинство рабочихъ, все еще не находя работы, жило почти исключительно на тѣ суточные $1^1/_2$ франка, которые они получали въ качествѣ національныхъ гвардейцевъ; Собраніе отмѣнило это жалованье, оставивъ его только для неимущихъ, которые должны были представлять особое удостовѣреніе.

Тьеръ, прибывъ въ Парижъ 15 марта, пожелалъ какимъ-нибудь властнымъ актомъ выказать силу правительства. Національная гвардія доставила на Монмартръ 170 пушекъ, которыя она считала своей собственностью (онѣ были отлиты на деньги, собранныя путемъ подписки). Правительство послало войска отнять ихъ силою. Но солдаты, окруженные пестрой толпой женщинъ, кричавшихъ: „Да здравствуетъ пѣхота!“ отказались стрѣлять и дали себя обезоружить; командовавшій ими генералъ Леконтъ былъ взятъ въ плѣнъ, крайне непопулярный генералъ Клеманъ Тома былъ арестованъ и увезенъ на Монмартръ; обоихъ разстрѣляли (18 марта).

Тьеръ, слѣдуя плану, который онъ нѣкогда предлагалъ Луи-Филиппу, удалилъ правительство, эвакуировалъ городъ и форты, даже Монъ-Валерьянъ (который онъ потомъ снова велѣлъ занять), и рѣшилъ ждать до тѣхъ поръ, пока ему удастся сформировать достаточную армію, чтобы взять Парижъ силою.

Ставъ полновластнымъ господиномъ Парижа, Центральный комитетъ перебрался въ зданіе городской думы и взялъ въ свои руки власть. Сторонники правительства въ Парижѣ, будучи предоставлены самимъ себѣ, болѣе десяти дней силились предотвратить разрывъ. Мэры парижскихъ округовъ вступились съ цѣлью достигнуть соглашенія между Центральнымъ комитетомъ и Національнымъ собраніемъ. Переговоры, казалось, обѣщали успѣхъ; чтобы удовлетворить парижанъ, мэры потребовали избранія парижскаго муниципальнаго совѣта и командующаго національной гвардіи; правительство согласилось созвать выборщиковъ, но Центральный комитетъ ускорилъ срокъ выборовъ,

[1]) См. выше, т. VI, стр. 239.

назначивъ ихъ на 26 марта. Мэры уступили, но Собраніе отказало, такъ что выборы оказались незаконными. Избраны были въ большинствѣ сторонники Центральнаго комитета, желавшіе разрыва; сторонники правительства, избранные въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ преобладало стремленіе къ миру, явились въ Совѣтъ, но скоро перестали посѣщать его засѣданія.

Генеральный совѣтъ Коммуны, выбранный 229.000 голосовъ изъ 485.000 имѣвшихъ право голосовать, состоялъ изъ 90 членовъ, изъ которыхъ около двадцати устранились. Оставшіеся были въ большинствѣ сторонниками революціонной демократической диктатуры по системѣ Бланки, одного изъ нихъ; они сами называли себя якобинцами и считали себя продолжателями традиціи 93-го года; изъ нихъ наибольшей извѣстностью пользовались бывшіе депутаты 1849 года (Делеклюзъ, Піа). Были между ними и около дюжины членовъ Центральнаго комитета, все неизвѣстныя имена, и 17 членовъ Интернаціонала, сторонники соціальныхъ преобразованій мирнымъ путемъ. Центральный комитетъ, хотя и далъ обѣщаніе разойтись, продолжалъ засѣдать, присвоивъ себѣ роль „связующаго звена между Совѣтомъ и національной гвардіей". Такимъ образомъ, власть осуществляли одновременно и Совѣтъ, и Центральный комитетъ; это-то двойственное правительство и называютъ *Коммуной*. Его приверженцы называли себя *федералистами*; но огромное большинство народа отказывалось видѣть въ нихъ политическихъ повстанцевъ, а смотрѣло на нихъ, какъ на преступниковъ, и за ними установилось насмѣшливое прозваніе коммунаровъ (*communards* или *communeux*).

Засѣданія Коммуны были сначала тайными. Она организовала исполнительную власть въ составѣ „исполнительной комиссіи" и десятка спеціальныхъ комиссій (военная, финансовая, судебная, общественной безопасности, интересовъ труда, промышленная, продовольственная, общественныхъ работъ, народнаго просвѣщенія, иностранныхъ дѣлъ). Она уничтожила рекрутскіе наборы и установила обязательную военную службу въ національной гвардіи для всѣхъ здоровыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ. Она ввела революціонный календарь и красное знамя, эмблему соціальной революціи, и объявила недѣйствительными всѣ распоряженія „версальскаго правительства".

Коммуна пыталась вначалѣ низвергнуть правительство Тьера и Національнаго собранія и распространить революцію на всю Францію. 3 апрѣля федералисты произвели общую вылазку; они двинулись на Версаль тремя колоннами—на Нантерръ, Медонъ и Ссо. Но всѣ три колонны были отброшены линейными войсками и жандармами, и нѣсколько федеральныхъ вождей были разстрѣляны безъ суда. На это Коммуна отвѣчала указомъ о заложникахъ, предписывавшимъ заключать въ тюрьму всякаго знатнаго, котораго парижское жюри признáетъ „подозрѣваемымъ въ соглашеніи съ Версалемъ", и объявлявшимъ, что на казнь каждаго плѣннаго федералиста Коммуна будетъ отвѣчать казнью трехъ заложниковъ. Жюри было образовано только 19 мая.

Въ то же время революціонеры южной и средней Франціи пытались поднять города и организовать въ каждомъ изъ нихъ коммуну, независимую отъ Собранія. Такія попытки были сдѣланы въ Ліонѣ (мартъ), въ Крёзо (26 марта), въ Сентъ-Этьенѣ, гдѣ префектъ былъ убитъ (25 марта), Тулузѣ (23—26 марта), Нарбоннѣ (14—31 марта), Марсели (23 марта—3 апрѣля) и Лиможѣ (4 апрѣля). Онѣ вездѣ были подавлены, а въ Марсели—путемъ экзекуціи.

Между тѣмъ вокругъ Версали формировалась армія изъ французскихъ солдатъ по мѣрѣ ихъ возвращенія изъ Германіи. Когда она стала достаточно сильна

для наступательныхъ дѣйствій, она начала осаду Парижа.

Изолированная, запертая въ городѣ и принужденная ограничиваться оборонительной борьбой, Коммуна измѣнила свою программу и организацію. Совѣтъ обнародовалъ (20 апрѣля) *Заявленіе французскому народу*. „Чего требуетъ Парижъ? Признанія и упроченія республики... Безусловнаго полновластія Коммуны, распространеннаго на всѣ мѣстности Франціи... Автономія Коммуны должна быть ограничена лишь равной автономіей всѣхъ остальныхъ коммунъ, которыя примкнутъ къ договору и союзъ которыхъ обезпечитъ единство Франціи. Коммунѣ присущи слѣдующія права: вотированіе коммунальнаго бюджета, опредѣленіе и раскладка подати, управленіе мѣстными вѣдомствами, организація мѣстной магистратуры, полиціи и образованія, назначеніе путемъ баллотировки или по конкурсу всего персонала коммунальныхъ чиновниковъ, организація городской обороны и національной гвардіи, которая сама выбираетъ своихъ начальниковъ и которой предоставляется *исключительное* право заботиться о поддержаніи порядка“. Такимъ образомъ, Коммуна порвала съ республиканской традиціей 93 года, которая базировала единство Франціи на централизаціи, вручивъ Парижу прямую власть надъ Франціей. Она усвоила выставленное федералистами ученіе объ автономіи Коммуны и признала единственной связью между почти суверенными общинами „главное центральное управленіе, делегацію союзныхъ общинъ“. Возставъ противъ французскаго центральнаго правительства, она принуждена была ограничиться захватомъ власти лишь въ Парижѣ, надѣясь, что послѣдній своимъ примѣромъ увлечетъ и остальныя общины.

Совѣтъ, пополненный избраніемъ 21 члена (16 апрѣля), преобразовалъ исполнительную власть (20 апрѣля), замѣнивъ каждую спеціальную комиссію „делегатомъ“ въ должности министра; Исполнительная комиссія, состоявшая изъ собранія этихъ делегатовъ, являлась какъ бы кабинетомъ министровъ. Члены Интернаціонала провели нѣсколько соціальныхъ реформъ, которыхъ однако Коммуна не успѣла осуществить. Она не пыталась овладѣть Французскимъ банкомъ, гдѣ лежало цѣнностей на 3 милліарда франковъ; она удовольствовалась лишь нѣкоторыми займами на общественные расходы (въ общемъ 7 милл. фр.).

Попытки добиться примиренія, сдѣланныя синдикальными камерами (8 апрѣля) „Лигой республиканскаго единства“ (13 и 21 апрѣля) и масонами, потерпѣли неудачу вслѣдствіе принципіальной причины: правительство не желало вести переговоры съ мятежниками. Послѣ потери форта Исси Коммуна незначительнымъ большинствомъ учредила *Комитетъ общественнаго спасенія*; меньшинство протестовало (15 мая) противъ этого отреченія отъ власти „въ пользу диктатуры“. Теперь власть перешла въ руки сторонниковъ борьбы на жизнь и смерть; они намѣревались вести войну „научно“, т.-е. путемъ разрушенія города. Жюри для суда надъ заложниками было организовано, и Комитетъ общественнаго спасенія закрылъ оппозиціонныя газеты, дотолѣ терпимыя.

Взятіе Парижа и репрессіи. — Прежде чѣмъ удалось организовать оборону, французская армія безъ боя вступила въ Парижъ чрезъ неохраняемыя ворота Point-du-Jour и заняла западные кварталы (21 мая). Совѣтъ Коммуны разошелся, такъ какъ всѣ члены ея отправились организовать оборону въ своихъ кварталахъ. Федералисты понастроили баррикадъ и защищались безъ общаго плана. Сторонники „научной войны“ облили керосиномъ и подожгли нѣсколько общественныхъ зданій (ратушу, зданіе главнаго суда, Тюильри, министерство финансовъ, счетную палату) и множество частныхъ домовъ.

Часть заложниковъ—архіепископъ парижскій, президентъ Бонжанъ, нѣсколько священниковъ и жандармовъ—были разстрѣляны по приказанію прокурора Коммуны, Рауля Риго, и Феррэ; Аркейльскіе доминиканцы были перебиты во время бѣгства.

Эти поджоги и убійства довели ожесточеніе побѣдителей до крайней степени. Война на улицахъ, т. наз. „кровавая недѣля" (она длилась съ 21 по 28 мая), была величайшей рѣзней, какую знаетъ исторія Франціи. Версальцы, занимая послѣдовательно одно убѣжище федералистовъ за другимъ, брали ихъ въ плѣнъ и разстрѣливали многихъ даже послѣ боя. Разстрѣляны были безъ суда и бо̀льшая часть вождей Коммуны, которыхъ удалось захватить; въ общемъ было подобрано около 17.000 труповъ (дѣйствительное число убитыхъ неизвѣстно). Тѣ плѣнные, которыхъ пощадили,—числомъ около 40.000,—были отведены въ Версаль; часть ихъ отпустили, остальныхъ отправили на морское побережье на понтоны.

Парижъ, занятый арміей, остался на осадномъ положеніи, и аресты подозрительныхъ продолжались; полиція получила, говорятъ, болѣе 300.000 доносовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Ж. Фавръ, потребовалъ выдачи мятежниковъ, бѣжавшихъ за границу; но, кромѣ Испаніи, ни одно государство не согласилось на это.

Обвиняемыхъ судили военные суды (сначала 4, потомъ 22), дѣйствовавшіе до 1876 г.; разстрѣляны были немногіе, но обвинительныхъ приговоровъ постановлено 9.000. Наперекоръ французскому обычаю, признающему поступки, совершенные въ связи съ гражданской войною, за политическія преступленія, что̀ влечетъ за собою лишь ссылку, и карающему каторгой только уголовныя дѣянія, имѣющія цѣлью личную выгоду, военные суды безъ строгаго разбора присуждали однихъ къ каторжнымъ работамъ, другихъ—къ ссылкѣ; 7.500 осужденныхъ были сосланы въ Новую Каледонію.

Реорганизація Франціи.—Во время борьбы съ Коммуною правительство получило множество оффиціальныхъ адресовъ и частныхъ представленій, свидѣтельствовавшихъ о приверженности городовъ къ республикѣ и побудившихъ Тьера заявить, что онъ не имѣетъ въ виду уничтожить республику; Національное собраніе вотировало законъ, предоставлявшій муниципалитетамъ право самимъ выбирать своего мэра (16 апрѣля). На дополнительныхъ выборахъ въ іюлѣ изъ 45 департаментовъ въ 39-ти были избраны республиканцы. Парижъ, гдѣ еще продолжались репрессіи, въ числѣ своихъ 21 депутата выбралъ 16 кандидатовъ *Union de la presse*, сторонниковъ Тьера. Стало очевидно, что Собраніе не выражаетъ мнѣнія страны; но такъ какъ продолжительность его сессіи не была заранѣе ограничена, то не существовало никакого законнаго способа, которымъ можно было бы принудить его сложить съ себя власть. Онъ сохранялъ ее почти пять лѣтъ и позаботился дать Франціи новую конституцію.

По предложенію сторонниковъ Тьера былъ вотированъ (491 голосомъ противъ 94) законъ 31 августа 1871 года (законъ Ривэ-Витэ). Собраніе заявило, что ему принадлежатъ „учредительныя функціи, какъ существенная часть суверенитета, которымъ оно облечено", и на этомъ основаніи постановило, что „глава исполнительной власти долженъ именоваться президентомъ французской республики", что ему предоставляется право назначать и смѣщать министровъ и что, какъ въ конституціонныхъ монархіяхъ, каждое его распоряженіе должно быть контрасигновано министромъ. Но законъ объявилъ „отвѣтственными предъ Собраніемъ" какъ совѣтъ министровъ, такъ и каждаго министра въ отдѣльности и президента республики. Законъ 8 сен-

тября назначилъ Версаль резиденціей Собранія и министровъ. Это была временная конституція; окончательная явилась лишь четыре года спустя.

Партіи соединились въ *группы*, куда входили депутаты одного образа мыслей, которые заранѣе сговаривались, какъ держаться на засѣданіи. Это были: республиканская *крайняя лѣвая*, республиканская *лѣвая, лѣвый центръ*, составившійся изъ республиканцевъ и орлеанистовъ, примкнувшихъ къ республикѣ подъ руководствомъ Тьера, орлеанистскій либеральный *правый центръ, правая* и легитимистская *крайняя правая*, не считая мелкихъ группъ, колебавшихся между правымъ центромъ и лѣвымъ центромъ. Позднѣе имперіалисты, число которыхъ дополнительными выборами было доведено приблизительно до тридцати, образовали группу *Обращенія къ народу*. Въ этомъ Собраніи никогда не было прочнаго большинства; большинство образовывалось каждый разъ изъ временнаго соединенія группъ. Между тѣмъ Собраніе строго соблюдало парламентское правило, согласно которому министерство слагаетъ съ себя власть, лишь только оно осталось въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ, направленіе политики постоянно зависѣло отъ группировки фракцій, необходимыхъ для составленія большинства.

Благодаря своему личному вліянію на либеральныхъ консерваторовъ, Тьеръ сумѣлъ въ теченіе двухъ лѣтъ держать у власти смѣшанныя министерства, опиравшіяся на оба центра и терпимыя лѣвой. Въ этотъ-то періодъ согласія Тьеръ и Собраніе, отложивъ до другого времени выработку конституціи, преобразовали французскій кредитъ и учрежденія.

Эвакуація департаментовъ, занятыхъ нѣмцами, была обусловлена уплатою контрибуціи въ 5 милліардовъ. Двухмилліардный заемъ, выпущенный въ іюнѣ 1871 г., былъ покрытъ два съ половиною раза, и эвакуація началась. По соглашенію, состоявшемуся въ октябрѣ 1871 г., оккупаціонная армія была сокращена до 50.000 человѣкъ. Въ іюлѣ 1872 г. былъ выпущенъ второй заемъ, въ 3 милліарда, покрытый двѣнадцать разъ. Эта финансовая манифестація произвела тотъ эффектъ, котораго добивалось правительство: она обнаружила мощь французскаго кредита. „Освобожденіе территоріи“ было закончено въ 1873 г. Принудительный курсъ ассигнацій далъ возможность выждать обратнаго прилива звонкой монеты; затѣмъ онъ былъ отмѣненъ.

Франціи приходилось ввести новые налоги для уплаты процентовъ по долгу, который она сдѣлала на предметъ покрытія военныхъ издержекъ и пятимилліардной контрибуціи. Собраніе наотрѣзъ отказалось предпринять общую фискальную реформу и отвергло планъ подоходнаго налога, предложенный республиканцами. Оно сохранило традиціонную во Франціи систему, состоящую въ томъ, чтобы главную часть дохода извлекать изъ косвенныхъ налоговъ, которые плательщикъ уплачиваетъ по мелочи, не отличая ихъ отъ цѣны самого товара. Оно ввело новые налоги на транспорты, квитанціи, бумагу, спички, клубы, всего въ суммѣ до 800 милліоновъ. Тьеръ даже заставилъ его, пригрозивъ своей отставкою (которую взялъ назадъ по просьбѣ Собранія), обложить предметы первой необходимости. Такимъ образомъ удалось свести бюджетъ безъ дефицита.

Въ области мѣстнаго управленія Собраніе ввело тотъ режимъ, котораго требовала при имперіи либеральная оппозиція, именно *децентрализацію*. Муниципальный законъ отъ апрѣля 1871 г. предоставилъ муниципальнымъ совѣтамъ, избраннымъ на три года всеобщей подачей голосовъ, право самимъ выбирать себѣ мэра, исключая главные города округовъ. По органическому закону 1871 г. генеральный совѣтъ департамента превратился въ собраніе съ публичными засѣ-

даніями и двумя сессіями въ годъ, выбирающее департаментскую комиссію, которая въ промежутокъ между сессіями слѣдитъ за исполненіемъ его постановленій.

Реорганизація войска началась (августъ 1871) съ уничтоженія національной гвардіи, которая возникла еще въ 1789 г. и со времени Коммуны сдѣлалась подозрительной. Затѣмъ была преобразована армія по прусскому образцу. Законъ 1872 г. установилъ обязательную военную повинность для всѣхъ безъ замѣны, но съ полнымъ изъятіемъ въ пользу учащаго персонала, духовенства и сыновей вдовъ. Срокъ службы дѣлился, какъ въ Пруссіи, на четыре періода: 1) въ *дѣйствующей арміи* — съ 20 до 25 лѣтъ, 2) въ *резервѣ дѣйствующей арміи* — съ 25 до 29 лѣтъ, 3) въ *территоріальной арміи*—съ 29 до 34 лѣтъ, 4) въ *резервѣ территоріальной арміи*—съ 34 до 40 лѣтъ. Собраніе хотѣло ограничить службу въ дѣйствительной арміи тремя годами, какъ въ Пруссіи; но Тьеръ, оставшійся сторонникомъ семилѣтней службы, склонилъ его къ компромиссу — пятилѣтнему сроку. А такъ какъ держать подъ ружьемъ одновременно пять полныхъ призывовъ, то каждый призывъ стали дѣлить на двѣ части, изъ которыхъ одна должна была служить пять лѣтъ, другая — только шесть мѣсяцевъ, и принадлежность къ той или другой части опредѣлялась жребіемъ. Для зажиточныхъ молодыхъ людей введенъ былъ прусскій институтъ вольноопредѣляющихся, обязанныхъ служить годъ; баккалавры и молодые люди, получившіе свидѣтельство по сдачѣ особаго экзамена, могли являться на службу до призывнаго срока и служить всего годъ въ качествѣ „engagés conditionnels“. Но въ то время, какъ прусскій уставъ предоставлялъ такимъ вольноопредѣляющимся экипироваться на собственный счетъ, здѣсь они обязаны были вносить въ казну опредѣленную сумму—1.500 франковъ.

Оппозиція и манифестаціи.—У правительства Тьера были противники двухъ родовъ: приверженцы монархіи, не желавшіе допустить упроченіе республики, и республиканцы крайней лѣвой, недовольные тѣмъ, что страною управляютъ бывшіе орлеанисты.

Въ угоду правому центру Собраніе постановило призвать назадъ Орлеанскихъ принцевъ (іюнь 1871), затѣмъ въ 1872 г. вернуло имъ ихъ вотчины, конфискованныя въ 1852 г. Но правительство возстановило противъ себя всѣ группы правой, отклонивъ петицію католиковъ, которые просили его вмѣшаться съ цѣлью возстановить свѣтскую власть папы (іюль 1871). Весною 1872 г. часть лѣваго центра перешла въ правый центръ, и нападки на Тьера сдѣлались болѣе рѣзкими; но скоро онѣ были прерваны распущеніемъ Собранія на каникулы (апрѣль—ноябрь).

Оппозиція лѣвой не могла осуществляться въ обычныхъ формахъ—путемъ печати и собраній: крупные города оставались въ осадномъ положеніи (въ Парижѣ оно длилось до 1876 г.), такъ что газеты всецѣло зависѣли отъ произвола правительства. Гамбетта, уѣхавшій на время Коммуны въ Испанію, остался благодаря этому нескомпрометтированнымъ; онъ-то и организовалъ республиканскую оппозицію. Онъ сталъ во главѣ крайней лѣвой въ Собраніи, основалъ въ 1871 г. газету *La République française*, а съ 1872 г. совершилъ рядъ поѣздокъ по республиканскимъ городамъ, произнося всюду рѣчи. Въ Тулонѣ (январь) онъ требовалъ „роспуска этого Собранія“, которое, будучи продуктомъ случайнаго стеченія обстоятельствъ, „не считается ни съ предостереженіями, ни съ изъявленіями самодержавной воли народа“. Въ Анжерѣ и Мансѣ (апрѣль) онъ изобличалъ нападки на свѣтское общество и требовалъ распущенія палаты, которое дало бы возможность основать „республиканскую республику“. Въ Греноблѣ (сентябрь) онъ заявилъ, что

„новый соціальный слой“, выступая на политическое поприще, хочетъ испробовать республику, и предсказалъ роспускъ, который, „подобно могильщику, готовъ бросить послѣднюю лопату земли на трупъ версальскаго собранія“.

Тотчасъ по своемъ возвращеніи въ Парижъ (ноябрь 1872) правительство попыталось утишить гнѣвъ большинства путемъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, направленнаго противъ рѣчи Гамбетты. Тьеръ заявилъ: „Республика будетъ консервативною или ея совсѣмъ не будетъ“ (13 ноября), и сурово осудилъ агитацію въ пользу роспуска, назвавъ ее „политикой буйныхъ сумасшедшихъ“. Но большинство желало репрессивныхъ мѣръ противъ „радикальной“ агитаціи. Батби, изъ праваго центра, требовалъ образованія „боевого правительства“. По настоянію Тьера Собраніе избрало комиссію для выработки проекта конституціи; но въ эту „комиссію тридцати“ попали большею частью члены правыхъ партій, враждебные республикѣ.

Она отвергла проектъ Тьера, по которому Собраніе обязывалось „въ краткій срокъ“ упорядочить внутреннее положеніе страны, и провела (13 ноября 1872) постановленіе, направленное противъ „личнаго вмѣшательства главы исполнительной власти въ дебаты“. Для того, чтобы Тьеръ не могъ впредь вліять на Собраніе своимъ словомъ, было рѣшено, что отнынѣ президентъ республики можетъ дѣлать сообщенія палатѣ лишь путемъ письменнаго заявленія, по прочтеніи котораго засѣданіе закрывается. Тьеръ протестовалъ противъ этихъ „китайскихъ церемоній“, но подчинился.

Разрывъ между большинствомъ и Тьеромъ обнаружился по поводу одного инцидента, разыгравшагося въ Собраніи. Президентъ палаты Греви, въ виду безпрестанныхъ нападокъ на него со стороны большинства, подалъ въ отставку, и на его мѣсто былъ избранъ (305 голосами противъ 285) орлеанистъ изъ праваго центра Бюффе. Кризисъ, отсроченный пасхальными вакаціями, обострился, когда въ Парижѣ (27 апрѣля 1873) былъ выбранъ депутатомъ радикальный кандидатъ, поддержанный крайней лѣвой, противъ Ремюза, кандидата Тьера и лѣвой; послѣ этого монархисты заявили, что правительство Тьера неспособно остановить успѣхи радикализма.

24 мая.—По возобновленіи засѣданій послѣ пасхи одинъ изъ вождей праваго центра, герцогъ Брольи, отъ имени 320 депутатовъ предъявилъ запросъ къ министерству „о необходимости сдѣлать политику правительства рѣшительно консервативной“. Пренія длились два дня. На второй день (24 мая) Тьеръ произнесъ рѣчь въ защиту своей политики; простой и ясный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, одобренный министерствомъ, былъ отвергнутъ въ вечернемъ засѣданіи 362 голосами противъ 348; своимъ пораженіемъ министерство было обязано тому, что противъ него голосовала небольшая группа Таржэ (человѣкъ пятнадцать). Затѣмъ Собраніе 360 голосами противъ 345 приняло переходъ, предложенный правой: „Въ виду того, что форма правленія не подлежитъ обсужденію и что Собраніе занято выработкой конституціонныхъ законовъ... но что сейчасъ необходимо, ради успокоенія страны, сообщить политикѣ правительства рѣшительно консервативный характеръ, Собраніе сожалѣетъ, что недавнія перемѣны въ составѣ кабинета не дали консервативнымъ элементамъ того удовлетворенія, котораго оно было въ правѣ ожидать“.

Тьеръ могъ удержать въ своихъ рукахъ исполнительную власть и перемѣнить министерство въ виду того, что это разнородное и незначительное большинство неизбѣжно должно было вскорѣ распасться; но онъ предпочелъ выйти въ отставку и вручить власть врагамъ республики. Вечеромъ состоялось третье за-

сѣданіе: 365 голосами противъ 331 Собраніе приняло отставку Тьера и избрало въ президенты республики 390 голосами маршала Макъ-Магона, кандидата правыхъ, причемъ лѣвые воздержались отъ голосованія (24 мая 1873). Организаторъ этой коалиціи, герцогъ Брольи, ставъ главою правительства, образовалъ коалиціонный кабинетъ, въ которомъ преобладающую роль игралъ правый центръ.

Попытка легитимистской реставраціи. — Вступая во власть, Макъ-Магонъ заявилъ, что въ законодательствѣ и существующихъ учрежденіяхъ ничего не будетъ измѣнено, а министерство заявило, что „не сойдетъ съ пути строжайшей законности". Однако часть республиканскихъ чиновниковъ была удалена и замѣнена роялистами и имперіалистами. Сессія Собранія прошла въ мелкихъ стычкахъ по вопросамъ дня; самымъ значительнымъ актомъ было принятіе закона, разрѣшавшаго произвести необходимыя отчужденія для постройки церкви Sacré-Coeur въ Монмартрѣ; этимъ исполнялся обѣтъ, данный, по преданію, св. Игнатіемъ, основателемъ іезуитскаго ордена. Въ это же время были организованы многолюдныя паломничества въ Парэ-лэ-Моніаль въ честь Сердца Христова; толпа, среди которой было нѣсколько депутатовъ правой, пѣла гимнъ: „Спасите Римъ и Францію — во имя Сердца Христова!" Шли толки о возстановленіи свѣтской власти папы и легитимной монархіи во Франціи.

Дружную дѣятельность роялистовъ въ видахъ возстановленія монархіи парализовало до сихъ поръ разногласіе между двумя фракціями: легитимисты поддерживали послѣдняго представителя старшей линіи, Генриха V, графа Шамборъ, орлеанисты — внука Луи-Филиппа, графа Парижскаго. Это разномысліе обострилось столкновеніемъ изъ-за эмблемъ: орлеанисты пользовались трехцвѣтнымъ знаменемъ, подъ которымъ орлеанскіе принцы сражались въ рядахъ французскаго войска, а графъ Шамборъ нѣсколько разъ (іюль 1871, январь и февраль 1872) заявлялъ, что считаетъ долгомъ чести не отказываться отъ бѣлаго знамени, „которое, какъ священное сокровище, вручилъ ему старый король, его дѣдъ, умирая въ изгнаніи", и не можетъ принять трехцвѣтное знамя революціи.

Послѣ 24 мая обѣ партіи сблизились, и рѣшено было слиться. Это сліяніе было засвидѣтельствовано визитомъ графа Парижскаго къ графу Шамбору, жившему тогда въ Австріи, въ Фросдорфѣ (5 августа). „Я являюсь,—сказалъ онъ,—отъ моего имени и отъ имени всѣхъ членовъ моей фамиліи выразить вамъ наше почтеніе, не только какъ главѣ нашего дома, но и какъ единственному представителю монархической партіи во Франціи". Бездѣтный графъ Шамборъ долженъ былъ стать королемъ Франціи, а графъ Парижскій долженъ былъ ему наслѣдовать.

Во время лѣтняго перерыва въ сессіи Собранія всѣ три группы правой выбрали комитетъ изъ 9 членовъ (по 3 отъ каждой) для переговоровъ съ королемъ насчетъ условій реставраціи. Этотъ комитетъ отправилъ къ Генриху V въ Австрію двѣ делегаціи, одну въ сентябрѣ, другую въ октябрѣ. По главному вопросу было достигнуто соглашеніе: Собраніе должно было не избрать короля, а заявить, что Генрихъ V призывается на престолъ, какъ глава законной династіи, въ силу наслѣдственнаго права. Конституція будетъ *предложена* королемъ, вотирована Собраніемъ и санкціонирована королемъ; она предоставитъ королю исполнительную власть, королю и обѣимъ палатамъ совмѣстно—законодательную; она обезпечитъ, подобно Хартіи 1814 г., равенство передъ закономъ, гражданскую и религіозную свободу и вотированіе налоговъ палатой.

Вопросъ о знамени остался нерѣшеннымъ; изъ-за него уже едва не были прерваны переговоры въ сентябрѣ, такъ какъ правый центръ настаивалъ на со-

храненіи трехцвѣтнаго знамени. Рѣшеніе этого вопроса условились отложить до возвращенія короля; но въ протоколѣ отъ 16 октября, который былъ преданъ гласности, говорилось, что трехцвѣтное знамя сохраняется „и можетъ быть измѣнено лишь по соглашенію между королемъ и Собраніемъ". Макъ-Магонъ заявилъ, что, „бывъ избранъ большинствомъ консерваторовъ", онъ „не пойдетъ ему наперекоръ". Такимъ образомъ, реставрація казалась обезпеченной, и роялисты готовились уже къ возвращенію короля, какъ вдругъ пришло письмо отъ графа Шамбора, датированное 27 октября, гдѣ онъ сообщалъ, что произошло недоразумѣніе, такъ какъ король остается вѣренъ бѣлому знамени.

Септеннатъ.—Принужденный такимъ образомъ отказаться отъ реставраціи, правый центръ рѣшилъ для упроченія своей власти продлить полномочія Макъ-Магона, именемъ котораго онъ правилъ. Лѣвый центръ согласился на этотъ компромиссъ, чтобы предотвратить возможность какой бы то ни было реставраціи. Правый центръ требовалъ десятилѣтняго, лѣвый—пятилѣтняго срока; въ концѣ-концовъ по соглашенію былъ принятъ законъ о *септеннатѣ*, который „ввѣрялъ исполнительную власть маршалу Макъ-Магону на семь лѣтъ" „съ титуломъ президента республики и на существующихъ основаніяхъ" и учреждалъ комиссію изъ 30 членовъ „для пересмотра конституціонныхъ законовъ". Этотъ законъ прошелъ (20 ноября) 383 голосами наперекоръ легитимистамъ, которые все еще надѣялись, что имъ удастся возстановить престолъ (графъ Шамборъ пріѣзжалъ въ Версаль, чтобы столковаться со своими приверженцами). Но въ составъ комиссіи вошло 25 членовъ правой и только 5 республиканцевъ; вмѣсто того, чтобы вырабатывать конституціонные законы, она занялась обсужденіемъ избирательнаго закона и умышленно не приготовила никакого проекта. Такимъ образомъ, остался въ силѣ временный режимъ.

„Нравственный порядокъ". — Кабинетъ, поддерживаемый коалиціей всѣхъ группъ правой, сплотилъ большинство въ пользу активной борьбы съ республиканцами. Это называли—возстановлять *нравственный порядокъ*; данное министерство и было прозвано „правительствомъ нравственнаго порядка".

Правительство оставило 39 департаментовъ на осадномъ положеніи, чтó давало ему возможность по своему произволу закрывать газеты. На протесты лѣвой оно отвѣчало, что этотъ порядокъ вещей оправдывается „поистинѣ исключительнымъ и ужасающимъ состояніемъ умовъ". Оно велѣло удалить изъ мэрій бюсты республики и нарочито избѣгало употреблять въ оффиціальныхъ актахъ слово *республика*, отставляло или держало въ черномъ тѣлѣ чиновниковъ-республиканцевъ и назначало въ чиновники монархистовъ, приказывало своимъ агентамъ поддерживать на выборахъ министерскаго кандидата и, пользуясь закономъ, по которому префектъ имѣлъ право закрывать питейныя заведенія, грозило закрытіемъ тѣмъ трактирамъ, гдѣ собирались сторонники оппозиціи. Съ цѣлью отнять у республиканцевъ муниципальную власть оно провело въ январѣ 1874 г. законъ, предоставлявшій правительству право назначать мэровъ во всѣхъ коммунахъ.

Это гоненіе заставило всѣ республиканскія группы сплотиться и соединить свои голоса. Гамбетта, руководившій радикальной крайней лѣвой, сталъ проповѣдовать умѣренность; лѣвый центръ сдѣлался и остался до роспуска Собранія руководящей группой республиканской коалиціи, вся политика которой сводилась къ тому, чтобы спасать республику и защищать личныя свободы противъ правительства.

Между легитимистами и правымъ цен-

тромъ возникло разногласіе по вопросу о смыслѣ септенната. Легитимистскія газеты утверждали, что этотъ законъ не препятствуетъ возстановленію престола до истеченія семилѣтняго срока, а министерство заявило устами Макъ-Магона: „Въ продолженіе семи лѣтъ я заставлю всѣхъ повиноваться законному порядку вещей“ (февраль 1874).

Послѣ длившихся три мѣсяца парламентскихъ конфликтовъ съ лѣвыми, правый центръ сдѣлалъ попытку обезпечить себѣ господство въ будущей палатѣ, предложивъ избирательный законъ, по которому выборщикомъ могъ быть лишь человѣкъ, прожившій на мѣстѣ три года, и учрежденіе верховнаго совѣта, назначаемаго президентомъ республики. Правая, соединившись съ лѣвыми, отвергла первенство избирательнаго закона 381 голосомъ противъ 317 (16 мая 1874).

Министерство Брольи смѣнилъ кабинетъ Сиссея (24 мая, преобразованъ въ іюлѣ), сформированный коалиціей изъ монархическихъ партій. Имперіалисты, только что образовавшіе активную партію съ центральнымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ Руэ, вошли въ составъ этого министерства. Но первенствующую роль удержалъ за собою орлеанистскій правый центръ; Макъ-Магонъ по прежнему подчинялся указаніямъ вождей этой партіи, доставившей ему власть.

Избиратели продолжали выказывать вражду къ правительству; изъ 29 дополнительныхъ выборовъ, произведенныхъ съ мая 1873 г. по январь 1875, на 23-хъ побѣдили республиканцы, на 6—имперіалисты, а роялистскія партіи — ни разу. Для того, чтобы продлить свою власть, большинство Собранія всячески уклонялось отъ выработки окончательнаго режима. Но одна фракція праваго центра, не смѣя болѣе оттягивать обсужденіе конституціонныхъ законовъ, соединилась съ лѣвыми и большинствомъ 345 голосовъ противъ 341 провела предложеніе Казимира Перье: „дабы положить конецъ безпокойству общества“, Собраніе предписывало комиссіи Тридцати положить въ основаніе своихъ работъ проектъ, внесенный Тьеромъ въ 1873 г. (15 іюня 1874).

Республиканцы требовали окончательной конституціи, которая организовала бы республиканскій строй; легитимистская правая желала „личнаго септенната“, т.-е. оставленія власти въ рукахъ маршала, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ въ любую минуту уступить мѣсто законному королю; орлеанистскій правый центръ стоялъ за „безличный септеннатъ“, т.-е. за временное правительство, несмѣняемое до 1880 г. Но ни одинъ изъ этихъ проектовъ не собралъ за себя большинства.

Тутъ начался періодъ спутанныхъ преній, приводившихъ къ противорѣчивымъ постановленіямъ и прерываемыхъ интерпелляціями; онъ продолжался до весны 1875 г., когда состоялся тотъ компромиссъ, результатомъ котораго явилась наконецъ конституція. Между республиканцами и имперіалистами произошелъ рядъ бурныхъ сценъ — по поводу іюньскаго избирательнаго закона, по поводу обнаруженія имперіалистскаго комитета, существованіе котораго Руэ отрицалъ, ручаясь честью (9 іюня), по поводу анкеты объ однихъ выборахъ, гдѣ побѣдили имперіалисты (декабрь 1874). Возрожденіе имперіалистской партіи повидимому напугало нѣкоторыхъ либеральныхъ членовъ праваго центра и побудило ихъ наконецъ примириться съ существованіемъ республики.

Выработка конституціи опять отсрочилась. Комиссія отвергла предложеніе Казимира Перье и остановилась на мысли организовать временный режимъ съ одной палатой и сенатомъ до окончанія септенната Макъ-Магона, послѣ чего, т.-е. въ 1880 г., и долженъ былъ вступить въ силу окончательный режимъ; эта комбинація была прозвана „вентавонатомъ“ по

имени докладчика Вентавона. Собраніе 374 голосами противъ 333 отвергла предложеніе Казимира Перье и 369 противъ 340 — предложеніе созвать избирателей, и затѣмъ прервала пренія по этому вопросу до возобновленія сессіи послѣ вакацій. Но кабинетъ раздражилъ крайнюю правую тѣмъ, что призналъ испанское правительство и сохранилъ нейтралитетъ между папою и итальянскимъ правительствомъ. Крайняя правая, соединивъ свои голоса съ голосами республиканскихъ группъ, добилась того, что безличный септеннатъ былъ отвергнутъ. Министерство подало въ отставку (6 января 1875), но осталось на посту до образованія новаго кабинета, которое Макъ-Магонъ оттянулъ до марта.

Вотированіе конституціонныхъ законовъ.— Обсужденіе законопроектовъ касательно „организаціи общественной власти" началось наконецъ въ январѣ 1875 г. Въ проектѣ комиссіи слово „республика" не упоминается. Лѣвый центръ предложилъ формулировать первый пунктъ такимъ образомъ: „Правительство республики состоитъ изъ двухъ палатъ и президента". Но коалиція правыхъ воспротивилась этому предложенію, и оно было отвергнуто 359 голосами противъ 336. Но одинъ членъ праваго центра, Валлонъ, предложилъ поправку, гдѣ опредѣлялись способъ избранія и продолжительность полномочій „президента республики": такъ впервые было произнесено это наименованіе. Комиссія отвергла ее, а Собраніе приняло 353 голосами противъ 352; успѣхъ голосованія обезпечили человѣкъ пятнадцать изъ праваго центра, отдѣлившіеся отъ коалиціи. Такимъ образомъ республика была косвенно признана большинствомъ одного голоса. Когда кончилось голосованіе статей, касавшихся президента, Собраніе приняло весь законъ 508 голосами противъ 174. Затѣмъ оно перешло къ обсужденію законовъ о сенатѣ. Правый центръ хотѣлъ предоставить назначеніе сенаторовъ президенту, лѣвые желали, чтобы сенаторы выбирались общей подачей голосовъ; послѣдній проектъ и прошелъ 322 голосами противъ 310, благодаря поддержкѣ имперіалистовъ (11 февраля). Но глава отставленнаго министерства заявилъ отъ имени Макъ-Магона протестъ противъ этого постановленія, „искажающаго институтъ", и Собраніе, принявъ въ отдѣльности всѣ статьи, отвергло законъ въ цѣломъ.

Въ виду этой неурядицы республиканцы лѣвой потребовали роспуска; но группы центра выработали по взаимному соглашенію компромиссъ. Правый центръ отказался отъ назначенія президента, взамѣнъ чего рѣшено было, что четвертая часть сенаторовъ (75) будетъ избираема Національнымъ собраніемъ; этотъ компромиссъ, принятый лѣвыми, прошелъ 422 голосами противъ 261.

Наконецъ, 11 марта было сформировано примирительное министерство съ Бюффэ во главѣ; въ него вошли два члена лѣваго центра и Валлонъ, „отецъ конституціи"; оно опиралось на оба центра, и лѣвая не боролась съ нимъ. Оно провело законъ 1875 г. о *свободѣ высшаго образованія*, давшій возможность открывать католическіе университеты.

Обсужденіе послѣднихъ конституціонныхъ законовъ, начатое въ іюнѣ 1875 г., закончилось передъ вакаціями. Но примирительное большинство распалось при повѣркѣ полномочій одного имперіалистскаго депутата; глава министерства, Бюффэ, сказалъ (15 іюля) по поводу бонапартистскихъ попытокъ: „Опасность не приходитъ только съ одной стороны; есть другая сторона... откуда можетъ возникнуть... еще бóльшая опасность". На эту выходку противъ лѣвой Гамбетта отвѣчалъ указаніемъ на „партію 24 мая, которая заразила Францію бонапартизмомъ". Этотъ разрывъ съ лѣвой обрекъ Бюффэ на открытую борьбу съ республиканской партіей и на скрытую вражду съ его то-

варищами изъ лѣваго центра, Дюфоромъ и Леономъ Сеемъ; кабинетъ едва не распался во время вакацій.

Организація новаго строя завершилась послѣ вакацій (ноябрь 1875) обсужденіемъ избирательнаго закона. Борьба шла изъ-за способа подачи голосовъ. Лѣвые требовали голосованія общаго списка депутатовъ по департаментамъ, но это было отвергнуто 375 голосами противъ 326; по настоянію правыхъ принято было единоличное голосованіе депутатовъ (неправильно называемое—„по округамъ").

Конституція 1875 года.—Политическій строй, установленный въ 1875 г. Національнымъ собраніемъ и остающійся въ силѣ до сихъ поръ, если не считать мелкихъ поправокъ, сдѣланныхъ въ 1884 г., носитъ отпечатокъ своего происхожденія: это компромиссъ между противоположными желаніями двухъ партій, изъ которыхъ ни одна не располагала большинствомъ и потому не могла провести своего законопроекта. Въ противоположность конституціямъ 1791 и 1848 гг., эта конституція даже не была вотирована Собраніемъ, какъ цѣлое. Такъ называемая „Конституція 1875 г."—не что иное, какъ соединеніе закона 1873 г., которымъ былъ установленъ септеннатъ, и трехъ *конституціонныхъ законовъ*, принятыхъ въ 1875 г. подъ заглавіями: „1. Устройство сената; 2. Организація общественныхъ властей; 3. Взаимоотношенія общественныхъ властей", и дополненныхъ *органическими законами* о способѣ избранія сенаторовъ и государственномъ совѣтѣ. А для опредѣленія полномочій президента приходится обращаться къ законамъ 1871 и 1873 гг., которыми организовано было правленіе Тьера.

Въ основѣ этого режима лежитъ общее либераламъ праваго и лѣваго центра представленіе парламентарной монархіи по образцу бельгійской конституціи. Президентъ республики, избираемый на семь лѣтъ обѣими палатами, соединяющимися для этого въ *конгрессъ* (американское слово), облекается правами конституціоннаго короля; онъ — представитель Франціи предъ иноземными державами и номинальный глава исполнительной власти внутри государства; онъ подписываетъ декреты, обнародуетъ законы и даже имѣетъ право (которымъ ни разу не воспользовался ни одинъ президентъ) вернуть законъ въ палаты и потребовать новаго его обсужденія; онъ располагаетъ правомъ помилованія—прерогативой монарховъ; онъ безотвѣтственъ. Какъ въ конституціонныхъ монархіяхъ, онъ не вправѣ осуществлять лично ни одно изъ своихъ полномочій; всякое распоряженіе, исходящее отъ него, должно быть контрасигновано однимъ изъ министровъ. Ему принадлежитъ даже королевское право распускать палату, но, въ отличіе отъ конституціоннаго короля, для этого требуется согласіе сената, что́ дѣлаетъ эту прерогативу почти неосуществимой.

Законодательная власть принадлежитъ совмѣстно двумъ собраніямъ: *палатѣ депутатовъ*, избираемой всеобщимъ голосованіемъ и обновляемой вполнѣ чрезъ каждые четыре года, и *сенату*, состоящему изъ двухъ долей: четвертая часть его членовъ (75) избираются пожизненно Національнымъ собраніемъ и по мѣрѣ надобности замѣщаются сенатомъ; остальныя три четверти (225) избираются на девять лѣтъ баллотировкой всего списка по департаментамъ въ сенаторской коллегіи, состоящей изъ делегатовъ коммунъ по одному отъ каждой и выборныхъ отъ департаментовъ (сенаторы, депутаты, члены генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ). Всѣ коммуны были уравнены въ отношеніи представительства по настоянію праваго центра, который имѣлъ въ виду этимъ путемъ обезпечить за небольшими сельскими общинами большинство противъ большихъ городскихъ общинъ. Эти 225 сенаторовъ переизбираются по третямъ (75) чрезъ каждые три года.

Объ палаты располагаютъ совершенно одинаковыми правами, съ той разницей, что сенатъ можетъ давать согласіе на роспускъ палаты депутатовъ и что бюджетъ долженъ быть сначала вотированъ палатою и уже затѣмъ представленъ сенату. Кромѣ вотированія законовъ и бюджета, въ законодательную компетенцію палатъ входитъ рѣшеніе вопросовъ о мирѣ, войнѣ, трактатахъ и право запрашивать министровъ; право почина принадлежитъ каждому члену въ отдѣльности.

Сессіи обѣихъ палатъ должны быть всегда одновременными, а ихъ резиденціей конституція опредѣлила Версаль. Обязательная продолжительность сессіи — пять мѣсяцевъ въ годъ. Президентъ вправѣ отсрочить засѣданія палатъ на всю остальную часть года, а во время вакацій онъ остается одинъ съ министрами, и не существуетъ никакой постоянной комиссіи, которая наблюдала бы за нимъ въ этотъ періодъ. Но, усвоивъ себѣ обыкновеніе вотировать бюджетъ неизмѣнно въ чрезвычайной сессіи, палата тѣмъ самымъ лишаетъ президента возможности пользоваться этимъ правомъ отсрочки.

Верховная власть принадлежитъ исключительно конгрессу, представляющему собою соединенное собраніе палаты и сената; онъ выбираетъ президента, онъ осуществляетъ учредительную власть, онъ одинъ вправѣ измѣнять конституцію, но для этого требуется *раздѣльное* постановленіе обѣихъ палатъ.

Практическимъ правительствомъ, которое завѣдуетъ дѣлами и подготовляетъ бюджетъ и бо́льшую часть законовъ, является *совѣтъ министровъ*. Во главѣ его стоитъ офиціальный *президентъ совѣта*, и конституція заявляетъ, что „министры солидарно отвѣтственны передъ палатами". Что́ въ англійскомъ парламентскомъ строѣ было лишь конституціонной традиціей, стало здѣсь формальнымъ правиломъ. Будучи *отвѣтственнымъ*, министерство можетъ сохранять власть лишь до тѣхъ поръ, пока оно угодно палатѣ [1]), а такъ какъ оно, сверхъ того, *солидарно*, то оно должно уходить цѣликомъ.

Конституція не опредѣляетъ точно условій отвѣтственности; теоретически министерство можетъ сохранять власть даже послѣ того, какъ палата формально выразитъ ему недовѣріе (что́ и случилось въ ноябрѣ 1877 г.). Теоретически министровъ *назначаетъ* президентъ республики, законъ 1871 г. гласитъ даже, что онъ же ихъ и *смѣщаетъ*. Но такое смѣщеніе министра было бы со стороны президента нарушеніемъ парламентскаго режима; министръ можетъ быть уволенъ лишь по представленному имъ прошенію объ отставкѣ. Парламентская практика не допускаетъ, чтобы президентъ выбиралъ министровъ по своему вкусу; онъ можетъ брать ихъ лишь изъ среды большинства. Такимъ образомъ, косвенно владычицей Франціи является избираемая всеобщимъ голосованіемъ палата, такъ какъ отъ нея зависитъ участь министровъ.

Выборы и роспускъ Національнаго собранія.—Правый центръ постарался обезпечить за Собраніемъ право на избраніе четвертой части сенаторовъ, чтобы чрезъ посредство сената и на будущее время удержать власть въ своихъ рукахъ. Лѣвый центръ предложилъ ему вступить въ соглашеніе и подѣлить мѣста, требуя себѣ 30 мѣстъ и предоставляя правымъ 45; но правый центръ соглашался уступить лѣвымъ только 13 мѣстъ, и сдѣлка не состоялась. Въ первый день выборовъ (9 дек. 1875 г). абсолютное большинство получили лишь два кандидата; лѣвые голосовали всѣ вмѣстѣ за списокъ, составленный ко-

---

[1]) Въ текстѣ конституціоннаго закона сказано: *палаты* (во множеств. числѣ); но такъ какъ немыслимо, чтобы двѣ несогласныя между собою палаты сообща потребовали удаленія министерства, то установилось такое правило, что кабинетъ выходитъ въ отставку лишь въ случаѣ недовѣрія къ нему со стороны палаты депутатовъ, какъ въ Англіи.

митетомъ всѣхъ трехъ группъ, а голоса правыхъ раздробились изъ-за личнаго соперничества кандидатовъ.

Вечеромъ того же дня комитетъ лѣвыхъ вступилъ въ соглашеніе съ имперіалистской группой, которая, чтобы сокрушить „орлеанистское боевое оружіе", обѣщала подать свои голоса за списокъ лѣвыхъ. Недоставало еще около пятнадцати голосовъ; чтобы добыть ихъ, комитетъ предложилъ мѣсто сенаторовъ 15 легитимистамъ изъ крайней правой, такъ называемымъ *chevau-légers*, которые взамѣнъ обязались голосовать за списокъ лѣвыхъ. Эта коалиція провела въ пять дней баллотировки (10—16 декабря) всѣхъ сенаторовъ, кромѣ 5. Четвертая часть, избранная Національнымъ собраніемъ, заключала въ себѣ 58 республиканцевъ, 9 легитимистовъ и только 8 членовъ праваго центра.

Принявъ законъ о печати, отдавши бо́льшую часть политическихъ проступковъ печати въ вѣдѣніе исправительной полиціи, Національное собраніе окончательно разошлось 31 декабря 1875 г. Министерство Бюффэ осталось у кормила власти. Во время избирательной кампаніи оно раздѣлилось: самъ Бюффе черезъ чиновниковъ своего министерства поддерживалъ кандидатовъ правой, а его товарищи — министры юстиціи, финансовъ и народнаго просвѣщенія — предложили своимъ подчиненнымъ держаться нейтрально.

На сенатскихъ выборахъ 30 января 1876 г. делегаты мелкихъ общинъ выбрали въ большинствѣ кандидатовъ правой, но такъ какъ Собраніе выбрало преимущественно республиканцевъ, то составъ сената оказался раздѣленнымъ почти поровну: въ немъ было 149 республиканцевъ и 151 отъ коалиціи правыхъ группъ, въ томъ числѣ 40 имперіалистовъ и 21 конституціоналистъ.

Палата, избранная всеобщимъ голосованіемъ (февраль — мартъ 1876), оказалась въ большинствѣ республиканской: въ ней было 360 республиканцевъ и 170 монархистовъ. Бюффэ не прошелъ ни въ сенатъ, ни въ палату,—и подалъ въ отставку.

II.—Конфликтъ.

Министерства лѣваго центра. — Республиканское большинство въ палатѣ было такъ велико, что Макъ-Магонъ согласился образовать республиканское министерство. Это былъ кабинетъ Дюфора (мартъ 1876), набранный изъ самой малочисленной группы, изъ лѣваго центра, разнившагося отъ праваго центра лишь лойяльнымъ признаніемъ республики.

Республиканская партія, состоявшая изъ трехъ группъ—лѣваго центра (менѣе 50 членовъ), республиканской лѣвой (около 200) и радикальной лѣвой (болѣе 90), — согласилась поддерживать министерство лѣваго центра, но лишь съ условіемъ, чтобы оно активно вступило въ борьбу съ противниками республики. Она требовала радикальной *чистки*, т.-е. смѣщенія всѣхъ чиновниковъ, явно враждебныхъ республикѣ, организаціи свѣтскаго низшаго образованія и свободы печати.

Палата начала съ того, что признала недѣйствительными выборы 15 депутатовъ, произведенные подъ давленіемъ чиновниковъ и духовенства; затѣмъ она постановила упразднить испытательныя жюри для студентовъ католическихъ университетовъ, чѣмъ вызвала конфликтъ съ сенатомъ: послѣдній отвергъ этотъ законъ 144 голосами противъ 139. Министерство согласилось произвести *очистку* лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Палата значительнымъ большинствомъ отвергла всѣ предложенія радикальной лѣвой — относительно избранія мэровъ въ городахъ, подоходнаго налога, амнистіи осужденнымъ по дѣлу Коммуны, отдѣленія церкви отъ государства, передачи проступковъ по дѣламъ печати суду присяжныхъ.

Чувствуя нерасположеніе къ себѣ рес-

публиканскаго большинства въ палатѣ и консервативнаго въ сенатѣ, Дюфоръ вышелъ въ отставку (2 декабря 1876). Въ виду отказа герцога Брольи Макъ-Магонъ, скрѣпя сердце, поручилъ составленіе кабинета Жюлю Симону (12 декабря); это министерство рекомендовало себя „глубоко-республиканскимъ и глубоко-консервативнымъ" и пыталось угодить своей дѣятельностью обѣимъ партіямъ. Но Макъ-Магонъ держался по прежнему недовѣрчиво и продолжалъ совѣтоваться съ бывшими министрами изъ праваго центра.

„Министерство шестнадцатаго мая". — Конфликтъ между президентомъ и его республиканскими министрами разразился по поводу церковной политики. Рядъ католическихъ петицій требовалъ отъ правительства, чтобы оно „оградило независимость Святѣйшаго отца", т.-е. приняло мѣры къ возвращенію папѣ его свѣтской власти. Правая поддержала ихъ, но лѣвая провела порядокъ дня, направленный противъ „ультрамонтанскихъ манифестацій". При этомъ случаѣ и была произнесена Гамбеттой его знаменитая фраза: „Клерикализмъ — вотъ главный врагъ" (4 мая 1877).

16 мая въ *Officiel* появилось письмо президента республики къ президенту совѣта. Макъ-Магонъ упрекалъ здѣсь Жюля Симона за то, что онъ не воспротивился двумъ мѣрамъ, принятымъ палатою, и спрашивалъ, „сохранилъ ли глава кабинета надъ палатою вліяніе, достаточное для того, чтобы проводить свою программу". Въ заключеніе онъ писалъ: „Объясненіе на этотъ счетъ необходимо, потому что, если я не отвѣтственъ, подобно вамъ, передъ парламентомъ, я несу отвѣтственность передъ Франціей, теперь болѣе озабочивающую меня, чѣмъ когда-либо". Это письмо, не контрасигнованное ни однимъ министромъ, являлось личнымъ актомъ Макъ-Магона. Жюль Симонъ призналъ его за увольненіе, и кабинетъ, хотя и поддерживаемый большинствомъ палаты, 17 мая подалъ въ отставку; палата 347 голосами противъ 149 приняла предложенный лѣвыми переходъ къ очереднымъ дѣламъ, который гласилъ, что „главенство парламента, осуществляемое путемъ отвѣтственности министровъ, есть первое условіе истиннаго народовластія". Въ тотъ же вечеръ было сформировано министерство Брольи, куда вошли орлеанисты и имперіалисты.

Этотъ кабинетъ, прозванный „министерствомъ 16 мая", боролся съ республиканской палатой, опираясь на президента республики и консервативное большинство сената. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы снова создать въ палатѣ консервативное большинство; для этого предполагалось путемъ сенатскаго постановленія распустить палату и употребить все вліяніе президента и всю власть администраціи, чтобы обезпечить избраніе депутатовъ, которыхъ предложитъ правительство. Съ цѣлью выиграть время для подготовки выборовъ, министерство оттянуло срокъ до крайняго момента, какой допускался буквою конституціи.

Сначала оно отсрочило сессію палаты до 16 іюня, а затѣмъ потребовало ея распущенія, которое и было вотировано сенатомъ 22 іюня (149 голосами противъ 130). Согласно конституціи, избиратели должны были быть созваны въ трехмѣсячный срокъ; этотъ срокъ истекалъ 22 сентября, и кабинетъ, выждавъ этотъ день, созвалъ ихъ на 14 октября. Съ мая правительство начало увольнять всѣхъ префектовъ и су-префектовъ республиканскаго образа мыслей и набрало вполнѣ консервативный персоналъ, который и принялся систематически организовать оффиціальную кандидатуру, запрещая открытую продажу республиканскихъ газетъ, закрывая республиканскіе кабачки, затрудняя созывъ республиканскихъ собраній и увольняя мэровъ-республиканцевъ.

Лѣвые, принужденные ограничиваться обороной, соединились для совмѣстной

кампаніи; всѣ депутаты распущенной палаты, принявшіе порядокъ дня 18 мая,— „363",—выступили съ общей программой, каждый въ качествѣ единственнаго республиканскаго кандидата въ своемъ округѣ. Тактика республиканцевъ сводилась къ тому, чтобы явиться защитниками республики противъ коалиціи монархическихъ партій, защитниками народовластія противъ единоличнаго господства президента, защитниками мира противъ сторонниковъ войны съ итальянскимъ королевствомъ.

Въ странѣ господствовало сильное возбужденіе; но оппозиція ограничивалась законными протестами, статьями и рѣчами. Гамбетта заявилъ въ Лиллѣ (15 августа), что, если бы Франція приказала, слѣдовало бы „подчиниться или уйти". За эту рѣчь исправительный судъ заочно приговорилъ его къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Скоропостижная смерть Тьера (3 сентября) заставила правительство измѣнить свою тактику: теперь оно выставляло предстоявшую баллотировку, какъ выборъ между радикальной лѣвой и президентомъ республики; появились даже афиши: „Макъ-Магонъ или Гамбетта".

Макъ-Магонъ, послушный своимъ совѣтникамъ изъ праваго центра, принялъ позу государя, призваннаго руководить народомъ. Въ своемъ приказѣ по войскамъ (1 іюля) онъ говорилъ о „миссіи", которая ввѣрена ему и которую онъ исполнитъ „до конца". Въ манифестѣ къ избирателямъ (19 сентября) онъ писалъ: „Мое правительство укажетъ вамъ среди кандидатовъ тѣ имена, которыя имѣютъ за себя мое одобреніе. Выборы, благопріятные моей политикѣ, утвердятъ принципъ власти, поколебленный демагогіей. Лично я никогда не могу ни сдѣлаться орудіемъ радикализма, ни покинуть постъ, на который поставила меня конституція. Я останусь, чтобы при поддержкѣ сената защищать охранительные интересы". Въ манифестѣ 10 октября говорилось: „Борьба идетъ между порядкомъ и безпорядкомъ. Вы должны голосовать за кандидатовъ, которыхъ я рекомендую вамъ для свободнаго избранія".

Побѣдила республиканская партія; 14 октября большинство тѣхъ 363 были избраны вновь, — произведено было лишь 15 новыхъ баллотировокъ. Палата составилась изъ 335 республиканцевъ и 208 консерваторовъ.

Конфликтъ между президентомъ и палатой.—Будучи разбито на парламентскихъ выборахъ, министерство рѣшило, не выходя въ отставку, ждать результата выборовъ въ генеральные и окружные совѣты (4 ноября). На этихъ выборахъ республиканцы пріобрѣли сто мѣстъ. Министерство заявило о своей отставкѣ, но Макъ-Магонъ не принялъ ея, и пошли слухи о томъ, что палата опять будетъ распущена сенатомъ. Но палата тотчасъ же конституировалась и избрала комиссію для разслѣдованія случаевъ незаконнаго давленія, произведеннаго министерствомъ (10 ноября). Наконецъ кабинетъ Брольи удалился (20 ноября).

Макъ-Магонъ, упорно не желая покориться, образовалъ министерство Рошбуэта (23 ноября), составленное изъ консерваторовъ, не входившихъ въ составъ палаты, и выдававшее себя за дѣловой кабинетъ, чуждый политической борьбѣ. Но республиканское большинство тотчасъ вотировало (24 ноября) порядокъ дня, констатировавшій, что „по своему составу и происхожденію" настоящій кабинетъ является отрицаніемъ правъ парламента и можетъ лишь усугубить политическій кризисъ, длящійся съ 16 мая, въ виду чего оно, республиканское большинство, „находитъ невозможнымъ для себя вступать въ сношенія съ нимъ". Бюджетъ 1878 года все еще не былъ утвержденъ, и палата отказывалась вотировать его, пока Макъ-Магонъ не подчинится волѣ, выраженной избирателями. Въ сенатѣ

27

конституціонная группа, составлявшая большинство, не рѣшалась взять на себя новое распущеніе палаты; министерству пришлось уйти (3 декабря). Макъ-Магонъ два раза начиналъ переговоры съ Дюфоромъ, но безуспѣшно (4 — 8 декабря); онъ требовалъ, чтобы префекты, назначенные послѣ 16 мая, остались на мѣстахъ и чтобы часть министровъ была взята изъ праваго центра. Онъ вернулся къ мысли о сформированіи консервативнаго министерства: Батби изъ праваго центра принялъ постъ президента совѣта, но не нашлось никого, кто согласился бы стать министромъ финансовъ; такъ какъ бюджетъ не былъ вотированъ, то для того, чтобы достать денегъ на нужды правленія, пришлось бы съ 1 января 1878 года взимать налоги беззаконно.

Въ виду этихъ обстоятельствъ Макъ-Магонъ хотѣлъ-было уйти въ отставку, но его совѣтники изъ праваго центра удержали его; скрѣпя сердце онъ долженъ былъ покориться и поручилъ составленіе министерства Дюфору. Окончаніе конфликта было возвѣщено въ заявленіи президента отъ 14 декабря: „Повинуясь парламентскому уставу, я образовалъ кабинетъ... составленный изъ людей, стремящихся защищать и поддерживать республиканскія учрежденія путемъ искренняго соблюденія конституціонныхъ законовъ... Право роспуска служитъ лишь къ тому, чтобы въ крайнемъ случаѣ узнать волю судьи, не подлежащаго аппеляціи, и не можетъ быть возведено въ систему правленія. Я счелъ своимъ долгомъ прибѣгнуть къ этому средству и нынѣ сообразуюсь съ отвѣтомъ страны. Конституція 1875 года основала парламентскую республику, установивъ мою безотвѣтственность и обязавъ министровъ круговой и личной отвѣтственностью". Такъ была оффиціально осуждена попытка, направленная къ тому, чтобы путемъ оффиціальной кандидатуры навязать избирателямъ политику президента республики и такимъ образомъ установить прямое правленіе страны чрезъ посредство президента. Шестнадцатое мая было во Франціи послѣднимъ опытомъ единоличной власти.

Послѣднее министерство лѣваго центра.— Министерство Дюфора представляло собою компромиссъ между Макъ-Магономъ и большинствомъ палаты; всѣ видные члены его—Дюфоръ (министръ юстиціи), Марсэръ (внутреннихъ дѣлъ), Леонъ Сэ (финансовъ), Барду (народнаго просвѣщенія)—принадлежали къ лѣвому центру, наиболѣе консервативной республиканской партіи. Тѣмъ не менѣе республиканское большинство поддерживало его, не требуя никакихъ крупныхъ реформъ.

Палата признала недѣйствительными болѣе 50 избраній, произведенныхъ подъ давленіемъ администраціи или духовенства; почти всѣ вновь избранные были республиканцы. Правительство провело амнистію за политическіе проступки, обнаруженные послѣ 16 мая. Оно удалило чиновниковъ, которые поддерживали оффиціальныхъ кандидатовъ, и вернуло чиновниковъ-республиканцевъ.

Главнымъ дѣломъ этого министерства было провести въ палатѣ бюджетъ 1878 года, задержанный кризисомъ. Затѣмъ подоспѣла выставка 1878 года, выказавшая матеріальные успѣхи Франціи. Гамбетта, ставшій во время кризиса 16 мая неоспоримымъ главою республиканской партіи, произнесъ въ разныхъ городахъ цѣлый рядъ рѣчей, гдѣ указывалъ радикальной партіи ту тактику, которой она должна была держаться, чтобы стать правительственной партіей, рекомендовалъ дисциплину и терпѣніе и говорилъ о необходимости выдвигать вопросы послѣдовательно по категоріямъ.

Этой политикѣ выжиданія положили конецъ сенатскіе выборы. При трехгодичномъ обновленіи сената въ январѣ 1879 года изъ 82 избранныхъ 66 были республиканцы. Небольшое консервативное

большинство въ сенатѣ смѣнилось значительнымъ республиканскимъ большинствомъ (174 противъ 126). Министерство заявило, что оно намѣрено удовлетворить республиканское общество путемъ освѣженія чиновничьяго персонала. Но когда министры представили къ подписи указы о смѣщеніи нѣкоторыхъ чиновниковъ, Макъ-Магонъ отказался подписать; министерство заявило о своей отставкѣ, Макъ-Магонъ не принялъ ея (28 января 1879) и 30 января самъ вышелъ въ отставку. Республиканская партія заранѣе столковалась о кандидатѣ. Жюль Греви былъ безъ соперниковъ избранъ президентомъ республики. Теперь республиканцы сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ три органа власти, и лѣвый центръ, лишившись поддержки президента, ушелъ отъ кормила правленія—и навсегда.

III.—Правленіе республиканской партіи.

Вступленіе во власть лѣвой. — Греви обратилъ на себя вниманіе въ 1848 году предложеніемъ законодательной поправки объ упраздненіи президентства въ республикѣ. Ставъ президентомъ, онъ воздерживался отъ всякаго личнаго вмѣшательства въ дѣла и создалъ традицію строжайшаго нейтралитета, которая совершенно лишила президентство монархическаго характера.

Вступившая во власть республиканская партія состояла изъ нѣсколькихъ группъ *лѣваго центра, республиканской лѣвой* и *республиканскаго союза*, группы Гамбетты. Въ составъ министерства 4 февраля 1879 (Ваддингтона) вошли три министра изъ лѣваго центра, сохранившіе свои портфели, и нѣсколько членовъ республиканской лѣвой. Гамбетта, выступившій уже въ качествѣ главы республиканской партіи, былъ избранъ президентомъ палаты.

Министерство Ваддингтона провело частичную амнистію для осужденныхъ по дѣлу Коммуны и частичный пересмотръ конституціи, давшій возможность перевести правительство и палаты въ Парижъ (іюнь 1879). Оно представило планъ сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ (планъ Фрейсинэ). Его главнымъ дѣйствіемъ была подготовка реформы обученія, которую оно провело черезъ сенатъ лишь частично. Республиканское большинство палаты ставило въ упрекъ кабинету, что онъ противится амнистіи, свободѣ печати и избранію мэровъ. Своими вотумами или воздержаніемъ оно нѣсколько разъ обнаружило свое недовольство, и кабинетъ подалъ въ отставку (21 декабря 1879).

Въ министерствѣ Фрейсинэ, составленномъ 28 декабря, не осталось уже ни одного человѣка изъ лѣваго центра: въ него вошли исключительно члены республиканской лѣвой. Оно приняло амнистію, которую сенатъ сначала отвергъ, а затѣмъ вотировалъ; оно учредило національное празднество 14 іюля, символъ окончательнаго установленія республики.

Этотъ кабинетъ открылъ борьбу съ сенатомъ по вопросу о реформѣ обученія. Министру народнаго просвѣщенія Жюлю Ферри удалось провести законъ, безусловно устранявшій представителей духовенства изъ главнаго совѣта по дѣламъ народнаго образованія. Законъ о высшемъ образованіи, предоставлявшій государственнымъ факультетамъ исключительное право давать ученыя степени, былъ вотированъ въ 1879 г. палатою со включеніемъ 7-го параграфа, редактированнаго такъ: „Никто не вправѣ руководить общественнымъ или частнымъ учебнымъ заведеніемъ, высшимъ, среднимъ или низшимъ, ни преподавать, если онъ принадлежитъ къ неузаконенной конгрегаціи“. Эта мѣра была направлена противъ іезуитскихъ средне-учебныхъ заведеній. Сенатъ принялъ всю остальную часть закона, а лѣвый центръ 148 голосами противъ 129 отвергъ § 7 (9 марта 1880).

Палата приняла законъ въ этомъ урѣзанномъ видѣ, но порядкомъ дня, вотированнымъ 324 голосами противъ 155, предложила правительству „примѣнять законы касательно неузаконенныхъ сообществъ". Декретами отъ 29 марта правительство, возстановляя въ силѣ старые законы, вышедшіе изъ употребленія, приказывало іезуитамъ закрыть ихъ учебныя заведенія и предоставило остальнымъ конгрегаціямъ трехмѣсячный срокъ для того, чтобы испросить разрѣшеніе. Такъ какъ іезуиты по истеченіи этого срока (30 іюня) отказались закрыть свои школы, то администрація приказала ихъ удалить. Во время вакацій часть кабинета сдѣлала попытку тайно столковаться съ папою, чтобы добыть отъ прочихъ конгрегацій заявленіе объ ихъ покорности правительству. Эти переговоры не удались, но результатомъ ихъ былъ конфликтъ внутри министерства (18 сентября). Фрейсинэ подалъ въ отставку, и его мѣсто занялъ Жюль Ферри. Конгрегаціи отказались разойтись и были разогнаны силою. Впрочемъ, онѣ скоро возродились, и число ихъ питомцевъ даже возросло, по мѣрѣ того какъ республиканская буржуазія усваивала привычки консервативнаго дворянства.

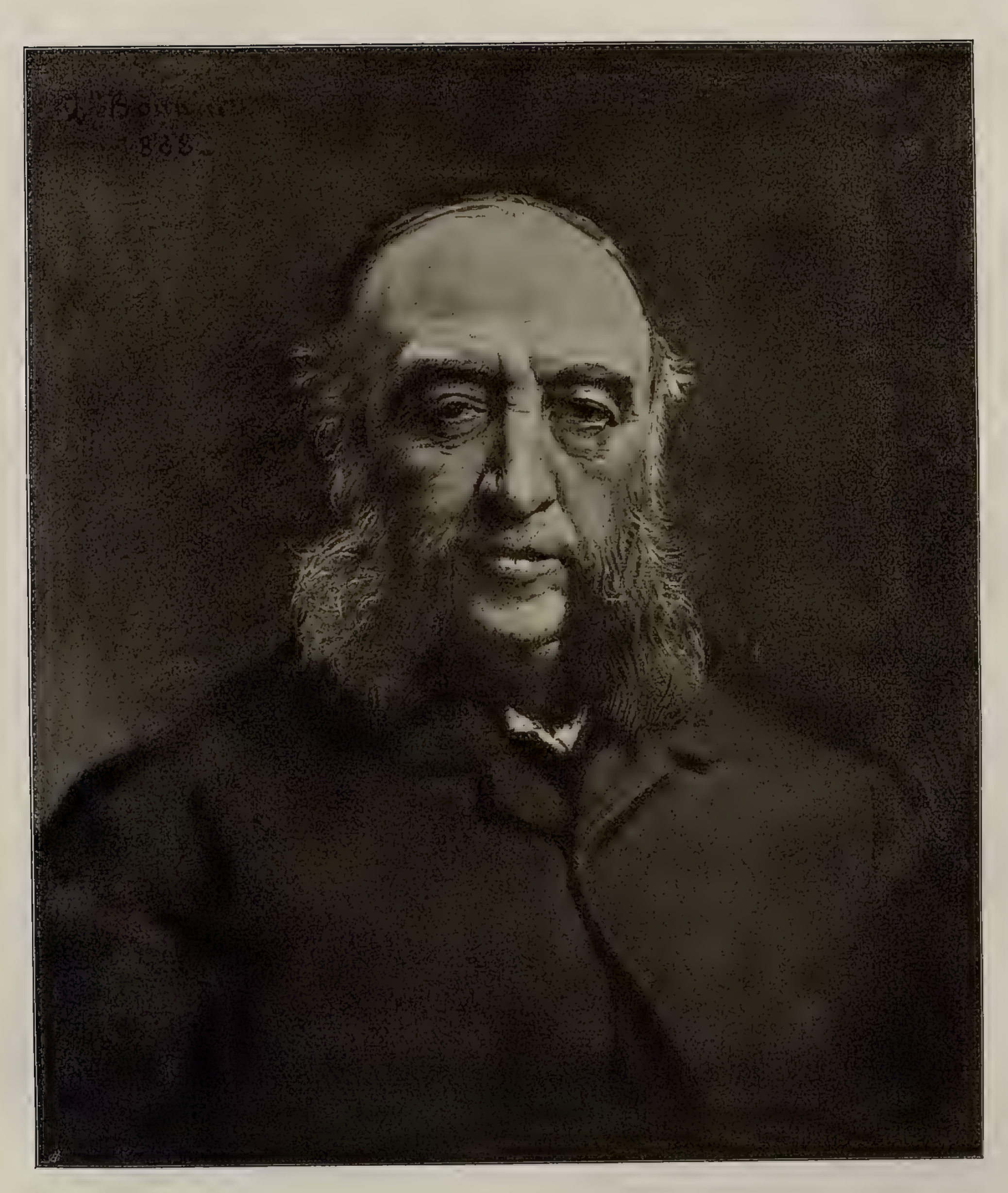
Министерство Ферри (23 сентября), составленное почти изъ тѣхъ же министровъ, главное свое вниманіе обратило на реформу образованія. Оно организовало среднее свѣтское женское образованіе (декабрь 1880) и безплатное низшее (іюнь 1881).

Оно провело законы о тѣхъ двухъ свободахъ, которыхъ требовала республиканская партія. Законъ о правѣ собраній (іюнь 1881) признавалъ за каждымъ гражданиномъ право созывать публичную сходку безъ особаго разрѣшенія; клубы были по прежнему запрещены. Законъ о печати (29 іюля) предоставлялъ всякому издавать газету безъ разрѣшенія и залога, на основаніи простого заявленія, и освободилъ отъ всякой регламентаціи дѣло продажи и разсылки газетъ. Процессы по дѣламъ печати подлежали отнынѣ исключительно вѣдѣнію суда присяжныхъ, исключая диффамацій противъ частныхъ лицъ; нападки на должностныхъ лицъ также подлежали суду присяжныхъ, причемъ разрѣшалось представлять доказательства.

Полномочія палаты, выбранной въ 1877 году, кончались въ 1881-мъ; Гамбетта хотѣлъ предварительно измѣнить способъ избранія. Республиканская партія съ 1848 г. поддерживала систему голосованія цѣлаго списка противъ одноименнаго голосованія, установленнаго въ 1852 г. Наполеономъ и въ 1875 г. правою. За теоретическими основаніями, которыя выставляли та и другая сторона, скрывались настоящіе личные мотивы: система голосованія цѣлаго списка требуетъ отъ кандидатовъ меньшихъ затратъ и усилій, такъ какъ издержки и тяготы избирательной кампаніи дѣлятся между нѣсколькими лицами; а одноименное голосованіе даетъ депутату прошлаго призыва больше шансовъ быть переизбраннымъ въ своемъ округѣ. Гамбетта разсчитывалъ, что система голосованія по общему списку позволитъ ему провести въ палату его личныхъ сторонниковъ, такъ какъ ихъ „протащило бы на буксирѣ" его собственное имя; Греви предпочиталъ одноименное голосованіе.

Законопроектъ о введеніи голосованія по списку былъ при поддержкѣ Гамбетты принятъ палатою (май 1881), но отвергнутъ сенатомъ 148 голосами противъ 114.

Выборы, назначенные неожиданно уже на 21 іюня, прошли въ полномъ спокойствіи. Дезорганизованныя консервативныя партіи и не пытались бороться. Въ новой палатѣ оказалось лишь 90 консерваторовъ при 467 республиканцахъ. Но республиканцы дѣлились на сторонниковъ и противниковъ Гамбетты; 206 принадлежали къ республиканскому союзу, 168—



Л. Бонна.

Жюль Ферри.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

къ республиканской лѣвой, 40—къ лѣвому центру. Новая крайняя лѣвая (изъ 46 членовъ) выставила старую радикальную програму, оставленную Гамбеттой, т.-е. требовала отдѣленія церкви отъ государства, упраздненія сената и прогрессивнаго подоходнаго налога.

„Великое министерство“.—Министерство Ферри заявляло, что съ открытіемъ палатъ оно удалится, и общество ждало, что въ новый кабинетъ войдутъ главари обѣихъ республиканскихъ группъ, т.-е. союза и лѣвой, которые и проведутъ реформы, требуемыя партіей; этотъ кабинетъ заранѣе называли „великимъ министерствомъ“. Но Гамбетта, которому поручено было сформировать министерство, рѣшился, въ виду отказа Леона Сэ и Фрейсинэ, составить его цѣликомъ изъ членовъ своей собственной группы—республиканскаго союза.

Великое министерство (какъ его называли въ насмѣшку) было съ самаго начала холодно принято остальными республиканскими группами палаты, которыя тревожило личное верховенство Гамбетты. Онъ вскорѣ оттолкнулъ отъ себя большинство республиканскихъ депутатовъ (4 ноября), выразивъ твердое намѣреніе вернуть администраціи полноту власти; это значило практически, что префекты и су-префекты будутъ состоять отнынѣ не подъ контролемъ депутатовъ департамента, а въ прямой зависимости отъ министерства и его сторонниковъ, и что представленія депутатовъ министрамъ должны будутъ идти чрезъ префектовъ.

Рѣшительный конфликтъ разыгрался по вопросу о пересмотрѣ конституціи. Такъ какъ сенатскіе выборы въ январѣ 1882 года дали 66 республиканцевъ и 13 консерваторовъ, то въ сенатѣ образовалось достаточное большинство для проведенія частичнаго пересмотра. Правительство и внесло соотвѣтственное предложеніе, но Гамбетта хотѣлъ также, чтобы въ конституцію былъ внесенъ пунктъ о томъ, что палата избирается баллотировкою цѣлаго списка; республиканское большинство хотя и сочувствовало этой системѣ, но отказалось внести ее въ органическій законъ. Комиссія изъ 33 членовъ, избранная палатою, высказалась противъ проекта, и палата его отвергла. „Великое министерство“ вышло въ отставку (30 января 1882). Гамбетта болѣе не вернулся къ власти и умеръ 31 декабря.

Расколъ въ республиканской партіи.—Паденіе министерства Гамбетты было вмѣстѣ и пораженіемъ республиканскаго союза; министерство Фрейсинэ (30 января) цѣликомъ составилось изъ членовъ республиканской лѣвой и было поддерживаемо радикальной лѣвой. Оно провело муниципальный законъ 1882 года, предоставившій избраніе мэра муниципальному совѣту во всѣхъ коммунахъ и упразднившій разрядъ крупнѣйшихъ плательщиковъ. Фрейсинэ же наконецъ провелъ черезъ сенатъ, обновленный выборами, законъ, который организовалъ безплатное обязательное свѣтское низшее образованіе. Проектъ о реформѣ суда не прошелъ, но палата въ принципѣ установила выборность судей.

Съ тѣхъ поръ какъ произошелъ расколъ между республиканскимъ союзомъ и лѣвою, въ палатѣ не было прочнаго большинства, и участь кабинета зависѣла отъ случайнаго хода засѣданій. Паденіе министерства Фрейсинэ было вызвано возстаніемъ въ Египтѣ (29 іюля). Министерство Дюклеркъ—Фальера (7 августа), также набранное изъ республиканской лѣвой, но со включеніемъ нѣсколькихъ членовъ союза, продержалось до февраля 1883 года, частью благодаря каникуламъ, частью благодаря терпимости лѣвыхъ группъ. Когда принцъ Наполеонъ, ставшій въ 1879 г., послѣ смерти наслѣднаго принца, претендентомъ имперіалистовъ, обнародовалъ манифестъ, направленный противъ республиканскаго правительства, палата не сумѣла столковаться съ сена-

томъ относительно текста закона противъ претендентовъ, и министерство вышло въ отставку.

Послѣ этого былъ образованъ кабинетъ Ферри (21 февраля 1883), набранный изъ обѣихъ главныхъ группъ—лѣвой и союза; онъ создалъ въ палатѣ сплоченное большинство и держался больше двухъ лѣтъ. При этомъ министерствѣ произошелъ расколъ между главной массой республиканской партіи и крайней лѣвой. Вступая во власть, республиканская партія отреклась отъ программы 1869 года, какъ отъ утопіи; она требовала только завершенія школьной реформы, реформы военной повинности, свободы синдикатовъ и пересмотра конституціи, „умѣреннаго, частичнаго и благовременнаго“ (слова, сказанныя Жюлемъ Ферри въ 1881 году). Партія называла себя правительственно-республиканской, а противники называли ее оппортунистической.

Оппозиціонная республиканская партія сохранила свое старое имя *радикальной* и прежнюю программу: подоходный налогъ и отдѣленіе церкви отъ государства; кромѣ того, она требовала коренного пересмотра конституціи, съ цѣлью лишить сенатъ права задерживать реформы, вотированныя палатой. Разногласіе между обѣими программами осложнялось соперничествомъ между двумя группами лицъ. Сторонники Гамбетты и Ферри сохраняли за собою всѣ выгоды власти, радикаламъ былъ прегражденъ доступъ къ ней.

Сначала борьба шла скрытно. Большинство отвергло планъ выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ и утвердило сдѣлки, заключенныя министерствомъ въ 1883 году,—сдѣлки, въ силу которыхъ крупныя компаніи остались хозяевами желѣзнодорожныхъ линій. Реформа суда была замѣнена частичной мѣрою—временной отмѣной несмѣняемости, давшей возможность правительству удалить въ отставку наиболѣе враждебныхъ республикѣ судей (ноябрь 1883). Радикалы оспаривали обѣ эти мѣры; зато они совмѣстно съ большинствомъ вотировали законъ о публичности засѣданій муниципальныхъ совѣтовъ (1884), законъ 1884 года, который вновь узаконилъ во Франціи разводъ, отмѣненный въ 1815 г., и законъ, разрѣшавшій образованіе профессіональныхъ синдикатовъ; было вотировано также уравненіе въ дѣлѣ военной повинности, отвергнутое сенатомъ.

Конфликтъ между радикальной лѣвой и правительствомъ обострился по вопросамъ о пересмотрѣ конституціи, о колоніальной политикѣ [1]) и финансовой политикѣ. Министерство провело въ обѣихъ палатахъ принципіальное рѣшеніе о пересмотрѣ, но обѣщало сенату ограничить его небольшой реформой избирательной системы. Радикалы утверждали, что разъ конгрессъ созванъ, онъ пріобрѣтаетъ полновластіе и вправѣ произвести неограниченный пересмотръ. Конгрессъ 509 голосами противъ 172 произвелъ т. наз. августовскій пересмотръ 1884 года, ограничившійся исключеніемъ изъ конституціи всѣхъ статей о сенатскихъ выборахъ. Вслѣдъ затѣмъ особымъ закономъ былъ установленъ новый способъ пополненія сената; онъ предоставилъ департаментамъ всѣ 75 мѣстъ несмѣняемыхъ сенаторовъ, по мѣрѣ того какъ они становятся вакантными, и удѣлилъ муниципальнымъ совѣтамъ извѣстное число сенатскихъ мандатовъ, колебавшееся соотвѣтственно числу совѣтниковъ, чѣмъ ослаблялась, хотя и въ незначительной степени, привилегія мелкихъ коммунъ.

Въ финансовой области республиканская партія съ 1879 года оставила систему бережливости въ расходахъ и погашенія долговъ, введенную Національнымъ собраніемъ 1871 г., и усвоило принципъ „производительныхъ расходовъ“, необходимыхъ для упроченія демократіи, какъ

[1]) О колоніальной политикѣ см. ниже, глава *Французская колоніальная держава*.

напримѣръ, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и начальныхъ школъ. Издержки на колоніальныя экспедиціи и колоніальную администрацію возрастали ежегодно на нѣсколько сотъ милліоновъ.

Общество привыкло къ тому, что ежегодно оказывался излишекъ доходовъ сверхъ предусмотрѣнныхъ въ бюджетѣ. Но долгій экономическій кризисъ, начавшійся во Франціи послѣ краха *Union générale* въ 1882 г., повлекъ за собой сильное паденіе цѣнностей. Результатомъ былъ хроническій дефицитъ и быстрое возрастаніе государственнаго долга. Правительство временно справлялось съ этими затрудненіями путемъ явныхъ или скрытыхъ займовъ.

Но наиболѣе ожесточенный характеръ носила борьба въ области колоніальной политики. Радикалы даже въ принципѣ возставали противъ колоніальныхъ экспедицій и особенно противъ завоеванія Тонкина. Жюль Ферри отвѣчалъ формулой: „Опасность—слѣва". Масса республиканцевъ распалась на двѣ партіи—умѣренныхъ республиканцевъ (*оппортунистовъ*) и *радикаловъ*.

Депеша изъ Тонкина объ отступленіи отъ Лангсона напугала большинство республиканскихъ депутатовъ. Глава радикальной партіи, Клемансо, бросилъ упрекъ правительству, что оно вовлекло Францію въ войну противъ ея воли; большинствомъ 306 голосовъ (въ томъ числѣ 86 голосовъ правой) противъ 149 (30 марта 1885) министерству было выражено недовѣріе.

Выборы 1885 г.—Министерство Бриссона, съ трудомъ составленное 6 апрѣля частью изъ радикаловъ, частью изъ республиканцевъ, обратилось къ странѣ съ воззваніемъ о „концентраціи республиканскихъ силъ". Оно заключило миръ съ Китаемъ и провело законъ о баллотировкѣ цѣлаго списка.

На выборахъ въ октябрѣ 1885 г. консервативныя партіи почти всюду сошлись на одномъ спискѣ; легитимистская партія, лишившаяся своего претендента благодаря смерти графаШамбора въ 1883 г., почти цѣликомъ вошла въ орлеанистскую партію; роялисты и имперіалисты соединились въ *конституціонную оппозицію*, которая, избѣгая нападать на республику, ратовала во имя католической религіи и консервативныхъ интересовъ противъ школьныхъ законовъ, изгнанія конгрегацій, чрезмѣрныхъ расходовъ и Тонкинской экспедиціи.

Республиканскіе голоса раздѣлились. Почти всюду были выставлены и республиканскій и радикальный списокъ.

При первомъ голосованіи (4 октября) прошло 176 консерваторовъ и 127 республиканцевъ. Это вызвало такое сильное волненіе, что при второмъ голосованіи всѣ республиканцы, подчиняясь „республиканской дисциплинѣ", вотировали за концентраціонный списокъ, куда вошли тѣ республиканскіе кандидаты, которые при первомъ голосованіи получили относительное большинство. Палата составилась изъ 202 консерваторовъ и 382 республиканцевъ. Народъ раздѣлился по районамъ: восточные и южные департаменты прислали въ палату республиканцевъ, западные и сѣверные—консерваторовъ. Республиканцы распадались на двѣ почти равныя партіи (200 умѣренныхъ, 180 радикаловъ), и, значитъ, въ палатѣ не было прочнаго большинства.

Концентраціонныя министерства.—Министерство Бриссона, не пользовавшееся расположеніемъ палаты, которая ставила ему въ упрекъ успѣхъ консерваторовъ, провело кредиты на Тонкинскую экспедицію, наперекоръ правой и радикаламъ, большинствомъ лишь четырехъ голосовъ, благодаря тому, что въ двадцати двухъ случаяхъ выборы кандидатовъ правой были признаны недѣйствительными, вслѣдствіе чего число консерваторовъ упало до 180. Послѣ того, какъ Греви былъ вторично избранъ президентомъ респу-

блики, министерство вышло въ отставку (29 декабря).

Министерство Фрейсинэ (7 января 1886) заявило, что оно будетъ проводить „политику примиренія“ между „всѣми фракціями республиканскаго большинства“, и обѣщало „возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ“. Оно ввело въ составъ чиновничества радикальные элементы и правило опираясь на обѣ республиканскія партіи противъ правой. Генералъ Буланжэ, получивъ портфель военнаго министра благодаря поддержкѣ радикаловъ, стяжалъ популярность въ этой партіи своими заявленіями, направленными противъ тѣхъ офицеровъ, „которые афишировали вражду къ республикѣ“. Единственнымъ дѣйствіемъ этого министерства было проведеніе закона объ изгнаніи претендентовъ (22 іюня) и закона 1886 г., который завершилъ организацію низшаго образованія, устранивъ изъ публичныхъ школъ конгрегаціонистскихъ учителей и учительницъ (27 октября). Оно пало (3 декабря) по поводу поправки въ бюджетѣ объ упраздненіи должности су-префектовъ, принятой 262 голосами противъ 249 и впослѣдствіи отмѣненной палатою.

Министерство Гоблэ (11 декабря), составившееся отчасти изъ членовъ предыдущаго кабинета, слѣдовало той же политикѣ и обѣщало отложить разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, по которымъ между обѣими республиканскими партіями могло бы возникнуть разногласіе. Оно было обезпокоено обостреніемъ отношеній съ германскимъ правительствомъ, которое завершилось инцидентомъ Шнебеле (21 апрѣля 1887). Оно пало (17 мая) по поводу принятаго палатою порядка дня, гдѣ признавались недостаточными „сокращенія, сдѣланныя въ бюджетѣ 1888 г.“. Свергшее его большинство состояло изъ 165 консерваторовъ и 110 республиканцевъ противъ 257 республиканцевъ; большинство желало главнымъ образомъ избавиться отъ Буланжэ.

Составить кабинетъ было предложено Фрейсинэ, но ему не удалось придти къ соглашенію ни съ радикалами, требовавшими программы реформъ, ни съ умѣренными, которые не хотѣли генерала Буланжэ. Послѣ долгихъ переговоровъ образовалось министерство Рувье (30 мая), набранное въ средѣ умѣренно-республиканской партіи. Оно отказалось отъ концентраціи и держалось противоположной тактики: оно столковалось съ правой, которая обѣщала прекратить свою оппозиціонную дѣятельность, оставляя однако за собою право ратовать противъ „анти-религіозныхъ и анти-соціальныхъ мѣръ“, займовъ и налоговъ. Это была „политика успокоенія“; умѣренно-республиканская партія заключила миръ съ духовенствомъ и консерваторами для совмѣстной борьбы противъ радикаловъ.

Президентскій кризисъ. — Министерство успокоенія сбыло съ рукъ генерала Буланжэ, назначивъ его командиромъ армейскаго корпуса въ Клермонѣ; его отъѣздъ послужилъ поводомъ для манифестаціи на Ліонскомъ вокзалѣ (8 іюля 1887), и его сторонники начали ожесточенно нападать на министерство.

На каникулахъ помощникъ начальника штаба при военномъ министерствѣ былъ арестованъ и смѣщенъ за продажу орденовъ Почетнаго легіона; въ его лицѣ правительство хотѣло поразить одного изъ помощниковъ Буланжэ. Но судебное слѣдствіе обнаружило, что въ аналогичныхъ дѣлахъ замѣшанъ зять президента республики, Вильсонъ.

По возобновленіи засѣданій палата 338 голосами противъ 130 постановила произвести парламентское слѣдствіе „по дѣлу торговли общественными должностями и знаками отличія“. Слѣдствіе раскрыло вину Вильсона. Радикалы заявили намѣреніе внести интерпелляцію о положеніи дѣла; министерство потребовало отсрочки запроса, а когда отсрочка была отвергнута 317 голосами противъ 238, оно вы-

шло въ отставку (19 ноября). Вотумъ палаты былъ направленъ преимущественно противъ Греви, который все еще поддерживалъ своего зятя.

Греви пытался сформировать новое министерство, но всѣ политическіе дѣятели заявили ему, что никакое министерство невозможно, пока онъ остается президентомъ республики. Греви колебался до 30 ноября. Еще 26-го онъ заявилъ о своемъ рѣшеніи подать въ отставку. Но радикалы изъ крайней лѣвой, желая во что бы то ни стало предотвратить избраніе Ж. Ферри, вошли въ соглашеніе съ Буланжэ, тайно прибывшимъ въ Парижъ, и уговаривали Греви остаться, обѣщая составить ему министерство. Секретные переговоры шли въ теченіе двухъ „историческихъ ночей" (28—30 ноября). Въ ночь 28-го посылали делегатовъ къ Флокэ и Фрейсинэ съ предложеніемъ взять на себя составленіе министерства, въ которое долженъ войти Буланжэ, но оба отказались. Въ ночь 29-го на совѣщаніи, гдѣ присутствовалъ и Буланжэ, былъ предложенъ въ президенты совѣта Клемансо, который отказался, затѣмъ Андріе, который согласился, но подъ условіемъ, что Буланжэ не войдетъ въ министерство. Такимъ образомъ соглашеніе не состоялось.

Толпа, нетерпѣливо ждавшая извѣщенія объ отставкѣ Греви, двинулась къ палатѣ депутатовъ. Палата, чтобы произвести давленіе на Греви, прервала свое засѣданіе до 6 ч. вечера „въ ожиданіи обѣщаннаго сообщенія". Въ виду такого единодушнаго настоянія Греви наконецъ уступилъ и объявилъ, что готовитъ извѣщеніе о своей отставкѣ (1 декабря), которое и было прочитано въ палатѣ 2 декабря.

Умѣренно-республиканская партія желала провести въ президенты Ж. Ферри, который имѣлъ за себя крупное большинство въ сенатѣ. Но Ферри былъ непопуляренъ въ Парижѣ еще со времени осады 1870 года; парижскій муниципальный совѣтъ заявилъ, что не отвѣчаетъ за сохраненіе порядка въ случаѣ его избранія. Республиканское большинство, боясь конфликта, колебалось, но въ концѣ-концовъ приняло кандидатуру умѣреннаго республиканца Карно, предложенную радикалами съ цѣлью устранить Ферри. На первомъ голосованіи Карно получилъ 303 шара, Ж. Ферри—212, Фрейсинэ—76; правая, не желая голосовать за автора § 7-го, вотировала за генерала Соссье. При второмъ голосованіи Карно былъ избранъ 616 голосами (3 декабря).

Буланжистскій кризисъ. — Карно снова выдвинулъ систему республиканской концентраціи. Его другъ Тираръ, приглашенный составить министерство, сформировалъ его изъ членовъ всѣхъ партій и въ основу своей программы положилъ „солидарность и республиканское единомысліе" (13 декабря). Но вокругъ генерала Буланжэ сгруппировалась роялистско-оппозиціонная партія. На дополнительныхъ выборахъ особый комитетъ провелъ его избраніе въ четырехъ департаментахъ. Министерство, узнавъ, что генералъ тайно пріѣзжалъ въ Парижъ для совѣщаній со своими сторонниками, смѣстило его. Образовался *Комитетъ національнаго протеста*, руководимый нѣсколькими радикальными депутатами. Министерство уволило Буланжэ изъ арміи.

Ставъ теперь избираемымъ, Буланжэ принялъ за правило выставлять свою кандидатуру на каждыхъ дополнительныхъ выборахъ въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ соединенная оппозиція лѣвой и правой была достаточно сильна, чтобы провести его. Свою программу онъ резюмировалъ въ трехъ словахъ: „Распущеніе, Пересмотръ, Конституанта". Эта программа сводилась къ тому, чтобы низвергнуть парламентскій строй и чрезъ посредство нарочито избраннаго учредительнаго собранія установить режимъ, сходный съ конституціей 1848 года: одна палата и

президентъ, прямо избираемый всеобщимъ голосованіемъ и независимый отъ палаты, т.-е. полновластный господинъ арміи и бюрократіи.

Радикальная партія высказалась противъ Буланжэ, не отказываясь однако отъ пересмотра. Министерство, выступивъ противъ пересмотра, было оставлено въ меньшинствѣ 268 голосами противъ 237; его смѣнилъ (4 апрѣля 1888) кабинетъ Флокэ, гдѣ преобладали радикалы.

Теперь роялистская партія открыто выступила на арену борьбы. Графъ Парижскій издалъ манифестъ, требовавшій распущенія палаты и пересмотра конституціи съ цѣлью установленія путемъ всеобщей подачи голосовъ демократической монархіи, основанной на аппеляціи къ народу.

Лицомъ къ лицу съ республиканской партіей остались теперь однѣ только плебисцитарныя партіи: имперіалисты, роялисты и ревизіонисты. Монархическія группы палаты образовали общій кабинетъ, который долженъ былъ агитировать за распущеніе палаты. Партія Буланжэ, принявшая названіе *національной* или *ревизіонистской*, обратилась ко всѣмъ французамъ, въ томъ числѣ и къ консерваторамъ, съ призывомъ основать „открытую республику". Монархическія партіи усвоили тактику „параллельной дѣятельности" съ ревизіонистской партіей: они вотировали за Буланжэ, который долженъ былъ „пробить стѣну".

Буланжэ, избранный депутатомъ, потребовалъ въ палатѣ неотложности для вопроса о пересмотрѣ конституціи; его предложеніе было отвергнуто 377 голосами противъ 186 (4 іюня). Затѣмъ онъ потребовалъ распущенія. Наконецъ, оставивъ мысль о вліяніи на палату, онъ постарался подготовить общественное мнѣніе къ общимъ выборамъ 1889 года, сдѣлавъ свое имя какъ бы предметомъ плебисцита на дополнительныхъ выборахъ. Въ республиканскихъ департаментахъ восточной и южной Франціи онъ не имѣлъ никакого успѣха; зато въ консервативныхъ и неопредѣленныхъ департаментахъ онъ былъ выбранъ всюду крупнымъ большинствомъ. Кампанія велась со всѣми пріемами торгашеской рекламы: всюду расклеивались афиши, раздавались портреты и біографіи генерала Буланжэ, устраивались наемными агентами манифестаціи. Позднѣе обнаружилось, что деньги на эту агитацію были получены преимущественно отъ роялистовъ, герцогини Юзесъ и графа Парижскаго.

Когда открылась вакансія въ департаментѣ Сены, Буланжэ выставилъ свою кандидатуру. За него были всѣ консервативные и большинство радикальныхъ избирателей, всегда готовыхъ вотировать противъ правительства; онъ былъ избранъ 242.000 голосами противъ 165.000, поданныхъ за кандидата республиканской коалиціи (27 января 1889).

Народъ думалъ, что Буланжэ въ тотъ же вечеръ пойдетъ на Елисейскій дворецъ и силою свергнетъ правительство; полицейскія войска (стражники и республиканская гвардія) не скрывали своихъ симпатій къ будущему диктатору. Но Буланжэ не сдѣлалъ никакой попытки произвести государственный переворотъ: онъ разсчитывалъ на общіе выборы. Между тѣмъ его успѣхъ былъ возможенъ только при системѣ голосованія по общимъ спискамъ, такъ какъ только его имя могло объединить на одномъ и томъ же спискѣ и радикальныхъ, и консервативныхъ избирателей. Обнаруживъ свою мощь, онъ тѣмъ самымъ указалъ своимъ противникамъ на опасность.

Напуганные республиканцы рѣшили пожертвовать системой избранія по спискамъ, и министерство внесло въ палату законопроектъ о возстановленіи поименнаго голосованія. Но въ то же время оно тотчасъ по возобновленіи засѣданій внесло проектъ пересмотра конституціи. Теперь вопросъ былъ въ томъ, который изъ

Генералъ Буланже.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

двухъ проектовъ будетъ разсматриваться первымъ. Отъ этого зависѣлъ исходъ кризиса, такъ какъ въ случаѣ постановки на первую очередь пересмотра разномысліе между республиканцами навѣрное сдѣлало бы соглашеніе невозможнымъ. Большинствомъ всего нѣсколькихъ голосовъ вопросъ о первенствѣ былъ рѣшенъ въ пользу избирательнаго закона; затѣмъ этотъ законъ былъ принятъ, наперекоръ правой, ревизіонистамъ и нѣсколькимъ радикаламъ, 268 голосами противъ 222 (12 февраля). Въ іюнѣ онъ былъ дополненъ закономъ о воспрещеніи множественныхъ кандидатуръ.

Затѣмъ начались пренія о пересмотрѣ. Министерство Флокэ въ самомъ началѣ, по частному вопросу объ отсрочкѣ, было оставлено въ меньшинствѣ правой, ревизіонистами и умѣренными республиканцами; оно удалилось (15 февраля), и Тираръ образовалъ концентраціонное министерство, въ которомъ преобладали умѣренные республиканцы.

Это министерство избавилось отъ Буланжэ, возбудивъ противъ него процессъ передъ сенатомъ, обращеннымъ въ верховный трибуналъ, по обвиненію въ заговорѣ противъ безопасности государства. Буланжэ бѣжалъ изъ Франціи.

Вотированный палатою въ 1884 году военный законъ прошелъ наконецъ и въ сенатѣ съ тѣми крупными поправками, которыя внесла въ него палата (іюль). Этотъ законъ отмѣнилъ смѣшанную систему 1872 года, добровольчество, изъятіе въ пользу духовныхъ и преподавателей, раздѣленіе призыва на двѣ части; онъ ввелъ трехлѣтнюю воинскую повинность для всѣхъ, исключая кончившихъ высшія учебныя заведенія, которые служатъ годъ.

Всемірная выставка 1889 года, открытая 5 мая въ память годовщины 1789 г., отвлекла вниманіе общества отъ политики; она оказалась очень блестящей и упрочила положеніе правительства. Монархисты и ревизіонисты попытались воспользоваться выборами въ генеральные совѣты, чтобы подвергнуть плебисциту имя Буланжэ; его кандидатура была выставлена въ 80 нарочито выбранныхъ округахъ, но его избрали только въ 16.

На общихъ выборахъ (22 сентября) борьба шла между республиканской коалиціей, которую тайно поддерживала администрація, и коалиціей враговъ парламентской республики — монархистовъ, католиковъ, ревизіонистовъ,—открыто поддерживаемой духовенствомъ. Ревизіонистскій національный комитетъ составилъ списокъ кандидатовъ, куда вошли частью и монархисты подъ кличкой „примкнувшихъ республиканцевъ“; онъ требовалъ „національной республики“. Духовенство выступало противъ школьныхъ законовъ и военнаго закона, а во многихъ мѣстахъ и противъ самой республики.

Большинство избирателей голосовало за ту партію, которая олицетворяла собой принципъ сохраненія существующихъ учрежденій. Въ составъ новой палаты входили 366 республиканцевъ, 172 консерватора и 38 ревизіонистовъ; но депутатовъ было 282. Ревизіонисты прошли только въ департаментѣ Сены и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ округахъ по всей Франціи. Союзъ монархистовъ съ ревизіонистами распался. Такъ кончился буланжистскій кризисъ. Осталась лишь небольшая группа буланжистскихъ депутатовъ, да и та послѣ неудачи ревизіонистовъ на парижскихъ муниципальныхъ выборахъ въ апрѣлѣ 1890 года (изъ 80 былъ выбранъ только одинъ) и самоубійства генерала Буланжэ (сентябрь 1891) разбрелась по радикальнымъ и соціалистическимъ партіямъ.

Министерства концентраціи (1890—93).— Послѣ выборовъ 1889 года республиканская концентрація остается оффиціальной политикой всѣхъ министерствъ. Но радикальная партія превратилась въ безсильное меньшинство; она сохранила свою программу — пересмотръ конституціи, по-

доходный налогъ и отдѣленіе церкви отъ государства,—потерявъ надежду провести хотя бы малую часть ея. Умѣренно-республиканская партія, усиленная своей побѣдою надъ Буланжэ, располагала въ палатѣ приблизительно 250 членами и крупнымъ большинствомъ въ сенатѣ (въ 1893 г. сенатъ выбралъ президентомъ Ж. Ферри, который однако умеръ почти тотчасъ затѣмъ); она одна составляла министерства и руководила правленіемъ. Исчерпавъ свою программу реформъ, она слѣдовала оборонительной политикѣ, стараясь сохранить школьные законы и законъ о военной повинности наперекоръ католической партіи и дать отдыхъ странѣ, утомленной буланжистскимъ кризисомъ.

Палата даже не пыталась аннулировать выборы, произведенные подъ давленіемъ духовенства; она признала недѣйствительными только выборы буланжистовъ, которые, впрочемъ, были снова избраны. По этому поводу разыгралось нѣсколько бурныхъ сценъ; затѣмъ политическая жизнь свелась къ личнымъ столкновеніямъ и незначительнымъ инцидентамъ, каковы были осужденіе герцога Орлеанскаго, манифестація 1 мая, манифестъ графа Парижскаго (1890), дѣло Фурми, дѣло архіепископа Э (1891).

Министерство Тирара пало по вопросу о торговомъ договорѣ съ Турціей (мартъ 1890). Министерство Фрейсинэ, заявившее, что оно будетъ опираться на всѣ фракціи республиканской партіи, вышло въ отставку изъ-за интерпелляціи насчетъ закона объ ассоціаціяхъ (20 февраля 1892). Но оно возродилось въ томъ же составѣ, исключая Констана, подъ предсѣдательствомъ Лубэ (27 февраля 1892). Общество приписало этотъ кризисъ личному вліянію президента Карно, который былъ недоволенъ вліяніемъ Констана на дѣла правленія. Министерство Лубэ, оставшееся въ меньшинствѣ по вопросу о Дагомейской экспедиціи, подало въ отставку (11 іюля), но затѣмъ взяло ее назадъ, ограничившись замѣною морского министра Кавеньяка, противъ котораго единственно и былъ направленъ вотумъ палаты.

Единственнымъ крупнымъ дѣйствіемъ палаты, выбранной въ 1889 г., было вотированіе таможенныхъ тарифовъ 1892 г. Система торговыхъ договоровъ, усвоенная Наполеономъ III съ 1860 г., привела къ установленію между Франціей и всѣми большими державами таможенныхъ пошлинъ, фиксированныхъ договорами на опредѣленный срокъ, причемъ каждое государство понижало свои ставки на извѣстные товары и взамѣнъ выговаривало уменьшеніе пошлины на тѣ товары, которые оно особенно стремилось вывозить. Это былъ путь къ постепенному достиженію свободы обмѣна. Но въ 1871 г. Бисмаркъ, съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ для Франціи разрывъ торговыхъ сношеній съ Германіей, заставилъ ее принять статью, въ силу которой обѣ державы обязались примѣнять другъ къ другу тотъ тарифъ, какой каждая изъ нихъ предоставляла наиболѣе благопріятствуемой націи. Французскіе промышленники жаловались на нѣмецкую конкурренцію и называли Франкфуртскій договоръ „промышленнымъ Седаномъ". Крупные хлопчатобумажные и суконные фабриканты раіона Вогезъ, Сѣверной Франціи и Нижней Сены открыли въ печати протекціонистскую кампанію и, увлекши массу депутатовъ земледѣльческихъ округовъ, требовавшихъ покровительственныхъ пошлинъ на хлѣбъ и скотъ, заставили палату ввести протекціонный режимъ.

Срокъ торговыхъ договоровъ, которыми была связана Франція, истекалъ около 1890 г. Палата отказалась возобновлять ихъ и ввела систему „автономныхъ тарифовъ", оставляющую каждому государству полную свободу по произволу повышать или понижать ставки на любой товаръ и держащую импортеровъ въ постоянной неизвѣстности относительно размѣра пошлинъ, которыя имъ придется уплатить.

Законъ 1892 г., докладчикомъ котораго былъ Мелинъ, установилъ два тарифа: *максимальный*, примѣняемый ко всѣмъ товарамъ, относительно которыхъ страна, ихъ производящая, не вошла въ особое соглашеніе съ Франціей, и *минимальный*, примѣняемый къ извѣстнымъ товарамъ на основаніи спеціальнаго соглашенія съ производящей страной. Результатомъ этой системы была тарифная война съ нѣсколькими иностранными государствами, въ виду которой пришлось предоставить минимальный тарифъ большей части великихъ державъ.

Образованіе новыхъ партій (1892—93).— Послѣ того какъ консервативная партія рѣшила отказаться отъ открытой борьбы, чисто-католическая фракція партіи перемѣнила тактику. Она оффиціально признала республику съ цѣлью войти въ составъ правительства и навязать ему политику, благопріятную интересамъ духовенства. Эту эволюцію поощрялъ Левъ XIII, который такъ формулировалъ свою политику (въ одной частной бесѣдѣ): „принять конституцію, дабы измѣнить законодательство",—другими словами, чтобы добиться отмѣны школьныхъ законовъ и закона о военной службѣ.

Католики-роялисты протестовали противъ этого вмѣшательства папы во внутреннюю политику, и Левъ XIII открыто выступилъ противъ нихъ. Энциклика 16 февраля ко французскому духовенству и всѣмъ католикамъ Франціи предписывала имъ признать республику. Она была подтверждена письмомъ къ французскимъ кардиналамъ (6 мая), гдѣ осуждались тѣ консерваторы, которые необходимое единство всѣхъ католиковъ приносятъ въ жертву своимъ личнымъ идеямъ или политическимъ партійнымъ интересамъ, и наконецъ формальнымъ приказаніемъ подчиниться (14 іюня). По приказанію Льва XIII группа католиковъ, отдѣлившись отъ правой, образовала конституціонную партію, называемую также партіей *присоединившихся* (3 марта 1892).

Въ то же время подверглись перетасовкѣ и соціалистическія партіи. Съ возвращеніемъ въ 1880 г. амнистированныхъ коммунаровъ соціалисты пріобрѣли штабъ руководителей, а свобода печати, собраній и союзовъ (съ 1884 г.) дала имъ средства привлекать сторонниковъ путемъ пропаганды.

Бывшая партія Бланки преобразилась, особенно въ Парижѣ и средней Франціи, въ *революціонно-соціалистическую партію,* которая ставила себѣ цѣлью произвести революцію чрезъ посредство пролетаріата. Въ крупныхъ городахъ и въ промышленныхъ и горныхъ округахъ сѣверной и средней Франціи образовалась соціалистическая партія, состоявшая почти исключительно изъ рабочихъ; она усвоила программу и организацію нѣмецкой партіи и приняла имя *французской рабочей соціалистической партіи.* Въ 1882 г., послѣ столкновенія по вопросу о тактикѣ, осложненнаго личнымъ соперничествомъ, она раскололась на двѣ враждебныя группы. Одна, руководимая Гэдомъ, сохранила старое имя, нѣмецкую коллективистическую программу, централизованное руководство въ видѣ совѣта изъ пяти членовъ и тактику воздержанія отъ парламентской дѣятельности. Другая, руководимая Бруссомъ, т. наз. *союзъ французскихъ рабочихъ-соціалистовъ,* выражала намѣреніе „дробить свою цѣль на части до тѣхъ поръ, пока она станетъ осуществимой"; она допускала совмѣстную дѣятельность съ политическими партіями въ интересахъ достиженія соціальныхъ реформъ и организовалась на федеративныхъ началахъ, такъ что каждая областная группа располагала полной автономіей. Противники называли членовъ этой группы *поссибилистами.* Въ буланжистскомъ кризисѣ одни только поссибилисты поддерживали правительство, тогда какъ остальныя группы держались въ сторонѣ. Въ 1890 г.

эта партія распалась на двѣ фракціи по поводу одного организаціоннаго вопроса; главная часть партіи во главѣ съ Бруссомъ (*бруссисты*) сохранила названіе и тактику Союза. Отъ нея, подъ руководствомъ Аллемана, отдѣлилась революціонно-соціалистическая рабочая партія, которая, отвергая совмѣстную дѣятельность съ буржуазными партіями, требовала подчиненія центральному органу партіи; ея излюбленнымъ орудіемъ сдѣлалась всеобщая стачка. Эти четыре партіи, представлявшія собой осколки и постоянно враждовавшія другъ съ другомъ, оказывали вліяніе только на муниципальные выборы въ Парижѣ.

Въ 1892 г. стачка въ Кармо, поддержанная избранникомъ мѣстныхъ рабочихъ-соціалистовъ, Жоресомъ, который вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность какъ ораторъ, послужила поводомъ къ сближенію соціалистическихъ фракцій. Въ 1893 г. всѣ соціалистическія фракціи, соединившись въ виду избирательной кампаніи, образовали „Революціонную лигу для установленія соціальной республики".

Панамскій кризисъ и выборы 1893 г.— Тотчасъ по открытіи сессіи палаты въ октябрѣ (1892 г.) вспыхнулъ панамскій скандалъ, подготовленный консервативной партіей съ цѣлью повліять на выборы 1893 г. Послѣ прекращенія платежей Обществомъ для прорытія Панамскаго канала (1888 г.) слѣдственная комиссія, работавшая крайне медленно, выяснила, что дирекція растратила большія суммы и подкупала газеты, грозившія освѣдомить публику о печальномъ положеніи предпріятія. Нѣсколько депутатовъ оказались скомпрометтированными—одни тѣмъ, что попользовались при выпускѣ облигацій, другіе тѣмъ, что помогли компаніи получить отъ палаты въ 1888 году разрѣшеніе на выпускъ лотерейныхъ билетовъ (хотя лотереи безусловно запрещены во Франціи гражданскимъ уложеніемъ).

Одинъ изъ организаторовъ подкупной рекламы, баронъ Рейнакъ, умеръ внезапно въ тотъ самый моментъ, когда его должны были арестовать (21 ноября). Оппозиція потребовала разслѣдованія. Палата выбрала комиссію, которая потребовала ареста бумагъ Рейнака и осмотра трупа. Министерство отвѣчало, что комиссія превышаетъ свои полномочія; простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ былъ отвергнутъ (304 голосами противъ 219) коалиціей правой и радикаловъ. Министерство подало въ отставку и снова вернулось къ власти, за исключеніемъ двухъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ умѣреннаго республиканца Рибо (6 декабря). Но консервативныя и радикальныя газеты не прекращали разоблаченій; министръ финансовъ Рувье, обвиненный въ сношеніяхъ съ Рейнакомъ, вышелъ въ отставку (13 декабря).

По распоряженію министерства были арестованы сначала два администратора панамскаго общества и одинъ бывшій депутатъ, обвиненный въ томъ, что въ 1888 г., будучи подкупленъ, онъ представилъ благопріятный докладъ насчетъ выпуска лотерейныхъ билетовъ; затѣмъ были преданы суду нѣсколько депутатовъ и сенаторовъ (декабрь 1892). Всѣ обвиняемые были оправданы судомъ присяжныхъ, исключая бывшаго министра Байо, который признался, что получилъ 300.000 франковъ.

Сначала скандалъ коснулся видныхъ членовъ умѣренно-республиканской партіи, но затѣмъ въ него запутали и военнаго министра Фрейсинэ за его отношенія къ Корнелію Герцу; въ виду этого министерство вышло въ отставку, но тутъ же возродилось во главѣ съ тѣмъ же президентомъ (13 января 1893). Затѣмъ разоблаченія коснулись вождей радикальной партіи: открылось, что Клемансо находился въ сношеніяхъ съ Корнеліемъ Герцомъ и что Флокэ въ 1888 г. ходатайствовалъ предъ администраціей панамской компаніи о включеніи радикальныхъ газетъ въ число газетъ, пользующихся подачками компаніи.

Результатомъ этого скандала было устраненіе почти всего стараго руководящаго персонала обѣихъ республиканскихъ партій, на мѣсто котораго выступило новое поколѣніе дѣятелей. Коалиція всѣхъ оппозиціонныхъ группъ оставила министерство въ меньшинствѣ по одному бюджетному вопросу 247 голосами противъ 242; большинство составилось изъ 117 консерваторовъ, 102 радикаловъ и 28 буланжистовъ (30 марта). Новый человѣкъ, Дюпюи, составилъ концентраціонное министерство, въ которомъ преобладали умѣренные (4 апрѣля).

Консервативныя партіи и конституціоналисты разсчитывали на выборахъ 1893 г. извлечь выгоду изъ скандала, жертвою котораго сдѣлались наиболѣе громкія республиканскія имена. Эту иллюзію раздѣляли отчасти и сами республиканцы; Дюпюи, казалось, заигрывалъ съ конституціоналистами. Его политика обратилась противъ соціалистовъ; воспользовавшись одной студенческой демонстраціей, которую агенты полиціи выставили какъ „бунтъ въ Латинскомъ кварталѣ", онъ призвалъ войска въ Парижъ и закрылъ Биржу труда, служившую центромъ для рабочихъ союзовъ (6 іюля). Палата одобрила его образъ дѣйствій большинствомъ 343 голосовъ противъ 149.

Выборы, прошедшіе въ полномъ спокойствіи (20 августа, 3 сентября), обновили половину палаты. Правая сократилась съ 170 членовъ до 93, считая въ томъ числѣ около 30 конституціоналистовъ. Радикальная партія возросла приблизительно до 150 членовъ. Соціалистическая лига, къ которой примкнули избиратели распавшейся ревизіонистской партіи, провела болѣе 50 соціалистовъ. Теперь впервые образовалась соціалистическая партія въ парламентѣ. Въ общемъ всѣ партіи передвинулись влѣво.

Анархистскій кризисъ (1893—94).—Умѣренно республиканская партія все еще оставалась наиболѣе крупной по числу членовъ и продолжала направлять политику. Она провела своего вождя, Казимира Перье, въ президенты палаты 295 голосами противъ 195, поданныхъ за Бриссона, кандидата лѣвой. Министерство Дюпюи, разстроившееся вслѣдствіе выхода въ отставку двухъ его радикальныхъ членовъ, удалилось (25 ноября); его мѣсто занялъ кабинетъ Казимира Перье, состоявшій почти исключительно изъ умѣренныхъ (1 декабря). Онъ возвѣстилъ нѣсколько фискальныхъ реформъ. Дюпюи былъ выбранъ президентомъ палаты.

Въ это время политическая жизнь была внезапно потрясена рядомъ анархистскихъ покушеній противъ общественныхъ властей. Анархисты не составляли политической партіи; они принципіально воздерживались отъ участія въ выборахъ, не имѣли ни организаціи, ни программы, но, перенося тактику русскихъ террористовъ въ свободную страну, старались путемъ взрывовъ заставить общество подумать о недостаткахъ соціальнаго устройства; они называли это: „пропаганда дѣйствіемъ". Этотъ способъ, испробованный въ провинціи въ 1882 г., былъ систематически примѣненъ въ Парижѣ въ 1892-мъ. Но покушеніе Равашоля и послѣдовавшій затѣмъ взрывъ ресторана, въ которомъ былъ арестованъ Равашоль, представляли собою факты, лишенные политическаго значенія. Анархистъ Вальянъ бросилъ бомбу въ залу засѣданій палаты (9 декабря). Палаты тотчасъ вотировали законы противъ анархистскихъ газетъ и союзовъ. Вальянъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ (январь 1894).

Министерство было оставлено въ меньшинствѣ 265 голосами противъ 225 за то, что запретило служащимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ участвовать въ конгрессѣ рабочихъ союзовъ. Дюпюи сформировалъ новое министерство того же оттѣнка (30 мая). Но анархисты продолжали войну. Итальянскій анархистъ Казеріо убилъ въ Ліонѣ президента Карно (24 іюня).

Кандидатъ умѣренной партіи Казимиръ Перье былъ выбранъ президентомъ республики 451 голосомъ противъ 195, поданныхъ за радикальнаго кандидата Бриссона, и 97, поданныхъ за Дюпюи. Министерство Дюпюи внесло проектъ исключительныхъ мѣръ, ставившихъ внѣ закона всякаго заподозрѣннаго въ анархизмѣ. Соціалисты и радикалы возстали противъ этихъ репрессій и требовали, чтобы, по крайней мѣрѣ, былъ ограниченъ ихъ срокъ. Дюпюи отказался и, поставивъ законъ о довѣріи, заставилъ палаты принять его проектъ почти безъ измѣненій.

Конфликтъ по поводу исключительныхъ законовъ разстроилъ республиканскую концентрацію. Къ тому же умѣренные начали требовать „однороднаго министерства", т. е. передачи власти одной какой-нибудь республиканской фракціи, что́ по ихъ мнѣнію болѣе соотвѣтствовало бы требованіямъ парламентскаго строя. Но для того, чтобы составить абсолютное большинство, необходимо было привлечь на соединеніе съ умѣренно-республиканской партіей извѣстную часть правой, а это было возможно только при условіи возвращенія къ „политикѣ успокоенія". Министръ народнаго просвѣщенія Спюллеръ 3 марта 1894 г. намекнулъ на возможность этого сближенія, говоря о „новомъ духѣ", опредѣляющемъ отношенія правительства къ церкви. Избраніе Казимира Перье довершило разрывъ между умѣренными и радикалами. Но между обѣими партіями образовалась неустойчивая масса примѣрно въ сто депутатовъ, всегда готовыхъ вотировать съ министерствомъ во избѣжаніе министерскаго кризиса, но всегда способныхъ вотировать и демократическія мѣры въ угоду своимъ ибирателямъ. Въ то же время соціалисты нападали лично на Казимира Перье, чье имя и богатство являлись символомъ господства буржуазіи. Президентомъ палаты былъ избранъ Бриссонъ 249 голосами противъ 213, поданныхъ за кандидата умѣренныхъ Мелина (декабрь 1894). Когда вслѣдъ затѣмъ министерство распалось изъ-за отклоненія его порядка дня по одному частному вопросу желѣзно-дорожной политики, Казимиръ Перье внезапно подалъ въ отставку по причинамъ не вполнѣ яснымъ до сихъ поръ (15 января 1895).

На конгрессѣ, созванномъ для избранія президента, большинство депутатовъ вотировало за кандидата радикаловъ Бриссона, который при первомъ голосованіи получилъ 344 голоса, тогда какъ за кандидата умѣренныхъ, Вальдека Руссо, было подано 195 голосовъ, а за морского министра Феликса Фора—215. При второмъ голосованіи Феликсъ Форъ, открыто поддерживаемый правою, былъ избранъ 435 голосами противъ 363.

Министерство Рибо (27 января 1895), составленное изъ умѣренныхъ, вернулось къ концентраціи, провело амнистію за политическіе проступки, внесло проектъ фискальной реформы и даже заставило палату принять въ принципѣ прогрессивный налогъ на наслѣдства,

Однородныя министерства (1895—98).— Это министерство пало по поводу одной анкеты, предпринятой палатою (28 октября). Радикалъ Леонъ Буржуа взялся составить концентраціонный кабинетъ, но такъ какъ умѣренные отказались войти въ его министерство, то онъ въ концѣ концовъ образовалъ однородное радикальное министерство (1 ноября 1895). Изъ старой радикальной программы онъ удержалъ только одинъ пунктъ—прогрессивный подоходный налогъ; сюда онъ присоединилъ демократическія экономическія реформы и свободу союзовъ и арестовалъ бѣжавшаго въ Лондонъ Артона, тайнаго агента панамской компаніи.

Между министерствомъ Буржуа и сенатомъ не замедлилъ возникнуть конфликтъ, приведшій къ двумъ вотумамъ недовѣрія въ сенатѣ (21 февраля, 3 апрѣля 1896). Но министерство, поддерживаемое лѣвою, привлекло къ себѣ неустой-

чивую массу депутатовъ центра, желавшихъ прежде всего избѣгнуть министерскаго кризиса, и палата нѣсколько разъ выразила ему довѣріе большинствомъ свыше ста голосовъ.

Этотъ конфликтъ между обѣими палатами содѣйствовалъ окончательному разложенію республиканской партіи. На правомъ флангѣ умѣренные республиканцы въ союзѣ съ консерваторами образовали партію соціально-охранительную, опиравшуюся на буржуазію, духовенство и высшихъ сановниковъ; на лѣвомъ флангѣ радикальные республиканцы въ соединеніи съ соціалистами составили партію соціальной реформы и обратились съ соотвѣтственнымъ воззваніемъ къ рабочимъ, крестьянству и мелкому чиновничеству. Правая партія преобладала на западѣ и юго-западѣ, лѣвая—на востокѣ, юго-востокѣ и въ промышленныхъ центрахъ. Ареною борьбы былъ вопросъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ: соціалисты отстаивали этотъ налогъ, консерваторы отвергали его какъ символъ и начало реформы въ распредѣленіи собственности. Бюджетная комиссія отвергла его, но министерству удалось провести его принципіально въ палатѣ большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ. Чтобы избавиться отъ оппозиціи сената, лѣвая потребовала также пересмотра конституціи съ цѣлью измѣнить способъ избранія въ сенатъ и урѣзать его законодательную власть.

Сенатъ, тайно поддерживаемый президентомъ республики, воспользовался тѣмъ, что министерство не позаботилось до пасхальныхъ вакацій испросить у него кредитъ на содержаніе Мадагаскарскихъ войскъ; возобновивъ свои засѣданія до открытія палаты, онъ отказалъ въ этой ассигновкѣ (21 апрѣля). Министерство Буржуа не пыталось вызвать конфликтъ между сенатомъ и палатою, гдѣ къ тому же оно располагало лишь шаткимъ большинствомъ, и воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы выйти въ отставку.

Министерство Мелина (29 апрѣля)—*однородное* министерство, составленное исключительно изъ умѣренныхъ и поддерживаемое консерваторами—привлекло къ себѣ бо́льшую часть неустойчиваго центра и составило себѣ въ палатѣ большинство въ 50—80 голосовъ. Его политика сводилась къ сохраненію *statu quo*. Оно устранило проектъ прогрессивнаго обложенія общей совокупности доходовъ и предложило фискальную реформу, установлявшую налогъ по „доходнымъ статьямъ“; но этотъ проектъ былъ отвергнутъ палатой. Оно провело законъ объ университетахъ, законъ объ октруа, законъ о поземельномъ кредитѣ и въ концѣ законодательной сессіи (1898 г).—давно подготовлявшійся законъ объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья рабочихъ. Вниманіе публики было обращено преимущественно на франко-русскій союзъ, на посѣщеніе царемъ Франціи (1896) и французскимъ президентомъ Россіи (1897).

Министерство не сдѣлало никакой законодательной уступки консерваторамъ-католикамъ и не принимало никакихъ мѣръ ни противъ лѣвой, ни даже противъ соціалистовъ. Но его противники слѣва обвиняли его въ томъ, что оно тайно поддерживаетъ въ провинціи консерваторовъ. Этотъ кабинетъ продержался два года и два мѣсяца—дольше, чѣмъ какое бы то ни было французское министерство за все время существованія республики.

Выборы 1898 г. и возвращеніе къ концентраціи.—Палата, выбранная въ 1893 г. на четыре года, продлила свои полномочія на шесть мѣсяцевъ, для того, чтобы впредь сессія каждой новой палаты открывалась до лѣтнихъ вакацій. На выборахъ въ маѣ 1898 г. министерская партія пыталась образовать правительственное большинство изъ умѣренныхъ республиканцевъ и конституціоналистовъ, которое давало бы возможность обходиться безъ поддержки монархической крайней правой; особенно напрягала свои усилія консти-

туціонная католическая партія. Изъ остатковъ буланжистской партіи образовалась „націоналистическая“ партія; въ Алжирѣ и нѣсколькихъ огругахъ Франціи выставили свою кандидатуру антисемиты. Различныя соціалистическія группы дѣйствовали въ общемъ солидарно и при второмъ голосованіи обыкновенно соединялись съ радикалами. Избирательная борьба противъ министерства сосредоточивалась преимущественно вокругъ слѣдующихъ пунктовъ: его союзъ съ правой, прогрессивный подоходный налогъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеніе срока военной службы. Она велась съ небывалымъ оживленіемъ; никогда еще относительное число голосующихъ не было такъ велико: во многихъ мѣстахъ къ урнамъ явилось болѣе $^9/_{10}$ записавшихся.

Министерская партія не только не увеличилась, но уменьшилась; правая не пріобрѣла почти ни одного новаго мѣста. Въ составъ новой палаты вошло около [1]) 100 депутатовъ правой (въ томъ числѣ 40 конституціоналистовъ), 200 радикаловъ или соціалистовъ-радикаловъ (тѣ и другіе дѣйствовали совмѣстно), 50 соціалистовъ и 150 вѣрныхъ сторонниковъ министерства. Остальная масса состояла изъ неустойчиваго центра человѣкъ въ 50 и приблизительно 20 націоналистовъ и республиканцевъ-антисемитовъ. И теперь, какъ въ 1893 г., выборы обнаружили общее передвиженіе влѣво.

Но однороднаго большинства не образовалось; это обнаружилось при выборахъ президента. Умѣренно-республиканская партія, принявшая теперь имя *прогрессивной*, увлекши бóльшую часть неустойчиваго центра и заключивъ союзъ съ правой и антисемитами, провела своего кандидата Дешанеля 282 голосами противъ 278, поданныхъ за Бриссона, выставленнаго коалиціей лѣвыхъ. При первомъ запросѣ о политикѣ министерства прогрессисты, неустойчивый центръ и правая большинствомъ 295 голосовъ противъ 270 приняли порядокъ дня, выражавшій довѣріе правительству. Но лѣвые и центръ 295 голосами противъ 246 вотировали добавленіе, въ которомъ требовали „исключительно республиканскаго большинства“ (14 іюня). На слѣдующій день министерство Мелина подало въ отставку.

Вслѣдъ затѣмъ политическая жизнь была потрясена дѣломъ Дрейфуса. Агитація за пересмотръ процесса началась въ ноябрѣ 1897 г.; но министерство Мелина отказалось произвести пересмотръ, а избиратели въ массѣ оказались безучастными къ этому дѣлу (если не считать избранія антисемитовъ въ Алжирѣ). Военный министръ Каваньякъ, вознамѣрившись доказать палатѣ виновность Дрейфуса, представилъ документъ, оказавшійся вскорѣ подложнымъ, и противъ собственной воли принудилъ этимъ министерство высказаться за пересмотръ и передать дѣло въ кассаціонный судъ (сентябрь 1898). По возобновленіи сессіи министерство Бриссона, изъ котораго демонстративно, на засѣданіи палаты, вышелъ военный министръ, было оставлено въ меньшинствѣ прогрессистами, правою и націоналистами (25 октября). Оно было замѣнено кабинетомъ Дюпюи, составленнымъ изъ прогрессистовъ и нѣсколькихъ членовъ предыдущаго министерства. Этотъ кабинетъ выразилъ намѣреніе опираться на союзъ республиканцевъ. Избраніе въ президенты республики (февраль 1899) президента сената Лубэ, кандидата четырехъ группъ парламентской лѣвой и большинства республиканцевъ въ сенатѣ, 483 голосами (противъ 279, поданныхъ за Мелина, который не выставилъ своей кандидатуры), казалось, упрочило политику республиканской концентраціи.

[1]) Точныхъ цифръ невозможно дать, такъ какъ многіе депутаты не записаны ни въ какой группѣ и лишены ясной политической окраски; единственнымъ надежнымъ указаніемъ является баллотировка 14 іюня 1898 г.

Глава II.

Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи.

Съ 1873 г.[1])

Консервативная партія возрождается, въ 1874 г. беретъ въ свои руки власть, и съ тѣхъ поръ консерваторы и либералы чередуются въ обладаніи большинствомъ и министерствомъ. Парламентъ избирается на семь лѣтъ, но обыкновенно распускается до истеченія законнаго срока; выборы производятся почти всегда внезапно, и такъ какъ правительство не располагаетъ никакими средствами давленія, а народъ живо интересуется политикой, то иногда они приводятъ къ неожиданнымъ результатамъ.

Главной ареной борьбы является внѣшняя политика (Дизраэли противъ Гладстона), затѣмъ ирландскій *гомруль* (Салисбюри противъ Гладстона). Послѣ перехода Гладстона на сторону гомруля либеральная партія пришла въ разстройство. Что касается внутреннихъ дѣлъ Великобританіи, то здѣсь консервативную программу можно отличить отъ либеральной лишь по деталямъ осуществленія. Первая, какъ и вторая, стремится закончить преобразованіе, начатое послѣ 1832 г. Избирательную реформу, поставленную на очередь въ 1867 г. Дизраэли, продолжаетъ въ 1885 г. Гладстонъ. Организацію выборнаго мѣстнаго управленія въ Великобританіи, которую началъ Гладстонъ (1870) и продолжалъ Салисбюри (1888), заканчиваютъ въ 1894 г. либералы. Послѣдніе проникнуты радикализмомъ и выдвигаютъ болѣе широкій и раціональный планъ реформъ; консерваторы держатся традиціонныхъ формъ и допускаютъ новшества лишь по немножку, но они—не реакціонеры и никогда не отмѣняютъ нововведенія, сдѣланныя ихъ противниками. Еще и въ эту эпоху консерваторы представляютъ, какъ встарь, Англію и англиканство, либералы и ихъ союзники—преимущественно кельтскія и диссидентскія области, Уэльсъ, Шотландію и Ирландію.

Англійская политическая жизнь носитъ оригинальный колоритъ. Партіи въ округахъ и въ парламентѣ организованы совершенно прочно. У каждой изъ нихъ—свой парламентскій вождь (*лидеръ*), который избирается депутатами и которому поручается составить кабинетъ, когда партія пріобрѣтаетъ большинство; у каждой своя программа, принятая всей партіей и резюмированная въ нѣсколькихъ яркихъ формулахъ. Онѣ пользуются осо-

[1]) См. выше, т. V, гл. X.

быми пріемами для агитаціи, каковы митинги подъ открытымъ небомъ, повозки-трибуны, иллюстрированныя афиши, вопросники, заполняемые кандидатами. Въ общемъ парламентскія пренія и полемика въ печати, исключая борьбы между ирландцами и англичанами, носятъ болѣе благопристойный характеръ, чѣмъ на континентѣ.

I.—Конецъ перваго министерства Гладстона.

Арена оппозиціи.—Почти всѣ реформы кабинета Гладстона встрѣчали сопротивленіе со стороны консерваторовъ. Оппозиція ставила въ упрекъ либераламъ, что они слѣдуютъ политикѣ централизаціи, принудительности (что было справедливо въ отношеніи нѣкоторыхъ проектовъ школьнаго закона, но не въ отношеніи окончательно принятаго билля) и конфискаціи (намекъ на религіозныя и аграрныя мѣропріятія въ Ирландіи). Гладстону удалось сохранить за собою большинство въ теченіе пяти лѣтъ. Только въ 1873 г. онъ впервые потерпѣлъ пораженіе по поводу проекта объ основаніи университета въ Ирландіи, открытаго для всѣхъ исповѣданій. Въ Ирландіи существовало два университета или двѣ группы коллежей: Дублинскій, англиканскій, куда католики не допускались, и „Университетъ королевы" (*Queen's University*), свѣтскій, куда католики сами не шли. Гладстонъ предложилъ основать одинъ университетъ, въ составъ котораго могли бы войти католическіе коллежи. Протестанты возопили что это конфискація, потому что они не хотѣли ничего уступить изъ доходовъ или субсидій, которыми пользовались ихъ коллежи; но и католики не были удовлетворены, такъ какъ они мечтали объ основаніи спеціальнаго университета для нихъ. Въ результатѣ палата общинъ отвергла проектъ большинствомъ трехъ голосовъ. Гладстонъ тотчасъ представилъ королевѣ свою отставку, указавъ при этомъ, что власть должна перейти къ Дизраэли, какъ вождю побѣдоносной оппозиціи; но Дизраэли отказался, возразивъ, что теорія Гладстона обязала бы лидера оппозиціи, разъ онъ не расположенъ взять въ руки власть, останавливаться какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ могъ бы свергнуть противника. Гладстонъ снова занялъ свой постъ, но прежняго большинства уже не нашелъ. Проектъ правительства, имѣвшій цѣлью лишить палату лордовъ ея судебныхъ полномочій и передать ихъ аппеляціонной палатѣ, былъ отвергнутъ нижней палатой. Министръ внутреннихъ дѣлъ сталъ поддаваться тенденціямъ партіи трезвости, большинство членовъ которой принадлежитъ къ диссидентскимъ сектамъ, которыя являются самой надежной опорой либеральной партіи; онъ предложилъ увеличить наказаніе за пьянство и сократить число часовъ, въ теченіе которыхъ могутъ быть открыты кабаки. Этотъ проектъ встрѣтилъ дурной пріемъ въ палатѣ общинъ, и консерваторы оказали ему сильное сопротивленіе, чтобы пріобрѣсти поддержку оптовыхъ и мелкихъ торговцевъ спиртными напитками. Такъ какъ они въ то же время протестовали противъ организаціи религіознаго преподаванія въ *Board Schools*, то либералы говорили, что программою ихъ противниковъ является „библія и пиво". Они ставили имъ также въ упрекъ, что ихъ программа—чисто отрицательнаго свойства. Дизраэли отвѣчалъ на это въ одномъ циркулярѣ къ своимъ избирателямъ: „Было бы желательно, чтобы правительство выказывало нѣсколько больше энергіи въ своей внѣшней политикѣ и нѣсколько меньше—во внутренней". Консерваторы осуждали миролюбивую политику Гладстона—его невмѣшательство въ европейскія дѣла, пріостановку колоніальнаго расширенія, уплату вознагражденія Соединеннымъ Штатамъ за убытки, причиненные *Алабамой*—судномъ южанъ, ко-

торое въ 1862 г. вооружилось въ одномъ изъ англійскихъ портовъ. Они одержали верхъ на многихъ частичныхъ выборахъ. Все это заставило Гладстона рѣшиться на роспускъ парламента; выборы были произведены въ январѣ 1874 г.; новая палата состояла изъ 350 консерваторовъ, 244 либераловъ и 58 ирландцевъ. Гладстонъ оставилъ власть и, повидимому, хотѣлъ совершенно отказаться отъ политической дѣятельности. Въ 1874 г. онъ еще явился въ палатѣ—разъ, чтобы поддержать интересы шотландской церкви, другой разъ—чтобы отстоять *High Church* (англиканство съ обрядностью на римскій манеръ), которой угрожалъ законъ о публичномъ культѣ. Въ январѣ 1875 г. было обнародовано письмо, написанное десять мѣсяцевъ назадъ, гдѣ Гладстонъ сообщалъ одному изъ своихъ друзей, что отказывается быть *лидеромъ* либеральной партіи. На его мѣсто партіей былъ выбранъ вигъ-аристократъ, лордъ Гартингтонъ, старшій сынъ герцога Девонширскаго. Послѣ этого Гладстонъ два года жилъ вдали отъ политики; онъ писалъ брошюры противъ папской непогрѣшимости, комментировалъ Гомера, перевелъ стихами описаніе Ахиллесова щита, принималъ у себя инициатора Троянскихъ и Микенскихъ раскопокъ Шлимана.—Онъ снова займетъ свое мѣсто во главѣ оппозиціи лишь въ годину болгарскихъ ужасовъ.

Обѣ партіи и законодательство о трэдъ-юніонахъ.—Послѣ избирательной реформы 1867 года, давшей право голоса множеству городскихъ рабочихъ, трэдъ-юніоны, т.-е. профессіональные союзы, начали играть въ Англіи политическую роль. Союзы были терпимы уже съ 1825 г., но право коалиціи, предоставленное въ эту эпоху рабочимъ, было ограничено въ текстѣ закона вопросами о заработной платѣ и продолжительности рабочаго дня, и судьи карали за всякое коллективное дѣйствіе, обусловленное другими цѣлями. Далѣе, союзы не пользовались правами юридическаго лица; когда въ 1867 г. секретарь одного изъ рабочихъ союзовъ растратилъ ввѣренныя ему суммы, суды отказались карать его подъ тѣмъ предлогомъ, что профессіональные союзы не правомочны ни имѣть кассу, ни вести судебный процессъ. Рабочіе требовали, чтобы ихъ профессіональные союзы были „инкорпорированы", т.-е. снабжены правами юридическаго лица, наравнѣ съ обществами взаимной помощи. Кромѣ того, они требовали отмѣны закона о *хозяинѣ* и *слугѣ*, на основаніи котораго въ договорѣ найма на рабочаго возлагались гораздо болѣе тяжелыя обязательства, чѣмъ на нанимателя: въ случаѣ нарушенія договора первый подпадалъ дѣйствію уголовнаго закона и присуждался къ тюремному заключенію; если же хозяинъ разсчиталъ своихъ рабочихъ, то послѣдніе могли только взыскивать съ него протори и убытки. За одинъ только годъ (1863) судамъ пришлось примѣнить законъ о *хозяинѣ* и *слугѣ* 10.339 разъ; по этимъ дѣламъ приговоръ могъ произносить одинъ судья единолично. Свидѣтели допускались только со стороны хозяина.

Протесты рабочихъ противъ этого закона были до нѣкоторой степени удовлетворены уже въ министерство Дизраэли (1867). Но ихъ жалобы касательно трэдъ-юніоновъ были сначала враждебно встрѣчены руководящими классами и правительствомъ. Въ эту эпоху еще думали, что рабочіе союзы суть тайныя общества, гдѣ подготовляется соціальная революція въ самыхъ насильственныхъ формахъ. Какъ разъ въ 1866 г. произошли динамитные взрывы въ Шеффильдѣ у рабочихъ, отказавшихся вступить въ профессіональные союзы или работать по установленнымъ послѣдними тарифамъ. Правительство назначило (1867) парламентскую комиссію, которая должна была изслѣдовать дѣятельность и пріемы рабочихъ синдикатовъ за послѣднія десять лѣтъ. Эта

анкета, вызванная чувствомъ вражды къ трэдъ-юніонамъ, обратилась къ ихъ выгодѣ, такъ какъ обнаружила предъ англійской публикой ихъ истинный характеръ: комиссія пришла къ тому выводу, что шеффильдскія покушенія были индивидуальными актами, что девять десятыхъ союзовъ имѣютъ цѣлью единственно мирными средствами добиться отъ хозяевъ болѣе выгодныхъ условій для своихъ членовъ. Въ виду этого комиссія предложила правительству предоставить рабочимъ союзамъ права юридическихъ лицъ, обязавъ ихъ однако держаться въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ 1865 г. Хозяева были этимъ очень недовольны, а рабочихъ это не удовлетворило. Послѣ четырехлѣтнихъ преній и споровъ въ печати министерство Гладстона провело законъ 1871 г. о трэдъ-юніонахъ, предоставивши послѣднимъ права юридическихъ лицъ; но въ то же время, чтобы не оттолкнуть предпринимателей, въ большинствѣ либеральныхъ, оно провело „поправку къ уголовному уложенію", въ силу которой „оскорбленіе и запугиваніе" со стороны рабочихъ караются тюремнымъ заключеніемъ.

Этими формулами, заимствованными изъ стараго законодательства и сохраненными въ новомъ потому, что онѣ были неопредѣленны и растяжимы до безконечности, правительство имѣло въ виду главнымъ образомъ парализовать агитацію стачечниковъ противъ желающихъ продолжать работу. Законъ 1859 г., разрѣшавшій мирное увѣщаніе съ цѣлью привлечь рабочихъ въ профессіональный союзъ, былъ оставленъ въ силѣ. Суды тотчасъ начали примѣнять поправку, внесенную въ уголовное уложеніе: они начали карать т. наз. *picketing*—исконное обыкновеніе англійскихъ стачечниковъ ставить одного или нѣсколькихъ рабочихъ у дверей мастерской или завода, хозяинъ котораго не принялъ условій союза, съ цѣлью безъ насилія убѣдить товарищей оставить работу. Во время одной стачки семь женъ рабочихъ были приговорены къ тюремному заключенію за то, что кричали „ба!" при проходѣ человѣка, не бросившаго работы. Введеніе этой новой юрисдикціи обезпокоило вождей рабочаго движенія. Они сдѣлали настойчивыя представленія либеральному правительству съ цѣлью помѣшать вотированію поправки, и позднѣе—съ цѣлью добиться ея отмѣны. Но Гладстонъ отвѣчалъ имъ упорнымъ отказомъ. Вождь радикаловъ, Джонъ Брайтъ, утверждалъ, что профессіональные союзы приносятъ столько же вреда рабочимъ, сколько и хозяевамъ. Либерально-радикальная коалиція оставалась вѣрна манчестерской точкѣ зрѣнія и стояла на томъ, что заработная плата должна регулироваться естественнымъ закономъ спроса и предложенія, какъ цѣна на хлѣбъ. Напротивъ, рабочіе стремились ослабить для себя дѣйствіе этого закона путемъ коллективной регламентаціи условій труда чрезъ посредство профессіональныхъ союзовъ. Ихъ поддерживали и направляли нѣсколько радикаловъ, отказавшихся отъ манчестерства, какъ философъ Стюартъ Милль, и нѣсколько позитивистовъ. Послѣ 1871 г. и тѣ и другіе совѣтовали рабочимъ союзамъ вотировать противъ либераловъ. На общихъ выборахъ 1874 г. организованные рабочіе покинули партію Гладстона, и ихъ вмѣшательствомъ была обусловлена отчасти неожиданная побѣда консерваторовъ.

Кабинетъ Дизраэли въ первый же годъ своего правленія предоставилъ трэдъ-юніонамъ все, чего они требовали. Законъ о *хозяинѣ* и *слугѣ*, измѣненный въ 1867 г., былъ замѣненъ закономъ о *предпринимателѣ* и *рабочемъ* (1875), самое заглавіе котораго указываетъ на юридическое нововведеніе. Отнынѣ обѣ стороны договаривались на равныхъ правахъ, и расторженіе договора той или другой стороною влекло за собою только гражданскій процессъ и наказывалось только присужденіемъ проторей и убытковъ. Поправка къ

уголовному закону была отмѣнена. Рабочіе союзы сохранили права юридическихъ лицъ, но всѣ ограниченія, цѣною которыхъ они купили эту льготу, были упразднены. Всѣ формы мирной дѣятельности рабочихъ союзовъ, въ томъ числѣ *picketing*, были терпимы. Насилія карались на основаніи общаго уголовнаго закона; за рабочими союзами болѣе не признавалось спеціальныхъ преступленій. Ни одно ихъ дѣяніе не подлежало карѣ, разъ то же дѣяніе, будучи совершено отдѣльнымъ лицомъ, не влекло за собою судебнаго преслѣдованія. Право замѣнять единоличный договоръ коллективнымъ было окончательно предоставлено рабочимъ вмѣстѣ со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями (1875).

Въ этотъ періодъ борьбы за существованіе трэдъ-юніоны выработали свою организацію, которую сохраняютъ и до сихъ поръ. Рабочіе союзы, которые сперва были обособлены по профессіямъ, около 1860 г. объединились въ каждомъ промышленномъ центрѣ и организовали мѣстные комитеты, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ совѣтъ лондонскихъ рабочихъ союзовъ. Въ 1868 г. по почину бирмингэмскаго и манчестерскаго комитетовъ былъ созванъ въ Манчестерѣ первый общій конгрессъ всѣхъ трэдъ-юніоновъ королевства. Съ этихъ поръ національный конгрессъ собирался ежегодно и въ каждую свою сессію избиралъ *парламентскій комитетъ*, куда входили наиболѣе вліятельные члены союзовъ. Этотъ комитетъ, назначеніе котораго — служить посредникомъ между рабочими и правительственной властью, фактически является руководящимъ органомъ рабочаго движенія въ Соединенномъ королевствѣ. Трэдъ-юніонамъ удалось провести въ нижнюю палату нѣсколько своихъ членовъ отъ рабочихъ и промышленныхъ округовъ. Первые два рабочихъ депутата (*labour membres*) прошли на общихъ выборахъ 1874 г. Рабочіе депутаты, парламентскій комитетъ и годичные конгрессы трэдъ-юніоновъ долгое время въ своихъ требованіяхъ не шли дальше частичныхъ реформъ, предназначенныхъ улучшить положеніе рабочихъ. Ихъ девизомъ было— „справедливая заработная плата за справедливую работу“. Такимъ образомъ, они признавали принципъ заработной платы въ противоположность соціалистамъ, которые стремятся отмѣнить ее. Пропаганда Оуэна и чартистовъ была забыта; учениками Карла Маркса, который послѣ 1849 г. эмигрировалъ въ Англію, были преимущественно иностранцы; *Международный союзъ рабочихъ*, основанный имъ въ Лондонѣ 28 сентября 1864 г., оставилъ мало слѣдовъ въ рабочемъ движеніи Соединеннаго королевства, послѣ того какъ распался (1872). Такимъ образомъ, англійскіе рабочіе были наилучше организованными и вмѣстѣ наименѣе революціонными изъ всѣхъ рабочихъ міра. Они составляли лѣвое крыло радикально-либеральной коалиціи, съ которою примирились послѣ 1875 г.; „рабочіе депутаты“ не составляли отдѣльной группы и не считали себя представителями особаго класса. Всѣ партіи, даже бывшіе манчестерцы, привыкли къ трэдъ-юніонамъ и даже восхваляли ихъ благодѣтельное, миротворное вліяніе.

II.—Консервативное министерство Дизраэли (лорда Биконсфильда).

Дизраэли и новый торизмъ.—Возвращеніе консерваторовъ къ власти было событіемъ; расколовшись на-двое благодаря переходу Пиля и его друзей въ лагерь сторонниковъ свободы торговли, они не стояли у кормила власти съ 1847 г., если не считать трехъ короткихъ періодовъ (1852, 1858—59, 1866—68), когда они къ тому же располагали весьма непрочнымъ большинствомъ. Ихъ вождю, Дизраэли, было 69 лѣтъ, и онъ состоялъ членомъ парламента съ 1837 г., но до

1874 г. онъ былъ первымъ министромъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отставки лорда Дерби (1858). Бенджаминъ Дизраэли происходилъ изъ еврейской семьи, принявшей англиканство. Онъ дебютировалъ какъ романистъ и публицистъ, затѣмъ послѣ ряда неудачныхъ попытокъ былъ избранъ въ палату и вступилъ въ ряды тори. Это былъ консерваторъ особаго рода. Онъ не любилъ аристократіи, надменность которой доставила ему не мало горькихъ минутъ въ началѣ его публичной дѣятельности; онъ писалъ, что англійскій режимъ въ періодъ 1688—1832 походилъ на венеціанскую конституцію. Онъ утверждалъ, что одна изъ основныхъ задачъ англійской конституціи—возводить въ знатность даровитыхъ людей, и что она должна совершенно игнорировать происхожденіе. Онъ съ симпатіей говорилъ о требованіяхъ рабочихъ. Вступивъ въ парламентъ въ періодъ чартистской агитаціи, онъ одобрялъ многія требованія чартистовъ. Въ трехъ романахъ Дизраэли, изданныхъ въ 1844—46 гг.,—изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ *Sybil* — изображены молодые аристократы-консерваторы, которые идутъ въ народъ, научаются понимать его нужды и изыскиваютъ средства къ ихъ облегченію. Такимъ образомъ, будущій министръ отстаивалъ своего рода соціальный торизмъ, сходный съ системой Томаса Карлейля и его ученика пастора Кингслея. По мысли Дизраэли государь долженъ оказывать личное вліяніе на дѣла, долженъ не только царствовать, но и править, долженъ „эмансипироваться“ отъ своей аристократической среды и парламентской опеки и опираться прямо на народъ, который онъ долженъ привязать къ себѣ посредствомъ соціальныхъ реформъ. Непосредственное общеніе короля съ народомъ, сокращеніе до минимума роли палаты общинъ являются одной изъ излюбленныхъ темъ Дизраэли; по его мнѣнію, печать болѣе желательный посредникъ между народомъ и государемъ, нежели парламентъ. Въ 1874 г. онъ говорилъ своимъ избирателямъ: „Я полагаю, что партія тори занимаетъ теперь болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ когда бы то ни было со смерти ея величайшихъ представителей, Питта и лорда Гренвиля. Она освободилась отъ наростовъ, которые были чужды ея естественному развитію... Теперь мы выходимъ изъ періода фискальныхъ задачъ... Но есть другіе вопросы... они скоро займутъ вниманіе страны: это вопросъ о прерогативахъ конституціонной монархіи, вопросы о томъ, будетъ ли аристократическій принципъ признанъ въ нашей конституціи, будетъ ли палата общинъ и впредь составлять одинъ изъ чиновъ королевства или она превратится въ безпорядочное сборище“. Дизраэли всегда выступалъ защитникомъ ортодоксальнаго англиканства противъ диссидентовъ и особенно ирландскихъ католиковъ и ритуалистовъ *High Church*, которыхъ подозрѣвали въ томъ, что они безсознательно подготовляютъ сближеніе съ Римомъ. Онъ льстилъ англійскому націонализму во всѣхъ его формахъ; онъ положилъ начало системѣ постоянныхъ вооруженій, расширенія колоній и вмѣшательства, которая представляла собою полную противоположность политикѣ Гладстона. Его идеи резюмированы въ одномъ изъ его публичныхъ заявленій, по смыслу которыхъ консервативная партія имѣетъ три главныя задачи: сохранить національную церковь, ограждать цѣлость британской державы и улучшить положеніе народной массы. Это и есть т. наз. *новый торизмъ;* въ немъ все старо,—новы лишь демократическія заявленія да готовность къ соціальнымъ реформамъ. Въ чемъ обнаружился творческій талантъ Дизраэли—это въ возстановленіи консервативной партіи; онъ воскресилъ ее въ палатѣ общинъ, а ея лидеромъ въ палатѣ лордовъ былъ лордъ Дерби. Отставка послѣдняго сдѣ-

лала наконецъ Дизраэли правителемъ Англіи.

Имперіалистская политика. — Дизраэли оставался первымъ министромъ шесть съ половиною лѣтъ (1874—1880), и за это время былъ пожалованъ королевою въ пэры съ титуломъ лорда Биконсфильда (1876). Мы видѣли выше, что его кабинетъ далъ рабочимъ союзамъ то, въ чемъ отказывало имъ министерство Гладстона. Онъ провелъ и другіе законы съ цѣлью улучшить положеніе низшихъ классовъ. Знаменитый *Ten hours Act* 1847 года, установившій максимумъ въ десять часовъ работы за день для женщинъ и дѣтей, занятыхъ въ промышленности, исправленный уже въ предыдущее министерство Дизраэли (1867), былъ дополненъ въ 1874 г. закономъ, запретившимъ употреблять въ промышленности дѣтей до десяти лѣтъ и обязавшимъ ихъ до четырнадцати лѣтъ дѣлить свое время между школой и фабрикой. Въ 1875 г. законъ о народномъ здравіи (*Public health Act*) объединилъ всѣ узаконенія въ этой области, изданныя съ 1847 г., и дополнилъ ихъ новыми предписаніями; городскимъ управленіямъ было дано право выкупать нездоровыя жилища въ городахъ, сносить ихъ и на ихъ мѣстѣ возводить дома съ небольшими и дешевыми квартирами. „Здоровье народа,—сказалъ Дизраэли въ одной изъ своихъ рѣчей въ Манчестерѣ (1872),—важнѣйшій изъ вопросовъ, какіе могутъ занимать вниманіе государственнаго человѣка". Всѣ эти мѣропріятія заняли первый годъ министерства. Но послѣ этого оно уже не сдѣлало никакихъ нововведеній во внутренней политикѣ, такъ что одинъ либеральный депутатъ справедливо выразился, что со времени паденія преобразовательнаго министерства въ палатѣ царствуетъ „почти священная тишина". Другіе сопоставляли „величественное бездѣйствіе" Дизраэли съ обновительнымъ жаромъ Гладстона.

Напротивъ, во внѣшней политикѣ новое министерство обнаруживало несравненно большую расторопность, нежели предшествовавшее. Гладстонъ сохранялъ *statu quo* въ колоніяхъ; если въ послѣдній годъ своего управленія онъ организовалъ экспедицію противъ ашантіевъ, то лишь потому, что приходилось или истребить это разбойничье племя, или потерять приморскія колоніи.

Въ министерство Дизраэли принцъ Уэльскій торжественно посѣтилъ Индію и принялъ привѣтствія мѣстныхъ вассальныхъ князей (1875). Спустя два года королева Викторія была провозглашена *императрицей Индіи* на чрезвычайномъ собраніи этихъ князей, созванномъ въ Дели, древней столицѣ Великаго Могола. Въ 1878 г. афганскій эмиръ отказался принять англійское посольство, между тѣмъ какъ русское было имъ принято; за это три англійскія колонны вторглись въ его страну и прогнали его изъ его столицы. Вспыхнула также война въ Африкѣ. Фроудъ былъ посланъ въ Капскую землю съ порученіемъ склонить бурскія государства къ образованію южно-африканской федераціи подъ руководствомъ Великобританіи; постигшая его неудача повлекла за собою присоединеніе Трансвааля (1877) и возмущеніе буровъ (1880); а въ это самое время Дизраэли отправилъ экспедицію противъ зулусовъ. Либералы горячо возставали противъ всѣхъ этихъ войнъ и обусловленныхъ ими тратъ; они говорили, что предлогъ ко вмѣшательству въ афганскія дѣла былъ такъ же жалокъ, какъ и тотъ, которымъ воспользовалась Франція, чтобы занять Алжиръ. Они требовали, по знаменитому выраженію Гладстона, чтобы правительство „держало свои руки чистыми".

Особенно страстно оппозиція нападала на вмѣшательство лорда Биконсфильда въ защиту Турціи во время русско-турецкой войны. Биконсфильдъ хотѣлъ вернуться къ политикѣ 1855 г. и прегра-

дить русскимъ путь къ Константинополю. Либералы возражали, что Англія сейчасъ не имѣетъ никакого интереса бороться съ Россіей и что для цивилизованнаго государства позорно оказывать поддержку столь варварскому правительству, какъ турецкое. Корреспондентъ либеральной газеты *Daily News* раскрылъ картину болгарскихъ погромовъ, гдѣ турецкое правительство, чтобы предупредить возмущеніе, дало волю башибузукамъ безнаказанно жечь, убивать и насиловать. При этомъ случаѣ Гладстонъ нарушилъ свое уединеніе и издалъ брошюру подъ заглавіемъ *Болгарскія звѣрства*, направленную противъ туркофильской политики кабинета. Оппозиціей были созваны во многихъ большихъ городахъ митинги для выраженія негодованія. Все это не выбило Биконсфильда изъ его позиціи; за него была народная масса, которую радовало возобновленіе традиціонной борьбы съ Россіей. Въ лондонскихъ кафе-шантанахъ пѣлись патріотическіе и воинственные куплеты; сильно распространенная уличная пѣсня: „Мы не хотимъ войны, но, чортъ возьми! (*by jingo*), если нельзя иначе...“ внесла въ англійскій политическій жаргонъ два новыхъ слова—*джинго* и *джингоизмъ*—для обозначенія шовинистовъ и шовинизма. Министерство очень искусно играло на національномъ возбужденіи противъ Россіи. Лордъ Биконсфильдъ разошелся со своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, стоявшимъ за миръ, и замѣнилъ его лордомъ Салисбюри, который до сихъ поръ былъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Индіи. Онъ испросилъ себѣ чрезвычайный кредитъ въ 150 милліоновъ, призвалъ запасныхъ и сосредоточилъ индійскія войска въ Мальтѣ. Позднѣе обнаружилось, что всѣ эти приготовленія были ничѣмъ инымъ, какъ мистификаціей, имѣвшей цѣлью одурачить англійское общество, и что, готовясь будто бы къ войнѣ, Биконсфильдъ тайно велъ переговоры съ Россіей и увѣрялъ ее въ своемъ миролюбіи. Восточный вопросъ былъ урегулированъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Представителями Англіи на послѣднемъ были Биконсфильдъ и министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Салисбюри. Биконсфильдъ добился сохраненія въ цѣлости Оттоманской имперіи, отнятія у Россіи части территоріи, пріобрѣтенной ею по Санъ-Стефанскому договору, и присоединенія Кипра къ Англіи. По возвращеніи шовинистскій Лондонъ встрѣтилъ его съ тріумфомъ; огромная толпа провожала его карету и тѣснилась передъ его домомъ; первый министръ появился на балконѣ, произнесъ рѣчь къ народу и среди рукоплесканій заявилъ: „Лордъ Салисбюри и я, мы приносимъ вамъ миръ и, смѣю думать, почетный миръ“. Въ этотъ моментъ новый торизмъ торжествовалъ полную побѣду, по крайней мѣрѣ, въ столицѣ. Биконсфильду совѣтовали тотчасъ распустить палату; это былъ для него удобный случай сохранить неожиданное большинство, пріобрѣтенное въ 1874 г. Но онъ ждалъ еще два года, въ теченіе которыхъ его популярность уменьшилась. Политика вмѣшательства обходилась недешево; въ бюджетѣ появился дефицитъ, тогда какъ при Гладстонѣ въ немъ всегда былъ излишекъ. Пришлось повысить *income tax*, который принципіально являлся временнымъ налогомъ и который Гладстонъ обѣщалъ отмѣнить. И въ то время, когда податное бремя возрастало, благосостояніе Англіи падало. Торгово-промышленное оживленіе съ 1873 г. все ослабѣвало. Цѣны на сельско-хозяйственные продукты съ 1874 г. падали благодаря конкурренціи Новаго Свѣта; начался тотъ аграрный кризисъ, который Великобританія, какъ и всѣ другія европейскія государства, переживаетъ и донынѣ; особенно сильно обострилось это положеніе дѣлъ въ 1879—1880 гг., когда Великобританію и Ирландію постигъ неурожай, подобнаго которому онѣ не переживали въ теченіе всего XIX вѣка.

Когда лордъ Биконсфильдъ рѣшился распустить парламентъ (24 марта 1880), недовольство было уже въ зенитѣ. На выборахъ либералы получили громадное большинство (349 либераловъ, 235 консерваторовъ, 68 ирландцевъ), и лордъ Биконсфильдъ подалъ въ отставку; онъ умеръ въ 1881 г. Ему воздвигли статую въ Вестминстерѣ противъ зданія парламента, и его поклонники ежегодно, украсившись первоцвѣтомъ, любимымъ цвѣткомъ Биконсфильда, совершаютъ торжественную демонстрацію вокругъ этой статуи. Биконсфильда справедливо чтутъ, какъ возстановителя торизма.

III.—Парнель противъ Гладстона (1880—85).

Повсемѣстный миръ, исключая Египетъ.— Послѣ побѣдъ либераловъ въ 1880 г. королева предложила власть лорду Гартингтону, затѣмъ лорду Гренвилю, но оба отказались, заявивъ, что она подобаетъ Гладстону, который три года назадъ вернулся на политическое поприще. Королева не любила Гладстона, съ такой же твердостью отстаивавшаго права парламента, съ какою Биконсфильдъ отстаивалъ прерогативы монарха. Говорятъ, что она однажды такъ выразилась о либеральномъ лидерѣ: „это единственный министръ, который никогда не обращался со мною ни какъ съ женщиной, ни какъ съ королевой“. Однако ей все-таки пришлось оставить его во главѣ новаго кабинета. Гладстонъ, согласно своему обѣщанію, сталъ вести миролюбивую политику. Онъ предложилъ перемиріе возставшимъ бурамъ и, не стараясь отомстить имъ за пораженіе, которое они нанесли англійской арміи въ Наталѣ, вернулъ имъ автономію, удержавъ за Великобританіей лишь право контролировать ихъ иностранную политику (1880—84).

Въ Афганистанѣ ему удалось безъ ущерба выйти изъ очень запутаннаго положенія; онъ отказался отъ мысли присоединить Афганистанъ и ограничился тѣмъ, что заставилъ эмира исполнить условія договора 1878 г., обезпечившаго за Индіей часть *научныхъ границъ*, которыхъ требовалъ Биконсфильдъ. Въ Калькуттѣ онъ замѣнилъ вице-короля Литтона лордомъ Рипономъ, человѣкомъ, склоннымъ къ миру и преобразованіямъ; лордъ Рипонъ сократилъ военные расходы, снова предоставилъ свободу мѣстной печати и произвелъ анкету по вопросу о народномъ образованіи. Имперіалисты, разумѣется, жестоко критиковали эту политику. Въ концѣ-концовъ Гладстонъ въ угоду имъ предпринялъ вмѣшательство въ Египтѣ, гдѣ европейскіе резиденты подвергались опасности вслѣдствіе военнаго и національнаго мятежа. Англичане бомбардировали Александрію, и англо-индійскія войска подъ командою Уольслея разбили Араби-Пашу при Тельэль-Кебирѣ (1882). Изъ-за этой авантюры Гладстонъ лишился поддержки нѣсколькихъ радикаловъ, принципіально отрицавшихъ всякую войну, особенно Джона Брайта, который послѣ бомбардировки Александріи вышелъ изъ кабинета Гладстона. Но и имперіалисты не были удовлетворены; они ставили въ упрекъ Гладстону, что онъ не умѣетъ пользоваться выгодами положенія; особенно негодовали они за то, что онъ оставилъ безъ поддержки Гордона, осажденнаго дервишами въ Хартумѣ. Гордонъ состоялъ на службѣ у хедива и не получалъ никакой оффиціальной миссіи отъ англійскаго правительства, но онъ былъ чрезвычайно популяренъ въ Англіи благодаря своей отвагѣ и христіанскому идеализму. Послѣ долгихъ колебаній Гладстонъ наконецъ рѣшился начать приготовленія для похода съ цѣлью выручить Хартумъ; но едва они были закончены, пришло извѣстіе, что городъ взятъ и всѣ его защитники перебиты (1885). Эта вѣсть вызвала

глубокое волненіе и недовольство противъ кабинета. Въ палатѣ общинъ едва не прошелъ вотумъ о выраженіи порицанія правительству. Въ томъ же году изъ-за пограничнаго спора произошло сраженіе между русскими и афганцами, которые тѣмъ временемъ вступили въ союзъ съ англичанами. Война между Россіей и Англіей казалась неминуемой. Эти внѣшнія осложненія способствовали добровольному уходу либеральнаго кабинета, главную же причину его отставки надо искать въ затрудненіяхъ, вызванныхъ ирландскимъ вопросомъ.

Ирландскій вопросъ. Land act 1870 года.— Представителями Ирландіи въ парламентѣ по-прежнему были націоналисты, но среди нихъ не было теперь ни одного вліятельнаго человѣка. Великобританія забыла объ ирландцахъ, когда внезапно о нихъ напомнили ей революціонеры *феніи* (1865—67). Гоненія и казни произвели большія опустошенія въ рядахъ феніевъ, и теперь эта партія сохранилась въ Ирландіи лишь въ видѣ тайныхъ обществъ—въ Дублинѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ; ея центръ находился въ Соединенныхъ Штатахъ. Феніи ратовали за установленіе республики путемъ вооруженнаго возстанія и не интересовались парламентской дѣятельностью. Положеніе массы ирландскихъ крестьянъ-католиковъ съ теченіемъ времени почти не измѣнилось: земля по-прежнему принадлежала англичанамъ-протестантамъ, которые обыкновенно отсутствовали, предоставляя управленіе своимъ хозяйствомъ приказчикамъ; они не обрабатывали сами свою землю, а эксплуатировали ее путемъ сдачи въ аренду мелкими участками ирландскимъ крестьянамъ.

Ирландская семья могла оставаться на одномъ и томъ же участкѣ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, если *лэндлордъ* или его приказчикъ были ею довольны; но ея глава былъ *tenat at will*, зависимъ отъ воли собственника, который могъ въ любую минуту изгнать его. Ирландія— страна крупнаго землевладѣнія и мелкаго земледѣлія со всѣми неудобствами этихъ обѣихъ системъ — тиранніей *лэндлорда*, невѣжествомъ и нуждою земледѣльца. Крайняя нищета ирландцевъ объясняется разными причинами: земля очень раздроблена и арендные участки слишкомъ малы, чтобы фермеръ могъ и кормить свою семью, и уплачивать ренту; климатъ слишкомъ дождливъ для хлѣбныхъ злаковъ; ирландецъ можетъ разводить для своего пропитанія только картофель; какъ разъ въ годы дурного урожая положеніе крестьянина особенно ухудшается въ виду господствующаго здѣсь обычая безжалостно изгонять тѣхъ, кто не въ состояніи внести арендную плату. Притомъ всѣ эти ирландскіе фермеры—другой расы и вѣры, чѣмъ землевладѣльцы, и тѣмъ глубже ихъ ненависть къ *лэндлордамъ*. Въ странѣ много тайныхъ обществъ, какъ, напримѣръ, „полунощники“ (*moonlighters*, люди луннаго свѣта), „бѣлые ребята“ (*white boys*) и другія, которыя, мстя за выселеніе фермеровъ, калѣчатъ скотъ, ломаютъ изгороди, поджигаютъ землевладѣльцевъ и ихъ управляющихъ, а подчасъ и убиваютъ послѣднихъ. Это и есть такъ называемыя „аграрныя преступленія“. Въ общемъ это были лишь отдѣльные акты, никогда не грозившіе англійскому владычеству въ такой мѣрѣ, какъ революціонная попытка феніевъ.

Иначе обстоитъ дѣло въ сѣверо-западной части Ирландіи, Ольстерѣ, заселенномъ англичанами и шотландцами. Ольстерскіе фермеры—протестанты и преданы британскому владычеству: ихъ называютъ оранжистами, намекая на событія 1688 г. Центромъ оранжизма является главный городъ Ольстера Бельфастъ. Въ Ольстерѣ такъ же господствуетъ крупное землевладѣніе, какъ въ остальныхъ провинціяхъ, но арендаторъ не можетъ быть изгнанъ по произволу *лэндлорда*; послѣдній можетъ выселить фермера, лишь упла-

Ч. С. Парнелль.

Дж. Чемберлэнъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

тивъ ему вознагражденіе и вернувъ ему стоимость произведенныхъ имъ улучшеній. Ирландскія реформы 1870 г. были обусловлены страхомъ, который внушало феніанское движеніе. Ихъ сопровождали спеціальныя репрессіи, имѣвшія цѣлью подавлять мятежныя вспышки. Но эти исключительные законы остались въ силѣ и послѣ искорененія феніанства. Ирландскіе депутаты въ парламентѣ протестовали, но они были лишены всякаго вліянія; изъ 103 между ними было послѣ выборовъ 1864 г. 36 тори, избранныхъ почти только Ольстеромъ, и 67 націоналистовъ; въ шутку говорили, что между послѣдними не найдется и двухъ настолько дружныхъ между собою, чтобы поговорить. Англичане насмѣхались надъ произношеніемъ, костюмомъ и мужицкими манерами многихъ изъ нихъ; націоналисты играли комическую роль между обѣими партіями, которыя были до сихъ поръ настолько сильны, что могли обходиться безъ нихъ. Къ тому же у нихъ не было ясной программы со времени реформъ 1870 г.; наиболѣе радикальные изъ нихъ требовали *гомруля* (независимаго правительства), т.-е. отмѣны акта объ уніи 1798 г. и учрежденія ирландскаго парламента въ Дублинѣ.

Парнель и парламентская обструкція.— Только усилія Парнеля заставили вождей англійскихъ партій серьезно относиться къ вопросу о *гомрулѣ*. Парнель родился въ 1846 г. въ семьѣ *лэндлорда*, протестантской и англійской, но преданной національному дѣлу. Его дѣдъ, членъ дублинскаго парламента и министръ финансовъ, отказался подать голосъ за унію 1798 г. Его мать, по происхожденію американка, въ 1807 г. навлекла на себя подозрѣніе въ укрывательствѣ феніевъ, и домъ ея былъ обысканъ полиціей. Парнель дважды выступалъ кандидатомъ на выборахъ и такъ неудачно дебютировалъ въ публичномъ собраніи, что его прозвали *single-speech Parnell*, „Парнель съ одной рѣчью“. Въ 1875 г. Парнель вступилъ въ ряды защитниковъ *гомруля*. Это былъ англійскій джентльменъ, холодный, корректный, съ цвѣткомъ въ петлицѣ, очень непохожій на неугомонныхъ, шумливыхъ, нерадивыхъ ирландцевъ, каковы были многіе изъ его товарищей. Онъ держалъ ихъ въ почтительномъ разстояніи отъ себя; разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ, явившись къ нему съ важной новостью, назвалъ его просто по имени: „Виноватъ, сэръ Парнель“, прервалъ его ирландскій лидеръ. Этой заботливостью о томъ, чтобы не шокировать англійскаго снобизма, Парнель внушилъ уваженіе парламенту. Благодаря своему тактическому таланту, онъ сумѣлъ превратить націоналистическую партію въ крупную силу. Сначала его планъ состоялъ въ томъ, чтобы, не вступая въ союзъ ни съ консерваторами, ни съ либералами, не давать ни тѣмъ, ни другимъ спокойно править, пока они игнорируютъ ирландскія требованія. Для этого онъ пользовался парламентской обструкціей—стариннымъ средствомъ, примѣненіе котораго облегчали ему привычки англійской палаты: здѣсь не существовало правила о закрытіи преній, и каждый могъ записываться въ число ораторовъ когда угодно; въ моментъ подачи голосовъ одинъ депутатъ могъ требовать *раздѣленія*, т.-е. выхода подающихъ голосъ за проектъ въ одну дверь, подающихъ противъ — въ другую, причемъ голоса подсчитывались счетчикомъ въ корридорѣ и затѣмъ каждый возвращался въ залу засѣданія чрезъ противоположную дверь. Эта процедура, подобная той, которая примѣнялась въ римскомъ сенатѣ, отнимала много времени. Обструкціей искони пользовалось всякое меньшинство въ палатѣ; ирландцы практиковали его и до Парнеля, но лишь порывами; когда однажды среди публики появился принцъ Уэльскій, одинъ изъ ирландскихъ депутатовъ прервалъ пренія, чтобы замѣтить президенту, что ино-

странцы не имѣютъ права присутствовать на засѣданіяхъ парламента, и пришлось прервать засѣданіе, пока будутъ очищены трибуны. Обструкція Парнеля носила, конечно, другой, серьезный характеръ. „Рѣчи,—говорилъ онъ,—безполезны. Словами мы не выиграемъ нашего сраженія. Намъ нужно тормазить работу палаты; мы должны показывать этимъ господамъ, что если они не удовлетворятъ нашихъ настоятельныхъ нуждъ, имъ невозможно будетъ дѣлать ничего другого". Эту задачу Парнель началъ осуществлять съ 1877 г., поддерживаемый только семью націоналистами, такъ какъ остальные порицали обструкцію. Въ тотъ день, когда изъ палаты былъ изгнанъ принцъ Уэльскій, одинъ изъ нихъ протестовалъ, воскликнувъ: „Правда, мы націоналисты, но прежде всего мы джентльмены!" Глава партіи Бётть смотрѣлъ на Парнеля, какъ на революціонера. Но Парнель, не обращая вниманія на это, упорно проводилъ свою тактику всѣ три послѣдніе года консервативнаго министерства. Во время обсужденія билля о присоединеніи Трансвааля обструкціонисты заставили палату трижды засѣдать ночью, причемъ одно изъ этихъ засѣданій затянулось до шести часовъ вечера слѣдующаго дня. Они требовали слова по всякому поводу, читали и комментировали изъ строки въ строку весь текстъ правительственныхъ сообщеній, требовали *дѣленія* для каждаго вотума. Въ 1879 г. было подсчитано, что Парнель за одну послѣднюю сессію говорилъ 500 разъ, а двое другихъ — по 300 съ лишнимъ разъ каждый. Въ концѣ-концовъ палата рѣшилась предоставить своему президенту власть ставить на баллотировку вопросъ объ удаленіи всякаго члена, уличеннаго въ томъ, что онъ „добровольно и упорно тормазитъ ходъ государственныхъ дѣлъ".

Основаніе Парнелемъ Земельной лиги и организація партіи гомруля.—Внѣ парламента Парнель искалъ помощи феніевъ и поддержки ирландскихъ крестьянъ. Съ первыми онъ вошелъ въ сношенія чрезъ посредство нѣсколькихъ феніевъ, приговоренныхъ во время возстанія къ каторжнымъ работамъ и условно освобожденныхъ въ 1877 г. Наиболѣе дѣятельнымъ изъ нихъ являлся одинъ бывшій рабочій, Майкель Дэвиттъ, сынъ изгнаннаго ирландскаго крестьянина. Дэвиттъ отправился въ Америку и уговорилъ часть феніевъ соединиться съ ирландскими депутатами въ парламентѣ, отъ чего они до сихъ поръ упорно отказывались (1878). Было условлено, что депутаты объявятъ себя чистыми автономистами и сторонниками аграрной реформы, направленной къ тому, чтобы обезпечить крестьянину собственность на землю, что они откажутся отъ вѣроисповѣдныхъ притязаній, будутъ ратовать противъ всякихъ репрессій и защищать интересы всѣхъ угнетенныхъ народностей въ имперіи и внѣ ея. На этихъ условіяхъ феніи обязались содѣйствовать парламентской агитаціи. Только меньшинство ихъ въ Америкѣ и вся парижская группа *(Ирландское республиканское братство)* остались непреклонно вѣрны принципу „физической силы".

Чтобы привлечь на свою сторону ирландскихъ крестьянъ, оба союзника—Дэвиттъ и Парнель—предприняли, отчасти противъ воли послѣдняго, кампанію по аграрному вопросу. 1879 г. былъ ознаменованъ очень плохимъ урожаемъ; во многихъ мѣстахъ обнаружился голодъ, и фермеры изгонялись во множествѣ. Въ этотъ именно моментъ Дэвиттъ и Парнель предложили крестьянамъ программу, резюмированную въ трехъ положеніяхъ: 1) прочность аренды (*fixity of tenure*), право арендатора сохранять свой участокъ до тѣхъ поръ, пока онъ вноситъ арендную плату; 2) право продажи (*free sale*) каждаго участка съ обязательствомъ для покупщика уплачивать аренду собственнику; 3) справедливая арендная плата (*fair rent*). Это называлось *тремя f.*

Въ общемъ эта программа сводилась къ тому, чтобы обезпечить за ирландскими крестьянами постоянное владѣніе землею подъ единственнымъ условіемъ уплаты собственнику разумной ренты. На почвѣ этой программы организовался крестьянскій союзъ, *Land league*, возникшій въ графствѣ Мео и затѣмъ преобразовавшійся въ *National league* подъ предсѣдательствомъ Парнеля (октябрь 1879). Эта лига не имѣла политической программы и по уставу не должна была тратить своихъ капиталовъ на выборную агитацію; она служила исключительно дѣлу коллективной защиты крестьянъ противъ *лэндлордовъ*. Парнель совѣтовалъ крестьянамъ платить лишь то, что они считали справедливымъ сообразно урожаю 1879 г., и цѣпко держаться за землю, пока ихъ не выгонятъ силою.

Такъ какъ можно было вскорѣ ждать общихъ выборовъ, то Парнель послѣ основанія Земельной лиги отправился въ Соединенные Штаты для сбора пожертвованій. Онъ былъ принятъ президентомъ и министрами, и вашингтонская палата пригласила его произнести рѣчь въ залѣ ея засѣданій. Онъ вернулся съ 72.000 ф. стер., тогда какъ Земельной лигѣ удалось собрать всего 2.000. На общихъ выборахъ было избрано 68 *гомрулеровъ*. Въ первомъ своемъ засѣданіи они выбрали своимъ лидеромъ Парнеля. За три года Парнель сумѣлъ сплотить воедино всѣ ирландскія силы: американскіе феніи дали денегъ, ирландскіе крестьяне—голоса, и наконецъ депутаты соединились въ особую партію подъ руководствомъ авторитетнаго вождя.

Борьба Гладстона съ „гомрулерами“.— Гладстонъ былъ, повидимому, склоненъ дополнить ирландскія реформы, проведенныя имъ въ предыдущее министерство. Онъ провелъ въ нижней палатѣ законъ, требовавшій болѣе строгаго примѣненія *Land act*'а и обезпечивавшій вознагражденіе фермерамъ, выселеннымъ въ неурожайный 1879 годъ. Но палата лордовъ отвергла этотъ билль. Съ своей стороны, партія *гомруля* признала его недостаточнымъ, потому что онъ не давалъ крестьянамъ земли, и Земельная лига открыла агитацію противъ изгнанія арендаторовъ. „Если кто-нибудь беретъ въ аренду участокъ, откуда фермеръ былъ выселенъ,—заявилъ Парнель на одномъ собраніи (19 сентября 1880),—вы должны обходить его при встрѣчахъ на большой дорогѣ, на городскихъ улицахъ, въ лавкѣ, на ярмаркѣ, на рынкѣ и даже въ Божьемъ храмѣ. И, обрекая его сурово на одиночество, какъ нѣкогда прокаженныхъ, вы должны показывать ему, какое отвращеніе внушаетъ вамъ совершенное имъ преступленіе. Если въ какомъ-либо ирландскомъ графствѣ все населеніе будетъ слѣдовать этой системѣ, вы добьетесь того, что не найдется ни одного человѣка, столь опьяненнаго корыстью, столь лишеннаго чести, чтобъ идти въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ порядочныхъ людей этого графства и преступить вашъ кодексъ нравственныхъ правилъ“. Эта мѣра, примѣненная впервые къ приказчику одного лэндлорда, капитану Бойкотту (ноябрь 1880), получила общее названіе *бойкота*. Какъ и организація самой Лиги, она была заимствована изъ практики трэдъ-юніоновъ: это была безкровная борьба съ невошедшими въ союзъ и съ его врагами; они не могли найти рабочихъ и приказчиковъ. Въ періодъ этой агитаціи число аграрныхъ проступковъ возросло. По вычисленію ирландскаго статсъ-секретаря, оно возросло съ 301 въ 1878 г. до 4.439 въ 1881 г.; правда, сюда включены и такіе мелкіе проступки, какъ поломка забора, угрозы и даже посылка анонимныхъ писемъ, и каждая драка считалась столько разъ, сколько въ ней было участниковъ.

Либеральный кабинетъ выступилъ противъ націоналистовъ. Онъ велѣлъ арестовать секретаря Парнеля за мнимое

соучастіе въ убійствѣ (октябрь 1880), затѣмъ самого Парнеля и четырехъ депутатовъ за ихъ участіе въ Земельной лигѣ (январь 1881); всѣ они были судомъ оправданы. Тогда правительство внесло въ палату проектъ двухъ исключительныхъ законовъ, направленныхъ противъ Ирландіи: одинъ временно отмѣнялъ *habeas corpus*, другой разрѣшалъ полиціи дѣлать обыски по подозрѣнію въ храненіи оружія. *Гомрулеры* снова прибѣгли къ обструкціи, чтобы не допустить принятія этихъ законовъ. Смѣняя другъ друга на трибунѣ, они слово за словомъ читали и комментировали *синія книги* объ аграрныхъ проступкахъ. Засѣданіе продолжалось съ четырехъ часовъ дня въ понедѣльникъ до половины десятаго въ среду. *Гомрулеры* тщательно слѣдили за тѣмъ, чтобы *quorum* былъ на лицо при каждомъ голосованіи; поэтому депутаты большинства раздѣлились на группы, которыя смѣняли другъ друга. Наконецъ, послѣ преній, длившихся 41 часъ, спикеръ собственной властью прекратилъ дебаты, заявивъ, что больше никому не дастъ слова. Ирландцы въ знакъ протеста покинули залу; палата рѣшила ввести временную мѣру: она заявила, что въ случаяхъ крайней важности распоряженія спикера имѣютъ законную силу. Парнель и 35 ирландцевъ заявили протестъ противъ этого постановленія во имя правъ народнаго представительства, за что и были изгнаны одинъ за другимъ (январь 1881). Въ слѣдующемъ году Гладстонъ потребовалъ отъ палаты, чтобы она въ окончательной формѣ приняла законъ о прекращеніи преній (7 февраля 1882); чтобы добиться этого, онъ принужденъ былъ поставить вопросъ о довѣріи къ министерству. И палата вотировала эту мѣру, оговоривъ при этомъ, что дебаты не могутъ быть прекращены, если меньшинство превышаетъ 40 человѣкъ. Со времени реформы 1832 г. по вопросу о закрытіи преній работало 14 парламентскихъ комиссій, но ни одна изъ нихъ не довела дѣло до конца. Эту мѣру удалось ввести лишь подъ вліяніемъ раздраженія, въ которомъ нѣсколько лѣтъ держала парламентъ ирландская обструкція.

По принятіи исключительныхъ законовъ Гладстонъ продолжалъ свою старую политику, комбинируя реформы съ репрессіями. Въ августѣ 1881 г. онъ провелъ новый *Land act*, предоставлявшій фермерамъ право чрезъ посредство спеціальныхъ судовъ фиксировать на 15 лѣтъ свою арендную плату и обѣщавшій имъ субсидіи, при помощи которыхъ они могли бы выкупать свои участки и становиться собственниками. Лично Парнель готовъ былъ принять этотъ законъ, но чтобы сохранить поддержку Дэвитта и революціонеровъ, онъ долженъ былъ неуклонно держаться лозунга Земельной лиги: „земля—крестьянамъ“. По мѣрѣ того, какъ сопротивленіе усиливалось, Гладстонъ все суровѣе примѣнялъ принудительные законы. 2 февраля 1881 г. Дэвиттъ былъ лишенъ временно дарованной ему свободы. Въ сентябрѣ Земельная лига созвала въ Дублинѣ народный съѣздъ, который заявилъ, что единственнымъ средствомъ къ исцѣленію бѣдъ, угнетающихъ Ирландію, является дарованіе ей *гомруля*. Гладстонъ отвѣчалъ, что будетъ охранять и англійское владычество, и право собственности въ Ирландіи; онъ приказалъ арестовать Парнеля и все правленіе Лиги зато, что они прибѣгли къ угрозамъ, и объявилъ Лигу закрытой (18 октября 1881). Всѣ эти мѣры встрѣтили одобреніе въ англійскомъ обществѣ: когда министръ въ первый разъ сообщилъ объ арестѣ Парнеля на большомъ публичномъ собраніи въ Честерѣ, это сообщеніе вызвало продолжительныя рукоплесканія. Но Ирландія была уже настолько организована, что могла сама постоять за себя. Парнель издалъ лозунгъ не вносить арендной платы, пока

правительство не откажется отъ системы репрессій и не дастъ свободы националистическимъ вождямъ. Выселенія участились, и въ случаѣ пассивнаго сопротивленія со стороны ирландцевъ лэндлорды прибѣгали къ оружію. При одномъ такомъ выселеніи двѣ женщины были убиты полиціей; одинъ мальчуганъ былъ арестованъ за то, что свистѣлъ; три дамы были приговорены къ тюремному заключенію на три и шесть мѣсяцевъ подъ предлогомъ, что онѣ, съ цѣлью запугать лэндлорда, выстроили хижины и дали въ нихъ пріютъ выселеннымъ имъ фермерамъ. Агитацію продолжала Женская земельная лига, основанная сестрою Парнеля. 2 января 1882 г. на большомъ митингѣ въ Дублинѣ Парнелю впервые было дано ставшее вскорѣ знаменитымъ имя „некоронованнаго короля Ирландіи". 3-го дублинскій городской совѣтъ даровалъ ему и одному его арестованному товарищу званіе почетнаго гражданина.

Правительство предпочло вступить въ переговоры съ Парнелемъ, нежели продолжать принудительную политику; оно вело переговоры съ нимъ и его друзьями въ Кильменгемской тюрьмѣ, гдѣ они содержались. Министерство согласилось провести законопроектъ, внесенный въ палату однимъ изъ ирландскихъ націоналистовъ, объ отсрочкѣ уплаты арендаторами просроченной ренты, а націоналисты обязались болѣе не дѣлать обструкціи. Это былъ т. наз. Кильменгемскій договоръ. Парнель и его друзья были выпущены изъ тюрьмы. Ирландскій вицекороль и его первый секретарь подали въ отставку, чѣмъ какъ бы удостовѣрялось рѣшеніе правительства положить конецъ принудительному режиму. Но едва только новый первый секретарь высадился въ Ирландіи, онъ былъ среди бѣлаго дня убитъ въ Дублинѣ въ Фениксъ-паркѣ, когда прогуливался съ старымъ помощникомъ секретаря (6 мая 1882). Именно противъ послѣдняго и было направлено покушеніе. Убійцы принадлежали къ обществу „непобѣдимыхъ", которое являлось секціей *Ирландскаго республиканскаго братства*, упорно отвергавшаго путь парламентской дѣятельности. Полиція долгое время тщательно разыскивала ихъ, и они были открыты только благодаря доносу одного изъ нихъ, дублинскаго городского совѣтника Кэри. Въ награду за доносъ Кэри былъ помилованъ и подъ фальшивымъ именемъ отправленъ въ Капскую землю; но одинъ изъ „непобѣдимыхъ" выслѣдилъ его, догналъ и убилъ.

Парнель составилъ и вмѣстѣ съ Дэвиттомъ подписалъ манифестъ, гдѣ выражался протестъ противъ убійства въ Фениксъ-паркѣ. Но кильменгемское соглашеніе все-таки было подорвано этимъ происшествіемъ. Консерваторы и часть либераловъ были съ самаго начала недовольны имъ. Многочисленные въ Англіи враги Ирландіи брали на вѣру слухи, выставлявшіе Парнеля соучастникомъ убійцъ, тогда какъ на дѣлѣ ихъ преступленіе было направлено противъ его политики. Гладстонъ тотчасъ возвѣстилъ новыя исключительныя мѣры; онъ провелъ *Prevention of crime bill*, который на три года водворилъ въ Ирландіи суровый режимъ, учредилъ въ ней уголовные суды безъ присяжныхъ и предоставилъ полиціи неограниченное право обысковъ. Парнель возобновилъ свою обструкцію, хотя теперь ее было труднѣе проводить, благодаря закону о прекращеніи дебатовъ. Въ Ирландіи ему удалось возстановить Земельную лигу подъ названіемъ *Ирландской національной лиги* (17 октября 1882). Онъ продолжалъ получать деньги изъ Америки. Большинство бывшихъ феніевъ были преданы ему по-прежнему, но въ Соединенныхъ Штатахъ возобновили свою дѣятельность сторонники „физической силы". Ихъ газета, *The Irish World*, издававшаяся въ Нью-Іоркѣ Патрикомъ Фордомъ, начала рекомендовать употре-

бленіе динамита для устрашенія англійскаго правительства. Произошли взрывы въ глазговскомъ полицейскомъ управленіи (20 января 1883), затѣмъ въ Лондонѣ, потомъ въ Лондонъ-Бриджѣ (1884). Наконецъ случайно была открыта бомба подъ зданіемъ парламента (24 января 1885), и въ тотъ же день взрывомъ въ лондонскомъ Тоуэрѣ было ранено нѣсколько дѣтей. Гладстонъ увеличилъ наказанія за храненіе взрывчатыхъ веществъ. Англійское общество снова начало обвинять Парнеля въ солидарности со сторонниками „физической силы". При открытіи сессіи 1883 г. бывшій первый секретарь Ирландіи, Форстеръ, высказалъ это обвиненіе. Парнель отвѣчалъ, что это ложь, и выразилъ порицаніе „тенденціямъ и программѣ Патрика Форда". Въ этотъ моментъ вліяніе Парнеля на ирландцевъ достигло кульминаціоннаго пункта. Католическое духовенство, хотя и осудило бойкотъ по приказу изъ Рима, но убѣдило папу не выступать противъ Парнеля, о чемъ ходатайствовало англійское правительство. Американскіе ирландцы собрали между собою 37.000 ф. стер., которыя были поднесены Парнелю Дэвиттомъ на банкетѣ въ Дублинѣ. „Вотъ, — сказалъ Дэвиттъ, — отвѣтъ ирландскаго народа на клеветы м-ра Форстера" (11 декабря 1883).

Избирательная реформа.—Послѣдніе два года министерства Гладстона были заняты преимущественно обсужденіемъ дополнительной избирательной реформы, которой либералы требовали съ 1867 г. Она была проведена въ два пріема. 1) Условія *franchise* (права голоса), предоставленнаго т. наз. *boroughs*, т.-е. мѣстечкамъ (старинные города), были въ 1867 г. распространены на *графства* (сельскіе округа и новые города). Отнынѣ избирателемъ повсюду могъ быть всякій, кто, по найму или какъ собственникъ, одинъ занималъ какой бы то ни было домъ, внесенный въ податные списки (*household franchise*), или, живя въ одномъ домѣ съ собственникомъ, платилъ за квартиру не менѣе 10 фунтовъ въ годъ (*lodger franchise*). *Хаузхольдеры* находятся въ болѣе выгодномъ положеніи, потому что размѣръ ихъ квартирной платы не опредѣленъ; правда, въ среднихъ слояхъ англійскаго общества обычное явленіе, что семья занимаетъ отдѣльный небольшой домъ. 2) Затѣмъ нужно было отнять мандаты у мѣстечекъ, которыя въ среднемъ посылали въ парламентъ одного депутата отъ каждыхъ 40.000 жителей, и передать ихъ графствамъ, гдѣ одинъ депутатъ приходился на 78.000 жителей. Это *перераспредѣленіе* вызвало жаркіе споры. Радикалы хотѣли, чтобы округа были по возможности равны и нарѣзаны сообразно населенности, а консерваторы требовали, чтобы все осталось по-старому; палата лордовъ задержала этотъ законопроектъ на годъ, пока Гладстонъ обнародовалъ свой планъ *перераспредѣленія* (1884—85). Окончательный законъ оставилъ за 34 наиболѣе населенными *мѣстечками* прежнее число представителей, избираемыхъ по цѣлому списку, для 37 *мѣстечекъ* съ населеніемъ ниже 50.000 человѣкъ сократилъ число депутатовъ до одного на каждое, уничтожилъ спеціальные округа, въ которые группировались 105 *мѣстечекъ* съ населеніемъ ниже 16.000 человѣкъ, и освободившіеся мандаты передалъ графствамъ, раздѣленнымъ на округа по 50.000 чел. въ среднемъ, которые выбирали по одному депутату. Въ отличіе отъ реформъ 1838 и 1867 гг. Гладстонъ не удовольствовался *перераспредѣленіемъ* мандатовъ: онъ создалъ двѣнадцать новыхъ мѣстъ, что́ довело число депутатовъ до 670. Эта реформа получила знаменательное названіе, на которомъ лежитъ печать радикальнаго націонализма: *Актъ о народномъ представительствѣ.* Однако это былъ только своего рода компромиссъ. Правительство хотѣло избѣгнуть всеобщей подачи голосовъ; если

число избирателей и возросло до 4 съ лишнимъ милліоновъ, то 1.800.000 взрослыхъ мужчинъ все-таки были лишены права голоса: это были взрослые сыновья, живущіе при родителяхъ, съемщики меблированныхъ комнатъ, домашніе слуги и часть сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Другимъ невыгоднымъ для рабочихъ условіемъ является то, что, не проживъ двѣнадцати (фактически восемнадцати) мѣсяцевъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, нельзя быть внесеннымъ въ избирательные списки. Собственники и вообще состоятельные люди могутъ быть избирателями сразу во всѣхъ округахъ, гдѣ они удовлетворяютъ установленнымъ правиламъ. Множественный вотумъ возможенъ, потому что выборы не происходятъ вездѣ въ одинъ день; радикалы ратуютъ противъ него, противопоставляя ему формулу „*one man, one vote*". Наконецъ демократическія партіи донынѣ тщетно борются за введеніе парламентскаго вознагражденія (существующаго въ англійскихъ колоніяхъ) и перебаллотировки, такъ какъ система однократнаго голосованія не позволяетъ имъ выяснять соотношеніе силъ изъ страха доставить побѣду консервативному кандидату. Но, несмотря на свою неполноту, избирательная реформа 1885 г. по важности далеко превосходитъ всѣ, какія были произведены въ Англіи. Число избирателей въ Ирландіи болѣе чѣмъ утроилось (хотя число депутатовъ осталось прежнимъ), а для всего Соединеннаго королевства оно возросло на 75%.

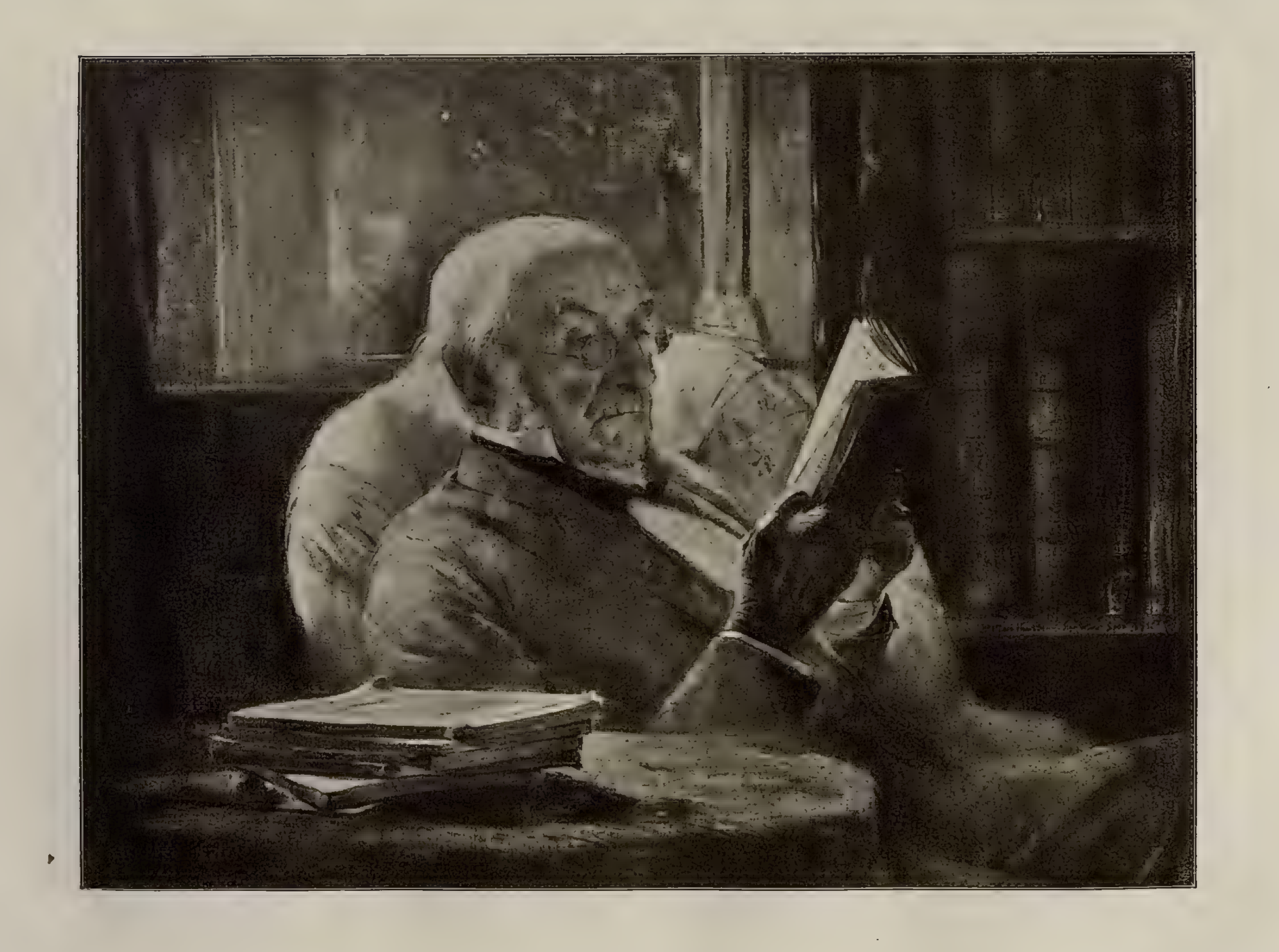
Права женщинъ.—Несмотря на давнюю агитацію феминистовъ и радикаловъ, женщины до сихъ поръ не пользуются въ Англіи правомъ голоса на парламентскихъ выборахъ. Зато онѣ на равныхъ правахъ съ мужчинами вотируютъ на всѣхъ муниципальныхъ выборахъ — въ *Boards of guardians* (комитеты общественнаго призрѣнія), *School Boards* (1870), совѣты графствъ (1888) и приходовъ (1894). Онѣ могутъ быть и сами избираемы въ благотворительные и школьные совѣты и дѣйствительно фигурируютъ въ большинствѣ изъ нихъ, представляя главнымъ образомъ диссидентскія секты, радикализмъ и иногда соціализмъ. Право для женщинъ вотировать на парламентскихъ выборахъ было въ принципѣ принято палатой общинъ въ 1886 и 1897 гг., но третье чтеніе, окончательно рѣшающее судьбу всякаго законопроекта, такъ и не было произведено. Гражданское равноправіе почти вполнѣ предоставлено женщинамъ рядомъ мѣропріятій, относящихся къ послѣднимъ десятилѣтіямъ (уничтоженіе или упорядоченіе проституціи, право для замужней женщины свободно распоряжаться своей собственностью и доходами и пр.). Движеніе въ пользу эмансипаціи женщинъ дружно идетъ во всѣхъ англійскихъ странахъ. Если въ Соединенномъ королевствѣ женщинамъ предоставлено больше правъ, чѣмъ въ остальныхъ европейскихъ государствахъ, то нѣкоторыя изъ его колоній далеко опередили его въ этомъ отношеніи.

IV. — Четыре министерства въ пятнадцать мѣсяцевъ (1885—86).

Новая тактика Парнеля.— Срокъ исключительныхъ мѣропріятій для Ирландіи, вотированныхъ на три года, истекалъ въ 1885 г. Гладстонъ заявилъ, что предложитъ парламенту возобновить ихъ. Въ виду этого Парнель и 39 ирландцевъ вошли въ соглашеніе съ консерваторами и провалили правительственный законопроектъ объ увеличеніи акциза на спиртные напитки. Гладстонъ подалъ въ отставку, и власть перешла къ консервативному кабинету Салисбюри (іюнь 1885). Новое министерство правило до января 1886 г. безъ большинства; однако либералы не свергали его: они ждали близкаго роспуска и новыхъ выборовъ по преобразованной избирательной системѣ.

Центральнымъ пунктомъ политики по-прежнему являлся ирландскій вопросъ. Парнель ввелъ въ дѣйствіе новую тактику, состоявшую въ томъ, чтобы попеременно вступать въ союзъ то съ той, то съ другой партіей, пока онъ не выжметъ изъ каждой всѣ тѣ уступки, какія она способна ему сдѣлать. Онъ свергъ Гладстона; Салисбюри задался цѣлью привлечь *гомрулеровъ* на свою сторону и для этого отказался отъ исключительныхъ законовъ по окончаніи ихъ срока, назначилъ слѣдствіе о карахъ за аграрные проступки и сталъ подготовлять законъ о покупкѣ земли ирландскими крестьянами. Тогда Парнель поставилъ вопросъ о *гомрулѣ* и впервые формулировалъ его въ Дублинѣ (24 августа 1885); онъ требовалъ ирландскаго парламента и министерства съ правомъ ограждать ирландскую промышленность отъ англійской конкурренціи. Передъ выборами вице-король Ирландіи просилъ у Парнеля тайнаго свиданія, и Парнель утверждалъ позднѣе, что вице-король обѣщалъ ему помощь консервативнаго правительства для достиженія *гомруля*. Гладстонъ въ своемъ округѣ выразилъ сочувствіе „благороднымъ начинаніямъ *selfgovernment* для Ирландіи". Когда Парнель предложилъ ему яснѣе опредѣлить свою точку зрѣнія, Гладстонъ отвѣчалъ, что сдѣлаетъ это послѣ того, какъ Ирландія выберетъ своихъ депутатовъ. Тогда Парнель издалъ манифестъ, гдѣ упрекалъ либераловъ въ томъ, что они относятся къ Ирландіи, какъ русскіе къ Польшѣ, и совѣтовалъ ирландскимъ избирателямъ Великобританіи вотировать противъ нихъ. Въ то же время, пользуясь своей популярностью въ Ирландіи, онъ направлялъ выборы въ тѣ собранія, которыя назначали кандидатовъ: съ послѣднихъ брали обѣщаніе, что они будутъ подчиняться дисциплинѣ ирландской парламентской партіи и подадутъ въ отставку, если этого потребуетъ большинство ихъ товарищей. На выборахъ въ январѣ 1886 года масса новыхъ ирландскихъ избирателей вытѣснила старыхъ депутатовъ, сохранившихъ вѣрность либераламъ, такъ называемыхъ *номинальныхъ гомрулеровъ*, и выбрала 86 парнелистовъ. Консерваторы получили 249 голосовъ, либералы 335; послѣдніе побѣдили, но безъ ирландцевъ у нихъ не было большинства. Тактика Парнеля увѣнчалась успѣхомъ; его партія сдѣлалась хозяиномъ въ палатѣ. Кабинетъ Салисбюри, который не могъ удержаться даже при поддержкѣ ирландцевъ, воспользовался своими послѣдними днями, чтобы возобновить старую консервативную политику: онъ предложилъ закрыть *Національную земельную лигу* и издать законъ противъ бойкота, но уже не успѣлъ провести эти мѣропріятія, такъ какъ былъ свергнутъ либералами и ирландцами. Во время своего короткаго существованія онъ присоединилъ независимую Бирманію къ Индіи.

Гладстонъ — „гомрулеръ". — Гладстонъ сталъ во главѣ министерства (январь—іюнь 1886). Ясно видя, что ничего не сможетъ дѣлать, если не удовлетворитъ ирланцевъ, онъ не безъ театральности изъявилъ готовность ввести *гомруль* и 8 апрѣля внесъ въ парламентъ законопроектъ, который по многимъ пунктамъ удовлетворялъ требованія Парнеля. Вотъ основные пункты этого проекта: Ирландія должна быть организована по образцу автономныхъ колоній, съ мѣстнымъ парламентомъ и министерствомъ подъ контролемъ британскаго правительства. Дублинскій парламентъ долженъ состоять изъ одной палаты съ двумя разрядами депутатовъ, изъ которыхъ одинъ избирается обыкновенной подачей голосовъ, другой—отчасти пэрами, отчасти крупными собственниками (въ большинствѣ англичанами). Таможенныя ставки не предоставляются на его усмотрѣніе, вопреки настояніямъ Парнеля. Наконецъ Ирландія обязана ежегодно вносить въ имперскую казну 3.244.000 ф. ст. Гладстонъ внесъ также проектъ о



В. Гладстонъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

передачѣ земли ирландскимъ крестьянамъ. Соединенное королевство ассигнуетъ частями въ четыре года 1 миллiардъ 250 миллiоновъ на вознагражденiе обезземеленныхъ *лэндлордовъ*, крестьяне же должны вернуть ему эту сумму путемъ ежегодныхъ погашенiй. Оба проекта Гладстона были приняты ирландской партiей и не встрѣтили сопротивленiя со стороны большинства либераловъ. Но протестантское англiйское общество высказалось противъ нихъ; предлогомъ для этой оппозицiи служило положенiе дѣлъ въ Ольстерѣ: она доказывала, что населенiе этой провинцiи было бы принесено въ жертву католическому и нацiоналистическому большинству будущаго ирландскаго парламента. *Оранжисты*, организованные уже въ оппозицiонную партiю, устроили рядъ демонстрацiй и составляли петицiи противъ *гомруля;* нѣкоторые изъ нихъ говорили, что скорѣе возьмутся за оружiе, нежели подчинятся. Подъ влiянiемъ этой агитацiи произошелъ расколъ въ либеральной партiи. Лишь только Гладстонъ изложилъ свой проектъ предъ своими товарищами, министръ внутреннихъ дѣлъ, Iосифъ Чемберлэнъ, подалъ въ отставку. Чемберлэнъ, бывшiй ранѣе фабрикантомъ въ Бирмингемѣ, затѣмъ мэромъ этого города (1874—1876), вступилъ въ парламентъ въ 1876 г. съ репутацiей революцiонера и ультра-радикальной программой, куда входили запрещенiе продажи алкоголя, отдѣленiе епископальной церкви отъ государства, обязательное свѣтское обученiе, ограниченiе крупнаго землевладѣнiя. Онъ былъ въ 1886 г. вождемъ т. наз. передового крыла либеральной партiи. Отъ послѣдней вмѣстѣ съ нимъ отдѣлилось еще нѣсколько радикаловъ. Съ другой стороны, отъ Гладстона отпала также группа умѣренныхъ и аристократовъ съ лордомъ Гартингтономъ. И вотъ возникла *либерально-унiонистская* партiя, названная такъ потому, что она хотѣла сохранить унiю Ирландiи и Великобританiи подъ властью одного правительства. Ея лидерами въ палатѣ общинъ были сначала лордъ Гартингтонъ, потомъ Чемберлэнъ (1891). Положенiе партiи измѣнилось; съ одной стороны стояла коалицiя консерваторовъ и унiонистовъ-либераловъ, съ другой—коалицiя сторонниковъ Гладстона и ирландцевъ. Дѣло въ томъ, что Парнель перемѣнилъ свою тактику: послѣ того какъ Гладстонъ сталъ на сторону *гомруля*, Парнель окончательно вступилъ въ союзъ съ либералами. Обѣ коалицiи помѣрялись силами при внесенiи въ палату законопроекта о *гомрулѣ*: онъ былъ отвергнутъ 241 голосомъ противъ 211 (7 iюня 1886), и извѣстiе объ этомъ вызвало со стороны большинства англичанъ настоящiй энтузiазмъ. Гладстонъ немедленно распустилъ палату. На новыхъ выборахъ имѣлъ рѣшающее значенiе вопросъ о *гомрулѣ*: въ парламентъ попало—191 либералъ и 86 *гомрулеровъ* съ одной стороны, 317 консерваторовъ и 75 либераловъ-унiонистовъ—съ другой. Гладстонъ подалъ въ отставку; лордъ Салисбюри составилъ кабинетъ изъ однихъ только консерваторовъ, но сохранилъ въ своемъ большинствѣ всѣхъ 75 унiонистовъ (сентябрь 1886). Въ слѣдующемъ году были сдѣланы кое-какiя попытки къ примиренiю обѣихъ фракцiй либеральной партiи, но онѣ оказались безуспѣшными, и расколъ прiобрѣлъ окончательный характеръ.

V. — Кабинетъ Салисбюри, опирающiйся на унiонистскую коалицiю (1886—92).

Конецъ дѣятельности Парнеля. — Министерство Салисбюри возобновило политику колонiальнаго расширенiя. Въ эту именно эпоху Англiя прiобрѣла новыя владѣнiя въ Африкѣ полюбовнымъ раздѣломъ съ Францiей, Германiей и Португалiей. Во внутренней политикѣ первое мѣсто по прежнему занимаютъ ирландскiя дѣла.

Націоналисты продолжаютъ свою агитацію, причемъ предлогомъ имъ служитъ примѣненіе *Land act*'а; комиссія для опредѣленія размѣровъ арендной платы, учрежденная этимъ закономъ, не облекала свои рѣшенія обязательной силой, вслѣдствіе чего *лэндлорды* не повиновались ея указаніямъ, когда послѣднія имъ не нравились. Двое ирландскихъ депутатовъ посовѣтовали фермерамъ въ виду недостаточности закона соединиться и заключить со своимъ помѣщикомъ коллективный договоръ, какъ дѣлаютъ трэдъ-юніоны съ работодателями. „Пошлите,—говорили они,—делегата, который условился бы съ *лэндлордомъ* насчетъ арендной платы, и дайте всѣ другъ другу слово ничего не платить, если отъ васъ потребуютъ больше того, что слѣдуетъ". Это называли *планомъ кампаніи.* Въ отвѣтъ правительство арестовало авторовъ этой системы. Оно назначило министромъ по дѣламъ Ирландіи Бальфура, завзятаго сторонника репрессій; онъ добился того, что планъ кампаніи былъ осужденъ папою (1888), какъ раньше бойкотъ; онъ не закрылъ оффиціально Національную лигу, занявшую мѣсто Земельной лиги, но объявилъ ее опасной. Онъ предложилъ новыя исключительныя мѣропріятія, дававшія право мировымъ судьямъ сокращеннымъ способомъ приговаривать къ крѣпостнымъ работамъ до десяти мѣсяцевъ и судить обвиняемыхъ внѣ Ирландіи: эти мѣры были вотированы на неограниченный срокъ. Лорду Салисбюри приписывали такія слова: „Нужно бы на двадцать лѣтъ пріостановить въ Ирландіи дѣйствіе конституціонныхъ гарантій". Дублинскій городской совѣтъ, въ видѣ протеста противъ правительственнаго законопроекта, отказался принять участіе въ юбилеѣ королевы. *Гомрулеры* и союзные съ ними гладстоніанцы пытались воспрепятствовать вотированію законопроекта путемъ обструкціи. По требованію кабинета, противъ нихъ была принята строгая система прекращенія преній, причемъ спикеру предоставлялось право приступать къ баллотировкѣ, не давая слова никому. Оппозиція въ видѣ протеста покинула залу засѣданій (іюнь 1889). Съ этихъ поръ Парнель ежегодно при открытіи сессіи предлагалъ выразить порицаніе правительству за примѣненіе исключительныхъ законовъ; разумѣется, это предложеніе отвергалось. Благодаря всѣмъ этимъ дебатамъ, либеральная Англія мало по-малу освоилась съ идеей *гомруля.* Въ іюнѣ 1888 г. на банкетѣ, состоявшемся въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ Парнеля, былъ провозглашенъ тостъ за Ирландію какъ націю. Автономныя колоніи, удовлетворенныя законопроектомъ 1886 г., въ которомъ онѣ видѣли свою конституцію, и обладавшія большой примѣсью ирландскаго населенія, присылали деньги Парнелю и на митингахъ или даже въ своихъ парламентахъ выражали сочувствіе идеѣ независимости Ирландіи. Вопросъ получилъ общій характеръ и уже не такъ оскорблялъ національное и протестантское чувство англичанъ, которыхъ мало-помалу успокоили протестантизмъ и парламентская корректность Парнеля. Ирландскій лидеръ жилъ особнякомъ, въ сторонѣ отъ своихъ приверженцевъ, избѣгая компрометтирующихъ связей и всего, что могло бы шокировать общество. Такъ, онъ не принялъ серьезнаго участія въ проведеніи плана кампаніи. Однако его враги нашли средство погубить его. Въ 1887 г. консервативный *Times* открылъ походъ противъ него, кончившійся обнародованіемъ записки, авторъ которой одобрялъ убійство въ Фениксъ-паркѣ и выражалъ сожалѣніе, что принужденъ публично осуждать его; эту записку *Times* приписывалъ Парнелю. Послѣдній заявилъ протестъ и потребовалъ парламентскаго слѣдствія, въ чемъ правительство ему отказало, а судебнаго процесса онъ не хотѣлъ затѣвать, такъ какъ не довѣрялъ англійскимъ присяжнымъ. Но когда вслѣдъ за-

тѣмъ одинъ бывшій ирландскій депутатъ возбудилъ противъ *Times* обвиненіе въ диффамаціи, защитникъ газеты изъявилъ готовность доказать, что между Парнелемъ и насильниками - революціонерами существовало соглашеніе (1888). Парнель снова потребовалъ парламентскаго слѣдствія, и правительство опять отказало ему, согласившись однако назначить для разбора дѣла трехъ спеціальныхъ судей. Процессъ кончился театральной сценой: свидѣтель Пиготтъ, продавшій *Times*'у письма Парнеля, признался редактору одной радикальной газеты, что самъ сочинилъ эти письма (февраль 1889); затѣмъ онъ бѣжалъ въ Мадридъ и тамъ покончилъ съ собою въ тотъ моментъ, когда его готовились арестовать. Невинность Парнеля была блестяще доказана. Въ палатѣ общинъ гладстоніанцы, ни на минуту не повѣрившіе навѣтамъ *Times*'а, устроили ему овацію. Гладстонъ въ видѣ протеста принялъ его у себя во время разбора дѣла. Все это оказало большую услугу ирландскому дѣлу. Въ Лондонѣ состоялся большой митингъ для выраженія протеста противъ пріемовъ Бальфура. И министерство, казалось, готово было пойти на уступки: оно внесло законопроектъ о примѣненіи тѣхъ статей билля 1881 г., которыя обѣщали помощь крестьянамъ для выкупа земли (1890). Но въ этотъ моментъ союзъ, десять лѣтъ составлявшій силу Ирландіи, распался. Парнель былъ осужденъ судомъ за прелюбодѣяніе (1890). Диссиденты—протестанты, составлявшіе главное ядро либеральной партіи, отказались впредь имѣть политическія сношенія съ человѣкомъ, уличеннымъ въ безнравственности, и Гладстонъ въ письмѣ, которое сдѣлалось достояніемъ гласности, заявилъ, что Парнель, несмотря на всѣ его заслуги, болѣе не можетъ оставаться вождемъ ирландской партіи. Католическіе архіепископы и епископы, не любившіе Парнеля, также высказались противъ него. Ирландская парламентская партія послѣ пятидневныхъ ожесточенныхъ преній распалась на 56 парнелистовъ и 45 антипарнелистовъ; американцы сначала оставались вѣрны лидеру, но тутъ они наотрѣзъ отказались присылать деньги, пока обѣ группы не примирятся. Парнель пытался было обратить все происшествіе въ національный вопросъ, выставляя себя жертвою англичанина Гладстона, который де желаетъ диктовать ирландскому народу выборъ его вождя. Послѣ цѣлаго ряда митинговъ въ Ирландіи, гдѣ его усилія разбились о противодѣйствіе католическаго духовенства, онъ умеръ въ Брайтонѣ (6 октября 1891).

Совѣты графствъ (1888—89) и приходскіе совѣты (1894).—Несмотря на борьбу съ ирландцами, консервативное правительство удосужилось осуществить нѣкоторыя изъ реформъ, обѣщанныхъ на общихъ выборахъ 1885 г. и отложенныхъ до болѣе спокойнаго времени. Важнѣйшей изъ нихъ была демократическая организація управленія графствъ. До сихъ поръ графствами управляли мировые судьи, вѣдавшіе, кромѣ суда, также общественныя работы и надзоръ за дорогами; они назначались королевою изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ. „Подобно феодальнымъ сеньерамъ, чье мѣсто они заступили,—писалъ Стюартъ Милль,—они осуществляютъ свои важныя функціи въ силу своего обладанія землею. Этотъ институтъ является по принципу наиболѣе аристократическимъ изъ всѣхъ, какіе существуютъ въ Англіи". На выборахъ 1885 г. либералы требовали, чтобы мировые судьи были замѣнены выборными коллегіями; однако это требованіе было осуществлено консервативнымъ министерствомъ. Законъ 1888 г. раздѣлилъ собственно Англію и Уэльсъ на 122, частью новыхъ, округа, которымъ дано было старое названіе графствъ. Въ это число входили: 60 сельскихъ графствъ, которыя одни только и соотвѣтствовали приблизительно старымъ

графствамъ, 61 городское графство, охватывавшія всѣ города съ населеніемъ болѣе 50.000 жителей и 17 болѣе мелкихъ старыхъ городковъ, изъ которыхъ всѣхъ меньше Кембриджъ (21.000 жителей), наконецъ Лондонское административное графство, въ составъ котораго входятъ Сити и всѣ сосѣдніе приходы, которые до сихъ поръ оставались раздѣльными и принадлежали къ тремъ графствамъ. Каждымъ изъ этихъ округовъ управляетъ *совѣтъ графства*, избираемый плательщиками податей и сполна обновляемый каждые три года. Къ нему перешли всѣ не-судебныя функціи мировыхъ судей. Въ первыхъ 60 графствахъ онъ носитъ характеръ французскаго генеральнаго совѣта, въ остальныхъ и въ Лондонѣ онъ похожъ скорѣе на муниципальный совѣтъ. Здѣсь существуютъ другого рода муниципальные совѣты—т. наз. *городскіе совѣты* (*town councils*), изъ которыхъ старѣйшіе возникли еще въ средніе вѣка и которые закономъ 1835 года были преобразованы, причемъ и система избранія ихъ членовъ получила болѣе демократическій характеръ; послѣ 1889 г. они уцѣлѣли еще почти только въ *boroughs* [1]) съ населеніемъ меньше чѣмъ въ 50.000 чел. *Окружные совѣты* (выборные) обязаны слѣдить за примѣненіемъ законовъ о народномъ здравіи и состояніемъ дорогъ; *boards of guardians* избираются *приходскими союзами*, которые возникли преимущественно съ 1834 г. для сбора и расходованія налога въ пользу бѣдныхъ; и тѣ, и другіе съ 1889 г. подчинены *совѣтамъ графствъ*. Послѣднимъ принадлежитъ контроль надъ дѣятельностью окружныхъ совѣтовъ, отъ нихъ же зависитъ и образованіе приходскихъ союзовъ.

Законъ о совѣтахъ графствъ былъ въ 1889 г. распространенъ на Шотландію. Примѣненіе его къ Ирландіи консервативное министерство отложило впредь до возстановленія здѣсь спокойствія.

Эта крупная реформа не коснулась сельскихъ общинъ: онѣ остались безъ выборной администраціи.

Внѣ городовъ приходъ остался, какъ въ средніе вѣка, основной административной единицей. Имъ управлялъ своего рода церковный (*vestry*) совѣтъ, обязанный не только заботиться о поддержаніи церквей и культа, но и собирать налогъ въ пользу бѣдныхъ и вѣдать все гражданское управленіе; въ немъ предсѣдательствуетъ священнослужитель оффиціальной церкви, дѣйствующій подъ вліяніемъ *сквайра* (мѣстнаго помѣщика). Реформа приходовъ нанесла бы ударъ англиканскому духовенству и поземельной аристократіи; поэтому ее и оттягивали до тѣхъ поръ, пока не вернулись къ власти либералы. Законъ 1894 года о мѣстномъ самоуправленіи сохранилъ за сельскими общинами старое названіе прихода, но ограничилъ роль *vestry* функціями церковнаго совѣта: въ каждой деревнѣ имѣется теперь приходское собраніе (*parish meeting*), въ которомъ участвуютъ всѣ мѣстные плательщики налоговъ; въ селахъ съ населеніемъ свыше 300 чел. (а факультативно и въ остальныхъ) былъ учрежденъ приходскій совѣтъ (*parish council*), избираемый членами приходскаго собранія. Здѣсь крестьяне впервые были призваны къ обсужденію своихъ дѣлъ и впервые созданы муниципальные совѣты въ деревняхъ. Такъ было завершено (съ школьными совѣтами въ 1871 г.) устройство въ Великобританіи демократической и выборной мѣстной администраціи на мѣсто старой администраціи помѣщиковъ. Это преобразованіе началось послѣ реформы 1832 г. и шло затѣмъ по англій-

[1]) Древнее слово *borough* теперь употребляется для обозначенія трехъ совершенно различныхъ дѣленій: 1) нѣкоторыхъ избирательныхъ округовъ (*parliamentary borough*): 2) нѣкоторыхъ городовъ, имѣющихъ *town councils* (*municipal borough*), наконецъ, 3) извѣстныхъ городовъ, обращенныхъ, вмѣстѣ со своимъ округомъ, въ графства и управляемыхъ совѣтомъ графства (*county of borough*).

скому способу, безъ общаго плана, послѣдовательно расширяясь и по возможности сохраняя старыя названія и традиціонную внѣшность. Но несмотря на свой скромный видъ, это была настоящая революція. Ее скорѣе можно сравнить съ той департаментской и коммунальной организаціей, которую создало въ Франціи Учредительное собраніе, съ той разницей, что она не была проведена систематически и сразу; сходство заключается въ томъ, что и здѣсь въ мѣстномъ управленіи участвуютъ всѣ плательщики налоговъ и что агенты центральной власти совершенно отсутствуютъ въ провинціи. Въ Англіи совсѣмъ нѣтъ должностныхъ лицъ, сходныхъ съ французскими префектами. Мѣстнымъ коллегіальнымъ властямъ подчинены всѣ вѣдомства включая и полицію (кромѣ Лондона). Онѣ стоятъ подъ непосредственнымъ контролемъ министерства по дѣламъ мѣстнаго управленія (*Local government board*), предположеннаго еще въ 1834 г. и окончательно организованнаго первымъ министерствомъ Гладстона. Консерваторы уже и это считали чрезмѣрной централизаціей; правда, нѣкоторые радикалы склонны думать, что для успѣшности примѣненія новыхъ, болѣе прогрессивныхъ законовъ, нуженъ болѣе малолюдный органъ центральной власти, нежели какой дѣйствуетъ теперь. При настоящихъ условіяхъ Англія является и децентрализованной, и демократической страной. Отличительныя черты стараго *self government*, который такъ восхваляли Гизо и Тэнъ, состояли въ томъ, что почти совсѣмъ не было чиновниковъ, что правосудіе съ грѣхомъ пополамъ отправляли *сквайры*, что воровъ ловили охотники, что по всѣмъ дорогамъ стояли турникеты, а на всѣхъ мостахъ—шлагбаумы. Съ учрежденіемъ новыхъ совѣтовъ число чиновниковъ въ Англіи начало возрастать, но они назначаются въ большинствѣ выборными органами мѣстнаго управленія. Послѣднее пользуется частью прямыхъ налоговъ и имѣетъ право увеличивать ихъ или вводить новые, а также заключать займы подъ контролемъ *Local government board*. „Совѣты графства“ большихъ городовъ воспользовались своей автономіей и крупными средствами, чтобы организовать на собственный счетъ эксплуатацію воды, газа, трамваевъ, чтобы уменьшить рабочій день и упорядочить заработную плату своихъ рабочихъ и служащихъ, срыть нездоровые кварталы и застроить ихъ хорошими квартирами для рабочихъ. Эта система, имѣющая цѣлью организовать общественныя службы и сдѣлать выборную администрацію посредницей въ соціальныхъ вопросахъ, получила нѣсколько преувеличенное названіе *муниципальнаго соціализма*. Возрастающее развитіе послѣдняго въ Англіи знаменуетъ отказъ отъ манчестерскаго *laissez-faire* и эволюцію въ сторону вмѣшательства властей и законнаго принужденія, которая чувствовалась уже въ нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ перваго министерства Гладстона. Городскія управленія крупныхъ британскихъ городовъ стоятъ приблизительно на той же точкѣ зрѣнія, какъ демократическія государства Новаго Свѣта—Новая Зеландія, Викторія и Южная Австралія.

Соціализмъ въ Англіи.—Въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, проводящихъ такъ называемый муниципальный соціализмъ, очень мало соціалистовъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Послѣдніе въ качествѣ меньшинства фигурируютъ болѣе чѣмъ въ двухстахъ совѣтахъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не составляютъ большинства. Современный англійскій соціализмъ не стоитъ въ прямой связи съ пропагандой Оуэна и чартистовъ; уцѣлѣвшіе отъ реакціи революціонеры эпохи до 1848 г. образумились и занимались потомъ еще только устройствомъ кооперативныхъ или взаимновспомогательныхъ обществъ. Нынѣшнее движеніе имѣло источникомъ новыя, частью иностранныя вліянія. Его успѣхамъ спо-

собствовалъ сначала аграрный кризисъ, обнаружившійся въ Англіи въ 1873 г. и особенно обострившійся въ 1879 г. Стали возникать союзы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, и снова, какъ во времена чартизма, сталъ дебатироваться вопросъ объ отношеніяхъ между собственникомъ и рабочимъ. Въ Соединенномъ королевствѣ этотъ вопросъ поставленъ своеобразно; три четверти всей земли принадлежитъ *лэндлордамъ*, и крестьяне являются лишь батраками крупныхъ арендаторовъ. Для улучшенія положенія было предложено два средства. Радикалы, особенно Чемберлэнъ, требовали на выборахъ 1885 г., чтобы въ Англіи было сдѣлано то же, что Гладстонъ предлагалъ для Ирландіи, т.-е. чтобы государство скупило всю землю у *лэндлордовъ* и распродало ее мелкими участками сельскохозяйственнымъ рабочимъ съ разсрочкой платежа. Эти требованія привели къ двумъ мѣропріятіямъ: 1) въ 1887 г. мѣстнымъ управленіямъ было разрѣшено пріобрѣтать землю для отдачи ея въ наймы мелкими участками (*allottments*); эта мѣра имѣла цѣлью особенно обезпечить батраку клочокъ земли подъ огородъ, такъ какъ великобританскіе *лэндлорды* сдаютъ землю только крупнымъ фермерамъ; 2) въ 1892 г. совѣтамъ графства разрѣшено было покупать землю и отъ себя продавать ее малыми надѣлами (*small holdings*), съ цѣлью создать классъ крестьянъ-собственниковъ. Законъ 1894 г., учредившій приходскіе совѣты, уполномочиваетъ послѣдніе требовать *allottments* или *small holdings* отъ совѣта графства. Общій смыслъ всѣхъ этихъ законовъ—тотъ, что государство вмѣшивается съ цѣлью создать мелкое землевладѣніе насчетъ крупнаго: это—одинъ изъ пунктовъ радикальной программы. Этой системѣ противопоставляется мысль о національзаціи земли, предложенная въ Англіи въ концѣ XVIII в. и воскрешенная въ 1880 г. естествоиспытателемъ А. Р. Уоллэсомъ. Уоллэсъ написалъ книгу, въ которой требуетъ, чтобы государство выкупило землю у *лэндлордовъ* и раздавало отдѣльнымъ лицамъ, смотря по ихъ потребностямъ, на опредѣленный срокъ и подъ условіемъ самоличной обработки. Его идеи представлены *Лигой для національзаціи земли* (1882). Другое общество—*Лига для возвращенія земли* (1884)—проводитъ теорію американца Генри Джорджа. Джорджъ хочетъ достигнуть той же цѣли, что Уоллэсъ, но болѣе радикальнымъ способомъ: по его мысли государство имѣетъ возможность принудить землевладѣльцевъ отдать ему всю землю безъ вознагражденія; для этого ему стоитъ только обложить ее единымъ налогомъ, точно соотвѣтствующимъ земельному доходу. Книга Джорджа, *Прогрессъ и бѣдность*, изданная въ 1879 г., имѣла въ Великобританіи, какъ и во всѣхъ англійскихъ странахъ, громадный успѣхъ. Общепризнано, что именно подъ его вліяніемъ многіе изъ вождей современнаго соціализма начали склоняться къ коллективизму.

Джорджъ видитъ въ національзаціи земли панацею, которая излѣчитъ всѣ соціальные недуги. Онъ не отрицалъ капитала и считалъ работу за плату необходимостью. Коллективизмъ и программу классовой борьбы первый пропагандировалъ въ Англіи ученикъ Маркса Гайндманъ, основавшій Соціалъ-демократическую федерацію (1883)—первый союзъ, организованный въ Англіи на почвѣ новаго соціализма. Нѣсколько позднѣе возникло Фабіанское общество съ программой въ духѣ новаго соціализма; оно было основано людьми, не желавшими вступать въ борьбу съ либеральной партіей. Это—прежде всего ученое общество, насчитывающее въ своихъ рядахъ не мало видныхъ публицистовъ и государственныхъ дѣятелей. Долгое время въ Лондонѣ не наблюдалось никакой соціалистической агитаціи. Пропагандисты воспользовались торгово-промышленнымъ кризисомъ, ко-

торый начался въ 1883 г. и затянулся до 1888 г. Въ теченіе 1886 и 1887 гг. безработные устроили рядъ манифестацій, гдѣ участвовали и члены *Федераціи*. Наиболѣе драматической изъ нихъ была демонстрація 13 ноября 1887 г., когда соціалисты, безработные и ирландцы сдѣлали попытку устроить митингъ-монстръ на Трафальгарской площади, которую консервативное правительство закрыло для народныхъ собраній. Демонстранты были оттѣснены полиціей и войскомъ, многіе изъ нихъ были ранены, другіе арестованы и приговорены къ тюремному заключенію. Въ это время число соціалистовъ было еще незначительно; они не имѣли никакого вліянія на выборахъ и не питали надежды достигнуть своей цѣли путемъ завоеванія власти. Рабочіе союзы относились къ ихъ пропагандѣ равнодушно и подчасъ враждебно.

Новый трэдъ-юніонизмъ.—Трэдъ-юніоны возникли, какъ мы видѣли, до возрожденія въ Англіи соціализма. Они заняли мирную позицію и ограничивались требованіемъ частичныхъ улучшеній въ современномъ соціальномъ строѣ; они представляли собою не только союзы, предназначенные выторговывать у работодателей болѣе выгодныя условія труда,—это были вмѣстѣ съ тѣмъ страховыя и взаимновспомогательныя общества, облагавшія своихъ членовъ довольно высокими сборами (въ среднемъ ок. 50 коп. въ недѣлю). При такихъ условіяхъ, естественно, въ нихъ могли вступать только квалифицированные рабочіе; главными изъ нихъ были союзы рудокоповъ, машинистовъ, судостроительныхъ рабочихъ, прядильщиковъ. Не квалифицированные рабочіе, т.-е. чернорабочіе, въ старые союзы совсѣмъ не допускались, такъ какъ не были въ состояніи уплачивать правильные крупные взносы. Такъ, союзъ каменщиковъ не принималъ рабочихъ, разводящихъ известь, въ союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ не принимались чернорабочіе, въ союзы прядильщиковъ и рудокоповъ—подсобные рабочіе. Замкнувшись въ кругу квалифицированныхъ рабочихъ, профессіональное движеніе неустанно прогрессировало со времени вступленія въ силу законовъ 1875 г. Около 1889 г. число рабочихъ, объединенныхъ въ профессіональные союзы, превышало въ Англіи милліонъ. Многіе союзы преобразовались въ федераціи, старавшіяся охватить всѣхъ занятыхъ въ той же отрасли труда на всемъ протяженіи Соединеннаго королевства. Организація союзовъ оставалась тою же, какъ она сложилась въ 1888 г. Ежегодно въ одномъ изъ промышленныхъ городовъ собираются на годичный конгрессъ делегаты отъ всѣхъ союзовъ. Его привѣтствуютъ, какъ если бы это былъ промышленный или торговый съѣздъ, муниципалитетъ и именитые граждане города и его окрестностей; конгрессъ работаетъ по программѣ, составленной *парламентскимъ комитетомъ* предыдущаго года, и выбираетъ такой же комитетъ на слѣдующій годъ; обыкновенно выбираются тѣ же лица, и въ ихъ числѣ находятся виднѣйшіе изъ *labour members*, т.-е. рабочихъ депутатовъ. Около 1889 г. это были все люди, посѣдѣвшіе въ трэдъ-юніонизмѣ, привыкшіе къ старымъ методамъ и прежнимъ теоріямъ; такимъ образомъ, они олицетворяли собою консервативный элементъ, враждебный соціалистическимъ ученіямъ и вмѣшательству государства. Зато многіе изъ болѣе молодыхъ союзовъ уже были затронуты пропагандой національзаціи земли и даже соціализма; они выступали съ революціонными предложеніями, которыя по настоянію авторитетовъ синдикализма отвергались. Такъ, на конгрессѣ 1875 г. былъ отвергнутъ вопросъ о поштучной работѣ, на конгрессахъ 1882 и 1883 гг.—предложеніе высказаться въ пользу всеобщей подачи голосовъ; принципъ національзаціи земли, нѣсколько лѣтъ подрядъ вносившійся на конгрессъ, былъ принятъ лишь въ 1888 г. Это былъ

первый успѣхъ соціалистически-настроенныхъ союзовъ.

Ихъ силы скоро возросли благодаря организаціи не квалифицированныхъ рабочихъ, которая является однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ соціальной исторіи современной Англіи. Въ 1889 г. послѣ громадной стачки рабочіе лондонскихъ доковъ основали союзъ подъ руководствомъ двухъ соціалистовъ, Джона Бёрнса и Тома Манна, членовъ профессіональнаго союза механиковъ; еще раньше организовались служащіе газовыхъ обществъ по почину одного изъ своей среды, Уильяма Торна, члена *Соціалъ-демократической федераціи*. За ними послѣдовали *докеры* другихъ портовъ, матросы и кочегары торговыхъ судовъ и пр. Цѣлый годъ между рабочими различныхъ отраслей труда царила настоящая объединительная горячка. Новые союзы, состоя изъ людей, получающихъ очень нерегулярную заработную плату, не въ состояніи устраивать кассы для безработныхъ и взаимновспомогательныя, какія существуютъ при старыхъ союзахъ. Они заводятъ у себя только стачечныя кассы, и слѣдовательно всѣ ихъ усилія направляются на борьбу съ работодателями. Эта тенденція, обусловленная самой жизнью, дѣлаетъ почву чрезвычайно воспріимчивой для соціалистической пропаганды. Съ того момента, какъ представители новыхъ союзовъ были допущены на годичные конгрессы, старой политикѣ пришелъ конецъ. Конгрессъ 1890 г. высказался за законодательное введеніе 8-часового рабочаго дня, Норвичскій (1894) принялъ резолюцію, требующую національзаціи земли (уже однажды вотированную въ 1888 г.) и орудій производства (идея новѣйшаго коллективизма). Большинство парламентскаго комитета рѣшилось произвести своего рода революцію и отказалось признать делегатами тѣхъ, кто фактически уже не работалъ въ представляемой имъ профессіи. Результатомъ этой мѣры было то, что Кардифскій конгрессъ (1895) отказался отъ послѣдней части вотума 1894 г. Но Эдинбургскій конгрессъ (1896) принялъ для земли, *рудниковъ и желѣзныхъ дорогъ* принципъ національзаціи и для нѣкоторыхъ отраслей промышленности—принципъ муниципальнаго соціализма. Надо отмѣтить, кромѣ того, что различные конгрессы все энергичнѣе высказываются за развитіе рабочаго законодательства и за вмѣшательство государства или мѣстнаго управленія. Прошло время, когда руководители союзовъ говорили: „Чѣмъ меньше рабочему дѣла съ закономъ, тѣмъ лучше для него". Въ профессіональномъ движеніи, какъ и вообще въ Англіи, *laissez-faire* уступилъ мѣсто идеѣ вмѣшательства власти и законнаго принужденія; этотъ переходъ становится все болѣе явственнымъ, по мѣрѣ того какъ старые дѣятели сходятъ со сцены и ихъ мѣсто занимаютъ люди, одушевленные новыми тенденціями.

Повидимому, трэдъ-юніоны склонны также принять болѣе дѣятельное участіе въ политической жизни; на ихъ конгрессахъ уже поднималась рѣчь объ образованіи настоящей *Trade-Federation*, т.-е. новой партіи, которая охватила бы всѣ рабочія организаціи. Конгрессъ въ Бельфастѣ (1893) постановилъ въ принципѣ основать спеціальную кассу для проведенія въ парламентъ *labour members* изъ числа сторонниковъ обобществленія орудій производства. Это была бы, такъ сказать, классовая партія, тогда какъ *labour members*, зависящіе только въ отношеніи программы отъ своихъ округовъ и сидящіе въ палатѣ вмѣстѣ съ радикалами на лѣвомъ флангѣ либеральной партіи, совершенно изолированы отъ общаго профессіональнаго движенія. Но предложенная организація все еще остается только проектомъ; конгрессъ 1898 г. принужденъ былъ преждевременно разойтись по причинѣ пожара, вспыхнувшаго въ его помѣщеніи, и не успѣлъ обсудить какъ слѣдуетъ планъ *Trade-Federation* и во-

просъ о *labour members*. Такимъ образомъ, на парламентскихъ выборахъ классовую точку зрѣнія проводили только *Соціалъ-демократическая федерація* и *Независимая рабочая партія*, основанная въ 1893 г. Ни одной изъ нихъ не удалось провести въ палату своихъ кандидатовъ. Двое соціалистовъ были избраны (независимо отъ какой бы то ни было организаціи) въ 1875 г. Одинъ изъ нихъ, Джонъ Бёрнсъ, сталъ радикаломъ, другой—Кейръ Гарди, бывшій рудокопъ и нынѣшній лидеръ независимой партіи, въ 1895 г. провалился. *Федерація* удержала программу и тактику нѣмецкой соціалистической партіи. *Рабочая партія*, болѣе широкая и болѣе сентиментальная, часть своихъ членовъ набрала среди христіанскихъ соціалистовъ, филантроповъ, *салютистовъ* и, повидимому, прогрессируетъ благодаря уступкамъ, которыя она сдѣлала англійскому общественному мнѣнію. Въ общемъ англійскій соціализмъ (исключая *Федерацію* и часть *фабіанцевъ*) проникнутъ религіознымъ гуманитаризмомъ и близко напоминаетъ континентальный соціализмъ до 1848 г.

VI.—Коалиція сторонниковъ гомруля; Гладстонъ, затѣмъ Розберри (1892—95).

На выборахъ въ іюлѣ 1892 г. либеральная партія получила большинство, правда некрупное, благодаря Уэльсу, Шотландіи и Ирландіи (275 либераловъ и 80 ирландцевъ, изъ которыхъ 71 были антипарнелитами). Консерваторы (270) и уніонисты (45) прошли большею частью въ самой Англіи. Ньюкэстльская программа, составленняя однимъ изъ радикальныхъ вождей, Джономъ Морлеемъ, и декларации Гладстона обѣщали, — кромѣ *гомруля* для Ирландіи,—новую избирательную реформу, сокращеніе прерогативъ верхней палаты, отдѣленіе церкви отъ государства въ Шотландіи и Англіи, затѣмъ рядъ аграрныхъ и рабочихъ реформъ.

Такимъ образомъ, Гладстонъ, убѣжденный приверженецъ англиканства, дебютировавшій на парламентской аренѣ въ качествѣ „надежды непримиримаго торизма“, послѣ долгой политической эволюціи оказался лидеромъ представителей диссидентскихъ округовъ и вождемъ почти вполнѣ радикальной партіи. Всѣ свои силы Гладстонъ посвятилъ теперь проведенію *гомруля*. Онъ внесъ новый законопроектъ, очень отличный отъ проекта 1885 г.: онъ предлагалъ учредить въ Ирландіи двухпалатный парламентъ по образцу и съ наименованіями австралійскихъ конституцій и оставить въ британскомъ парламентѣ ирландскую группу депутатовъ въ количествѣ уже не 103, а 80 человѣкъ. Послѣ жаркихъ преній, длившихся 82 дня, и оживленной агитаціи въ странѣ проектъ былъ принятъ въ нижней палатѣ большинствомъ 35 голосовъ; но верхняя палата отвергла его въ первомъ же чтеніи 419 голосами противъ 41 (2 сентября 1893). Гладстонъ былъ, казалось, готовъ или объявить новые выборы по вопросу о *гомрулѣ*, или сократить права палаты лордовъ. Когда верхняя палата отвергла законопроектъ о приходскихъ совѣтахъ, Гладстонъ сказалъ въ палатѣ общинъ: „По нашему мнѣнію, такое положеніе дѣлъ не должно болѣе продолжаться“,—и при рукоплесканіяхъ либераловъ возвѣстилъ о готовящемся крупномъ событіи (1 марта 1894). Думали, что онъ собирается осуществить планъ радикаловъ: преобразовать или уничтожить (*mend or end*) верхнюю палату. Но его партія не была согласна съ нимъ въ этомъ пунктѣ. Гладстонъ окончательно вышелъ въ отставку, и президентомъ совѣта сдѣлался министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Розберри, избранный лидеромъ либеральной партіи.

Министръ финансовъ, сэръ Уильямъ Гаркуръ, кандидатъ радикаловъ, сталъ лидеромъ партіи въ нижней палатѣ. Лордъ Розберри заявилъ, что *гомруль*

откладывается до того времени, когда *predominant partner*—Англія—будетъ согласна. Онъ высказался въ пользу имперской федераціи и затѣялъ Читральскую экспедицію. Онъ отказался вступиться за армянъ, какъ того требовали Гладстонъ и старые либералы. Въ области внутренней политики нѣкоторую важность имѣютъ двѣ мѣры либеральнаго правительства: учрежденіе приходскихъ совѣтовъ, подготовленное Гладстономъ и замедленное благодаря veto лордовъ, и установленіе прогрессивнаго налога на наслѣдства, внесеннаго Гаркуромъ въ бюджетъ (который не вотируется палатой лордовъ). Всѣ существенные законы встрѣтили систематическое сопротивленіе со стороны верхней палаты. Правительство выработало законопроекты почти по всѣмъ крупнымъ пунктамъ радикально-либеральной программы (жалованье депутатамъ; *one man, one vote*; отдѣленіе церкви отъ государства въ Уэльсѣ; отвѣтственность предпринимателей за увѣчья рабочихъ; восьмичасовой рабочій день для рудокоповъ; законъ о защитѣ дѣтей на фабрикахъ), и всѣ они разбились объ упрямство лордовъ. Къ тому же Гаркуръ возбудилъ недовольство содержателей винныхъ лавокъ, внеся законопроектъ о предоставленіи муниципалитетамъ права запрещать продажу спиртныхъ напитковъ. Частичные выборы почти неизмѣнно кончались побѣдой консерваторовъ. Потерявъ всякую надежду на успѣхъ, правительство воспользовалось пораженіемъ, которое оно случайно потерпѣло по одному второстепенному пункту военнаго бюджета, и уступило мѣсто кабинету Салисбюри (іюнь 1895).

VII.—Возвращеніе къ власти консерваторовъ.

Новые выборы, объявленные министерствомъ Салисбюри, дали ему огромное большинство: 340 консерваторовъ и 71 либералъ-уніонистъ противъ 177 либералъ-радикаловъ и 82 ирландцевъ. Въ Англіи либералы были разбиты, въ Шотландіи за ними осталось большинство только въ 6 голосовъ; свои позиціи они сохранили только въ населенномъ методистами Уэльсѣ, которому они обѣщали *disestablishment* англиканской церкви. Впервые со времени Биконсфильда консерваторы обладали достаточнымъ числомъ голосовъ, чтобы править безъ союзниковъ; но либералы-уніонисты теперь растворились въ массѣ торійской партіи. Ихъ вожди—герцогъ Девонширскій (бывшій лордъ Гартингтонъ) и Чемберлэнъ—впервые вошли въ кабинетъ Салисбюри.

Вступая во власть, консервативное уніонистское министерство нашло на очереди восточный вопросъ и вопросъ объ индійской границѣ. На востокѣ оно слѣдовало той же политикѣ, какъ и великія державы европейскаго материка: отнеслось равнодушно къ страданіямъ армянъ и вмѣшалось въ дѣла Крита. Оно вело мелкія войны съ сосѣдними афганскими народцами, съ дервишами египетскаго Судана и въ западной и южной Африкѣ. Оно употребило всѣ усилія, чтобы расширить англійскія владѣнія при раздѣлѣ этого материка; общественное мнѣніе Англіи отнеслось одобрительно къ этой сторонѣ дѣятельности министерства и выказало сильное раздраженіе противъ Франціи въ дѣлѣ о „колѣнѣ“ Нигера и въ вопросѣ о Верхнемъ Нилѣ. Точно также кабинетъ стяжалъ народное сочувствіе, высказавшись за образованіе британской имперской федераціи. Главнымъ представителемъ имперіализма является министръ колоній Чемберлэнъ, повидимому отрекшійся отъ своего стараго радикализма и посвятившій себя расширенію британскихъ владѣній. Онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ томъ, что набѣгъ Джемсона на Трансвааль былъ произведенъ съ его вѣдома и, можетъ быть, даже одобренія,—и онъ формально былъ обвиненъ въ

этомъ слѣдственной комиссіей, назначенной Капскимъ парламентомъ. Но комиссія, назначенная англійскимъ парламентомъ, свои поиски виновныхъ не простерла до него.

Политика территоріальнаго расширенія заставляетъ Англію съ опасеніемъ смотрѣть на европейскія коалиціи и самой искать союзовъ. Соперницами Англіи являются Россія въ Азіи и Франція въ Африкѣ; съ Италіей она заключила договоръ, но наиболѣе сильное изъ государствъ тройственнаго союза, Германія, все успѣшнѣе и успѣшнѣе соперничаетъ съ Англіей на поприщѣ торговли и промышленности и потому обѣ эти державы относятся другъ къ другу съ глубокимъ недоброжелательствомъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что лордъ Салисбюри остается въ „великолѣпномъ одиночествѣ", съ которымъ англійское общество, повидимому, не такъ легко мирится, какъ министръ. Англія съ неудовольствіемъ встрѣтила извѣстіе о раздѣлѣ Китая, гдѣ Салисбюри волей-неволей принужденъ былъ дать мѣсто и царю, и германскому императору. Этимъ поводомъ воспользовался Чемберлэнъ, чтобы въ неоффиціальной рѣчи предложить Соединеннымъ Штатамъ союзъ Англіи. Вступившись за Венецуэлу противъ Великобританіи, Соединенные Штаты заключили съ послѣдней соглашеніе, по которому впредь всѣ разногласія между ними подлежатъ третейскому суду (1896). Съ этого времени въ Англіи зарождается движеніе въ пользу союза съ американской республикой. И дипломатическія затѣи, и колоніальныя экспедиціи толкаютъ Англію на путь вооруженій по примѣру континентальныхъ державъ. Былъ представленъ рядъ проектовъ съ цѣлью увеличить численный составъ арміи, не вводя обязательной воинской повинности, которая была бы дурно принята большинствомъ англичанъ. Въ дѣлѣ обезпеченія національной обороны министерство главное свое вниманіе обратило на флотъ. Оно добилось кредитовъ для увеличенія его до такой нормы, чтобы онъ всегда былъ равенъ соединеннымъ морскимъ силамъ любыхъ двухъ великихъ державъ. Старая либеральная программа—*Peace, Retrenchment, Reform*—сошла со сцены вмѣстѣ съ Гладстономъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи первыхъ двухъ пунктовъ. При кабинетѣ Салисбюри было проведено немало реформъ. Иныя изъ нихъ имѣли цѣлью просто удовлетворить консервативную кліентелу; такъ, напримѣръ, поземельный налогъ былъ значительно уменьшенъ къ выгодѣ *лэндлордовъ*, съ цѣлью облегчить тяжесть аграрнаго кризиса. Въ бюджетъ ежегодно вносится сумма въ 616.000 ф. ст. на субсидіи конфессіональнымъ школамъ (1897). Слѣдующая крупная мѣра заставляетъ думать, что тори хотятъ вернуться къ своей старой демократической традиціи. Закономъ 1898 г. объ отвѣтственности хозяевъ за увѣчье рабочихъ (*The Workmens'compensation act*) былъ измѣненъ къ большой выгодѣ для рабочихъ законъ 1880 года. Общественная власть принуждена все болѣе считаться съ рабочими организаціями. Съ тѣхъ поръ какъ ростъ промышленности въ другихъ странахъ подрываетъ успѣхи англійской промышленности, дѣятельность рабочихъ союзовъ становится болѣе агрессивной: все чаще повторяются большія стачки. При либеральномъ министерствѣ состоялись стачки хлопчатобумажныхъ, затѣмъ горнозаводскихъ рабочихъ, при консервативномъ механическіе рабочіе бастовали семь мѣсяцевъ, чтобы добиться 8-часового рабочаго дня (1897—98), и затѣмъ уэльскіе горнорабочіе, чтобы добиться увеличенія заработной платы, не говоря уже о множествѣ болѣе мелкихъ стачекъ.

Въ Ирландіи царитъ все та же нужда, но депутаты-націоналисты изъ-за постоянныхъ разногласій между собою не въ силахъ принудить парламентъ къ разрѣшенію ирландскаго вопроса. Консерватив-

ное министерство признало, что Ирландія платитъ слишкомъ много налоговъ. Оно провело новый *Irish land bill* съ цѣлью дать возможность крестьянамъ выкупить землю (1896), и готовится ввести въ Ирландіи выборные совѣты графства и приходскіе совѣты, какъ въ двухъ другихъ частяхъ королевства; наконецъ, оно позволило отпраздновать столѣтнюю годовщину возстанія 1798 года.

Либеральная партія, повидимому, все болѣе проникается радикализмомъ и въ то же время склоняется къ имперіализму. Съ 1895 г. она вернула себѣ около дюжины мѣстъ въ парламентѣ, почти все — на счетъ уніонистовъ. У нея нѣтъ вождя, такъ какъ лордъ Розберри отказался отъ *leadership*, а Уильямъ Гаркуръ недостаточно вліятеленъ, чтобы соединить подъ своимъ руководствомъ разнородные элементы бывшей гладстоновской коалиціи.

Развитіе современной Англіи можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: 1) демократизація избирательнаго права (въ три пріема—1832, 1867, 1885); 2) созданіе выборнаго мѣстнаго управленія съ большими полномочіями подъ широкимъ контролемъ спеціальнаго министерства (1835, 1894); 3) организація рабочихъ и постепенное вытѣсненіе манчестерскаго *laissez-faire* идеей вмѣшательства государства или мѣстныхъ властей (муниципальный соціализмъ). Эта эволюція ускорилась особенно послѣ избирательнаго закона 1867 г. и реформъ перваго министерства Гладстона. Еще въ 1870 г. Тэнъ не замѣтилъ ея. Она охватываетъ всѣ англійскія страны и ходъ ея былъ быстрѣе въ колоніяхъ, особенно въ Австраліи, нежели въ метрополіи. Великобританія на видъ менѣе демократична, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что ея перерожденіе совершается позади декораціи изъ старыхъ, бережно хранимыхъ учрежденій, каковы: монархія, палата лордовъ, оффиціальная церковь и пр. Всего же медленнѣе мѣняется пуритански-аристократическій духъ англійскаго общества.

Глава III.

Британскія колоніи

съ 1870 г.

Старая и новая колоніальная политика.— Англійскія колоніи, исключая Индіи, распадаются на три группы: 1) колоніи, обладающія парламентомъ и отвѣтственнымъ правительствомъ, 2) колоніи, обладающія представительными учрежденіями, и 3) коронныя колоніи. Первыя (Dominion, Нью-Фаундлэндъ, семь штатовъ Австралазіи и Капъ) были организованы либералами начиная съ 1840 г. и представляютъ собою настоящія республики, гдѣ президентомъ является губернаторъ, назначенный королевою. Губернаторы располагаютъ правомъ veto, но по традиціи не пользуются имъ. Англійское правительство оставило за собою право верховнаго контроля надъ колоніальной администраціей, но усвоило привычку не стѣснять ее. Въ 1872 г. оно отказалось измѣнить конституцію Викторіи; въ 1878 г. оно отозвало одного губернатора, который хотѣлъ навязать квебекскому парламенту своего ставленника въ министры. Оно даровало Австралазіи болѣе либеральный законъ о разводѣ, нежели какой дѣйствуетъ въ Англіи, и даже не вмѣшалось съ цѣлью воспрепятствовать проведенію въ жизнь радикальныхъ мѣропріятій касательно избирательнаго права, борьбы съ алкоголизмомъ, народнаго образованія, отдѣленія церквей отъ государства, фискальнаго и промышленнаго законодательства. При этомъ режимѣ колоніи, располагающія отвѣтственнымъ правительствомъ, усвоили чрезвычайно независимый характеръ, оставаясь однако искренно преданными Великобританіи. Dominion и Австралазія радушно принимали делегатовъ ирландской націоналистической партіи и снабжали ихъ деньгами, но выказали также лойяльныя чувства во время осложненій съ Россіей, Афганистаномъ и Венецуэлой, какъ и по поводу юбилеевъ 1887 и 1897 гг. Въ настоящее время уже нельзя говорить объ англійской колоніальной политикѣ по отношенію къ автономнымъ колоніямъ, ибо у каждой изъ нихъ — своя собственная исторія, болѣе оригинальная, нежели исторія многихъ независимыхъ государствъ, и приходится вслѣдъ за Чарльзомъ Дилькомъ упрекнуть въ узости взгляда Сёмнера Мэна, забывшаго отвести имъ самостоятельное мѣсто въ своемъ сочиненіи о парламентскомъ строѣ.

Въ колоніяхъ, располагающихъ представительными учрежденіями, законодательная власть принадлежитъ выборному собранію, которое вотируетъ бюджетъ, тогда какъ исполнительная власть по-

прежнему находится въ рукахъ губернатора и совѣта изъ чиновниковъ.

Коронныя колоніи остались въ непосредственномъ завѣдываніи метрополіи, но и имъ дарованы болѣе или менѣе либеральныя конституціи соотвѣтственно количеству европейцевъ, населяющихъ каждую. На низшей ступени губернаторъ является полнымъ хозяиномъ колоніи; это—старый порядокъ, и онъ удержался еще только въ Гибралтарѣ, представляющемъ собою нѣчто въ родѣ обширной казармы. Въ прочихъ колоніяхъ губернаторъ дѣлитъ свою власть съ исполнительнымъ совѣтомъ изъ чиновниковъ, своего рода министерствомъ; въ иныхъ колоніяхъ рядомъ съ этимъ совѣтомъ существуетъ еще либо законодательный совѣтъ, составленный частью изъ колонистовъ по назначенію короны, либо совѣтъ смѣшаннаго состава, наполовину выборный. Верхнюю ступень занимаютъ колоніи съ представительнымъ управленіемъ. Эти ступени представляютъ собою путь, который прошли колоніи, обладающія теперь парламентскими учрежденіями въ полномъ составѣ.

Колонія только въ томъ случаѣ можетъ получить автономію, если она въ состояніи обходиться собственными средствами; поэтому нѣкоторыя коронныя колоніи не выказываютъ склонности заключить подобную сдѣлку. Великобританія тратится только на тѣ свои колоніи, которыя подчинены ея контролю; она сократила свои колоніальные расходы до 25 милліоновъ въ годъ, что̀ равно четвертой части колоніальныхъ расходовъ Франціи, владѣнія которой въ десять разъ меньше. Она держитъ въ колоніяхъ (кромѣ Индіи) всего 33.000 солдатъ, изъ нихъ—около половины на Мальтѣ (10.000) и Гибралтарѣ (5.000). Колоніи съ представительнымъ управленіемъ содержатъ для своей защиты милицію на собственный счетъ. Исключая гарнизона въ Галифаксѣ, исходной станціи канадско-тихоокеанской желѣзной дороги, Англія содержитъ теперь на свой счетъ только морскія силы.

Никакихъ новыхъ присоединеній, возможно меньше издержекъ и безпокойства, предоставленіе полной свободы дѣйствій колонистамъ и купцамъ—такова старая либеральная политика, которую Гладстонъ кое-какъ проводилъ каждый разъ, какъ стоялъ во главѣ кабинета. Напротивъ, Дизраэли и новые консерваторы вернулись къ политикѣ войнъ и завоеваній. Были заняты новые пункты на Суэцкой дорогѣ (Сокотора, 1876; Кипръ, 1878, и др.), въ Индійскомъ и Тихомъ океанѣ, отодвинута граница Индіи, захвачены большіе куски при раздѣлѣ Африки, произведенномъ недавно европейскими державами. Политика колоніальнаго расширенія теперь въ чести даже у новаго поколѣнія либераловъ; ея сторонники отвергаютъ прежній оптимизмъ, обсуждаютъ возможность колоніальной войны, заботятся объ исправности оборонительныхъ средствъ и стараются создать имперскую федерацію, въ которую вошли бы автономныя колоніи.

I.—Англійская Америка.

Съ 1873 г. Dominion обнимаетъ всѣ англійскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, кромѣ Ньюфаундлэнда. Это—обширнѣйшая изъ британскихъ колоній.

Включеніе въ Dominion территорій по Гудсонову заливу.—Когда организовался Dominion, однимъ изъ пожеланій, высказанныхъ англійскому правительству делегатами четырехъ соединившихся колоній, было открытіе для колонизаціи земель, принадлежавшихъ Компаніи Гудсонова залива. Эта территорія занимала всю прерію по ту сторону Великихъ Озеръ до Скалистыхъ горъ и весь сѣверный край до Ледовитаго океана. Въ 1869 г. она была уступлена Dominion'у; за это Компанія получила вознагражденіе въ

300.000 ф. ст. и сохранила право собственности на принадлежавшіе ей лѣса и двадцатую часть всей пахотной земли. На всемъ громадномъ протяженіи новопріобрѣтеннаго края былъ только одинъ участокъ, гдѣ началась колонизація, именно тотъ, который простирается на югъ отъ озера Виннипега. Здѣсь еще въ XVIII вѣкѣ поселились метисы, помѣсь бѣлыхъ съ индѣйцами, употреблявшіеся Компаніей въ качествѣ охотниковъ за пушниной. Съ другой стороны, одинъ вельможа-филантропъ около 1811 г. поселилъ шотландскихъ крестьянъ вокругъ Форта Дугласа (теперь Виннипегъ). Эта колонія не имѣла успѣха; многіе изъ шотландцевъ покинули ее, но на ихъ мѣсто явились эмигранты-англичане и канадцы. Около 1869 г. берега Редъ Ривера въ районѣ Виннипега были заселены на протяженіи 24 миль. Здѣсь жило до 5.000 метисовъ, говорившихъ по-французски, исповѣдывавшихъ католическую религію, почти столько же англо-протестантскихъ метисовъ и 2.000 чистыхъ англичанъ; каждое изъ двухъ вѣроисповѣданій имѣло свою школу и свои церкви.

Такова была будущая Манитоба, когда въ 1869 г. ее посѣтилъ Макъ-Дугалль, вице-губернаторъ земель, уступленныхъ Dominion'у. По его приказанію начато было составленіе кадастра края. Метисы испугались, какъ бы ихъ охотничья территорія не была захвачена федераціей и по частямъ распродана земледѣльцамъ. Они собрались, составили протестъ противъ захвата земли Dominion'омъ и образовали временное правительство, президентомъ котораго былъ выбранъ шотландецъ Брюсъ и секретаремъ—франко-канадскій метисъ-католикъ Луи Ріэль (ноябрь 1869). Между тѣмъ англійскіе колонисты высказались въ пользу Канады; къ нимъ примкнуло изрядное количество англо-протестантскихъ метисовъ; партія сопротивленія составилась преимущественно изъ католиковъ, и вождемъ ея сталъ Ріэль. По его приказанію вождь англійскихъ колонистовъ, Скоттъ, былъ схваченъ и разстрѣлянъ въ Виннипегѣ. Тогда Dominion рѣшилъ отправить противъ него войско; 300 солдатъ и 700 добровольцевъ, выступивъ изъ Канады подъ начальствомъ Уольслея, прибыли въ Виннипегъ въ августѣ 1870 г. послѣ трехмѣсячнаго труднаго похода. Метисы разсѣялись еще до ихъ прихода, и Ріэль бѣжалъ въ Соединенные Штаты. Край былъ присоединенъ безъ труда. Область Редъ Ривера и озера Виннипегъ была обращена въ провинцію подъ названіемъ Манитоба (15 іюля 1870) и сдѣлалась пятымъ штатомъ Dominion'а. Здѣсь былъ образованъ парламентъ и отвѣтственное министерство подъ контролемъ вице-губернатора. Манитобѣ съ самаго начала было даровано право представительства въ обѣихъ федеральныхъ палатахъ въ Оттавѣ. Подобно смежнымъ областямъ, Дакотѣ и Миннесотѣ, она производитъ главнымъ образомъ хлѣбъ. Она населилась съ необычайной быстротой: съ 12.000 въ 1870 г. ея народонаселеніе возросло до 108.000 въ 1885 г. Виннипегъ, гдѣ въ 1870 г. жили 241 человѣкъ, насчитываетъ теперь во сто разъ больше жителей. Цѣнность земли значительно возросла: участокъ, оцѣненный въ 1872 г. въ 15 франковъ и вымѣненный въ этомъ году крестьяниномъ-католикомъ на мѣсто въ церкви, былъ десять лѣтъ спустя проданъ за 130.000 фр. Измѣненію экономическихъ условій соотвѣтствовала эволюція соціальная и политическая. Манитоба, населенная преимущественно шотландцами и американцами, отличается демократическимъ и радикальнымъ характеромъ. Въ ней нѣтъ верхней палаты; она высказалась за всеобщую подачу голосовъ, за отдѣленіе церкви отъ государства, противъ субсидій конфессіональнымъ школамъ.

Остальная часть земель Гудсоновой компаніи была раздѣлена на пять „окру-

говъ“, сходныхъ съ „территоріями“ Соединенныхъ Штатовъ: *Киватинъ*, управляемый вице-губернаторомъ Манитобы, *Ассинибойа, Саскачеванъ, Альберта, Атабаска* съ представительнымъ собраніемъ, но безъ отвѣтственнаго министерства, и особымъ вице-губернаторомъ въ Реджинѣ. Эти округа имѣютъ представителей въ федеральномъ парламентѣ въ Оттавѣ. Здѣсь начинаютъ прививаться хлѣбопашество и скотоводство. Наконецъ, самая холодная и пустынная часть, извѣстная подъ названіемъ *Сѣверо-западной территоріи*, была временно раздѣлена на 4 округа (1896). Эта территорія, повидимому, не способна привлекать эмигрантовъ. Недавнее открытіе золотыхъ пріисковъ въ Клондайкѣ привлекло сюда множество золотоискателей; но такъ какъ почва здѣсь всегда мерзлая, то неизвѣстно, останутся ли пришельцы и послѣ того, какъ копи истощатся. Этотъ мало населенный край былъ присоединенъ безъ труда, если не считать новаго возстанія метисовъ въ 1885 г. Оно было вызвано тою же причиной, какъ и мятежъ 1870 г. Охотники-метисы покинули Манитобу, когда правительство за вознагражденіе присвоило свободныя земли, чтобы перепродать ихъ колонистамъ; изъ нихъ больше 4.000 стали заниматься тѣмъ же промысломъ въ Саскачеванѣ; но и сюда вскорѣ явились чиновники, присланные подготовить раздѣленіе на участки и продажу послѣднихъ за счетъ правительства. И вотъ они снова возстали подъ предводительствомъ Дюмона и Луи Рiэля, и близъ Батоша разбили конную стражу волонтеровъ округа. Въ то же время, подстрекаемые метисами, возстали на другомъ концѣ территоріи индѣйцы, убили немалое число европейцевъ, въ томъ числѣ нѣсколько католическихъ миссіонеровъ, и заставили конную полицію очистить Фортъ Питтъ; главный городъ территоріи, Бэтльфордъ, очутился между обоими мятежными станами. Канадскіе ультра-католики несомнѣнно сочувствовали Рiэлю, но политическіе дѣятели, даже французскаго происхожденія и католическаго вѣроисповѣданія, высказались противъ него. Это было на-руку франко-канадцамъ, входившимъ въ составъ федеральнаго министерства; одинъ изъ нихъ, управляющій милиціей, Каронъ, безъ задержки и противодѣйствія сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія къ подавленію мятежа. Собрано было 4.000 солдатъ, въ большинствѣ добровольцевъ; ихъ отправили по только что оконченной тихоокеанской жел. дорогѣ; спустя мѣсяцъ послѣ первыхъ побѣдъ Рiэля эти войска взяли Батошъ, и въ то же время другія федеральныя войска усмирили возставшія индѣйскія племена. Зачинщики убійства миссіонеровъ были казнены, двое индѣйскихъ вождей приговорены къ двухлѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Рiэль, взятый въ Батошѣ, былъ судимъ въ Реджинѣ, главномъ городѣ этихъ территорій, и приговоренъ къ смерти за убійство Скотта въ Виннипегѣ въ 1869 г. Его осужденіе сильно взволновало канадскихъ и французскихъ католиковъ. Федеральному министерству и англійской королевѣ было представлено множество петицій объ его помилованіи, но тщетно; приговоръ былъ конфирмованъ въ Оттавѣ, потомъ въ Лондонѣ, и Рiэль былъ повѣшенъ въ Реджинѣ.

Послѣ 1885 г. на этихъ территоріяхъ больше не было уже никакихъ волненій. Полицейскую службу несутъ около тысячи конныхъ стражниковъ. Число метисовъ постепенно уменьшается. Индѣйцевъ насчитывается не болѣе 30.000 (едва ли и треть всего числа индѣйцевъ, населяющихъ Dominion). Правительство, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ, поселило ихъ на особо отведенныхъ земляхъ, гдѣ они могутъ охотиться свободно, но откуда не должны выходить. Оно старается обучить ихъ черезъ посредство миссіонеровъ и обратить ихъ въ хлѣбопаш-

цевъ, какъ это сдѣлали съ ирокезами на Онтаріо.

Присоединеніе Колумбіи и о-ва Принца Эдуарда къ Dominion'у.—Британская Колумбія, обширнѣйшая область Dominion'a (два раза больше Франціи), представляетъ собою страну высокихъ горъ и плоскогорій со скалистымъ побережьемъ, изобилующимъ бухтами и островами. Она принадлежала сначала къ территоріи Гудсоновой бухты. Послѣ того, какъ здѣсь были открыты золотыя копи, правительство обратило Колумбію въ коронную колонію (1858), присоединивъ къ ней и колонію Ванкуверъ (1866). Между Колумбіей и Dominion'омъ не существовало никакихъ путей сообщенія; чтобы изъ Квебека или Оттавы добраться до Викторіи, нужно было проѣхать Соединенные Штаты. Поэтому правительство Колумбіи желало, чтобы была проложена на англійской территоріи трансконтинентальная желѣзная дорога; оно вступило въ Dominion подъ условіемъ, чтобы эта дорога была построена (1871). Колумбія, располагающая глубокими бухтами и разрабатывающая со времени истощенія золотыхъ пріисковъ богатыя каменноугольныя залежи, надѣялась устроить въ конечной точкѣ желѣзной дороги крупный портъ на Тихомъ океанѣ.

Въ 1873 году островъ Принца Эдуарда, самая малая изъ морскихъ колоній (около 100.000 жителей), примкнулъ къ Dominion'у подъ тѣмъ условіемъ, чтобы федеральная казна ссудила ему нужныя суммы для выкупа у *скуоттеровъ* ихъ владѣльческихъ правъ. Dominion далъ ссуду мѣстному правительству и обязался провести на островѣ желѣзную дорогу.

Канадскія партіи: протекціонизмъ или свобода торговли.—Въ 1873 г. Dominion получаетъ ту самую форму, какую онъ сохраняетъ и доселѣ, въ составѣ 7 штатовъ и нѣсколькихъ территорій. Чисто внутренняя исторія каждаго штата имѣетъ мало значенія. Главнѣйшимъ вопросомъ федеральной политики является вопросъ о таможенныхъ тарифахъ, отъ котораго зависятъ отношенія съ Соединенными Штатами. Либералы въ большинствѣ стоятъ за свободу торговли или, вѣрнѣе, требуютъ, чтобы Dominion заключилъ съ Соединенными Штатами договоръ о торговой взаимности, аналогичный съ тѣмъ, который былъ расторгнутъ въ 1866 г.; они хотятъ пріобрѣсти для Канады американскую кліентелу. Напротивъ, консерваторы являются протекціонистами, особенно въ отношеніи Соединенныхъ Штатовъ; они утверждаютъ, что канадскій лѣсъ, хлѣбъ и скотъ будутъ находить очень выгодный сбытъ въ Европѣ. Въ 1867 г. у кормила власти въ Канадѣ стояли консерваторы. Вождь консерваторовъ прежней единой Канады, Макъ Дональдъ, былъ однимъ изъ учредителей Dominion'a; онъ сталъ его премьеръ-министромъ, и его партія сохраняла власть до 1873 г. Съ 1873 по 1878 г. власть въ Dominion'ѣ принадлежала либераламъ съ Александромъ Мекензи во главѣ; затѣмъ она на двадцать лѣтъ снова перешла къ консерваторамъ; ихъ вождями были въ это время Макъ Дональдъ (умершій въ 1891 г.) и нѣсколько другихъ лидеровъ, изъ которыхъ самымъ выдающимся былъ сэръ Чарльзъ Тёпперъ, первый министръ Новой Шотландіи и одинъ изъ творцовъ федераціи 1887 г. Консерваторы ознаменовали свое возвращеніе къ власти введеніемъ очень высокаго покровительственнаго тарифа (1879). При этомъ режимѣ таможенный доходъ началъ составлять болѣе половины федеральныхъ доходовъ. Торговля съ Соединенными Штатами все болѣе падала, но торговля съ Европою значительно возросла. Къ прежнимъ предметамъ вывоза изъ Dominion'a—мѣху, рыбѣ и лѣсу—прибавились хлѣбъ, сыръ и живой скотъ. Въ Англію, которой не хватаетъ для прокормленія собственной говядины, суда доставляютъ полный грузъ канадскихъ быковъ. Но англій-

скіе промышленники жалуются, что пошлина, платимая ими при въѣздѣ въ Dominion, сильно повышаетъ цѣну ихъ товаровъ. Еще большее недовольство царитъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1866 г. Соединенные Штаты отказались возобновить договоръ о торговой взаимности, опасаясь конкурренціи канадскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ 1874 г., когда въ Dominion'ѣ правительство состояло изъ сторонниковъ свободной торговли, Соединенные Штаты провалили новый проектъ торговаго договора, такъ какъ не желали признать права взаимности за англійскими товарами, идущими чрезъ Канаду. Вслѣдъ затѣмъ власть въ Dominion'ѣ снова перешла къ консерваторамъ, и они рѣшительно высказались противъ возобновленія торговыхъ сношеній съ сосѣдней республикой. Проектъ договора о торговой взаимности, представленный въ 1888 г. палатѣ общинъ въ Оттавѣ, встрѣтилъ отпоръ со стороны министерства и былъ отвергнутъ палатою, которая въ особой деклараціи высказалась за протекціонизмъ. Въ свою очередь и Соединенные Штаты стали проводить рѣзко протекціонистскую политику; они приняли тарифъ Макъ Кинлея; тогда первый министръ Dominion'а, Макъ Дональдъ (консерваторъ), заявилъ, что Соединенные Штаты, задавшись цѣлью присоединить къ себѣ Канаду, для начала хотятъ принудить ее составить съ ними таможенный союзъ, но что его партія никогда не поддастся этому маневру. При такомъ настроеніи обѣихъ сторонъ неудивительно, что столкновенія между обоими правительствами по вопросу о рыбной ловлѣ никакъ не могутъ придти къ концу. Споръ идетъ, во-первыхъ, о томъ, въ правѣ ли американцы ловить рыбу въ канадскихъ водахъ, во-вторыхъ, о томъ, въ правѣ ли канадцы охотиться на тюленей у американскаго побережья Берингова моря. Оба вопроса были рѣшены третейскимъ судомъ (1886 и 1890), который однако не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны и не положилъ конца столкновеніямъ.

Образъ дѣйствій консерваторовъ по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ возбудилъ неудовольствіе въ приморскихъ провинціяхъ, которыя хотятъ продавать свою рыбу и покупать фабричные продукты у своихъ сосѣдей, американцевъ.

Въ Новой Шотландіи выборы 1886 г. дали большинство либераламъ, ратовавшимъ за заключеніе торговаго договора съ Соединенными Штатами. Парламентъ этого штата грозилъ отложиться отъ Dominion'а, если не получитъ удовлетворенія въ этомъ пунктѣ. „Федерація гнила,—заявилъ одинъ изъ министровъ,—не пройдетъ пятнадцати лѣтъ, и она рухнетъ". Либеральная партія всюду заявляла тѣ же требованія, какъ и въ Новой Шотландіи (исключая отложенія). Въ 1895 г. былъ созванъ большой либеральный политическій конгрессъ; здѣсь, подъ предсѣдательствомъ Лорье, была выработана избирательная программа партіи. Она требуетъ пониженія таможенныхъ ставокъ, *насколько это позволитъ равновѣсіе бюджета,* и заключенія торговаго договора съ Соединенными Штатами; другія статьи программы требуютъ реформы ценза для федеральныхъ выборовъ, земельныхъ законовъ въ видахъ поддержки мелкихъ арендаторовъ и борьбы со спекуляціей, плебисцита по вопросу о продажѣ алкоголя. Очевидно, главной ареной борьбы между обѣими партіями по-прежнему является таможенный вопросъ. Консервативное правительство понизило тарифы въ надеждѣ этимъ путемъ нѣсколько ослабить своихъ противниковъ. Но на выборахъ 1896 г. либералы получили большинство. Своей побѣдою они были обязаны французско-католической провинціи Квебеку, доставившей имъ 50 депутатскихъ мѣстъ изъ 65; дѣло въ томъ, что либералы не настроены антиклерикально и что ихъ лидеръ, занимающій теперь постъ перваго

министра,—франко-канадецъ Лорье, избранный послѣ побѣды своей партіи въ предсѣдатели федеральнаго министерства,—первый федеральный премьеръ-министръ не англійскаго происхожденія.

Канадо-тихоокеанская желѣзная дорога.— Консервативное правительство провело канадо-тихоокеанскую желѣзную дорогу, которая была обѣщана Колумбіи съ цѣлью склонить ее ко вступленію въ союзъ. Когда консервативная партія вернулась къ власти (1878), желѣзная дорога еще не была готова и Колумбія грозила выйти изъ союза. Творцомъ великаго трансконтинентальнаго пути былъ основатель Dominion'а, министръ Макъ Дональдъ. Въ 1880 году министерство вошло въ соглашеніе съ компаніей англійскихъ капиталистовъ относительно постройки желѣзной дороги; въ слѣдующемъ году этотъ проектъ былъ одобренъ англійскимъ парламентомъ. Вся линія со своими развѣтвленіями была построена въ нѣсколько лѣтъ; на ней работали одновременно 23.000 рабочихъ. При прорытіи Скалистыхъ горъ потребовался цѣлый рядъ инженерныхъ сооруженій; часть пути пришлось защитить отъ снѣжныхъ обваловъ. Работы велись дѣятельно и были закончены на пять лѣтъ раньше, чѣмъ разсчитывали. 26 іюня 1886 г. изъ Монреаля вышелъ первый поѣздъ по направленію къ Ванкуверу. Въ слѣдующемъ году на этотъ путь перешла почта изъ Англіи въ Китай. Это—кратчайшая дорога между Великобританіей и Дальнимъ Востокомъ; по ней войска могутъ въ 21 день прибыть изъ Англіи въ Гонконгъ (вмѣсто 43 дней, которыхъ требуетъ дорога чрезъ Суэцкій каналъ); по ней подкрѣпленія могутъ быть доставлены въ Индію исключительно чрезъ владѣнія британской державы. Эта желѣзнодорожная линія представляетъ собою важнѣйшее, но не единственное общественное сооруженіе, исполненное со времени основанія Dominion'а. Канада, какъ и остальныя англійскія колоніи, не побоялась войти въ долги, чтобы обзавестись хорошими путями сообщенія. Ей оказалось подъ силу то, чего отдѣльныя колоніи никогда не могли бы осуществить; она располагаетъ солиднымъ кредитомъ и находитъ деньги по $4^0/_0$ и меньше; путемъ займовъ она настроила мостовъ, каналовъ, желѣзнодорожныхъ линій. Она располагаетъ теперь приблизительно 5.000 килом. судоходныхъ путей и 25.000 килом. желѣзныхъ дорогъ. Послѣднія почти всѣ принадлежатъ частнымъ обществамъ, какъ въ Англіи; единственной большой линіей, построенной, по примѣру Австралазіи, государствомъ, является *Intercolonial Railway*,—первое предпріятіе, которое затѣялъ Dominion въ видахъ соединенія приморскихъ провинцій собственно съ Канадою, и оконченное въ 1874 г. Эта казенная линія теперь окупаетъ свои расходы.

Путемъ субсидій Dominion содѣйствовалъ учрежденію пароходныхъ рейсовъ между Колумбіей, Японіей и Австраліей. Всѣ эти траты сильно обременили союзный бюджетъ, а увеличеніе таможенныхъ доходовъ оказалось недостаточнымъ для покрытія излишка расходовъ. Подобно остальнымъ автономнымъ колоніямъ, Dominion имѣетъ дефицитъ, который онъ покрываетъ путемъ займовъ. Его долгъ равенъ 332.530.131 долл., долгъ отдѣльныхъ штатовъ—26.929.115 долл. Отношеніе суммы долга къ количеству жителей здѣсь почти то же, что и во Франціи.

Школьный вопросъ въ Манитобѣ.—Прерогативы федеральной власти были достаточно ясно опредѣлены въ актѣ 1867 г.; поэтому столкновенія между мѣстными и союзными властями возникали лишь изрѣдка и только по частнымъ вопросамъ. Такъ, въ 1887 г. Dominion вмѣшался съ цѣлью помѣшать штату Манитоба провести желѣзнодорожную линію, которая пересѣкла бы Тихоокеанскую. Результатомъ этого вмѣшательства было то, что

въ Квебекѣ почти тотчасъ собрались на конференцію представители отдѣльныхъ частей союза. Здѣсь были первые министры всѣхъ штатовъ, исключая Колумбіи и о. Принца Эдуарда, а также множество депутатовъ. Конференція высказала слѣдующія пожеланія: veto должно принадлежать одной королевѣ, но не губернатору; половина сенаторовъ должна быть избираема на срокъ провинціями; право голоса при выборахъ въ союзный парламентъ должно быть опредѣляемо каждой провинціей самостоятельно; штаты должны быть полновластны въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства и общественныхъ работъ; верховныя палаты въ провинціяхъ должны быть уничтожены; доля прихода, причитающаяся каждой провинціи, должна быть увеличена; наконецъ, долженъ быть заключенъ торговый договоръ съ Соединенными Штатами. Эти требованія были отчасти усвоены либералами, которые въ 1896 г. одержали верхъ надъ консерваторами.

Либеральному министерству Лорье пришлось на первыхъ же порахъ распутывать новыя затрудненія, возбужденныя опять Манитобою. Постройка желѣзной дороги, раньше не дозволенной, была разрѣшена въ 1888 г. Но между федеральнымъ правительствомъ и Манитобою возникъ конфликтъ по вопросу о начальныхъ школахъ. Народное образованіе въ Dominion'ѣ не составляетъ общественнаго вѣдомства. Правительство ограничивается субсидированіемъ частныхъ школъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы обученіе было почти безплатнымъ: такова англійская система. Субсидіей пользуются школы всѣхъ вѣроисповѣданій. Католики настояли на томъ, чтобы субсидіи выдавались ихъ спеціальнымъ школамъ, куда принимаются только дѣти католиковъ, и гдѣ учащими являются духовныя лица. Этотъ порядокъ существуетъ въ провинціяхъ Квебекъ и Онтаріо. Манитоба не захотѣла подчиниться ему, хотя онъ основанъ на конституціи 1867 г. Въ 1890 году правительство Манитобы заявило, что отнынѣ оно не будетъ субсидировать исключительно католическихъ школъ; народонаселеніе этой провинціи состояло тогда изъ 132.000 протестантовъ и всего 20.000 католиковъ. Епископы аппелировали къ союзному правительству, которое признало за ними право требовать субсидій для своихъ школъ. Но законодательное собраніе Манитобы отказалось подчиниться этому рѣшенію и пригрозило вотировать присоединеніе своей провинціи къ Соединеннымъ Штатамъ. Конфликтъ продолжался и при консервативномъ правительствѣ и былъ разрѣшенъ только уже либеральнымъ министерствомъ, ратовавшимъ, какъ мы видѣли, за провинціальныя вольности. Въ ноябрѣ 1896 г. Манитобѣ было предоставлено право требовать почти полной нейтральности субсидируемыхъ школъ. Послѣднія открыты для всѣхъ дѣтей безъ различія вѣроисповѣданія; обученіе закону Божьему по какому бы то ни было обряду производится въ школѣ лишь по требованію школьной администраціи и десяти родителей въ деревнѣ, двадцати пяти въ городѣ; внѣ уроковъ закона Божьяго дѣти не должны быть дѣлимы на вѣроисповѣдныя группы. Преподаваніе ведется на французскомъ языкѣ или же на двухъ языкахъ, если французскихъ учениковъ не меньше десяти. Введеніе этой сложной системы (мы изобразили ее лишь въ главныхъ чертахъ) имѣло послѣдствіемъ отнятіе субсидіи у 51 исключительно католической школы. „Съ нами обращаются, какъ съ ирландцами или русскими", сказалъ однажды архіепископъ Ланжевэнъ, и онъ такимъ образомъ резюмировалъ „историческія права" канадскихъ католиковъ: „Мы требуемъ: 1) контроля надъ нашими школами, 2) католической школьной администраціи *вездѣ*, 3) католическихъ учебниковъ исторіи и словесности, 4) католическихъ инспекторовъ, 5) католиче-

скихъ преподавателей, обученныхъ нами, б) спеціальнаго налога съ освобожденіемъ насъ отъ обязанности платить какой бы то ни было налогъ на содержаніе чужихъ школъ". Программа архіепископа Ланжевэна продолжаетъ осуществляться въ Квебекѣ и Онтаріо. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ католики пользуются свободой преподаванія, но субсидируемыя школы должны быть почти нейтральны, какъ въ Манитобѣ.

Народонаселеніе и эмиграція.—Одной изъ самыхъ грозныхъ опасностей для будущаго Канады является упадокъ иммиграціи. Dominion увеличилъ свой долгъ и возвелъ множество сооруженій въ разсчетѣ на притокъ жителей, а слѣдовательно и плательщиковъ. Между тѣмъ перепись 1891 г. принесла разочарованіе. Съ 1881 по 1891 г. народонаселеніе увеличилось лишь на 11,76%, тогда какъ за время съ 1871 по 1881 г. оно возросло на 18,97%. Несмотря на открытіе для колонизаціи западныхъ территорій, канадцы по-прежнему въ значительномъ количествѣ эмигрируютъ въ Соединенные Штаты, куда ихъ привлекаетъ высокая заработная плата. Въ Манитобѣ народонаселеніе съ 1881 по 1891 г. возросло на 144,95% противъ 247% за предыдущее десятилѣтіе. Въ Квебекѣ и Онтаріо число жителей мало возрастаетъ, а въ приморскихъ провинціяхъ оно совсѣмъ не растетъ. Только въ Колумбіи народонаселеніе благодаря желѣзной дорогѣ возросло въ 1881—1891 гг. больше (98%), нежели въ 1871—1881 (36%). Въ 1891 г. число жителей Dominion'а равнялось 4.833.239, изъ которыхъ 1.992.016 были католиками. Британская иммиграція все болѣе и болѣе перерастаетъ число франко-канадцевъ, несмотря на ихъ крупную рождаемость.

Населеніе въ Канадѣ рѣдкое и почти исключительно земледѣльческое; старыя провинціи сохранили свои католическія и аристократическія тенденціи, и свѣтскій демократическій духъ проникаетъ сюда медленно чрезъ поселенцевъ, колонизующихъ новыя провинціи, и особенно благодаря вліянію Соединенныхъ Штатовъ.

Нью-Фаундлэндъ.—Нью-Фаундлэндъ съ зависящимъ отъ него Лабрадоромъ насчитываетъ 202.000 жителей; до самаго послѣдняго времени его народонаселеніе состояло исключительно изъ рыбаковъ, занятыхъ ловлею трески и омаровъ. Внутренность острова оставалась почти неизслѣдованной; теперь здѣсь начинаютъ разводить скотъ; здѣсь открыты залежи драгоцѣнныхъ металловъ и каменнаго угля, равно какъ и нефтяные источники: все это имѣется въ виду разрабатывать. Если эти надежды осуществятся, Нью-Фаундлэндъ пріобрѣтетъ, можетъ быть, и больше жителей и больше доходовъ, въ чемъ онъ такъ нуждается. Налоги до сихъ поръ даютъ очень мало, и главнымъ источникомъ дохода являются таможенныя пошлины; рыбаки—народъ бѣдный, и когда уловъ плохъ, правительство вынуждено помогать имъ. Нью-Фаундлэндъ обремененъ большимъ долгомъ. Его правительству не на что исполнить тѣ общеполезныя сооруженія, которыя нужны острову. Оно постоянно колеблется между двумя рѣшеніями: либо вступить въ Dominion и тѣмъ возложить на союзное правительство заботу объ уплатѣ долга и проведеніи желѣзныхъ и почтовыхъ дорогъ, либо присоединиться къ Соединеннымъ Штатамъ, въ которыхъ Нью-Фаундлэндъ, какъ и приморскія провинціи, нуждается, чтобы сбывать тамъ свою рыбу и закупать промышленные продукты. Но Нью-Фаундлэндъ не рѣшился сдѣлать выборъ; онъ остался жалкой изолированной колоніей въ виду двухъ крупныхъ федерацій. Съ 1855 года онъ обладаетъ отвѣтственнымъ правительствомъ. Единственнымъ крупнымъ дѣломъ, въ которомъ былъ замѣшанъ Нью-Фаундлэндъ, является вопросъ о французскихъ рыбныхъ ловляхъ.

Со времени Утрехтскаго договора, въ силу котораго островъ былъ уступленъ англичанамъ, его прежніе владѣльцы, французы, сохранили право ловить треску у западнаго побережья и строить себѣ здѣсь временныя пристанища. Такъ какъ трески стало мало, то французы устроили здѣсь садки для разведенія омаровъ. Нью-Фаундлэндъ оспаривалъ у нихъ это право, но оно было признано за ними третейскимъ судомъ (1890). Въ настоящее время нью-фаундлэндцы отказываются продавать приманку французамъ въ отместку французскому правительству, выдающему преміи рыбакамъ-французамъ; они признютъ французское побережье пустопорожней землей и стараются водворять на немъ колонистовъ. Отсюда возникаютъ безпрестанныя распри.

Упадокъ Вестъ-Индіи.—Въ Вестъ-Индіи негровъ было больше, нежели бѣлыхъ (на Ямайкѣ 300.000 черныхъ при 30.000 бѣлыхъ). Послѣ освобожденія негровъ они стали жаловаться, что съ ними всегда обращаются, какъ съ низшими существами, особенно въ судахъ, и начали требовать надѣленія землею. Отношенія между обѣими расами были очень натянуты. Въ октябрѣ 1865 года нѣсколько негровъ на Ямайкѣ освободили одного негра, преданнаго суду. Власти и креолы приняли это за общій мятежъ и крайне жестоко наказали мнимыхъ инсургентовъ. Правительство метрополіи произвело слѣдствіе, результатомъ котораго было закрытіе выборнаго законодательнаго собранія Ямайки, старѣйшаго (1661) изъ колоніальныхъ представительныхъ учрежденій. Въ сущности эта мѣра была принята въ угоду бѣлымъ, которые предпочитали утратить свои вольности, нежели видѣть въ собраніи негритянское большинство.

Освобожденіе рабовъ имѣло и другое послѣдствіе, которое дало себя чувствовать на всѣхъ англійскихъ Антиллахъ: мы говоримъ о сахарномъ кризисѣ. Правда, британское правительство пыталось возмѣстить трудъ невольниковъ, субсидируя ввозъ индійскихъ и китайскихъ кули. Эта мѣра имѣла успѣхъ особенно на Тринидадѣ и Барбадосѣ, которые производятъ каждый больше сахара, чѣмъ Ямайка, хотя и уступаютъ ей какъ протяженіемъ, такъ и числомъ жителей. Впрочемъ, тростниковый сахаръ перестали идти въ Европу съ тѣхъ поръ, какъ страны, производящія свекловицу, стали поощрять преміями вывозъ производимаго ими самими сахара. Англійскимъ Антилламъ пришлось изыскивать другіе рессурсы. На островахъ Багамскихъ и Навѣтренныхъ (Доминикъ) разводятъ апельсины, лимоны, ананасы, на Тринидадѣ, Тобаго и Подвѣтренныхъ островахъ (Гренада) — какао. Всѣ эти острова, исключая Тринидада, нуждаются въ помощи британской казны для уравненія своего бюджета и сто́ятъ ей нѣсколько милліоновъ въ годъ. Кромѣ того, у нихъ крупные долги. Они стараются уменьшить свои расходы. Тобаго по своей просьбѣ былъ присоединенъ къ Тринидаду (1889) для сокращенія издержекъ на жалованье чиновникамъ; точно такъ же въ интересахъ бережливости поднимался вопросъ о соединеніи мелкихъ Антиллъ въ федерацію. Федералисты заходятъ въ своихъ мечтахъ еще дальше: они хотѣли бы соединить въ одно государство всѣ англійскія Антиллы и даже присоединить ихъ къ Dominion'у. Канада сдѣлала по этому поводу предложеніе Ямайкѣ, которая отвергла его (1884). Въ томъ же году Dominion потребовалъ свободы торговли съ Соединенными Штатами или присоединенія къ нимъ. Дѣло въ томъ, что Соединенные Штаты являются для Вестъ-Индіи лучшимъ рынкомъ по сбыту хлѣба и особенно сахара, бывшаго до сихъ поръ ихъ главнымъ продуктомъ. Англія не беретъ его, потому что она дешевле покупаетъ континентальный свекловичный сахаръ. Вестъ-Индія, раньше

такъ процвѣтавшая, переживаетъ долгій кризисъ, который кончится тогда, когда она найдетъ себѣ мѣсто для сбыта. Наиболѣе выгоднымъ для нея рынкомъ являются, повидимому, Соединенные Штаты, наиболѣе желательнымъ въ интересахъ англійской державы—Канада.

II. — Демократическая Австралазія; попытки создать австралійскую федерацію.

Австралазійскія колоніи еще не объединены въ федерацію, но четыре главныя изъ нихъ—Викторія, Новый Уэльсъ, Новая Зеландія и южная Австралія—производятъ почти одни и тѣ же продукты и ведутъ одинаковую политическую и соціальную жизнь, а Тасманія, остающаяся земледѣльческой страной, и новыя провинціи, Квинслэндъ и западная Австралія, повидимому, должны продѣлать ту же эволюцію, какъ старыя, болѣе развитыя колоніи. Поэтому дозволительно соединить въ одномъ очеркѣ характерныя черты современной исторіи всѣхъ семи австралазійскихъ колоній. Это—централизованные штаты (конституція Новой Зеландіи, носившая съ 1852 г. федералистическій характеръ, была въ 1857 г. замѣнена унитарной) съ европейскимъ населеніемъ изъ новыхъ пришельцевъ, сосредоточеннымъ преимущественно въ промышленныхъ городахъ, съ демократическими учрежденіями и очень радикальнымъ соціальнымъ законодательствомъ.

Шерсть и золото.—Главнымъ продуктомъ Австраліи и Новой Зеландіи попрежнему остается шерсть, составляющая половину всего ихъ вывоза. Въ послѣдніе годы научились замораживать мясо, яйца, масло, медъ, такъ что ихъ можно перевозить даже въ Англію и они при этомъ только немного теряютъ во вкусѣ; эта отрасль торговли теперь все болѣе и болѣе развивается въ Австраліи. Наконецъ, производство хлѣба начинаетъ достигать въ Австраліи, особенно въ южной, такихъ размѣровъ, что становится возможнымъ вывозъ его. Пространство земли, занятое подъ скотоводство, все дальше расширяется вглубь страны; плугъ, благодаря ирригаціоннымъ работамъ, проникъ въ такія мѣста, которыя казались обреченными навсегда остаться пустынею.

Въ сѣверной части Квинслэнда, гдѣ климатъ тропическій, разводится сахарный тростникъ. Но главными рессурсами страны являются овцы, скотъ и хлѣбные злаки, ввезенные европейцами. Тасманія и Квинслэндъ остались почти исключительно земледѣльческими странами. Въ прочихъ колоніяхъ развилась промышленность вслѣдъ за первымъ открытіемъ драгоцѣнныхъ металловъ. Добыча золота упала послѣ 1867 г., но она возросла въ Викторіи, а недавно найдены и новыя залежи въ Квинслэндѣ и особенно въ западной Австраліи. Въ Австраліи теперь добывается золота приблизительно на 230 милліоновъ, и въ этомъ отношеніи она слѣдуетъ за Соединенными Штатами и стоитъ на одномъ уровнѣ съ Трансваалемъ. Недавно въ Новомъ Уэльсѣ найдено и серебро. Около 5 милл. тоннъ каменнаго угля добывается ежегодно въ Ньюкэстлѣ и Уоллонгонгѣ (Новый Уэльсъ). Въ Новой Зеландіи также добывается каменный уголь. Уголь, добываемый въ Австраліи, частью продается на суда, частью потребляется въ самой странѣ. Начинаютъ возникать паровыя фабрики для обработки сала, бумагопряденія и металлургіи. Но по настоящему промышленность развилась только въ Викторіи, гдѣ нужно было дать заработокъ множеству рабочихъ, хлынувшихъ сюда въ періодъ золотой горячки; частью они нашли работу и на постройкѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Фабрики работаютъ на мѣстное потребленіе; правительству приходится защищать ихъ издѣлія таможенными пошлинами противъ англійской и австралійской конкурренціи.

Бѣлые, туземцы, китайцы.—Народонаселеніе Австраліи отличается весьма малой плотностью. Въ самой населенной колоніи—Викторіи—на каждый квадратный километръ приходится всего пять жителей, т.-е. меньше, чѣмъ въ Верхнемъ Жеводанѣ. Но въ промышленныхъ и горно-промышленныхъ областяхъ (Новый Уэльсъ, Викторія) значительная часть колонистовъ сосредоточена въ городахъ. Въ Викторіи въ городахъ живутъ $^3/_5$ всего народонаселенія. Въ одномъ только Мельбурнѣ, наиболѣе населенномъ городѣ Австралазіи (450.000 ж.), живетъ $^2/_5$ всего народонаселенія колоніи. По крайней мѣрѣ, половина обитателей Новаго Уэльса и южной Австраліи, несмотря на преобладающій земледѣльческій характеръ послѣдней, живетъ поселеніями болѣе чѣмъ въ 5000 человѣкъ. Благодаря этому преобладанію городского и рабочаго элемента Австралазія все болѣе и болѣе демократизировалась, по мѣрѣ того какъ возростало число ея жителей.

Съ 1871 г. народонаселеніе Австраліи возросло съ 1.600.000 чел. до 3.800.000, народонаселеніе Тасманіи—съ 99.000 до 146.000, Новой Зеландіи—съ 256.000 до 703.000 (не считая маорисовъ, около 40.000). Между тѣмъ иммиграція уменьшилась, съ тѣхъ поръ какъ стала падать добыча золота. Австралійскія колоніи почти всѣ перестали субсидировать иммиграцію за счетъ государства. Число пришельцевъ начало сильно колебаться отъ года къ году. Около 1891 г. иммиграція въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, особенно въ Новой Зеландіи, упала почти до нуля; затѣмъ она возобновилась, но слабо. Одна только западная Австралія привлекаетъ иностранцевъ во множествѣ изъ-за своихъ золотыхъ розсыпей; за десять лѣтъ ея народонаселеніе удесятерилось. Напротивъ, Викторія больше теряетъ поселенцевъ, нежели получаетъ. Большинство нынѣшнихъ обитателей Австралазіи—англійскаго происхожденія и англиканскаго вѣроисповѣданія; довольно много ирландцевъ-католиковъ живетъ въ Новомъ Уэльсѣ и Викторіи, шотландцевъ-пресвитеріанъ—въ этихъ же двухъ колоніяхъ и Новой Зеландіи. Нѣсколько тысячъ нѣмцевъ живетъ въ южной Австраліи и Квинслэндѣ. Большинство иммигрантовъ не британскаго происхожденія натурализовались; въ Австралазіи это не сопряжено ни съ большой потерей времени, ни съ большими формальностями.

Туземцы играютъ нѣкоторую роль еще только на сѣверномъ островѣ Новой Зеландіи. Здѣсь живетъ 30.850 маорисовъ, которымъ принадлежитъ $^1/_7$ всей территоріи колоній. Они живутъ деревнями, почти всѣ обращены въ христіанство, имѣютъ англійскія школы и посылаютъ изъ своей среды четырехъ депутатовъ въ Уэллингтонское собраніе. Съ 1868 г. не нарушался миръ между ними и бѣлыми, но время отъ времени происходятъ столкновенія изъ-за земли. Маорисы почти совсѣмъ не занимаются хлѣбопашествомъ, и однако не желаютъ уступать свою землю правительству, которое хотѣло бы купить ее для перепродажи колонистамъ. Въ 1894 г. демократическій министръ Седдонъ заявилъ маорисамъ, что если они будутъ оставлять свою землю необработанной, въ то время какъ тысячи людей не имѣютъ ни одного акра подъ плугъ, то правительство распорядится ею наперекоръ имъ. Но маорисовъ пока еще слишкомъ много, чтобы ихъ можно было экспропріировать хотя бы даже для общественной надобности и за вознагражденіе.

Смышленые, ловкіе, трезвые и бережливые китайцы, которымъ дома тѣсно, въ большомъ числѣ начали эмигрировать въ Австралазію; они знали всѣ ремесла и работали по дешевой цѣнѣ. Европейскіе рабочіе, потребляющіе мясо, не могли конкуррировать съ китайцами, которые живутъ рисомъ, и, какъ въ Соединен-

ныхъ Штатахъ и Канадѣ, добились того, что власти начали принимать мѣры противъ китайской иммиграціи. Въ 1881 г. Викторія, а затѣмъ и Новый Уэльсъ и Новая Зеландія, подъ предлогомъ борьбы съ оспенной эпидеміей разрѣшили китайцамъ пріѣзжать лишь по одному на каждыя сто тоннъ судового груза и подъ условіемъ уплаты 250 франковъ при высадкѣ. Въ 1888 г. Новый Уэльсъ сократилъ пропорцію до 1 эмигранта на каждыя 300 тоннъ и утроилъ пошлину. Этимъ путемъ удалось остановить китайскую иммиграцію, которую прямо запретить было невозможно, такъ какъ это было бы нарушеніемъ международнаго права. Въ настоящее время китайцы могутъ свободно высаживаться только на Сѣверной территоріи, гдѣ ихъ нанимаютъ для тропическихъ культуръ и горныхъ работъ.

Политика и партіи.—Въ общемъ вопросъ о туземцахъ не имѣетъ въ Австралазіи того остраго характера, какъ въ Каплэндѣ; европейцы доминируютъ здѣсь и большинство ихъ состоитъ изъ новыхъ пришельцевъ, которымъ по прибытіи не пришлось преодолѣвать сопротивленія стараго слоя консервативныхъ поселенцевъ, какъ въ Канадѣ. Такимъ образомъ, борьба партій въ Австралазіи вертится вокругъ вопросовъ болѣе современныхъ и европейскихъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой англійской колоніи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ начала здѣсь развиваться промышленность. Послѣ учрежденія отвѣтственнаго правительства на первый планъ выступилъ, особенно въ Новомъ Уэльсѣ и Викторіи, вопросъ о таможенныхъ тарифахъ. Старая либеральная партія, подготовившая введеніе конституцій, ратовала за свободу торговли. Консервативная партія исповѣдуетъ протекціонизмъ. Мы видѣли—почти такъ же стоитъ дѣло въ Канадѣ. Но въ Викторіи протекціонисты нашли опору въ рабочей партіи. Послѣдняя была организована по англійскому образцу профессіональными союзами и, какъ въ Англіи, задается цѣлью единственно защищать непосредственные интересы рабочихъ въ отношеніи заработной платы, продолжительности рабочаго дня и пр.; отъ теоретическаго соціализма она беретъ лишь то, что̀ соотвѣтствуетъ ея спеціальной программѣ. Рабочіе въ Викторіи — отчасти протекціонисты, такъ какъ они желаютъ сохранить свою заработную плату, которая теперь ниже, чѣмъ въ періодъ золотой лихорадки, но все еще выше, нежели въ Англіи. Поэтому они заодно съ работодателями стараются отразить иностранную конкурренцію. Естественно, что протекціонизмъ рано одержалъ верхъ въ Викторіи и держится тамъ до сихъ поръ. Въ Новомъ Уэльсѣ борцомъ за свободу торговли выступилъ славнѣйшій изъ представителей стараго либерализма, сэръ Генри Перксъ, эмигрировавшій изъ Англіи въ 1839 г., бывшій депутатомъ съ самаго учрежденія отвѣтственнаго правительства и пять разъ первымъ министромъ. Этотъ *grand old man* Новаго Уэльса умеръ въ Сиднеѣ въ 1896 г. Протекціонисты, руководимые Дибсомъ, лишь нѣсколько лѣтъ располагали властью въ Новомъ Уэльсѣ. При нынѣшнемъ министерствѣ Рида, вождя демократовъ, вошедшихъ въ союзъ съ либералами, эта колонія является единственной частью Австралазіи, гдѣ существуетъ умѣренный тарифъ. Послѣ таможеннаго вопроса важнѣйшими вопросами были непрерывный споръ *скуоттеровъ* съ *сеттлерами* и обусловливаемое имъ земельное законодательство, новые налоги, требуемые ростомъ общественныхъ работъ, и ихъ раскладка, проектируемые европейскіе займы, наконецъ бюджетныя сокращенія во избѣжаніе дефицита. При рѣшеніи этихъ вопросовъ все бо́льшую роль играли рабочія партіи, сила которыхъ растетъ; сверхъ того, они выставили въ парламентахъ проекты соціальнаго законода-

тельства, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Въ ново-зеландскомъ парламентѣ большинство послѣ 1891 г. перешло къ *передовой* или *народной* партіи: это—коалиція демократовъ и рабочихъ, руководимая сперва Джономъ Балленсомъ, затѣмъ, послѣ его смерти (1893), — Седдономъ, который теперь занимаетъ въ Новой Зеландіи постъ перваго министра. Вотъ почему въ Европѣ думаютъ, что правительство въ этой колоніи—соціалистическое; мы увидимъ ниже, сколько истины въ этомъ огульномъ утвержденіи. Въ Новомъ Уэльсѣ, Викторіи, южной Австраліи и даже въ Квинслэндѣ рабочія партіи составляютъ крупное меньшинство въ представительныхъ собраніяхъ. Въ Новомъ Уэльсѣ министръ Ридъ только съ ихъ помощью можетъ держаться противъ крайнихъ протекціонистовъ; поэтому онъ издалъ рядъ декларацій, враждебныхъ „капиталистамъ", и обѣщалъ „смести обломки стараго консерватизма". Послѣ рабочихъ партій, возникшихъ одновременно съ образованіемъ трэдъ-юніоновъ въ Австраліи, появились чисто-соціалистическія партіи, руководимыя энергичными и свѣдущими пропагандистами; всѣ разновидности коллективизма, коммунизма, европейскаго и американскаго анархизма были завезены въ Австралазію, но очень слабо представлены въ парламентахъ.

Партіи устроены, какъ въ Англіи, прочно, съ постоянной организаціей, но ихъ больше, и оттого парламентская жизнь гораздо сложнѣе; каждый министръ опирается на коалицію, всегда грозящую распасться. Съ 1856 г. паденіе кабинетовъ повторяется очень часто, особенно въ Новомъ Уэльсѣ и Викторіи, и результатомъ его часто было распущеніе парламента губернаторомъ по просьбѣ того политическаго дѣятеля, программа котораго имѣла шансы собрать на выборахъ большинство голосовъ. Въ парламентахъ часто прибѣгаютъ къ обструкціи; она носитъ въ Австралазіи особенное названіе—*stonewalling*, завезенное изъ Новой Зеландіи.

Расширеніе предѣловъ представительства. Дарованіе права голоса женщинамъ.—Старая либеральная партія добилась установленія въ австралазійскихъ колоніяхъ отвѣтственнаго правительства (1855—56). Новыя правящія партіи направляли свои силы на то, чтобы дѣлать представительство все болѣе и болѣе демократичнымъ. Это движеніе началось въ 1856 г. въ южной Австраліи и продолжалось особенно въ Викторіи и новой Зеландіи. Вотъ главнѣйшіе его результаты: 1) Члены верхнихъ палатъ (*Legislative Councils*) назначаются пожизненно только въ Новомъ Уэльсѣ. Да и здѣсь министерство Рида готовится внести законопроектъ объ ограниченіи срока ихъ службы по примѣру, поданному Новой Зеландіей при „передовомъ" министерствѣ (1891). Во многихъ колоніяхъ цензъ для выбирающихъ и выбираемыхъ въ *Councils* былъ пониженъ. 2) Всеобщая подача голосовъ при выборѣ членовъ второй палаты (*House of Assembly*) введена теперь всюду, исключая Тасманіи; тѣмъ не менѣе за собственниками, какъ въ Англіи, сохранено право вотировать во всѣхъ округахъ, гдѣ они владѣютъ недвижимостью; эту привилегію отняли у нихъ въ Новомъ Уэльсѣ (1893), затѣмъ въ Викторіи и Новой Зеландіи (1896). Такимъ образомъ принципъ *one man one vote* осуществленъ въ Австралазіи съ такой полнотою, до какой метрополіи еще далеко. 3) Еще одна реформа проведена въ Австралазіи раньше, нежели въ Англіи: женщины добились права голоса на одинаковыхъ условіяхъ съ мужчинами для выборовъ въ законодательное собраніе въ Новой Зеландіи (1893) и Южной Австраліи (1895). Ново-зеландскій парламентъ незначительнымъ большинствомъ отказалъ женщинамъ въ правѣ засѣдать среди его членовъ. Но южная Австралія не установила такого

ограниченія, такъ что теоретически здѣсь возможно образованіе исключительно женскаго министерства. Женщины избирательницы уже дважды участвовали въ общихъ выборахъ въ Новой Зеландіи и являлись къ урнамъ въ очень большомъ количествѣ. Ихъ участіе въ выборахъ оказалось выгоднымъ для правительства, опиравшагося на народную массу; оно и сохранило большинство, а партія трезвости, ратовавшая за религію и противъ алкоголизма, съ увѣренностью разсчитывавшая на голоса женщинъ, вопреки своимъ ожиданіямъ была разбита. 4) Вознагражденіе членовъ парламента, въ Англіи не существующее, было установлено въ Австраліи послѣ долгаго сопротивленія верхнихъ палатъ. Законопроектъ въ этомъ смыслѣ, внесенный въ парламентъ Викторіи въ 1861 г. и вносимый затѣмъ въ каждую сессію, былъ принятъ лишь двадцать лѣтъ спустя. Законодательныя собранія Новой Зеландіи и Квинслэнда (1885) послѣ нѣсколькихъ неудачъ въ *Council* напали на мысль провести вознагражденіе депутатовъ подъ видомъ статьи бюджета, который, какъ и въ Великобританіи, не подлежитъ вѣдѣнію верхней палаты. Новый Уэльсъ, край исконнаго либерализма, только въ 1889 г. рѣшилъ выдавать жалованье своимъ депутатамъ, вопреки усиліямъ сэра Генри Перкса, опиравшагося на *Council*.

„Рай рабочихъ".—Если съ демократической точки зрѣнія Австралазія представляетъ собою самую передовую часть британской имперіи, то въ отношеніи соціальнаго законодательства иныя изъ этихъ колоній смѣлостью опередили весь міръ. Викторію прозвали „раемъ рабочихъ", и не будь это прозваніе вмѣстѣ и слишкомъ неопредѣленнымъ, и слишкомъ преувеличеннымъ, его можно было бы примѣнить также къ южной Австраліи и къ Новой Зеландіи. Говоря точно, дѣло сводится къ тому, что въ этихъ странахъ рабочіе получаютъ высокую плату и работаютъ не много часовъ, что эти выгоды доставила имъ здѣсь сперва *свободная игра* естественныхъ законовъ, такъ какъ золота было много, а рукъ не хватало для рудниковъ и промышленности, наконецъ, что сохраненіемъ этихъ преимуществъ и пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ иныхъ рабочіе были обязаны вмѣшательству парламентовъ. Рабочій классъ достигъ своихъ успѣховъ въ Австраліи почти тѣмъ же путемъ, какъ въ Англіи, именно, сначала помимо правительства, благодаря *self-help* и дѣятельности союзовъ. Еще до золотого періода англійскіе эмигранты-безработные, найдя въ Австраліи, какъ на родинѣ, право союзовъ и привезя привычку къ объединенію, основали рядъ союзовъ, которые вмѣстѣ съ работодателями опредѣляли условія труда. Съ 1853 г. въ Мельбурнѣ стали требовать 8-часового рабочаго дня. Его удалось добиться лишь послѣ великаго наплыва переселенцевъ, вызваннаго открытіемъ золота, и опять-таки—по примѣру старыхъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ—безъ закона, путемъ частныхъ соглашеній между отдѣльными рабочими союзами и предпринимателями. Въ Викторіи восьмичасовой день раньше всего добыли себѣ въ 1856 г. строительные и желѣзодѣлательные рабочіе; въ 1890 г. имъ пользовались 60 различныхъ ремеслъ. Въ этомъ же году въ Мельбурнѣ было справлено празднество 1 мая, установленное международнымъ рабочимъ соціалистическимъ съѣздомъ, засѣдавшимъ въ Парижѣ въ 1889 г. Профессіональные союзы Викторіи продефилировали съ знаменами по англійскому образцу и затѣмъ собрались подъ открытымъ небомъ вокругъ передвижныхъ платформъ, откуда говорили ораторы. Это—британскіе обычаи, и они здѣсь не впервые появились въ Австраліи. Но невиданной вещью было то, что въ день рабочаго праздника палата прервала свое засѣданіе и министры участвовали въ банкетахъ, устроенныхъ профессіональными союзами; съ тѣхъ

поръ 1-е мая справляется ежегодно какъ всенародное празднество. Настала пора, когда политическіе дѣятели нуждаются въ рабочихъ, а послѣдніе начинаютъ предпочитать законы частнымъ договорамъ. Эта эволюція не ограничилась Австралазіей: ее продѣлываютъ сейчасъ и англійскіе трэдъ-юніоны относившіеся раньше къ вмѣшательству государства равнодушно или враждебно. Въ Австраліи, какъ и въ Англіи, рабочіе были промышленными кризисами приведены къ тому, чтобы требовать поддержки правительства. Пропаганда мелкихъ соціалистическихъ группъ осмыслила это вначалѣ инстинктивное движеніе. Торгово-промышленный застой, которымъ ознаменовались въ Австраліи 1892—94 гг., много способствовалъ тому, что въ парламентахъ появились рабочіе депутаты (*labour members*), и соціальные вопросы стали благодаря этому занимать видное мѣсто въ парламентскихъ преніяхъ. Австралійскіе рабочіе союзы уже до того выказали свою силу. Въ этотъ періодъ они устроили рядъ собраній и, собравши 50.000 ф. стерл., отправили ихъ въ Лондонъ. Солидарность крѣпла все болѣе и болѣе. Когда въ слѣдующемъ году въ Австраліи вспыхнула стачка на морскихъ докахъ, ее поддержали какъ другіе австралійскіе рабочіе, такъ и англійскіе трэдъ-юніоны. Съ 1890 г. рабочія партіи пріобрѣтаютъ политическій вѣсъ, который съ тѣхъ поръ все возрастаетъ. Въ Новомъ Уэльсѣ сэръ Генри Перксъ, идя навстрѣчу требованіямъ рабочей партіи, видоизмѣнилъ законъ о *хозяинѣ и слугѣ* въ томъ смыслѣ, чтобы рабочій могъ на равныхъ правахъ договариваться съ хозяиномъ; но наканунѣ выборовъ 1894 г. онъ отказался обѣщать 8-часовой день и воскресный отдыхъ съ сохраненіемъ платы. Рабочая партія перешла на сторону его противника Дибса, но теперь она снова поддерживаетъ Рида, болѣе демократическаго преемника Перкса. Почти во всѣхъ колоніяхъ уже по нѣскольку разъ были внесены законопроекты объ установленіи 8-часового рабочаго дня. По другимъ пунктамъ австралійскія правительства обезпечили рабочимъ бóльшія льготы, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Такъ, Викторія учредила совѣты пополамъ изъ хозяевъ и рабочихъ для установленія рабочей платы какъ на дому, такъ и на фабрикѣ. Новая Зеландія установила обязательное примиреніе (тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ введенъ этотъ институтъ, оно факультативно) въ случаѣ столкновеній между хозяевами и рабочими: та сторона, которая не подчиняется рѣшенію суда, назначеннаго подъ контролемъ государства, подвергается судебному преслѣдованію и карается штрафомъ (1894—95).

Такой режимъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ рабочіе сгруппированы и договариваются коллективно подъ отвѣтственностью избраннаго ими бюро; тутъ профессіональный союзъ какъ бы обусловливается самимъ закономъ. Тотъ же радикальный характеръ носитъ все новѣйшее рабочее законодательство Новой Зеландіи. Такъ, законъ объ охранѣ труда несовершеннолѣтнихъ въ торговлѣ (1892—1894) заходитъ гораздо дальше, чѣмъ соотвѣтственные законы французскій или англійскій; онъ распространяется на всѣ магазины, мастерскія, лавочки и пр., имѣющіе не меньше двухъ приказчиковъ, запрещаетъ принимать на службу несовершеннолѣтнихъ до 14 или 16 лѣтъ, смотря по достигнутой ступени начальнаго образованія, опредѣляетъ ихъ максимальный рабочій день въ 8—$9^1/_2$ часовъ, смотря по условіямъ труда, включая обѣдъ и безъ ночной работы, обезпечиваетъ имъ воскресный отдыхъ и, сверхъ того, свободныхъ полдня въ недѣлю до 18-лѣтняго возраста. Въ послѣдніе годы австралазійскимъ соціальнымъ законамъ отводится одно изъ первыхъ мѣстъ въ спеціальныхъ трудахъ по этому вопросу. Мы при-

вели здѣсь лишь нѣкоторые изъ нихъ въ видѣ образчика.

Государство и земельная собственность.— *Free selection* до сихъ поръ остается въ силѣ, но пространство свободныхъ земель, годныхъ для обработки, уменьшилось; значительно упалъ и доходъ отъ продажи участковъ: около 1877 г. онъ составлялъ въ Новомъ Уэльсѣ четвертую часть всѣхъ доходовъ,—теперь онъ не достигаетъ даже одной восьмой. Только въ обширныхъ и мало населенныхъ Квинслэндѣ и западной Австраліи еще много свободной удобной земли. Эти условія тяжело отзываются и на бюджетахъ, обремененныхъ дефицитомъ, и на самихъ провинціяхъ, ищущихъ средства увеличить плотность своего народонаселенія. Чтобы помочь злу, изданъ цѣлый рядъ законовъ, подробности которыхъ крайне сложны и основные пункты которыхъ могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ:

1) *Free selection* оставили въ силѣ, но сократили размѣръ участковъ и увеличили обязательства, налагаемыя на концессіонера; такъ, онъ долженъ выстроить домъ, обработать часть земли, устроить изгородь, жить на своемъ участкѣ и пр. Концессія ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать извѣстнаго maximum'a, который, впрочемъ, довольно великъ (ок. 200—800 гектаровъ, смотря по плодородію почвы). Тасманія и Новая Зеландія, съ цѣлью привлечь эмигрантовъ, стали въ концѣ-концовъ раздавать участки даромъ, правда, въ меньшихъ размѣрахъ (5—20 гектаровъ). Но основнымъ правиломъ является продажа общественныхъ земель сравнительно небольшими участками. Эти правила, естественно выросшія изъ политики предшествующаго періода, имѣютъ цѣлью создать классъ среднихъ и мелкихъ собственниковъ.

2) Новый способъ пущенъ въ ходъ Новой Зеландіей. Эта колонія, продолжая продавать землю, вмѣстѣ съ тѣмъ начала сдавать землю въ аренду на 999 лѣтъ за ежегодную ренту, равную 4% стоимости земли (1892). Такимъ образомъ государство не теряетъ навѣки правъ собственности на землю и обезпечиваетъ себѣ хотя не столь высокій, но зато болѣе правильный доходъ.

3) Та же Новая Зеландія ввела въ обычай экспропріацію слишкомъ крупныхъ имѣній для общегосударственныхъ надобностей (1894). Особая палата опредѣляетъ цѣну экспропріируемаго владѣнія, государство выкупаетъ его и затѣмъ распродаетъ или сдаетъ въ аренду болѣе мелкими участками. Точно также ново-зеландское правительство пріобрѣло право слѣдить за тѣмъ, чтобы крупные землевладѣльцы ставили своимъ фермерамъ умѣренныя условія, и отнимать у нихъ за вознагражденіе ихъ землю, если они упорно не желаютъ понизить свои требованія (1895). Новый Уэльсъ позаимствовалъ отсюда систему долгосрочныхъ концессій и принудительной экспропріаціи крупныхъ имѣній.

Подобно прежнимъ мѣропріятіямъ, и эти мѣры имѣютъ цѣлью раздробить земельную собственность, чтобы увеличить число землевладѣльцевъ; но онѣ носятъ своеобразный революціонный характеръ. Онѣ направлены уже не только противъ *скуоттера*, этого *съемщика* обширныхъ пространствъ, какъ законъ о *free selection*, но противъ крупной *собственности*, на которую законодательство предшествующей эпохи не рѣшалось нападать. Кромѣ того, институтомъ 999-лѣтней аренды имѣется въ виду пріучить часть новыхъ концессіонеровъ видѣть въ себѣ просто государственныхъ арендаторовъ. Это, безъ сомнѣнія, — результатъ вліянія теоріи Генри Джоржа о національзаціи земли: сочиненія Г. Джоржа имѣли въ Австралазіи не меньшій успѣхъ, чѣмъ въ Англіи. Англійскіе и американскіе „джорджисты" превозносятъ новое аграрное законодательство Новой Зеландіи и рекомендуютъ перенести его въ ихъ страны въ видахъ

подготовленія окончательной национализаціи. По ихъ мнѣнію, государство должно имѣть монополію на земельную собственность и предоставлять каждому въ пользованіе столько земли, сколько ему нужно для прокормленія съ семьею, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ работалъ самъ. Если такова цѣль ново-зеландскаго правительства, то оно идетъ къ ней путемъ законодательныхъ мѣръ, разсчитанныхъ на очень долгій срокъ. Болѣе революціонными попытками, зачатками коммунизма, казались нѣкоторыя земледѣльческія колоніи, основанныя Новой Зеландіей, Викторіей, южной Австраліей и позднѣе Квинслэндомъ. Наиболѣе своеобразныя изъ этихъ поселеній были устроены такимъ образомъ, что концессія на землю давалась товариществу хлѣбопашцевъ, которые должны были обрабатывать эту землю сообща и дѣлить между собою плоды своего труда, уплативъ предварительно ренту казнѣ и выданную ею вначалѣ субсидію. Эти колоніи состояли изъ 20—300 человѣкъ каждая. Южно-австралійскія колоніи потерпѣли полную неудачу и почти всѣ распались. Это былъ лишь способъ сдѣлать хлѣбопашцами безработныхъ, которыхъ уже нечѣмъ было занять въ городахъ.

Компетенція правительства въ Австралазіи.—Австралійскія колоніи создали у себя больше общественныхъ вѣдомствъ, нежели сколько ихъ имѣется въ европейскихъ государствахъ. Изъ тягостей, лежащихъ на послѣднихъ, онѣ свергли лишь одну, именно бюджетъ вѣроисповѣданій: исключая Тасманіи, церковь всюду отдѣлена отъ государства. Надо прибавить, что, сравнительно съ Европой, военный бюджетъ въ Австралазіи совершенно ничтоженъ. Но ни одна страна не тратитъ столько на народное образованіе, на общественныя работы, и ни одна не обнаруживаетъ столько иниціативы, какъ главныя колоніи Австралазіи.

Всюду, исключая Тасманіи, оставлена англійская система эпохи до 1870 г., состоявшая въ томъ, чтобы предоставлять школьное дѣло частной иниціативѣ, поддерживая ее субсидіями: въ каждой австралійской колоніи есть министерство начальнаго образованія и обязательныя государственныя школы для дѣтей отъ шести до четырнадцати лѣтъ, свѣтскія и безплатныя, по крайней мѣрѣ, для бѣдныхъ. Конфессіональныя школы дозволены, но не субсидируются. Австралазійскія колоніи тратятъ на народное просвѣщеніе десятую часть своихъ доходовъ, а Викторія въ первые годы издерживала на него даже треть. Во Франціи на народное образованіе не идетъ и $^1/_{16}$ бюджета.

Съ алкоголизмомъ борются во всѣхъ колоніяхъ. Приняты мѣры къ тому, чтобы не увеличивалось количество лавокъ, торгующихъ спиртными напитками, и чтобы существующія закрывались рано каждый день и вовсе не открывались въ воскресенье. Сторонники трезвости въ Новой Зеландіи образуютъ политическую партію. Они требуютъ, какъ въ Англіи, чтобы мѣстной власти было предоставлено право регламентировать и даже запрещать продажу алкоголя.

Но ни въ какой области вмѣшательство государства не оказалось столь важнымъ, какъ въ дѣлѣ общественныхъ работъ: большая часть желѣзныхъ дорогъ либо куплены, либо выстроены государствомъ. Въ Викторіи вся желѣзнодорожная сѣть принадлежитъ казнѣ; въ остальныхъ колоніяхъ частныя линіи занимаютъ незначительное пространство по сравненію съ правительственными. Шоссейныя дороги, порты, даже заводы для замораживанія мяса устроены на казенный счетъ; подобнаго рода предпріятія приняли крупные размѣры особенно во время кризиса 1893 г., когда множество рабочихъ осталось безъ работы; но это не простые палліативы вродѣ земледѣльческихъ колоній. Австралійскія правительства задавались цѣлью почти во всѣхъ

сферахъ труда превзойти частную иниціативу, стать либо образцовыми работодателями, либо образцовыми предпринимателями и поставщиками. Чтобы дать понятіе о многообразіи ихъ функцій, достаточно перечислить начинанія наиболѣе передового и наиболѣе предпріимчиваго изъ нихъ—ново-зеландскаго.

Оно является самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ колоніи: цѣнность земель, принадлежащихъ ему, превышаетъ тридцать милліоновъ. Ему принадлежатъ три четверти начальныхъ школъ, и оно обучаетъ десятую часть дѣтей; оно—единственный желѣзнодорожный предприниматель (2022 мил. казенныхъ жел. дор. при 167 частныхъ); оно—крупнѣйшій промышленный предприниматель и даетъ заработокъ почти половинѣ рабочихъ; имъ учрежденъ національный банкъ, выдающій ссуды за меньшій процентъ, нежели частные банки; оно готовитъ проектъ страхованія на случай старости, аналогичный вызвавшему столько споровъ во Франціи проекту Эскюйера; по этому проекту каждый гражданинъ съ 65-лѣтняго возраста долженъ получать годичную пенсію въ 650 франковъ; наконецъ оно уже нѣсколько лѣтъ является самымъ крупнымъ предпріятіемъ по страхованію жизни. Такъ осуществляется программа, которую 25 марта 1895 года изложилъ въ Нью-Плимутѣ Ривсъ, бывшій въ то время членомъ демократическаго министерства, а теперь состоящій генеральнымъ агентомъ колоніи въ Лондонѣ: „Чѣмъ больше государство дѣлаетъ для гражданъ, тѣмъ лучше оно исполняетъ свои обязанности... Функціи государства должны быть расширены елико возможно... Въ этомъ расширеніи заключается истинная демократія“. Это—принципъ такъ называемаго въ Англіи муниципальнаго соціализма. Разница лишь въ примѣненіи: публичныя вѣдомства учреждаются въ Австралазіи центральнымъ правительствомъ, въ метрополіи—мѣстной администраціей.

Дефицитъ, займы, прогрессивный налогъ.—Участіе государства въ общественныхъ работахъ и всевозможныхъ предпріятіяхъ легло на бюджеты тѣмъ большимъ бременемъ, что государство при этомъ совсѣмъ не добивается непосредственной выгоды, а хочетъ только удовлетворить избирателей. Если многія желѣзнодорожныя линіи даютъ доходъ, то другія, проведенныя для мѣстныхъ нуждъ или прокормленія безработныхъ, далеко не покрываютъ своихъ расходовъ. Каждая изъ этихъ колоній, за исключеніемъ южной Австраліи, западной Австраліи и Тасманіи, обладаетъ болѣе обширной желѣзнодорожной сѣтью, нежели Алжиръ (Викторія—почти вдвое большей, хотя поверхность Викторіи равна $^4/_9$ Алжира); но обыкновенныхъ доходовъ не хватало на постройку этихъ дорогъ; приходилось дѣлать займы, и въ такихъ размѣрахъ, что по степени задолженности австралазійскія колоніи превосходятъ всѣ государства міра: отношеніе суммы долга къ числу жителей равно здѣсь въ среднемъ—1300 франковъ, тогда какъ во Франціи оно равно 800 фр.; въ Квинслэндѣ оно достигаетъ даже 1800 фр. Около четвертой части доходовъ уходитъ на проценты и погашеніе по займамъ. Въ послѣднія 10—15 лѣтъ почти всѣ колоніальные бюджеты сводятся съ дефицитомъ. Обнаруженіе его вызвало рядъ министерскихъ кризисовъ; для устраненія дефицитовъ здѣсь предлагались тѣ же средства, какъ и во Франціи, съ той разницей, что примѣнялись они здѣсь быстрѣе и рѣшительнѣе. Консерваторы предлагали сократить расходы, въ частности уменьшить число чиновниковъ, и они осуществляли эти мѣры, увольняя чиновниковъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ, понижая вознагражденіе депутатовъ. Напротивъ, демократы предлагали прогрессивные налоги на наслѣдства, на доходы съ движимыхъ имуществъ и на земельную собственность. Налогъ на наслѣдства уста-

новленъ теперь почти во всѣхъ колоніяхъ и заимствованъ отсюда, какъ и многія другія реформы, Англіей. Прогрессивный налогъ на доходы съ движимостей, изъ котораго изъяты доходы ниже 5000 франковъ, существуетъ въ Викторіи и южной Австраліи, а также въ Новой Зеландіи и Новомъ Уэльсѣ, гдѣ отъ него свободны доходы ниже 7500. Прогрессивный налогъ на земельную собственность горячо дебатировался въ нѣсколькихъ парламентахъ. Введенъ онъ только въ тѣхъ двухъ колоніяхъ, гдѣ аграрное законодательство до извѣстной степени руководится теоріей національизаціи земли. Новая Зеландія установила прогрессивный налогъ на крупныя имѣнія стоимостью болѣе 125.000 франковъ; въ этой колоніи изъ 90.000 землевладѣльцевъ этотъ налогъ платятъ только 12.000 наиболѣе крупныхъ собственниковъ. Новый Уэльсъ въ министерство Рида также установилъ прогрессивный земельный налогъ; здѣсь изъ 1.300.000 жителей только 60.000 обложены прогрессивнымъ налогомъ съ движимаго и недвижимаго имущества.

Золото, иммиграція и парламентскій строй въ западной Австраліи.—Западная Австралія по величинѣ поверхности почти въ пять разъ больше Франціи; она превосходитъ даже южную Австралію съ сѣверной территоріей въ придачу. Но западная Австралія, лишенная дождей, осталась гораздо болѣе бѣдною и менѣе населенною, нежели каждая изъ остальныхъ шести колоній. Обитатели ея, терпя недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, требовали присылки каторжныхъ, въ то время какъ остальныя колоніи отказывались пускать ихъ къ себѣ,—и ихъ дѣйствительно присылали сюда до 1863 года. Въ 1870 г. во всей колоніи было не больше 25.000 жителей. Она не добилась отвѣтственнаго правительства и управлялась губернаторомъ и совѣтомъ, состоявшимъ изъ чиновниковъ. Въ послѣднее время, послѣ открытія золота, положеніе дѣлъ измѣнилось. Въ 1886 г. въ рѣчномъ пескѣ были найдены золотые самородки и золотой песокъ; тотчасъ начался наплывъ *digger*'овъ, вооруженныхъ заступами и рѣшетами; приходилось углубляться внутрь страны почти на 1000 километровъ и жить въ безлѣсной, безводной мѣстности, гдѣ предметы первой необходимости стоятъ необычайно дорого вслѣдствіе трудности доставки. Но эти препятствія не останавливали иммигрантовъ. Въ 1893 г. среди полей выросъ цѣлый городъ изъ волнистаго желѣза и холста—Кульгарди,—гдѣ воды такъ мало и она такъ дорога, что ея не хватаетъ на умываніе, но гдѣ уже есть телеграфъ, желѣзнодорожная станція и нѣсколько газетъ. Между 1881 и 1891 гг. народонаселеніе колоніи возросло съ 30.000 до 50.000 человѣкъ. Часть новыхъ пришельцевъ занялась разведеніемъ овецъ и рогатаго скота и хлѣбопашествомъ для прокормленія рудокоповъ. Правительство расширило телеграфную сѣть и провело нѣсколько желѣзнодорожныхъ линій, частью изъ таможенныхъ доходовъ, частью путемъ займовъ. Въ концѣконцовъ колонія начала сама покрывать свои расходы; тогда британское правительство рѣшило предоставить ее ея собственнымъ силамъ и зато дать ей отвѣтственное правительство. Эту реформу ускорило движеніе въ пользу автономіи западной колоніи, которое возникло въ Новомъ Уэльсѣ и иниціаторомъ котораго былъ сэръ Генри Перксъ; лозунгомъ этого движенія было: „Австралія—для австралійцевъ“. Англійское правительство безъ труда согласилось на уступку, которой у него просили: въ 1890 году оно дало западной Австраліи конституцію по образцу 1855 г. Колонія имѣетъ двѣ палаты. Члены верхней сначала назначались короной, а съ тѣхъ поръ, какъ народонаселеніе превысило 60.000 человѣкъ, они избираются на шесть лѣтъ выборщиками по цензу. Члены второй

палаты избираются на четыре года почти всеобщимъ голосованіемъ; они не получаютъ вознагражденія. Министерство формируется изъ парламентскаго большинства. Продажу казенной земли метрополія предоставила колоніальному правительству. Къ 1897 г. народонаселеніе западной Австраліи возросло до 160.000 чел. (включая около 6000 пріобщенныхъ къ культурѣ туземцевъ). Въ предшествующемъ году число иммигрантовъ превысило 55.000. Въ этой колоніи, которая такъ долго была мертва, народонаселеніе теперь растетъ всего быстрѣе.

Присоединеніе тихо-океанскихъ острововъ и вмѣшательство на Тихомъ океанѣ.—Несмотря на то, что въ австралійскихъ колоніяхъ еще много свободной земли, онѣ издавна ходатайствовали предъ англійскимъ правительствомъ о присоединеніи къ нимъ тихо-океанскихъ острововъ. Онѣ желали: 1) расширить площадь земель, пригодныхъ для тропическихъ культуръ, и занять области, населенныя туземцами, которыхъ можно употреблять для работы на плантаціяхъ и которые не грозятъ, подобно китайцамъ, стать тотчасъ конкуррентами европейскихъ рабочихъ; 2) поставить подъ верховенство Англіи архипелаги, гдѣ могли бы утвердиться такія морскія державы, которыхъ флотъ грозилъ бы опасностью Австралазіи. Первыми изъ тихо-океанскихъ острововъ были присоединены о-ва Фиджи. Этотъ архипелагъ лежитъ въ 10 дняхъ плаванія отъ Сиднея; въ немъ около 200 острововъ, изъ которыхъ самый крупный по величинѣ равенъ Ямайкѣ. Главнымъ его продуктомъ является сахаръ. Онъ былъ присоединенъ въ 1874 г., въ министерство Дизраэли. Этотъ архипелагъ сталъ коронной колоніей; имъ управляетъ губернаторъ съ помощью исполнительнаго совѣта и законодательнаго совѣта по назначенію. Его народонаселеніе составляютъ приблизительно 105.000 туземцевъ и метисовъ, 10 тысячъ индусовъ и болѣе 3000 европейцевъ-плантаторовъ, купцовъ и миссіонеровъ.

Дальнѣйшія присоединенія и вмѣшательства были вызваны настоятельными ходатайствами австралазійцевъ. Въ 1875 г. въ Лондонъ отправилась депутація просить Дизраэли о присоединеніи Новой Гвинеи, гдѣ квинслэндскіе колонисты имѣютъ плантаціи и откуда они получаютъ чернорабочихъ (кули). Въ это самое время одно колонизаціонное общество подготовляло въ Англіи экспедицію въ Новую Гвинею. Но Общество для борьбы съ невольничествомъ просило министра не допустить этой попытки, заявивъ, что бѣлые дурно обращаются съ ново-гвинейцами и силою заставляютъ ихъ работать. Министръ ничего не сдѣлалъ ни за, ни противъ. Прождавъ нѣсколько лѣтъ, квинслэндское правительство рѣшилось собственной властью занять Новую Гвинею и съ этой цѣлью послало на островъ делегата (1883). Либеральный кабинетъ осудилъ это вмѣшательство, но парламентъ Новаго Уэльса выразилъ сожалѣніе по поводу того, что имперское правительство не поддержало шага, предпринятаго Квинслэндомъ. Парламентъ Викторіи присоединился къ настояніямъ Квинслэнда и отправилъ адресъ къ королевѣ съ просьбою присоединить Новые Гебриды и острова Соломоновы, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ собирается занять Франція для ссылки каторжныхъ. Наконецъ, первый федеральный съѣздъ, созванный въ сентябрѣ 1883 г. для изысканія мѣръ къ оборонѣ Австраліи, заявилъ, что отнынѣ никакая иностранная держава не въ правѣ утвердиться на Тихомъ океанѣ къ западу отъ Австраліи. Этимъ какъ бы провозглашалась для Австралазіи доктрина Монроэ; британское правительство наполовину удовлетворило австралійцевъ, присоединивъ юго-восточную часть Новой Гвинеи. Было условлено, что это новое владѣніе будетъ подчинено вице-губернатору и что

его расходы будутъ нести Квинслэндъ, Новый Уэльсъ и Викторія (1887—88). Австралійскіе штаты въ интересахъ туземцевъ приняли мѣры къ установленію контроля надъ наймомъ туземныхъ рабочихъ на островахъ Фиджи и Новой Гвинеѣ.

Тѣ же австралійскія колоніи помѣшали Франціи присоединить Новые Гебриды. Британское правительство, повидимому, не было склонно воспротивиться намѣренію Франціи (1886). Но австралійцы послали въ Лондонъ депутацію, которая, если вѣрить Чарльзу Дильку, говорила съ лордомъ Салисбюри въ тонѣ чисто-экзотической откровенности. Одинъ изъ делегатовъ будто бы сказалъ министру, что Австралія не прочь выбросить французовъ, если понадобится, даже изъ Новой Каледоніи; затѣмъ, когда лордъ Салисбюри объяснилъ медленность переговоровъ „хаосомъ", въ который ввергли Францію министерскіе кризисы, другой делегатъ отвѣчалъ: „Вотъ намъ бы здѣсь нужно немного хаоса". Въ концѣ-концовъ метрополія сдалась на увѣщанія австралійцевъ, и Новые Гебриды были объявлены нейтральными подъ соединеннымъ контролемъ Англіи и Франціи. Архипелаги Самоа и Тонга на пути изъ Новой Зеландіи въ Америку были объявлены независимыми подъ гарантіей Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Германіи (1889 и 1891). Новая Зеландія ходатайствовала о присоединеніи къ ней этихъ острововъ.

Общее соглашеніе на предметъ защиты. Попытки образовать федерацію.—Однимъ изъ предлоговъ, выставляемыхъ въ пользу присоединенія тѣхъ или другихъ острововъ, является необходимость обезпечить оборону Австралазіи. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ эта забота занимала большое мѣсто въ переговорахъ между колоніальными правительствами, и она является одною изъ главныхъ причинъ, которыми обусловлены попытки объединенія. Особенно интересовались колоніи морской защитою, которую онѣ, по примѣру Англіи, считаютъ всего болѣе важною. По этому поводу Викторія предложила созвать между-колоніальную конференцію въ 1883 г. въ Гобарѣ. Новая Зеландія позднѣе устранилась, а южная Австралія участвовала не во всѣхъ дальнѣйшихъ съѣздахъ; но только Новый Уэльсъ съ самаго начала отказался прислать делегатовъ. Острова Фиджи прислали представителей. На съѣздѣ въ Гобарѣ былъ основанъ первый органъ, общій всѣмъ колоніямъ,—*Federal Council*, который долженъ былъ выработать мѣры обороны, но былъ лишенъ исполнительной власти. *Federal Council* собирается съ 1886 г. почти ежегодно въ одномъ изъ главныхъ городовъ Австраліи. Въ то время, когда онъ организовался, британское правительство поручило нѣсколькимъ сухопутнымъ и морскимъ офицерамъ составить планъ защиты его владѣній въ Тихомъ океанѣ. Австралійскіе и британскіе проекты были обсуждены въ Лондонѣ представителями колоній и компетентными министрами; результатомъ этой конференціи былъ *Australian naval force Act* 1887 г. По этому соглашенію Англія обязывается усилить свою австралійскую эскадру пятью крейсерами и двумя океанскими миноносками, которыя должны быть ею построены и остаются ея собственностью, но содержатся на счетъ колоній; зато колоніи получаютъ ручательство, что эти суда постоянно будутъ стоять въ ихъ портахъ. Ассигновка на морскія нужды была вотирована всѣми парламентами, исключая квинслэндскаго, который губернаторъ принужденъ былъ распустить, чтобы добиться субсидіи. Послѣ Акта 1887 г. англійскія министерства и *Federal Council* продолжали работать сообща надъ морской обороной Австраліи. Въ 1892 и 1893 гг. были приняты совмѣстныя мѣры для защиты двухъ уголь-

.ныхъ станцій, устроенныхъ въ Альбани (юго-западъ) и на островахъ Тёрсдей въ Торресовомъ проливѣ.

Такъ состоялось федеральное соглашеніе по вопросу объ оборонѣ Австраліи. Въ 1889 г. Новый Уэльсъ, отказавшійся принять участіе въ образованіи и дебатахъ *Federal Council*, предложилъ гораздо болѣе широкій проектъ политической федераціи, сходной съ канадскою; этотъ новый проектъ былъ сочиненъ, повидимому, первымъ министромъ Новаго Уэльса, Генри Перксомъ, который желалъ закончить свою долгую карьеру президентомъ тихо-океанской федераціи. По его инціативѣ въ Мельбурнѣ въ 1890 г. была созвана *Federation-conference*, на которую прислали представителей всѣ семь колоній. Здѣсь Перксъ провелъ резолюцію, которой одобрялась конференція 1883 г., создавшая *Federal Council*, и заявилъ, что семилѣтній опытъ доказалъ необходимость болѣе прочнаго объединенія. Однако его проектъ, предусматривавшій образованіе федеральнаго парламента и федеральнаго министерства, былъ принятъ холодно. Одинъ изъ представителей южной Австраліи заявилъ, что это—„выдумка политикановъ“. Тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ году состоялся въ Мельбурнѣ второй съѣздъ; но выработанный здѣсь проектъ конституціи не удовлетворилъ колоній: онѣ не могли столковаться относительно союзнаго таможеннаго тарифа, такъ какъ Новый Уэльсъ требовалъ умѣренныхъ пошлинъ, остальные—высокихъ. Новая Зеландія заявила, что она расположена слишкомъ далеко, и совсѣмъ устранилась отъ совѣщаній. Въ эпоху экономическаго кризиса 1892—1894 гг. этотъ проектъ былъ, повидимому, забытъ. Въ 1895 г. его извлекла изъ-подъ спуда конференція первыхъ министровъ Тасманіи и австралійскихъ колоній исключая Квинслэнда; рѣшено было, что парламенты отдѣльныхъ штатовъ образуютъ конвентъ, который и обсудитъ планъ федераціи подъ названіемъ *Commonwealth*. Послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ конвентъ, въ который вошли, наконецъ, и делегаты Квинслэнда, закончилъ свою работу въ Аделаидѣ (мартъ 1898). Онъ предлагалъ: учредить сенатъ съ равнымъ числомъ представителей отъ каждой колоніи (какъ въ Соединенныхъ Штатахъ), избираемый всеобщимъ голосованіемъ на шесть лѣтъ и обновляемый наполовину, и палату депутатовъ, избираемую на три года всеобщимъ голосованіемъ и пропорціонально числу жителей; далѣе—упразднить междуколоніальныя таможни, а таможенное дѣло и военную оборону поручить федеральной власти, представляемой отвѣтственнымъ министерствомъ и генералъ-губернаторомъ (назначаемымъ королевою). До сихъ поръ въ демократической Австраліи не существовало референдума; теперь онъ долженъ былъ быть введенъ для конституціонныхъ поправокъ—и въ первую очередь ему долженъ былъ подвергнуться этотъ самый проектъ конституціи. Всенародное голосованіе состоялось въ іюнѣ 1898 г. въ тѣхъ четырехъ колоніяхъ, парламенты которыхъ приняли *Federation Bill*. Вотъ его результаты:

	Подано голосовъ.	Да.	Нѣтъ.
Новый Южный Уэльсъ. . . .	137.366	71.412	65.954.
Викторія	117.800	96.600	21.200.
Южная Австралія.	52.490	35.317	17.731.
Тасманія	13.241	10.709	2.532.

Въ общемъ, стало быть, подано было 320.897 голосовъ, изъ нихъ 214.038 за федерацію и 106.859 противъ.

Несмотря на громадный перевѣсъ утвердительныхъ голосовъ, билль не былъ принятъ, такъ какъ ново-уэльскій парламентъ, по просьбѣ министра Рида, постановилъ, что онъ можетъ быть окончательно принятъ лишь въ томъ случаѣ, если за него будетъ подано 80.000 голо-

совъ. Эта мѣра и сравнительно большое число отрицательныхъ вотумовъ въ Новомъ Уэльсѣ были обусловлены вопросомъ о таможенныхъ тарифахъ. Такимъ образомъ, осуществленіе *Commonwealth* пока отсрочено, благодаря частному вопросу; но и въ Австраліи, и въ Тасманіи большинство въ принципѣ—за федерацію.

III.—Капская колонія, Наталь и расширеніе англійскихъ владѣній въ Африкѣ.

Англійскія колоніи въ южной Африкѣ распадаются на три группы: 1. *Капскую колонію*, страну шерсти, хлѣба и вина, съ наиболѣе крупнымъ народонаселеніемъ (милліонъ жителей въ самой колоніи, изъ нихъ треть—бѣлые), съ выборнымъ парламентомъ и отвѣтственнымъ правительствомъ; это единственная изъ колоній, въ которой есть политическая жизнь. Ея губернаторъ—вмѣстѣ съ тѣмъ и „верховный комиссаръ" Великобританіи въ южной Африкѣ. Никакая экспедиція, никакое присоединеніе не можетъ состояться безъ его вѣдома. 2. *Наталь*, страна сахарнаго тростника, населенная 455.000 кафровъ, 41.000 индусовъ и только 46.000 бѣлыхъ. Послѣдніе отвергли парламентскій режимъ и по собственной просьбѣ, изъ страха передъ туземцами, остались подъ прямой властью метрополіи. 3. *Замбезія*, или *Родезія*, совокупность неизмѣримыхъ территорій, пустынныхъ или населенныхъ неграми, управляемыхъ монопольной колонизаціонной компаніей. Всѣ англійскія владѣнія были включены въ эти три группы, исключая Базутолэнда, отдѣленнаго отъ Капа въ 1884 г. Оба бурскихъ государства не вошли въ составъ англійскихъ владѣній; они остались независимыми подъ управленіемъ парламента (*Volksraad*) и президента, избираемыхъ прямымъ голосованіемъ. Въ Капской колоніи значительную часть населенія составляютъ потомки старыхъ голландскихъ колонистовъ. Въ исторіи южной Африки главную роль играютъ вопросы бурскій и туземный, получившіе своеобразный характеръ послѣ открытія алмазныхъ и золотыхъ копей, вызвавшаго приливъ бѣлыхъ иммигрантовъ.

Присоединеніе, а затѣмъ эвакуація Трансвааля англичанами. — До открытія золота южно-африканская республика (Трансвааль) считалась гораздо менѣе важною, нежели Оранжевая. Бѣлыхъ насчитывалось въ ней едва 50.000 при 800.000 туземцевъ, дорогъ совсѣмъ не было, иностранцы встрѣчали въ Трансваалѣ дурной пріемъ. Такъ, очень дурно былъ принятъ Ливингстонъ, заподозрѣнный, какъ миссіонеръ, въ расположеніи къ туземцамъ. Когда въ 1854 г. было открыто золото, правительство сперва пыталось держать эту новость въ тайнѣ, чтобы не привлечь эмигрантовъ, но затѣмъ разрѣшило золотоискательство, которое охватило сначала восточную часть страны, горы Дракенбергъ. Бывшій пасторъ Бургерсъ, избранный президентомъ въ 1872 г., заключилъ заемъ на предметъ проведенія желѣзной дороги отъ залива Делагоа до рудниковъ. Трансваальскіе буры, почти не платившіе податей и враждебно относившіеся къ иммиграціи, въ большинствѣ высказались противъ президента. Тогда вмѣшалось англійское правительство; министръ колоній въ кабинетѣ Дизраэли предложилъ сначала образовать союзъ южно-африканскихъ штатовъ по образцу Dominion'а и послалъ Фроуда въ Капскую колонію агитировать въ пользу этого проекта. Губернатора не предупредили, и онъ дурно встрѣтилъ Фроуда; послѣдній устроилъ нѣсколько собесѣдованій съ бурами, причемъ цитировалъ Горація. Убѣдить ихъ ему не удалось. Тогда министръ усилилъ гарнизонъ въ Наталѣ и прислалъ въ колонію чрезвычайнаго комиссара съ полномочіемъ по соглашенію съ губернаторомъ дѣлать

присоединенія. Комиссаръ въ сопровожденіи отряда конной полиціи отправился въ Преторію, гдѣ былъ встрѣченъ партіей, стоявшей за присоединеніе. Онъ предложилъ фольксрааду слѣдующій ультиматумъ: „болѣе сильное правительство или присоединеніе", а когда фольксраадъ разошелся, не давъ отвѣта, комиссаръ объявилъ Трансвааль включеннымъ въ составъ британскихъ владѣній (12 апрѣля 1877); англійское правительство одобрило его образъ дѣйствій и отказалось принять двѣ делегаціи, присланныя въ Англію — одна прежней исполнительной властью, другая—съ петиціей отъ лица 6000 буровъ въ пользу сохраненія независимости Трансвааля. Буры въ большинствѣ были противъ присоединенія, но они боялись вмѣшательства англійскаго войска, дѣйствовавшаго у самой ихъ границы противъ зулусовъ. Англійское правительство сочло свое владычество въ Трансваалѣ вполнѣ обезпеченнымъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Оно не созвало фольксраада. Уэльслей, побѣдитель зулусовъ, по окончаніи войны прибылъ въ Преторію и организовалъ здѣсь правительство изъ англійскихъ чиновниковъ, безъ представительныхъ учрежденій; онъ заявилъ, что британское владычество будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и рѣки текутъ въ море. Тогда сторонники автономіи возстали. Члены стараго фольксраада, не созывавшагося съ 1877 г., собрались 13 декабря 1880 г. въ одной деревнѣ, избрали Крюгера, Жубера и Преторіуса (сына Андрея Преторіуса) тріумвирами для возстановленія республики и призвали народъ къ оружію. Буры стали собираться верхомъ и съ оружіемъ, блокировали всѣ англійскіе гарнизоны и отбили англійскій полкъ, двинувшійся отъ границы Наталя къ Преторіи. Получивъ извѣстіе объ этомъ, губернаторъ Наталя собралъ всѣ силы, какія были въ его распоряженіи—1000 человѣкъ и шесть орудій,—и двинулся ущельями, поднимающимися къ Трансваалю. Буры, расположившись на горахъ, задерживали его пятнадцать дней и въ концѣ-концовъ отразили отчаянный штурмъ англичанъ, убивъ у нихъ шесть офицеровъ и губернатора (Маджуба Хилль, 27 февраля 1881). „Наши воины,—писалъ трансваальскій генералъ Жуберъ,—дрались, какъ герои, и Господь далъ намъ побѣду". Англійское правительство сначала, повидимому, намѣревалось повторить экспедицію и съ этой цѣлью сосредоточило силы въ Наталѣ. Но въ это время власть перешла къ Гладстону, который высказался противъ присоединенія; либеральный кабинетъ предложилъ бурамъ временное соглашеніе, обѣщавшее имъ фольксраадъ и автономію подъ суверенитетомъ королевы. Буры согласились (1881), и по окончательному договору, заключенному въ Лондонѣ, за Англіей осталось только право veto на трактаты, заключаемые южно-африканской республикой съ иностранными державами, за исключеніемъ Оранжевой республики. Англійскій комиссаръ въ Преторіи былъ замѣненъ дипломатическимъ агентомъ и возстановлена автономія вмѣстѣ съ старой конституціей. Буры обѣщали не обижать туземцевъ (1884).

Война съ зулусами. Присоединеніе побережья до Мозамбика.—Зулусами называются кафрскія племена, живущія между Трансваалемъ и восточнымъ побережьемъ; ихъ воины, вооруженные щитами и копьями, въ началѣ XIX столѣтія составили одно большое войско подъ начальствомъ Дингаана, а затѣмъ его брата Панда; они дрались сомкнутыми фалангами, опасными какъ своей массою, такъ и стремительной энергіей своихъ атакъ. Зулусы долго воевали съ трансваальскими бурами изъ-за земли и кражи скота. По временамъ они грабили также сѣверную границу Наталя. Наконецъ консервативный кабинетъ рѣшился истребить ихъ войско; это совпало съ моментомъ его вмѣшательства въ дѣла Трансвааля. Энергичный губер-

наторъ, сэръ Бартль Фреръ (1877), переведенный сюда изъ индійской службы, отправился въ Наталь, опредѣлилъ точно границу и потребовалъ отъ зулусскаго короля Ситивайо, сына Панды, чтобы онъ выдалъ зулусовъ, уличенныхъ въ убійствѣ европейцевъ, допустилъ обратно изгнанныхъ имъ миссіонеровъ и принялъ британскаго резидента, безъ согласія котораго онъ былъ бы не вправѣ выступать на войну (1878). Такъ какъ Ситивайо не далъ отвѣта, то англійская колонна въ январѣ 1879 г. вступила на его территорію. Сначала она не встрѣтила никакого сопротивленія, но однажды, когда ея начальникъ отлучился на рекогносцировку, 700 европейцевъ и вспомогательный отрядъ изъ 600 черныхъ, остававшіеся въ лагерѣ у Изандлгавна и не позаботившіеся загородиться, по бурскому обычаю, своими телѣгами, подверглись внезапному нападенію 14.000 зулусовъ, которые подобрались ползкомъ черезъ кустарники и перебили копьями почти всѣхъ. Одновременно отрядъ зулусовъ сдѣлалъ попытку вторгнуться въ Наталь, но былъ остановленъ огнемъ англійской колонны. Англійское войско отступило, оправилось въ Наталѣ, двинулось сомкнутой массой въ 4000 человѣкъ къ столицѣ Улунди и въ виду ея изрубило въ куски зулусскихъ воиновъ (4 іюля 1879). Ситивайо былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Англію. Зулулендъ былъ объявленъ англійской территоріей и организованъ по образцу Кафраріи: туземные вожди сохранили свою власть подъ контролемъ немногихъ бѣлыхъ чиновниковъ. Въ 1883 г. либеральное правительство сочло возможнымъ возстановить Ситивайо подъ британскимъ протекторатомъ; но едва онъ вернулся въ свою страну, какъ его братъ и нѣсколько вождей открыли противъ него войну, въ которой погибло 6000 человѣкъ. Ситивайо бѣжалъ къ англичанамъ и умеръ въ изгнаніи. Во время этой смуты появились здѣсь бурскіе авантюристы; на территоріи Зулуленда они основали небольшую республику Врихейдъ, которая вскорѣ была присоединена къ Трансваалю. Остальная часть Зулуленда въ царствованіе Диссизулу, сына Ситивайо, оставалась британскимъ владѣніемъ и много страдала отъ возстаній и грабежей. Въ 1888 г. Диссизулу и нѣсколько вождей были арестованы англійскими властями и сосланы на о. Св. Елены. Въ 1897 г. британскій Зулулендъ съ народонаселеніемъ въ 179.000 туземцевъ и 1100 бѣлыхъ былъ включенъ въ составъ колоніи Наталь.

Къ сѣверу отъ Зулуленда лежатъ двѣ территоріи, обитаемыя другими кафрскими племенами: Тонгалендъ, или Аматонголендъ (38.000 туземцевъ), и на побережьи Суазилендъ (80.000 туземцевъ), въ долинахъ котораго, примыкающихъ къ горамъ Дракенбергъ, буры часть года пасутъ свои стада. Аматонголендъ былъ занятъ англичанами въ 1887 г. и одновременно съ Зулулендомъ былъ включенъ въ составъ Наталя. Суазилендъ, объявленный независимымъ по англо-трансваальскому соглашенію 1884 г., былъ послѣ смерти своего главнаго вождя поставленъ подъ общій контроль буровъ и англичанъ (1889), а затѣмъ подъ управленіе одной южно-африканской республики (1894—95). Всѣ эти территоріи управляются туземными вождями подъ европейскимъ контролемъ. Кафры платятъ подать съ каждой хижины; правительство гарантируетъ имъ право охоты и пастьбы, запрещаетъ продавать имъ спиртъ и охраняетъ миссіонеровъ.

Когда и Пондолендъ (бывшая независимая Кафрарія), отдѣлявшій Капскую колонію отъ Наталя, былъ включенъ въ Капскую колонію (1894), все восточное побережье до Мозамбика и почти вся бывшая территорія разныхъ племенъ оказались подъ прямымъ управленіемъ Англіи.

Между равнинами Пондоленда и Оранжевой республикой лежатъ горныя об-

ласти восточныхъ гриква и базутовъ. Базуты, присоединенные въ 1871 году къ Капской колоніи, возстали въ 1880 г. съ помощью гриква, когда власти вознамѣрились обезоружить ихъ; они убили резидента, но были усмирены добровольцами. Восточный Гриквалендъ былъ включенъ въ составъ Капской колоніи. Базутолендъ, который послѣдняя приняла противъ своей воли и который она не желала оккупировать на свой счетъ, былъ обращенъ въ отдѣльную колонію (1884), управляемую почти такъ же, какъ зулусскія области. Такимъ образомъ, оба бурскихъ государства со стороны моря были блокированы англійскими владѣніями.

Отъ Бечуаналенда до Танганики.—Сесиль Родсъ и Chartered Company.—Англичанамъ удалось остановить расширеніе бурскихъ государствъ и на западѣ. Здѣсь къ сѣверу отъ Капской колоніи жили небольшія племена бечуановъ, мирныхъ пастуховъ. Ихъ страну оспаривали другъ у друга съ 1852 г. англичане и буры. Ко времени заключенія договора 1884 г. бурскими *voortrekker*'ами уже было основано въ землѣ бечуановъ нѣсколько небольшихъ республикъ—Стеллалендъ, Эвгенія, Гошенъ. Было рѣшено, что спорная территорія будетъ подѣлена между Южноафриканской республикой и Англіей, которая желала обезпечить себѣ дорогу въ центральную Африку. И та, и другая заявляла притязанія на главный поселокъ—Мефкингъ; въ концѣ-концовъ онъ былъ занятъ англійскими волонтерами и конной полиціей и остался подъ властью англичанъ (1884). Вся территорія къ югу отъ Молопо была выдѣлена въ особую область—*Британскій Бечуаналендъ* (1885), которая сперва была коронной колоніей, а затѣмъ была включена въ Капскую колонію (1895). Въ 1885 г. вся страна до Замбезе была объявлена состоящей подъ суверенитетомъ Англіи. Это и есть такъ наз. *Протекторатъ Бечуаналендъ*; въ настоящее время подъ этимъ названіемъ разумѣютъ уже только самую пустынную часть страны (Калагари), гдѣ на пространствѣ, равномъ Франціи, живетъ едва 200.000 человѣкъ. Эта пустыня была занята съ той цѣлью, чтобы нѣмцы, утвердившіеся на Атлантическомъ побережьѣ (1885), не могли закрыть англичанамъ путь внутрь материка; англогерманская граница была установлена въ 1890 г. Протекторатъ Бечуаналендъ управляется туземными начальниками, изъ коихъ главный—Хама, подъ контролемъ британскаго резидента, зависящаго отъ верховнаго комиссара.

Дальше къ сѣверу лежатъ необозримыя пространства, болѣе плодородныя и болѣе населенныя; занятіе ихъ англичанами вызвало протестъ со стороны Португаліи, которая считала центральную Африку между своими колоніями Анголой и Мозамбикомъ своей собственностью; въ концѣ-концовъ однако она согласилась признать спорный край англійскимъ владѣніемъ (1889—91). Эти вновь присоединенныя области были предоставлены въ распоряженіе южно-африканской Chartered Company. Подъ управленіемъ послѣдней находятся: 1) къ сѣверу отъ Калагари плоскогорья, обитаемыя туземнымъ негритянскимъ племенемъ машуа и воинственнымъ кафрскимъ народцемъ матабелами, пришедшими съ побережья (1889), 2) къ сѣверу отъ Замбезе—вся англійская центральная Африка (1891), исключая Ніассаленда, составляющаго отдѣльный протекторатъ,—въ общемъ пространство, слишкомъ вдвое превышающее площадь Франціи. Компанія эта была основана англичаниномъ Сесилемъ Родсомъ, который пріѣхалъ въ Капскую колонію собственно для поправленія здоровья и остался здѣсь ради алмазныхъ копей. Его осѣнила мысль объединить эти конкуррировавшія между собою копи въ синдикатъ, съ цѣлью соизмѣрять производство со спросомъ; а когда алмазныя залежи истощились, онъ образовалъ та-

кой же сидикатъ золотыхъ рудниковъ въ Іоганнесбургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выступилъ сторонникомъ политики присоединеній: именно по его настоянію былъ въ 1884 г. занятъ Мефкингъ. Лишь только былъ провозглашенъ англійскій протекторатъ до Замбезе, Родсъ основалъ компанію для эксплоатаціи рудниковъ въ горахъ Матабелеленда, древняго Офира, гдѣ находятся, быть можетъ, еще финикійскія, развалины Зимбабея (1888). Англійское правительство незадолго передъ тѣмъ заключило съ главнымъ вождемъ матабеловъ, Лобенгулой, дружескій договоръ, по которому онъ обѣщалъ не вступать въ сношенія съ иностранцами безъ разрѣшенія верховнаго комиссара. Желая использовать этотъ далекій край, англійское правительство приняло предложеніе компаніи Родса; 29 октября 1889 г. оно даровало ей хартію (монополію) и суверенныя права (управленіе, судъ, войско, продажа концессій) подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она продолжила желѣзную дорогу, доведенную до Кимберлея, и телеграфъ, доведенный до Мефкинга. и чтобы она старалась развивать эмиграцію, торговлю и разработку копей. Компанія тотчасъ набрала партію піонеровъ, проложила ихъ руками дорогу больше чѣмъ въ 600 километровъ, чтобы можно было проникнуть въ горы, въ концѣ этой дороги воздвигла фортъ Салисбюри, главный городъ Родезіи, и затѣмъ поставила ихъ на рудокопную работу (1890). Но мирный ходъ колонизаціи скоро былъ нарушенъ матабелами, которые по воинственности и любви къ грабежу не уступаютъ кафрамъ. Въ 1893 г. они остановили курьерскій поѣздъ и обобрали нѣсколько купцовъ; тогда верховный комиссаръ разрѣшилъ компаніи открыть войну противъ ихъ вождя Лобенгулы. Компанія организовала конное войско изъ 670 бѣлыхъ и 570 черныхъ подъ командой бывшаго лѣкаря д-ра Джемсона; оно предприняло рядъ конныхъ набѣговъ на *краали*, на отряды воиновъ; при этомъ было убито множество туземцевъ, много ихъ также было задушено дымомъ въ пещерахъ; наконецъ, укрѣпленное селеніе Лобенгулы, Булувайо, было взято, и вождь исчезъ. Война возобновилась въ 1896 г., послѣ того какъ, благодаря экспедиціи Джемсона въ Трансвааль, часть конной полиціи ушла изъ страны. На этотъ разъ вспыхнулъ общій мятежъ; пришлось звать добровольцевъ изъ Капской земли и организовать иррегулярные отряды. Компанія издержала болѣе 50 милліоновъ. Бѣлые съ разныхъ сторонъ проникли въ горы и словно охотились на людей. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ этой кампаніи является исторія двухъ добровольцевъ, которымъ удалось чрезъ скалы добраться до пещеры, гдѣ жилъ извѣстнѣйшій въ странѣ колдунъ, и насмерть уложить его пулей во время волшебнаго танца. Война кончилась поголовнымъ разоруженіемъ туземцевъ; послѣдствіемъ ея былъ голодъ, опустошившій ихъ ряды, и безъ того порѣдѣвшіе благодаря битвамъ и рѣзнямъ.

Несмотря на эти двѣ войны и обусловленные ими расходы, компанія сильно двинула впередъ начатыя ею общественныя работы. Желѣзная дорога въ центральную Африку была продолжена, сплошь по англійской территоріи, отъ Кимберлея до Мефкинга, телеграфъ—отъ Мефкинга до форта Салисбюри и отсюда (Африканской трансконтинентальной телеграфной компаніей) до озера Ніанца; ее предположено продлить до Уганды и затѣмъ до Нила. Почтовое сообщеніе совершается довольно быстро и по довольно хорошей дорогѣ, такъ что изъ Лондона можно доѣхать до форта Салисбюри въ 24 дня. Наконецъ, начата постройка желѣзной дороги отъ Салисбюри до Беиры на португальскомъ побережьи: это—будущій путь изъ Европы въ Родезію. Дорога на Каплендъ слишкомъ длинна и пролегаетъ чрезъ очень бѣдныя страны.

Проекты федераціи. — Afrikander Bond; вторженіе въ Трансвааль. — Послѣ того, какъ туземцы были почти совершенно покорены, южную Африку снова взволновалъ бурскій вопросъ, ставшій на очередь одновременно и въ Капской колоніи, и въ обѣихъ автономныхъ республикахъ. Капскіе голландцы, развитые болѣе другихъ, организовались политически: въ 1880 г. они образовали *Afrikander Bond*, цѣль котораго—осуществить старый проектъ сліянія южно-африканскихъ государствъ въ федерацію подъ верховенствомъ Англіи и подъ условіемъ неприкосновенности правъ голландцевъ. Послѣдніе требовали особенно права говорить на своемъ языкѣ въ парламентѣ; это право и было имъ дано либеральнымъ правительствомъ въ 1882 г. Спустя десять лѣтъ они располагали половиной депутатскихъ мѣстъ. Сесиль Родсъ, ставъ первымъ министромъ Капской колоніи, сумѣлъ помирить англичанъ съ африкандерами. Онъ провелъ избирательный законъ 1892 г., по которому избирателемъ въ ту и другую палату можетъ быть лишь тотъ, кто умѣетъ подписать свое имя и располагаетъ либо собственностью въ 75 ф. ст., либо жалованьемъ въ 50; этимъ фактически было отнято право голоса у туземцевъ, что̀ оказалось по сердцу всѣмъ бѣлымъ колонистамъ. Родсъ публично заявилъ въ Кимберлеѣ (1891), что желаетъ основанія федераціи, но что ждетъ его отъ свободной воли колоній: такова была программа африкандеровъ. Оставалось склонить къ ней обѣ республики. Оранжевая республика (77.000 бѣлыхъ и 130.000 туземцевъ), имѣющая торговыя сношенія почти только съ Капской колоніей, позволила послѣдней продолжить ея желѣзнодорожныя линіи чрезъ свою территорію и заключила съ нею (1890) таможенный союзъ. Англійское вліяніе не встрѣчало здѣсь серьезнаго противодѣйствія; напротивъ, президентъ Южно-африканской республики, Павелъ Крюгеръ, одинъ изъ повстанцевъ 1880 г., относился враждебно къ чужеземной иммиграціи и къ планамъ федераціи, и большинство фольксраада раздѣляло его взгляды. Но разногласіе между нимъ и Родсомъ, можетъ быть, и не вызвало бы конфликта, если бы не вмѣшались иностранцы, добывавшіе золото въ Трансваальскихъ копяхъ.

Эти копи, безпримѣрные по обилію золота, были открыты въ 1884 г. на югѣ республики. Трансвааль, пришедшій въ упадокъ послѣ того, какъ старыя копи истощились, въ нѣсколько лѣтъ опять достигъ благосостоянія. Эти богатыя залежи почти всѣ сосредоточены въ округѣ Витватерсрандъ.

Золото находятъ здѣсь въ кварцѣ, который приходится взрывать динамитомъ и затѣмъ дробить посредствомъ паровыхъ машинъ. Эту работу исполняютъ кафры подъ присмотромъ персонала бѣлыхъ, начальники котораго—богатые и вліятельные люди. Главный городъ золотоноснаго района, Іоганнесбургъ, основанный въ 1886 г. въ пустынной степи, теперь представляетъ собою большой городъ съ 102.000 жителей, съ электрическимъ освѣщеніемъ на улицахъ и въ магазинахъ, съ биржей, газетами, вообще всѣмъ, что̀ есть въ европейскихъ городахъ,—кромѣ воды, которой до сихъ поръ не сумѣли провести въ него. Изъ всѣхъ быстро выросшихъ городовъ онъ росъ, быть можетъ, наиболѣе скоро. Уже и желѣзныя дороги проникли въ Трансвааль, не знавшій до тѣхъ поръ иного способа сообщенія, кромѣ телѣги, влачимой нѣсколькими парами быковъ. Преторія и Іоганнесбургъ соединены рельсовымъ путемъ съ Капской колоніей чрезъ Оранжевую республику, и съ Луренсо Маркезъ на португальскомъ берегу. Доходы Трансвааля возросли съ 30.000 ф. ст. (1870) до 1.250.000 (1892). Тѣмъ не менѣе президентъ Крюгеръ и фольксраадъ были недовольны приливомъ иностранцевъ. Когда у президента попросили разрѣше-

нія продолжить желѣзную дорогу на сѣверъ, гдѣ открыты были новыя копи, онъ отказалъ, говоря: „Довольно одного Іоганнесбурга, намъ не нужно двухъ". Іоганнесбургъ, населенный исключительно иностранцами, совершенно затмилъ столицу Преторію, насчитывавшую едва 10.000 жителей и представлявшую собой въ сущности большую деревню. Буры и иностранцы (*уитлендеры*) являлись двумя враждебными группами населенія. Уитлендеры были лишены политическихъ правъ, и они жаловались, что ихъ эксплоатируетъ правительство, въ которомъ они не принимаютъ никакого участія. Республика взимала крупные поборы за концессіи на разработку руды, съ вывоза и ввоза (исключая португальскихъ товаровъ): это были его главные доходы. Она предоставила монополію на продажу динамита компаніи, которая подняла цѣны на 40%, а эксплоатацію желѣзной дороги—нидерландской компаніи, установившей такой тарифъ, что каменный уголь вздорожалъ вдвое. Она отказывалась рѣшить вопросъ о трудѣ туземцевъ согласно желанію уитлендеровъ, которые требовали, чтобы воспрещенъ былъ ввозъ алкоголя чрезъ португальскую территорію, чтобы подать съ хижины была повышена съ 12 фр. 20 до 125 фр., исключая тѣхъ случаевъ, когда туземецъ работаетъ въ копяхъ, и наконецъ, чтобы всякій туземецъ былъ обязанъ носить нумеръ, который замѣнялъ бы ему метрику и по которому его можно было бы разыскать, если бы онъ, нанявшись къ бѣлому на службу, бѣжалъ. Уитлендеры не добились никакой уступки, но они рѣшили терпѣть, разсчитывая, что золотоносный слой кварца истощится въ нѣсколько лѣтъ и что тогда имъ можно будетъ оставить безводный и чуждый культурѣ Іоганнесбургъ, какъ искатели алмазовъ покинули Кимберлей. Но тутъ, близъ Іоганнесбурга, подъ старымъ золотоноснымъ слоемъ былъ открытъ новый слой, и въ другихъ частяхъ Трансвааля—новыя залежи золота. Уитлендеры увидѣли себя надолго прикрѣпленными къ Трансваалю и рѣшили во что бы то ни стало добиться политическихъ правъ, чтобы при ихъ помощи развить свое дѣло (1894).

Обитавшие въ Іоганнесбургѣ англичане основали Національный союзъ подъ руководствомъ Чарльза Леонарда; этотъ союзъ, безуспѣшно требовавшій учрежденія англійскихъ школъ и предоставленія гражданскихъ правъ иностранцамъ, вошелъ въ соглашеніе съ Горнозаводской палатой, т.-е. съ синдикатомъ всѣхъ компаній, предсѣдателемъ котораго былъ Ліонель Филиппсъ. До тѣхъ поръ синдикатъ ограничивался подкупомъ членовъ фольксраада: онъ издержалъ этимъ способомъ 75.000 франковъ на то, чтобы не допустить принятія закона о воскресномъ отдыхѣ. На этотъ разъ рѣчь шла о завоеваніи политическихъ правъ. Леонардъ, Филиппсъ и нѣсколько промышленниковъ, въ томъ числѣ одинъ американецъ, сговорились начать въ этомъ смыслѣ агитацію въ Іоганнесбургѣ; они не останавливались и передъ мыслью о возстаніи; были тайно ввезены и спрятаны въ магазинахъ оружіе, боевые припасы и провіантъ. Родсъ, бывшій въ это время первымъ министромъ Капской колоніи и игравшій видную роль и въ Chartered Company, и въ главномъ синдикатѣ золотыхъ пріисковъ, былъ освѣдомленъ о движеніи и одобрялъ его. Коноводы полагали, что буры осадятъ Іоганнесбургъ, и обезпечили себѣ на этотъ конецъ помощь одного изъ агентовъ компаніи, д-ра Джемсона, побѣдителя матабеловъ, который долженъ былъ въ этомъ случаѣ со своимъ отрядомъ конной полиціи освободить городъ. Къ концу 1895 г. все было готово. Сторонники движенія на митингѣ въ Іоганнесбургѣ изложили планъ требуемыхъ ими реформъ, грозя бурскому правительству, если оно не

Вихгафъ.

Пріемъ депутаціи президентомъ Крюгеромъ въ Исполнительномъ совѣтѣ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

уступить; но нѣмецкіе, голландскіе и французскіе уитлендеры отвѣчали лойалистской манифестацией въ зданіи биржи. Такимъ образомъ, иностранцы раздѣлились на двѣ враждебныя группы, и шансы успѣха значительно уменьшились. Леонардъ поспѣшно отправился въ Кэптоунъ къ Родсу съ просьбой телеграфировать Джемсону, чтобы онъ оставался дома со своими солдатами. Но Джемсонъ „закусилъ удила": онъ вторгся на трансваальскую территорію, предварительно перерѣзавъ телеграфъ, соединявшій ее съ Капской колоніей. Будучи предоставленъ собственнымъ силамъ, лишенный провіанта, онъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ бурской милиціей. Послѣдняя обратилась затѣмъ противъ Іоганнесбурга, гдѣ нѣсколько дней главенствовалъ комитетъ партіи реформъ, и захватила вожаковъ движенія. Нападеніе Джемсона и явное вмѣшательство компаніи Родса возбудили въ голландцахъ недовѣріе къ англичанамъ. Южно-африканская республика закупила пушекъ и ружей, готовясь защищать свою независимость. Оранжевая республика сблизилась съ нею путемъ договора. Наконецъ, и африкандеры Капской колоніи выступили противъ своего бывшаго союзника Родса, и выборы 1898 г. дали имъ большинство изъ нѣсколькихъ голосовъ въ законодательномъ собраніи Капской колоніи. Образованіе федераціи въ южной Африкѣ, повидимому, отсрочено надолго.

Англія въ остальныхъ частяхъ Африки.— Англійскія владѣнія въ южной Африкѣ и англійскія владѣнія въ центральной Африкѣ, представляющія собою продолженіе первыхъ, образуютъ лишь одинъ изъ кусковъ, которые достались Англіи по раздѣлу Африки. Этотъ раздѣлъ слѣдуетъ признать однимъ изъ крупнѣйшилъ колоніальныхъ событій настоящей эпохи. Онъ былъ подготовленъ рядомъ военныхъ миссій, которыя пріѣхали съ порученіемъ заключать договоры съ туземными вождями и подчасъ принуждены были пролагать себѣ путь оружіемъ въ виду враждебнаго отношенія со стороны представителей другихъ націй; онъ былъ произведенъ въ Европѣ нѣсколькими дипломатическими конгрессами, намѣтившими на часто несовершенныхъ картахъ области вліянія различныхъ націй. Каждый договоръ сопровождался разграниченіемъ самой территоріи, но ни одинъ не устранилъ всѣхъ затрудненій. Разъ утвердившись на побережьи, европейцы принуждены уничтожать туземныя военныя государства путемъ кровопролитныхъ и дорого стоящихъ экспедицій Англійскія экспедиціи, особенно первая экспедиція противъ ашантіевъ (1873—1874), считаются наиболѣе тщательно подготовленными въ смыслѣ фуражировки и гигіены. Здѣсь невозможно подробно говорить о присоединеніяхъ, произведенныхъ въ Африкѣ. Вотъ въ общихъ чертахъ позиціи, занимаемыя англичанами. 1) На западѣ ихъ владѣнія по гвинейскому побережью были окружены и отдѣлены отъ внутренности материка французскими колоніями; но по конвенціи 1890 г. англичане получили нижнее теченіе Нигера и Бенуэ—двѣ судоходныхъ рѣки—и плодоносную, хорошо населенную часть Судана до озера Чадъ (коронная колонія Лагосъ; Протекторатъ побережья Нигера). Конвенція 1898 г. раздѣлила одну спорную территорію между Франціей и Англіей, округливъ французскія владѣнія у устья Нигера присоединеніемъ къ нимъ Дагомеи. 2) На востокѣ побережье и область озеръ были подѣлены между Германіей и Англіей рядомъ соглашеній (1886—1890). Англійская территорія обнимаетъ: Занзибарскій протекторатъ; т. наз. I. B. E. A. (*Imperial British East Africa*), которая до 1895 г. была отдана въ концессію особой компаніи, а съ тѣхъ поръ управляется прямо; Протекторатъ Уганда (1894). 3) Египетъ оккупированъ англійской арміей, которая

отъ имени хедива и съ помощью египетскихъ войскъ снова заняла часть Судана, захваченную дервишами. Вопросъ о томъ, кому должны принадлежать земли по верхнему Нилу, подвластныя до возстанія махди Египту, былъ рѣшенъ побѣдами англійской экспедиціи и англо-французскимъ соглашеніемъ 1899 г. Въ общемъ, если исключить нѣмецкія владѣнія въ восточной Африкѣ и Нилъ отъ озера Викторіи до Хартума, снова отданный Египту, то территоріи, состоящія подъ вліяніемъ или управленіемъ Англіи въ Африкѣ, простираются, по выраженію Родса, „отъ Капа до Нила". Бо̀льшая часть англійскихъ владѣній въ Африкѣ— недавнія пріобрѣтенія, и устройство ихъ едва начато. Двѣ очень важныя области (Нигеръ и Родезія) предоставлены компаніямъ. Единственной колоніей, похожей на европейское государство, является Капская колонія, которая своимъ недавнимъ расцвѣтомъ обязана развитію алмазныхъ копей и которая имѣетъ шансы стать центромъ будущей южно-африканской федераціи.

IV.—Индійская имперія.

Королева Викторія была провозглашена индійской императрицей 1 января 1877 г. въ древней столицѣ Великаго могола, Дели, на *дарбарѣ*, или собраніи князей и вельможъ; здѣсь было 63 индусскихъ государя, 300 знатныхъ, генералъ-губернаторъ португальскихъ владѣній, послы отъ Сіама, Непала, Кашгара, Белуджистана, 15.000 солдатъ, пушки съ золотой и серебряной отдѣлкой, слоны въ парадныхъ уборахъ. Въ сущности это былъ лишь театральный эпизодъ, долженствовавшій, по мысли его иниціатора, Дизраэли, символизировать прямое управленіе. Онъ создалъ только новый титулъ. Англійское правительство продолжало политику, начатую въ 1858 г.: оно отказывалось отъ всякихъ новыхъ присоединеній въ Индіи; вассальныя княжества сохраняли своихъ государей; въ 1882 г. была даже возстановлена Мисорская династія, изгнанная англичанами полвѣка назадъ. Управленіе продолжаетъ медленно усваивать западный характеръ и заботиться о нуждахъ страны, а не служить, по восточному обычаю, простымъ орудіемъ эксплоатаціи населенія въ формѣ налоговъ. Въ разрѣзъ съ этой эволюціей идутъ экспедиціи и захваты, снова начинающіеся на сѣверо-западной границѣ въ противовѣсъ успѣхамъ Россіи въ средней Азіи.

Англичане и туземцы. — Вступивъ въ непосредственное управленіе Индіей, Англія приняла троякаго рода мѣры въ пользу туземцевъ:

1. Она начала медленно осуществлять данное ею въ 1858 г. обѣщаніе уравнять индусовъ съ англичанами въ отношеніи занятія государственныхъ должностей: они занимаютъ всѣ низшія должности въ полиціи, по финансовому и судебному вѣдомствамъ. Парламентъ обѣщалъ въ 1893 г., что пріемныя испытанія на высшія должности *гражданскаго вѣдомства* будутъ производиться одновременно въ Индіи и въ Англіи. Но этотъ порядокъ еще не вступилъ въ силу, и служба туземцевъ въ высшихъ чинахъ не даетъ хорошихъ результатовъ. Въ администрацію вступаютъ почти только бенгальскіе индусы; мусульмане, состоящіе въ подозрѣніи по воспоминаніямъ 1857 г., и сикки, предпочитающіе службу въ солдатахъ, презираютъ бенгальцевъ и не потерпѣли бы ихъ власти надъ собою въ качествѣ начальниковъ. Туземные чиновники относятся къ вопросамъ этики иначе, нежели европейцы; судьи легко оправдываютъ членовъ высшихъ кастъ, и въ виду подобныхъ случаевъ пришлось въ 1862 г. уничтожить индусскія жюри. Административные чиновники кормятся своей службою. „Мы, индусы, — сказалъ одинъ изъ нихъ финансовому члену Индійскаго со-

вѣта, — всегда лжемъ, если это намъ выгодно". Тѣ же чиновничьи нравы европейцы нашли всюду на Дальнемъ Востокѣ.

2. Правительство пыталось вызвать въ индусахъ интересъ къ дѣламъ ихъ края путемъ учрежденія муниципалитетовъ, окружныхъ совѣтовъ и вообще цѣлой мѣстной администраціи, въ которую они могутъ входить либо по выборамъ, либо по назначенію. Нѣсколько человѣкъ индусовъ назначены правительствомъ членами Калькуттскаго совѣта и совѣтовъ президентствъ. Туземной печати была предоставлена довольно большая свобода при либеральномъ губернаторѣ лордѣ Рипонѣ (1882); въ странѣ издается около 600 газетъ на 16 языкахъ. Съ 1886 г. собирается ежегодно въ одномъ изъ главныхъ городовъ Индіи Національный конгрессъ, состоящій изъ индусовъ-браманистовъ; онъ неизмѣнно выражаетъ пожеланіе о предоставленіи индусамъ высшихъ должностей и введеніи парламентскаго режима. Движеніемъ руководятъ высшіе классы браманистскаго общества, и имъ же главнымъ образомъ идутъ въ прокъ уступки англичанъ. Они афишируютъ свою преданность англичанамъ, но насколько они искренни,—неизвѣстно. Индусы научаются англійскому языку, но сохраняютъ свою религію и свои кастовые обычаи. Знатные весьма падки до приглашеній къ вице-королю, но избѣгаютъ пить и ѣсть съ европейцами и остерегаются ихъ прикосновенія, которое они считаютъ нечистымъ.

3. Что касается народной массы, то правительство продолжало просвѣщать ее сверху, искореняя тѣ обычаи, которые оно считало варварскими, и прививая ей европейскіе нравы. Такъ, запрещено было убивать дѣвочекъ въ Пенджабѣ, на сѣверо-западѣ и въ Бомбеѣ, запрещенъ бракъ въ слишкомъ юномъ возрастѣ (1891) и введено обязательное оспопрививаніе. Развитіемъ фабрично-заводской промышленности въ послѣднее время было обусловлено изданіе закона, запретившаго дѣтскій трудъ въ возрастѣ до 14 лѣтъ и ограничившаго рабочій день женщинъ одиннадцатью часами (1892). Особой комиссіи поручено было изслѣдовать дѣйствіе опіума, и она установила, что опіумъ приноситъ меньше вреда индусамъ, нежели алкоголь европейцамъ (1896). Комиссія по народному образованію, учрежденная либеральнымъ вице-королемъ Рипономъ (1882), добилась ассигнованія субсидій туземнымъ школамъ, которыя до тѣхъ поръ были въ пренебреженіи. Съ 1858 по 1898 г. бюджетъ народнаго образованія удесятерился; однако школы посѣщаются еще только 21% мальчиковъ и 2% дѣвочекъ. Едва ли наберется 12 милліоновъ туземцевъ, умѣющихъ читать и писать. Мѣропріятія англійской администраціи часто невѣрно толкуются туземцами. Такъ, одинъ мусульманскій князь принялъ оспопрививаніе за средство открыть махди, котораго можно узнать по цвѣту крови. Индусы не хотѣли допустить прививку, чтобы не оскверниться прикосновеніемъ бѣлыхъ. Всѣ племена и всѣ религіи Индіи противятся ассимиляціи. Упорная и дорого стоящая пропаганда христіанскихъ миссіонеровъ за вѣкъ съ лишнимъ не обратила въ христіанство и двухъ сотыхъ туземнаго населенія: есть поговорка, что въ Индіи каждое обращеніе обходится въ 25.000 франковъ. Правда, туземца отталкиваетъ и жесткость англичанъ, презирающихъ его, какъ *blackfellow*, или „идолопоклонника"; но истинныя причины его вражды къ бѣлымъ—религіознаго свойства. Впрочемъ, этими же причинами обусловлены рознь между индусскими кастами и постоянныя столкновенія между религіями: мусульмане оскорбляютъ браманскія процессіи и зарѣзываютъ коровъ на ихъ пути; тѣ въ отместку бросаютъ свиней въ мечети; такъ возникаютъ частыя ссоры, въ которыя приходится вмѣшиваться англійскимъ солдатамъ для возстановленія порядка, такъ какъ туземная

полиція слишкомъ пристрастна. Въ общемъ Индію объединяетъ одна только администрація, и раздоры между населяющими ее народностями являются однимъ изъ факторовъ, поддерживающихъ иноземное господство.

Голодъ и предупредительныя мѣры.—Ни въ чемъ не обнаруживается такъ наглядно и новое направленіе англійской администрации, и недостаточность ея дѣйствій, какъ мѣры, принимаемыя ею для предупрежденія голода. Не даромъ сказано, что голодъ—„индусское установленіе“. Огромное большинство населенія занимается земледѣліемъ и кормится рисомъ на побережьяхъ и маисомъ внутри страны. Необходимый для хлѣбныхъ злаковъ дождь падаетъ въ тотъ періодъ, когда съ Индійскаго океана дуютъ муссоны, пригоняющіе дождевыя тучи. Если вѣтра нѣтъ или онъ запоздалъ, урожай погибъ и начинается голодъ. Голодъ искони повторяется въ Индіи періодически, но ни раджи, ни мусульмане, ни остъ-индская компанія не принимали никакихъ мѣръ противъ него. Только по введеніи непосредственнаго управленія вице-король началъ вмѣшиваться въ это дѣло. Въ промежутокъ съ 1861 по 1869 г. онъ трижды во время мѣстныхъ голодовокъ раздавалъ съѣстные припасы жителямъ. Въ 1873—74 г. голодъ, ограничившійся однимъ Бигаромъ, въ первый разъ возбудилъ участіе въ метрополіи, и она прислала денегъ. Въ 1876—77 г. на югѣ два года сряду не было дождя, а въ 1877 г. это случилось по всей Индіи, исключая Бенгаліи. 59 милліоновъ человѣкъ страдали отъ голода, къ которому прибавилась еще холера. Голодающихъ употребляли на благотворительныя работы, даромъ раздавали пищу, и одно правительство истратило 275 милліоновъ. Несмотря на всяческую помощь, 5¼ милліоновъ человѣкъ умерло отъ холода и холеры, и рожденій оказалось на два милліона меньше обычнаго. По распоряженію британскаго парламента было произведено обширное дознаніе, результаты котораго обнародованы въ 1880 г. Рѣшено было образовать, путемъ ежегодныхъ отчисленій изъ бюджета, фондъ для предупрежденія голодовокъ; эти деньги предполагалось употреблять въ благополучные годы на ирригаціонныя сооруженія, которыя должны были выручать въ случаѣ бездождія, на проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ видахъ быстрѣйшей доставки продовольствія въ отдаленные округа, а остатки должны были быть раздаваемы въ видѣ пособій во время голода. Голодный фондъ былъ организованъ, но такъ какъ голодъ прекратился и ростъ военныхъ расходовъ поглощалъ все бóльшую часть бюджета, то его перестали пополнять, и ужасный голодъ 1896 г. застигъ индійское правительство врасплохъ. Въ этомъ году совершенно не выпало дождя въ бассейнѣ средняго Ганга, самой богатой и самой населенной части Индіи; немногимъ лучше было положеніе въ Пенджабѣ и въ центрѣ. Около 60 милліоновъ человѣкъ страдало отъ голода; продовольственный фондъ, пожертвованія вассальныхъ князей и метрополіи, благотворительныя мастерскія и безплатныя раздачи продовольствія были каплей въ морѣ; туземцы умирали отъ голода по дорогамъ, на улицахъ и во дворахъ, гдѣ они искали кухонныхъ отбросовъ и сора; то и дѣло шайки голодныхъ нападали на обозы съ провіантомъ, и ихъ приходилось разгонять ружейнымъ огнемъ. Въ Бомбеѣ и нѣсколькихъ другихъ городахъ появилась чума. Дожди прошли только въ концѣ 1896 и въ 1897 гг.

Правительство издержало 50 милліоновъ рупій и кромѣ того потеряло 40 мил. податного недобора. Теперь оно вспомнило о предупредительныхъ мѣрахъ и возстановило продовольственный фондъ. Нерадѣніе индійской администраціи вызвало въ Англіи горячія порицанія. Либеральная часть англійскаго общества высказалась противъ репрессій, которыя консер-

вативное правительство со времени голода примѣняло къ туземной печати.

Сельское хозяйство; зачатки крупной промышленности; торговля и таможни.—Система мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью защитить мелкихъ фермеровъ Бенгаліи отъ вымогательствъ *земиндаровъ*, была дополнена; въ Декканѣ, гдѣ преобладали сильно задолжавшіе мелкіе собственники, суду дано было право сбавлять проценты, а въ извѣстныхъ случаяхъ и капитальную сумму долга; выходило, какъ-будто правительство въ Декканѣ и Бенгаліи болѣе революціонно и земледѣльцы болѣе защищены, нежели въ Ирландіи или Англіи; надо, впрочемъ, замѣтить, что эти мѣры вызвали протестъ со стороны англійскихъ консерваторовъ. Въ видахъ поощренія сельскаго хозяйства правительство улучшало пути сообщенія и подвергло пересмотру таможенный тарифъ. Въ настоящее время Индія располагаетъ обширнѣйшей въ Азіи желѣзнодорожной сѣтью—въ 30 слишкомъ тысячъ километровъ; эти линіи были проведены съ цѣлью содѣйствовать развитію торговли, подвозить провіантъ въ районы, угрожаемые голодомъ, и, наконецъ, особенно на сѣверо-западѣ, въ видахъ обороны. Къ постройкѣ ихъ правительство приступило въ 1875 г.; бо̀льшая часть линій, проведенныхъ въ послѣднія десять лѣтъ, принадлежатъ государству и эксплоатируются имъ же или откупными компаніями. Таможни вассальныхъ княжествъ были упразднены. Что же касается внѣшнихъ таможенъ, то, какъ уже было сказано [1]), онѣ учреждены отчасти для защиты англійской промышленности и торговли противъ индійской. Индійскіе промышленники протестовали, и имъ былъ сдѣланъ рядъ уступокъ. Въ 1873 г. вывозная пошлина на индійское зерно была отмѣнена; съ этого момента Пенджабъ и районъ средняго Ганга начали посылать хлѣбъ въ Европу, и ихъ экспортъ растетъ съ каждымъ годомъ. Это—капитальное событіе въ экономической исторіи Индіи.

Можетъ быть, еще болѣе капитальнымъ является возрожденіе хлопчатой промышленности. Старое ручное тканье было убито конкурренціей ланкаширскихъ и глазговскихъ паровыхъ бумагопрядиленъ. Индія, бывшая раньше единственной поставщицей хлопчато-бумажныхъ матерій, попала теперь въ этомъ отношеніи въ полную зависимость отъ Англіи: бумажныя ткани были главнымъ предметомъ вывоза изъ Англіи въ Индію. Долгое время онѣ, какъ и всѣ ввозные товары, были обложены пошлиной въ 10% при ввозѣ въ Индію. Но въ концѣ-концовъ англійскіе мануфактуристы, несмотря на оппозицію вице-короля, добились свободы торговли съ Индіей (1879—82). Финансовое вѣдомство протестовало противъ этого въ виду дефицита въ бюджетѣ, вызваннаго отмѣною пошлинъ; члены совѣтовъ и торговыхъ палатъ, какъ англійскихъ, такъ и туземныхъ, выступили въ защиту индійской промышленности, угрожаемой при самомъ ея рожденіи. Однако на первый планъ были поставлены интересы бюджета, и законодательный совѣтъ въ Калькуттѣ возстановилъ ввозныя пошлины на всѣ товары, исключая бумажныя ткани (1893). Но такъ какъ и это не уравновѣсило бюджета, то законодательный совѣтъ обложилъ равнымъ налогомъ всѣ бумажныя издѣлія и ткани, какъ ввозныя, такъ и туземныя; это не удовлетворило индійскихъ фабрикантовъ, которые продолжаютъ требовать покровительственныхъ пошлинъ. Въ индусской промышленности занято около 220.000 рабочихъ—почти всѣ въ паровыхъ бумаго- и джутопрядильняхъ и въ рисовыхъ винокурняхъ. Начата разработка каменноугольныхъ копей, гдѣ занято 61.000 человѣкъ и гдѣ добывается ежегодно четыре милліона тоннъ угля. Производство хлопка, быстро упавшее по окончаніи войны, воз-

[1]) См. т. IV, стр. 256.

растаетъ съ каждымъ годомъ; все въ большемъ количествѣ хлопокъ прядется тутъ же въ самой Индіи. Индійскія бумажныя ткани, грубыя и дешевыя, вывозятся уже на западное побережье Африки. Хлопокъ — единственный изъ древнихъ предметовъ индійскаго производства, снова пріобрѣтающій значеніе. Выдѣлка шелка все больше падаетъ, также и производство кофе, парализуемое болѣзнью кофейнаго дерева и конкурренціей Бразиліи. Напротивъ, чай, разводимый англичанами на склонахъ Ассама и западнаго Гата, имѣетъ шансы вытѣснить китайскій чай на англійскихъ и австралійскихъ рынкахъ (46% противъ 32). На Цейлонѣ кофе, производство котораго совсѣмъ упало, смѣнилъ чай, который начали вывозить въ 1875 году и который уже теперь составляетъ пятую часть чая, потребляемаго въ Англіи. Замѣна одной культуры другою всюду является починомъ англичанъ; благодаря имъ и развитію путей сообщенія индійская торговля непрерывно прогрессируетъ. Это преимущественно— вывозная торговля.

Паденіе рупія.—Военные расходы; дефицитъ. —Много страдала индійская торговля отъ паденія цѣны серебра. Узаконенная монета въ Индіи—серебряная, ея единица — рупій, номинальная цѣна котораго—2 фр. 50. Въ виду обильной добычи серебра рупій падалъ все болѣе и болѣе и въ 1893 году дошелъ до 70 сантимовъ. Въ Индіи онъ продолжалъ ходить по своей номинальной цѣнѣ, но при размѣнѣ на золото терялъ двѣ трети своей стоимости. А такъ какъ въ Англіи законная монета золотая, то индійскіе коммерсанты и промышленники принуждены были разсчитываться по своимъ долговымъ обязательствамъ съ метрополіей въ золотѣ, что удвоивало или утроивало долгъ. Терпѣлъ по этой же причинѣ и индійскій бюджетъ изъ-за суммъ, которыя индійская казна должна была платить въ Англіи (займы, пенсіи, жалованье). Наконецъ, европейскіе чиновники жаловались, что покупная сила получаемаго ими жалованья значительно понизилась вездѣ, кромѣ Индіи. Въ виду того, что цѣна серебра не поднималась, правительство произвело обслѣдованіе, на основаніи котораго оффиціальный курсъ рупія былъ пониженъ до 1 фр. 60 и свободная чеканка серебра въ индійскихъ монеточныхъ дворахъ запрещена.

Паденіе рупія и увеличеніе казенныхъ расходовъ, особенно на военныя нужды, сильно обременили бюджетъ и увеличили долгъ Индіи. Дефицитъ обнаружился вслѣдъ за возобновленіемъ большихъ экспедицій въ 1881 г., а съ 1882 г. онъ сдѣлался хроническимъ. Въ 1898 г. индійскій бюджетъ показывалъ 981 милліонъ рупій расходовъ при 956 милліонахъ дохода; долгъ возросъ до 2.320 милліоновъ рупій. Главными статьями расходовъ являются: армія (241 милліонъ рупій, а во время войны 1880—82—280), желѣзныя дороги (234 милліона при доходѣ въ 206 милліоновъ), жалованье гражданскимъ чиновникамъ (154 милліона) и расходы по сбору поземельной подати (93 милліона). Главные источники доходовъ—слѣдующіе: 1. поземельная подать, которая все еще является главнымъ источникомъ дохода (256 милліоновъ рупій), но которую британское правительство, принявъ въ свои руки прямую власть надъ Индіей, не пожелало увеличить; 2. доходы съ желѣзныхъ дорогъ; 3. соляная монополія, установленная разными способами, но распространенная въ 1878 г. на всю Индію, чтобы возмѣстить постоянную убыль налога на опіумъ, обусловленную закрытіемъ китайскаго рынка. Постоянная тенденція калькуттскаго правительства — увеличивать косвенные налоги и таможенныя ставки. Не принадлежащіе къ бюрократіи члены совѣтовъ отклоняютъ первые, второе же средство допускаютъ лишь въ томъ случаѣ, если оно по характеру своего примѣненія можетъ содѣй-

ствовать развитію индійской промышленности.

Афганская экспедиція (1878—1880).— Увеличеніе военныхъ расходовъ, являющееся главной причиной дефицита, обусловлено возобновленіемъ завоевательной политики. Послѣ двадцатилѣтняго мира министерство Дизраэли неожиданно предприняло большую экспедицію противъ афганцевъ. Афганскій эмиръ, Ширъ-Али, одинъ изъ сыновей Достъ Мохаммеда, былъ признанъ вице-королемъ и считался нейтральнымъ сосѣдомъ. Англичане и русскіе обмѣнялись обѣщаніемъ ничего не предпринимать противъ него. Въ 1878 году его посѣтило русское посольство: тотчасъ къ нему было послано англійское посольство; но онъ отказался допустить послѣднее на свою территорію; тогда три англійскія колонны вторглись въ Афганистанъ чрезъ проходы Хайберъ, Курамъ и Боланъ. Ширъ-Али бѣжалъ въ Туркестанъ, гдѣ и умеръ. Его сынъ Якубъ согласился признать за англичанами *научную границу* (т.-е. отдалъ имъ проходы въ Гиндукушѣ) и право держать въ Кабулѣ резидента для надзора за его внѣшней политикой. Первый резидентъ былъ убитъ тотчасъ же по пріѣздѣ; англійское правительство снарядило новую экспедицію, и Якубъ былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ (1879). Тѣмъ временемъ консервативный кабинетъ смѣнило министерство Гладстона, относившееся отрицательно къ войнамъ и пріобрѣтеніямъ, и вице-короля лорда Литтона—лордъ Рипонъ, которому поручено было заключить миръ. Несмотря на искреннее желаніе правительства возстановить миръ, война продолжалась еще цѣлый годъ, такъ какъ противъ иностранцевъ возсталъ претендентъ, правитель Герата. Наконецъ англичанамъ удалось поставить эмиромъ потомка Достъ Мохаммеда, Абдуръ-Рамана, который гарантировалъ имъ исполненіе договора 1879 г., и ихъ гарнизоны очистили Кабулъ, а затѣмъ и Кандагаръ. Завоевательная партія была очень недовольна Гладстономъ: она хотѣла, чтобы Англія удержала Афганистанъ за собою. Зато индусскіе плательщики налоговъ были очень довольны окончаніемъ войны, ведшейся на ихъ счетъ и стоившей въ общей сложности 17 милліоновъ ф. стер. Равновѣсіе бюджета, расшатанное этими тратами, было возстановлено на нѣсколько лѣтъ. Контингентъ войска сокращенъ до 111.000 человѣкъ.

Расширеніе сѣверо-западной границы въ послѣднее время.—Казалось, миръ былъ обезпеченъ на долгое время. Но начиная съ 1884 года, въ виду успѣховъ Россіи въ средней Азіи, послѣдовали новыя присоединенія и новыя экспедиціи, такъ что составъ арміи возросъ до 215.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 74.000 европейцевъ (1898).

Вотъ главныя измѣненія, которымъ подверглась въ современную эпоху сѣверо-западная граница Индіи. Белуджистанскій ханъ благодаря субсидіи обратился въ вассальнаго государя подъ контролемъ агента, подчиненнаго вице-королю (договоры 1854 и 1876 г.). Въ 1893 г. индійское правительство заставило его отречься отъ власти за то, что онъ убилъ своего министра, и поставило на его мѣсто его сына. Стратегическая желѣзная дорога, начинающаяся отъ Инда, пересѣкаетъ Белуджистанъ, проходитъ Боланскимъ ущельемъ и кончается у Ходжакскаго прохода, ведущаго къ афганскому городу Кандагару; она была чрезвычайно быстро и съ большими издержками построена послѣ заключенія мира 1880 г.; здѣсь одновременно работали, получая по рупію въ день, 40.000 туземцевъ; изъ нихъ 10.000 умерли отъ холеры. Белуджистанскій округъ Кветта, гдѣ находится Боланское ущелье и конечная станція дороги, былъ уступленъ ханомъ англо-индійскому правительству (1882). Границы Белуджистана и Афганистана были опредѣлены по соглашенію

съ русскими (1895), а граница между Белуджистаномъ и Персіей отмѣчена линіей межевыхъ столбовъ, установленныхъ въ пустынѣ (1896).

Афганскій эмиръ сохраняетъ свою независимость, но фактически находится подъ надзоромъ индійскаго правительства, выплачивающаго ему ежегодную субсидію. Онъ безуспѣшно добивался прямого договора съ британскимъ правительствомъ (1895). Англичане заключили съ нимъ двоякаго рода территоріальныя соглашенія: 1. Граница между Афганистаномъ и Россіей была установлена двумя военными миссіями, англійской и русской; сначала была опредѣлена сѣверо-западная граница, между афганскимъ Гератомъ и Мервомъ, который въ 1884 г. заняли русскіе. Во время этихъ операцій русскіе напали на афганскій городъ Пендже и заняли его (1885). Война между Англіей и Россіей считалась неминуемой. Индійское правительство стало набирать войска и позволило вассальнымъ князьямъ вооружить по-европейски вспомогательные отряды; но миръ былъ сохраненъ и Пендже оставленъ русскимъ. Затѣмъ предстояло опредѣлить афганскую границу на Памирахъ, гдѣ русскіе утвердились въ 1891 г. Съ этой цѣлью была сформирована англо-русская комиссія, которая закончила свою работу въ 1895 г. Всѣ трудности были рѣшены полюбовно; начальники обѣихъ миссій на заключительномъ банкетѣ поздравили другъ друга и говорили о незыблемости мира. Со времени этихъ раздѣловъ прекратились столкновенія между англичанами и русскими въ средней Азіи. 2. Граница между Афганистаномъ и англійской Индіей была лишь въ общихъ чертахъ измѣнена въ 1880 г. Она была установлена рядомъ соглашеній, изъ которыхъ главнымъ является Кабульскій договоръ, торжественно заключенный между эмиромъ и совѣтникомъ иностранныхъ дѣлъ британской Индіи. При этомъ случаѣ эмиръ произвелъ смотръ своему войску въ присутствіи англійской миссіи и объявилъ своимъ солдатамъ, что отнынѣ они—союзники англичанъ и въ случаѣ надобности будутъ драться бокъ о бокъ съ ними. Въ силу этого договора были присланы англійскіе офицеры для управленія оружейными и патронными заводами въ Кабулѣ. Эмиръ предоставилъ во владѣніе англичанъ всѣ долины, ведущія съ Памирскаго плоскогорья въ Пенджабъ. Главная изъ нихъ, Читральская, была занята англичанами въ 1892 г. Къ югу отъ Хайберскаго прохода эмиръ призналъ за ними суверенныя права надъ горными областями, простирающимися отъ проходовъ изъ Афганистана въ Пенджабъ до белуджистанской границы. Лежащій у этой границы Сивистанъ управляется прямо индійскимъ правительствомъ, и конечная точка желѣзной дороги, пересѣкающей Белуджистанъ и направляющейся къ Кандагару, лежитъ по ту сторону Ходжакскаго прохода, въ уступленномъ эмиромъ афганскомъ городѣ Шаманѣ. Во власти эмира оставался одинъ только Хайберскій проходъ; по разграниченію, произведенному позднѣе (1896), англичане пріобрѣли южный выходъ этого ущелья и такимъ образомъ завершили научную границу.

Такимъ образомъ, англичане встрѣтили во всѣхъ этихъ мѣстахъ немалыя трудности; но это все—мѣстныя трудности и, повидимому, онѣ будутъ побѣждены цѣною людей и денегъ, если только не помѣшаютъ внѣшнія осложненія. Осложненія съ Россіей, едва не приведшія къ войнѣ (1885), повидимому, устранены, съ тѣхъ поръ какъ англо-русскія военныя комиссіи точно разграничили территорію независимыхъ государствъ, лежащихъ между Индомъ и русскими провинціями (1885—95).

Индусское общество сильно ропщетъ на увеличеніе военной тяготы. Оно недовольно особенно тѣмъ, что Англія на счетъ Индіи воспользовалась индійскими вой-

сками въ Суданской экспедиціи. Это — существенный вопросъ, обязана ли Индія, теперь почти умиротворенная, дѣлать еще что-нибудь, кромѣ какъ защищать свою необъятную территорію.

Въ общемъ народонаселеніе Индіи представляетъ собою инертную массу (три четверти народонаселенія Европы), подвластную 200.000 англичанъ, изъ которыхъ 75.000 — солдаты. Всѣми важнѣйшими фактами своей исторіи, усовершенствованіемъ методовъ управленія, возобновленіемъ или перемѣной культуръ, введеніемъ пара въ промышленность, она обязана европейцамъ. Туземцы не ассимилируются, не играютъ въ бюрократіи никакой руководящей роли и только начинаютъ вырабатывать свою оцѣнку чужеземнаго владычества.

V. — Попытка имперской федераціи.

Мы видѣли, что по примѣру Канадскаго союза возникло еще нѣсколько другихъ федерацій — австралійская, южноафриканская, вестъ-индская. Наконецъ, предложено было соединить въ федерацію всѣ части Британской имперіи. Не въ томъ цѣль, чтобы вернуться къ административному деспотизму начала вѣка, когда губернаторы были самодержавны и ни въ одной колоніи не было представительныхъ учрежденій. *Имперіалисты*, т.-е. сторонники федераціи, намѣрены сохранить и даже расширить автономію колоній. Но они полагаютъ, что и для колоній, и для метрополіи было бы выгодно тѣснѣе стянуть политическія и экономическія узы, которыя ихъ связываютъ. Одни предлагаютъ таможенный союзъ, другіе хотѣли бы просто соглашенія въ цѣляхъ общей защиты, вродѣ того, которое существуетъ между Австраліей и Великобританіей. Для завѣдыванія общими дѣлами предлагаютъ или присылку колоніальныхъ депутатовъ въ имперскій парламентъ по французской системѣ, или же учрежденіе спеціальнаго собранія делегатовъ, аналогичнаго австралійскому *Federal Council* и вѣдающаго только опредѣленныя функціи — таможни или оборону.

Терминъ „Британская имперія“ въ примѣненіи ко всей совокупности англійскихъ владѣній возникъ въ серединѣ, можетъ быть, даже въ началѣ XIX столѣтія. Имперіализмъ развился особенно со времени министерства Дизраэли, который провозгласилъ королеву индійской императрицей и который вернулся къ системѣ колоніальнаго расширенія. Это движеніе началось около 1868 г., какъ реакція противъ политики стоявшихъ тогда у власти либеральныхъ манчестерцевъ, которая заключалась въ томъ, чтобы предоставлять колоніи ихъ собственнымъ силамъ. Въ 1869 г., когда министръ колоній Гренвиль отозвалъ послѣднія войска изъ Австралазіи и заявилъ, что автономныя колоніи должны впредь обороняться на собственный счетъ, противники этой политики въ видѣ протеста противъ этой мѣры попытались созвать въ Лондонѣ во время сессіи парламента съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ парламентовъ Австралазіи. Министръ предложилъ колоніямъ не слѣдовать этому совѣту, и манифестація не состоялась. Планы сторонниковъ колоніальнаго расширенія были въ эту эпоху еще довольно смутны. Они изложены въ программѣ *Royal Colonia Institute*, основаннаго въ 1868 г. и состоящаго подъ предсѣдательствомъ принца Уэльскаго; онъ представляетъ собою общество пропаганды, собираетъ колоніальную библіотеку, поощряетъ развѣдки, устраиваетъ лекціи и издаетъ брошюры съ цѣлью вызвать въ публикѣ интересъ къ различнымъ частямъ колоніальной державы и установить сношенія между ними и метрополіей. Когда правительство уничтожило эмиграціонный фондъ и упразднило институтъ эмиграціонныхъ

комиссаровъ (1873), это вызвало повсемѣстный протестъ. Около 1882—85 гг., послѣ новаго голода въ Ирландіи и во время экономическаго кризиса, было основано нѣсколько обществъ для поощренія эмиграціи. Старое общество, образовавшееся въ 1833 г. для распространенія идей Уэкфильда о колонизаціи съ помощью государства (*State aided*), преобразовалось въ общество для пропагандированія эмиграціи, руководимой государствомъ (*State directed*). Въ этомъ смыслѣ были возбуждены ходатайства передъ нѣсколькими кабинетами, увѣнчавшіяся частичнымъ успѣхомъ. Такъ, въ 1886 г. правительство устроило справочное бюро для эмигрантовъ, издающее статистическія таблицы и брошюры; парламентская комиссія, работавшая съ 1889 по 1891, обнародовала чрезвычайно важные результаты разслѣдованія по вопросу объ эмиграціи. Согласно ея указаніямъ предположено было организовать при участіи государства помощь отъѣзжающимъ въ колоніи ирландцамъ изъ перенаселенныхъ округовъ. Но тѣмъ временемъ экономическій кризисъ прекратился, и съ 1888 г. ослабѣло движеніе въ пользу эмиграціи.

Среди этого броженія и родился имперіализмъ въ томъ видѣ, какъ онъ выше характеризованъ: его программа была выработана въ 1886—87 гг. Въ парламентской тронной рѣчи 1886 г. говорилось объ „имперской федераціи". Въ томъ же году *Royal Colonial Institute* былъ переименованъ въ *Imperial Institute*. Организовалась *Imperial Federation League*, пославшая одного изъ своихъ членовъ, Паркина, въ Канаду и Австралазію читать лекціи въ пользу федераціи (1891). Предсѣдателями лиги были видные члены либеральной партіи: сначала Форстеръ, затѣмъ лордъ Розбери. Имперіализмъ, возникшій въ нѣдрахъ торійской партіи, проникъ во всѣ партіи. Радикалъ, сэръ Чарльзъ Дилькъ, дебютировавшій замѣчательной книгой объ англійскомъ мірѣ, *Greater Britain* (Большая Британія, 1868), издалъ въ 1882 г. одно изъ лучшихъ имперіалистскихъ сочиненій— *Problems of Greater Britain.* Старая политика *statu quo* въ отношеніи колоній, блестящимъ представителемъ которой былъ Гладстонъ, имѣетъ теперь лишь горсть адептовъ, называемыхъ въ насмѣшку „сторонниками малой Англіи", *Little Englanders*.

Проектъ федераціи началъ приводиться въ исполненіе въ 1887 г., въ годъ юбилея. Первая конференція представителей главныхъ колоній, созванная въ Лондонѣ, обсуждала основы почтоваго союза и планъ обороны; дебаты привели, какъ мы видѣли выше, къ соглашенію съ Австралазіей въ видахъ увеличенія морскихъ силъ.

При первыхъ же попыткахъ осуществленія плана федераціи обнаружились и трудности. Федерація должна быть или таможеннымъ союзомъ, или союзомъ военнымъ. По таможенному вопросу интересы Англіи и интересы ея главныхъ колоній стояли въ противорѣчіи. Эти колоніи держатся протекціонизма, желая содѣйствовать развитію своей молодой промышленности. Напротивъ, экономическая жизнь метрополіи основана на свободѣ торговли; Англія нуждается въ безпошлинномъ ввозѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, которыхъ сама она не производитъ въ достаточномъ количествѣ для прокормленія своего городского населенія, и точно также, для поддержанія своего промышленнаго производства, она нуждается въ правѣ свободно продавать за границей свои бумажныя ткани, желѣзныя издѣлія и каменный уголь. Говорили, что Великобританія могла бы замѣнить своихъ иностранныхъ поставщиковъ и кліентовъ своими колоніями, и теоретически такое положеніе кажется вѣрнымъ, хотя оно предполагаетъ долгую пертурбацію, а, можетъ быть, и кризисъ; но въ этомъ слу-

чаѣ вся выгода была бы на сторонѣ метрополіи: колоніи должны были бы принести ей въ жертву свою промышленность. Поэтому нельзя удивляться, что всѣ планы таможеннаго объединенія были отвергнуты промышленными и протекціонистскими колоніями; Паркинъ со своими лекціями встрѣтилъ дурной пріемъ въ Австралазіи и даже въ Новомъ Уэльсѣ, державшемся принциповъ свободной торговли. Канадскіе консерваторы, пока они стояли у власти, рѣшительно отклоняли имперскую федерацію. Таможенный союзъ нашелъ сторонниковъ лишь въ Каплэндѣ, т.-е. въ колоніи съ наименѣе развитой промышленностью (если исключить копи). Лидеръ африкандеровъ, Гофмейръ, является авторомъ наиболѣе разработаннаго и наиболѣе остроумнаго плана таможенной федераціи, согласно которому колоніи совершенно самостоятельно устанавливаютъ свой тарифъ въ отношеніи иностранныхъ товаровъ. Въ общемъ можно сказать, что проекты таможеннаго объединенія были отвергнуты колоніями, какъ выгодные для одной только метрополіи. Вопросъ о федераціи снова трактовался во время юбилея 1897 г. между англійскимъ министромъ и первыми министрами автономныхъ колоній, собравшимися въ Лондонѣ для участія въ торжествахъ. Большинство изъ нихъ выставило возраженія; за проектъ высказался почти одинъ только канадскій министръ Уильфридъ Лорье, либералъ и сторонникъ свободной торговли. Когда нѣкоторое время спустя Великобританія заявила желаніе не возобновлять торговый договоръ, соединявшій ее съ Германіей, прошелъ слухъ, что она намѣрена основать съ Канадою британскій *Zollverein*. Нѣтъ сомнѣнія, что англійскіе промышленники, угрожаемые нѣмецкой конкурренціей и покровительственными пошлинами, которыя противопоставляютъ имъ ихъ бывшіе кліенты, желаютъ найти сбытъ для своихъ товаровъ въ колоніяхъ; но ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣднія отвергаютъ этотъ невыгодный для нихъ союзъ. Въ результатѣ большинство имперіалистовъ отказалось отъ мысли о таможенномъ союзѣ.

Ихъ усилія ограничиваются теперь подготовкой чисто оборонительной федераціи. Именно такова точка зрѣнія Чарльза Дилька. По его мысли колоніи должны содѣйствовать увеличенію англійскаго флота, которое и они считаютъ необходимымъ. Это—главная жертва, которую надо потребовать отъ нихъ, потому что имперія должна обороняться преимущественно морскими силами. Австралазія уже участвуетъ въ содержаніи эскадры. Капская колонія во время юбилея 1897 г. подарила королевѣ военное судно *Africander*, но остальныя колоніи до сихъ поръ не выказали охоты принять на себя крупные военные расходы.

Въ общемъ мысль объ имперской федераціи увлекла англійское общество, видящее въ ней противовѣсъ протекціонизму и милитаризму континентальныхъ державъ; если колоніи согласятся осуществить ее, то для британскаго міра создастся въ экономическомъ и военномъ смыслѣ то „splendide isolement", о которомъ говорилъ одинъ государственный человѣкъ.

Глава IV.

Австро-Венгрія

съ 1871 г.

Въ политической эволюціи Австро-Венгріи съ 1871 г. можно ясно различить три момента. До 1878 г. противники существующихъ конституцій—въ Австріи покоряются силѣ, въ Венгріи—объединяются: дуализмъ упрочивается. Съ 1879 по 1896 г., благодаря измѣненію правительственной системы въ Австріи, рельефнѣе выступаетъ преобладаніе Венгріи, и дуализмъ функціонируетъ невозмутимо. Съ цѣлью обезпечить себѣ безпрепятственное возобновленіе компромисса по истеченіи его въ третій разъ, австрійское правительство совершаетъ съ 1896 г. рядъ ошибокъ, вызывающихъ кризисъ, въ который, вслѣдъ за Австріей, были послѣдовательно вовлечены и монархія, и самая Венгрія, и который не разрѣшился до сихъ поръ.

I. — Нѣмецкая либеральная эра (1871—1879).

Министерство Ауэрсперга. — Непредвидѣнная опала Бейста испортила нѣмецкой либеральной партіи радость ея побѣды надъ Гогенвартомъ. Она показала этой партіи, что она не должна слишкомъ полагаться на свои собственныя силы. Поэтому она поспѣшила признать соглашеніе, которое предлагалъ ей принцъ Адольфъ Ауэрспергъ, назначенный главою новаго кабинета; условіями соглашенія были—строго-конституціонная внутренняя политика и полная самостоятельность двора въ военныхъ вопросахъ. Президентъ совѣта, младшій братъ принца Карлоса [1]), славился своей вѣрностью конституціи; его энергія и прямолинейность отставного кавалерійскаго капитана нравились большинству, пока онъ обращалъ ихъ только противъ оппозиціи. Ласссеръ, бывшій коллега Шмерлинга, изъ всѣхъ наличныхъ государственныхъ людей Австріи былъ наиболѣе способенъ исполнять трудныя обязанности министра внутреннихъ дѣлъ; министромъ культовъ и народнаго просвѣщенія былъ назначенъ иниціаторъ отказа въ возобновленіи Конкордата, Стремайръ. Вѣнскій университетъ отдалъ кабинету двухъ самыхъ видныхъ своихъ профессоровъ — Глазера въ министры юстиціи, и Унгера, ставшаго министромъ безъ портфеля, „министромъ печати“ и ораторомъ кабинета. Тотчасъ по своемъ сформированіи правительство обезпечило себѣ большинство: для этого, по обыкновенію, понадобилось лишь распустить

[1]) См. т. VI, гл. II.

нѣсколько сеймовъ и соотвѣтственное число разъ произвести выборы. Парламентская сессія открылась 28 декабря 1871 г. и тронная рѣчь двумя отчетливыми фразами характеризовала новую политику: „Несмотря на мою рѣшимость сдѣлать съ согласія рейхсрата всѣ уступки, совмѣстимыя съ единствомъ государства, столь пламенно желаемый внутренній миръ до сихъ поръ не удалось возстановить. Мое правительство, составленное изъ людей, избранныхъ между вами моимъ довѣріемъ, считаетъ первою своей обязанностью упрочить законный конституціонный порядокъ и обезпечить закону во всѣхъ сферахъ общественной жизни безусловное повиновеніе".

Первымъ актомъ новаго министерства была избирательная реформа. Либералы давно ея требовали. Считая единство австрійской монархіи ея органическимъ признакомъ, они не могли примириться съ тѣмъ, чтобы имперскій парламентъ походилъ на конгрессъ делегатовъ отъ провинцій и чтобы какой-нибудь сеймъ путемъ отказа отъ избранія своихъ депутатовъ (чешскій сеймъ только-что повторилъ этотъ пріемъ послѣ паденія Гогенварта) могъ урѣзать національное представительство и тѣмъ лишить его всякаго нравственнаго авторитета. Временный законъ (13 марта 1872) уполномочилъ кабинетъ замѣщать путемъ прямыхъ выборовъ всякую вакансію, образовавшуюся въ теченіе сессіи. Политика воздержанія стала отнынѣ безцѣльной, такъ какъ депутаты отъ нѣмецкихъ округовъ Чехіи заняли свои мѣста въ рейхсратѣ. Окончательный законъ, санкціонированный 3 апрѣля 1873 г., не только узаконилъ прямые выборы, но и увеличилъ число депутатскихъ мѣстъ съ 203 до 353 и перераспредѣлилъ ихъ. Доля городовъ и торговыхъ палатъ, гдѣ первенствовала либеральная партія, была увеличена на 6%, доля сельскихъ мѣстностей уменьшена на 2, доля крупныхъ землевладѣльцевъ—на 4. Неравенство и несправедливости въ смыслѣ представительства интересовъ не были устранены и теперь.

Ярые сторонники централизаціи, нѣмецкіе либералы также по традиціи враждебны клерикализму. Отказъ отъ возобновленія Конкордата, обусловливавшій необходимость новой организаціи отношеній между церковью и государствомъ, далъ имъ случай примѣнить ихъ принципы. По открытіи сессіи 1874 г. Стремайръ внесъ четыре законопроекта: о верховномъ надзорѣ государства надъ церквами, о монашескихъ орденахъ, о церковныхъ доходахъ и объ утвержденіи религіозныхъ сообществъ (въ пользу старо-католиковъ). При томъ духѣ, который царитъ въ австрійскомъ придворномъ кругу, уже самое дозволеніе поднять эти жгучіе вопросы является для министерства своего рода побѣдою. Ауэрспергъ и Стремайръ не скрывали, что отъ императора нельзя ждать ничего больше, нежели давали эти законопроекты, и это скоро обнаружилось на дѣлѣ. Законы, принятые по соглашенію съ правительствомъ, удостоились санкціи; но законъ о монашескихъ орденахъ не былъ утвержденъ императоромъ изъ-за поправки, направленной противъ учрежденія новыхъ орденовъ.

Едва успѣла открыться всемірная выставка, отъ которой ждали большихъ результатовъ для промышленнаго развитія Австріи, какъ въ Вѣнѣ 9 мая 1873 г. вспыхнулъ страшный финансовый кризисъ. Періодъ необузданной спекуляціи кончился громаднымъ вѣнскимъ „крахомъ". Въ теченіе мѣсяца банкротства безъ перерыва слѣдовали одно за другимъ; всѣ классы общества были задѣты ими, они отразились даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ. Министръ финансовъ своей энергіей спасъ государство отъ большей еще катастрофы, давъ отпоръ ходатайствамъ спекулянтовъ, которые во имя общественнаго спасенія, а въ дѣйствитель-

ности чтобы спасти самихъ себя, требовали новаго выпуска ассигнацій. Послѣдствія этого кризиса долго давали себя чувствовать въ Австріи. Онъ парализовалъ дѣятельность Депретиса по преобразованію финансоваго вѣдомства и еще надолго обезпечилъ дефициту мѣсто въ австрійскомъ бюджетѣ.

Министерство Ауэрсперга просуществовало 7 лѣтъ, и это было его главной заслугой. Оно утомило своихъ противниковъ и отняло у нихъ законную до сихъ поръ надежду на внезапную и радикальную перемѣну конституціи. Резолюціонисты и декларанты [1]) сдѣлались скромнѣе, поляки превратились мало-по-малу въ правительственную партію. Въ противоположность Лассеру, который старался трактовать ихъ безъ послабленій, Андраши покровительствовалъ имъ, какъ отъявленнымъ врагамъ Россіи, и они по своему воспользовались этимъ урокомъ, оцѣнивъ выгоду быть „правительственной партіей". Постепенно они отказывались отъ своихъ преувеличенныхъ притязаній, каждый разъ за скромную съ виду, но положительную уступку. Лишь только избирательная реформа была вотирована наперекоръ имъ, они получили представителя въ кабинетѣ. Въ октябрѣ 1876 г. выборы въ галиційскій сеймъ дали, благодаря административному давленію, крупное большинство краковской клерикально-феодальной партіи, горячо отстаивавшей политику выгодныхъ обмѣновъ съ министерствомъ; и дѣйствительно, въ послѣднее время министерства Ауэрсперга польскіе голоса, присоединяясь къ правительственной группѣ, неоднократно доставляли ему побѣду. Чехи оказались менѣе ловкими: они упорно отказывались выбирать депутатовъ, хотя это теперь не имѣло смысла. Это ихъ обезсилило и внесло расколъ въ ихъ среду: депутаты Моравіи въ 1874 г. подъ давленіемъ необходимости рѣшились занять свои мѣста въ рейхсратѣ; въ Чехіи младо-чехи, желавшіе послѣдовать этому примѣру, встрѣтили жестокое противодѣйствіе со стороны старочеховъ. Только въ сентябрѣ 1878 г. послѣдніе рѣшились занять свои мѣста въ чешскомъ сеймѣ, и отнынѣ ихъ возвращеніе въ рейхсратъ было уже только вопросомъ времени. Этимъ крупнымъ успѣхомъ монархія была обязана энергіи и твердости министерства Ауэрсперга; честь и выгода достались преемнику послѣдняго, графу Тааффе.

Сліяніе партій въ Венгріи. Министерство Тиссы.—Венгерскій кабинетъ, какъ и партія Деака, не безъ сопротивленія приняли преемника Андраши, Лоніая, который съ 1867 г. былъ венгерскимъ, а съ 1870 г. имперскимъ министромъ финансовъ. Его дарованія въ качествѣ экономиста и администратора были общепризнаны; но о немъ ходила слава, что онъ недостаточно строго отличаетъ свои личныя дѣла отъ государственныхъ. Оппозиція съ самаго начала рѣзко напала на него, и правительственное большинство, смущенное репутаціей своего вождя, защищало его слабо. Послѣ восемнадцати мѣсяцевъ шаткаго существованія онъ принужденъ былъ удалиться. Его преемникъ, Слави, снова образовалъ чисто-деакистское министерство. Но извѣстное число недовольныхъ членовъ партіи примкнуло къ Лоніаю, образовавъ фронду; оппозиція, ободренная своею побѣдою, рѣзко напала на новый кабинетъ, который финансовымъ положеніемъ государства былъ поставленъ почти въ безвыходное затрудненіе. Въ иные годы дефицитъ достигалъ 62 милліоновъ флориновъ, т.-е. четвертой части доходовъ. Кредитъ для Венгріи былъ закрытъ, и министръ финансовъ сталъ въ концѣ-концовъ брать взаймы подъ ростовщическіе проценты. Тщетно парламентъ уполномочилъ правительство на взиманіе подати, что было похвальнымъ шагомъ въ странѣ, гдѣ подать такъ

[1]) См. т. VI, гл. II.

непопулярна: платежи по займамъ, заключеннымъ съ 1867 г. для нуждъ административной и экономической организаціи страны, истощали бюджетъ. Финансовое разореніе страны грозило повлечь за собою утрату политической независимости. Тогда одинъ изъ вождей умѣренной оппозиціи, Гици, отказавшись отъ своей программы, требовавшей личной уніи, согласился вступить въ министерство, чтобы помочь финансовому возрожденію имперіи. Но кабинетъ Битто-Гици, сформированный 21 марта 1874 г., просуществовалъ только годъ. Гици былъ полководцемъ безъ солдатъ. Настоящее сліяніе съ многолюдной и вліятельной партіей, во главѣ которой стоялъ Тисса, совершилось въ февралѣ 1875 г. Новая либеральная партія тотчасъ пріобрѣла большинство въ палатѣ депутатовъ, именно 235 голосовъ изъ 444; оппозиція распадалась на четыре группы. 28 февраля министерство было сформировано; премьеромъ согласился стать баронъ Венкгеймъ, министръ а *latere* (представитель венгерскаго министерства въ Вѣнѣ). Портфель внутреннихъ дѣлъ взялъ Тисса въ виду предстоявшихъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя выборовъ. Двое членовъ лѣвой вмѣстѣ съ нимъ вошли въ кабинетъ: въ общемъ здѣсь оказалось шесть деакистовъ, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ молодой министръ финансовъ, Коломанъ Селль. Несмотря на ихъ численный перевѣсъ въ министерствѣ и въ парламентскомъ большинствѣ, руководство венгерской политикой перешло въ другія руки. Деакъ закончилъ свою карьеру, санкціонировавъ сліяніе и записавшись членомъ новаго либеральнаго клуба; онъ умеръ 29 января 1876 г.

Тисса былъ типичнымъ представителемъ и вождемъ того мелкаго дворянства, которое является ядромъ венгерской національности, истиннымъ ферментомъ политической жизни и наиболѣе вліятельнымъ соціальномъ классомъ. Въ 1861 г. оно образовало „партію резолюціи“ [1]), и все время послѣ 1867 г., пока оно упорствовало въ принципіальной оппозиціи, дуализмъ оставался хрупкимъ вопреки видимости. Согласившись принять режимъ копромисса, оно тѣмъ дало ему мадьярское помазаніе, такъ сказать, национализировало его во всѣхъ смыслахъ слова, внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ. Чтобы благопристойно отказаться отъ оппозиціи, потерявшей смыслъ, Тисса выставилъ предлогомъ необходимость возстановить кредитъ страны; отказываясь отъ политическихъ притязаній, онъ тѣмъ болѣе ставилъ себѣ цѣлью осуществить притязанія экономическія; онъ хотѣлъ отнять у Австріи первенство, которое она сохраняла въ этомъ отношеніи, обезпечить дуализму всѣ матеріальныя выгоды, на какія онъ былъ способенъ, и доставить Венгріи ресурсы и престижъ полноправнаго государства. Внутри, съ цѣлью лишить крайнюю оппозицію ея сильнѣйшаго оружія и угодить національному самолюбію своего собственнаго класса, Тисса вступилъ на путь открытой и строго послѣдовательной мадьяризаціи. Больше всего страдали отъ этой политики саксонское населеніе Трансильваніи и сербское населеніе Баната. Всѣ общественныя власти и всѣ обшества, зависѣвшія отъ государства, должны были содѣйствовать усиліямъ министра, основывать курсы венгерскаго языка и увольнять служащихъ, въ большинствѣ нѣмцевъ, которые недостаточно быстро усваивали его. Эти мѣры, правда, были не новы, но ихъ примѣняли теперь съ небывалой придирчивостью и строгостью.

Министры, поглощенные возобновленіемъ компромисса и восточными дѣлами, удосужились однако произвести нѣсколько неотложныхъ реформъ. Селль упорядочилъ бюджетъ, добился отъ парламента установленія новыхъ налоговъ и сокра-

[1]) См. т. VI, гл. II.

тилъ дефицитъ больше чѣмъ наполовину; онъ подготовилъ конверсію нѣсколькихъ венгерскихъ займовъ, которая должна была обезпечить странѣ болѣе надежную, болѣе достойную ея и болѣе выгодную форму кредита. Внутри страны Тисса руководилъ выборами въ іюлѣ 1875 г., которые привели въ палату 350 сторонниковъ министерства, тогда какъ оппозиція разныхъ оттѣнковъ заключала въ себѣ лишь около 100, и въ результатѣ которыхъ онъ оффиціально занялъ постъ предсѣдателя совѣта. Вопреки противодѣйствію крайней правой и крайней лѣвой, онъ провелъ частичную реформу управленія комитатовъ. Въ Кроаціи при умѣренномъ правленіи бана Мазуранича возбужденныя страсти улеглись; компромиссъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ исправленный, примѣнялся безъ затрудненій; депутаты аграмскаго сейма принадлежали въ Пештѣ къ министерскому большинству. Цѣлесообразность слiянія была доказана на дѣлѣ; король, неохотно согласившійся призвать Тиссу въ министерство, видимо примирился съ кабинетомъ, заслуги котораго становились особенно замѣтны рядомъ съ безсиліемъ цислейтанскаго министерства.

Дуализмъ съ 1871 по 1878 г. Первое возобновленіе компромисса. Занятіе Босніи—Герцеговины.—Торжество Андраши надъ Гогенвартомъ знаменовало окончательную побѣду политическаго дуализма. Въ ближайшій періодъ борьба ведется преимущественно на экономической почвѣ. Дуалистическое соглашеніе поставило на очередь рядъ матеріальныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ представляло гораздо бо̀льшія трудности, нежели рѣшеніе политическихъ вопросовъ. Между тѣмъ въ 1867 г. они были почти совсѣмъ забыты. Корона, которую одну представляли австрійскіе министры, не заботилась ни о чемъ, кромѣ дипломатіи и войска; венгры, разумѣется, не давали больше, чѣмъ отъ нихъ требовали, и считали сохраненіе возможно полной экономической независимости полезнымъ противовѣсомъ на тотъ случай, если бы дворъ обнаружилъ недобросовѣстность въ примѣненіи дуализма. Поэтому экономическія соглашенія были заключены лишь на 10 лѣтъ, и вопросъ о банкѣ, несмотря на его капитальную важность, „забытъ". Вскорѣ обнаружилось, что съ истеченіемъ десятилѣтняго срока экономическихъ соглашеній, политическій договоръ, формально непрерывный, терялъ всякое реальное значеніе.

Первымъ сталъ на очередь вопросъ о банкѣ. Австрія и Венгрія уже цѣлый рядъ лѣтъ пробавлялись обезцѣненными бумажными деньгами. Австрія была главнымъ банкиромъ Венгріи, главнымъ скупщикомъ ея земледѣльческихъ продуктовъ и главнымъ поставщикомъ промышленныхъ издѣлій. Компромиссъ, установивъ таможенную и торговую унію, закрѣпилъ эти старыя отношенія, прибавивъ къ нимъ тѣ, которыя вытекали для обоихъ государствъ изъ общности расходовъ и долговъ. Такимъ образомъ, впредь до возобновленія платежей монетой необходимо было сохранять общность денежной единицы и кредита подъ страхомъ огромныхъ экономическихъ осложненій. Эта общность была обезпечена Австрійскимъ Національнымъ банкомъ, получившимъ въ 1862 г. привилегію по 1877 г.; но Венгрія, безусловно отрицавшая обязательность для себя постановленій рейхсрата Шмерлинга, только терпѣла банкъ! Она не могла серьезно думать о томъ, чтобы обойтись безъ него; но, пользуясь этой юридической неправильностью, она могла добиться матеріальныхъ уступокъ. Лоніай вступилъ въ переговоры съ дирекціей; онъ добился въ ноябрѣ 1872 г. увеличенія числа отдѣленій банка въ Венгріи и открытія переговоровъ между обоими государствами и съ дирекціей съ цѣлью измѣнить уставъ банка на почвѣ дуализма и сохраненія денежнаго единства.

Къ новымъ осложненіямъ дало поводъ законодательство о таможняхъ и косвенныхъ налогахъ, ставшее общимъ послѣ компромисса. Оба правительства, одинаково озабоченныя пріисканіемъ новыхъ источниковъ доходовъ, разсчитывали найти ихъ этимъ путемъ; но ихъ запросы были противоположны, такъ какъ Австрія—промышленная, а Венгрія—земледѣльческая страна. Послѣдняя защищалась лучше Австріи, была меньше подвержена вліянію двора, яснѣе представляла себѣ и свою цѣль, и средства къ ея исполненію; она и одержала верхъ. Послѣ двухъ временныхъ соглашеній и двойного министерскаго кризиса компромиссъ былъ въ 1878 г. возобновленъ. Съ экономической точки зрѣнія новое соглашеніе дало Венгріи лишь незначительныя преимущества: банкъ получилъ дуалистическую, но не вполнѣ уравнительную организацію, нѣкоторые таможенные вопросы были рѣшены въ пользу Венгріи. Болѣе рельефна была политическая побѣда венгровъ: имъ однимъ были сдѣланы положительныя уступки, и они добились ихъ собственными силами, благодаря своей тактикѣ, благодаря неизмѣнному согласію между министерствомъ и большинствомъ. Венгрія выступала какъ одно цѣлое, Австрія была раздроблена. То же зрѣлище представили онѣ въ это время и по отношенію къ восточнымъ дѣламъ.

Подъ руководствомъ венгра внѣшняя политика монархіи сосредоточивалась, разумѣется, исключительно на восточныхъ дѣлахъ. Все вниманіе Андраши съ того момента, какъ онъ занялъ мѣсто Бейста, было обращено на востокъ. Его западная политика—дружба съ Пруссіей, „союзъ трехъ императоровъ“, сближеніе съ Италіей—была внушена единственно стремленіемъ обезпечить себя противъ нападеній сзади. На Балканахъ онъ продолжалъ политику Бейста, оспаривая у Россіи симпатіи турецкихъ вассальныхъ княжествъ. Почетъ, съ которымъ эти князья были приняты на выставкѣ 1873 г., оскорбилъ ихъ сюзерена—султана; онъ тщетно протестовалъ противъ заключенія прямыхъ торговыхъ договоровъ между имперіей и его вассалами. При дуалистическомъ режимѣ дѣленіе власти между нѣсколькими равномочными, а не подчиненными другъ другу органами, каковы австрійскій парламентъ, венгерскій парламентъ и делегаціи, австрійское министерство, венгерское министерство и общее министерство, влечетъ за собою медлительность процедуры, ослабляетъ отвѣтственность и идетъ на пользу той единственной власти, которая несложна, едина, всюду тожественна и всюду сильна,—власти государя. Искусно направляя делегаціи противъ парламентовъ, пользуясь вліяніемъ Тиссы на венгерскую палату, и выраженіемъ воли императора обязывая австрійскихъ пэровъ, Андраши сумѣлъ безъ государственнаго переворота, вопреки волѣ нѣмцевъ и мадьяровъ, осуществить оккупацію Босніи и Герцеговины. Вмѣсто „батальона“ она потребовала цѣлую армію, вмѣсто мирной она оказалась кровопролитной. Болѣе ста милліоновъ флориновъ было затрачено на то, чтобы отъ имени и какъ бы по милости Турціи занять эти провинціи. Это несходство между обѣщаніями и результатами его политики способствовало паденію Андраши (августъ 1879 г.). Онъ оказалъ вдвойнѣ рѣщающее вліяніе на судьбы монархіи: путемъ занятія Босніи—Герцеговины, которое надолго опредѣлило ея восточную политику, противопоставивъ ее Россіи,—и путемъ заключенія австро-германскаго союза, который былъ подписанъ въ октябрѣ 1879 г. Гаймерле, который былъ дѣломъ рукъ Андраши и который въ теченіе 20 лѣтъ являлся неподвижной точкой австро-венгерской политики.

Двое венгровъ, Андраши и Тисса, сдѣлали оккупацію возможной: одинъ—руководя дипломатіей монархіи, другой—отдавъ все свое вліяніе на службу политикѣ

короны, рискуя всей своей популярностью ради ея успѣха. Какъ ни былъ враждебенъ этой политикѣ венгерскій парламентъ, онъ призналъ совершившійся фактъ оккупаціи, принявъ во вниманіе только послѣдствія ея и неизмѣнно вѣрный правительству, которое помогло обмануть его. Въ австрійскомъ парламентѣ произошелъ расколъ, и въ то самое время, когда имперскія войска рвались въ бой, онъ вотировалъ адресъ, повидимому, осуждавшій ихъ. „Нѣмцы смотрѣли на свое отношеніе къ кабинету, который упрочивать было ихъ первѣйшимъ интересомъ, такъ, какъ если бы они вели съ нимъ гражданскій процессъ. Политическая точка зрѣнія совершенно стушевывалась для нихъ передъ точкой зрѣнія права, и имъ казалось болѣе важнымъ доказать свою правоту, нежели обезпечить дальнѣйшее существованіе кабинета“. Результатомъ и было воцареніе въ 1879 г. новой системы, которое естественнымъ образомъ еще усилило преобладаніе Венгріи въ дуализмѣ.

II.—Правленіе Тааффе (1879—1895).

Система Тааффе.—Успѣхъ восточной политики, бывшей личнымъ дѣломъ императора, сдѣлалъ его болѣе доступнымъ для анти-парламентскихъ вліяній, для внушеній царедворцевъ, военныхъ и клерикаловъ. Онъ былъ твердо намѣренъ не дать рѣчамъ и адресамъ отклонить себя со своего пути; но онъ былъ готовъ власть внутри страны оставить въ рукахъ стараго большинства, лишь бы сохранить полную свободу дѣйствій во внѣшнихъ и военныхъ дѣлахъ. Министерство Ауэрсперга распадалось благодаря постепенному уходу своихъ членовъ. Императоръ поручилъ сначала министру финансовъ Депретису, а послѣ его неудачи—одному изъ своихъ наперсниковъ, тирольскому намѣстнику, графу Тааффе, составить кабинетъ по соглашенію со старымъ большинствомъ: отъ него требовали только, чтобы оно признало оккупацію, какъ совершившійся фактъ, и санкціонировало ея послѣдствія. Но оно не захотѣло капитулировать. Императоръ рѣшилъ потерпѣть до предстоявшихъ вскорѣ выборовъ. Кабинетъ былъ кое-какъ подправленъ; президентство въ немъ принялъ Стремайръ, Тааффе взялъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы провести выборы. Онъ надѣялся создать путемъ этихъ выборовъ третью партію, въ которую вошли бы аристократическіе и умѣренные элементы всѣхъ остальныхъ партій и которая была бы формально правительственной. Но ему удалось только—преимущественно благодаря голосамъ крупныхъ чешскихъ землевладѣльцевъ — превратить старое либеральное большинство въ меньшинство; въ этой куріи, гдѣ преобладали конституціоналисты, изъ 23 мѣстъ по компромиссу, выработанному правительствомъ съ поощренія императора, десять были предоставлены феодаламъ. Эра нѣмецкаго парламентскаго правленія кончилась.

И дѣйствительно, оно утратило всякій смыслъ. Нѣмцы по-прежнему оставались самой культурной и самой богатой національностью; но они уже не были единственной культурной и богатой народностью: чешская буржуазія, медленно сформировавшаяся въ общеніи съ ними, стала ихъ опасной соперницей. Ихъ доля въ народонаселеніи Австріи уменьшилась, вслѣдствіе чего ихъ политическая привилегія являлась уже несправедливой. Соображенія международнаго свойства, нѣкогда доставившія имъ власть, были теперь противъ нихъ: австро-германскій союзъ, обративъ монархію лицомъ къ востоку, подстрекалъ ее къ моральному завоеванію славянскихъ народностей, а для этого ей нужно было сперва помириться со своими собственными славянами. Система, примѣнявшаяся съ 1871 г., сдѣлалась непригодной; сами либералы такъ

хорошо сознавали это, что еще до выборовъ искали союза съ чехами,— но послѣднie, руководимые своими союзниками феодалами, предпочли войти въ соглашенie съ правительствомъ. Они наконецъ явились въ новый рейхсратъ; министерство, нуждавшееся въ ихъ голосахъ для восточной политики, обѣщало имъ коекакiя уступки. Тааффе призвалъ въ возстановленный имъ послѣ выборовъ кабинетъ—рядомъ съ либералами, клерикалами и поляками—чеха изъ Моравiи. Это коалицiонное министерство заявило, что будетъ править внѣпартiйно, руководясь высшими интересами государства. Но либералы, которымъ однимъ принадлежала власть, отказались подѣлиться ею: они хотѣли отмстить графу Тааффе. Они пытались свергнуть его по вопросу о новомъ военномъ законѣ, который могъ быть принятъ только большинствомъ двухъ третей голосовъ, такъ какъ онъ устанавливалъ контингентъ на десять лѣтъ; но при третьемъ голосованiи правое крыло оппозицiи, опасаясь кризиса и боясь императора, вотировало за кабинетъ. Послѣднiй, развязавъ себѣ руки на десять лѣтъ, не имѣлъ уже никакой надобности обходиться бережно со своими несговорчивыми и вмѣстѣ безсильными противниками; отдѣлавшись отъ своихъ послѣднихъ либеральныхъ членовъ, онъ заключалъ въ себѣ уже только клерикаловъ и дворянъ.

Ядро его большинства составляли три группы, приблизительно въ 55 членовъ каждая: чехи, поляки и клерикальный центръ. Ихъ не связывали ни общность политической программы, ни тождество основныхъ интересовъ: ихъ связывалъ только страхъ передъ наступательной либеральной реакцiей, возможность которой всецѣло зависѣла отъ двора. На этомъ страхѣ и на разногласiяхъ между всѣми тремя группами графъ Тааффе и основалъ свою систему. Онъ съ самаго начала заявилъ этому большинству, исповѣдывавшему автономизмъ и федерализмъ, что не допуститъ никакой существенной перемѣны въ конституцiи, но зато обѣщалъ примѣнять ее уже не въ интересахъ какой-либо партiи, а въ видахъ примиренiя. Онъ сохранилъ все, что было въ ней централистическаго, и устранилъ изъ нея все нѣмецкое; онъ уничтожилъ фактическую монополiю, которою пользовался въ администрацiи нѣмецкiй языкъ, и широко открылъ славянамъ доступъ къ общественнымъ должностямъ. Онъ не требовалъ, чтобы они отрекались отъ своей нацiональности, но онъ заставлялъ ихъ безусловно подчиняться тому единству принциповъ и направленiя, которое онъ старался поддерживать въ бюрократiи; онъ самъ былъ прежде всего типичнымъ австрiйскимъ государственнымъ человѣкомъ. Для сохраненiя своего хрупкаго и несолидарнаго большинства онъ долженъ былъ прибѣгать къ частичнымъ уступкамъ, къ раздачѣ личныхъ выгодъ; отсюда непрерывный торгъ между правительствомъ и группами. Точно такъ же въ серьезныхъ случаяхъ дѣйствовали Бейстъ и Ауэрспергъ. Эти переговоры умаляли не силу правительства, а престижъ парламента; народное представительство превратилось въ какую-то биржу, министры какъ - будто существовали для того, чтобы раздавать милости. Они прiучили всѣ партiи разсчитывать не столько на собственныя силы, сколько на благоволенiе государя, и домогаться этого благоволенiя пронырствомъ. Влiянiе императора и могущество администрацiи возрастали. Такимъ образомъ безпартiйность министерства Тааффе выражалась въ томъ, что оно было министерствомъ короны: оно возстановило абсолютизмъ подъ оболочкой строго соблюдаемыхъ конституцiонныхъ формъ.

Съ теченiемъ времени эта система выдохлась. Избирателямъ надоѣло безпрестанно, точно на смѣхъ, получать ничтожныя уступки; депутаты утратили всякiй престижъ и довѣрiе: ихъ обвиняли въ томъ, что они измѣняютъ своему мандату,

что правительство подкупаетъ ихъ. На арену политической жизни выступило новое поколѣніе, которое разсчитывало рѣзкой оппозиціей добиться большаго, нежели старое добилось кротостью. Народное движеніе смело старо-чеховъ, и тѣмъ было разрушено большинство графа Тааффе. Его долгое министерство имѣло рѣшающія послѣдствія для политической жизни Австріи. Оно сдѣлало невозможнымъ возвращеніе къ централизаціи, направленной на онѣмеченье страны. Оно наполнило кадры администраціи славянами, которые, оставаясь славянами, сдѣлали оффиціальное вліяніе орудіемъ національной пропаганды. Борясь противъ либеральной партіи, оно воскресило престижъ двора, аристократіи, церкви и способствовало наступательной реакціи клерикализма, господствующей въ Австріи донынѣ. Оно вмѣстѣ и растормошило, и развратило національности и партіи; оно пріучило ихъ безпрестанно предъявлять притязанія и добиваться ихъ удовлетворенія не столько собственными усиліями и трудами, сколько интригами. Та общественная деморализація, о которой теперь такъ ясно свидѣтельствуетъ австрійскій кризисъ, представляетъ собою прямой результатъ системы Тааффе.

Австрія съ 1879 по 1890 г.—Нѣмцы, считающіе себя единственными хранителями истиннаго австрійскаго патріотизма, безъ умолку обвиняли графа Тааффе въ томъ, что онъ ослабляетъ и губитъ государство. По крайней мѣрѣ, матеріальные результаты его долгаго правленія не оправдываютъ этого упрека. Министръ финансовъ Дунаевскій, полякъ родомъ, являвшійся въ кабинетѣ главнымъ представителемъ автономизма, устранилъ изъ бюджета хроническій дефицитъ.—Онъ повысилъ всѣ существующіе налоги, прямые и косвенные, и создалъ новые. Благодаря этому впервые послѣ многихъ лѣтъ балансъ 1889 г. былъ сведенъ съ излишкомъ. Этотъ результатъ далъ возможность предпринять другую реформу, еще болѣе необходимую для экономическаго и финансоваго благосостоянія страны: возстановленіе циркуляціи звонкой монеты. Переговоры съ венгерскимъ правительствомъ, начатые при Дунаевскомъ, кончились въ 1892 г. При его преемникѣ Штейнбахѣ былъ вотированъ рядъ законовъ, принципіально установившихъ новую монетную систему въ золотой валютѣ, единицей которой стала, вмѣсто флорина, крона [1]); но реформа эта до сихъ поръ не вполнѣ осуществлена. Путемъ конфискаціи и покупокъ была заполнена сѣть австрійскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, сначала въ западной части имперіи, между Вѣной и баварской границей; съ открытіемъ въ 1884 г. Арльбергскаго туннеля ей открылся новый чрезвычайно важный выходъ въ западную Европу. Крупные военные кредиты въ нѣсколько пріемовъ тяжелымъ бременемъ легли на бюджетъ. Слѣдуетъ отмѣтить законъ 1883 г., который преобразовалъ цислейтанскій ландверъ по образцу гонведовъ и въ ущербъ правамъ парламента поставилъ его въ болѣе тѣсную зависимость отъ короны, менѣе бережливой, нежели палаты.

Министерство Тааффе, консервативное прежде всего, положило въ Австріи начало консервативной соціальной политикѣ. Въ отношеніи рабочихъ эта политика сводилась, по формулѣ Бисмарка, съ одной стороны, къ введенію системы страхованія рабочихъ, скопированной съ германской, съ другой стороны,—къ изданію репрессивныхъ законовъ, предлогомъ для которыхъ послужилъ рядъ мнимо-анархистскихъ покушеній; въ отношеніи крестьянъ—къ ограниченію права дробить и закладывать мелкіе земельные участки; въ отношеніи ремесленниковъ—къ возста-

[1]) Золотой *флоринъ* стоилъ 2 фр. 50 (ок. 92 коп.). Въ ходу были только бумажные флорины, курсъ которыхъ колебался около 2 фр. 10 (ок. 78 коп.). *Крона* стоила половину, т.-е. 1 фр. 05 (ок. 39 коп.).

новленію цеховъ и званія мастера. Въ совокупности эти мѣры были направлены противъ экономическаго вліянія капиталистической и либеральной буржуазіи. Въ видахъ борьбы съ ея политическимъ вліяніемъ правительство поддерживало поправку 1882 г. въ избирательномъ законѣ, понизившую цѣнность для городскихъ и сельскихъ курій до 5 флориновъ прямыхъ налоговъ: эта реформа была выгодна особенно для ремесленниковъ, послушныхъ политическому руководству церкви. Подъ вліяніемъ этихъ реформъ рядомъ съ національными партіями начали возникать экономическія и соціальныя. Въ виду преслѣдованій соціалисты объединились и устроили въ Гайнфельдѣ (1888) свой первый общій конгрессъ. Здѣсь они формулировали свои требованія: секуляризація государства, обязательность и безплатность обученія, прямое и безусловное всеобщее избирательное право, и образовали первую въ Австріи международную партію. Подъ руководствомъ духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ образовались аграрная партія, выражавшая на крестьянскихъ съѣздахъ свои реакціонныя требованія, и группа ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, враждебная возрастающему усиленію капитализма. Это послѣднее движеніе мало-по-малу приняло чисто антисемитическій характеръ. Клерикально-антисемитическая или христіанско-соціалистическая партія отбила у старой демократической партіи вѣнскія предмѣстья. Въ лицѣ адвоката Луэгера, перебѣжчика изъ демократовъ, она нашла неподражаемаго агитатора, благодаря которому она постепенно завоевала вѣнскую мэрію.

Каждая группа большинства искала своей доли въ милостяхъ правительства. Поляки, располагавшие почти полной политической автономіей, требовали экономическихъ выгодъ: подъ предлогомъ стратегической важности правительство строило имъ дорого стоившія желѣзныя дороги; имъ нѣсколько разъ прощались крупныя податныя недоимки (однажды сразу 75 милліоновъ флориновъ). Чехамъ нужны были прежде всего националистическія уступки: и вотъ произведена была избирательная реформа, обезпечившая имъ большинство въ пражскомъ сеймѣ и въ чешской депутаціи въ Вѣнѣ; благодаря раздѣленію на-двое стараго нѣмецкаго университета въ Прагѣ (1882) они получили свой особый университетъ, и правительство многократно давало имъ субсидіи на среднія школы. Указами 1880 и 1886 г. положеніе чеховъ въ общественной жизни Чехіи и Моравіи было приближено къ положенію нѣмцевъ (до тѣхъ поръ единственнымъ оффиціальнымъ языкомъ былъ нѣмецкій). Нѣмецкіе клерикалы обратили всѣ свои усилія на школу; законъ 1883 г. сократилъ съ восьми до шести лѣтъ продолжительность обязательнаго школьнаго обученія и косвеннымъ путемъ возстановилъ принципъ конфессіональной школы. Въ 1888 г. они сочли возможнымъ возстановить его прямо, и ихъ вождь, князь Алоизій Лихтенштейнъ, внесъ соотвѣтственное предложеніе. Но на этотъ разъ общественное мнѣніе воспротивилось энергично; императоръ лично посовѣтовалъ взять назадъ предложеніе. Клерикалы промахнулись; тѣмъ не менѣе имъ удалось поколебать положеніе министерства, и это оказалось прямой причиною его паденія.

Сначала распавшаяся, потомъ опять соединившаяся нѣмецкая лѣвая наконецъ организовалась въ два клуба, послѣ того какъ славянское большинство еще возросло благодаря выборамъ 1885 г.; это были: нѣмецкая объединенная лѣвая, насчитывавшая 190 членовъ, и нѣмецкіе націоналисты, числомъ всего 16. Программа послѣднихъ ставила на первое мѣсто защиту національныхъ интересовъ нѣмецкой части населенія, отодвигая интересы австрійскаго государства на второй

планъ. Небольшая группа крайнихъ во главѣ съ Шенереромъ открыто высказывалась за присоединеніе всей нѣмецкой Австріи къ Германіи. Даже бывшіе либералы, борясь въ рядахъ оппозиціи, сдѣлались радикальнѣе и націоналистичнѣе. На первые указы въ пользу Чехіи (1880) они отвѣчали предложеніемъ Вурмбранда, которое требовало провозглашенія нѣмецкаго языка государственнымъ языкомъ въ Цислейтаніи и которое было отвергнуто въ 1884 г.; на указы 1886 г. они отвѣчали выходомъ изъ чешскаго сейма, куда вернулись только въ 1890 г.; на предложеніе Лихтенштейна—угрозою поголовнаго выхода изъ рейхсрата, что̀ сократило бы его составъ больше чѣмъ на треть: они твердо рѣшились отстаивать всѣми силами неприкосновенность школьнаго закона, который былъ дѣломъ ихъ рукъ, ихъ единственнымъ оборонительнымъ средствомъ и ихъ единственной надеждой на побѣду надъ клерикализмомъ. Впрочемъ, ихъ противодѣйствіе нашло поддержку: въ виду грозящей клерикальной реакціи, въ Чехіи воскресъ гусситскій духъ. Младо-чехи повели противъ старочеховъ, предавшихся дворянству и церкви, бѣшеную кампанію и на областныхъ выборахъ 1889 г. отняли у нихъ почти всю сельскую курію. Это испугало дворъ и правительство: какъ демократы, радикалы, противники феодаловъ и союза съ Германіей, младо-чехи были въ Вѣнѣ на очень дурномъ счету. Императоръ публично выразился: „Странная кампанія беретъ теперь верхъ! Надо будетъ энергично дѣйствовать противъ нея". Ради противодѣйствія ей правительство попыталось устроить компромиссъ между нѣмцами и старо-чехами, сплотить всѣ „патріотическіе и умѣренные" элементы противъ опасности радикализма. Посредниками выступили министерство и крупные землевладѣльцы; ни одинъ младо-чехъ не былъ приглашенъ къ участію въ совѣщаніяхъ. Чешское общество отвѣтило на эту провокацію подобающимъ образомъ: въ виду его манифестацій большинство старо-чеховъ измѣнило своему слову и перешло къ младо-чехамъ. Компромиссъ, который императоръ взялъ подъ свое личное покровительство, потерпѣлъ самую жалкую неудачу, и выборы 1891 г. въ рейхсратъ ознаменовались полнымъ пораженіемъ старо-чеховъ въ Чехіи.

Теперь лозунгомъ въ рейхсратѣ сдѣлалось объединеніе патріотическихъ и умѣренныхъ элементовъ, но это была безсмыслица; за отсутствіемъ большинства оказалось невозможнымъ въ апрѣлѣ 1891 г. вотировать адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, и парламентъ долженъ былъ удовольствоваться изъявленіемъ своей лойяльности. Правительство представило чисто-экономическую программу. Славянскіе министры, Дунаевскій и Пражакъ, подали въ отставку, и въ кабинетъ вступилъ министръ-нѣмецъ. При постановкѣ перваго же полуполитическаго вопроса онъ подалъ въ отставку, и лѣвая снова перешла въ оппозицію. Потерявъ надежду пріобрѣсти большинство въ этомъ парламентѣ, графъ Тааффе сдѣлалъ попытку устроить себѣ новый парламентъ: онъ внезапно, безъ подготовки, представилъ проектъ избирательной реформы, который, не умаляя привилегіи крупныхъ землевладѣльцевъ, устанавливалъ для городскихъ и сельскихъ курій почти всеобщую подачу голосовъ. Всѣ „патріотическія и умѣренныя" партіи возмутились; поляки, клерикалы и лѣвая, подвергавшіеся всѣ равной опасности, вошли въ соглашеніе между собою съ цѣлью низвергнуть графа Тааффе. Но онъ предупредилъ ихъ, подавъ въ отставку 28 октября 1893 г.

Министерство Тиссы (1879—1890).— Въ Венгріи кризисъ, вызванный оккупаціей, повлекъ за собою лишь перемѣну въ личномъ составѣ правительства; Селль подалъ въ отставку, не желая содѣйствовать разоренію финансовъ, имъ возста-

новленныхъ; на его мѣсто былъ назначенъ графъ Сапари, а послѣдняго нѣсколько лѣтъ спустя смѣнилъ самъ Тисса, отъ имени котораго министерствомъ руководилъ ловкій статсъ-секретарь Векерле. Бюджетное равновѣсіе было возстановлено тогда же, когда и въ Австріи. Національзація желѣзныхъ дорогъ проводилась энергично и вполнѣ; венгерская казна взяла въ свои руки особенно главныя линіи, которыя должны были привлекать транспортъ съ восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, и такимъ образомъ подчинила себѣ все сухопутное торговое сообщеніе между восточной и западной частями материка. Геніальнымъ изобрѣтеніемъ былъ введенный министромъ общественныхъ работъ Бароссомъ на казенныхъ венгерскихъ дорогахъ знаменитый поясной тарифъ: стоимость проѣзда уменьшилась для извѣстныхъ разстояній на 85 %, и въ первый же годъ число пассажировъ утроилось. Эксплоатація желѣзнодорожной сѣти начала наконецъ приносить выгоду; усиленная циркуляція была полезна для промышленности, которую правительство старалось всячески поощрять и развивать; то обстоятельство, что сельское населеніе получило легкую возможность посѣщать города и столицу, являющіеся центрами мадьяризаціи, оказало поддержку національной политикѣ министерства.

Словаки и румыны упорствовали въ той пассивной роли, которую они усвоили себѣ со времени компромисса и которую навязалъ имъ избирательный законъ. Трансильванскіе саксы нѣсколько разъ предпринимали противъ правительства рѣзкія кампаніи. Но наибольшія затрудненія доставили ему кроаты. Въ 1877—79 г. они, какъ и чехи, принадлежали къ самымъ горячимъ сторонникамъ оккупаціи и требовали даже формальнаго присоединенія оккупированныхъ провинцій, такъ какъ боснійцы были въ большинствѣ ихъ братьями по языку и религіи и присоединеніе этихъ провинцій приблизило бы кроатовъ къ осуществленію ихъ мечты о Великой Хорватіи и „тріализмѣ“. Пештское правительство сначала выступило очень энергично противъ этихъ вожделѣній, не составлявшихъ тайны, и противъ притязаній, заявленныхъ поляками по поводу возобновленія венгро-кроатскаго компромисса; банъ Мазураничъ, умѣренный націоналистъ, былъ замѣненъ графомъ Пеячевичемъ, магнатомъ ярко-венгерскихъ убѣжденій. Послѣ долгихъ переговоровъ компромиссъ былъ заключенъ, Кроація отказалась отъ своихъ требованій, выговоривъ себѣ зато включеніе бывшей Хорватской границы въ составъ ея гражданской территоріи, что увеличило ея народонаселеніе на 700 тысячъ жителей. Въ 1883 г. изъ-за исторіи съ государственными гербами въ Аграмѣ снова возникли препирательства и взаимная ненависть. Одинъ черезчуръ усердный чиновникъ попытался замѣнить вывѣски съ кроатскими надписями на казенныхъ зданіяхъ въ Аграмѣ двуязычными вывѣсками — мадьяро-кроатскими; это вызвало бунтъ, народъ посрывалъ новые гербы, и даже правительственное меньшинство на сеймѣ протестовало; банъ, хотя и отъявленный мадьярскій націоналистъ, предпочелъ выйти въ отставку, нежели водворить на мѣсто новые гербы. Среди крестьянства вспыхнулъ рядъ мятежей, и пришлось на нѣсколько мѣсяцевъ пріостановить дѣйствіе конституціи. Послѣднее слово осталось за кроатами: двуязычныя надписи исчезли, а новые гербы были безъ всякой надписи. Результатомъ этихъ инцидентовъ было то, что выборы 1884 г. значительно усилили меньшинство сейма, враждебное какому бы то ни было соглашенію съ Венгріей. Сессія 1884 г. была ознаменована бурными сценами, на засѣданіяхъ дѣло доходило до кулачныхъ дракъ, самъ банъ былъ побитъ однажды. Это повлекло за собою рядъ политическихъ процессовъ;

Аграмъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, въ Кроаціи пріостановлено дѣйствіе суда присяжныхъ. Король открыто сталъ на сторону венгерскаго министерства. Въ 1889 г. было заключено новое финансовое соглашеніе; но отношенія между обоими союзными королевствами по-прежнему были очень обострены, и донынѣ кроатскій вопросъ остается главной опасностью для Венгріи.

Одинъ инцидентъ, не имѣвшій ничего общаго съ политикой, повлекъ за собою цѣлый рядъ политическихъ реформъ. Знаменитый тисса-эсларскій процессъ (1885), возбудившій вниманіе всей Европы, обнаружилъ, рядомъ съ подкупностью венгерскаго судебнаго персонала, огромную силу антисемитизма въ Венгріи. Старая земельная аристократія съ каждымъ днемъ утрачивала свое вліяніе, престижъ и богатство; въ своемъ разореніи она обвиняла евреевъ, составлявшихъ торгово-промышленный классъ въ Венгріи. Но мадьярскій народъ слишкомъ малочисленъ и слишкомъ обособленъ, чтобы ему можно было отказываться отъ какой-либо искренней помощи; евреи съ 1848 г. принадлежали къ числу наиболѣе горячихъ нео-мадьяровъ. Надо было примирить народъ съ ними, а для этого постепенно довести ихъ до уравненія въ правахъ съ гражданами другихъ исповѣданій. Тисса внесъ законопроектъ о разрѣшеніи браковъ между евреями и христіанами. Принятый депутатами, этотъ проектъ провалился въ палатѣ магнатовъ, гдѣ противъ него выступила коалиція клерикальныхъ реакціонеровъ и разоренныхъ аристократовъ. Стало очевиднымъ, что необходимо реформировать верхнюю палату. Всѣ магнаты, платившіе менѣе 3.000 флориновъ земельнаго налога, потеряли свои мѣста; имъ было предоставлено однажды избрать изъ своей среды 50 человѣкъ, которые и являлись ихъ представителями, а корона получила право назначать пожизненныхъ магнатовъ числомъ до 50. Благодаря этому верхняя палата выиграла въ смыслѣ престижа и качества; зато и срокъ депутатскихъ мандатовъ былъ увеличенъ съ трехъ до пяти лѣтъ.

Тисса, раньше такъ горячо нападавшій на слабость деакистовъ по отношенію къ Австріи, очутившись у кормила власти, въ свою очередь сталъ подвергаться нападкамъ со стороны людей болѣе радикальныхъ, нежели онъ самъ. Они упрекали его въ томъ, что онъ жертвуетъ правами и престижемъ Венгріи. Между тѣмъ въ единственномъ серьезномъ столкновеніи, которое возникло при немъ,—въ дѣлѣ генерала Янскаго, украсившаго могилы австрійцевъ, защищавшихъ Буду противъ Гергея,—венгерскій министръ одержалъ верхъ надъ военными вліяніями, столь могущественными въ Вѣнѣ: будь на его мѣстѣ австрійское правительство, оно не посмѣло бы даже поднять этотъ вопросъ. Но Тисса самъ когда-то показалъ примѣръ шумныхъ и несправедливыхъ нападокъ. Своими все болѣе рѣзкими замашками онъ оскорблялъ иногда даже свою собственную партію; его система, служившая вначалѣ извѣстному идеалу, выродилась въ коалицію интересовъ; лично безупречной честности, онъ прощалъ и поощрялъ парламентскіе подкупы въ видахъ сохраненія своего большинства. Народу онъ надоѣлъ, а дворъ не могъ больше полагаться на его авторитетъ. Въ 1889 г. голосованіе военнаго закона послужило поводомъ къ бурнымъ сценамъ. Въ 1890 г. онѣ повторились въ связи съ вопросомъ о національности Кошута. Тиссу травили со всѣхъ сторонъ, въ совѣтѣ онъ былъ изолированъ. Въ мартѣ 1890 г. онъ подалъ въ отставку.

Политико-церковная кампанія. — Графъ Сапари возстановилъ кабинетъ почти безъ измѣненій въ личномъ составѣ. Предъ нимъ тотчасъ всталъ вопросъ о церковно-политическихъ законахъ. Счастливая звѣзда новой Венгріи до сихъ поръ

избавляла ее отъ религіозной борьбы. Духовенство пользовалось уваженіемъ за то, что въ годы униженія родины обнаружило патріотизмъ; многочисленные и вліятельные протестанты жили въ добромъ согласіи съ католиками. Миръ началъ колебаться около 1890 г. подъ вліяніемъ вопроса о смѣшанныхъ бракахъ. По закону 1868 г. дѣти отъ такихъ браковъ должны были слѣдовать: мальчики—вѣрѣ отца, дѣвочки—вѣрѣ матери. Но католическіе священники начали крестить всѣхъ этихъ дѣтей и записывать ихъ католиками въ гражданскіе списки, которые велись духовенствомъ. Тщетно министръ исповѣданій напоминалъ имъ о требованіяхъ закона: они получали противоположныя инструкціи изъ Рима. Правительство должно было вмѣшаться для огражденія своего авторитета, какъ и для обезпеченія правильнаго веденія метрическихъ книгъ. Графъ Сапари предложилъ передать веденіе этихъ книгъ гражданской власти, объявить свободу исповѣданій и признать отъ лица государства еврейскую религію. Но его вскорѣ опередила его собственная партія, требовавшая полной реформы; вѣнцомъ послѣдней должно было быть узаконеніе гражданскаго брака, издавна требуемое венграми и отвергаемое королемъ, который боялся впечатлѣнія этой уступки на Австрію. Страхъ передъ королемъ и религіозное сомнѣніе заставили Сапари уйти въ отставку. Министръ финансовъ Векерле, ставъ президентомъ совѣта, добился принципіальнаго согласія короля на гражданскій бракъ подъ условіемъ дальнѣйшаго соглашенія о деталяхъ. Палата депутатовъ приняла всѣ пять правительственныхъ законопроектовъ; но магнаты отвергли проектъ о гражданскомъ бракѣ. Это вызвало рядъ бурныхъ демонстрацій; дворъ публично обвиняли въ томъ, что онъ поощрялъ это сопротивленіе. Многіе высшіе сановники вотировали противъ; нѣкоторые, никогда не бывавшіе въ Пештѣ, нарочно прибыли для этого изъ Вѣны. Министры снова внесли законопроектъ въ палату депутатовъ, аппелируя отъ магнатовъ къ народнымъ представителямъ,—и палата снова приняла его огромнымъ большинствомъ. Но король отказалъ министерству въ томъ оружіи противъ магнатовъ, о которомъ оно ходатайствовало: въ обѣщаніи назначить рядъ новыхъ пэровъ. Реакціонные магнаты пустили въ ходъ все свое вліяніе при дворѣ; императору указывали на опасность конфликта между палатами, на диктаторскія замашки и чрезвычайную популярность министерства, подрывающія монархическій принципъ; воспользовались также публичными изъявленіями національнаго горя, вызванными смертью Кошута въ мартѣ 1894 г. Кабинетъ вышелъ въ отставку. Но графъ Хуэнъ-Гедервари, хорватскій банъ и довѣренный человѣкъ императора, призванный образовать министерство, потерпѣлъ неудачу въ виду сопротивленія либеральной партіи. Министерство Векерле снова вступило въ управленіе, пожертвовавъ министромъ исповѣданій, но сохранивъ противъ воли короля министра юстиціи Силаги. Новый кабинетъ былъ уполномоченъ заявить палатамъ, что корона считаетъ необходимымъ завершить церковно-политическое законодательство. Въ результатѣ верхняя палата незначительнымъ большинствомъ приняла законъ о гражданскихъ бракахъ. 21 декабря министерство подало прошеніе объ отставкѣ, которая и была дана ему 23-го. Противъ церковно-политическихъ законовъ возставали въ королѣ и его совѣсть католика, и самолюбіе государя; тѣмъ не менѣе они были вынуждены у него силою общественнаго мнѣнія. Онъ до конца послѣдовалъ за своими министрами и за это возненавидѣлъ ихъ. Президентъ вышедшаго въ отставку кабинета заявилъ большинству, что кабинетъ уходитъ потому, что утратилъ довѣріе короля; и большинство, устроивъ

овацію уходящимъ министрамъ, благоразумно удовольствовалось побѣдою по существу и остереглось чрезмѣрной рѣзкостью поколебать свое положеніе. Должна быть возстановлена необходимая гармонія между обоими законодательными органами, но это должно быть достигнуто безъ всякой политической жертвы: таковъ былъ принятый лозунгъ, и палата выбрала президентомъ наиболѣе ненавистнаго королю министра, Силаги. Графъ Хуэнъ-Гедервари, которому снова предложено было образовать министерство, снова потерпѣлъ неудачу: довѣріе короля дѣлало его подозрительнымъ для большинства; оно боялось, какъ бы онъ не оказался венгерскимъ Тааффе. Церковно-политическая кампанія вызвала нѣкоторыя измѣненія въ организаціи партіи: радикалы раздѣлились на свѣтскихъ и клерикаловъ; національная партія графа Аппоньи, расходившаяся съ либеральной партіей больше по вопросамъ личнаго свойства, нежели по вопросамъ программы, и ратовавшая за церковно-политическое законодательство, пока кабинетъ колебался,—выступила противъ этихъ законовъ, какъ только министерство серьезно принялось за ихъ проведеніе; изъ либераловъ человѣкъ 20 отдѣлились вмѣстѣ съ Сапари. Наконецъ, подъ руководствомъ графовъ Фердинанда Зичи и Николая-Маврикія Эстергази образовалась „народная" партія—первая истинно-клерикальная ультрамонтанская партія въ Венгріи. Но король былъ связанъ съ либеральной партіей интересами дуализма. Послѣ неудачи графа Гедервари составленіе кабинета ко всеобщему удивленію было поручено президенту палаты барону Банфи. Искусно лавируя, сочетая властную волю съ уступчивостью, онъ удержался на посту, провелъ—добившись, наконецъ, отъ короны назначенія новыхъ пэровъ—послѣдніе религіозные законы и польстилъ національному самолюбію венгровъ, отмстивъ за происки, благодаря которымъ палъ Векерле. Когда папскій унцій въ Вѣнѣ, монсиньоръ Аліарди, явился въ Венгрію агитировать противъ церковно-политическихъ законовъ, венгерское правительство потребовало вмѣшательства министра иностранныхъ дѣлъ и, повидимому, готово было навязать ему свою волю. Возникъ конфликтъ, который, къ великой радости венгровъ, кончился вынужденной отставкой графа Кальноки.

Церковно-политическіе законы по существу носили не только либеральный, но и националистическій характеръ. Отнынѣ сербъ или румынъ принужденъ за метрикою для своихъ дѣтей или за гражданскимъ утвержденіемъ своего брака обращаться уже не къ соплеменному ему священнику, а къ королевскому чиновнику, и это заставляетъ его въ важнѣйшіе моменты своего существованія чувствовать себя прежде всего гражданиномъ. Этимъ преимущественно и было обусловлено сопротивленіе національностей новой религіозной политикѣ, равно какъ ихъ сближеніе съ народной партіей и съ клерикальной фракціей партіи независимости. Съ своей стороны правительство продолжало энергично проводить противъ національностей политику Тиссы. Въ знаменитомъ процессѣ изъ-за челобитной вожаки трансильванскихъ румынъ за то, что представили свою докладную записку не королю въ Пештѣ, а императору въ Вѣнѣ, были преданы суду мадьярскихъ присяжныхъ и приговорены безъ защиты (они отказались отвѣчать по-мадьярски, а судъ—допрашивать ихъ на ихъ языкѣ) къ тюремному заключенію на сроки отъ восьми мѣсяцевъ до пяти лѣтъ. Рядъ волненій въ Кроаціи, въ Аграмѣ на глазахъ короля и въ Славоніи показалъ, что подъ пепломъ постоянно тлѣетъ огонь. Тысячелѣтіе основанія Венгріи отпраздновали въ 1896 г. одни мадьяры.

Дуализмъ съ 1879 по 1895 г.—Въ основу дуализма была положена идея

совмѣстнаго первенства мадьяръ и нѣмцевъ. Поэтому нѣмецкіе либералы нѣкоторое время надѣялись на помощь венгровъ противъ графа Тааффе. Развѣ славяне не были ихъ общимъ врагомъ? Развѣ торжество чеховъ не являлось опаснымъ примѣромъ для словаковъ и кроатовъ? и развѣ не былъ налицо прецедентъ 1871 г.? Но мадьяры уже не боялись реакціи въ Транслейтаніи: она была теперь невозможна. Централистическія и самовластныя наклонности нѣмцевъ возбуждали въ нихъ не меньшую подозрительность, нежели централистическія подстрекательства славянъ. Они усвоили себѣ теперь новое отношеніе къ австрійскимъ дѣламъ, именно презрительное равнодушіе. Только бы Австрія со своей стороны исполняла обязательства дуализма и не подвергала риску ни внѣшней и внутренней безопасности, ни престижа и интересовъ монархіи или Венгріи,—венгерскому правительству довольно безразлично, съ какимъ министерствомъ ему приходится имѣть дѣло въ Вѣнѣ. Для него даже выгоднѣе имѣть дѣло съ коронным министерствомъ, которое подчиняется преимущественно вліянію государя: корона стремится прежде всего сохранить дуализмъ и общность дипломатіи и арміи, чего бы это ни стоило подданнымъ. Когда венгерское министерство, опираясь на сплоченое и рѣшительное парламентское большинство, ставитъ затрудненія, ихъ приходится устранять австрійцамъ при помощи уступокъ. Такимъ образомъ новая австрійская система была на руку Венгріи. Дуализмъ безпрепятственно функціонировалъ съ 1879 года. Компромиссъ былъ возобновленъ въ 1887 г. послѣ долгихъ переговоровъ, но безъ серьезныхъ осложненій. Венгерскіе парламентъ и министерство съ каждымъ годомъ все болѣе присвоивали себѣ и осуществляли фактическій контроль надъ веденіемъ общихъ дѣлъ. Возрастающее вліяніе Венгріи сказывалось даже въ мелкихъ вопросахъ о названіяхъ и этикетѣ; армія утратила свое историческое названіе императорской арміи и стала называться (1889) императорской-королевской; точно такъ же было переименовано министерство двора (1895); даже внутренняя организація двора была измѣнена съ цѣлью приблизить ее къ дуалистическому принципу. Всѣ эти формальныя уступки доказывали, что династія, вынужденная принять дуализмъ, все болѣе пріучалась видѣть въ Венгріи наиболѣе стойкій оплотъ монархіи.

Подъ руководствомъ сначала Гаймерле, а послѣ его преждевременной смерти—графа Кальноки, иностранная политика продолжала слѣдовать пути, на который ее вывелъ Андраши. Неподвижнымъ пунктомъ, вокругъ котораго она вертѣлась, былъ союзъ съ Германіей. Италія, принятая позднѣе въ тройственный союзъ, пользовалась и меньшимъ престижемъ, и меньшей симпатіей. Между римскимъ дворомъ и вѣнскимъ помѣхою стоитъ римскій вопросъ: Францъ-Іосифъ до сихъ поръ не отдалъ своему союзнику визита, такъ какъ итальянскій король хочетъ принять его не иначе, какъ въ Римѣ. Якобы славофильская система, которую проводитъ вѣнское правительство, не мѣшаетъ теплотѣ отношеній между Австріей и Германіей. Въ своихъ громадныхъ разсчетахъ, имѣвшихъ предметомъ будущность монархіи, Бисмаркъ принималъ австрійскихъ нѣмцевъ за нулевую величину; германская дипломатія считалась прежде всего съ Венгріей. Нѣсколько робкая и колеблющаяся политика графа Кальноки носила ярко выраженный антирусскій характеръ; она стремилась главнымъ образомъ развить австро-венгерское вліяніе въ Сербіи и Болгаріи, не отступая въ извѣстные моменты и передъ угрозою войны. Она увѣнчалась рядомъ успѣховъ, каковы были: присоединеніе Румыніи къ тройственному союзу, воцареніе въ Болгаріи принца Фердинанда и

заключенiе въ 1892 г. торговыхъ договоровъ съ Германiей и Италiей.

При выходѣ въ отставку графа Андраши, замѣненнаго австрiйцемъ, было условлено, что впредь на постъ одного изъ общихъ министровъ будетъ назначаться венгръ, — и вскорѣ общимъ министромъ финансовъ былъ сдѣланъ Слави. Роль министра финансовъ, бывшаго до сихъ поръ простымъ казначеемъ, прiобрѣла важное значенiе послѣ оккупацiи Боснiи и Герцеговины, такъ какъ управленiе этими двумя провинцiями было поручено министру финансовъ подъ контролемъ обоихъ правительствъ. Слави былъ мало подготовленъ къ своей задачѣ и, наравнѣ со своими подчиненными, мало освѣдомленъ о нравахъ и состоянiи оккупированныхъ провинцiй. При немъ вспыхнулъ рядъ возстанiй, и положенiе сдѣлалось вскорѣ столь же серьезнымъ, какъ въ 1879 г. Назначенiе Каллая (iюнь 1882) знаменовало поворотъ въ политикѣ. Новый министръ зналъ славяно-турецкiй Востокъ и говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ. Онъ устранилъ основную ошибку прежней администрацiи, которая въ интересахъ австрiйскаго влiянiя правила, опираясь на католическое меньшинство населенiя (200.000 при 700.000 православныхъ и 500.000 мусульманъ). На первыхъ же порахъ большинство населенiя было обнадежено назначенiемъ въ гражданскiе вице-губернаторы барона Николича, венгра сербскаго происхожденiя и православной вѣры. Подготовивъ такимъ образомъ почву психологически, Каллай издалъ (августъ 1882) указъ, который преобразовалъ всю администрацiю по образцу старой турецкой администрацiи, сосредоточивъ въ немногихъ рукахъ руководство гражданскими и военными дѣлами, вмѣсто того чтобы дробить власть и влiянiе между различными вѣдомствами. Новый режимъ вернулъ оккупированнымъ провинцiямъ спокойствiе и способствовалъ ихъ быстрому матерiальному развитiю. Монархiя ничѣмъ не показывала, чтобы она имѣла въ виду когда-либо отказаться отъ оккупацiи: она съ каждымъ годомъ откровеннѣе устраивалась на правахъ окончательной хозяйки. Въ 1882 г., вопреки суверенитету Турцiи, въ Боснiи и Герцеговинѣ была введена воинская повинность, и рекруты, бывшiе формально турецкими подданными, должны были присягать императору и королю.

Коалицiя.—Графъ Гогенвартъ—закулисный руководитель министерства Таафе— и либеральная лѣвая непрестанно боролись другъ съ другомъ тайно и явно вотъ уже четырнадцать лѣтъ. Общiй гнѣвъ и страхъ помирилъ ихъ въ два дня. Польскiй клубъ, всегда готовый къ его услугамъ, пополнилъ собою большинство, и было сформировано коалицiонное, парламентское министерство. Если императоръ хотѣлъ обратить парламентскiй режимъ въ посмѣшище, чтобы тѣмъ быстрѣе вернуться къ внѣпартiйному управленiю, онъ не могъ придумать ничего лучшаго. Не имѣя возможности столковаться на какой-нибудь положительной программѣ, новые союзники приняли отрицательную; они условились не поднимать никакого вопроса, въ которомъ они были разныхъ мнѣнiй; но не было ни одного вопроса, гдѣ они сходились бы во мнѣнiяхъ. Ихъ связывалъ только страхъ—страхъ передъ всякимъ нововведенiемъ и всякимъ народнымъ движенiемъ, страхъ передъ младо-чехами и страхъ передъ избирательной реформой.

Эта реформа была опаснымъ наслѣдствомъ, которое графъ Таафе оставилъ своимъ преемникамъ. Волей-неволей они должны были обѣщать, въ первыхъ же строкахъ своей программы, „широкую реформу, которая, не нарушая представительства интересовъ, установленнаго дѣйствующей конституцiей, и серьезно считаясь съ своеобразными условiями различныхъ королевствъ и провинцiй, значительно расширила бы право голоса, а

именно распространила бы его на классы, до сихъ поръ имъ не пользовавшіеся, особенно на рабочихъ, сохраняя однако за буржуазіей и сельскимъ населеніемъ то вліяніе, которымъ они пользовались до сихъ поръ въ политической жизни". Этотъ неудобопонятный жаргонъ, эти туманныя и противорѣчивыя обѣщанія выдавали смущеніе правительства. Система Шмерлинга не заслуживала исправленія; ее слѣдовало бросить совершенно. Она съ первой минуты была нетерпима, несправедлива, узка и придирчива, а съ теченіемъ времени она стала совсѣмъ несносной по мѣрѣ того, какъ соціальная и политическая эволюція все болѣе обнаруживала ея недостатки. Какъ всѣ цензитарныя системы, она естественно привела къ тому, что избирательная привилегія превратилась въ монополію, благодаря постепенному устраненію среднихъ классовъ: съ 1884 по 1891 г. отношеніе числа избирателей къ числу жителей уменьшилось въ городахъ съ 70 до 61 на тысячу, въ сельскихъ мѣстностяхъ съ 77 до 75. При всякомъ пересмотрѣ избирательныхъ списковъ число недовольныхъ возрастало; среди нихъ самымъ опаснымъ элементомъ являлись рабочіе, совершенно не пользовавшіеся правомъ голоса. Агитація за введеніе всеобщей подачи голосовъ возросла: народныя партіи, нѣмецкіе націоналисты, вѣнскіе демократы и, наконецъ, младо-чехи были захвачены ею и внесли ее въ парламентъ, а проектъ графа Тааффе санкціонировалъ ее оффиціально. Но коалиція не хотѣла и слышать о всеобщемъ правѣ голоса. Либеральная лѣвая разсматривала свои мандаты, какъ свою собственность, и отвергала всякую реформу, которая умалила бы ея вліяніе въ парламентѣ. Для поляковъ всего важнѣе было сохранить единство польскаго представительства и не допустить въ парламентъ независимыхъ галиційскихъ депутатовъ, которые могли бы заявить съ трибуны о нуждахъ галиційскихъ крестьянъ и рабочихъ, могли бы раскрыть предъ западной Австріей закулисную сторону польской политики и администраціи. Клерикалы готовы были допустить реформу лишь въ пользу „среднихъ" классовъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. При этихъ трудныхъ условіяхъ правительство и парламентъ сваливали другъ на друга иниціативу и отвѣтственность: усиліями разныхъ комиссій и подкомиссій былъ наконецъ выработанъ законопроектъ, по которому должна была быть учреждена пятая курія съ 47 мандатами—34 для податныхъ плательщиковъ, исключавшихся прежнимъ цензомъ, 13 для промышленныхъ рабочихъ. Коалиція распалась прежде, чѣмъ этотъ проектъ поступилъ на обсужденіе парламента. Словаки требовали открытія курсовъ на ихъ языкѣ при нѣмецкой гимназіи въ штирійскомъ городѣ Цилли. Графъ Гогенвартъ поддержалъ это ходатайство, чтобы не лишиться тѣхъ семи словаковъ, которые принадлежали къ его клубу. Но лѣвая воспротивилась. По настоянію министра народнаго просвѣщенія просимый кредитъ былъ вотированъ, лѣвая вышла изъ коалиціи, и кабинетъ долженъ былъ уйти. Послѣ междуцарствія, длившагося три съ половиною мѣсяца, когда обязанности министровъ исполняли директоры департаментовъ, императоръ вернулся къ системѣ коронныхъ министерствъ, назначивъ президентомъ совѣта губернатора Галиціи, графа Бадени (октябрь 1895).

III.—Послѣднее возобновленіе компромисса (1895—1899).

Министерство Бадени. Избирательная реформа 1896 г. Конфликтъ между чехами и нѣмцами.—Старыя партіи сдвинулись со своихъ мѣстъ; даже между чехами и нѣмцами обнаружились—правда, еще робкія—попытки сближенія; общественное мнѣніе впервые выступило въ качествѣ политической силы. Еще никогда обстоятельства не складывались такъ благопріятно для

того, чтобы разбить старыя рамки, пришедшія въ негодность, и создать новую, болѣе удачную систему. Но для этого нуженъ былъ настоящій государственный человѣкъ, съ широкими, современными идеями, смѣлый и осторожный, способный понять нужды и чувства народностей, одаренный тѣмъ тактомъ, безъ котораго было невозможно руководить ими; между тѣмъ власть была вручена жандарму, не признававшему другихъ средствъ, кромѣ кулачной расправы. Какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи Галиція вмѣстѣ съ Далмаціей и Буковиной стоитъ въ послѣднемъ ряду австрійскихъ провинцій. Здѣсь полновластно господствуетъ путемъ подкупа и насилія всемогущая аристократическая котерія: служба въ такой провинціи—плохая школа для будущаго австрійскаго министра. Графъ Бадени, полякъ по происхожденію, всю жизнь прослужилъ въ Галиціи. На всѣхъ своихъ постахъ—какъ помощникъ префекта, вице-губернаторъ и губернаторъ—онъ настойчиво проводилъ мѣстную систему управленія—„сахаромъ и хлыстомъ". Его сторонники приписывали ему честь компромисса между поляками и русинами, заключеннаго при его поддержкѣ; но его заслуга въ этомъ дѣлѣ сводилась къ тому, что онъ подкупилъ часть русинскихъ депутатовъ и терроризировалъ избирателей. Двору онъ угодилъ особенно тѣмъ, что въ 1893 и 1894 г. организовалъ шумныя лойалистскія манифестаціи польскаго дворянства. Съ этого времени постъ перваго министра былъ къ его услугамъ, и его назначеніе на этотъ постъ замедлилось только по его собственному желанію. Онъ позаботился подготовить себѣ почву въ Вѣнѣ искусной рекламой: оффиціозныя газеты восхваляли его энергію и мягкость, его консервативный темпераментъ и либеральныя воззрѣнія, его уваженіе къ правамъ національностей и безусловную преданность государству; они прибавляли, что императору предстоитъ въ 1898 г. праздновать пятидесятилѣтіе со дня своего вступленія на престолъ, и что съ новымъ министерствомъ онъ хочетъ въ послѣдній разъ испробовать конституцію: если этотъ опытъ не удастся, интересы государства вступятъ въ свои права, и Австрія снова сдѣлается абсолютной монархіей,— т.-е. все то же: сахаръ и хлыстъ. Сперва эта система имѣла въ Вѣнѣ, казалось, такой же успѣхъ, какъ и въ Лембергѣ. Правда, ни одна партія не встрѣтила министерство съ искреннимъ довѣріемъ, но почти всѣ онѣ заранѣе обнаружили готовность относиться къ нему дружелюбно и уступчиво. Какъ настоящее коронное министерство, кабинетъ Бадени состоялъ изъ людей очень различныхъ убѣжденій; тутъ были поляки, нѣмцы-клерикалы, нѣмцы-либералы, одинъ чешскій феодалъ, союзникъ чеховъ, и ни одного депутата. Декларація министерства гласила, что кабинетъ, стоя надъ партіями, намѣренъ руководить парламентомъ, а не подчиняться ему, и обѣщала по-прежнему ограждать равенство національностей передъ закономъ и историческое первенство нѣмецкой культуры—сочетаніе, разумѣется, трудно осуществимое. Эти высокопарныя, пустыя и запутанныя фразы могли провести лишь тѣхъ, кому во что бы то ни стало хотѣлось вѣрить.

Будучи призванъ управлять Австріей въ самый критическій моментъ ея новѣйшей исторіи, графъ Бадени единственной своей задачей считалъ возстановленіе внутренняго мира съ цѣлью заключить съ Венгріей новый десятилѣтній компромиссъ, который долженъ былъ вступить въ силу 1 января 1898 г., и тѣмъ дать возможность императору отпраздновать юбилей въ мирѣ и радости. Для этого ему надо было прежде всего ликвидировать непріятную избирательную реформу. 18 февраля 1896 г. онъ представилъ свой проектъ, являвшійся замаскированнымъ ультиматумомъ, и всѣ партіи противъ воли приняли его. Это была уже не реформа, а

легкая наружная починка. Къ четыремъ существующимъ куріямъ прибавляется пятая: здѣсь получаютъ право голоса всѣ австрійцы старше двадцати четырехъ лѣтъ, включая и прежнихъ привилегированныхъ избирателей. Она насчитываетъ такимъ образомъ пять съ половиной милліоновъ избирателей, для которыхъ учреждается 72 новыхъ мѣста, что составляетъ 17% общаго числа мандатовъ; прежнія куріи со своими 1.700.000 избирателей сохраняютъ своихъ 353 представителей, т.-е. 83%; наконецъ 5.000 крупныхъ землевладѣльцевъ отдѣльно посылаютъ попрежнему 85 депутатовъ, что составляетъ 20%. Эти цифры—лучшій приговоръ реформѣ Бадени. Графъ Тааффе хотѣлъ доставить всеобщей подачѣ голосовъ подобающее ей мѣсто, а парламенту—первое, графъ Бадени отвелъ представителямъ народа небольшой уголокъ среди представителей привилегированныхъ классовъ; возможно, что онъ считалъ это удачнымъ рѣшеніемъ вопроса. У Тааффе была политическая идея, а Бадени прибѣгъ къ уловкѣ; ни на что другое онъ и не былъ способенъ.

Еще до новыхъ выборовъ объединенная нѣмецкая лѣвая, бывшая до сихъ поръ наиболѣе многочисленной партіей въ парламентѣ, перестала существовать; депутаты отъ городовъ и сельскаго населенія, побуждаемые своими избирателями оказывать энергичную оппозицію „польскому" правительству, отдѣлились отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ, которые по самой своей природѣ были готовы прислуживать всякому кабинету. Изъ этой послѣдней группы въ рейхсратъ попало 28, изъ первыхъ, прозванныхъ „нѣмецкими прогрессистами",—49, въ общемъ, стало быть, 77 противъ 110, сидѣвшихъ въ старой палатѣ, и несмотря на учрежденіе 72 новыхъ мѣстъ. Нѣмецкіе націоналисты, получившіе отнынѣ названіе народной партіи, христіанскіе соціалисты (антисемиты-клерикалы) и нѣмецкіе клерикалы подѣлили между собою мѣста, потерянныя нѣмецкой лѣвою, и завоевали болѣе трети новыхъ мандатовъ. Младо-чеховъ въ старой палатѣ было 47, въ новой 60. Соціалистическая фракція впервые вступила въ парламентъ въ числѣ 14 депутатовъ, нѣмцевъ, чеховъ и поляковъ, образовавшихъ первый международный клубъ въ австрійской палатѣ. Несмотря на то, что палата распадалась на 24 группы, въ ней было прочное большинство славяно-клерикальное. Но это большинство не располагало двумя третями голосовъ, необходимыми при рѣшеніи конституціонныхъ вопросовъ; затѣмъ его поддержку надо было покупать; наконецъ оно не довѣряло графу Бадени, какъ и онъ не довѣрялъ этому большинству и подозрительно относился къ его требованіямъ. Особенно мѣшало ему окончательно связаться съ той или другой партіей опасеніе вызвать ожесточенную оппозицію противъ компромисса, которая повлекла бы за собою его паденіе. Путемъ мнимой отставки онъ добился вмѣшательства императора, который снова публично выразилъ ему довѣріе. Тогда нѣмецкіе крупные землевладѣльцы, неизмѣнно послушные указанію свыше, обѣщали „въ интересахъ государства" свои голоса министерству. Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ тридцать нѣмецкихъ голосовъ и обезоруживъ чеховъ указами отъ 6 апрѣля 1897 г., графъ Бадени считалъ себя спасеннымъ. Но эти указы, долженствовавшіе предотвратить обструкцію чеховъ, вызвали обструкцію нѣмцевъ, продолжающуюся донынѣ.

Этими указами предполагалось установить равноправіе чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ Чехіи и Моравіи; съ этой цѣлью они требовали отъ чиновниковъ, служащихъ въ этихъ провинціяхъ, знанія обоихъ языковъ. Чехи составляютъ большинство народонаселенія въ этихъ двухъ провинціяхъ: вполнѣ справедливо, чтобы нѣмецкій языкъ пересталъ быть приви-

легированнымъ здѣсь. Но нѣмцы возражаютъ съ формальной стороны, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только законодательнымъ путемъ, а не посредствомъ указовъ: крупная нація не можетъ подчиняться причудамъ или хитростямъ дурно-освѣдомленнаго или пристрастнаго правительства; по существу же они возражаютъ, что на карту поставлено самое существованіе ихъ національности, такъ какъ изученіе нѣмецкаго языка является для чеховъ легкимъ и плодотворнымъ дѣломъ, тогда какъ для нѣмцевъ и затруднительно, и безполезно изучать чешскій языкъ, который полонъ трудностей, лишенъ литературы и на которомъ говоритъ лишь нѣсколько милліоновъ человѣкъ; поэтому чехи еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ до сихъ поръ, наполнятъ ряды чиновниковъ, и администрація еще больше прежняго сдѣлается орудіемъ національной пропаганды. За исключеніемъ нѣсколькихъ невмѣняемыхъ тевтомановъ, теперь уже никто не требуетъ для нѣмецкаго элемента монополіи, которая была бы теперь и неосуществима: требуютъ только, чтобы вмѣсто теорій и отвлеченныхъ фразъ государство руководилось реальными, практическими потребностями. Чехія состоитъ изъ трехъ территорій: чисто-нѣмецкой, чисто-чешской и смѣшанной: съ этими географическими условіями и должно быть сообразовано законодательство о языкахъ. Но для чеховъ Чехія—единое и недѣлимое королевство; въ каждой деревнѣ этого „королевства" каждый чехъ долженъ быть выслушиваемъ и судимъ на своемъ родномъ языкѣ. Графъ Бадени счелъ возможнымъ разрубить гордіевъ узелъ. Въ виду того, что указы 1880 и 1886 г. вызвали лишь словесное, академическое противодѣйствіе, онъ думалъ, что указы 1897 г. пройдутъ такъ же, т.-е. что послѣ того какъ ударъ будетъ нанесенъ, чехи, получивъ ставку игры, легко добьются цѣною нѣсколькихъ частичныхъ уступокъ этого компромисса, который не удалось провести нѣмецкимъ либераламъ и аристократіи. Онъ забылъ, что система Тааффе сдѣлала массы болѣе радикальными и что рейхсратъ 1897 г., гдѣ засѣдали депутаты, избранные всеобщей подачей голосовъ, непохожъ на старый. Въ 1880 и въ 1886 гг. депутаты приняли указы безъ серьезнаго сопротивленія; въ 1897 г. избиратели потребовали отъ нихъ обструкціи.

Со времени изданія этихъ указовъ австрійская конституція не функціонируетъ. Каждое новое министерство созываетъ парламентъ въ надеждѣ добиться отъ него вотированія компромисса, такъ какъ дворъ упрямо настаиваетъ на этомъ,—и каждый разъ распускаетъ его, испугавшись буйства и скандаловъ, которыми ознаменована каждая сессія. Пораженный результатомъ своей политики, графъ Бадени вздумалъ еще сыграть роль посредника между чехами и нѣмцами, но его не захотѣли слушать тогда, зная, что его ждетъ немилость, если онъ не проведетъ компромисса. Тогда онъ попытался съ помощью славяно-клерикальнаго бюро палаты произвести парламентскій переворотъ. Въ регламентъ палаты были неожиданно внесены пункты о закрытіи преній, о временномъ исключеніи депутатовъ и о предоставленіи президенту права призывать полицію; въ результатѣ президентъ Абрагамовичъ, полякъ, объявилъ компромиссъ принятымъ, притомъ, какъ онъ выразился, единогласно; и точно, всѣ депутаты были на ногахъ, ожесточенно споря и перебраниваясь. Тутъ соціалисты бросились на трибуну и прогнали бюро; начался правильный бой между разными группами депутатовъ, и президентъ призвалъ полицію. Когда полицейскіе агенты набросились на депутатовъ, улица вмѣшалась и Вѣна была на волосокъ отъ революціи. Императоръ поспѣшно прибылъ изъ лѣтней резиденціи и немедленно принялъ отставку графа Бадени (декабрь 1897).

Возобновленіе компромисса. — Одному изъ высшихъ бюрократовъ, барону Гаучу, было поручено внести сколько-нибудь порядка въ этотъ хаосъ и прикрыть отступленіе правительства. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ вождями партій сессія рейхсрата была отсрочена, и на основаніи статьи 14-й обнародованы бюджетъ и временный компромиссъ. Ст. 14-ая, замѣнившая ст. 13-ую февральскаго Патента [1]), уполномочиваетъ правительство во время отсутствія палатъ издавать указы по вопросамъ неотложной важности съ обязательствомъ позднѣе представить ихъ на утвержденіе парламента. *Устроить* такъ, чтобы парламентъ отсутствовалъ, и тѣмъ пріобрѣсти возможность законодательствовать путемъ указовъ,— разумѣется, и незаконно, и недобросовѣстно, а австрійскія министерства послѣдніе годы только это и дѣлаютъ. Нѣмецкая національная агитація усилилась; во главѣ ея стали студенты нѣмецкихъ университетовъ; воспоминанія о 1848 г. тревожили дворъ—ему мерещилось студенческое возстаніе; кончилось тѣмъ, что баронъ Гаучъ закрылъ эти университеты. Гаучъ занималъ свой постъ лишь временно, будучи призванъ для проведенія наиболѣе неотложныхъ и щекотливыхъ мѣръ. Ему пришлось еще взять на себя отвѣтственность за февральскіе указы 1898 г., которые отмѣняли указы, изданные въ апрѣлѣ 1897 г., дѣлили Чехію на три лингвистическія территоріи и должны были оставаться въ силѣ лишь до окончательнаго разрѣшенія этого вопроса законодательнымъ путемъ. Нѣмцы отказались принять какую бы то ни было мѣру въ формѣ ордонанса, хотя бы и временнаго, а чехи протестовали противъ посягательства на единство чешскаго королевства. Но дворъ былъ того мнѣнія, что главная трудность теперь устранена и что больше нѣтъ никакихъ препятствій назначить первымъ министромъ давно намѣченнаго на этотъ постъ графа Франциска Тунъ-Гогенштейна (5 марта 1898).

Принадлежа къ одной изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ чешскихъ аристократическихъ фамилій, графъ Тунъ, въ качествѣ намѣстника Богеміи, поссорился и съ нѣмцами и съ чехами; и вотъ онъ былъ назначенъ премьеръ-министромъ, чтобы ихъ помирить. Онъ пополнилъ свое бюрократическое министерство двумя представителями враждующихъ народностей: нѣмецкимъ крупнымъ землевладѣльцемъ Бернрейтеромъ и младо-чехомъ Кайцлемъ; это дало поводъ подозрѣвать, что у него есть какая-то мысль о рѣшеніи чешскаго вопроса. Но обѣ партіи остались на своихъ позиціяхъ, министерство ограничивалось неясными и безцвѣтными заявленіями, обструкція возобновилась, и безплодная весенняя сессія 1898 г. (мартъ-апрѣль) была закрыта, для того чтобы могла начать свою полезную работу ст. 14-ая.

Въ Венгріи баронъ Банфи, осенью 1897 г., чтобы добиться продленія компромисса на годъ, долженъ былъ обѣщать, что, если не будетъ заключено соглашеніе съ Австріей до 1 мая, онъ предложитъ парламенту не договорное, а независимое экономическое законодательство. Это, разумѣется, еще не было разводомъ обоихъ государствъ, но это могло быть прелюдіей къ нему. Въ виду этого по настоянію двора проектъ компромисса былъ внесенъ 20 апрѣля и въ пештскій, и въ вѣнскій парламентъ. Это была чистая формальность, такъ какъ въ австрійской палатѣ царила обструкція; поэтому правительство тотчасъ пустилось искать другого выхода. Подъ предсѣдательствомъ императора и при посредничествѣ министра иностранныхъ дѣлъ оба премьеръ-министра столковались на совѣщаніяхъ въ Ишлѣ (августъ 1898): было рѣшено сдѣлать послѣднюю попытку въ австрійскомъ парламентѣ, а если она не удастся,

[1]) См. т. VI, гл. II, стр. 21.

то компромиссъ будетъ окончательно установленъ указомъ. Венгерскій законъ о компромиссѣ формально исключалъ этотъ способъ, какъ и всякое наступательное дѣйствіе абсолютизма въ Австріи. Но баронъ Банфи считалъ эту оговорку устарѣлой. Путемъ легкаго нарушенія конституціи онъ снова обезпечивалъ себѣ благодарность и расположеніе короля, удовлетворялъ самолюбіе страны, доставляя ей такъ давно требуемое автономное экономическое законодательство, и гарантировалъ ей крупныя матеріальныя выгоды, потому что новые венгерскіе законы должны были закрѣпить уступки, вынужденныя у министерства Бадени: полный дуализмъ банка, увеличеніе косвенныхъ налоговъ и новую, благопріятную для Венгріи, отчетность по общимъ доходамъ. Дворъ также выигрывалъ при этомъ новомъ режимѣ: въ венгерскихъ законахъ не должно было быть рѣчи о проклятомъ десятилѣтнемъ срокѣ; они должны были оставаться въ силѣ до измѣненія конституціонныхъ формъ, и, слѣдовательно, корона имѣла возможность, отказываясь санкціонировать какую бы то ни было поправку, увѣковѣчить компромиссъ въ его новой формѣ.

Никакой австрійскій парламентъ не могъ вотировать этотъ компромиссъ; на это и разсчитывалъ графъ Тунъ, и указы уже были готовы: оставалось лишь выждать, когда обструкція дастъ поводъ къ закрытію рейхсрата, чтобы можно было свалить на нее отвѣтственность за новыя жертвы, которыя придется нести странѣ. Но ишльскій секретъ былъ раскрытъ, и когда открылась сессія парламента (сентябрь 1898), оппозиція отказалась отъ „технической“ обструкціи, искусно замѣнивъ ее „тактической“. Рѣчи и поправки оказывали теперь ту же услугу, какъ раньше шумъ и драки. Эти обстоятельныя пренія затянули дѣло до декабря, и министерство, уткнувшись въ этотъ предѣльный срокъ, должно было закрыть сессію, чтобы примѣнить ст. 14-ую, но у него уже не было никакого формальнаго оправданія и оно должно было само нести всю отвѣтственность за этотъ государственный переворотъ. Въ Венгріи оппозиція поступила точно такъ же и поставила правительство въ то же затрудненіе. Не имѣя въ своемъ распоряженіи ничего аналогичнаго ст. 14-ой, баронъ Банфи рѣшилъ просто фактически продолжать существующій порядокъ вещей; покровитель кабинета, Коломанъ Тисса, предложилъ заранѣе отпустить ему этотъ грѣхъ спеціальнымъ закономъ и, боясь бѣшенаго взрыва обструкціи, возбудилъ ходатайство, чтобы этотъ законъ не былъ представленъ на утвержденіе палаты, а просто подписанъ въ засѣданіи либеральнаго клуба депутатами большинства. На это двойное нарушеніе конституціи благороднѣйшіе члены партіи во главѣ съ президентомъ палаты Силаги и сыновьями графа Андраши, въ общемъ около тридцати депутатовъ, отвѣчали формальнымъ отложеніемъ. Ихъ поступокъ былъ обусловленъ желаніемъ сохранить оборонительное оружіе на случай вѣроятнаго посягательства на конституцію, и отвращеніемъ къ насильственной и раболѣпной политикѣ барона Банфи и къ закулисной диктатурѣ Тиссы. Это было смертельнымъ ударомъ для системы Банфи; корона принуждена была капитулировать предъ конституціей. Король поручилъ бывшему министру финансовъ Коломану Селлю, политическому преемнику Деака, вступить въ соглашеніе съ большинствомъ и оппозиціей; послѣдняя обѣщала не препятствовать принятію компромисса, министерство вышло въ отставку, и во главѣ кабинета сталъ Селль. Вмѣсто ишльскаго соглашенія явилась новая формула—формула Селля, выработанная по уговору венгерскаго министерства съ оппозиціей. Эта формула слѣдующимъ образомъ рѣшила вопросъ о компромиссѣ: экономическіе вопросы будутъ вотированы въ Венгріи и останутся въ

силѣ до 1907 года, и только до этого срока могутъ быть продлены и торговые договоры, дѣйствіе которыхъ кончалось въ 1903 году; къ тому же времени долженъ быть выработанъ новый таможенный тарифъ. Этотъ троякій срокъ даетъ Венгріи тройное средство добиться исполненія своихъ требованій въ 1907 году; она не теряетъ ни одной изъ этихъ выгодъ, если въ теченіе означенныхъ десяти лѣтъ съ Австріей будетъ заключенъ формальный компромиссъ. Либеральное большинство, слившись теперь съ національной партіей графа Аппоньи, вотировало это соглашеніе безъ помѣхъ. Въ Австріи послѣднее было постепенно введено въ дѣйствіе путемъ указовъ. Министерство Туна пало въ октябрѣ 1899 г., не сумѣвъ добиться отъ парламента избранія делегаціи. Министерство Клари, смѣнившее его, исполнило эту щекотливую задачу, но, благодаря открытой враждѣ парламентскаго большинства, его положеніе съ самаго начала было очень шатко, и младо-чехи скоро возобновили обструкцію, отъ которой отказались нѣмцы.

Австро-Венгрія въ концѣ XIX ст.—Политическая, религіозная и соціальная борьба нигдѣ не носитъ такого бурнаго характера, какъ въ Австро-Венгріи, гдѣ она осложняется и обостряется національнымъ антагонизмомъ. Хозяйничаетъ теперь въ Австріи церковь. Она поддерживаетъ и направляетъ антисемитическое движеніе, и не только въ Вѣнѣ, гдѣ оно въ лицѣ Луэгера захватило думу, но и въ Чехіи, гдѣ оно еще только организуется, и въ Польшѣ, гдѣ оно въ 1898 г. привело къ кровавымъ погромамъ. Нѣмецкіе клерикалы вступаютъ въ союзъ со славянами; въ отвѣтъ на это пангерманская группа Шенерера открыла походъ за отложеніе отъ Рима и обращеніе въ протестантство. Мелкая буржуазія, организованная и руководимая духовенствомъ и аристократіей, ожесточенно борется подъ антисемитическимъ знаменемъ противъ соціалъ-демократическаго пролетаріата, стремясь сохранить свой соціальный рангъ и не быть низведеннымъ до „пролетаризаціи". Въ 1897 г. соціалисты, главнымъ образомъ благодаря давленію всѣхъ оффиціальныхъ органовъ, были побѣждены антисемитами во всѣхъ пяти вѣнскихъ округахъ по пятой куріи; но ихъ усилія вернуть себѣ первенство обѣщаютъ жаркія битвы въ будущемъ. Средніе классы, угрожаемые со всѣхъ сторонъ, колеблются между своими либеральными традиціями и боязнью демократическихъ новшествъ. Только передовая демократія и соціализмъ борются энергично и успѣшно съ дворянствомъ и духовенствомъ, которыя соединенными силами стараются вернуть себѣ „наслѣдственное руководительство" народами. Старыя партіи потеряли почву подъ ногами и исчезли: нѣмецкой лѣвой болѣе не существуетъ; судьба, уготованная нѣкогда младо-чехами старо-чехамъ, ждетъ теперь ихъ самихъ, послѣ того какъ они стали союзниками феодаловъ, плѣнниками клерикализма. Вѣрность династіи, бывшая нѣкогда самымъ стойкимъ оплотомъ Австріи, слабѣетъ и колеблется; патетическіе призывы къ лойяльности подданныхъ вызываютъ лишь слабый отзвукъ въ ихъ сердцахъ. Да и тамъ, гдѣ еще уцѣлѣла старая лойяльность,—какъ забыть, что ея объектомъ является семидесятилѣтній государь?

Венгрія съ виду сильнѣе, единодушнѣе и рѣшительнѣе. Но хотя грозящія ей опасности и меньше бросаются въ глаза, онѣ не менѣе серьезны. Альфельдскія стачки въ сентябрѣ 1897 г. ярко обнаружили бѣдственное положеніе земледѣльческаго пролетаріата. Промышленность по мѣрѣ своего развитія создаетъ городской пролетаріатъ, соціалъ-демократическій по самой своей природѣ. Политически въ Венгріи все еще доминируетъ мелко-помѣстное дворянство; только глу-

бокія реформы могли бы мирнымъ путемъ приспособить ея политическій строй къ новымъ соціальнымъ условіямъ. Церковь, непримиримо враждебная правительству со времени изданія церковно-политическихъ законовъ, жадно стережетъ всякое политическое осложненіе, чтобы использовать его противъ государства. Народно-католическая партія протягиваетъ руку словакамъ, среди которыхъ начинается броженіе, и вѣчно-обиженнымъ, вѣчно завистливымъ кроатамъ. Ненадежны и сербы, и броженіе среди румынъ улеглось лишь на поверхности. Избирательная реформа является первѣйшей потребностью и предметомъ самыхъ настойчивыхъ желаній большинства страны, а всякая реформа приведетъ въ рейхсратъ національныхъ и революціонныхъ депутатовъ и положитъ конецъ невозбранному хозяйничанью мадьярской аристократіи.

Дуализмъ существуетъ еще только по имени. Конечно, вмѣсто него возможны другія комбинаціи; распаденія имперіи можно избѣгнуть, да если бы оно и случилось,—оно явится, какъ полагаютъ оптимисты, лишь этапомъ къ новому единству, болѣе достойному, болѣе прочному и болѣе долговѣчному. Однако этотъ опытъ былъ бы рискованнымъ, и гарантій, что онъ не будетъ вызванъ жизнью, нѣтъ. Австрія и Венгрія врозь немыслимы: только унія обезпечиваетъ имъ мощь, силу, даже существованіе. Врозь ни та, ни другая не могла бы долго сопротивляться честолюбивымъ и алчнымъ сосѣдямъ. Это ясно для всякаго мыслящаго человѣка въ Австро-Венгріи и внѣ ея; между тѣмъ для всякаго наблюдателя очевидно, что этотъ расколъ грозитъ имъ съ минуты на минуту. Идея—вотъ чего недостаетъ австро-венгерской монархіи. Имперія Габсбурговъ слишкомъ долго игнорировала и презирала моральныя силы и довѣрялась только матеріальнымъ, слишкомъ долго опиралась на жандарма церковнаго и жандарма свѣтскаго. Теперь идеи мстятъ за себя. Ближайшее будущее монархіи, какъ и Австріи и Венгріи, смутно и необезпечено: если австрійскіе и венгерскіе государственные люди окажутся неспособными разрѣшить австрійскій вопросъ, — его скоро придется рѣшать дипломатамъ и политикамъ всей Европы.

Глава V.

Швейцарія

съ 1848 г. по наше время.

I.—Возвращеніе къ предшествующей исторіи. Швейцарія и иностранная политика (1848—1870).

Осуществленіе конституціи 1848 года. Невшательское дѣло.—Конституція 1848 г. на мѣсто союза двадцати двухъ совершенно самодержавныхъ кантоновъ поставила союзное государство, состоявшее изъ двадцати двухъ кантоновъ, пользующихся лишь простой автономіей. Съ 1291 по 1814 годъ кантоны эти входили въ составъ Союза въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала основные кантоны Швицъ, Ури, Унтервальденъ, затѣмъ Люцернъ, Цюрихъ, Гларисъ, Цугъ, Бернъ, Фрейбургъ, Солотурнъ, Базель, Шафгаузенъ, Аппенцелль, наконецъ Санъ-Галленъ, Граубюнденъ, Ааргау, Тургау, Тессинъ, Ваадтъ, Валлисъ, Невшатель и Женева. Каждый изъ этихъ кантоновъ составлялъ и составляетъ еще понынѣ отдѣльное государство, за исключеніемъ трехъ, которые разбились на два государства или полукантона: Унтервальденъ (Обвальдъ и Нидвальдъ), Аппенцелль (Роды Внутреннія и Роды Внѣшнія), Базель (Базель—городъ и Базель—область). Каждый изъ этихъ полукантоновъ управляется вполнѣ независимо. Такимъ образомъ Союзъ насчитываетъ двадцать два кантона или двадцать пять „государствъ", но съ федеральной точки зрѣнія признаются лишь кантоны.

Съ 1848 года центральная власть въ Швейцаріи представлена Союзнымъ Совѣтомъ изъ семи членовъ, который является одновременно учрежденіемъ исполнительнымъ и кабинетомъ министровъ, между которыми распредѣлены различныя отрасли дѣлъ. Въ распоряженіи Совѣта имѣется канцелярія, въ которой сосредоточена вся дѣловая переписка. Власть законодательная принадлежитъ Союзному Собранію, которому ввѣрено избраніе Союзнаго Совѣта. Собраніе представляетъ собою парламентъ, раздѣленный на двѣ палаты, различныя по своему происхожденію: Кантональный Совѣтъ составляется изъ депутатовъ двадцати двухъ кантоновъ, по два отъ каждаго; такимъ образомъ онъ представляетъ собой старое федеративное начало, подобно древнему Сейму, съ той разницей, что депутаты отъ кантоновъ перестали быть посланниками суверенныхъ государствъ, дѣйствующими въ силу спеціальныхъ инструкцій, и превратились въ членовъ совѣщательнаго собранія, или сената, независимыхъ отъ какого бы то ни было мандата своихъ избирателей. Другая палата—На-

ціональный Совѣтъ—нѣчто въ родѣ законодательнаго корпуса или палаты депутатовъ, избираемыхъ всѣми швейцарскими избирателями, распредѣленными съ этой цѣлью на округа, по 20.000 жителей въ каждомъ. Наконецъ, высшая судебная власть ввѣрена новой коллегіи,—Союзному Суду, полномочія котораго вначалѣ были ограничены. Члены всѣхъ этихъ различныхъ корпорацій назначаются на трехлѣтній срокъ.

Права центральной власти, устроенной на такихъ основаніяхъ, были довольно широки уже въ 1848 году. Союзу (этимъ именемъ обозначается центральная власть) ввѣрена вся иностранная политика, право войны и мира, армія и особенно задача подготовки спеціальныхъ родовъ оружія, помимо пѣхоты. Ему же поручено озаботиться объединеніемъ системы мѣръ и вѣсовъ и монетной, которая до сихъ поръ была различна въ разныхъ кантонахъ. Наконецъ, отъ него же зависитъ и почтовое вѣдомство. Вмѣстѣ съ установленіемъ центральнаго правительства народъ получаетъ полноту своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ безъ различія по кантонамъ и общественнымъ классамъ. Всѣмъ швейцарскимъ гражданамъ обезпечено было гражданское и политическое равенство вмѣстѣ съ свободой печати, собраній, товариществъ и правомъ петицій. Тѣмъ не менѣе свобода поселенія, свобода вѣроисповѣданія, торговли и промышленности испытывала нѣкоторыя стѣсненія даже послѣ 1848 г., въ томъ смыслѣ, что евреи не сразу добились первой изъ этихъ свободъ, іезуиты были окончательно исключены изъ Швейцаріи, и остались еще въ силѣ нѣкоторыя заставныя пошлины, или октруа въ предѣлахъ самого Союза. Какъ бы то ни было, организовалась свободная нація съ центральнымъ правительствомъ, на обязанности котораго было защищать націю извнѣ, поддерживать ея права внутри и охранять въ кантонахъ притѣсняемое меньшинство. Союзъ долженъ воспрещать всякое частное соглашеніе кантоновъ между собой или кантоновъ съ иностранцами, скрѣплять своей гарантіей или отказывать въ таковой кантональнымъ конституціямъ, которыя могутъ быть пересмотрѣны подъ условіемъ согласованія съ системой непосредственной или представительной демократіи.

Отдѣльнымъ кантонамъ Союзъ предоставилъ лишь тѣ полномочія, которыхъ не присвоилъ себѣ онъ самъ. Въ этихъ предѣлахъ кантоны сохраняютъ еще нѣкоторое подобіе суверенной исполнительной власти, отправляемой ихъ собственными кантональными совѣтами, и, кромѣ того, болѣе значительную долю внутренней законодательной власти съ финансовымъ контролемъ, ввѣренную кантональнымъ Великимъ Совѣтамъ. Въ общемъ кантоны сами завѣдуютъ своимъ управленіемъ, а ихъ судебная власть осталась почти неприкосновенной. Если они обязаны отдавать Союзу таможенные доходы и поставлять ему извѣстное количество войскъ и денегъ, зато конституція 1848 года даетъ имъ извѣстную компенсацію.

Отсюда видно, что конституція 1848 г. съ одной стороны устанавливаетъ въ Швейцаріи режимъ, среднiй между лигой, соглашеніемъ или постояннымъ союзомъ суверенныхъ государствъ, договаривающихся между собой при посредствѣ посланниковъ (прежнихъ депутатовъ Сейма), а съ другой—демократическую республику, единую и нераздѣльную, управленіе которой находится въ зависимости отъ выбора и контроля представительныхъ собраній, составленныхъ изъ депутатовъ націи. Въ теченіе второй половины XIX вѣка общественное сознаніе все болѣе и болѣе давало перевѣсъ второму началу за счетъ перваго.

Конституція была принята 12 сентября и обнародована 12 декабря 1848 года; старый Сеймъ разошелся 22 сентября; новыя палаты собрались 6 ноября въ

Бернѣ, объявленномъ столицей Союза, и объединившись въ національное собраніе, избрали 16 ноября Союзный Совѣтъ. Это правительство, состоявшее вначалѣ изъ гг. Фюррера, Оксенбейна, Дрюэ, Мюнцингера, Франсчини, Фрей-Херозее и Нефа, стояло во главѣ Швейцаріи въ сравнительно счастливую эпоху ея исторіи, съ 1848 по 1856 годъ. Конституція отвѣчала демократическимъ стремленіямъ націи, обнаружившимся во время предшествующихъ революцій. Теперь приходилось примѣнять ее. За этотъ періодъ Союзное Собраніе приняло органическіе законы, которые должны были ввести ее въ дѣйствіе. Съ этихъ поръ въ Швейцаріи не стало жителей безъ опредѣленнаго мѣстопребыванія (Heimatlose), лишенныхъ всякихъ общественныхъ правъ, а съ 1850 г. всякій швейцарскій гражданинъ долженъ принадлежать прежде всего къ какой-нибудь общинѣ; этотъ принципъ имѣлъ цѣлью ослабить значеніе кантона. Смѣшанные браки объявлены были дѣйствительными, несмотря на сопротивленіе епископовъ. Свобода торговли признана была въ концѣ-концовъ и за евреями. Хотя народное образованіе входило въ компетенцію, главнымъ образомъ, кантоновъ, однако въ Цюрихѣ была основана и открыта въ 1855 году предусмотрѣнная конституціей союзная политехническая школа. Для новой союзной монеты принята была десятичная система. Почтовое и телеграфное дѣло было поставлено на серьезную ногу центральнымъ правительствомъ, которое дѣлало безостановочные успѣхи въ этой области. Что касается желѣзной дороги, то она появилась впервые въ Базелѣ въ 1844 году. Одно время думали было поручить Союзу постройку и эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ, но вслѣдствіе трудности этого плана пришлось предоставить это дѣло частной иниціативѣ.

Центральная администрація, отличавшаяся большою простотою своего устройства, первоначально удовлетворяла всѣхъ. Свобода торговли способствовала обогащенію Швейцаріи. Кантоны, повидимому, не жалѣли объ утраченномъ суверенитетѣ. Лишь въ очень немногихъ изъ нихъ сдѣланы были попытки къ реакціи. Такъ, въ Бернѣ въ 1850 году вслѣдствіе дурного веденія финансоваго хозяйства радикальными Совѣтами мѣстная власть перешла на нѣкоторое время въ руки консерваторовъ; подобное же обстоятельство произошло пятнадцать лѣтъ спустя въ Женевѣ, гдѣ Джемсъ Фази оставался въ положеніи какого-то диктатора со временъ кантональной революціи 1846 года. Арестъ епископа Мариллэ Государственнымъ Совѣтомъ во Фрейбургѣ привелъ къ возстанію и затѣмъ къ окончательной побѣдѣ консерваторовъ надъ радикалами въ этомъ кантонѣ. Въ Тессинѣ, гдѣ страсти вообще разгораются сильнѣе, волненія приняли хроническій характеръ. Болѣе серьезныя затрудненія возникли въ Невшателѣ.

Старинное Невшательское княжество, находившееся въ наслѣдственномъ владѣніи у прусскаго короля, по постановленію Вѣнскаго конгресса было окончательно присоединено къ Швейцаріи, съ которою его связывали лишь узы совершенно особаго характера. Невшатель образовалъ собою двадцать первый кантонъ Союза. Его двойственное положеніе уже раньше вызывало волненія. 1-го марта 1848 года Невшатель по примѣру Парижа провозгласилъ у себя республику. Лишенный своего владѣнія прусскій король могъ обратиться къ Европѣ лишь съ платоническимъ протестомъ, но его сторонники оказались ревностнѣе его самого.

Въ ночь со 2-го на 3-е сентября 1856 г. одинъ роялистскій вождь, графъ Фридрихъ Пурталэ, заручившись помощью многочисленныхъ друзей, захватилъ замокъ Невшатель и значительное селеніе Локль. Но роялисты не сумѣли удержать захваченнаго, и 4 сентября республикан-

цы отняли у нихъ замокъ еще прежде, чѣмъ успѣли прибыть союзныя швейцарскія войска. Чувство чести не позволило прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV ни отказаться отъ своихъ правъ, ни, тѣмъ болѣе, покинуть тѣхъ изъ бывшихъ своихъ подданныхъ, которые вмѣшались въ это дѣло ради него. Онъ прибѣгнулъ къ посредничеству Наполеона III-го, тогдашняго вершителя судебъ Европы, чтобы добиться, по крайней мѣрѣ, освобожденія четырнадцати роялистовъ, схваченныхъ при этомъ дерзкомъ предпріятіи. Но Союзъ возражалъ противъ такого требованія и отправилъ въ Парижъ генерала Дюфура, изъ Женевы, котораго хорошо зналъ императоръ, самъ когда-то служившій въ Швейцаріи капитаномъ артиллеріи. Дѣло шло уже не о посредничествѣ, а о войнѣ. Обѣ стороны вооружались. Пруссія могла поставить на ноги 300.000 человѣкъ, Швейцарія всего 200.000, зато воодушевленныхъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ. Въ концѣ декабря 1856 г. Союзное Собраніе съ довѣріемъ передало верховное командованіе побѣдителю Зондербунда, генералу Дюфуру, и 30.000 человѣкъ выставлено было на границѣ Германіи вдоль Рейна, отъ Базеля до Романсхорна.

Вмѣшательство бывшаго тургауского гражданина Наполеона III-го и примирительное настроеніе бывшаго невшательскаго государя Фридриха-Вильгельма IV помѣшало конфликту. Успокоенное устными обѣщаніями французскаго императора, который бралъ на себя ручательство за полную независимость кантона Невшатель, Союзное Собраніе отказалось затѣвать дѣло противъ заговорщиковъ-роялистовъ; оно отдало приказъ освободить заключенныхъ и даже распустить войска (16 января 1857 года). Въ мартѣ въ Парижѣ состоялось совѣщаніе четырехъ нейтральныхъ державъ, и прусскій король отказался здѣсь отъ своихъ верховныхъ правъ на Невшатель. 9 іюня 1857 г. заключительный протоколъ былъ окончательно утвержденъ, и дѣло закончилось съ честью для всѣхъ, кто въ немъ былъ замѣшанъ.

Швейцарскій нейтралитетъ съ 1848 года. Савойскій вопросъ. — Невшательскій вопросъ чуть было не вызвалъ столкновенія Швейцаріи съ иностранными державами. Но въ общемъ Швейцарія послѣ 1848 года съ каждымъ днемъ все болѣе проникалась сознаніемъ своихъ обязанностей нейтральнаго государства. Главнымъ препятствіемъ въ этомъ являлось для нея злоупотребленіе мнимымъ правомъ убѣжища, которое она примѣняетъ по отношенію къ политическимъ бѣглецамъ. Это право убѣжища, въ которомъ можно видѣть не столько право, сколько обязанность оказывать покровительство, кончается тамъ, гдѣ оно изъ проявленія гуманности по отношенію къ изгнанникамъ превращается въ средство, которымъ пользуются агитаторы для того, чтобы приняться за новыя попытки вызвать волненія. Не слѣдуетъ позволять своекорыстнымъ смутьянамъ, прибывшимъ изъ-за границы, подвергать риску независимость страны, оказывающей имъ гостепріимство, призывая на ея голову месть сосѣдей. Въ этомъ смыслѣ нельзя возлагать на Швейцарію бо̀льшихъ обязанностей и требовать отъ нея бо̀льшихъ жертвъ, чѣмъ отъ другихъ народовъ.

Центральное правительство, созданное послѣ ряда революцій средины столѣтія, въ своемъ стремленіи соблюсти обязанности нейтралитета не всегда пользовалось поддержкой всѣхъ кантоновъ; отдѣльныя мѣстныя правительства благопріятствовали агитаторамъ. Несмотря на все это, Союзному Совѣту удалось добиться соблюденія въ странѣ принциповъ международнаго права. Совѣтъ сумѣлъ предотвратить нарушеніе швейцарской территоріи во время такихъ страшныхъ кризисовъ, какими были Ломбардская революція 1848 года и возстаніе въ Баденѣ

и Пфальцѣ въ 1849 г. Онъ отклонилъ заманчивыя предложенія о союзѣ со стороны короля Карла-Альберта, добился разоруженія и интернированія убѣжавшихъ въ Швейцарію гарибальдійцевъ и мадзинистовъ, поставилъ на ноги милицію для защиты границъ отъ прохода революціонныхъ шаекъ или императорскихъ войскъ. Изъ огромнаго притока политическихъ бѣглецовъ допущены были лишь тѣ, которые давали Совѣту обѣщаніе соблюдать національныя учрежденія, остальные были отвергнуты. Наполеонъ III, самъ попавшій на престолъ революціоннымъ путемъ, тѣмъ не менѣе протестовалъ противъ того права убѣжища, которымъ онъ самъ воспользовался когда-то. Послѣ 1852 года Мадзини, болѣе популярный во французской Швейцаріи, причинилъ много хлопотъ народу, у котораго онъ укрылся отъ преслѣдованій.

За сравнительно спокойнымъ періодомъ съ 1848 по 1856 годъ послѣдовали тревожныя времена съ 1856 по 1864 годъ. Именно, Швейцарія оказалась непосредственно заинтересованной въ итальянской войнѣ и въ присоединеніи Савойи Франціей. Наканунѣ открытія враждебныхъ дѣйствій между Франціей и Сардиніей, съ одной стороны, и Австріей—съ другой, Союзный Совѣтъ потребовалъ отъ воюющихъ сторонъ соблюденія нейтралитета. Обѣ стороны дали соотвѣтственное обѣщаніе. Считая, что сѣверная Савойя участвуетъ въ швейцарскомъ нейтралитетѣ, Совѣтъ помимо этого заявилъ, что оккупація этой страны есть право Швейцаріи, но не ея обязанность. Въ швейцарскихъ владѣніяхъ, пограничныхъ съ итальянскими озерами, всякое нарушеніе территоріи было подавляемо, и являвшіеся туда гарибальдійцы точно такъ же, какъ и бѣглые австрійцы, подвергались немедленному разоруженію, затѣмъ ихъ интернировали въ Швейцаріи или отпускали, взявъ съ нихъ слово не служить болѣе въ продолженіе этой войны. Наконецъ предварительные переговоры въ Виллафранкѣ въ іюлѣ 1859 года и миръ, подписанный въ Цюрихѣ, положили конецъ этимъ враждебнымъ дѣйствіямъ, столь опаснымъ для цѣлости Швейцаріи.

Вскорѣ однако поднялся другой очень серьезный вопросъ. Сѣверная Савойя, а именно старинныя области Шаблэ, Фосиньи и Женева, вплоть до южной части Савойскихъ озеръ, была окончательно нейтрализована Вѣнскимъ конгрессомъ въ угоду не то Швейцаріи, не то сардинскому королю. Вслѣдъ за политическимъ преобразованіемъ Италіи и присоединеніемъ Савойи къ Франціи Союзъ полагалъ, что эта область должна быть возвращена ему, для того чтобы международное положеніе Швейцаріи и ея нейтралитетъ остались такими же, какими они были установлены въ силу договоровъ 1814 и 1815 года. Въ мартѣ 1860 года Союзный Совѣтъ обратился по этому поводу ко всѣмъ державамъ, подписавшимъ постановленіе Вѣнскаго конгресса, съ одинаковою нотой, а для поддержанія ея разослалъ всюду чрезвычайныя миссіи; среди другихъ отправленъ былъ въ Лондонъ женевскій физикъ Огюстъ де ла Ривъ. Самъ Наполеонъ не безъ благосклонности отнесся къ замѣчаніямъ, которыя были ему сообщены въ Парижѣ генераломъ Дюфуромъ и полномочнымъ министромъ Керномъ; однако нота его министра Тувенеля, повидимому, сводила на нѣтъ швейцарскія притязанія. Въ концѣ-концовъ могущественный императоръ согласился объявить, что Франція обязуется соблюдать политическій нейтралитетъ сѣверной части Савойи, равно какъ и таможенное освобожденіе этой полосы въ предѣлахъ, установленныхъ предшествующими договорами.

Однако въ Швейцаріи существовала партія достаточно пылкая для того, чтобы потребовать разрѣшенія конфликта посредствомъ оружія. Вождями ея были главари патріотическихъ обществъ *Гель-*

веція и *Грютли*—федеральный совѣтникъ Штемфли въ Бернѣ, кантональный государственный совѣтникъ Фази въ Женевѣ и его радикальные друзья. 30 марта 1860 года нѣсколько женевцевъ, принадлежащихъ къ этой партіи, имѣя въ виду захватить Тононъ, затѣяли безумное предпріятіе, окончившееся самымъ смѣхотворнымъ образомъ. Въ апрѣлѣ Савойя по голосованію присоединилась къ французской имперіи, а въ іюнѣ 1860 года послѣдняя вступила во владѣніе ею.

Добрыя сосѣдскія отношенія снова приняли болѣе прочный характеръ и скрѣплены были новыми соглашеніями, въ родѣ раздѣла юрской долины Даппъ въ 1862 году и особенно франко-швейцарскимъ торговымъ договоромъ 28 іюня 1864 года. Соблюденіе нейтралитета сѣверной части Савойи, которое имѣетъ такое важное значеніе для швейцарцевъ, является однимъ изъ лучшихъ доказательствъ дружбы, какое только можетъ показать Франція своимъ сосѣдямъ.

Еще нѣкоторые инциденты затуманивали горизонтъ союзной политики въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ. Теорія національностей, придуманная Наполеономъ III, представляла собой угрозу Союзу, въ которомъ объединялись три различныхъ расы, а итальянскія вожделѣнія, особенно въ 1862 году, могли причинить Союзу извѣстное безпокойство. Итальянскіе бѣглецы, бѣглецы польскіе доставили ему новыя затрудненія. Во всякомъ случаѣ съ 1864 года въ Швейцаріи воцарилась эра относительнаго спокойствія. Ея безпокойные совѣтники изъ эпохи 1860 года, между прочимъ, Штемфли въ Бернѣ и Фази въ Женевѣ, были смѣщены. Послѣдній не былъ выбранъ въ 1861 году въ Совѣтъ своего кантона, а въ 1864 году окончательно былъ вытѣсненъ своимъ конкуррентомъ Шеневьеромъ, который обезпечилъ прежней консервативной партіи, получившей названіе независимой и наконецъ демократической, такое существованіе, что она съ тѣхъ поръ не переставая оспаривала въ Женевѣ вліяніе радикализма. Правда, это вызвало со стороны радикаловъ отчаянное предпріятіе 22 августа 1864 года, послѣ котораго союзное правительство приложило стараніе къ умиротворенію умовъ, сдѣлавъ это, правда, нѣсколько въ ущербъ той справедливости, какую слѣдовало бы примѣнить къ жертвамъ этого происшествія.

Хотя Швейцарія и не была затронута войнами, охватившими цивилизованный міръ за время съ 1864 по 1870 годъ, однако она продолжала осуществлять крупные успѣхи въ примѣненіи принциповъ нейтралитета. Избавившись отъ всякой внѣшней опеки, она располагала достаточными силами, чтобы заставить уважать эти принципы. Такъ какъ конституція 1848 года воспрещала военныя соглашенія съ иностранными державами, то Союзный Совѣтъ добился въ 1859 году распущенія швейцарскихъ полковъ въ Неаполѣ. Если иноземная служба снабжала Швейцарію испытанными офицерами, зато, уничтожая эту службу, Швейцарія сохраняла за собой всѣхъ своихъ солдатъ, такъ что армія сдѣлалась для нея лучшей гарантіей ея собственной безопасности. Въ случаѣ войны между сосѣдними державами она оказывается достаточно сильной для того, чтобы остановить проходъ черезъ свою территорію воюющихъ сторонъ, воспретить военную контрабанду, помѣшать набору солдатъ, интернировать у себя не только бѣглецовъ и дезертировъ, но и цѣлыя отступающія арміи, которыя вздумали бы отойти на ея территорію. Она способна выполнить такимъ образомъ требованія, которыя можетъ предъявить ей только европейское международное право. И она доказала это во время франко-прусской войны 1870—1871 года. Увѣдомивъ державы наканунѣ враждебныхъ дѣйствій о своемъ нейтралитетѣ, она поставила на ноги достаточныя военныя силы подъ командой генерала Герцо-

га, который занялъ мѣсто генерала Дюфура во главѣ федеральной арміи. 1-го февраля 1871 года армія эта приняла на границѣ отступавшія войска генерала Бурбаки и, согласно соглашенію, подписанному въ Веррьерахъ и сопровождавшемуся разоруженіемъ этихъ войскъ, 85.000 французскихъ солдатъ нашли себѣ спасеніе и поддержку на швейцарской землѣ. Ибо швейцарское великодушіе, сказавшееся уже въ той помощи натурой, какую Швейцарія оказала осажденному Страсбургу, снова обнаружилось въ добровольныхъ заботахъ, проявленныхъ сострадательнымъ населеніемъ по отношенію къ интернированнымъ французамъ. Франція признала этотъ новый родъ услуги и добросовѣстно выплатила оффиціально установленную сумму издержекъ, вызванныхъ этимъ неожиданнымъ нашествіемъ.

Такимъ образомъ, швейцарскій нейтралитетъ выполнилъ прекрасное дѣло гуманности и національной симпатіи.

II.—Швейцарія съ 1870 по 1900 годъ. Внутреннія дѣла. Конституція 1874 года.

Борьба за пересмотръ конституціи (1864—1874). Культуркампфъ.—За спокойнымъ періодомъ введенія въ дѣйствіе союзной конституціи, продолжавшимся съ 1848 по 1856 годъ, послѣдовалъ болѣе бурный періодъ, съ 1856 по 1864 годъ, въ теченіе котораго Швейцарія оказалась замѣшанной въ международныя осложненія. Съ водвореніемъ внѣшняго мира швейцарскій народъ отдался дѣлу внутренней реформы, которое заполнило собою третій періодъ, съ 1864 по 1874 годъ, и привело къ новой конституціи. Конституція 1848 года не представляла собой ничего окончательнаго; она допускала возможность пересмотра, который во всякомъ случаѣ долженъ быть подвергнутъ всенародному голосованію, независимо отъ того, будетъ ли этотъ пересмотръ частичнымъ или общимъ, и вполнѣ естественно, что въ странѣ, гдѣ политическое голосованіе происходитъ часто, народныя требованія рано или поздно пробьютъ себѣ дорогу и приведутъ къ извѣстному результату. Новаторы испытываютъ реформы въ кантонахъ,—это ограниченное, но цѣнное поле для политическихъ опытовъ,—а потомъ уже они силятся примѣнить эти реформы въ крупномъ масштабѣ во всемъ Союзѣ; въ такомъ случаѣ имъ помогаютъ управляемыя ими патріотическія общества *Гельвеція* и *Грютли*, ведя дѣятельную пропаганду по разнымъ кантонамъ. Вотъ такимъ-то образомъ, начиная съ 1848 года, пробиваютъ себѣ дорогу новыя тенденціи. Обнаруживается стремленіе къ постоянно возрастающей централизаціи власти, ко все болѣе и болѣе полному примѣненію демократическихъ учрежденій, наконецъ къ организаціи государственнаго соціализма.

Эти желанія обнаруживаются уже въ 1865 году, когда дѣлается попытка частичнаго пересмотра конституціи. Пересмотръ отвергается 14 января 1866 года, за исключеніемъ статей, разрѣшающихъ евреямъ свободу поселенія въ силу подписаннаго съ Франціей въ 1864 году торговаго договора.

Приходится констатировать, что кантоны проявляютъ гораздо больше смѣлости. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ путемъ пересмотра вводятся въ мѣстныя конституціи три новыхъ принципа: референдумъ, или аппеляція къ народу, согласно которой большинство гражданъ можетъ одобрить или отвергнуть законы, принятые законодательными Большими Совѣтами; народная инціатива, позволяющая достаточно многочисленной группѣ избирателей предложить законъ или частичный пересмотръ конституціи; наконецъ, непосредственное избраніе исполнительной власти уже не однимъ представительнымъ собраніемъ, а цѣлымъ народомъ.

Одновременно съ этимъ и соціализмъ, появившійся въ странѣ въ срединѣ столѣтія и постепенно проникшій въ кантональныя и союзныя собранія, какъ и всюду, формулируетъ свои требованія, хотя его сторонники въ Швейцаріи и отказываются слѣдовать за иностранными проповѣдниками соціализма и подчиняться вліянію Международной Ассоціаціи рабочихъ. Нападкамъ подвергаются акціонерныя компаніи, которыя забираютъ въ свои руки огромныя предпріятія, преслѣдующія общественную пользу. Для борьбы съ финансовыми товариществами создаются, въ ожиданіи оффиціальнаго союзнаго банка, кантональные банки, причемъ нѣкоторые изъ нихъ пережили эпоху кризиса (Дрозъ, стр. 316). Подобнаго же рода опыты и съ такимъ же неудачнымъ результатомъ сдѣланы были по части желѣзныхъ дорогъ, относительно которыхъ соціалисты выражаютъ сожалѣніе, что это дѣло отдано въ руки частной инициативы. Первыя компаніи, сначала находившіяся въ стѣсненномъ положеніи, а потомъ неизмѣнно процвѣтавшія, возбуждаютъ зависть; но очень скоро соперничающія желѣзнодорожныя линіи, созданныя городами, терпятъ неудачу. Какъ бы то ни было, въ 1872 году союзный совѣтникъ Дубсъ проводитъ законъ о желѣзныхъ дорогахъ. Государство заинтересовывается и принимаетъ участіе въ крупныхъ предпріятіяхъ этого рода. С.-Готардская линія съ ея туннелемъ, спроектированная въ Люцернѣ, изученная особыми комитетами, вызвана была успѣшнымъ проложеніемъ путей через Монъ-Сени и Бреннеръ. Съ 1869 по 1871 годъ на этотъ счетъ состоялись соглашенія между Германіей, Италіей и Щвейцаріей, и великое дѣло началось.

Чтобы быть на равной ногѣ съ окружающими великими державами, Швейцарія сознаетъ для себя необходимость централизаціи. Въ 1870 году Союзный Совѣтъ уже изготовилъ проектъ пересмотра конституціи. Такъ какъ франко-прусская война помѣшала заняться разсмотрѣніемъ этого проекта, то вопросъ поднятъ былъ двумя годами позднѣе. Два происшествія показали необходимость политической реформы. То была, во-первыхъ, война 1870—1871 года, которая вселила народу мысль о томъ, что слѣдуетъ усилить свое единство и свою армію для охраненія нейтралитета въ случаѣ, если у самыхъ воротъ страны вспыхнетъ новый конфликтъ. То былъ, во-вторыхъ, декретъ о папской непогрѣшимости, провозглашенный въ іюлѣ 1870 года и пробудившій въ Швейцаріи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, старинныя притязанія духовной власти въ ущербъ свѣтской. Разразился *культуркампфъ*. Государственные люди Швейцаріи, Августинъ Келлеръ и Вижье въ кантонахъ нѣмецкаго языка, государственный совѣтникъ Картре, новый глава радикализма въ Женевѣ, отличились въ этой распрѣ, причемъ ихъ противниками выступили базельскій епископъ Лаша́ въ Солотурнѣ, и епископъ *in partibus* Мермильо въ Женевѣ. Положеніе апостолическаго викарія, созданное ему въ городѣ Кальвина, противорѣчило договорамъ и, казалось, готово было вызвать распаденіе единой епархіи Женевы-Лозанны, каѳедра которой находится во Фрейбургѣ. Либеральное католическое движеніе, такъ называемое старо-католичество, обнаружилось особенно въ Женевѣ подъ вліяніемъ отца Гіацинта Луазона. Для сопротивленія ультрамонтанскимъ притязаніямъ и для огражденія себя отъ возможныхъ со стороны другихъ державъ угрозъ швейцарскій народъ не желалъ измѣнить свою конституцію въ смыслѣ объединенія преподаванія, объединенія права, централизаціи арміи.

Единая школа, единое право, единая армія! Таковъ былъ лозунгъ сторонниковъ пересмотра. Первый проектъ унитарной конституціи, принятый союзными палатами 5 марта 1872 года, показался однако всей

странѣ черезчуръ радикальнымъ, когда онъ подвергнутъ былъ всенародному голосованію. Проектъ былъ отвергнутъ 12 мая 1872 года большинствомъ 260.859 голосовъ противъ 255.606 и 13 кантоновъ противъ 9. Пораженіе не было значительнымъ, и Союзному Совѣту предложено было представить болѣе умѣренный проектъ, который и былъ принятъ два года спустя. Все болѣе и болѣе разгоравшаяся борьба противъ ультрамонтанскаго духовенства ускорила движеніе въ пользу пересмотра. Съ цѣлью пропаганды централистическихъ идей состоялись собранія въ 1873 году, въ томъ самомъ году, который отмѣченъ былъ смѣщеніемъ епископа Лаша́ и изгнаніемъ епископа Мермильо. Приняты были новые церковные законы; было постановлено, что священники будутъ назначаться приходами, и даже избранъ былъ національный швейцарскій епископъ, независимый отъ Рима, епископъ Герцогъ. Въ началѣ 1874 года нунцій св. Петра получилъ свои вѣрительныя грамоты съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться въ Швейцарію. Подъ вліяніемъ этихъ происшествій нѣмецкіе централисты могли разсчитывать на поддержку антиклерикальныхъ романцевъ. Новая конституція, являющаяся компромиссомъ между конституцiей 1848 года и проектами крайнихъ новаторовъ вотирована была 31 января 1874 года обѣими палатами союза и принята народомъ 19 апрѣля. Она объединила вокругъ себя 340.199 голосовъ противъ 198.013 и 14 кантоновъ съ однимъ полукантономъ противъ 7 кантоновъ съ половиной.

Конституція 1874 года. Успѣхи демократіи и централизаціи.—Про конституцію 1874 года было сказано, что это конституція 1848 года, но усовершенствованная (Гаваръ). Она является воспроизведеніемъ прежней, но съ измѣненіями, которыя дѣлаютъ ее болѣе отвѣчающей новымъ вкусамъ, обезпечивая успѣхъ болѣе централизованной администраціи, болѣе непосредственной демократіи и довольно опредѣленно выраженнаго государственнаго соціализма. Организація союзныхъ властей оставлена та же, но ихъ компетенція болѣе разработана. Единство еще только намѣчается, и прежде всего единство арміи; единство права обѣщано и всѣ кантоны прежде всего вынуждены отмѣнить у себя смертную казнь. Снова провозглашено начало свободы, хотя оно и терпитъ нѣкоторыя ограниченія по части религіи, торговли и промышленности. Открыты пути къ объединенію преподаванія, точно такъ же, какъ и къ установленію народнаго голосованія (референдумъ). Обезпеченныя средства союзнаго правительства состоятъ изъ доходовъ съ дорожныхъ заставъ, почтоваго, порохового дохода, изъ половины дохода, получаемаго отъ новаго военнаго налога, уплачиваемаго швейцарцами, которые не отбываютъ дѣйствительной службы, наконецъ изъ денежныхъ взносовъ, уплачиваемыхъ кантонами. Само собой разумѣется, что запрещеніе договоровъ между отдѣльными кантонами и военныхъ соглашеній съ посторонними державами остается въ силѣ. Конституція перечисляетъ также права, предоставленныя кантонамъ; но она больше подчеркиваетъ права всего народа, индивидуальныя права отдѣльныхъ гражданъ, право гражданства, право поселенія, свободу совѣсти.

Органическіе законы, принятые въ результатѣ принциповъ, выдвинутыхъ новой конституціей, еще не реализовали всѣхъ притязаній, формулированныхъ въ своей сущности девизомъ 1872 года: единое право, единая армія, единая школа.

Централизація арміи все-таки была достигнута посредствомъ новой военной организаціи, которая является главнымъ образомъ дѣломъ члена Союзнаго Совѣта Вельти. Военнымъ инструкторамъ, по назначенію центральнаго правительства, поручено примѣнить ко всѣмъ войскамъ единообразное преподаваніе и единообразную

дисциплину. Спеціальные роды оружія—артиллерія, саперы, кавалерія—находятся въ совершенной зависимости отъ Союза; кантоны сохраняютъ еще за собой привилегію устраивать по своему вкусу жандармерію, набирать по мѣрѣ надобности весьма ограниченное количество войска, наконецъ назначать офицеровъ. Высшіе офицеры получаютъ командованіе изъ рукъ Союзнаго Совѣта. Со времени этихъ реформъ Швейцарія пріобрѣла солидную милиціонную армію, обученную въ рекрутскихъ школахъ и на повторительныхъ курсахъ, упражняемую на большихъ маневрахъ, за которыми съ интересомъ слѣдятъ иностранные офицеры, наконецъ, достойную помѣряться съ постоянною арміей. Армія эта насчитываетъ нѣсколько разрядовъ: во-первыхъ, отборное войско, въ которомъ граждане служатъ отъ двадцати до тридцати двухъ лѣтъ, и ландверъ (запасъ), въ которомъ они состоятъ съ тридцати двухъ до сорока четырехъ лѣтъ; оба эти разряда установлены были съ самаго начала. Ландштурмъ (ополченіе), въ которомъ числятся всѣ пригодные къ службѣ швейцарцы, не вошедшіе въ составъ первыхъ двухъ разрядовъ, былъ организованъ на военную ногу съ ежегодными смотрами уже впослѣдствіи. Ландверъ недавно раздѣленъ на два призыва, причемъ первый скорѣе сливается съ отборнымъ войскомъ, а второй предназначенъ на пополненіе ландштурма. Нынѣ существуетъ стремленіе сократить численно ландштурмъ, увеличивъ зато его качество. Въ настоящій моментъ Швейцарія можетъ поставить на ноги около 150.000 отборнаго войска, распредѣленнаго по четыремъ армейскимъ корпусамъ, около 90.000 человѣкъ ландвера перваго и второго призыва, наконецъ 275.000 человѣкъ ландштурма, изъ которыхъ 50.000 вооруженныхъ, т.-е. круглымъ счетомъ 300.000 комбаттантовъ и 200.000 піонеровъ и другихъ вспомогательныхъ войскъ. Значительныя суммы вотированы были на вооруженіе, экипировку, продовольствіе войскъ и на сооруженіе удивительныхъ укрѣпленій: сенъ-готардскія укрѣпленія обошлись въ 13 милліоновъ. Магазинное ружье Веттерли, введенное во время военнаго преобразованія, замѣнено было болѣе совершеннымъ оружіемъ, модели 1889 года, на производство котораго вотированъ былъ первоначальный кредитъ въ 20 милліоновъ. Укрѣпленія являются предметомъ постоянныхъ заботъ и можно было бы видѣть зачатокъ постоянной арміи въ созданіи корпуса крѣпостной стражи, а также и военныхъ инструкторовъ. Эта организація встрѣчена была сочувственно.

Больше оппозиціи встрѣчаетъ довершеніе системы. Однако объединеніе права, повидимому, обезпечено, несмотря на разнообразіе кантональныхъ законовъ и особенно на различіе швейцарскихъ расъ. Дѣло идетъ о сліяніи германскаго элемента съ элементомъ романскимъ. Пока уже дѣйствуетъ по всей странѣ извѣстное количество общихъ для всего Союза законовъ, въ родѣ уложенія объ обязательствахъ, закона о преслѣдованіи за долги и несостоятельность. Наконецъ, швейцарскій народъ принялъ въ принципѣ установленіе уголовнаго и гражданскаго уложеній, единообразныхъ на всемъ пространствѣ Союза. Въ настоящую минуту Союзный Совѣтъ вырабатываетъ соотвѣтственные проекты.

Въ области воспитанія и обученія кантоны, какъ и семьи обнаруживаютъ больше партикуляризма, такъ что союзныя власти встрѣчаютъ крупныя препятствія въ своемъ стремленіи доставить въ этомъ отношеніи торжество своимъ централистическимъ намѣреніямъ. Нѣкоторыя изъ союзныхъ государствъ, справедливо гордясь высокими качествами своихъ народныхъ школъ, отказываются передать это дѣло въ руки центральной власти, которая, разумѣется, привела бы все къ одному уровню къ выгодѣ школъ низшаго типа

и къ ущербу школъ болѣе высокаго типа, и недостаточно стала бы считаться съ традиціями различныхъ расъ и разнообразныхъ вѣроисповѣданій. Сдѣланное въ 1882 году предложеніе создать должность секретаря по школьнымъ дѣламъ, нѣчто въ родѣ главнаго начальника Университета, потерпѣло плачевную неудачу. Школа и понынѣ еще находится въ рукахъ общины.

Несмотря на то, что еще остается желать многаго, сторонники унитаризма могутъ гордиться тѣмъ, что они руководители страны. Кантональныя власти со дня на день теряютъ свои полномочія; ихъ Большіе Совѣты законодательствуютъ лишь въ очень тѣсной области, которая обнимаетъ главнымъ образомъ мѣстные финансы, прямые налоги, общественныя работы, судъ и полицію, народное просвѣщеніе; ихъ Государственные Совѣты располагаютъ ограниченною исполнительной властью скорѣе административнаго, чѣмъ политическаго характера; первые рискуютъ обратиться въ простые департаментскіе генеральные совѣты (Франція), вторые—въ департаментскія управы, назначаемыя соотвѣтственными кантональными избирателями. Одна только община останется живучей. Она сохраняетъ то значеніе, которое придавала ей древняя Германія, такъ что въ нѣмецкой Швейцаріи она считается единственнымъ посредникомъ между гражданиномъ и центральною властью; такимъ образомъ является угроза самому существованію кантона, который можетъ показаться безполезнымъ звеномъ въ общемъ управленіи страной. Союзный Совѣтъ является единственнымъ существующимъ въ Швейцаріи правительственнымъ органомъ, достойнымъ этого названія; союзныя палаты— единственныя сохраняющія всю полноту законодательной власти. Подобно кантонамъ и расы также почти не даютъ чувствовать своего вліянія. Подобно парламентамъ централизованныхъ державъ и въ Швейцаріи имѣются на лицо чисто политическія партіи; ихъ насчитывается четыре: католическая правая, либеральный консервативный центръ, радикальная лѣвая и соціалистическая крайняя лѣвая; послѣдняя растетъ съ каждымъ днемъ не столько на счетъ правой, сколько на счетъ радикальной партіи: она помогаетъ отнятію у радикальной партіи власти, удерживаемой ею съ 1848 года.

Подобно тому какъ пошелъ на убыль авторитарный радикализмъ 1848 года, точно такъ же и всемогущество союзныхъ палатъ вскорѣ подвергнется урѣзкѣ путемъ вмѣшательства народа въ область законодательства. Непосредственная демократія становится полезной поправкой къ той представительной демократіи, которая стала появляться въ кантонахъ около 1830 года, а въ Союзѣ въ 1848 году. Впрочемъ, непосредственную демократію можно найти въ ранней исторіи Швейцарскаго Союза. Въ исконныхъ кантонахъ Ури, Обвальдѣ, Нидвальдѣ, Гларисѣ, Родахъ Внутреннихъ и Родахъ Внѣшнихъ Аппенцелля ея органами являются *Landsgemeinden*, или общія собранія гражданъ, созываемыя въ опредѣленный срокъ для принятія рѣшеній, обычно являющихся дѣломъ представительнаго совѣта или палаты депутатовъ. Въ одномъ или двухъ другихъ кантонахъ существовало уже до 1848 года право референдума или обращенія къ голосу народа для полученія его согласія на законы или на постановленія власти. Послѣ 1848 года нѣкоторыя изъ союзныхъ государствъ принялись слѣдовать этому примѣру, и принципъ этотъ наконецъ допущенъ былъ и въ союзную конституцію. Законодательный референдумъ обязателенъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ, факультативенъ въ другихъ; онъ только факультативенъ въ общесоюзныхъ дѣлахъ. Когда 30.000 швейцарскихъ гражданъ, правомочіе которыхъ надлежащимъ образомъ провѣрено канцелярiей, подписываютъ просьбу о томъ,

чтобы какой-нибудь законопроектъ союзныхъ палатъ подвергнутъ былъ въ послѣдней инстанціи всенародному голосованію, то этотъ законъ вступаетъ въ силу лишь въ томъ случаѣ, если онъ объединитъ большинство голосовъ гражданъ, созванныхъ на ихъ общія народныя собранія. Таково первое прямое вмѣшательство народа въ законодательные вопросы.

Но есть и другое, а именно конституціонная иниціатива, принадлежащая избирателямъ въ кантональныхъ вопросахъ, а съ 5-го іюня 1891 года и въ дѣлахъ Союза. Достаточно собрать подписи 50.000 гражданъ, чтобы подвергнуть проектъ частичнаго пересмотра конституціи принятію или отклоненію голосами всѣхъ объединенныхъ швейцарскихъ гражданъ. Народъ не злоупотребляетъ своею непосредственною законодательною властью. Съ 1848 по 1898 годъ, на протяженіи половины вѣка, народъ созывался тридцать четыре раза, причемъ ему предложено было высказаться въ различной формѣ по поводу 53 проектовъ союзныхъ законовъ; народъ принялъ изъ нихъ 20, отвергнулъ 33, проявивъ, такимъ образомъ, меньше склонности къ новшествамъ, чѣмъ его депутаты, засѣдающіе въ союзныхъ палатахъ.

Что касается самого правительства, то и тутъ замѣчается наклонность избирать его не представительными собраніями, а самимъ народомъ. Такъ обстоитъ дѣло въ большинствѣ случаевъ въ кантонахъ, гдѣ исполнительные государственные совѣты избираются непосредственно большинствомъ голосовъ полнаго собранія гражданъ. Такого же способа требуютъ теперь и для назначенія Союзнаго Совѣта.

Наконецъ, послѣднимъ мѣропріятіемъ, которое еще опредѣленнѣе знаменуетъ собою уваженіе къ демократіи, является пропорціональное представительство, въ силу котораго всякая группа гражданъ, произвольно образовавшаяся, имѣетъ право быть представленной въ законодательныхъ совѣтахъ такимъ числомъ депутатовъ, которое соотвѣтствуетъ численному значенію этой группы. Пропорціональное представительство уже существуетъ въ кантонахъ Солотурнѣ, Тессинѣ, Невшателѣ и Женевѣ, гдѣ, благодаря болѣе или менѣе одинаковымъ комбинаціямъ, кантональные Большіе Совѣты представляютъ собой точное отраженіе силы отдѣльныхъ партій. Такой пріемъ безъ сомнѣнія рано или поздно будетъ принятъ при назначеніи депутатовъ въ Національный Совѣтъ.

Такимъ образомъ представительная демократія, иногда обманчивая, уступитъ мѣсто справедливой системѣ непосредственной демократіи.

Политическія и экономическія затрудненія. Успѣхи государственнаго соціализма.— Конституція 1874 года ввергла страну въ избирательную агитацію. Союзный Судъ, сдѣлавшійся постояннымъ, съ расширенными полномочіями, назначенъ былъ 22 декабря 1874 года; число его членовъ должно было увеличиться вслѣдствіе измѣненій, внесенныхъ въ организацію этого высшаго судилища. Что касается Союзнаго Совѣта, избраннаго въ ту же эпоху, то онъ проявилъ необычайную законодательную дѣятельность, которая впослѣдствіи еще увеличилась. Членъ Союзнаго Совѣта Рюшонне отличался въ этой работѣ съ самаго вступленія своего въ должность въ 1881 году до своей смерти, происшедшей двѣнадцать лѣтъ спустя. Многіе законопроекты были отвергнуты путемъ референдума, какъ, напр., учрежденіе должности секретаря по школьнымъ дѣламъ. Четыре союзныхъ проекта, отвергнутыхъ въ 1884 году, явились четырьмя пораженіями для союзной политики, которая дѣйствительно законодательствовала черезчуръ. Зато проекты частичнаго пересмотра привели къ цѣли; законъ, воспрещающій смертную казнь, измѣненъ былъ въ томъ смыслѣ, что

кантоны получили возможность по желанію возстановить ее у себя.

Можно признать, что періодъ съ 1874 по 1890 годъ способствовалъ упроченію кредита Швейцаріи за границей, но приведетъ ли ближайшій періодъ, съ 1891 по 1900 годъ, къ столь же благопріятнымъ послѣдствіямъ? Впрочемъ, въ теченіе періода съ 1874 по 1890 годъ уже возникали затрудненія и прежде всего политическаго характера.

Внутри страны Тессинскій кантонъ волновался все время. Когда у власти находилась консервативная партія подъ предсѣдательствомъ государственнаго совѣтника Респини, радикалы принялись протестовать противъ правительственнаго и клерикальнаго произвола; они жаловались главнымъ образомъ на стѣсненія избирательнаго права. Конфликтъ, возникшій между двумя партіями въ Стабіо, привелъ къ длинному процессу, который закончился всеобщимъ оправданіемъ. Союзный Совѣтъ уже вмѣшался миролюбиво съ цѣлью вызвать болѣе справедливое распредѣленіе избирательныхъ участковъ и новую организацію епархій. Тессинъ, сдѣланный въ 1883 году апостолическимъ викаріатомъ, былъ присоединенъ въ 1888 году къ швейцарскому епископству Базелю и Лугано. Когда въ 1889 году новые выборы снова обезпечили консерваторамъ большинство, побѣжденные стали оспаривать эти выборы. 11 сентября 1890 года радикалы возстали въ Беллинцонѣ и Лугано и овладѣли правительствомъ; этотъ день стоилъ жизни молодому государственному совѣтнику Росси. Главѣ правительства Респини, подвергнутому сначала тюремному заключенію, уже не удалось вернуть себѣ законную власть. Союзный Совѣтъ подвергъ страну военной оккупаціи, отправилъ туда комиссаромъ полковника Кюнцли. Начавшійся въ Цюрихѣ процессъ закончился для революціонеровъ оправданіемъ, и установлено было смѣшанное правительство согласно системѣ пропорціональнаго представительства.

Извнѣ Швейцарія испытала новыя осложненія благодаря праву убѣжища, этому вѣчному камню преткновенія національной безопасности Швейцаріи. Послѣ карбонаріевъ и революціонеровъ французскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ, агитація которыхъ въ Швейцаріи вызывала протесты Меттерниха, а также Людовика-Филиппа и Наполеона, появились новые политическіе бѣглецы, въ лицѣ нигилистовъ и анархистовъ, которые безъ зазрѣнія совѣсти компрометируютъ страну, давшую имъ убѣжище. И вотъ Союзный Совѣтъ вынужденъ примѣнять къ нимъ мѣры строгости, увѣренный, впрочемъ, въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія. Въ 1878 году онъ закрываетъ печатавшуюся въ Невшателѣ газету *l'Avant-Garde*; въ 1881 году онъ высылаетъ изъ предѣловъ Швейцаріи русскаго агитатора Кропоткина; въ 1885 году онъ приступаетъ къ изгнанію анархистовъ; 18 апрѣля 1888 года онъ изгоняетъ редакторовъ газеты *Sozial-Demokrat*, печатавшейся въ Цюрихѣ при благосклонномъ попустительствѣ начальника полиціи. Зато 3 мая 1889 года онъ высылаетъ безъ всякихъ колебаній нѣмецкаго полицейскаго Вольгемута по доносу одного индивида, которымъ нѣмецъ пользовался въ качествѣ провокатора. Въ результатѣ всѣхъ этихъ инцидентовъ стала ощущаться необходимость въ созданіи союзной полиціи, и, вопреки протестамъ соціалистовъ, назначенъ былъ генералъ-прокуроръ Союза.

Къ политическимъ осложненіямъ присоединяются затрудненія экономическаго порядка. Эксцессы законодательнаго творчества, агитація политикановъ, требованія соціалистовъ вызываютъ извѣстный разладъ въ дѣлахъ. Уже въ 1878 году констатируется, что армія обходится слишкомъ дорого, что почта и таможня приносятъ мало дохода. Крахъ на заграничныхъ биржахъ роковымъ образомъ отзы-

вается на странѣ. Желѣзнодорожныя компаніи, даже города, стоятъ на пути къ разоренію. Приходится преобразовать эти компаніи; Союзъ и кантоны вынуждены принять на себя тяжелыя обязательства, чтобы окончить С.-Готардскую линію. Протекціонизмъ въ торговлѣ грозитъ національному производству. Германія, которая приступаетъ къ примѣненію повышенныхъ тарифовъ, даетъ также примѣръ своею проповѣдью государственнаго соціализма, и Швейцарія изучаетъ средства для его примѣненія у себя.

За время съ 1891 по 1900 годъ соціалистической партіи удается осуществить нѣкоторыя изъ своихъ намѣреній. Могущественныя ассоціаціи пропагандируютъ въ странѣ новыя столь заманчивыя ученія; ассоціація Грютли, устраивающая профессіональные курсы и располагающая многочисленными вспомогательными кассами, насчитываетъ своихъ членовъ тысячами; Лига рабочихъ и другія общества содѣйствуютъ этому дѣлу. Послѣ Ольтенскаго конгресса, состоявшагося 7 апрѣля 1890 года, основался швейцарскій рабочій союзъ, который добился учрежденія рабочей палаты съ двумя агентами—однимъ для нѣмецкой Швейцаріи и другимъ для областей съ романскимъ населеніемъ.

Мѣры по охранѣ рабочаго класса были уже вотированы въ силу конституціи 1874 года. Законъ 1 іюля 1875 года установилъ отвѣтственность компаній за несчастные случаи, происходящіе при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ. 23 марта 1877 года принципъ этотъ распространенъ на фабрики; 25 іюня 1881 года и 26 апрѣля 1887 года установлена была закономъ отвѣтственность предпринимателей. Наконецъ, 21 ноября 1890 года новый законъ сдѣлалъ обязательнымъ страхованіе наемныхъ служащихъ на случай болѣзни. Въ настоящее время палаты собираются провозгласить тройной законъ о страхованіи на случай болѣзней, страхованіи на случай увѣчій и военномъ страхованіи; проведеніе этого закона возложитъ на союзный бюджетъ ежегодный расходъ, исчисленный въ восемь милліоновъ франковъ.

За этими справедливыми, но дорого стоящими мѣропріятіями, назначеніе которыхъ—улучшить участь рабочихъ, слѣдуютъ другія, имѣющія въ виду единственно обогащеніе государства за счетъ коммерсантовъ, капиталистовъ, акціонерныхъ предпріятій. Съ 1891 года чрезвычайно высокій таможенный тарифъ затрудняетъ торговыя сдѣлки, и таможенный доходъ настолько возбуждаетъ нѣкоторые кантональные аппетиты, что въ 1894 году начинается походъ съ цѣлью добиться передачи части этого дохода каждому изъ союзныхъ государствъ. Этотъ походъ, получившій кличку *Beutezug* (походъ за добычей), потерпѣлъ неудачу при всенародномъ голосованіи. Акціонерные банки подвергаются жестокимъ нападкамъ. На эмиссіонное право нападаютъ все сильнѣе и сильнѣе, и въ 1891 году вотированъ былъ въ пользу Союза принципъ монополіи на банковые билеты. Однако въ 1897 году народъ отвергнулъ проектъ созданія единаго государственнаго банка; сторонники этого института тѣмъ не менѣе заняты разработкой проекта центральнаго банка, задуманнаго на болѣе примирительныхъ началахъ. Еще болѣе ожесточенный характеръ носитъ борьба, затѣянная съ желѣзнодорожными компаніями, владѣющими швейцарскою сѣтью. Выкупъ желѣзныхъ дорогъ Союзомъ, предлагавшійся не одинъ разъ, въ концѣ-концовъ принятъ былъ 20 февраля 1898 г. Законъ объ отчетности уже раньше поставилъ компаніи подъ опеку государства.

Торжествующій соціализмъ ставитъ на очередь болѣе крупныя притязанія. Добиваясь, въ полномъ согласіи съ другими партіями, обязательнаго референдума и всенароднаго избранія Союзнаго Совѣта,

рабочіе требуютъ сверхъ того созданія обязательныхъ синдикатовъ, учрежденія оффиціальныхъ врачей и аптекарей и многочисленныхъ государственныхъ монополій: на продажу табаку, на продажу зерновыхъ хлѣбовъ, подобно тому какъ уже существуетъ монополія на спиртные напитки. Согласно съ этими принципами общественная власть приступаетъ къ монополизаціи орудій промышленнаго производства: газа, электричества, трамваевъ, двигательныхъ силъ. Кантоны и общины оспариваютъ другъ у друга право собственности на все это въ такой степени, что въ одинъ прекрасный день Союзъ, быть можетъ, водворитъ общее согласіе, присвоивъ это право самому себѣ.

Вмѣстѣ съ этими различными проектами, выкупомъ желѣзныхъ дорогъ, замѣною частныхъ предпріятій общественными возрастаетъ и общественная задолженность. Швейцарскіе города въ общемъ должны 300 милліоновъ, столько же кантоны; долгъ Союза будетъ равняться милліарду. Расплата за всѣ эти уже принятые расходы возлагается прежде всего на приростъ таможенныхъ доходовъ и затѣмъ, въ послѣдней инстанціи, на плательщика налоговъ. Вслѣдъ за пропорціональнымъ налогомъ мало-по-малу всюду установляется прогрессивный налогъ, и возможны такіе случаи, что въ какомъ-нибудь кантонѣ казна взимаетъ съ частнаго лица около трети его доходовъ (Дрозъ, стр. 369).

Въ свою очередь и анархисты становятся смѣлѣе въ своемъ безсмысленномъ и преступномъ дѣлѣ. Въ маѣ 1898 года столь многочисленные въ Швейцаріи итальянскіе рабочіе вызвали безпорядки по поводу бунта въ Миланѣ. Въ іюлѣ стачка принудила женевское правительство поставить на ноги свои войска, а въ сентябрѣ почва этой гостепріимной страны осквернена была убійствомъ австрійской императрицы, павшей отъ руки чужеземца, итальянскаго простолюдина.

Современное состояніе Швейцаріи. Ея международная роль.—Періодъ политическаго и соціальнаго преобразованія, переживаемый Швейцаріей, могъ бы производить тревожное впечатлѣніе. Что угрожаетъ странѣ, внутреннія волненія или потрясенія извнѣ? Традиціи страны, кантональное начало, либеральныя идеи, повидимому, сильно подались подъ давленіемъ соціалистической демократіи. Устанавливаются государственныя монополіи. Злоупотребленія регламентаціи, бюрократіи, милитаризма вызываютъ неудовольствіе народа.

Кажется, что націю тянутъ въ противоположныя стороны; интересы протекціонизма оказываются въ конфликтѣ съ свободой торговли, старые консервативные кантоны—съ соціалистическими городами, партикуляристы—съ централизаторами, духъ романской расы—съ духомъ германскимъ, бургундцы—съ аллеманами.

Но можно успокоиться, констатируя, что эти разнообразные элементы въ Швейцаріи скорѣе взаимно уравновѣшиваются, чѣмъ борются другомъ съ другомъ, потому что надъ партійнымъ духомъ царитъ пламенная любовь къ родинѣ, просвѣтленная сильнымъ здравымъ смысломъ и республиканскою опытностью, насчитывающею уже шесть вѣковъ. Историческія традиціи древняго Союза, основаннаго въ 1291 году, не приходятъ въ забвеніе. Само строеніе территоріи, форма ея долинъ, раздѣленныхъ неприступными горами, одинаково хорошо разбиваетъ страну на части какъ въ политическомъ, такъ и въ географическомъ отношеніи. Необходимость союзной системы въ національномъ управленіи напрашивается сама собой. Именно горы этой страны сообщаютъ ей ея своеобразный характеръ и ея этнологическое единство. Швейцарскій Союзъ есть страна альпійская по преимуществу. Жители страны, средняя высота которой составляетъ 1300 метровъ и одна двадцатая населенія которой живетъ на уров-

нѣ свыше тысячи метровъ, поневолѣ ведутъ образъ жизни отличный отъ остальной Европы. Швейцарія — Черногорія бóльшаго размѣра. Какъ въ другихъ мѣстахъ море, такъ здѣсь горы являются охраной національной независимости, и къ тому же Союзъ имѣетъ въ своихъ горахъ не только прочную основу для военной защиты, но и единственное въ своемъ родѣ богатство, благодаря развитію двигательныхъ силъ, источникомъ которыхъ являются могучіе альпійскіе водные потоки. Швейцарскій народъ достоинъ своего мѣста въ мірѣ, потому что онъ повинуется нравственному закону труда. Онъ представляетъ собою веселую картину трудолюбивой дѣятельности, и населеніе, увеличившееся за столѣтіе съ двухъ милліоновъ до трехъ, почти вовсе не имѣетъ въ средѣ своей лѣнтяевъ. Однако земледѣліе здѣсь затруднительно вслѣдствіе горъ, гдѣ мало пригодной для обработки земли, гдѣ жизнь сурова, гдѣ происходятъ частые обвалы. Центральное правительство по мѣрѣ силъ борется съ опасными лавинами посредствомъ разумнаго лѣсонасажденія. Несмотря на каменистость альпійскихъ породъ, половина страны занята обработанными полями; 19% лѣсами, особенно многочисленными въ Граубюнденѣ; 1% виноградниками, этимъ источникомъ богатства для кантоновъ Тессина, Невшателя, Ваадта и Валлиса.

Промышленная жизнь замѣчательна въ иномъ смыслѣ. Она дѣлаетъ гигантскіе успѣхи благодаря воднымъ силамъ, которыя въ настоящее время равняются по расчету болѣе чѣмъ 500.000 лошадиныхъ силъ. Эти силы использованы главнымъ образомъ въ области Юры и на швейцарскомъ плоскогоріи. Женева, гдѣ эти силы введены были городскимъ президентомъ Турреттини, является, пожалуй, первымъ во всемъ мірѣ мѣстомъ, гдѣ лучше всего можно изучить организацію и цѣнность этихъ силъ. Двѣ первыхъ національныхъ швейцарскихъ выставки — Цюрихская въ 1883 году и Женевская въ 1896 году—показали промышленные рессурсы страны, возрастающіе съ каждымъ днемъ. Швейцарія сумѣла также сохранить старинныя свои фабрики. Вдоль Юры, отъ Женевы до Базеля, процвѣтающее попрежнему часовое производство ежегодно выпускаетъ пять милліоновъ часовъ. Хлопчатобумажная промышленность продолжаетъ составлять богатство кантоновъ Цюриха, Глариса, Санъ-Галлена, Аппенцелля, Турргау, Ааргау и Цуга. Кантоны Санъ-Галленъ и Аппенцелль гордятся сверхъ того своимъ кружевнымъ производствомъ. Обработка шелка и желѣза составляютъ скорѣе спеціальность Цюриха. Гостиный промыселъ непрерывно развивается въ странѣ, обладающей чудесными мѣстоположеніями, посѣщаемой туристами и зимой и лѣтомъ. Наконецъ блестящее будущее ожидаетъ электрическую промышленность, расширеніе которой въ Швейцаріи поразительно. Однако, хотя Швейцарія вывозитъ ежегодно на 700 милліоновъ франковъ, ей приходится въ силу необходимости ввозить на милліардъ сырья, скота, вина и продуктовъ фабричнаго производства.

Страна стала достаточно богатой для того, чтобы содержать прекрасные торговые пути и желѣзныя дороги, необходимыя для международнаго транзита. Главнымъ элементомъ послѣдняго является С.-Готардская линія, связывающая сѣверъ Европы съ ея югомъ. Послѣ разработки многочисленныхъ проектовъ, относящихся къ срединѣ столѣтія, женевскій предприниматель Луи Фаври съ сентября 1872 года приступилъ къ прорытію главнаго туннеля въ массивѣ Альпійскихъ горъ; туннель этотъ стóитъ огромныхъ денегъ. Послѣ международнаго соглашенія, подписаннаго въ 1877 году, вотированы были въ 1879 году новые кредиты; руководителю предпріятія, умершему отъ заботъ въ 1879 году, не суждено

было присутствовать при окончанiи его творенiя. Лишь 1 ноября 1881 года прошелъ черезъ С.-Готардъ первый поѣздъ. Симплонскiй туннель, необходимость котораго давно уже отстаивалъ бывшiй президентъ Союза Черезоле, наконецъ начатъ сооруженiемъ, и успѣхъ этого предпрiятiя одинаково интересуетъ Швейцарiю и Европу, въ частности Италiю, которая участвуетъ въ расходахъ по прорытiю туннеля [1]).

Внутренняя торговля облегчена была уже конституцiей 1848 года, которая сняла перегородки между кантонами, за исключенiемъ нѣкоторыхъ городскихъ октруа, въ родѣ *Ohmgeld*'а, потребительнаго налога на швейцарскiя вина. Теперь и эти налоги были отмѣнены. Что касается внѣшней торговли, то первый тарифъ изданъ былъ въ 1849 году. Вслѣдствiе торговыхъ договоровъ, подписанныхъ съ 1862 по 1869 годъ съ сосѣдними державами, особенно съ Францiей въ 1864 году, дѣла въ Швейцарiи вступили въ счастливую фазу, и нацiональная промышленность находила себѣ многочисленные рынки. Но послѣ франко-прусской войны и франкфуртскаго мира страна терпѣла отъ все усиливавшихся стѣсненiй свободнаго обмѣна. Когда заключены были новые торговые договоры, Швейцарiя оказалась вынужденной устанавливать все болѣе и болѣе охранительные тарифы, которые были еще передѣланы въ 1891 году подъ давленiемъ фискальныхъ соображенiй. Франко-швейцарскiй договоръ 1882 года прекращался въ 1892 году, за исключенiемъ соглашенiя, которое касается пограничной полосы и должно оставаться въ силѣ до 1911 года. Такъ какъ проектъ торговаго регламента отвергнутъ былъ Францiей въ 1892 году, то послѣдующiе годы проходили въ тарифной войнѣ, закончившейся въ 1895 году „хромымъ миромъ“ (Дрозъ, стр. 362). Тѣмъ не менѣе Швейцарiя удерживаетъ привилегiи нейтральной зоны.

Умственная дѣятельность швейцарцевъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нацiональное воспитанiе, какъ физическое, такъ и духовное, всегда составляло предметъ особыхъ заботъ. Общества гимнастическiя, стрѣлковыя, альпiйскiй клубъ, общества земледѣльческiя, союзы, преслѣдующiе общественную пользу, общества студенческiя и прежде всего Цофингенское, являются центрами практическаго воспитанiя. Частная инициатива создала многочисленные разсадники культуры, общества естественныхъ наукъ, исторiи, искусства, читальныя общества. Нацiональная пресса, имѣющая 500 органовъ, ставитъ себѣ цѣлью не только изученiе политическихъ и соцiальныхъ вопросовъ, но сверхъ того и литературное развитiе народа. Въ странѣ такихъ педагоговъ, какъ г-жа Неккеръ де Соссюръ, Песталоцци, Фелленбергъ, Жираръ, Навилль, обученiе достигло на всѣхъ ступеняхъ прекрасныхъ результатовъ. Наиболѣе культурные кантоны считаютъ за честь содержать съ большими издержками высшiя школы земледѣльческiя, торговыя, промышленныя, художественныя, литературныя и научныя. Рядомъ со старымъ Базельскимъ университетомъ, пользовавшимся извѣстностью въ средние вѣка, возникли въ новое время школы-соперницы: Бернъ и Цюрихъ въ нѣмецкой Швейцарiи, съ союзнымъ Политехникумомъ; Женева, Лозанна, Фрейбургъ и Невшатель—въ остальной части страны. Невшательская школа пока носитъ еще только названiе академiи; остальныя—уже университеты, снабженные въ большинствѣ случаевъ всѣми пятью факультетами. Эти очаги культуры озаряютъ страну и привлекаютъ множество иностранцевъ.

Въ области физики и естествознанiя среди швейцарцевъ во второй половинѣ вѣ-

[1]) Туннель законченъ въ 1905 году, съ iюня 1906 года началось регулярное движенiе поѣздовъ. *Прим. перев.*

ка выдвинулись ученые, которые сдѣлались европейскими знаменитостями. Въ этомъ отношенiи Женева все время занимала первое мѣсто. Нужно ли напоминать имена математика Штурма, астронома Плантамура, натуралистовъ Ф.-Ж. Пикте, отца и сына де Кандоллей, Клапареда, Фогта, Фоля, Фавра, Чуди, Агассица, Дезора, Геера, Мерiана, Штудера, физиковъ Огюста де ла Ривъ и Колладона? Доктора Кохеръ, Дюфуръ, Реверденъ, профессоръ Рауль Пикте достойно поддерживаютъ научное значенiе своей родины. Переходя къ моральнымъ и политическимъ наукамъ и къ изящной литературѣ, мы назовемъ богослововъ Гесса, Шультгесса, Швейцера, Вине, Селлерье, Бувье и Моно, которые прiобрѣли извѣстность въ срединѣ столѣтiя; филологовъ Адольфа Пикте, Виттенбаха и Гаспара д'Орелли, послѣ которыхъ нынѣшнiй профессоръ Фердинандъ де Соссюръ продолжаетъ содѣйствовать успѣху науки языкознанiя. Эрнестъ Навилль является въ настоящее время самымъ извѣстнымъ изъ философовъ Швейцарiи, среди которыхъ были Бонштеттены, Прево, Секретаны. Въ области права и политической экономiи въ Женевѣ создали школу Росси, Белло, Дюмонъ, Одье; въ нѣмецкой Швейцарiи Гонценбахъ и Блунчли. Въ исторiи и археологiи преемниками Сисмонди и Iоганна фонъ Мюллера были Моннары, Вюльемены, Готтингеры, Буркгардтъ, Мерль д'Обинье, Целльвегеръ, Виссъ, Сегессеръ, Рилье, Пикте де Сержи, Дагэ, Дандликеръ, Гильти, Либенау, Фази, Дю Буа-Мелли, Ф. Келлеръ, Мейеръ фонъ Кнонау и много другихъ, среди которыхъ выдается египтологъ Эдуардъ Навилль, профессоръ женевскаго университета. Швейцарская литература средины и конца столѣтiя прославлена была и прославляется еще нынѣ Тёпферомъ, Цшокке, Iеремiей Готхельфомъ, Битцiусомъ, Готфридомъ Келлеромъ, Конрадомъ-Фердинандомъ Мейеромъ, братьями Оливье, Маркомъ Монье, Рамберомъ, Амiэлемъ, Викторомъ Шербюлье, Эдуардомъ Родомъ. Въ области искусства работали музыканты Нидермейеръ и Бови-Лисбергъ, скульпторы Прадье, Шапонньеръ, Вела, Марчелло (д'Аффри, герцогиня Колонна), граверъ Бови, живописцы Дидэ, Каламъ, Бодмеръ, Люгардонъ, Горнунгъ, Жирарде, Леопольдъ Роберъ, Бенжаменъ Вотье, Глейръ, Анкеръ, Бёклинъ, Эмберъ, Ванъ Мюйденъ, Жиронъ, Ходлеръ. Наряду съ кантональными музеями, гдѣ собраны произведенiя этихъ артистовъ, только что основанъ нацiональный музей въ богатомъ городѣ Цюрихѣ, который является, въ сущности, столицей нѣмецкой Швейцарiи, какъ Женева—столицей Швейцарiи французской.

Дѣятельность швейцарцевъ плодотворна даже и для остального мiра; ихъ публичное право привлекаетъ къ нимъ вниманiе Европы; ихъ учрежденiя жизненны и оригинальны. Ихъ Союзный Совѣтъ является одновременно исполнительнымъ и руководящимъ органомъ, который не можетъ быть свергнутъ голосованiемъ палатъ и члены котораго обыкновенно переизбираются безъ конца, за исключенiемъ случаевъ отставки, вызванной чисто личными мотивами. Ихъ Союзное Собранiе, состоящее изъ двухъ представительныхъ Совѣтовъ, не можетъ быть распущено, но его законодательная власть ограничивается референдумомъ и правомъ законодательной инициативы самого народа. Рядомъ съ этими Совѣтами Союзный Судъ, свободный отъ всякаго внѣшняго влiянiя, воплощаетъ собой верховную справедливость, въ то время какъ внизу кантональныя власти, лишенныя своего суверенитета и устроенныя по образцу, все болѣе приближающемуся къ единообразiю, тѣмъ не менѣе еще пользуются административной автономiей. Сильная милицiонная армiя находится въ рукахъ союзнаго правительства, которое одно имѣетъ касательство до внѣш-

нихъ сношеній. Хотя культуркампфъ прекратился, римская нунціатура въ Швейцаріи остается невозстановленной, отчего однако совсѣмъ не пострадала епархіальная реорганизація страны, насчитывающей нынѣ пять епископствъ: Сіонское, Куарское, С.-Галленское, Солотурнское (т.-е. Базель-Лугано), Фрейбургское (т.-е. Лозанна-Женева). Съ остальными державами дипломатическія сношенія устроены вполнѣ нормально; Союзъ представленъ у этихъ державъ шестью или семью посольствами и большимъ количествомъ консульствъ. Онъ связанъ съ Европой многочисленными общими и спеціальными договорами.

Наконецъ, Швейцарія выполняетъ важную международную роль, становясь мѣстопребываніемъ крупныхъ учрежденій всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. По призыву женевскаго гражданина Анри Дюнана созданъ былъ въ 1863 году въ Женевѣ международный комитетъ помощи раненымъ, первымъ президентомъ котораго былъ генералъ Дюфуръ. Былъ устроенъ рядъ конгрессовъ, и уполномоченные различныхъ государствъ подписали въ 1864 году такъ называемую Женевскую Конвенцію, которая вызвала почти во всѣхъ странахъ міра учрежденіе обществъ Краснаго Креста, столь полезныхъ человѣчеству во время войны. Хотѣлось бы пойти дальше и уничтожить самую войну. Уже въ 1830 году графъ де Селлонъ основалъ въ Женевѣ первое общество мира; въ 1867 году тамъ же собрался конгрессъ мира и свободы. 1-го декабря 1891 года Бернъ сдѣлался мѣстопребываніемъ международнаго бюро мира, а въ 1892 здѣсь же расположилось бюро международныхъ мирныхъ конференцій. Эти учрежденія, по крайней мѣрѣ, рекомендовали державамъ разрѣшеніе конфликтовъ посредствомъ третейскаго суда. Этимъ именно путемъ въ 1872 году въ Женевѣ мирно разрѣшена была распря, возникшая между Англіей и Соединенными Штатами по поводу грабежей, совершенныхъ кораблями, зафрахтованными въ Англіи за счетъ южныхъ штатовъ (дѣло *Алабамы*).

Географическое положеніе и нейтралитетъ Швейцаріи способствуютъ ей становиться мѣстопребываніемъ международныхъ учрежденій. Здѣсь находится бюро пяти всемірныхъ союзовъ. Вслѣдъ за соглашеніемъ касательно международнаго телеграфнаго союза, подписаннымъ въ 1865 году въ Парижѣ, Бернъ сдѣлался международнымъ бюро телеграфныхъ учрежденій. Послѣ того какъ въ 1874 году въ Бернѣ заключенъ былъ всемірный почтовый союзъ, тамъ же въ слѣдующемъ году создано было международное бюро. Въ столицѣ Союза находится центральное учрежденіе по международному транспорту, управляемое съ 1893 года Нумою Дрозомъ, бывшимъ президентомъ Союза; оно возникло вслѣдствіе соглашенія, касающагося международнаго транспорта товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ и подписаннаго въ Бернѣ въ 1890 году. Международное бюро промышленной собственности, или фабричныхъ клеймъ учреждено было тамъ же въ 1885 году; наконецъ, бюро интеллектуальной собственности, или авторскихъ правъ создано было въ результатѣ предыдущаго въ теченіе 1888 года.

Такимъ образомъ видно, что Швейцарія обязана своею безопасностью не только географическому своему положенію, своей политической системѣ, патріотизму своихъ обитателей, но и довѣрію, какое она внушаетъ Европѣ, и услугамъ, какія она оказываетъ дѣлу человѣчества.

Глава VI.

Королевства Бельгія и Голландія съ 1870 года. Великое герцогство Люксембургское съ 1815 года.

I.—Королевство Бельгія.

Современная исторія Бельгіи является сначала продолженіемъ исторіи предшествующаго періода [1]). Либералы борются съ католиками и окончательно побѣждены въ 1884 году. Новая эпоха начинается послѣ пересмотра конституціи и установленія всеобщаго голосованія (въ 1893 г.). Съ этихъ поръ главнымъ противникомъ католическаго и монархическаго режима въ парламентѣ и въ странѣ становится соціалистическая партія.

Господство католиковъ (1870—78 г. г.).— На выборахъ 14 іюня 1870 года католики получили большинство двухъ голосовъ. Либеральное министерство уступило мѣсто министерству католическому, которое распустило обѣ палаты; новые выборы (2 августа) дали кабинету большинство 22 голосовъ въ Палатѣ и 6 въ Сенатѣ. Католики сохранили власть до 1878 года. Ихъ правительство (министерство д' Анетана, затѣмъ министерство Малу) отличалось малодѣятельностью. Во внутренней политикѣ принято было лишь двѣ важныхъ мѣры: во первыхъ, правительство объявило, что фламандское нарѣчіе будетъ оффиціальнымъ языкомъ и что имъ можно пользоваться въ административныхъ актахъ и въ судебныхъ дебатахъ въ области господства *фламандской* національности. Это была уступка сельскимъ жителямъ Фландріи, ревностнымъ католикамъ; это было препятствіе либеральной пропагандѣ, производимой почти всегда на французскомъ языкѣ жителями городовъ.—Во-вторыхъ, министерство провело законъ, понижавшій избирательный цензъ для провинціальныхъ совѣтовъ до двадцати франковъ, для коммунальныхъ совѣтовъ до десяти; но оно отказалось присоединить сюда интеллигенцію безъ всякаго ценза, чего требовали прогрессисты (въ 1870 году). Такимъ образомъ реформа направлена была преимущественно въ пользу мелкихъ земельныхъ собственниковъ и не давала права голоса лицамъ либеральныхъ профессій. Примѣненіе этой реформы было чрезвычайно благопріятно для католиковъ. Обновленіе провинціальныхъ совѣтовъ въ томъ же году привело къ утратѣ либералами муниципалитетовъ многочисленныхъ мелкихъ фламандскихъ городовъ, которые сдѣлались католическими, какъ и муниципалитеты окрестныхъ деревень.

[1]) См. томъ V, гл. XI. Король Леопольдъ II, сынъ Леопольда I, царствуетъ съ 1865 года.

Бельгія была въ то время единственной націей западной Европы, гдѣ власть находилась въ рукахъ католиковъ. Въ другихъ мѣстахъ они всюду или были въ меньшинствѣ, или не могли совладать съ направленной противъ нихъ оппозиціей. Въ Италіи король только что захватилъ Римъ и остальныя папскія владѣнія. Въ Германіи былъ какъ разъ періодъ *культуркампфа*, во Франціи—начало борьбы между республиканцами и католиками, соединившимися съ монархистами.

Ультрамонтанство въ Бельгіи.—Большинство бельгійскихъ католиковъ уже не довольствовалось либеральнымъ и терпимымъ католицизмомъ, господствовавшимъ въ парламентскихъ собраніяхъ съ 1830 по 1847 годъ. Въ Бельгіи, благодаря либеральнымъ католикамъ, епископы независимы отъ правительства и непосредственно сносятся съ папой. Духовенство, слѣдовательно, руководствуется указаніями изъ Рима, а масса вѣрующихъ слѣдуетъ за духовенствомъ. А Григорій XVI еще въ 1832 году осудилъ „нелѣпое и ошибочное правило, будто слѣдуетъ обезпечить всѣмъ свободу совѣсти“. Въ энцикликѣ *Quanta cura* и въ дополняющемъ ее *Силлабусѣ* (1864 года) Пій IX разразился анаѳемой противъ либерализма, даже католическаго, и подтвердилъ, что свѣтская власть должна быть подчинена авторитету Церкви. Одинъ университетскій профессоръ-католикъ публично нападалъ на „свободу заблужденія“, т.-е. на свободу совѣсти и печати, и получилъ папское посланіе, которое гласило: „Дай Богъ, чтобы эти истины поняты были тѣми, которые считаютъ себя католиками, упорно отстаивая свободу печати и другія свободы того же рода, установленныя въ концѣ минувшаго вѣка революціонерами и непрестанно отметаемыя Церковью“. Бельгійскіе епископы усваивали папскую политику и отличались своими безпрестанными нападками на противниковъ своей партіи. Епископъ Льежскій объявилъ въ одномъ пастырскомъ посланіи, что „отнынѣ ни одинъ католикъ не можетъ ни при какихъ выборахъ подавать голосъ по чистой совѣсти въ пользу кандидата, примыкающаго къ такъ называемымъ либеральнымъ ассоціаціямъ и покровительствуемаго ими.“ Епископъ Намюрскій объявилъ недостойными допущенія къ таинствамъ всѣхъ, состоящихъ членами либеральнаго общества. Другіе епископы воспрещали вѣрующимъ посылать дѣтей въ свѣтскія учебныя заведенія. Одинъ изъ нихъ, использовавъ до конца права, данныя ему Антверпенской конвенціей, заставилъ коллегію въ Шимэ принять регламентъ, которымъ разрѣшалось проповѣднику „бороться съ либерализмомъ, какъ съ ересью“, и воспрещалось преподавателямъ участвовать въ какомъ бы то ни было либеральномъ собраніи и подписываться на либеральные журналы.

Въ самой католической партіи старые пріемы терпимости и автономіи были оставлены. Бельгійскій католическій органъ *Croix* (Крестъ) обнародовалъ посланіе, въ которомъ папа возставалъ „противъ преступныхъ, или, по меньшей мѣрѣ, ложныхъ ученій, принятыхъ во многихъ мѣстахъ, въ родѣ католическаго либерализма, который стремится примирить свѣтъ съ тьмою, истину съ заблужденіемъ“. На большомъ банкетѣ въ Мехельнѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ архіепископъ-примасъ Бельгіи, здравицу за папу провозгласили раньше, чѣмъ за короля. Пій IX выразилъ предъ бельгійскими паломниками свое пожеланіе, чтобы правительство разрѣшило совершать браки въ церкви до совершенія гражданскихъ формальностей; группа гентскихъ католиковъ составила петицію съ требованіемъ отмѣны гражданскаго брака подъ тѣмъ предлогомъ, что „исключительно церковной власти надлежитъ устроеніе всего, касающагося брака“. Министерство оставило это требованіе безъ послѣдствій. Оно было смущено требованіями ультрамонтановъ. Епископы стали приниматься

за чиновниковъ и политическихъ вождей, принадлежавшихъ къ ихъ партіи. Одному прокурору, примѣнившему законъ не въ пользу одного фабричнаго совѣта, грозили отлученіемъ отъ таинствъ. Одинъ мэръ вынужденъ былъ взять на себя обязательство руководствоваться при погребеніяхъ указаніями священника. Епископъ Турнэскій порицалъ въ публичномъ посланіи бывшаго католическаго министра Анетана за то, что тотъ предложилъ мировую сдѣлку по вопросу о кладбищахъ, господство надъ которыми священники хотѣли сохранить за собой. Духовенство рекомендовало вѣрующимъ чтеніе ультрамонтанскихъ газетъ, которыя обвиняли министровъ въ недостаткѣ усердія. Одинъ только католическій органъ поддерживалъ политику правительства. На Мехельнскомъ конгрессѣ епископы жаловались на „пренебреженіе", въ которомъ кабинетъ оставлялъ дѣла вѣры (въ 1878 году). Было очевидно, что если успѣхи католической партіи будутъ продолжаться, власть перейдетъ къ сторонникамъ Энциклики и Силлабуса.

Послѣдняя политическая побѣда либераловъ.—Такое положеніе дѣлъ привело къ примиренію двухъ либеральныхъ фракцій, *доктринеровъ*, т.-е. умѣренныхъ, и *прогрессистовъ*, т.-е. радикаловъ. Они разошлись по вопросу о цензѣ, котораго первые не соглашались понизить. Попытка примиренія между обѣими фракціями сдѣлана была въ 1870 году, въ критическій моментъ, когда установлялось торжество католиковъ. Въ это время *Либеральный Конвентъ*, на которомъ господствовали прогрессисты, предложилъ въ качествѣ совмѣстной программы: допущеніе интеллигенціи безъ всякихъ цензовыхъ нормъ къ провинціальнымъ выборамъ; расширеніе начальнаго обученія съ тѣмъ, чтобы дать всякому ребенку образованіе, дающее право подачи голоса безъ всякихъ цензовыхъ условій; раздѣленіе государства и церквей, пересмотръ закона 1842 года о начальномъ обученіи, секуляризація обученія; отмѣну изъятій отъ военной службы для духовенства. Но доктринеры отказались принять эту программу, находя ее слишкомъ крайней, и распря между двумя либеральными партіями продолжалась. Ихъ примирилъ успѣхъ ультрамонтанства. Доктринеры, которымъ угрожала пропаганда епископовъ, сдѣлались менѣе терпимыми и стали съ меньшимъ почтеніемъ относиться къ формамъ культа. Какъ и въ критическія времена съ 1842 по 1847 г. и въ 1857 году, либералы отвѣтили теперь на непримиримый католицизмъ воинствующимъ антиклерикализмомъ. Они рекомендуютъ чтеніе книгъ, враждебныхъ Церкви, распространяютъ каррикатуры на костюмъ и привычки свещенниковъ, ведутъ пропаганду противъ крещенія, вѣнчанія, церковнаго погребенія, стараются розоблачать въ печати промахи отдѣльныхъ членовъ духовенства, паломничествамъ противоставляютъ контръ-манифестаціи, иногда приводящія къ столкновеніемъ. Возрожденная либеральная партія принимаетъ девизъ: „единеніе дѣйствіемъ". Большинство либеральныхъ обществъ группируется въ единую *Федерацію*. Борьба противъ католиковъ предпринимается всюду, даже во Фландріи, гдѣ основывается важная газета *Либеральная Фландрія*. Несмотря на всѣ свои усилія, либералы терпятъ пораженіе при половинномъ обновленіи состава палаты въ 1876 году. Тогда *Федерація либеральныхъ ассоціацій* требуетъ разслѣдованія по поводу обстановки выборовъ; обнаруживаются факты давленія, произведеннаго священниками, внесеніе въ списки при пособничествѣ духовенства, подложныхъ избирателей, и *Федерація* требуетъ реформы, обезпечивающей правильность баллотировки. Министерство согласилось на принятіе австралійской системы, недавно принятой въ Англіи; избиратель при входѣ въ помѣщеніе, гдѣ происходитъ голосованіе, получаетъ печатный листъ съ именами всѣхъ кандидатовъ, отмѣчаетъ въ „кулуарѣ", безъ сви-

дѣтелей, желаемое имя и кладетъ сложенный бюллетень въ урну (1877 г.). При половинномъ обновленіи состава палаты въ 1878 году либералы прошли большинствомъ десяти голосовъ; они оставались у власти шесть лѣтъ. Вождь ихъ Фреръ-Орбанъ, анти-демократъ и вмѣстѣ съ тѣмъ анти-клерикалъ, сталъ во главѣ власти съ министерствомъ, состоявшимъ изъ доктринеровъ и прогрессистовъ.

Законъ о свѣтскомъ начальномъ обученіи (1879 года).—Разрывъ съ Римомъ.—Первымъ пунктомъ объединенной либеральной программы была отмѣна закона 1842 года о начальномъ обученіи. Новый кабинетъ посвятилъ свои силы учрежденію свѣтскихъ школъ. При самомъ своемъ образованіи кабинетъ создалъ спеціальное министерство народнаго просвѣщенія, поставивъ во главѣ его прогрессиста; затѣмъ, послѣ шестимѣсячнаго обсужденія проведенъ былъ школьный законъ 1-го іюля 1879 года, обязывавшій каждую общину устроить и содержать по крайней мѣрѣ одну общественную школу. Государство даетъ программу, назначаетъ инспекторовъ и обязываетъ общины брать учителей, снабженныхъ дипломомъ. Школа должна была быть безплатной для бѣдныхъ и могла, по желанію муниципалитета, быть безплатной для всѣхъ дѣтей. Школа была нейтральна, но священники допускались въ нее для преподаванія закона Божьяго въ часы, свободные отъ классныхъ занятій. Эта уступка не удовлетворила духовенства, которое хотѣло сохранить обязательное преподаваніе закона Божьяго, согласно закону 1842 года. Собравшіеся въ Мехельнѣ епископы двумя коллективными посланіями осудили новую школьную систему, какъ „развращающую, нечестивую, противную божественнымъ законамъ". Они рѣшили совмѣстно организовать повсюду католическія школы, отлучать родителей, которые не станутъ посылать дѣтей въ вольную конфессіональную школу, членовъ свѣтскихъ школьныхъ комитетовъ, учениковъ и преподавателей нормальныхъ школъ, свѣтскихъ преподавателей, которые согласятся сами преподавать дѣтямъ законъ Божій. Министерство ничего не могло подѣлать съ епископами, которые въ Бельгіи не считаются должностными лицами, и снова обратилось къ папѣ Льву XIII. Первосвященникъ велѣлъ объявить представителю Бельгіи въ Римѣ, что онъ не можетъ осудить поведеніе епископовъ, но посовѣтуетъ имъ быть спокойнѣе и умѣреннѣе. Удовлетворившись этой уступкой, Фреръ - Орбанъ сохранилъ посольство при Ватиканѣ, вопреки мнѣнію своей партіи. Но епископы продолжали свою оппозицію, и министерство узнало, что архіепископъ-примасъ тайно увѣдомилъ ихъ, что папа безъ всякихъ оговорокъ одобряетъ ихъ поведеніе. Тогда Фреръ-Орбанъ рѣшился порвать съ Римомъ; онъ отозвалъ представителя Бельгіи при Ватиканѣ; папскій нунцій тоже удалился (іюнь 1880 г.). Борьба между государствомъ и церковью ожесточилась. У католиковъ школы были повсюду; средства, рекомендованныя епископами и примѣняемыя священниками, дѣйствовали столь успѣшно, что католическая школа привлекала вдвое больше учениковъ, чѣмъ школа государственная (во Фландріи даже вчетверо болѣе). Либеральное большинство назначило разслѣдованіе о средствахъ, примѣняемыхъ для того, чтобы затруднить выполненіе закона 1879 года; опубликованы были отказы въ отпущеніи грѣховъ, рѣзкія проповѣди, произнесенныя съ каѳедры, интердиктъ, провозглашенный священниками противъ свѣтской школы, ея учениковъ, учителя и его семьи, упорное нежеланіе католическихъ общинъ и провинцій, которыя отказывались вотировать средства на свѣтскую школу. Правительство выговорило себѣ право принуждать органы мѣстнаго самоуправленія къ уплатѣ школьныхъ расходовъ (въ 1881 году). Оно прекратило жалованіе викаріямъ, которые выступали въ качествѣ католическихъ учителей. Оно

отмѣнило изъятіе конгреганистовъ отъ военной службы, опираясь на тотъ фактъ, что 40% изъ нихъ вступали въ ордена (въ 1883 гуду). Оно увеличило количество свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и предложило создать таковыя для дѣвицъ. Борьба за свѣтское преподаваніе была въ эту пору въ Бельгіи почти такая же, какъ и во Франціи.

Возвращеніе католиковъ ко власти (1884).—Новый школьный законъ.—Такъ какъ либеральное правительство строго провѣрило деревенскіе избирательные списки, то частичныя обновленія палатъ были ему благопріятны. Въ 1882 году его большинство поднялось до 18 голосовъ въ Палатѣ и до 3-хъ въ Сенатѣ. Но прогрессисты и доктринеры снова раздѣлились по вопросу о всеобщемъ голосованіи. Первые требовали его два раза (въ 1881 и 1883 году) и были побиты. Министерство соглашалось только на допущеніе интеллигенціи въ число провинціальныхъ и коммунальныхъ избирателей. Оно создало въ массахъ недовольство увеличеніемъ расходовъ, вызванныхъ устройствомъ школъ, общественными работами: въ бюджетѣ 1881 года появился дефицитъ, который въ 1883 году достигъ 25-ти милліоновъ. Пришлось проводить въ палатахъ новые налоги на движимыя цѣнности, алкоголь, табакъ. Проектъ увеличенія арміи также встрѣтилъ въ общественномъ мнѣніи дурной пріемъ.

Католики, враждебно относившіеся къ свѣтской школѣ и къ военнымъ расходамъ, предстали передъ избирателями въ видѣ партіи экономіи и бюджетнаго равновѣсія. При частичномъ обновленіи палатъ въ 1884 году они отняли 66 мѣстъ изъ 69, получивъ такимъ образомъ въ палатѣ большинство 34 голосовъ, большинство, какого не знала Бельгія съ 1847 года. Съ этихъ поръ ихъ большинство безпрерывно возрастало при всѣхъ выборахъ. Среди католическихъ депутатовъ различаютъ умѣренныхъ, вождемъ которыхъ состоитъ Малу, затѣмъ Бернартъ, и ультрамонтановъ, съ ихъ лидеромъ Вустомъ; но по указанію папы Льва XIII вся партія объявляетъ себя конституціонной.

Кабинетъ 1884 года, сначала подъ президентствомъ Малу, а затѣмъ Бернарта, составленъ былъ изъ католиковъ всѣхъ оттѣнковъ. Онъ началъ съ разрушенія дѣла либеральной партіи. Дипломатическія сношенія съ Римомъ были возстановлены; народное просвѣщеніе присоединено было къ министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ до 1878 года. Новый школьный законъ, принятый въ 1884 году, на дѣлѣ привелъ къ тому, что все начальное обученіе отдано было подъ руководство католическаго духовенства. По этому закону община можетъ, по своему выбору, содержать правительственную школу или „принять“ и субсидировать частную школу, лишь бы только она слѣдовала офиціальной программѣ и подчинялась инспекціи. Учителя не обязаны имѣть диплома. Казенные преподаватели, школы которыхъ будутъ закрыты общинами, получатъ пенсію не менѣе 1000 франковъ; двадцать отцовъ семейства могутъ потребовать отъ общины устройства нейтральной школы или школы конфессіональной, глядя по обстоятельствамъ. Преподаваніе закона божьяго въ школѣ обязательно, если такъ рѣшитъ муниципалитетъ; оно назначается до или послѣ уроковъ, такъ чтобы родители могли освобождать отъ него своихъ дѣтей. Либералы боролись противъ этихъ установленій; 29 муниципалитетовъ подписали петицію къ королю, въ которой просили его не давать своей санкціи новому закону. Въ Брюсселѣ произошли манифестаціи и уличныя схватки. Однако, законъ былъ обнародованъ послѣ принятія его Палатой и Сенатомъ. Тѣмъ не менѣе послѣ коммунальныхъ выборовъ, не особенно благопріятныхъ для католиковъ, король замѣнилъ двухъ ультрамонтанскихъ министровъ умѣренными.

Соціализмъ. Образованіе бельгійской рабочей партіи.—Либеральная партія сдѣлала попытку образоваться на новыхъ началахъ; но переговоры объ этомъ потерпѣли неудачу, потому что доктринеры (подъ предводительствомъ Фреръ-Орбана) отказались принять: во-первыхъ, распространеніе права голоса на всѣхъ, умѣющихъ читать и писать; во-вторыхъ, личную воинскую повинность,—эти два главныхъ пункта программы прогрессистовъ (подъ руководствомъ Янсона). Образовалась новая оппозиціонная партія, соціалистическая. Она возникла въ результатѣ многихъ движеній, изъ которыхъ главными являются слѣдующія три: во-первыхъ, въ Гентѣ фламандскіе рабочіе группировались въ синдикаты уже съ 1857 года; основаны были потребительныя коопераціи; соціалисты и возымѣли мысль опереться на эти ассоціаціи, которыя были признаны закономъ и не могли быть распущены безъ разныхъ формальностей. Они основали въ Гентѣ кооперативное товарищество особаго типа *Vooruit* (въ 1880 году), оригинальность котораго состоитъ въ томъ, что часть прибыли отдается на соціалистическую пропаганду. — Во-вторыхъ, въ каменноугольномъ и фабричномъ районѣ (Геннегау, Намюръ, Люттихъ) организовались валлонскіе рабочіе; среди ихъ вождей были агитаторы республиканско-революціоннаго склада, противники мирныхъ средствъ, и вѣтвь американскаго ордена „Рыцарей труда".—Въ-третьихъ, въ Брюсселѣ проживалъ кружокъ выдающихся писателей и мыслителей, находившихся въ сношеніяхъ съ многими политическими изгнанниками. Бельгійская литература и искусство за послѣднія двадцать лѣтъ пережили удивительный подъемъ. Многіе писатели и художники по убѣжденіямъ своимъ демократы и свободомыслящіе, находящіеся въ прямой оппозиціи съ оффиціальнымъ режимомъ своей страны. Брюссель былъ центромъ теоретиковъ-соціалистовъ, изъ которыхъ самымъ раннимъ былъ Цезарь де-Папе, одинъ изъ главныхъ членовъ Интернаціонала, умершій въ 1890 году. Въ Брюсселѣ состоялось и сліяніе гентскихъ и брабантскихъ соціалистовъ въ *Бельгійскую рабочую партію* (въ 1885 году). Партія принимаетъ принципы марксизма и тактику нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Партія быстро навербовала сторонниковъ въ такой странѣ, какъ Бельгія, гдѣ около половины населенія занято въ крупной промышленности. Во время экономическаго кризиса, въ 1886 году, вспыхнули значительныя стачки въ Люттихѣ и Геннегау; были нападенія на фабрики, взрывы динамита. Вмѣшались войска, пущено было въ ходъ оружіе и въ разныхъ стычкахъ убито было до сотни рабочихъ. Послѣ военной репрессіи наиболѣе замѣшанные въ дѣлѣ революціонеры подверглись преслѣдованію и были присуждены къ очень тяжелымъ наказаніямъ. При новой стачкѣ въ 1888 году подстрекательство и насильственныя дѣйствія были рѣшительно подавлены. Ничего не добившись насиліемъ, валлонскіе соціалисты послѣ оживленныхъ преній рѣшили примкнуть къ Рабочей партіи (въ 1889—90 году). Съ этихъ поръ Рабочая партія объединяетъ всѣхъ бельгійскихъ соціалистовъ, за исключеніемъ небольшихъ группъ коммунистовъ-анархистовъ.

Рабочая партія принялась за агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права, въ которомъ она нуждалась, чтобы получить представительство въ парламентѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ она требовала уничтоженія замѣстительства на военной службѣ и сокращенія самой службы съ цѣлью превращенія профессіональной арміи въ армію національную и демократическую, которая не станетъ стрѣлять въ стачечниковъ. Прогрессисты, уже раньше поставившіе два предыдущихъ вопроса, примкнули къ рѣшенію соціалистовъ. Въ 1890 году ихъ конгрессъ присоединился

къ принципу всеобщаго голосованія безъ всякихъ ограниченій.

Пересмотръ конституціи (1890—93 г.).— Всеобщее голосованіе и множественный вотумъ.—Уже нѣсколько лѣтъ идея избирательной реформы дѣлала успѣхи. Всѣ партіи соглашались, что цензъ въ 42 франка былъ слишкомъ высокъ и что 135.000 парламентскихъ избирателей было слишкомъ мало на 6 милліоновъ жителей. Доктринеры изъявляли согласіе на пониженіе ценза. Большинство католиковъ, всегда искавшихъ опоры противъ рабочихъ у крестьянъ, хотѣли близкаго ко всеобщему избирательнаго права, но съ условіемъ опредѣленнаго мѣстожительства голосующаго, какъ въ Англіи и Голландіи. Соціалисты и прогрессисты, пользуясь свободой собраній, устраивали многочисленныя манифестаціи на англійскій манеръ, митинги, шествія съ знаменами и эмблемами, плебисциты, публичное подписаніе петицій. Правительство долго не уступало. Послѣ двухлѣтнихъ колебаній и дебатовъ пересмотръ конституціи былъ вотированъ, и съ этой цѣлью избрана была новая Палата (въ 1892 году). Католическая партія получила большинство 26 голосовъ, что не составляло двухъ третей собранія: а измѣненія въ конституціи должны быть приняты, по крайней мѣрѣ, двумя третями голосовъ. Католики могли отвергнуть предложенія оппозиціи, но они не были достаточно сильны, чтобы провести свои собственныя. Пренія въ Палатѣ продолжались нѣсколько мѣсяцевъ, не приводя къ опредѣленному результату. Тѣмъ временемъ агитація становилась все сильнѣе. Прогрессисты организовали въ Брюсселѣ коммунальный плебисцитъ, который далъ значительное большинство принципу всеобщаго голосованія (февраль 1893 года). Рабочая партія уже два года тому назадъ постановила объявить всеобщую стачку, если пересмотръ не совершится. Она выполнила свою угрозу, когда Палата отвергла всеобщее голосованіе (апрѣль 1893 года). Много рабочихъ прекратило работу, особенно въ Геннегаускомъ каменноугольномъ районѣ. Боринажскіе стачечники пытались проникнуть въ Монсъ и были отброшены войсками, причемъ многіе были убиты. Брюссельское населеніе стало волноваться, встрѣчало короля враждебными криками; въ столицѣ и во многихъ городахъ состоявшая изъ горожанъ гражданская гвардія была въ большинствѣ на сторонѣ пересмотра конституціи. Гражданскіе гвардейцы Брюсселя бросали въ экипажъ короля листки и брошюры, въ которыхъ отстаивалось всеобщее голосованіе. Палата испугалась мятежа и рѣшилась быстро принять систему *множественнаго вотума* (*vote plural*). Пересмотръ совершился.

По новому закону въ принципѣ устанавливается всеобщее голосованіе съ двадцатипятилѣтняго возраста и послѣ годичнаго жительства въ одномъ и томъ же мѣстѣ; *одинъ дополнительный голосъ* дается отцамъ законныхъ дѣтей, владѣльцамъ недвижимой собственности въ 2000 франковъ, тѣмъ, кто владѣетъ доходомъ въ 100 франковъ, получаемымъ съ государственной ренты или съ вклада въ сберегательную кассу; *два дополнительныхъ голоса* имѣютъ получившіе высшее образованіе и нѣкоторые чиновники. Никто не можетъ имѣть больше трехъ голосовъ. Голосованіе обязательно. Возрастъ, необходимый для того, чтобы быть депутатомъ, установленъ въ двадцать пять лѣтъ. Какъ и раньше, каждые два года обновляется половина Палаты. Сенатъ составляется частью изъ членовъ, обладающихъ цензомъ (плательщиковъ налога въ 1200 франковъ или получающихъ доходъ въ 12.000 франковъ), избираемыхъ непосредственно тѣми же избирателями, которые избираютъ и Палату, но только съ тридцатилѣтняго возраста; частью изъ членовъ, назначаемыхъ провинціальными совѣтами безъ всякихъ цензовыхъ условій.

Партіи со времени установленія всеобщаго голосованія.—Новый режимъ удесятерялъ число избирателей и установлялъ въ среднемъ три голоса на каждыхъ двухъ избирателей. Съ 1893 по 1899 годъ произошли одни общіе выборы (въ 1894 году) и два раза обновлялась половина Палаты (въ 1896 и 1898 годахъ). Въ результатѣ получился полный разгромъ либеральной партіи, сведенной къ 18 депутатамъ послѣ 1896 года и къ 12-ти въ 1898 году; почти всѣ эти 12 были *прогрессисты*; *доктринеры* были едва представлены въ Палатѣ. Католическое большинство все болѣе и болѣе возрастало; оно насчитываетъ 112 депутатовъ на 152 (въ 1898 году). Въ это число входятъ и *христіанско-демократическіе* депутаты, избранные крестьянами фламандскихъ деревень. Эти демократы подобно соціалистамъ являются сторонниками государственнаго вмѣшательства въ пользу бѣдныхъ; они опираются на крестьянскіе синдикаты, нападаютъ на крупныхъ собственниковъ и хозяевъ и находятся въ борьбѣ съ епископами и католической высшей буржуазіей. Ихъ вождь, аббатъ Дансъ, избранъ былъ депутатомъ отъ Алоста въ 1894 году противъ вустовскаго списка. Въ 1898 году его епископъ запретилъ ему выступать кандидатомъ. Въ Палатѣ у него 8—9 сторонниковъ. Число голосовъ, поданныхъ за нихъ, съ 23.000 (въ 1894 году) повысилось до 58.000. Это повышеніе было бы еще значительнѣе, если бы обновленіе 1898 года не происходило какъ разъ въ такое время, когда много фламандскихъ крестьянъ занято за границей въ качествѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Главное новшество, вызванное всеобщимъ голосованіемъ, это—избраніе соціалистическихъ депутатовъ. До пересмотра ихъ не было ни одного; выборы 1894 года сразу дали ихъ 29; послѣ 1898 года ихъ 28. Лидеромъ партіи состоитъ молодой брюссельскій адвокатъ и публицистъ Эмиль Вандервельдъ. Соціалистическіе депутаты почти всѣ выбраны валлонскими рабочими, въ Геннегау вполнѣ самостоятельно, въ Намюрѣ и Люттихѣ съ поддержкой прогрессистовъ. Въ Палатѣ соціалисты и прогрессисты дружно требуютъ новаго пересмотра съ цѣлью уничтоженія множественнаго вотума, представительства меньшинства, короткой военной службы безъ права замѣстительства. Общее количество голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, съ 334.000, въ 1894 году, поднялось до 534.000. Соціалистическая партія стоитъ во главѣ оппозиціи.

Въ концѣ 1899 года новымъ пересмотромъ, вызваннымъ народными волненіями, установлено было *пропорціональное представительство*. Соціалисты сохранили свои голоса, либералы слегка усилились, большинство остается католическимъ.

Главные законы, принятые съ 1894 года, носятъ характеръ мѣропріятій противъ радикаловъ и соціалистовъ или въ пользу сторонниковъ католической партіи. Таковъ законъ 1895 года о голосованіи въ общинахъ. Чтобы быть избирателемъ въ общинѣ, отнынѣ надо имѣть тридцатилѣтній возрастъ (вмѣсто 21-го) и жить въ данной мѣстности три года (вмѣсто одного); дополнительные голоса даются въ деревнѣ по цензу гораздо менѣе значительному, чѣмъ въ городахъ. Одинъ избиратель можетъ соединять въ своихъ рукахъ *четыре голоса*. Это „законъ четырехъ подлостей“, какъ заявилъ одинъ соціалистическій депутатъ. Рабочая партія попробовала было возобновить всеобщую стачку, чтобы помѣшать принятію этого закона, но потомъ отказалась отъ этой мысли въ виду сдѣланныхъ правительствомъ приготовленій къ военному подавленію стачки. Въ томъ же 1895 году школьный законъ возстановилъ обязательное преподаваніе закона Божьяго въ общественныхъ школахъ, какъ въ 1842 году, и воспретилъ общинамъ безплатно обучать тѣхъ, чьи родители мо-

гутъ вносить плату; все это для того, чтобы свѣтскія школы не могли конкуррировать со школами конфессіональными. Разрѣшены были субсидии вольнымъ школамъ, не сообразующимся съ оффиціальною программой.

Новый законъ объ ассоціаціяхъ призналъ за синдикатами юридическую личность, но отказалъ имъ въ правѣ преобразовываться въ производительныя кооперации (1896—97 гг.). Фламандскій языкъ получилъ оффиціальное признаніе во всемъ королевствѣ. Законы обнародываются на двухъ языкакъ (1897 г.).

Изъ вопросовъ, стоящихъ на очереди, приходится отмѣтить:

Во-первыхъ, предложенія о покровительственныхъ тарифахъ, внесенныя деревенскими депутатами, отвергнутыя представителями промышленныхъ и торговыхъ городовъ. За исключеніемъ нѣскольхихъ пошлинъ на маргаринъ, масло, муку, Бельгія по сію пору остается сторонницей свободнаго обмѣна по тѣмъ же соображеніямъ, что и Англія, именно потому, что она нуждается въ свободномъ сбытѣ за границу продуктовъ своей столь значительной промышленности.

Во-вторыхъ, установленіе личной военной службы, которую королю и военной партіи хотѣлось бы ввести на германскій образецъ; но противъ нея высказывается большая часть католиковъ, а прогрессисты и соціалисты готовы принять ее при условіи ея организации на швейцарскій образецъ.

Въ-третьихъ, вопросъ о Конго. Король принялъ президентство въ Свободномъ государствѣ Конго съ согласія палатъ, подъ условіемъ, что унія эта будетъ чисто личной, и что Бельгіи не придется участвовать въ расходахъ на Конго; но большинство разрѣшило займы въ пользу Свободнаго государства. Одна партія требуетъ, чтобы Бельгія приняла въ уплату само Свободное государство, которое изображаютъ прекраснымъ рынкомъ для бельгійской промышленности. Король завѣщалъ Конго Бельгіи.

Большинство расходится во мнѣніяхъ по этимъ вопросамъ, но сплачивается въ одно цѣлое, куда входятъ даже христіанскіе демократы, когда рѣчь идетъ о борьбѣ съ радикально-соціалистической коалицией. Съ тѣхъ поръ какъ либералы ослаблены, бельгійскій парламентъ раздѣлился на двѣ крайнихъ партіи. Вотъ почему пренія принимаютъ здѣсь рѣзкую, иногда прямо бурную форму. Политическая жизнь Бельгіи совершенно измѣнилась съ 1830 года; почти вовсе нѣтъ либеральныхъ католиковъ, очень мало либераловъ - доктринеровъ. Настоящія партіи уже не питаютъ къ конституціи того уваженія, какое было у создателей независимости. Конституціи 1831 года болѣе не существуетъ вслѣдствіе измѣненій и передѣлокъ, произведенныхъ въ ней. Оппозиція требуетъ прежде всего пересмотра, который безъ сомнѣнія былъ бы направленъ противъ монархіи и церкви. Старая Бельгія была раемъ либерализма. Новая—является полемъ битвы католицизма съ соціализмомъ.

II.—Королевство Голландія.

Съ 1870 года большинство въ Палатахъ (за исключеніемъ періода съ 1888 по 1891 годъ) и министерство принадлежали почти всегда къ либеральной партіи, которая сохранила власть до законодательныхъ выборовъ 1901 года [1]).

Политическія партіи. — Либералы являются депутатами торговыхъ городовъ; они дѣлятся на умѣренныхъ и прогрессистовъ. Во Фрисландіи образовалась *ра-*

---

[1]) Король Вельгельмъ III, царствовавшій съ 1849 года, умеръ позднѣе всѣхъ своихъ сыновей въ 1890 году; его преемницей сдѣлалась его дочь Вильгельмина, родившаяся въ 1880 году, которая достигла совершеннолѣтія и короновалась въ 1898 году. Она вышла замужъ за одного нѣмецкаго принца.

дикальная партія, но она почти не имѣетъ представителей въ парламентѣ, который избирается голосованіемъ на основѣ ценза. Противники либеральной коалиціи образуютъ двѣ партіи: во-первыхъ, консерваторовъ - протестантовъ, принявшихъ общее названіе *анти-революціонеровъ;* во-вторыхъ, католиковъ. Анти-революціонеры обвиняютъ либерализмъ въ томъ, что онъ „языческій порядокъ, отвращающій умы отъ христіанства и вводящій въ законы революціонные принципы“. Они опираются на крестьянъ-кальвинистовъ. Одни изъ нихъ очень консервативные аристократы (фракція Саворнина-Ломана), другіе согласны на расширеніе избирательнаго права (фракція д-ра Кеупера). Одна только католическая партія, опирающаяся на Брабантъ и Лимбургъ, прочно организована и сохранила свое единство. Существуетъ еще съ нѣкоторыхъ поръ лѣвая, довольно похожая на христіанскую демократію въ Бельгіи, подъ предводительствомъ д-ра Шапмана. Католики были когда-то союзниками либераловъ; но они подчинились инструкціямъ Энциклики и Силлабуса, начали открытую борьбу съ гражданскимъ обществомъ и въ союзѣ съ анти-революціонерами образовали коалицію, направленную главнымъ образомъ противъ свѣтской школы. Нѣсколько пасторовъ запротестовали недавно противъ соглашенія кальвинистовъ съ папистами. Они попытались повторить движеніе противъ Рима, аналогичное движенію 1853 года, и воскресить старую *историческую христіанскую* партію, одновременно враждебную и либерализму, и католицизму. Центромъ новыхъ историческихъ христіанъ является Утрехтъ. Столь различныя и разъединенныя партіи даютъ и мало устойчивыя министерства. Съ 1871 по 1888 годъ либералы имѣютъ большинство, и министерства находятся въ рукахъ ихъ вождей или распредѣляются между ними и консерваторами. Съ 1888 по 1891 годъ большинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть переходитъ къ коалиціи анти-революціонеровъ и католиковъ (министерство барона Макая). Великимъ вопросомъ въ это время становится избирательная реформа. Клерикальная коалиція не соглашается на нее. Тогда ее свергаютъ либералы на выборахъ 1891 года, и одинъ изъ членовъ новаго кабинета Такъ ванъ Портфлитъ предлагаетъ голосованіе, близкое ко всеобщему; это предложеніе разъединяетъ всѣ партіи безъ исключенія и приводитъ къ образованію двухъ враждебныхъ коалицій, „таккистовъ“ и „анти-таккистовъ“. Таккисты терпятъ пораженіе на выборахъ 1894 года, которые даютъ большинство умѣреннымъ. Послѣ выборовъ 1897 года власть перешла въ руки кабинета, составленнаго изъ представителей всѣхъ оттѣнковъ либерализма, съ Пирсономъ во главѣ. Въ 1898 году партіи представлены во Второй палатѣ слѣдующимъ образамъ: 47 либераловъ, по большей части прогрессистовъ; 5 радикаловъ; 1 историческій христіанинъ; 22 анти-революціонера; 22 католика. Двѣ послѣднихъ партіи всегда дѣйствуютъ вмѣстѣ. Они пріобрѣли большинство въ трехъ провинціяхъ изъ одиннадцати; имъ достаточно было бы привлечь на свою сторону еще одну провинцію, чтобы сдѣлаться господами въ Первой палатѣ, члены которой избираются провинціальными собраніями.

Соціализмъ въ Голландіи.—Голландская Вторая палата насчитывала въ 1897 году трехъ соціалистическихъ депутатовъ. Возникновеніе голландской соціалистической партіи относится ко времени рабочаго *Интернаціонала* (1864—1872). Она развивалась медленно и вербовала первыхъ своихъ сторонниковъ среди рабочихъ въ торговыхъ городахъ, особенно въ Амстердамѣ, и среди крестьянъ и сельскохозяйственныхъ батраковъ во Фрисландіи, которую соціалистическая партія старается отвоевать у радикализма. Первымъ ея

организаторомъ былъ Домела Нивенхеусъ, пасторъ, покинувшій свою прежнюю вѣру и свое служеніе и посвятившій себя соціалистической пропагандѣ (въ 1879 году). Соціалисты воспользовались экономическимъ кризисомъ въ 1886 году и начали агитацію среди рабочихъ. Они устроили въ Амстердамѣ громадный митингъ безработныхъ, который былъ разсѣянъ полиціей и войсками; нѣсколько дней спустя они пытались обратить въ мятежъ народную манифестацію, направленную противъ запрещенія одного празднества; послѣ троекратнаго предупрежденія войска выстрѣлили въ толпу, убивъ 35 и ранивъ 90 человѣкъ. Либералы безъ колебаній стѣснили право собраній подъ открытымъ небомъ, установленное послѣ 1848 года. Къ революціонерамъ начали примѣнять законъ объ оскорбленіи величества. Соціалистическая партія не отказалась отъ попытокъ произвести насильственный переворотъ, ибо ограниченное избирательное право отнимало у нея всякую надежду добиться своего мирными средства. Домела Нивенхеусъ, правда, состоялъ депутатомъ одного фрисландскаго округа въ Палатѣ въ теченіе одной легислатуры (1888—1891 гг.), но либералы, объединившись съ радикалами, помѣшали его переизбранію. Его партія принялась проповѣдывать примѣненіе силы. Соціалистическій конгрессъ въ Своллe провозгласилъ необходимость уничтоженія частной собственности всѣми возможными средствами (въ 1892 году). Муниципалитетъ сдѣлалъ доносъ на организаторовъ конгресса, но судебныя учрежденія объявили, что законъ не даетъ имъ средства осудить ихъ. Тогда правительство объявило о распущеніи соціалистической партіи, но она снова воскресла подъ именемъ *Socialisten Bond* (Союзъ соціалистовъ). Одна фракція соціалистовъ усвоила тактику пріобрѣтенія власти посредствомъ всеобщаго голосованія и организовалась въ *рабочую соціалъ-демократическую партію* по образцу и съ поддержкой нѣмецкихъ марксистовъ. На выборахъ 1897 года эта фракція провела двухъ своихъ вождей. *Bond* распался на части: Домела Нивенхеусъ и его сторонники попрежнему противъ парламентской дѣятельности; другіе хотятъ одновременно дѣйствовать и легальными средствами, и средствами революціонными; они кончили тѣмъ, что примкнули къ соціалъ-демократической партіи. Голландскія соціалистическія партіи замѣчательны главнымъ образомъ дѣятельностью своихъ вожаковъ. У нихъ всего пять депутатовъ въ Палатѣ. Тѣмъ не менѣе ихъ агитація заставила либеральную лѣвую порвать со старымъ ея правовѣріемъ, державшимся принципа „laissez faire". Съ 1887 года правительство провело рядъ законовъ о защитѣ женщинъ и дѣтей, занятыхъ въ промышленности, объ облегченіи устройства синдикатовъ и вообще объ улучшеніи положенія рабочихъ.

Колоніальные вопросы и дефицитъ.—Въ предыдущемъ томѣ [1]) мы видѣли, что почти полное оставленіе системы культуръ и предпринятіе общественныхъ работъ привело къ исчезновенію излишка въ колоніальныхъ доходахъ, который былъ безусловно необходимъ метрополіи для равновѣсія ея бюджета. Такимъ образомъ дефицитъ явился первымъ слѣдствіемъ реформъ въ восточной Индіи. Этотъ дефицитъ еще выросъ вслѣдствіе неудачной попытки расширенія голландскихъ владѣній. Въ 1871—72 г. Голландія уступила свои владѣнія на Гвинейскомъ берегу Англіи, которая въ обмѣнъ на это признала за Голландіей право занятія сѣверной части Суматры. Здѣсь находилось независимое мусульманское государство Атчинскаго султана. Голландцы воюютъ съ нимъ съ 1873 года и никакъ не могутъ покорить его; имъ пришлось увеличить свою колоніальную армію, они

[1]) См. т. V, стр. 289.

потѣряли массу народа, больше всего вслѣдствіе лихорадокъ и холеры, и истратили на Суматрѣ значительныя суммы денегъ. Къ дефициту въ метрополіи присоединился дефицитъ колоніальный, и оба вмѣстѣ въ концѣ-концовъ доходили въ иные годы до 60 милліоновъ франковъ. Министры колоній никакъ не могли сократить расходовъ и неоднократно Палаты свергали ихъ за это. Много кабинетовъ пало изъ-за того, что парламентъ отказывалъ имъ въ новыхъ налогахъ, предложенныхъ для увеличенія поступленій. Подоходный налогъ восемь разъ предложенъ былъ безъ всякаго успѣха. Наконецъ, либеральному министерству удалось провести его (въ 1892 году). Основанія этого налога таковы, что онъ ложится главнымъ образомъ на прибыль съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, а также на жалованье и гонорары,—тѣ и другіе начиная съ суммы въ 650 гульденовъ въ годъ; онъ не касается доходовъ съ капиталовъ, заработной платы, доходовъ съ земледѣлія. Въ 1892 году министерство провело еще налогъ на доходы съ капиталовъ, начиная съ 13.000 гульденовъ. До установленія этихъ налоговъ Голландія вынуждена была заключить нѣсколько займовъ. Необходимость найти новые источники доходовъ дала нѣсколько новыхъ сторонниковъ протекціонистамъ, которые опираются на крестьянъ. Охранительные тарифы, поддержанные всѣми католиками и половиною анти-революціонеровъ, до сихъ поръ были отвергаемы либеральнымъ большинствомъ различнаго состава.

Личная военная служба. — Голландская армія составлялась нѣкогда цѣликомъ изъ наемниковъ, какъ армія англійская; въ 1861 году, т.-е. въ эпоху, когда одновременно приходилось бояться и Наполеона III и Пруссіи, введенъ былъ рекрутскій наборъ, однако съ правомъ замѣстительства. Рядомъ съ постоянной арміей существуетъ милиція или запасъ (Schutterij), который стоитъ только по городамъ, причемъ входящіе въ его составъ люди на двѣ трети никогда не числились въ дѣйствительной арміи. Въ періодъ вооруженій, слѣдовавшій за войной 1870—71 г., въ Голландіи, какъ и въ Бельгіи, стали требовать: во-первыхъ, личной службы безъ права замѣстительства; во-вторыхъ, преобразованія милиціи въ настоящій запасъ, составляемый изъ людей, отбывшихъ воинскую повинность. Этихъ реформъ требовали главнымъ образомъ радикалы и передовые либералы. Какъ и въ Бельгіи, они встрѣтили непримиримую оппозицію со стороны католической партіи и большинства анти-революціонеровъ; тѣ и другіе стремятся поддержать привилегіи буржуазіи и боятся вліянія города на крестьянина во время его пребыванія въ казармѣ. Съ своей стороны, противъ вооруженій протестуютъ изъ соображеній гуманности и соціалисты. Домела Нивенхеусъ придалъ своей партіи антимилитаристическую окраску и далъ совѣтъ рабочимъ устроить всеобщую забастовку, чтобы сдѣлать невозможными мобилизацію и войну въ случаѣ конфликта между правительствами. Несмотря на все это, система личной военной службы, повидимому, напрашивалась и въ Голландіи. Министерство клерикальной коалиціи (1888—1891 гг.) въ свою очередь предложило ее къ великому неудовольствію своего большинства; отчасти изъ-за этого министерство и было разбито на всеобщихъ выборахъ. Одержавъ побѣду, либералы подхватили этотъ проектъ. Наконецъ, послѣ двадцатипятилѣтнихъ преній принципъ личной службы былъ вотированъ (въ 1898 году). Остается приложить его и внести законъ о способѣ набора новой арміи. Либеральное министерство сдѣлало уступку буржуазіи въ видѣ льготъ для студентовъ, и католикамъ въ видѣ освобожденія отъ службы всѣхъ духовныхъ, священниковъ, миссіонеровъ, мо-

наховъ и членовъ какихъ угодно орденовъ.

Начальное обученіе (1878 и 1889 гг.).— Мы уже знаемъ, что выборы происходили частью на почвѣ школьнаго вопроса, съ тѣхъ поръ какъ католики и кальвинисты объединились противъ нейтральной школы, установленной закономъ 1857 года. Католики протестовали противъ „школы безъ Бога“. Кальвинисты требовали „школы со св. Писаніемъ“. Либеральная партія всегда защищала свѣтскую школу. Въ 1878 году она провела важный законъ, подтверждавшій законъ 1857 года, улучшавшій матеріальное положеніе и увеличивавшій субсидіи отъ государства нейтральнымъ общественнымъ школамъ. Католики и кальвинисты собирали подписки подъ петиціями къ королю съ тѣмъ, чтобы просить его не обнародовывать закона 1878 года, но все это было тщетно. Нападки клерикальной коалиціи на свѣтскую школу никогда не прекращались. Въ 1885 году министерство, состоявшее изъ консерваторовъ и умѣренныхъ либераловъ, предложило, подъ предлогомъ экономіи, предоставить преподаваніе частной инищіативѣ; проектъ этотъ, поддержанный католиками и кальвинистами, былъ отвергнутъ, но большинствомъ лишь одного голоса; когда въ 1887 году состоялся пересмотръ конституціи съ цѣлью измѣненія способа голосованія, клерикальная оппозиція воспользовалась этимъ и потребовала, чтобы общественныя школы были конфессіональными или, по крайней мѣрѣ, открывались для священниковъ въ опредѣленные часы. На это крайняя лѣвая отвѣчала требованіемъ отдѣленія церкви отъ государства. Ни то, ни другое изъ этихъ предложеній не было принято. Въ годы своего пребыванія у власти клерикалы провели школьный законъ 1889 года, благопріятствующій конфессіональному обученію; отнынѣ государству приходится оказывать денежную поддержку уже не однимъ только нейтральнымъ общественнымъ школамъ, но и всѣмъ частнымъ школамъ, которыя имѣютъ болѣе 25 учениковъ, ведутъ преподаваніе сообразно съ оффиціальной программой и устроены какимъ-нибудь обществомъ или корпораціей, признанной закономъ. Либералы отвѣчали на это предложеніемъ безплатнаго и обязательнаго обученія, но оно было отвергнуто 48-ю голосами противъ 38. Кальвинисты заявили, что новый законъ, присвоившій конфессіональнымъ школамъ денежную поддержку, вызвалъ „умиротвореніе“ въ дѣлѣ обученія. Школьный режимъ 1889 года дѣйствуетъ въ Голландіи и понынѣ. Новый законъ, предложенный либеральнымъ министерствомъ 1897 года, стремился установить для родителей обязательное отправленіе своихъ дѣтей въ школу до тринадцати лѣтъ; но законъ этотъ допускалъ многочисленныя изъятія и не требовалъ безплатности, которая всецѣло зависѣла отъ рѣшенія муниципалитетовъ.

Избирательная реформа (1887—1896 гг.).— Наряду со всеобщею воинскою повинностью и школьнымъ строемъ избирательная реформа является вопросомъ, который ставился въ современной Голландіи чаще всего. Законъ о голосованіи изданъ былъ въ 1850 году. Съ 1876 года либералы требовали новаго пересмотра конституціи съ цѣлью пониженія ценза. Пренія на эту тему продолжались одиннадцать лѣтъ безъ всякаго результата. Наконецъ, правительство согласилось на пересмотръ *Основного Закона* (въ 1887 г.). Цензъ былъ пониженъ до 10 гульденовъ поземельнаго налога вмѣсто прежняго минимума въ 20 гульденовъ. Создано было двѣ новыхъ категоріи избирателей, обязанныхъ своимъ голосомъ личному налогу, исчисляемому по мѣстной стоимости занимаемаго ими жилища; это, во-первыхъ, собственники или непосредственные съемщики дома, платящіе налогъ, минимумъ котораго въ городахъ выше, чѣмъ въ деревнѣ; во-вторыхъ, всѣ

квартиронаниматели, платящіе извѣстную минимальную плату. Эти постановленія скопированы съ постановленій англійскаго законодательства: первая категорія отвѣчаетъ съемщикамъ цѣлыхъ домовъ (*householders*), вторая квартиронанимателямъ (*lodgers*). Благодаря этимъ мѣропріятіямъ число избирателей съ 140.000 поднялось до 300.000. Оно должно было увеличиться еще сильнѣе, ибо реформа 1887 года устанавливала, что право голоса въ принципѣ признано будетъ за всѣми гражданами, *обладающими признаками образованности и соціальнаго благосостоянія*, которые будутъ опредѣлены точнѣе послѣдующимъ закономъ. Граждане, прибѣгавшіе въ продолженіе одного года къ общественной благотворительности, никоимъ образомъ не должны были попасть въ избирательные списки. Наконецъ, къ конституціи прибавленъ былъ параграфъ, осуждавшій всеобщее избирательное право.

Истолкованіе закона 1887 года отложено было клерикальнымъ министерствомъ, находившимся у власти съ 1888 г. на 1891 годъ. Либеральному кабинету, образовавшемуся послѣ выборовъ 1891 г., предстояла задача первостепенной важности—опредѣлить, что слѣдуетъ считать признаками образованности и соціальнаго благосостоянія. Прогрессистскій министръ Такъ ванъ Портфлитъ внушилъ своимъ товарищамъ проектъ, установлявшій почти всеобщее голосованіе. Подъ признакомъ образованности подразумѣвалось умѣніе писать; подъ признакомъ благосостоянія—фактъ неприбѣганія къ помощи благотворительнаго бюро въ продолженіе послѣдняго предъ выборами года. Чтобы получить право голоса, было бы достаточно не получать помощи за счетъ общественной благотворительности и пойти въ мэрію и написать тамъ въ присутствіи чиновника прошеніе о внесеніи въ избирательные списки.

Разсчитывали, что если это толкованіе будетъ принято, то число избирателей поднимется съ 300.000 до 800.000. Проектъ Така разъединилъ всѣ партіи безъ исключенія. Онъ былъ поддержанъ радикалами и либералами лѣвой, самою важною фракціею кальвинистовъ, или антиреволюціонеровъ (д-ръ Кеуперъ) и нѣкоторыми католиками (д-ръ Шапманъ). Противъ него были умѣренные либералы, кальвинисты - аристократы (Саворнинъ-Ломанъ) и большинство католиковъ. Одинъ бывшій радикалъ ванъ Гаутнъ, откололся отъ Така и перешелъ съ нѣсколькими своими друзьями къ умѣреннымъ. Проектъ Така провалился въ Палатѣ, кабинетъ объявилъ ея распущеніе (въ 1894 году). Новые выборы состоялись на почвѣ одного только проекта избирательной реформы; обѣ коалиціи, одна враждебная толкованію Така, другая благосклонная къ нему, сохранили каждая свое единство безъ различія партій и ожесточенно боролись другъ противъ друга. Таккисты, первоначально одержавшіе верхъ, были разбиты при перебаллотировкѣ; они вернулись въ Палату въ числѣ 46 человѣкъ (изъ нихъ 35 крайнихъ либераловъ) противъ 54 „анти-таккистовъ“ изъ нихъ 24 католика). Министерство образовано было умѣренными либералами, и ихъ союзнику ванъ Гаутну поручено было изготовить новое толкованіе реформы 1887 года. Проектъ ванъ Гаутна былъ принятъ въ 1896 году. Онъ даетъ право голоса всѣмъ голландцамъ мужескаго пола, начиная въ двадцатипяти лѣтъ, на слѣдующихъ условіяхъ: во-первыхъ, уплата прямого налога (если это поземельный налогъ, то достаточно уплачивать 1 гульденъ; это постановленіе, очень благопріятствующее крестьянамъ, является уступкой въ пользу консервативной партіи); во-вторыхъ, быть съемщикомъ дома или квартиронанимателемъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, или быть собственникомъ или съемщикомъ судна вмѣстимостью не менѣе 24-хъ тоннъ; въ-

третьихъ, полученіе въ теченіе извѣстнаго времени содержанія или жалованья по крайней мѣрѣ въ 570 франковъ въ годъ, или участіе въ государственныхъ займахъ на сумму не менѣе 100 гульденовъ, или обладаніе 50-ю гульденами, внесенными въ сберегательную кассу. Извѣстный образовательный цензъ также даетъ право голоса. Обязательность подачи голоса, которой требовали католики, не была установлена. Реформа 1896 года повысила число избирателей въ Голландіи до 700.000 (по одному на каждые 7 жителей). Выше мы видѣли, что первое примѣненіе новаго закона (въ 1897 году) было благопріятно для либераловъ-прогрессистовъ.

Въ общемъ въ политической жизни Голландіи доминируютъ тѣ же вопросы, что и въ Бельгіи: школа, избирательное право, всеобщая воинская повинность. Но либеральная партія продержалась въ Голландіи дольше, чѣмъ въ Бельгіи. Такъ какъ Голландія не промышленная страна, то радикалы и соціалисты не могли пріобрѣсти здѣсь той силы, какую они пріобрѣли въ Бельгіи, и вынудить у либераловъ всеобщее избирательное право. Консервативная коалиція кальвинистовъ и католиковъ сначала сумѣла разстроить работу либеральной партіи въ области школы. Позднѣе она заставила редактировать въ своихъ видахъ нѣкоторыя положенія избирательнаго закона; законодательные выборы 1901 года дали ей большинство; либеральный кабинетъ уступилъ свое мѣсто кальвинистско-католическому кабинету съ д-ромъ Кеуперомъ во главѣ.

III.—Великое герцогство Люксембургъ съ 1815 года.

Великое герцогство Люксембургъ отдано было въ 1815 году Нидерландскому королю въ видѣ вознагражденія за нѣмецкія владѣнія оранско-нассауской фамиліи, присоединенныя къ Пруссіи. Оно входило въ составъ Германскаго союза. Городъ Люксембургъ былъ союзной крѣпостью, въ которой стоялъ прусскій гарнизонъ. Великое герцогство имѣло свою особую конституцію и было связано съ Нидерландами лишь личною уніей.

Жители Люксембурга были католики и большинство изъ нихъ говорило по-французски. Во время революціи 1830 года они возстали вмѣстѣ съ бельгійцами. Только городъ, занятый прусскимъ гарнизономъ, оставался спокойнымъ. Со времени трактата 1839 года бóльшая часть Люксембурга превратилась въ провинцію королевства Бельгіи. Небольшой клочокъ прежняго великаго герцогства, съ крѣпостью, остался подъ властью голландскаго короля. Это и есть нынѣшнее великое герцогство. Оно продолжало участвовать въ Германскомъ союзѣ, пока послѣдній не былъ распущенъ послѣ побѣдъ Пруссіи въ 1866 году.

Тогда возникло два вопроса: Во-первыхъ, останется ли Люксембургъ независимымъ? Во-вторыхъ, очиститъ ли прусскій гарнизонъ столицу? Наполеонъ III предложилъ голландскому королю купить Люксембургъ, и тотъ принялъ предложеніе Франціи; но прусскій министръ Бисмаркъ вмѣшался въ дѣло и помѣшалъ покупкѣ. Въ Лондонѣ собралась международная конференція и постановила, что великое герцогство будетъ независимымъ и нейтральнымъ государствомъ, безъ арміи, и что укрѣпленія столицы будутъ срыты. Прусскій король уже вывелъ свой горнизонъ изъ Люксембурга. Первый министръ Бельгіи, Рожье, ходатайствовалъ, но безъ успѣха, о присоединеніи независимой части къ бельгійской провинціи Люксембургу (въ 1867 году). Великое герцогство осталось со своей особой конституціей подъ управленіемъ голландскаго короля. Но Вильгельмъ III умирая (въ 1890 году) оставилъ только дочь. А великое герцогство составляетъ наслѣд-

ственное владѣніе оранско-нассаускаго дома лишь по мужской линіи. И вотъ оно было совершенно отдѣлено отъ Голландіи и образовало крошечное государство подъ управленіемъ Адольфа, герцога Нассаускаго, у котораго Пруссія въ 1866 году отняла его нѣмецкія владѣнія; впрочемъ, онъ впослѣдствіи примирился съ императоромъ Вильгельмомъ II.

Великое герцогство насчитываетъ 236.000 жителей. Оно имѣетъ парламентъ, избираемый гражданами, платящими по крайней мѣрѣ 10 франковъ налога. Большинство принадлежитъ либераламъ, изъ которыхъ многіе—сторонники всеобщаго голосованія. Они провели школьный законъ, сходный съ бельгійскимъ закономъ 1879 года.

Оффиціальнымъ языкомъ является французскій; большинство жителей говоритъ по-нѣмецки. Люксембургъ состоитъ въ таможенномъ союзѣ (Zollverein) съ 1843 года; его желѣзныя дороги принадлежатъ одной нѣмецкой компаніи.

Глава VII.

Скандинавскія государства съ 1870 года до нашихъ дней.

I.—Швеція и Норвегія.

Оскаръ II. Иностранная политика. Общіе трактаты обоихъ государствъ.—Оскаръ II, царствующій и понынѣ, вступилъ на престолъ 18-го сентября 1872 года послѣ своего брата Карла XV и короновался въ Стокгольмѣ 12 мая и въ Троньемѣ 18 іюля 1873 года.

Въ исторіи его царствованія, какъ и двухъ его непосредственныхъ предшественниковъ, надо разсматривать различные элементы: прежде всего вопросы, въ которыхъ трудно было бы отдѣлить Швецію отъ Норвегіи,—особенно это касается иностранной политики; затѣмъ исторію каждаго изъ этихъ двухъ государствъ; наконецъ, ихъ отношенія другъ къ другу. Эти факторы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно раздѣльны при всемъ ихъ постоянномъ взаимодѣйствіи. Однако для того, чтобы быть понятымъ, невозможно излагать ихъ ни совершенно соединивъ ихъ, ни отдѣливъ ихъ совсѣмъ другъ отъ друга. Въ теченіе періода, которымъ намъ предстоитъ заняться, всѣ споры, касающіеся уніи, оказываютъ лишь медленное и сравнительно посредственное вліяніе на собственно шведскую политику: вотъ почему послѣдняя безъ особыхъ упущеній можетъ быть изложена отдѣльно. Наоборотъ, въ Норвегіи, по уже высказаннымъ причинамъ, партіи въ борьбѣ между собою или противъ королевской власти обыкновенно брали платформою именно вопросъ объ отношеніяхъ со Швеціей. Слѣдовательно, лучше совсѣмъ не отдѣлять исторіи уніи отъ исторіи Норвегіи, даже указывая лишь при этомъ нѣкоторые факты шведской исторіи. Ничто не мѣшаетъ также упрощать изложеніе этихъ часто очень темныхъ вопросовъ, особо отмѣтивъ прежде всего нѣкоторые факты и черты, общіе обоимъ королевствамъ.

Не очень много приходится сказать о внѣшней политикѣ, общей въ силу необходимости у обоихъ государствъ, хотя, какъ мы увидимъ ниже, и могли быть случаи, когда они относились неодинаково къ иностранной державѣ. Политика эта, какъ извѣстно, всецѣло находится въ рукахъ короля, который, если существуютъ важные акты, не считаетъ нужнымъ сообщать о нихъ. Когда въ 1889 году одинъ шведскій депутатъ, Бексель, запросилъ правительство, заключило оно союзный договоръ съ Германіей или нѣтъ, то вопросъ этотъ былъ сочтенъ неумѣстнымъ и просто отстраненъ безъ всякихъ

Бьернсонъ-Бьернстьерне.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

дебатовъ по существу. Эта интерпелляція вызвана была слухами, распространявшимися съ извѣстной настойчивостью. Считалось, что король очень симпатизируетъ Германіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ наслѣдный принцъ, женившись въ 1887 году на баденской принцессѣ, породнился съ германскимъ императоромъ. Уже въ 1875 году, послѣ путешествія короля въ Берлинъ, но особенно въ 1888 году, послѣ посѣщенія императоромъ Стокгольма, стали дѣлать выводъ, что Соединенныя королевства связаны съ имперіей тѣсными узами. Съ другой стороны—и оба эти обстоятельства, можетъ быть, находились во взаимной связи—правительство временами, повидимому, боялось какого-нибудь посягательства со стороны Россіи, гдѣ печать отъ времени до времени требуетъ порта въ открытомъ морѣ, гдѣ-нибудь на норвежскомъ берегу: эти опасенія, можетъ быть, объяснятъ намъ тѣ предосторожности, которыя мы отмѣтимъ ниже.

Въ качествѣ результата продолжительнаго мира приходится отмѣтить и въ томъ и въ другомъ государствѣ значительное развитіе экономическаго благополучія, которое, несмотря на нѣкоторыя заминки и частичные кризисы, дастигло небывалой до сей поры высоты. Послѣдніе годы отмѣчены были также и блестящимъ умственнымъ движеніемъ. Скандинавскіе писатели сразу заняли замѣтное мѣсто въ европейской литературѣ. Съ другой стороны, нельзя обойти молчаніемъ замѣчательныхъ путешествій съ научными цѣлями. Наиболѣе славнымъ изъ нихъ были: путешествіе норвежца Нансена въ Гренландію и полярныя моря и шведа Норденшильда кругомъ Азіи.

Швеція.

Политическое положеніе при вступленіи на престолъ Оскара II.—Новый король при вступленіи своемъ на престолъ засталъ два вопроса первой важности, требовавшихъ разрѣшенія; это были военная реформа и реформа податная. Обѣ онѣ вели свое происхожденіе еще съ конца царствованія Карла XV. Шведская армія имѣла старинное и сложное устройство, начало котораго восходило ко временамъ Карла IX и Густава-Адольфа, и которое во многихъ отношеніяхъ не подвергалось серьезнымъ измѣненіямъ со временъ Карла XI. Дѣйствующая армія составлялась: съ одной стороны изъ постоянныхъ или вербованныхъ войскъ, оплачиваемыхъ непосредственно и исключительно короной; съ другой стороны—и въ этомъ оригинальная сторона дѣла—изъ войскъ кантонированныхъ, indelta (отъ indela—раздѣлять, размѣщать), т.-е. изъ людей, всегда готовыхъ къ службѣ, но размѣщенныхъ по всей территоріи страны, живущихъ семейно, своимъ домомъ, съ доходовъ отъ пожалованнаго имъ помѣстья, а въ сущности содержимыхъ, въ силу различныхъ сдѣлокъ, крупными земельными собственниками. Сверхъ этого былъ еще резервъ, состоявшій изъ людей, призванныхъ по набору и изрѣдка въ теченіе короткаго времени собиравшихся для военныхъ упражненій. Недостатки такой системы бросались въ глаза: мобилизація происходила медленно, часть войскъ была не достаточно обучена, наконецъ и численный составъ крайне слабъ, такъ, напр., постоянное войско, въ сущности единственное, которое фактически всегда было готово, доходило едва ли до 7.000 человѣкъ, а *indelta* самое большее до 25.000. Необходимость измѣнить такое положеніе дѣлъ представилась совершенно ясно главнымъ образомъ послѣ большого европейскаго кризиса 1866 года, который заставлялъ опасаться новыхъ потрясеній, а принципъ вооруженнаго мира, воцарившійся всюду послѣ войны 1870 года могъ только способствовать укрѣпленію этой точки зрѣнія.

Проекты податной реформы всѣ были внушены желаніемъ облегчить повинно-

сти, лежавшія на земельной собственности. Но въ то время какъ военные проекты исходили отъ правительства, иниціатива податныхъ проектовъ принадлежала странѣ или, точнѣе сказать, недавно сложившейся крупной партіи. Вслѣдствіе реформы народнаго представительства (въ 1865 году) и благодаря введенной тогда избирательной системѣ, вторая палата составилась главнымъ образомъ изъ лучшихъ элементовъ стариннаго крестьянскаго сословія. Мелкіе земельные собственники въ ней преобладали. Вмѣсто опредѣленныхъ доктринъ и общихъ точекъ зрѣнія они обладали здравымъ смысломъ и очень яснымъ сознаніемъ своихъ интересовъ. Они уговорились попробовать совмѣстно защищать эти интересы и объединяясь образовали аграрную партію *landtmannaparti*, возникшую въ 1867 году во главѣ съ графомъ Арвидомъ Поссе. Ея средоточіемъ была нижняя палата сейма, но вліяніе ея распростиралось на общественное мнѣніе, а также и на верхнюю палату, члены которой могли счесть полезнымъ присоединиться къ аграрной партіи или притти къ заключенію, что ихъ личные интересы совпадаютъ съ интересами, которые она собиралась отстаивать. Партія требовала бережливой и разумной администраціи, недовѣрчиво относилась къ широкимъ планамъ, противилась всякимъ затратамъ, не приводившимъ къ непосредственной прибыли, и, наконецъ, требовала, какъ мы уже выше сказали, уменьшенія бремени поземельнаго налога. Впрочемъ, партія мало-по-малу измѣнилась, даже разбилась на фракціи, какъ мы вскорѣ увидимъ, но вліяніе ея осталось поистинѣ преобладающимъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Выступленіе ея на арену дѣйствій знаменуетъ собой, наконецъ, новое направленіе, принятое внутренней исторіей Швеціи: экономическіе споры и препирательства становятся на мѣсто чисто политическихъ вопросовъ.

Для пониманія роли аграрной партіи и парламентской исторіи современной Швеціи не надо забывать двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, въ случаѣ конфликта между двумя палатами вопросъ рѣшается совмѣстнымъ голосованіемъ обѣихъ (*plenum*); съ другой стороны, реформа 1865 года вовсе не ввела парламентскаго режима, какимъ мы его понимаемъ: министры продолжаютъ быть совѣтниками короля, который избираетъ и удерживаетъ ихъ въ должности по своему усмотрѣнію. Парламентъ можетъ ставить безконечныя препятствія волѣ короля, но не можетъ навязать своей воли.

„Компромиссъ". Военныя реформы.—Вопросы податные и военныя реформы находятся обыкновенно въ тѣсной связи, такъ какъ всякое увеличеніе военныхъ силъ требуетъ новыхъ рессурсовъ. Въ Швеціи они связаны были больше, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе совершенно спеціальныхъ условій и довольно своеобразныхъ обстоятельствъ. Податная реформа состояла въ уменьшеніи налоговъ съ земельной собственности, и среди повинностей, отъ которыхъ ее хотѣли избавить, были между прочимъ и повинности, связанныя съ *indella*. Съ другой стороны, ничего нельзя было осуществить безъ содѣйствія аграрной партіи, т.-е. той самой, которая выступала противъ очень существенной стороны военнаго устройства, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовала экономіи. Такимъ образомъ задача сводилась въ сущности къ увеличенію арміи безъ денежныхъ затратъ, болѣе того, при уменьшеніи нѣкоторыхъ налоговъ. Задача могла считаться неразрѣшимой и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствительно казалась таковой. Старательно разработанные проекты вносились въ сеймъ во время послѣднихъ сессій царствованія Карла XV, но были отвергаемы благодаря упорству крестьянъ. Въ первый годъ царствованія Оскара II положеніе оставалось неизмѣннымъ. Чтобы выйти изъ тупика, обѣ наличныя партіи рѣшили столковаться. Сторонники воен-

ныхъ реформъ, т.-е. представители большинства верхней палаты вступили въ переговоры со сторонниками податныхъ реформъ, т.-е. съ аграріями, господствовавшими въ нижней палатѣ. Эти переговоры, веденные въ нѣдрахъ сеймового конституціоннаго комитета, состоявшаго изъ представителей обѣихъ палатъ, привели къ соглашенію, компромиссу, помѣченному 6-мъ мая 1873 года. Это была резолюція, посредствомъ которой комиссія объявляла, что шведская армія должна быть передѣлана кореннымъ образомъ, *indelta* уничтожается, но вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ и полнѣйшее измѣненіе земельныхъ налоговъ, часть которыхъ отмѣняется совершенно. Одобривъ дѣйствія своей комиссіи, сеймъ предложилъ правительству принять необходимыя мѣры. Съ этихъ поръ реформы военныя и реформы податныя были неразрывно связаны, сдѣлавшись предметомъ настоящаго торга между сторонниками тѣхъ и другихъ. Компромиссъ 1873 года въ извѣстной мѣрѣ устранялъ принципіальную оппозицію, но онъ не былъ рѣшеніемъ вопросовъ. Оставалось найти формы примѣненія, практическія средства удовлетворенія обѣихъ партій: многіе министры безуспѣшно потратили на это свои силы.

Первый проектъ, внесенный вслѣдъ за компромиссомъ въ 1875 году и склонявшійся къ отмѣнѣ *indelta*, не былъ принятъ. Министерство, принявшее тогда власть, во главѣ съ Іеромъ, предложило въ 1877 году новый проектъ, который былъ отвергнутъ, затѣмъ, въ 1881 году, еще одинъ, но и его постигла та же судьба; считая себя неспособнымъ привести дѣло къ какому-либо результату, министерство вышло въ отставку. Король обратился къ партіи, которая своею оппозиціей ставила препону всякой реформѣ, и составилъ кабинетъ во главѣ съ графомъ Поссе, вождемъ аграріевъ; изъ числа послѣднихъ нѣкоторые, впрочемъ, уже пытались, хотя и безуспѣшно, посредствомъ моціи указать то рѣшеніе, какое они считали подходящимъ. Новое министерство поручило изученіе вопроса спеціальнымъ комиссіямъ, и разработанный такимъ путемъ проектъ предложенъ былъ въ 1883 году на обсужденіе палатъ, совмѣстно съ проектами о земельномъ налогѣ: процедура, вполнѣ соотвѣтствовавшая духу компромисса. Но, какъ это часто бываетъ, аграріи не считали себя обязанными поддерживать своего вождя, очутившагося у власти, и ихъ стремленіе къ экономіи взяло верхъ надъ всѣми иными соображеніями. Въ 1881 году они уже неоднократно отвергли потребованные на сооруженіе крейсера кредиты; такъ же они поступили и на этотъ разъ. Военный проектъ подвергся въ нижней палатѣ такимъ измѣненіямъ, что верхняя палата отклонила его, и графъ Поссе, который лично тоже былъ несогласенъ съ его новой формулировкой, въ свою очередь вышелъ въ отставку, уступивъ мѣсто Тейзеліусу, первому разночинцу, призванному на столь высокій постъ (іюнь 1883 года).

Однако за время этихъ многочисленныхъ преній и этой безконечной борьбы мало-по-малу измѣнялись и воззрѣнія самихъ аграріевъ. *Indelta* снова пріобрѣла себѣ сторонниковъ. Теперь и самое рѣшеніе вопроса облегчилось; честь его разрѣшенія выпала на долю преемника Тейзеліуса, Темптандера (въ маѣ 1885 года): нѣкоторые поземельные налоги уменьшены были на тридцать процентовъ, тогда какъ резервъ былъ реорганизованъ со значительнымъ увеличеніемъ времени для военныхъ упражненій. Такимъ образомъ послѣ двѣнадцатилѣтнихъ усилій компромиссъ 1873 года привелъ къ извѣстному результату, Однако послѣдній представлялся далеко не полнымъ, и само правительство первое считало его недостаточнымъ, безъ различія, стоялъ ли во главѣ правительства Темптандеръ, Бильтъ (въ 1888 году), Океріельмъ (въ 1889 году) или Бостремъ (въ 1891 году). Можетъ

быть, оно подчинялось просто на просто общимъ теоретическимъ точкамъ зрѣнія, можетъ быть, наоборотъ, оно было подъ вліяніемъ своей иностранной политики и страха передъ нѣкоторыми изъ своихъ сосѣдей; трудно опредѣлить, въ чемъ тутъ дѣло; во всякомъ случаѣ оно не переставало дѣятельно работать надъ увеличеніемъ сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, такъ же, какъ и сооруженіемъ укрѣпленій, особенно въ провинціи Норландъ. Дѣйствительно, кредиты затребованы были въ нѣсколько пріемовъ. Особенно въ 1891 году внесены были разнообразные проекты; принятые Верхней палатой, они были отвергнуты Нижней. Наконецъ, въ слѣдующемъ году король созвалъ чрезвычайную сессію, которая приняла значительное увеличеніе арміи, въ обмѣнъ на новыя измѣненія въ земельныхъ налогахъ.

Протекціонисты и фритредеры.—Военные вопросы и вопросы податные, лежавшіе въ основѣ компромисса 1873 года, такимъ образомъ преобладали долгое время въ шведской политикѣ; тѣмъ не менѣе они стали утрачивать свое значеніе, и вскорѣ послѣ 1885 года возникли другія задачи, которыя вызвали новую борьбу и новое распредѣленіе партій. Аграріи, какъ мы видѣли, были практики, очень привязанные къ прямымъ матеріальнымъ интересамъ, и, съ другой стороны, земледѣльцы; вотъ почему ихъ чрезвычайно интересовали таможенные тарифы, и если они въ теоріи охотно допускали свободную торговлю, зато на практикѣ значительно предпочитали протекціонизмъ. Наоборотъ, партія, которая нѣкоторое время носила названіе Центра и которая являлась преемницей старинной такъ называемой партіи бургомистровъ (borgmästareparti), состоявшей изъ представителей городовъ, т.-е. людей торговыхъ, проповѣдывала свободную торговлю. Отсюда возникла борьба, которая сдѣлалась тѣмъ болѣе страстной, что въ это время страну не волновали какіе бы то ни было крупные политическіе дебаты. Впрочемъ, борьба эта скоро сосредоточилась около одного очень спеціальнаго пункта, который привелъ къ расколу среди аграріевъ. Одна группа, получившая кличку „новой аграрной партіи“, домогалась запретительныхъ пошлинъ на зерновой хлѣбъ, тогда какъ старая партія, въ одномъ только этомъ пунктѣ, относилась благосклонно къ свободной торговлѣ. Послѣдняя стала одерживать верхъ, благодаря поддержкѣ Верхней палаты, но положеніе измѣнилось на выборахъ 1887 года, которые привели къ совершенно своеобразному результату. Въ сущности, они обезпечили фритредерамъ большинство въ двадцать голосовъ. Но выборы въ Стокгольмѣ, пославшемъ двадцать два фритредера, были опротестованы за ошибочныя данныя, внесенныя въ побѣдный избирательный списокъ.

Въ такомъ случаѣ шведскій законъ требуетъ, чтобы избранными считались внесенные въ ближайшій по порядку избирательный списокъ. Но такъ какъ избиратели обнаруживаютъ всегда большую дисциплину, то не оказалось ни одного пестраго избирательнаго листа. И вотъ прошли двадцать два протекціониста, большинство оказалось прямо противоположнымъ. Къ власти призвано было министерство Бильта для проведенія крайняго протекціонизма и установленъ былъ налогъ на зерновой хлѣбъ (въ 1888 году). Однако въ 1890 году фритредеры вернули себѣ большинство въ Нижней палатѣ, но не могли получить его въ совмѣстномъ засѣданіи двухъ палатъ *(plenum)*, такъ какъ въ Верхней палатѣ они оставались въ меньшинствѣ. Борьба продолжалась въ такомъ родѣ, проходя черезъ различныя фазы, входить въ детали которыхъ здѣсь было бы совершенно излишне.

Избирательное право. Отношенія къ Норвегіи.—Среди другихъ чертъ, которыми характеризуются самые послѣдніе годы,

приходится отмѣтить нѣкоторые незначительные успѣхи соціалистовъ, впрочемъ, довольно малочисленныхъ, и агитацію, организованную съ цѣлью добиться расширенія избирательнаго права. Наиболѣе употребительнымъ пріемомъ для этого являлся созывъ въ Стокгольмѣ своего рода оффиціознаго парламента, получившаго названіе „Народнаго парламента", засѣданія котораго представляли, впрочемъ, довольно посредственный интересъ. Съ теченіемъ времени появился новый факторъ, который вскорѣ сталъ оказывать значительное вліяніе: я имѣю въ виду норвежскій вопросъ. Хотя различныя шведскія партіи могли очень разниться во взглядахъ на тактику, которой слѣдовало держаться по отношенію къ братскому народу, и проявлять болѣе или менѣе примирительное настроеніе, тѣмъ не менѣе всѣ, за очень рѣдкими исключеніями, оставались вполнѣ единодушными въ защитѣ правъ Швеціи, какъ только могло показаться, что они въ опасности. И вотъ правая торжественно провозгласила ихъ, и обѣ аграрныя группы снова слились (въ январѣ 1895 года), принявъ резолюцію, утверждающую необходимость поддержанія Уніи и совмѣстной работы обоихъ народовъ на поприщѣ реформъ. Однако, все это происшествія, которыя могутъ быть объяснены лишь принимая во вниманіе исторію Норвегіи, къ которой намъ и надо теперь обратиться.

Норвегія.

Норвежская оппозиція.—Норвежскій король, какъ мы уже видѣли, имѣетъ тройное званіе: короля Уніи, короля шведскаго и короля норвежскаго. На практикѣ разграниченіе почти невозможно. Идетъ ли рѣчь о томъ, чтобы вызвать перемѣны внутри страны или измѣнить ея отношенія съ сосѣднимъ государствомъ,—приходится имѣть дѣло все съ тѣмъ же правительствомъ. Правительство это отличается консервативными тенденціями какъ во внутреннихъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлахъ Уніи, и измѣненія отношенія со Швеціей добиваются либералы. Побѣда оппозиціи на одной аренѣ съ необходимостью усиливаетъ ее и на другой. Такимъ образомъ, какъ только положеніе становится натянутымъ, конфликтъ разомъ обнаруживается всюду, и становится совершенно невозможнымъ, какъ мы это только что сказали, разграничить внутренніе вопросы отъ вопросовъ, связанныхъ съ Уніей.

Тѣ и другіе уже стояли на очереди при вступленіи на престолъ Оскара II. Конфликтъ, которымъ отмѣчено было царствованіе Карла XV, былъ отсроченъ, но не разрѣшенъ, и спорный вопросъ относительно генералъ-губернатора въ сущности оставался все время открытымъ. Съ другой стороны, подъ конецъ того же царствованія въ Норвегіи сдѣланы были попытки къ усиленію вліянія парламента, т.-е. орудія, необходимаго для всякой законной оппозиціи. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ удались, и законъ 1869 года установилъ, что стортингъ отнынѣ будетъ собираться ежегодно, а не разъ въ три года. Зато моція, принятая въ 1872 году, не получила королевской санкціи. Моція эта добивалась разрѣшенія министрамъ участвовать въ преніяхъ стортинга, что было имъ воспрещено по смыслу конституціи; такое своеобразное положеніе, впрочемъ, вполнѣ допустимо, если припомнить, что въ Норвегіи, какъ и въ Швеціи, министры всегда были исключительно совѣтниками короля, который свободенъ избирать ихъ и удерживать въ должности по своему усмотрѣнію. Моція 1872 года не имѣла въ виду совершенно измѣнить такой порядокъ вещей, но тѣмъ не менѣе предлагавшійся ею порядокъ представлялъ собою необходимый этапъ къ установленію болѣе полной парламентарной системы. По поводу этого вопроса и завязалась сразу борьба между норвежцами и новымъ ко-

ролемъ, борьба очень продолжительная,— она тянулась около двѣнадцати лѣтъ,— но тѣмъ не менѣе очень упорная, несмотря на то, что различные инциденты слѣдовали другъ за другомъ съ большими промежутками. Въ самомъ дѣлѣ, не надо забывать формъ, обязательныхъ для всякаго пересмотра норвежской конституціи. Постановленіе, которому король отказываетъ въ своей санкціи, можетъ попасть на обсужденіе лишь въ слѣдующую законодательную сессію, и лишь послѣ того, какъ три сессіи сдѣлаютъ тождественное постановленіе, можно поставить вопросъ, является ли veto короля по существу абсолютнымъ.

Вопросъ о veto.—Одинъ изъ двухъ вопросовъ, остававшихся неразрѣшенными въ началѣ царствованія, новый король сразу разрѣшилъ весьма примиряющимъ мѣропріятіемъ: онъ согласился, съ 1873 года, на отмѣну должности генералъ-губернатора. Однимъ изъ послѣдствій этого мѣропріятія было созданіе должности государственнаго министра, или перваго министра; носителемъ ея сдѣлался Стангъ, глава консервативной партіи, давно уже находившійся у дѣлъ. Что касается допущенія министровъ въ стортингъ, государь точно также обнаружилъ склонность притти къ соглашенію: предложенный въ 1874 году отъ имени короля проектъ допускалъ принципъ моціи 1872 года, комбинируя его однако съ другими измѣненіями. Стортингъ отвергъ проектъ въ его цѣломъ и снова вотировалъ моцію 1872 года. Но уничтоженіе функцій генералъ-губернатора заставило нѣсколько измѣнить выраженія моціи. Такимъ образомъ, юридически это была въ сущности новая моція; необходимо отмѣтить это, такъ какъ теперь можно было сначала усчитывать сроки дѣйствія королевскаго veto. Подобно моціи 1872 года и эта не получила королевской санкціи. Слѣдующая сессія снова приняла ее въ 1874 году: судьба была опять та же. Наконецъ третья сессія еще разъ приняла ее (17-го марта 1880 года). И вмѣстѣ съ этимъ возникъ очень щекотливый и серьезный вопросъ. Опираясь на умолчаніе конституціи, правительство поддерживало точку зрѣнія, что королевское veto, которымъ въ обычныхъ случаяхъ постановленіе только отсрочивается, становится безусловнымъ въ вопросахъ конституціонныхъ; сообразно съ этимъ, король снова отказалъ въ своей санкціи. Стортингъ, въ которомъ общіе выборы предыдущей осени значительно усилили лѣвую, отвѣтилъ на это знаменитой „резолюціей 9-го іюня“, провозгласившей, что моція 17 марта пріобрѣла силу закона. Тогда запрошено было мнѣніе университета въ Христіаніи, который далъ заключеніе въ пользу правительственнаго толкованія. Король вслѣдствіе этого остался при своей точкѣ зрѣнія, но оппозиція не считала себя разбитой.

Она не могла затронуть короля, попрежнему неотвѣтственнаго. Но ничто не мѣшало ей нападать на министровъ: ихъ нельзя было свергнуть вотумомъ недовѣрія, потому что норвежская конституція не допускаетъ этого, но можно было поднять противъ нихъ обвиненіе. Тутъ возникло одно практическое затрудненіе. Верховный судъ, призванный судить въ такихъ случаяхъ, составляется изъ Верхней палаты стортинга (такъ назыв. Lagting) и Высшаго суда, который въ извѣстномъ смыслѣ соотвѣтствуетъ французской Кассаціонной палатѣ; а въ 1880 году простой подсчетъ голосовъ свидѣтельствовалъ, что Верховный судъ не постановитъ обвинительнаго приговора. Оппозиція, разумѣется, не хотѣла итти навстрѣчу вѣрному пораженію, а потому рѣшила ждать, постепенно подготовляя почву. Прежде всего съ помощью вполнѣ законнаго пріема удалили изъ Высшаго суда двухъ членовъ; далѣе, во время новыхъ общихъ выборовъ въ 1885 году организована была грозная агитація, причемъ очень ловко использована была почти

угрожающая рѣчь короля, произнесенная при закрытіи послѣдней сессіи; результатомъ этой кампаніи явилось торжество лѣвой. Увѣренная теперь въ своей побѣдѣ, лѣвая выступила съ обвиненіемъ противъ министерства, во главѣ котораго, кстати сказать, стояло уже не то лицо, какое было во время инцидентовъ 1880 года: дѣйствительно, Стангъ вынужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ по разстроенному здоровью, и преемникомъ его сдѣлался Сельмеръ, состоявшій членомъ правительства съ 1874 года.

Верховный судъ постановилъ свой приговоръ весною 1874 года. Министры признаны были виновными въ томъ, что были плохими совѣтчиками короля, и приговорены къ потерѣ своихъ должностей. Оставалось узнать, какъ поступитъ теперь король. Норвежскіе консерваторы, къ которымъ присоединились и шведскіе, совѣтовали королю не уступать, не считаться съ приговоромъ и въ крайнемъ случаѣ произвести настоящій государственный переворотъ. Вѣрный своимъ привычкамъ и своимъ принципамъ, Оскаръ II предпочелъ не доводить дѣла до крайности. Онъ предложилъ своимъ совѣтникамъ выйти въ отставку; но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая показать, что ему не въ чемъ упрекнуть Сельмера, онъ пожаловалъ ему высшее почетное отличіе, какимъ онъ только располагалъ, именно шведскій орденъ Серафимовъ.

Министерство Свердрупа.— Юридически ничто не мѣшало королю вновь образовать консервативное министерство; однако онъ счелъ болѣе политичнымъ обратиться къ признанному вождю лѣвой, Свердрупу. Одновременно съ этимъ произошла и мировая сдѣлка по существу спора: депутаты приняли новую моцію, аналогичную моціи 1872 года; король ее санкціонировалъ, и министры заняли мѣсто въ стортингѣ. Такимъ образомъ, лѣвая добилась важныхъ уступокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, дѣло шло къ настоящему парламентарному режиму. Однако вышло не совсѣмъ такъ, и кабинетъ Свердрупа вовсе не осуществилъ всѣхъ надеждъ, какія возлагались на него вначалѣ его сторонниками. Очутившись у дѣлъ, бывшій лидеръ оппозиціи весьма чувствительно сузилъ свою программу. Онъ провелъ нѣкоторыя изъ реформъ, которыя онъ отстаивалъ, особенно въ военной области, но, повидимому, отказывался отъ другихъ, а главное—вовсе не проявлялъ столь рѣшительной склонности къ парламентаризму, какую предполагали въ немъ. Такъ, напр., когда въ 1887 году довольно значительнымъ большинствомъ отклоненъ былъ внесенный имъ церковный законъ, онъ не счелъ нужнымъ уходить въ отставку, хотя дѣло шло объ очень важномъ принципіальномъ вопросѣ. Впрочемъ, вскорѣ послѣ образованія министерства, и именно вслѣдствіе новыхъ тенденцій его вождя, либеральная партія распалась; число отпавшихъ стало быстро увеличиваться, и послѣ выборовъ 1888 года кабинетъ имѣлъ на своей сторонѣ лишь двадцать два голоса. Тѣмъ не менѣе онъ остался. Сверхъ того, самый кабинетъ вскорѣ раздѣлился такъ же, какъ и большинство палаты; многіе изъ его членовъ, желая уйти, соглашались оставаться лишь подъ различными условіями. Какъ только этотъ разладъ сдѣлался извѣстенъ, противники перваго министра немедленно воспользовались имъ, и борьба приняла вскорѣ очень живой, даже драматическій характеръ. Когда одинъ изъ отколовшихся министровъ, Рихтеръ, ко всеобщему изумленію, вступился во время одного спора за Свердрупа и этимъ путемъ до извѣстной степени спасъ его, опубликованы были письма Рихтера, находившіяся въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ защищалъ въ стортингѣ; произошелъ такой скандалъ, что виновникъ его лишилъ себя жизни. Около года спустя, въ іюлѣ 1889 года, Свердрупъ вышелъ, наконецъ, въ отставку.

Тогда образовано было умѣренно-консервативное министерство во главѣ съ Эмилемъ Стангомъ, сыномъ одноименнаго перваго министра. По прошествіи всего двухъ лѣтъ оно удалилось въ свою очередь, уступивъ мѣсто новой комбинаціи изъ лѣвой во главѣ со Стеномъ, который въ 1893 году снова уступилъ мѣсто Стангу, а за этимъ послѣдовалъ, наконецъ, Гагерупъ (въ 1895 году). Во время этихъ постоянныхъ перемѣнъ введены были нѣкоторыя важныя реформы, такія, какъ напр., установленіе всеобщаго избирательнаго права. Однако за весь этотъ столь близкій къ намъ періодъ приходится отмѣтить лишь очень немногое, касающееся въ тѣсномъ смыслѣ норвежской политики. Послѣдняя, дѣйствительно, совершенно отошла на второй планъ. Вопросы, касавшіеся Уніи, не просто вліяли на нее, но, можно сказать, совершенно господствовали надъ ней, и отставка и возвращеніе ко власти министровъ вызывались чаще всего преніями, затрогивавшими отношенія къ Швеціи.

Норвегія и Унія. — Уже то обстоятельство, что лѣвая пріобрѣтала все болѣе значительное, иногда преобладающее вліяніе, должно было воскресить этотъ щекотливый и вѣчно стоявшій на очереди вопросъ,—потому что, какъ мы это только что указывали, вѣдь именно либералы взяли на себя задачу измѣнить установившійся въ 1814 году порядокъ вещей. Впрочемъ, по этому вопросу ихъ воззрѣнія не только не одинаковы, но даже не всегда достаточно опредѣленны, и вслѣдствіе этого трудно было бы резюмировать ихъ программу. Они лишь подчеркиваютъ тенденціи, которыя обнаружились непосредственно вслѣдъ за Уніей и о которыхъ мы говорили въ свое время. Мы видѣли также, что норвежское національное чувство въ разныя времена проявлялось по самымъ различнымъ поводамъ. Въ то время, которымъ мы заняты сейчасъ, оно сосредоточилось главнымъ образомъ около двухъ требованій: первое—требованіе самолюбія, вопросъ о собственномъ знамени; второе, болѣе важное и практическое, именно—вопросъ о преобразованіи службы по иностраннымъ дѣламъ.

Припомнимъ, что только эта служба, да еще король, является установленіемъ, общимъ для обоихъ государствъ. Посольства и консульства—общія, каждое государство вноситъ свою долю на ихъ содержаніе; но эти общія посольства и консульства, въ которыхъ чиновниками состоятъ и шведы, и норвежцы, находятся подъ руководствомъ шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ, который, въ силу шведской конституціи, долженъ быть шведомъ. Такая организація казалась норвежцамъ ненормальной, унизительной и противорѣчащей ихъ интересамъ; они и стали выдвигать проекты различныхъ преобразованій, требуя то отдѣльныхъ консульствъ, то особыхъ посольствъ, то, наконецъ, „общаго“ министра или даже двухъ разныхъ министровъ. Эти различныя идеи, впрочемъ, поддерживались не всегда съ одинаковой энергіей, а главное не послѣдовательно, вслѣдствіе чего совершенно невозможно избѣжать нѣкоторой путаницы при изложеніи вызванныхъ ими преній.

Появленіе у власти министерства Свердрупа совершенно естественно привело къ рѣшительному провозглашенію необходимости для Норвегіи вмѣшаться самымъ энергичнымъ способомъ въ руководство своей внѣшней политикой. Съ 1886 года требованія сдѣлались болѣе опредѣленными, упирая главнымъ образомъ на возможность для министра быть норвежцемъ и еще на одинъ болѣе сложный вопросъ. И конституціи и обычаи требуютъ, чтобы всѣ дѣла рѣшались королемъ и его министрами въ совѣтахъ, составъ которыхъ мѣняется сообразно съ предметомъ; теперь высказывалось пожеланіе, чтобы въ совѣтахъ, гдѣ обсуждается внѣшняя политика, Норвегія была

представлена одинаково со Швеціей. Въ послѣдующіе годы агитація все усиливалась, даже тогда, когда власть перешла въ руки умѣренныхъ консерваторовъ. Различные инциденты поддерживали и оживляли агитацію; одинъ изъ нихъ произошелъ въ Парижѣ. Швеція оффиціально не участвовала въ выставкѣ 1889 г., а Норвегія участвовала; по приказу изъ Стокгольма посольство воздержалось отъ участія въ открытіи выставки, и этотъ фактъ, который, казалось, свидѣтельствовалъ о зависимости Норвегіи отъ Швеціи, разумѣется, произвелъ сильное впечатлѣніе. Въ слѣдующемъ же году дебатировался вопросъ о дипломатическомъ представительствѣ Норвегіи, и чтобы показать свое настроеніе и настоять на своей точкѣ зрѣнія, большинство начало отказывать въ кредитахъ на нѣкоторыя посольства, которыя оно считало безполезными для страны. Министерство Станга попыталось вызвать умиротвореніе посредствомъ комбинаціи, обезпечивавшей равенство обоихъ государствъ въ общихъ совѣтахъ, гдѣ обсуждаются иностранныя отношенія. Но стортингъ ничего не хотѣлъ слышать и отказывался признать шведскаго министра. Министерство Станга уступило мѣсто министерству Стена. Радикалы внесли въ свою программу требованіе отдѣльнаго норвежскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, и общіе выборы закончились побѣдой лѣвой (осенью 1891 года). Въ слѣдующую сессію, 25 февраля 1892 года, стортингъ, прибѣгая къ прежнимъ пріемамъ, принялъ порядокъ дня, объявлявшій вопросъ о консульствахъ „чисто норвежскимъ" дѣломъ.

Образъ дѣйствій Швеціи. Переговоры между королевствами.—Итакъ, обстоятельства сложились такимъ образомъ, что шведское правительство уже не могло больше притворно игнорировать ихъ, полагая (такъ же, какъ въ 1860 году по вопросу о генералъ-губернаторѣ), что безъ его вмѣшательства ничто, касающееся иностранныхъ дѣлъ, не можетъ быть измѣнено. Поступая такъ, оно имѣло на своей сторонѣ сеймъ и общественное мнѣніе, которое начинало обнаруживать серьезное безпокойство. Почти вся страна попрежнему смотрѣла на свои отношенія къ „братскому народу", исходя изъ принциповъ временъ Карла-Іоанна. Съ другой стороны, норвежская агитація приводила къ нападкамъ на короля, которыя живо затрогивали монархическія чувства шведовъ. Сильнѣе всѣхъ раздражались поэтому консерваторы, имѣвшіе въ это время большинство въ сеймѣ; нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ не останавливались даже предъ самыми крайними предложеніями и замѣчали, что всякіе переговоры безполезны и опасны: всякая реформа Уніи потребовала бы пересмотра конституціи, чрезвычайно медленнаго въ Норвегіи; послѣдняя воспользуется проволочкой и подготовится къ вооруженной борьбѣ; поэтому лучше упредить ее и немедленно самыми рѣшительными средствами навязать ей пріемлемое рѣшеніе.

Однако король и его совѣтники никогда не были склонны придерживаться такихъ крайнихъ точекъ зрѣнія. Шведское правительство пригласило норвежское начать переговоры, давъ понять, что оно готово допустить, чтобы норвежецъ могъ сдѣлаться министромъ иностранныхъ дѣлъ. Большинство стортинга отказало и ограничилось новымъ принятіемъ порядка дня 25 февраля 1892 года; съ другой стороны, оно приняло кредиты на консульства лишь подъ условіемъ, чтобы правительство въ опредѣленный срокъ покончило съ существующей организаціей; король, не соглашавшійся на это условіе, отказался дать постановленіямъ свою санкцію. Тѣмъ временемъ вопросы, касавшіеся министерства иностранныхъ дѣлъ и дипломатическаго представительства, безпрерывно поднимались одинаковымъ образомъ и въ палатахъ и въ странѣ. Въ Швеціи общественное мнѣніе возбуждалось все

больше и больше, и сеймъ торжественно подтвердилъ свое право вмѣшательства, такъ что отношенія между обоими государствами съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе натянутыми.

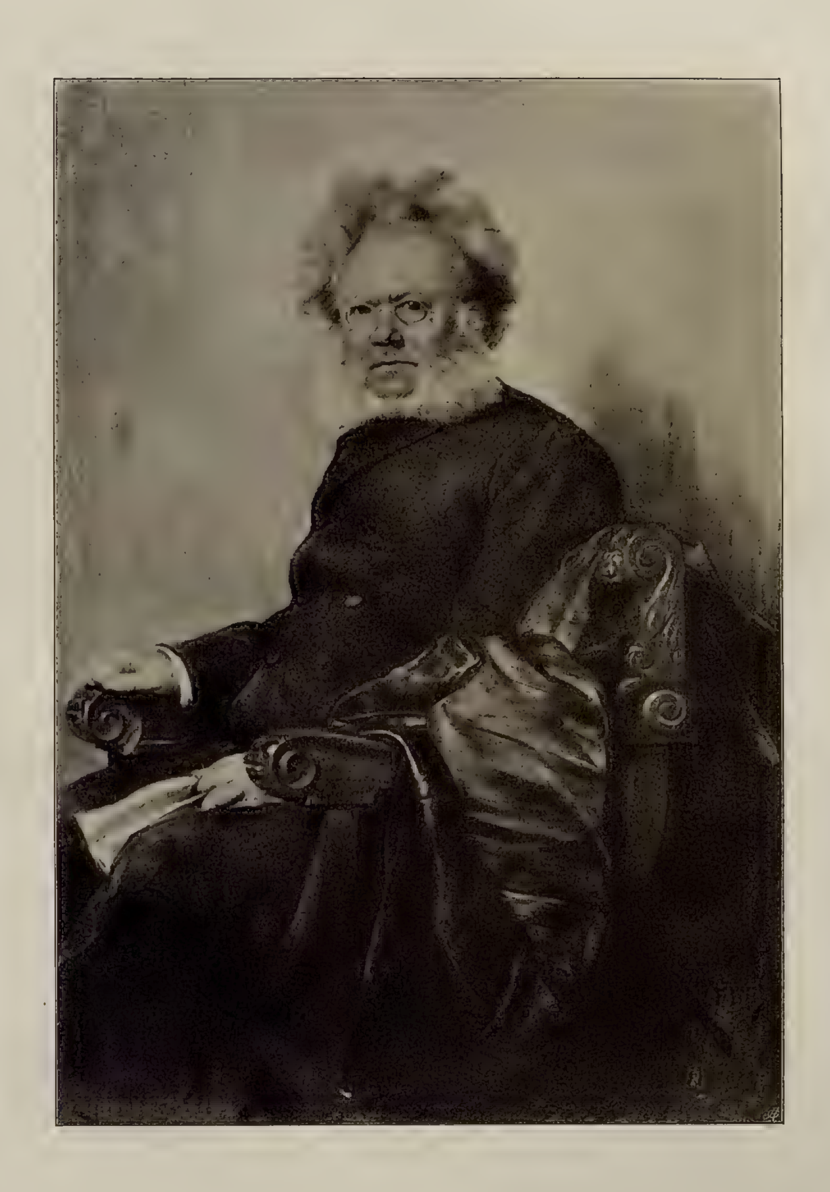
Тѣмъ временемъ произошли общіе выборы въ стортингъ (осенью 1894 года). Радикалы потеряли нѣсколько голосовъ, но сохранили большинство, и консервативное министерство Станга подало въ отставку. Король попросилъ его временно остаться у дѣлъ и вступилъ въ непосредственные переговоры съ большинствомъ, заявивъ о своемъ желаніи управлять въ согласіи съ нимъ, подъ условіемъ, чтобы непримиримые порядки дня были сняты съ очереди и допущенъ былъ принципъ переговоровъ со Швеціей. Тяжелые и запутанные переговоры тянулись нѣсколько мѣсяцевъ. Въ іюнѣ однако лѣвая рѣшила уступить, но министерскій кризисъ затянулся еще на нѣкоторое время, и лишь въ сентябрѣ, наконецъ, сформированъ былъ коалиціонный кабинетъ Гагерупа. Почти въ то же самое время учрежденъ былъ и началъ свои труды комитетъ, составленный изъ шведскихъ и норвежскихъ представителей, назначенныхъ обоими правительствами для изученія измѣненій, которыя необходимо внести въ Унію (декабрь 1895 года).

Совѣщанія продолжались два года и не привели ни къ какому результату: комитетъ не могъ притти къ соглашенію ни по одному пункту. Онъ разбился на четыре группы, которыя изложили свои заключенія; въ нихъ былъ только одинъ общій пунктъ:—необходимость измѣнить существующій порядокъ. При наличности такого обстоятельства король рѣшилъ, что нѣтъ возможности внести въ парламенты какое-нибудь опредѣленное предложеніе, и дѣло оставлено было нерѣшеннымъ, какъ и послѣ кризиса 1860 г.

Почти въ то же время получилъ характерное разрѣшеніе и другой вопросъ, гораздо менѣе важный, но тоже волновавшій норвежцевъ. На норвежскомъ знамени около древка помѣщался символъ Уніи въ видѣ маленькаго прямоугольника, въ которомъ шведскіе цвѣта перемежались съ норвежскими. Съ нѣкотораго времени уже этотъ прямоугольникъ, имѣющійся, впрочемъ, и на шведскомъ знамени, являлся признакомъ униженія въ глазахъ радикаловъ, требовавшихъ „чистаго знамени“. Свердрупъ поднялъ вопросъ въ стортингѣ 1879 года, однако рѣшенія по этому дѣлу не послѣдовало. Позднѣе вопросъ былъ снова поднятъ, и три послѣдовательныхъ сессіи вотировали принятіе торговаго флага исключительно съ норвежскими цвѣтами. Первые два раза король не далъ своей санкціи. Послѣ третьяго голосованія такимъ образомъ опять возникъ раздражающій вопросъ о правѣ королевскаго veto, хотя на этотъ разъ и въ смягченной формѣ, принимая во вниманіе поводъ къ разногласію. Король, впрочемъ, рѣшилъ не протестовать противъ вступленія закона въ силу и противъ его обнародованія, продолжая отказывать ему въ своей санкціи. Дѣло однако на этомъ не остановилось. Примѣненіе закона требовало различныхъ мѣропріятій, гдѣ уже необходимо было вмѣшательство министра иностранныхъ дѣлъ. Тогда графъ Дугласъ, не одобрявшій самаго принципа, рѣшилъ выйти въ отставку. Его преемникомъ сдѣлался фонъ-Лагергеймъ, который слыветъ болѣе миролюбивымъ по отношенію къ норвежцамъ. Съ другой стороны, послѣдніе шведскіе выборы были благопріятны для либераловъ, гораздо менѣе непримиримыхъ въ вопросѣ объ Уніи, чѣмъ консерваторы. Конфликтъ между Швеціей и Норвегіей кажется, такимъ образомъ, къ началу 1900 года менѣе обостреннымъ [1]).

---

[1]) Конфликтъ окончательно разрѣшился и притомъ мирнымъ путемъ въ 1905 году: Унія разорвана, Норвегія стала вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ и избрала себѣ собственнаго короля. Прим. перев.



Г. Ибсенъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

II.—Данія.

Конституціонный конфликтъ. — Черезъ весь современный періодъ исторіи Даніи красною нитью проходитъ одинъ фактъ— конституціонный конфликтъ, проистекающій изъ борьбы правительства съ парламентскимъ большинствомъ. Несмотря на совершенно особое положеніе и относительное значеніе датскаго двора, благодаря родственнымъ связямъ королевской семьи съ царствующими домами Россіи, Англіи, Швеціи, и Греціи, несмотря на все это, внѣшняя политика страны,—по крайней мѣрѣ, насколько она доступна изученію,—свелась почти на нѣтъ. Отношенія къ сосѣднимъ державамъ могли быть болѣе или менѣе хороши: возникали даже и затрудненія, напр., между Даніей и Германіей по поводу изгнанія датчанъ изъ предѣловъ бывшаго герцогства Шлезвигскаго, но эти инциденты не приводили къ острымъ кризисамъ. Военныя реформы и огромныя крѣпостныя сооруженія, предпринятыя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ также стоятъ въ извѣстной связи съ вопросами иностранной политики, но остается все-таки затруднительнымъ связать ихъ съ какимъ-либо опредѣленнымъ фактомъ, тогда какъ ихъ значеніе въ конституціонномъ конфликтѣ устанавливается безъ всякаго труда; такимъ образомъ все сводится именно къ этому конфликту. Происхожденіе его коренится въ явленіи, совершенно аналогичномъ тому, которое мы только что наблюдали въ Норвегіи, и происходящемъ въ сущности отъ той же причины. Подобно королю Швеціи и Норвегіи, и король датскій имѣетъ право выбирать министровъ совершенно по собственному усмотрѣнію: датскіе либералы хотѣли, подобно либераламъ норвежскимъ, положить конецъ такому положенію дѣлъ, ввести настоящій парламентскій режимъ, съ широкой отвѣтственностью министровъ и, слѣдовательно, съ обязательствомъ для государя выбирать себѣ министровъ изъ парламентскаго большинства. Эти требованія пролагали себѣ дорогу постепенно и сначала въ очень умѣренной формѣ, сильнѣе всего съ 1872 года, когда лѣвая получила большинство въ нижней палатѣ. Ея систематическая оппозиція привела даже къ отставкѣ министерства Голштейнъ фонъ Голштейнборга. Корона рѣшительно вступила на путь сопротивленія въ 1875 году, немедленно же вспыхнулъ конфликтъ, затянувшійся до 1894 года.

Министерство Эструпа.—За весь этотъ девятнадцатилѣтній періодъ во главѣ министерства неизмѣнно стоялъ министръ финансовъ Эструпъ, начало политической дѣятельности котораго восходитъ къ 1845 году; онъ участвовалъ уже въ кабинетѣ съ 1865 по 1867 годъ. И въ теченіе всѣхъ этихъ девятнадцати лѣтъ Эструпъ неизмѣнно находился лицомъ къ лицу все съ тѣмъ же парламентскимъ положеніемъ дѣлъ. Датскій парламентъ дѣлится на двѣ палаты: верхнюю палату— Ландстингъ, состоящій, помимо немногихъ членовъ по назначенію короля, изъ членовъ, избираемыхъ на восемь лѣтъ путемъ двухстепенныхъ выборовъ, и нижнюю палату, Фолькетингъ, члены котораго избираются каждыя семь лѣтъ прямой подачей голосовъ. За все время управленія Эструпа на его сторонѣ было большинство Ландстинга и меньшинство Фолькетинга; чтобы управлять при такихъ условіяхъ, Эструпъ, какъ и король, долженъ былъ обладать изумительной цѣпкостью, но средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, не отличались разнообразіемъ. Вотъ почему безполезно перечислять изъ года въ годъ повторявшіеся почти сходные факты; достаточно намѣтить общую физіономію борьбы и напомнить нѣсколько наиболѣе выдающихся инцидентовъ.

Различные проекты, особенно военные проекты объ увеличеніи средствъ защиты страны какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, встрѣтили плохой пріемъ въ парламентѣ

такъ какъ датскіе либералы не особенно благосклонны къ подобнаго рода реформамъ. Попытки притти къ компромиссу и поторговаться, въ родѣ того, какъ это дѣлалось въ Швеціи, не имѣли желаннаго успѣха. Тогда прибѣгли къ распущенію парламента, однако новые выборы оказались далеко не благопріятными для правительства: въ Фолькетингъ попало 74 члена оппозиціи при общемъ числѣ 102 депутатовъ. Эта оппозиція, вѣрная выше обрисованной программѣ, добивалась прежде всего отставки министерства; она отвергла поэтому всѣ предлагаемые ей проекты и вотировала порядки дня, порицающіе правительство. Но министерство, тоже вѣрное своимъ принципамъ, оставалось у власти.

Тогда Фолькетингъ отвергнулъ бюджетъ, который долженъ былъ вступить въ силу 1-го апрѣля 1877 года; онъ разсчитывалъ этимъ путемъ сдѣлать для правительства управленіе невозможнымъ, такъ какъ статья 49 конституціи гласила, что никакой налогъ не можетъ взиматься безъ постановленія парламента. Правительство отвѣтило на это очень распространительнымъ толкованіемъ статьи 25, разрѣшающей королю, въ случаѣ крайней необходимости, издавать временные законы. Непринятіе регулярныхъ бюджетовъ, обнародованіе бюджетовъ временныхъ,—таковы тѣ два средства, къ которымъ отнынѣ неоднократно стали прибѣгать враждующія стороны, и повторное примѣненіе этихъ средствъ сдѣлалось вскорѣ характерной чертой конфликта.

Однако уже первое примѣненіе этого средства почти немедленно повело за собой нѣкоторое ослабленіе напряженнаго положенія. Лѣвая разбилась на двѣ группы; этимъ нѣсколько улучшилось положеніе министерства, которое, съ другой стороны, выиграло восемь голосовъ при выборахъ въ январѣ 1889 года. Благодаря соглашенію съ менѣе непримиримыми членами оппозиціи, правительству удалось провести законы, которые оно считало существенными, именно увеличеніе флота и реорганизацію арміи, которая была также значительно увеличена; пѣхота, напр., вмѣсто двадцати доведена была до тридцати батальоновъ. Точно также явилась возможность принять и бюджетъ въ 1880 и 1881 годахъ. Но чтобы добиться того же и въ 1882 году, правая вынуждена была сдѣлать значительныя уступки; лѣвая, разсчитывавшая на перемѣну министерства, была раздражена тѣмъ, что этого вовсе не случилось и борьба возобновилась еще ожесточеннѣе прежняго. Послѣ выборовъ 1884 года у министерства въ Фолькетингѣ было всего 19 сторонниковъ, и временные бюджеты сдѣлались съ этихъ поръ обычнымъ явленіемъ. Тогда оппозиція рѣшила добиться своей цѣли, поднявъ агитацію въ странѣ; организованы были публичныя собранія, которыя вскорѣ стали принимать бурный характеръ; въ результатѣ—судебные приговоры надъ зачинщиками безпорядковъ; къ зачинщикамъ причислили и Берга, предводителя лѣвой и президента Фолькетинга; его приговорили къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Немного спустя Эструпъ сдѣлался жертвой покушенія на убійство. Засѣданіе палатъ сейчасъ же было отсрочено, и король провозгласилъ рядъ законовъ объ усиленіи полиціи (осень 1885 года).

Съ этихъ поръ конституціонное правленіе существовало лишь по имени; министерство ухитрялось управлять и осуществлять даже значительныя мѣропріятія, но своеобразными и ненормальными средствами. Временные законы и произвольныя рѣшенія все умножались, а, съ другой стороны окольными путями обращались съ призывомъ къ странѣ. Такъ, напр., укрѣпленіе Копенгагена считалось необходимымъ, но парламентъ отказывалъ въ соотвѣтствующихъ кредитахъ. Работы тѣмъ не менѣе были произведены, частью съ помощью государственныхъ средствъ,

частью благодаря добровольнымъ пожертвованіямъ, явившимся въ результатѣ поднятой въ странѣ политической агитаціи. Такимъ образомъ жизнь государства вовсе не была такъ совершенно затруднена, какъ этого можно было бы опасаться. Тѣмъ не менѣе ненормальное положеніе, съ которымъ бились такъ долго, начинало утомлять всѣхъ. Сама правая уже не проявляла такой непримиримости (1890 годъ). Въ то же время лѣвая казалась менѣе дисциплинированной и менѣе объединенной. Между нѣкоторыми изъ умѣренныхъ ея членовъ и консерваторами состоялось соглашеніе по частнымъ вопросамъ (напр., по вопросу объ акцизѣ на пиво, который радикалы отвергали), позволившее принять на законныхъ основаніяхъ нѣкоторые важные законы, но все-таки не бюджетъ. И министерство, наконецъ, казалось ужъ не такимъ упорнымъ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно было судить по отставкѣ одного изъ наиболѣе непримиримыхъ его членовъ, Скавеніуса. Вскорѣ расколъ между группами лѣвой сталъ очевиденъ, и въ то время какъ крайніе, или европейцы, какъ ихъ называли, сохраняли свою агрессивную тактику, умѣренные замѣтнымъ образомъ приблизились къ правой, склонной въ свою очередь пойти имъ навстрѣчу. Съ этихъ поръ соглашеніе сдѣлалось возможнымъ. Дѣйствительно компромиссъ состоялся въ началѣ 1894 года. Въ обмѣнъ на уничтоженіе жандармскаго корпуса, учрежденнаго въ 1885 году, и на нѣкоторыя поправки въ военномъ законѣ, лѣвая согласилась допустить бюджетъ, который и былъ принятъ въ законной формѣ въ первый разъ послѣ большого перерыва.

Отставка Эструпа. Министерства Ретца Тхотта и Герринга.—Компромиссъ 1 апрѣля имѣлъ послѣдствіемъ отставку Эструпа не потому, что онъ потерпѣлъ пораженіе, а потому, что съ момента возвращенія къ нормальному управленію и къ политикѣ примиренія, приличіе, чтобы не сказать необходимость, требовало, чтобы государственный человѣкъ, руководившій борьбой, уступилъ свое мѣсто менѣе скомпрометированному преемнику. Этимъ преемникомъ былъ фонъ Ретцъ Тхоттъ, принявшій власть въ августѣ. Программа новаго министерства носила вполнѣ примирительный характеръ; оно проявляло склонность къ многочисленнымъ уступкамъ и разсчитывало опираться на весь парламентъ; хотя подобные манифесты не имѣли прецедентовъ, министерство создало себѣ случай оффиціально провозгласить въ палатахъ такую точку зрѣнія, заявивъ, что если между палатами произойдетъ конфликтъ по бюджетному вопросу, то министерство немедленно выйдетъ въ отставку. Предупрежденіе не лишнее, но оно не имѣло никакихъ послѣдствій.

Несмотря на всѣ свои усилія, новый кабинетъ вовсе не имѣлъ прочнаго парламентскаго положенія: апрѣльскій компромиссъ не былъ достаточно опредѣленнымъ соглашеніемъ, а, съ другой стороны сама правая не отличалась прежнимъ своимъ единствомъ. Его положеніе сдѣлалось еще болѣе труднымъ послѣ выборовъ 1895 года. А между тѣмъ эти выборы подготовлены были закономъ, которымъ передѣлывались прежніе избирательные округа и вводилось двѣнадцать новыхъ. Это увеличеніе находило себѣ полное оправданіе въ извѣстномъ смыслѣ, потому что копенгагенскіе избирательные округа были безспорно черезчуръ многолюдны. Однако нельзя отрицать, что на реформу разсчитывали, имѣя въ виду увеличить число голосовъ въ пользу министерства. Разсчетъ не оправдался: сторонниковъ и противниковъ кабинета оказалось совершенно поровну, и между ними стояла усилившаяся на выборахъ группа соціалистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ различныя части лѣвой, отдѣлившіяся другъ отъ друга въ моментъ компромисса, снова объединились, образовавъ *партію ре-*

формъ. Требуемыя реформы носили совершенно спеціальный характеръ, и великіе конституціонные принципы, о которыхъ говорили недавно, старательно оставлены были на заднемъ планѣ. Но хотя никто не обнаруживалъ расположенія снова начинать ту же борьбу, что и во время министерства Эструпа, новыя битвы дѣлались неизбѣжными.

Дѣйствительно, бюджетъ 1897—98 гг. не могъ быть вотированъ къ сроку; едва успѣли принять условное постановленіе, имѣющее силу на два мѣсяца, такъ называемые временные расходы, и снова начались пренія. Но не приводя ни къ какому соглашенію, они закончились формальнымъ конфликтомъ между двумя палатами. Вѣрный своему заявленію, министръ Ретцъ Тхоттъ немедленно вышелъ въ отставку. Тогда король обратился къ Геррингу, который находится у дѣлъ и въ настоящій моментъ (декабрь 1899 г.) и которому удалось провести окончательный бюджетъ, причемъ однако всѣ спорные его пункты старательно были устранены.

Глава VIII.

Италія

1870—1900.

Взятіе Рима (сентябрь—октябрь 1870 г.) открываетъ новую эру въ исторіи современной Италіи; оно кладетъ предѣлъ освободительному кризису, который волновалъ страну съ 1859 года, и представляетъ собою начало кризиса организаціоннаго, которымъ страна поглощена вплоть до нашихъ дней. Нѣсколько недѣль спустя (5 декабря), открывая во Флоренціи парламентскую сессію, Викторъ-Эммануилъ въ слѣдующихъ словахъ резюмировалъ достигнутые результаты и цѣль, къ которой предстояло стремиться: „Италія свободна и едина: отнынѣ только въ нашихъ рукахъ сдѣлать ее *великой* и *счастливой*". Въ этихъ немногихъ словахъ заключалась цѣлая правительственная программа; дать странѣ то хозяйственное благополучіе и то духовное единство, которымъ отличаются великіе народы, а государству—то внѣшнее вліяніе и ту матеріальную силу, которыя составляютъ необходимую принадлежность великихъ державъ,—вотъ двойная задача, которую ставилъ король своимъ министрамъ. Они въ большинствѣ случаевъ дѣлали одну и ту же ошибку, обращая вниманіе лишь на одну сторону поставленной задачи: стремясь поднять свое отечество на одинаковую съ другими европейскими монархіями ступень политическаго значенія, они старались пересадить къ себѣ такія же учрежденія: грозную армію и грозный флотъ, внушительные союзы, обширную колоніальную имперію, широкое избирательное право, дѣятельную парламентскую жизнь, централизованную администрацію, штатъ многочисленныхъ чиновниковъ. Они часто забывали, что ихъ реформы, слишкомъ дорогія для бѣдной страны и слишкомъ радикальныя для молодого еще народа, могли быть примѣнены не иначе, какъ вызывая безпорядокъ въ финансахъ и недовольство въ умахъ. Эти честолюбивые замыслы, красною нитью проходившіе черезъ всю ихъ политику и объяснявшіе ея неудовлетворительность, мы встрѣчаемъ, хотя и въ различной формѣ, у всѣхъ министровъ; они намѣчаются во время господства правой (1870—1876 гг.), становятся явственнѣе во время господства лѣвой (1876—1887 гг.) и достигаютъ своей крайности въ господство Криспи (1887—1897 гг.).

I.—Господство правой (1870—1876).

Министерство Ланцы (1870—1873).—Съ 1870 по 1876 годъ правая сохраняла за собой власть, находившуюся въ ея

рукахъ уже съ 1861 года. Соглашаясь съ лѣвой почти по всѣмъ принципіальнымъ вопросамъ, она расходилась съ ней относительно методовъ. Она всегда ставила себѣ за правило сосредоточивать свою дѣятельность на ограниченной и легко выполнимой программѣ. До 1870 года ея девизомъ было: „независимость и единство во что бы то ни стало"; послѣ взятія Рима этотъ девизъ смѣнился другимъ: „равновѣсіе бюджета, свобода церкви". Подчинить всю внѣшнюю политику улаженію римскаго вопроса, всю внутреннюю политику—разрѣшенію финансоваго вопроса,—вотъ планъ, осуществленіе котораго правая возлагала на кабинетъ Ланцы (находившійся у власти съ 1869 г.). Три человѣка олицетворяли собой эти стремленія. Глава кабинета, Джованни Ланца, котораго его единомышленники называли „Катономъ", его противники—итальянскимъ „Гизо"; настойчивый до упрямства, твердый въ своихъ убѣжденіяхъ до нетерпимости, важный до чопорности, онъ приносилъ свою цѣпкую волю на служеніе ограниченному уму и неподкупной совѣсти; но самые его недостатки становились силой, когда приходилось не смѣло итти впередъ, а умѣть сдержать себя. Министръ финансовъ Селла, тоже пьемонтецъ по происхожденію, обладалъ, подобно Ланцѣ, скорѣе качествами дѣльца, чѣмъ темпераментомъ государственнаго человѣка: техническими знаніями, развитыми въ немъ благодаря усиленнымъ занятіямъ математическими науками, талантомъ популяризаціи, пріобрѣтеннымъ за десятилѣтнюю парламентскую практику, заботою объ общественномъ благѣ, доходившею до презрѣнія ко всякой популярности. Наконецъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Висконти-Веноста, родомъ изъ Вальтелины, скрывалъ подъ корректною внѣшностью англійскаго джентльмена замѣчательную дипломатическую ловкость, очень тонкое чутье интересовъ своей страны и совершеннѣйшее умѣнье никогда не подвергать ихъ риску.

Римскій вопросъ. „Законъ о гарантіяхъ".— Вслѣдъ за плебисцитомъ о присоединеніи римскихъ провинцій (2 окт. 1870 года) и закономъ о перенесеніи столицы (26 янв. 1871 года) поднимался вопросъ, который надо было настоятельно разрѣшить раньше всѣхъ другихъ. Какъ оформить положеніе папы, отнынѣ лишеннаго своихъ владѣній? Что лучше: позаботиться прежде всего объ успокоеніи Европы, обезпечивъ папѣ гарантіи, необходимыя ему для отправленія его духовной власти, или, наоборотъ, имѣть въ виду удовлетвореніе Италіи, лишивъ папу средствъ вернуть себѣ когда-либо свѣтскую власть? Ограничиться ли оказаніемъ покровительства папѣ, или стараться поработить его? Первое рѣшеніе, защищаемое Ланцой, въ концѣ-концовъ одержало верхъ надъ вторымъ (которое поддерживалъ Селла), какъ болѣе соотвѣтствующее внѣшнимъ интересамъ Италіи, формулѣ свободной церкви въ свободномъ государствѣ, принципу раздѣленія свѣтской и духовной власти. *Законъ о гарантіяхъ*, принятый парламентомъ въ послѣднюю его сессію во Флоренціи (13 мая 1871 года), признавалъ за папой: личную неприкосновенность, защищаемую одинаково съ неприкосновенностью особы короля и охраняемую вооруженною гвардіей; независимость въ смыслѣ права пользованія и ненарушимости (за исключеніемъ однако суверенитета) папскихъ дворцовъ; сверхъ того, папѣ жалуется цивильный листъ въ три милліона; свобода выполненія его миссіи, въ смыслѣ возможности свободныхъ почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній съ католическимъ міромъ и право принимать представителей иностранныхъ государствъ, съ сохраненіемъ за ними всѣхъ принадлежащихъ дипломатическому корпусу льготъ; обезпеченіе преемства папской власти въ видѣ свободы конклавовъ. Сверхъ того, государство

оставляло за папой власть надъ итальянскимъ духовенствомъ, а также и назначеніе епископовъ, и отмѣняло *placet* и *exequatur*. Законъ о гарантіяхъ не носилъ ни международнаго, ни конституціоннаго характера и былъ санкціонированъ, какъ законъ, касающійся внутренняго устроенія государства.

Послѣ принятія закона въ парламентѣ предстояло добиться его принятія папой, его примѣненія и дополненія. Папское посланіе отъ 2-го марта, обвинявшее „пьемонтскій парламентъ въ совершеніи „нечестиваго, нелѣпаго и безумнаго" дѣла; энциклика 15-го мая, представлявшая собой актъ торжественнаго протеста; поспѣшность, съ которой папа объявилъ себя морально „плѣнникомъ"; его отказъ вступить въ сношенія съ гражданскими властями, его запрещеніе католикамъ принимать участіе въ выборахъ, — все это разсѣяло всякія сомнѣнія, какія еще могло питать итальянское правительство насчетъ перваго пункта. — Тѣмъ поспѣшнѣе постаралось оно придать санкцію совершившагося факта всѣмъ принятымъ мѣрамъ. 1-го іюня всѣ министерства переведены были въ Римъ; 2-го Викторъ-Эммануилъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу и въ отвѣтъ на рѣчь городского головы произнесъ историческую фразу: „Да, мы въ Римѣ и мы здѣсь останемся"; 27-го ноября онъ открылъ здѣсь первую парламентскую сессію. — Въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ палаты установили нѣкоторыя детали въ отношеніяхъ между церковью и государствомъ; послѣ того какъ вотировано было уничтоженіе богословскихъ факультетовъ, распространено на римскія провинціи уничтоженіе религіозныхъ конгрегацій и присоединеніе ихъ имущества къ духовнымъ владѣніямъ, религіозный вопросъ могъ считаться рѣшеннымъ, если не морально, то, по крайней мѣрѣ, юридически.

Финансовый вопросъ. — Бюджетный вопросъ былъ не менѣе важенъ и щекотливъ, и палаты поняли его значеніе, когда Селла изложилъ имъ 12 января 1872 года результаты финансовой политики, которой слѣдовали съ 1861 года. Десять милліардовъ, поглощенныхъ въ теченіе десяти лѣтъ (изъ нихъ около 3-хъ милліардовъ на военные расходы), неизбѣжные расходы (проценты по государственному долгу, пенсіи, содержаніе королевской семьи), поднявшіеся за этотъ періодъ съ 197 до 700 милліоновъ, налоги, возросшіе съ 458 милліоновъ до 801 милліона, государственный долгъ съ 2.300 милліоновъ до 8.200 милліоновъ, несмотря на тяжесть всѣхъ этихъ повинностей, пониженіе дифицита въ недостаточной пропорціи (353 милліона въ 1861 году, 208 въ 1872 г.)—вотъ какою цѣною куплено было объединеніе, вотъ какова была стоимость жертвъ, которыя пришлось принести, чтобы выдержать большую войну, бороться съ разбойничествомъ, устроить управленіе и вознаградить жертвы революціи. Для улучшенія этого положенія Селла предложилъ новый выпускъ бумажныхъ денегъ и увеличеніе нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ; но онъ разсчитывалъ больше всего на выполненіе программы, принятой имъ при вступленіи въ должность; онъ резюмировалъ эту программу очень кратко: „бережливость во что бы то ни стало".

Военный вопросъ. — Однако онъ согласился отказаться отъ этой программы въ одномъ пунктѣ, предложивъ вотировать 150 милліоновъ на чрезвычайные военные расходы. Армія, организованная еще Ла Марморой, казалось, не отвѣчала больше потребностямъ политическаго, военнаго и международнаго положенія Италіи. Съ политической точки зрѣнія важно было увеличить численность арміи, потому что рекруты пріобрѣтали въ ней не только знаніе военнаго дѣла, но и сознаніе общей своей національности. Съ

военной точки зрѣнія надо было ввести въ нее усовершенствованія, необходимость которыхъ только что была выяснена франко-прусской войной. Наконецъ, съ точки зрѣнія стратегической надо было сдѣлать ее способной защитить столицу и границы отъ военнаго вмѣшательства въ пользу свѣтской власти папы. Такова была тройная цѣль реформъ, которыя провелъ во время своего министерства генералъ Рикотти (1870—1876 гг.). Онѣ коснулись набора арміи, организаціи и системы защиты. Введеніе института вольноопредѣляющихся съ годовымъ срокомъ службы и раздѣленіе численнаго состава на три группы, изъ которыхъ лишь первая служила три года, позволило провозгласить и примѣнить на дѣлѣ принципъ обязательной и всеобщей воинской повинности; принятіе скорострѣльнаго ружья, распредѣленіе войскъ на 10 постоянныхъ армейскихъ корпусовъ, созданіе запаса (милиція подвижная и милиція территоріальная) распространило на Италію всѣ преимущества прусской организаціи. Наконецъ, поясъ отдѣльныхъ фортовъ обезопасилъ Римъ отъ внезапнаго нападенія; этотъ поясъ можетъ служить базой для операцій арміи во время похода.

Эта законодательная работа, болѣе полезная, чѣмъ блестящая, поглотила всю дѣятельность кабинета Ланцы, но, повидимому, лишь очень мало волновала общественное мнѣніе, избалованное блескомъ предшествующаго періода; національное чувство, усыпляемое сухостью этой дѣловой политики, пробуждалось лишь для того, чтобы превратить въ грандіозныя патріотическія манифестаціи похороны первыхъ поборниковъ объединенія: Мадзини, который олицетворялъ собою это единство (10 марта 1872 г.); Манцони (22 марта) и Гверацци (25 сентября), которые воспѣли его; Наполеона III (9 января 1873 года), который былъ его пособникомъ; Ратацци (5 іюня), который сдѣлался однимъ изъ лучшихъ служителей этого единства. Наполеонъ III до конца оставался вѣренъ своему прошлому заговорщика и своему республиканскому идеалу. Ратацци первый отстаивалъ союзъ демократической партіи съ монархіей и съ 1852 года былъ представителемъ этого союза.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти министерство Ланцы пало по вопросу о финансахъ (24 іюня) и уступило мѣсто кабинету Мингетти.

Министерство Мингетти (1873—1876); внѣшній вопросъ. — Мингетти обладалъ болѣе широкимъ и гибкимъ умомъ, но зато и болѣе слабой волей, чѣмъ его предшественникъ: понять все значило для него согласиться на все. Подъ его руководствомъ правая, до сихъ поръ остававшаяся вѣрной духу своей программы, какъ олицетворенію истинныхъ интересовъ Италіи, пошла навстрѣчу новому будущему.

Эта эволюція состоялась во внѣшней политикѣ. Непосредственно послѣ франко-прусской войны личныя чувства короля, самыя симпатіи его министровъ, воспоминаніе о 1859 годѣ — все это, повидимому, должно было удерживать Италію если не въ союзѣ, то по крайней мѣрѣ, въ дружбѣ съ Франціей. Рядъ досадныхъ промаховъ отклонилъ Италію отъ добраго расположенія къ Франціи. Первый изъ этихъ промаховъ по времени и по своему значенію—это воспоминаніе о 1870 годѣ.

Франція считала отказъ Италіи на просьбы Наполеона и Тьера о помощи скорѣе результатомъ неблагодарности, чѣмъ слабости Италіи, и вслѣдствіе этого относилась къ послѣдней съ холодностью, которою отмѣчены были между прочимъ и торжества по поводу открытія Монъ-Сенисскаго туннеля (17 сентября 1871 г.). Упрекая ее за прошлое, она внушала ей опасенія за будущее тѣмъ интересомъ, съ какимъ она относилась, повидимому, къ римскому вопросу. Появленіе у власти Тьера, который относился не очень

благосклонно къ объединенію (февраль 1871 года); назначеніе посланника при Піи IX (апрѣль); уклоненіе посла Франціи отъ присутствія при въѣздѣ короля въ его столицу; обсужденіе въ національномъ собраніи петиціи епископовъ о возстановленіи свѣтской власти папы (іюль); пребываніе въ Чивита-Веккіи французскаго военнаго судна, предназначеннаго при случаѣ послужить убѣжищемъ для папы; парламентская революція 24 мая 1873 г., которая отдала власть въ руки клерикальной правой и поставила во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ герцога де Брольи; неожиданная опала Фурнье, французскаго посла при Квириналѣ и личнаго друга Виктора-Эммануила,—всѣ эти проявленія скрытой враждебности, опровергнутыя, впрочемъ, корректными официальными заявленіями, вызывали въ Италіи такое возбужденіе, какъ будто бы они являлись не результатомъ партійныхъ страстей, а чувствомъ цѣлой страны. Нѣкоторые безпокойные умы толковали уже о второй римской экспедиціи и начинали находить чересчуръ умѣреннымъ девизъ Висконти-Веноста: *одиноки—никогда, независимы—всегда*. Поддавшись этимъ опасеніямъ, Мингетти ухватился за первую возможность сближенія съ сѣверными державами. Въ маѣ 1873 года императоръ Францъ-Іосифъ, желая запечатлѣть торжественнымъ актомъ примиреніе Австріи съ Италіей, пригласилъ Виктора-Эммануила на торжественное открытіе Вѣнской выставки. Послѣдній колебался, принять ли приглашеніе, потому что необходимымъ дополненіемъ этого визита ему представлялось путешествіе въ Берлинъ, а между тѣмъ его рыцарственной душѣ противно было поѣхать съ привѣтствіемъ къ побѣдителю 1870 года. Настойчивость Мингетти одержала верхъ надъ его колебаніями. Въ Вѣнѣ онъ встрѣтилъ сердечный пріемъ (сентябрь 1873 года), въ Берлинѣ немедленно по пріѣздѣ откровенно заявилъ, что три года назадъ чуть было не пошелъ войной противъ Пруссіи, и, вернувшись домой, вставилъ въ тронную рѣчь (15 ноября 1873 года) нѣсколько лестныхъ словъ по адресу обѣихъ странъ, гдѣ онъ былъ въ гостяхъ. И вотъ въ умахъ постепенно началъ зарождаться проектъ австро-нѣмецкаго союза; его поддерживалъ полковникъ Марселли, его оспаривалъ генералъ Ла Мармора въ брошюрѣ о войнѣ 1866 года; его еще не принимали, какъ нѣчто необходимое, но его уже обсуждали, какъ нѣчто возможное.

Въ 1875 году двѣ крупныхъ политическихъ манифестаціи придали ему новую силу: то были отвѣтные визиты австрійскаго императора, пріѣхавшаго къ Виктору-Эммануилу въ Венецію, и императора германскаго, посѣтившаго Миланъ. Первый изъ нихъ (апрѣль) принялъ размѣры простого акта международной вѣжливости. Энтузіазмъ, съ которымъ миланцы приняли Вильгельма I, присутствіе рядомъ съ нимъ фельдмаршала Мольтке, возведеніе римской и берлинской миссій въ степень посольствъ,—все это придало второму визиту (октябрь) болѣе крупное политическое значеніе.

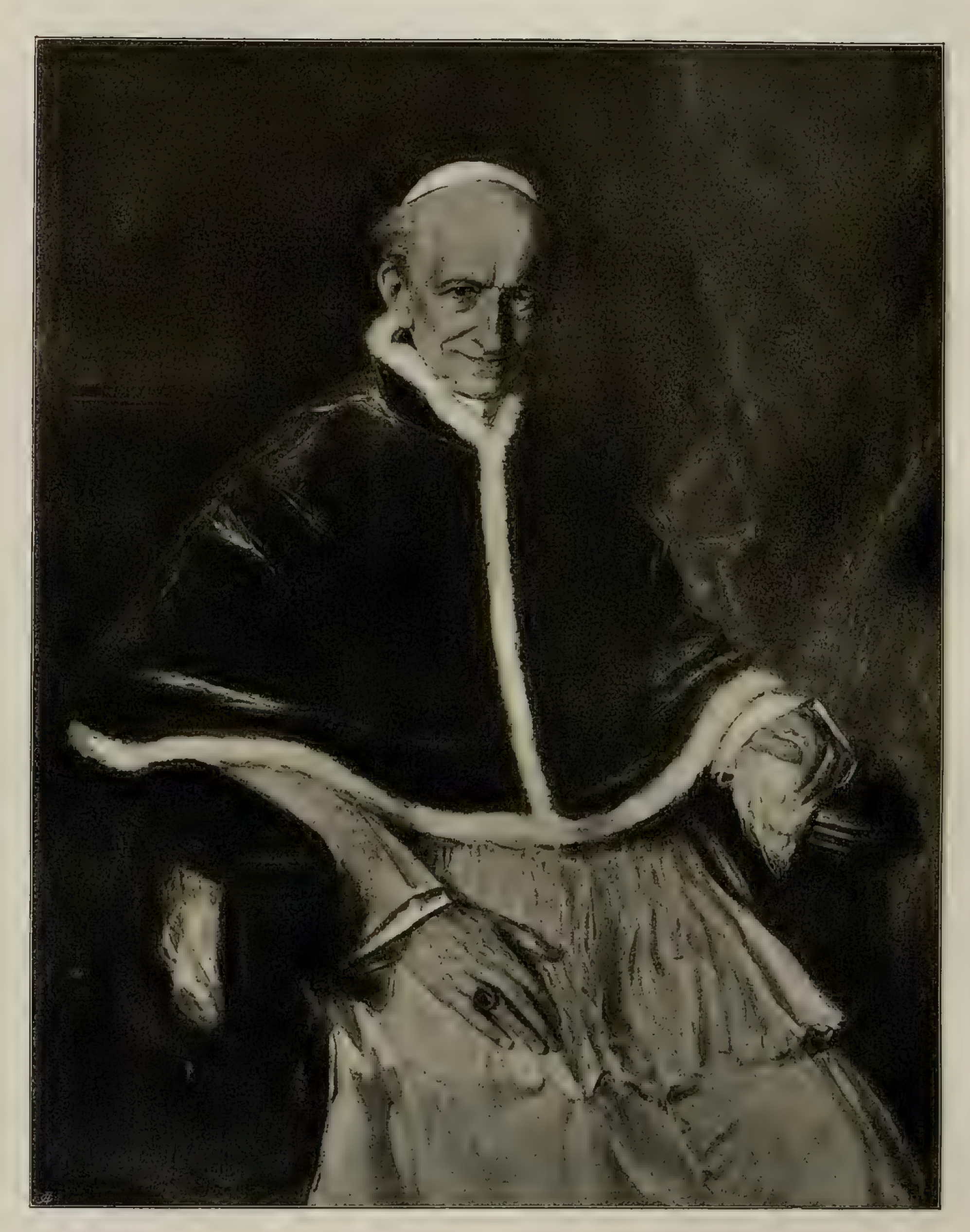
Паденіе правой.—Министерство, подготовившее эти официальные визиты, свергнуто было въ тотъ самый моментъ, когда оно надѣялось учесть свой успѣхъ, и увлекло въ своемъ паденіи партію, поддерживавшую его у власти. Правая, представлявшая собою когда-то четыре пятыхъ итальянскихъ избирателей, мало-по-малу сдѣлалась непопулярной—у народа вслѣдствіе тяжести налоговъ на помолъ и на поземельную собственность; у правящихъ классовъ—вслѣдствіе узости взглядовъ и партійной замкнутости, которыми вполнѣ оправдывалась данная ей кличка *consorteria* (котерія, клика); у тосканскихъ депутатовъ—вслѣдствіе отказа поддержать денежными средствами Флоренцію, разоренную присвоенною ей ролью

столицы. Достаточно было тосканскимъ депутатамъ примкнуть къ лѣвой, насчитывавшей съ 1874 года 220 членовъ, и кабинетъ Мингетти остался въ меньшинствѣ по вопросу объ одномъ налогѣ (18 марта). Вѣрный своему долгу конституціоннаго короля, Викторъ-Эммануилъ призвалъ ко власти министерство, взятое изъ среды большинства, съ Депретисомъ во главѣ (25 марта 1876 года). Выборы, происшедшіе въ ноябрѣ, вслѣдъ за распущеніемъ палатъ, явились полнымъ разгромомъ для правой: она получила лишь 90 мѣстъ противъ 385, доставшихся сторонникамъ министерства, и 20 республиканскихъ. Политическое преобладаніе ея закончилось вмѣстѣ съ выполненіемъ ея назначанія. Она довершила объединеніе, привела Италію въ Римъ и Венецію, разрѣшила римскій вопросъ, преобразовала страну, упорядочила финансы; слагая съ себя власть, Мингетти со справедливою гордостью могъ сказать: „Мы оставляемъ Италію спокойною внутри, уважаемою извнѣ. Мы оставляемъ хорошо устроенные финансы и молимъ Бога, чтобы вы сумѣли сохранить для отечества эти благодѣянія“. Что сталось съ этимъ наслѣдтвомъ въ рукахъ ихъ преемниковъ?

II.—Господство лѣвой. (1876—1887).

Смерть Виктора-Эммануила и Пія IX. Гумбертъ I и Левъ XIII.—Въ Италіи произошла смѣна короля, а въ церкви—первосвященника менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ перехода власти въ другія руки. Викторъ - Эммануилъ умеръ 9 января 1878 года отъ лихорадки, которая въ нѣсколько дней сломила его могучій организмъ; онъ умеръ христіаниномъ и удостоился похоронъ національнаго героя. За нимъ послѣдовалъ въ могилу Пій IX, тихо угасшій 7-го февраля. Первому наслѣдовалъ его старшій сынъ Гумбертъ, второму—кардиналъ Печчи, котораго конклавъ избралъ (20 февраля) подъ именемъ Льва XIII. Каковы были для Италіи послѣдствія этой двойной перемѣны? Вначалѣ они показались не такими серьезными, какъ этого боялись одно время. Гумбертъ I, котораго знали только какъ храбраго солдата по битвѣ при Кустоццѣ, проявилъ себя истиннымъ конституціоннымъ королемъ, поспѣшилъ заявить въ своей тронной рѣчи, что онъ будетъ служить свободнымъ установленіямъ своей страны съ той же преданностью, съ какою служилъ имъ его отецъ. Левъ XIII до своего избранія пользовался репутаціей человѣка умѣреннаго и примирительнаго; его рѣшеніе остаться плѣнникомъ въ Ватиканѣ (21 февраля) и его требованія по части свѣтской власти, изложенныя въ первой его энцикликѣ (25 апрѣля), доказывали, что онъ считалъ себя, по крайней мѣрѣ, въ Италіи, не только преемникомъ, но и продолжателемъ Пія IX. Такимъ образомъ въ Ватиканѣ, какъ и въ Квириналѣ, перемѣнились лишь лица, принципы остались тѣ же, и партія, удерживавшая власть, проявляла ее въ тѣхъ же условіяхъ и съ той же свободой, какъ и въ предшествующее царствованіе. Какова же была ея программа и ея вожди?

Лѣвая, ея программа и вожди.—Парламентская революція 1876 года означала скорѣе выступленіе новаго поколѣнія, чѣмъ торжество новыхъ ученій. Вполнѣ соглашаясь съ членами правой по вопросу національному, вопросу династическому и вопросу римскому, люди лѣвой отличались отъ нея своимъ происхожденіемъ, темпераментомъ, складомъ ума; навербованные почти всѣ изъ южной Италіи, пройдя политическую школу въ рядахъ оппозиціи, они, очутившись у власти, принесли съ собою всю пылкость южанъ и непримиримость доктринеровъ. Въ то время какъ ихъ предшественники, беря себѣ за образецъ Англію, оставались благоразумными, умѣренными, практичными, болѣе приверженными къ интересамъ



Фр. Ленбахъ.

Папа Левъ XIII.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

страны, чѣмъ къ принципамъ своей партіи, эти вдохновлялись примѣрами французской революціи, проявляли крайній энтузіазмъ къ общимъ идеямъ и горделивое презрѣніе къ фактамъ дѣйствительности, слишкомъ часто уступали желанію вести „крупную политику“ и старались не столько о томъ, чтобы дать Италіи полезные законы, сколько объ осуществленіи въ ней программы европейской демократіи. Программу эту они принимали въ широкихъ ея чертахъ. Всеобщее или, по крайней мѣрѣ, очень расширенное избирательное право, несовмѣстимость депутатскаго мандата съ правительственной службой, сокращеніе безполезныхъ должностей и стѣснительныхъ налоговъ, пересмотръ торговыхъ договоровъ въ духѣ свободной торговли, безплатное и обязательное начальное образованіе, свобода собраній, союзовъ и печати,—вотъ реформы, обѣщанныя вождями лѣвой. Необходимость выдвинуть избирательную платформу скоро заставила ихъ считать самыми неотложными тѣ изъ этихъ реформъ, которыя болѣе всего способствовали бы ихъ популярности; таковыми были расширеніе избирательнаго права и отмѣна налога на помолъ.

Четыре года потратили они на осуществленіе этихъ реформъ. Эта медленность отчасти можетъ быть объяснена самою чрезмѣрностью ихъ торжества. Совершенно обезпеченные отъ возможности новой побѣды правой, они стали придавать личному соперничеству такое значеніе, какого оно никогда раньше не имѣло, и устроили цѣлый рядъ парламентскихъ битвъ изъ-за обладанія властью; при этомъ выдвинулось пятеро изъ нихъ: Криспи, Никотера, Занарделли, Кайроли, Депретисъ. Сициліецъ Криспи охотно держался въ отдаленіи, считая для себя недостойнымъ всякое положеніе, при которомъ онъ не занималъ бы самъ перваго мѣста. Калабріецъ Никотера, вся жизнь котораго прошла въ борьбѣ съ бурбонскою тиранніей перомъ и шпагой, въ тюрьмѣ и въ изгнаніи, сохранилъ и въ министерствѣ насильническіе пріемы, хитрость и неразборчивость въ средствахъ настоящаго заговорщика. Бресшіанецъ Занарделли, наоборотъ, внесъ туда способность къ работѣ, твердость характера и широту взглядовъ юриста. Во главѣ партіи находились два человѣка, между которыми контрастъ былъ поразительный и борьба шла непрестанная; Кайроли—по натурѣ пылкій и благородный, но восторженный и довѣрчивый, исполненный добродѣтелей патріота, но лишенный искусства политики; Депретисъ—старый парламентарій, привычный ко всякимъ интригамъ общественной жизни, признанный мастеръ по части игры принципами и умѣнья убаюкивать чужую совѣсть. Соперничество двухъ этихъ лицъ наполняетъ собой первый періодъ исторіи господства лѣвой (1875—1881 гг.)

Первый періодъ (1876—1881 гг.) Министерства.—Депретисъ, составившій первый кабинетъ лѣвой съ Никотерой во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и Занарделли—общественныхъ работъ, въ обширной рѣчи, произнесенной имъ въ Страделлѣ, развилъ программу своей партіи во всей ея широтѣ. Соблазнительность его обѣщаній и непопулярность правой обезпечили ему чуть не восторженный пріемъ въ странѣ и плодотворное содѣйствіе въ парламентѣ. Палаты, охваченныя какой-то реформенной горячкой, въ нѣсколько мѣсяцевъ вотировали цѣлый рядъ законовъ: законъ противъ злоупотребленій духовенства, законъ о несовмѣстимости нѣкоторыхъ положеній съ парламентской дѣятельностью, законъ, провозглашающій принципъ безплатнаго и обязательнаго обученія, законъ, назначающій разслѣдованіе о состояніи земледѣлія. Работа эта рѣзко была прервана паденіемъ министерства (декабрь 1877 года), которое Никотера скомпрометировалъ своимъ самовластнымъ характеромъ, своею

административною тираннiей, своею склонностью нарушать тайну частной корреспонденцiи. Депретисъ, сохранившiй за собой довѣрiе короля, внесъ нѣкоторыя перемѣны въ составъ своего кабинета, который всетаки палъ три мѣсяца спустя по поводу другого, опять личнаго вопроса, именно избранiя Кайроли въ президенты палаты (мартъ 1878 года). Кайроли, уже этимъ избранiемъ намѣченный въ замѣстители Депретиса, самъ пробылъ у власти лишь восемь мѣсяцевъ. Радикальный характеръ его политики и его благосклонность къ республиканскимъ союзамъ, которые численно все увеличивались подъ именемъ *кружковъ Барсанти*, вызвали сначала отставку трехъ его товарищей (октябрь); покушенiе противъ короля, совершонное въ Неаполѣ (17 ноября), ускорило его паденiе. Хотя онъ охотно принялъ на себя ударъ, предназначенный особѣ короля, всетаки его сочли отвѣтственнымъ за происшествiе, которое сдѣлалось возможнымъ благодаря его попущенiю. Онъ долженъ былъ удалиться вслѣдствiе вотума недовѣрiя и уступить мѣсто своему сопернику (декабрь 1878 года). Сдѣлавшись министромъ въ третiй разъ, Депретисъ, рядомъ съ закономъ о гражданскомъ бракѣ, успѣлъ только провести въ парламентѣ гигантскiй планъ о сооруженiи желѣзныхъ дорогъ (6000 километровъ стоимостью въ 1.200 миллiоновъ); въ iюлѣ онъ палъ по вопросу объ отмѣнѣ налога на помолъ; вопросъ этотъ, повидимому, является господствующимъ въ парламентскомъ положенiи. Вернувшись къ власти, Кайроли могъ удержаться, лишь присоединивъ къ себѣ Депретиса путемъ частичнаго измѣненiя въ составѣ кабинета; съ ноября 1879 года по май 1881 года оба вождя лѣвой работали рука объ руку вмѣсто того, чтобы бороться другъ съ другомъ; эта совмѣстная работа позволила имъ привести наконецъ въ исполненiе главные пункты своей программы. 1881-й годъ представляетъ собой моментъ, когда три крупныхъ событiя глубоко измѣнили условiя политическаго существованiя Италiи. То были податныя реформы, реформа избирательная и занятiе Туниса Францiей.

Податныя реформы.—Лѣвая настолько энергично протестовала противъ сохраненiя налога на помолъ, что, очутившись у власти, не могла не стараться объ его отмѣнѣ. Однако этотъ налогъ имѣлъ то достоинство, что приносилъ казнѣ 76 миллiоновъ въ годъ. Какъ же уничтожить его, не увеличивая дефицита, и замѣнить его, не вызвавъ роста общественныхъ повинностей? Одинъ ловкiй финансистъ Мальяни ухитрился разрѣшить эту задачу. Прежде всего онъ дождался того, что примѣненiе системы сбереженiй, введенной во время господства правой, позволило ему добиться бюджетныхъ излишковъ въ 12 миллiоновъ въ 1877 году, 10 въ 1878 и 14 въ 1879 году. Послѣ того какъ два проекта частичной отмѣны налога на помолъ потерпѣли неудачу въ 1878 и 1879 годахъ вслѣдствiе оппозицiи сената, Мальяни представилъ въ iюлѣ 1880 года третiй проектъ, по которому полная отмѣна этого налога должна была покрыться косвенными налогами на водку, керосинъ и дворянскiе титулы; въ обѣихъ палатахъ онъ одержалъ блестящiй успѣхъ. Ободренный этой побѣдой, онъ рѣшилъ ослабить нѣкоторыя неудобства бумажной денежной системы, положивъ конецъ режиму принудительнаго курса, который поощрялъ спекуляцiю и поднялъ разницу при размѣнѣ до 14%. Правая и лѣвая вмѣстѣ приняли эти предложенiя (февраль 1881 года), и бюджетъ 1881 года сведенъ былъ съ избыткомъ въ 21 миллiонъ. Италiя, казалось, вступила въ перiодъ финансоваго благополучiя, котораго она никогда не знала.

Избирательная реформа.—Согласно сардинской конституцiи 1848 года, распространенной затѣмъ на все итальянское королевство, право голоса принадлежало лишь гражданамъ, достигшимъ двадцати-

пятилѣтняго возраста и платящимъ налогъ въ 40 франковъ; такихъ было 600.000 въ 1880 году; они и избрали по депутату на каждый округъ. Правая всегда находила эту пропорцію избирателей и этотъ способъ голосованія вполнѣ достаточными для такой страны, гдѣ индифферентизмъ однихъ поднималъ число воздерживавшихся отъ голосованія до 60%, а неопытность другихъ принуждала партіи бороться между собой изъ-за лицъ, а не изъ-за идей. Наоборотъ, лѣвая, вѣрная своему демократическому идеалу и примѣру сосѣднихъ странъ, требовала расширенія избирательнаго права и выборовъ по списку. Эта двойная реформа тормазилась и назначеніемъ комиссіи, которая задержала ее подъ предлогомъ изученія, и непримиримостью крайней группы (Криспи-Никотера), которая требовала всеобщаго избирательнаго права по примѣру Франціи, и оппозиціей сената, большинству котораго удалось придать другую окраску лишь назначеніемъ 32 новыхъ членовъ. Въ концѣ-концовъ издано было два закона 21 января и 14 февраля 1882 года. Первый, увеличивавшій число избирателей до двухъ милліоновъ, понижалъ съ двадцати пяти до двадцати одного года избирательный возрастъ, и съ 40 франковъ до 19 франковъ 80 сант. налоговой цензъ, необходимый для полученія избирательнаго права, признавая это право сверхъ того и за гражданами, получившими законченное начальное образованіе. Второй законъ, повидимому, направленный на уменьшеніе значенія личныхъ вопросовъ, а въ сущности дававшій возможность уничтожить значеніе меньшинства, замѣнялъ избраніе одного лица голосованіемъ за цѣлый списокъ, состоящій изъ 3, 4 или 5 именъ и представляющій собою избирательные участки соотвѣтственнаго протяженія, установляемые правительствомъ. Вслѣдъ за этими реформами палата депутатовъ была распущена съ тѣмъ, чтобы обновиться въ октябрѣ 1882 года.

Внѣшній вопросъ.—Въ то самое время, когда идеи лѣвой получили внутри государства санкцію законовъ, въ области внѣшней политики ея идеи совершенно расходились съ фактами. Вожди лѣвой застали Италію, направляемую рукою Мингетти къ австро-нѣмецкому союзу; принимая во вниманіе ихъ „ирредентистскія" требованія и ихъ сношенія съ французскими республиканцами, можно было бы думать, что они будутъ слѣдовать противоположной политикѣ (и, дѣйствительно, въ первое свое министерство Кайроли допустилъ рядъ манифестацій противъ Австріи, которыя вызвали серьезное охлажденіе между Римомъ и Вѣной), но вскорѣ роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ они пошли по тому пути, который былъ открытъ предъ ними. Съ 1878 года Италія упрекала Францію за то, что она отвергла торговый договоръ и отказалась отъ предложенія о совмѣстной дѣятельности въ Египтѣ. Когда Берлинскій трактатъ лишилъ ее надежды на присоединеніе Тріентской области, она почувствовала себя задѣтой въ своемъ самолюбіи и пустилась въ поиски за такимъ мѣстомъ, гдѣ національное ея чувство могло бы получить удовлетвореніе. Она думала найти это мѣсто въ Тунисѣ, куда ее влекли воспоминаніе о Карѳагенѣ, возрастающее значеніе мѣстной итальянской колоніи и развитіе ея торговли; ей предстояло столкнуться здѣсь съ Франціей, которой область эта была предложена на конгрессѣ англійскими уполномоченными въ видѣ компенсаціи за захватъ англичанами Кипра. Однако, первоначально между обоими государствами установилось молчаливое соглашеніе, въ силу котораго каждое изъ нихъ, оставляя за собой свободу поощренія частныхъ предпріятій своихъ соплеменниковъ въ Тунисѣ, обязывалось вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать тамъ политическое statu quo. Желаніе во что бы то ни стало взять свой реваншъ за Берлинскій трактатъ заста-

вило Кайроли обнаружить новые честолюбивые замыслы: онъ отправилъ къ бею безпокойнаго консула Маччо, который высадился въ Тунисѣ съ необычайной военной помпой (декабрь 1878 года), вопреки соглашеніямъ добился у бея учрежденія почтовой конторы съ большимъ шумомъ получилъ для одной итальянской компаніи концессію на желѣзную дорогу Тунисъ-ла-Гулеттъ, и устроилъ такъ, что король, во время путешествія своего въ Сицилію принялъ депутацію и выслушалъ рѣчь своихъ подданныхъ, проживающихъ въ Тунисѣ. Встревоженная этими манифестаціями, Франція рѣшила не дать себя упредить въ Тунисѣ и отдала приказъ войскамъ перейти границу. Кайроли оказался неспособнымъ помѣшать оккупаціи точно такъ же, какъ раньше онъ не умѣлъ предвидѣть ее. Упорно борясь противъ идеи, которая тревожила его патріотизмъ, онъ истолковалъ въ черезчуръ оптимистическомъ духѣ депеши своихъ посланниковъ въ Парижѣ и Лондонѣ, старался убѣдить самого себя, что вся кампанія сведется на непродолжительную военную экспедицію, и поддерживалъ это заблужденіе въ обѣихъ итальянскихъ палатахъ. Можно догадаться, каково было послѣ этого ихъ разочарованіе, когда въ одинъ прекрасный день въ Римѣ узнали о трактатѣ въ Бардо; разочарованіе быстро уступило мѣсто рѣзкому негодованію противъ Франціи, которую обвиняли въ недобросовѣстности и нарушеніи слова, и непреодолимому желанію найти гарантіи противъ ея честолюбивыхъ замысловъ (май 1881 года).

Второй періодъ (1881—1887 гг.)—Итакъ, въ концѣ 1881 года Тунисъ былъ потерянъ, налогъ на помолъ отмѣненъ, избирательный законъ—наканунѣ своего принятія: отсюда новое направленіе въ политикѣ итальянскаго правительства. Считая себя обойденнымъ Франціей въ Тунисѣ, оно болѣе всего старалось усилить внѣшнее свое могущество путемъ союзовъ, вооруженій и присоединеній; достигнувъ финансоваго благополучія, оно порвало съ привычкою къ бережливости, которой оно обязано было этимъ благополучіемъ; очутившись лицомъ къ лицу съ массой избирателей, болѣе многочисленной, но менѣе просвѣщенной, оно старалось удержать ее на своей сторонѣ путемъ постоянныхъ уступокъ мѣстнымъ интересамъ; наконецъ, при видѣ того, какъ правая соглашается на всѣ тѣ мѣры, противъ которыхъ она когда-то боролась, правительство составило проектъ о сліяніи ея съ лѣвой, чтобы этимъ путемъ составить себѣ большинство. Отсюда во внѣшней политикѣ — Тройственный союзъ; въ области хозяйственной—финансовая расточительность; въ парламентской практикѣ сліяніе прежнихъ партій: таковы характерныя черты періода, продолжающагося до появленія у власти Криспи.

Парламентская политика. — Непосредственный преемникъ Кайроли, Депретисъ, оставался у власти до самой своей смерти. Онъ сохранялъ ее, принявъ въ свое большинство и даже въ свое министерство людей всякой политической окраски. Онъ возвелъ эту тактику въ систему, украсивъ ее названіемъ трансформизма.

Опредѣливъ эту тактику въ програмной своей рѣчи, произнесенной въ Страделлѣ (октябрь 1882 года), онъ увидѣлъ, какъ ее приняли сами вожди правой Мингетти, Бонги и Селла, сталъ примѣнять ее, взявъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., генерала Рикотти, къ себѣ въ сотрудники, и окончательно освятилъ ее, производя неоднократныя частичныя измѣненія въ своемъ кабинетѣ (май 1883 года, мартъ 1884, іюнь 1885, февраль и апрѣль 1887). Его противниками выступили старые вожди лѣвой, недовольные тѣмъ, что ихъ программа забыта, а сами они остались не у дѣлъ. Въ ноябрѣ 1883 года пятеро изъ нихъ, Кайроли, Криспи, Никотера, Занарделли и Баккарини заключили для борьбы съ

министерствомъ союзъ, которому они дали названіе *пентархіи*. Созваніе и распущеніе соціалистическаго конгресса въ томъ же году въ Равеннѣ ознаменовало собой образованіе новой оппозиціонной партіи. Выборы, къ которымъ приступилъ Депретисъ въ маѣ 1886 года для возстановленія своего большинства, послали въ палату 285 сторонниковъ министерства противъ 183 сторонниковъ пентархіи и 60 радикаловъ, враждебныхъ какому бы то ни было соглашенію съ властью. Но въ апрѣлѣ 1887 года въ кабинетъ вошли Криспи и Занарделли, и Депретисъ, разорвавъ свой союзъ съ правой, началъ эволюцію въ сторону лѣвой, прерванную его смертью (въ іюлѣ 1887 года).

Финансовая политика.—Въ финансы Депретисъ внесъ такой же безпорядокъ, какъ и въ парламентъ. За время его министерства расходы поднялись до такой высоты, какой они никогда еще не достигали. Одни изъ этихъ расходовъ могутъ считаться результатомъ общей политики, которой слѣдовала Италія; это были расходы на колоніи, армію и флотъ. Другіе носили мѣстный характеръ и, повидимому, предназначались скорѣе на привлеченіе избирателей, чѣмъ на служеніе общественнымъ интересамъ: таковы были 50 милліоновъ, затраченныхъ на украшеніе Рима и заемъ такой же суммы на оздоровленіе Неаполя. Къ этой же категоріи можно отнести и желѣзнодорожныя конвенціи, принятыя въ 1885 году послѣ безконечныхъ споровъ; эти конвенціи не только снимали съ провинцій три четверти изъ приходившихся на ихъ долю расходовъ по текущимъ сооруженіямъ, онѣ оговаривали постройку еще новыхъ 1000 километровъ желѣзнодорожныхъ линій, которыя однако не были точно обозначены, чтобы вызвать усиленную борьбу мѣстныхъ интересовъ. Одинъ итальянскій историкъ пишетъ по этому поводу: „Если конечная цѣль правительства лѣвой свелась къ тому, чтобы расходовать деньги, которыхъ оно не имѣло, искать ихъ повсюду, убить во всѣхъ энергію, швыряя эти деньги въ окошко, то Депретисъ и Баккарини не могли дѣйствовать лучше. Мальяни, выдающійся финанистъ, но черезчуръ слабый для того, чтобы оказать отпоръ, завѣдывалъ этими веселыми финансами, и никто не умѣлъ находить съ такою ловкостью источники доходовъ, избѣгая признанія, что для этого приходилось занимать, болѣе того, давая понять, что займовъ не дѣлается вовсе. Заблужденіе было всеобщее, и иностранные банки питали его, поддерживая высокую котировку итальянской ренты“. Однако состояніе бюджета говорило дальновиднымъ людямъ объ опасности подобной системы; послѣ 12-ти милліоннаго излишка поступленій въ 1883 году быстро пошли дефициты: 21 милліонъ въ 1884 году, 60 милліоновъ въ 1886, 83 милліона въ 1887 году.

Внѣшняя политика. Вооруженія.—Общественное мнѣніе слишкомъ исключительно занималось внѣшней политикой, чтобы удѣлить достаточно вниманія этимъ тревожнымъ симптомамъ. Послѣ того какъ Тунисское дѣло рѣзкимъ толчкомъ вызвало Италію изъ ея апатіи, она подчинила всѣ свои воспоминанія и всѣ свои мечты одной единственной мысли: сдѣлаться сильной, чтобы внушать страхъ другимъ, обезпечить себя на будущее время отъ всякихъ неожиданностей подобнаго рода, получить вознагражденіе за пережитое униженіе. Эту силу Италія пріобрѣла вооруженіями, этой безопасности она искала въ Тройственномъ союзѣ, это вознагражденіе она нашла, какъ ей казалось, въ Красномъ морѣ. Немедленно вслѣдъ за происшествіями въ Тунисѣ, она рѣшительно приступила къ работѣ по увеличенію своей военной мощи. Палаты безпрепятственно вотировали испрошенные у нихъ чрезвычайные кредиты: 127 милліоновъ въ 1882 г., 212 въ 1885, не считая повышенія обычнаго бюджета на 10 милліо-

сновъ. Деньги эти пошли на увеличеніе числа корпусовъ съ 10 до 12, и числа солдатъ дѣйствительной службы съ 300.000 до 430.000, на учрежденіе второго запаса подъ именемъ *территоріальной милиціи*, на перевооруженіе, на подготовку молодыхъ поколѣній къ военнымъ обязанностямъ путемъ созданія стрѣлковыхъ обществъ. Организація флота была предметомъ такой же заботливости и потребовала такихъ же жертвъ. Какъ разъ въ это время, по побужденію великаго инженера Брина спущены были на воду колоссальные броненосцы, въ родѣ *Дуиліо* и *Лепанто*, совершенно новаго типа и боевой силы, какой не знали до этихъ поръ.

Тройственный союзъ.—Вооруженія Италіи дѣлали ее способной при случаѣ выдержать войну; нó только союзы съ другими державами обезпечивали ей возможность предупредить войну. Относительно этого общественное мнѣніе, утомленное политикой изолированности, было вполнѣ единодушно. Гдѣ же искать такого союза? Депретисъ склонялся къ соглашенію съ Франціей, основанному на забвеніи прошлаго; большинство публики и парламентскіе круги отвергали такое рѣшеніе, какъ недостойное великой страны и склонялись къ соглашенію съ Австріей; дѣйствительно, предполагали, что эта держава охотно вступитъ въ соглашеніе съ своей сосѣдкой, чтобы имѣть возможность заняться въ полной безопасности своими восточными проектами. Истолкователемъ этого настроенія явился министръ иностранныхъ дѣлъ, Пасквале Манчини, въ октябрѣ 1882 года уговорившій королевскую чету совершить парадное путешествіе въ Вѣну. Это путешествіе было лишь намекомъ: ловкому Бисмарку удалось превратить его въ прелюдію союза. Желая возможно дешевле пріобрѣсти поддержку Италіи, онъ напугалъ ее, поднявъ въ газетахъ римскій вопросъ, предложивъ папѣ убѣжище въ Фульдѣ; мало-по-малу онъ убѣдилъ Италію въ томъ, что ея присоединеніе къ австро-германскому соглашенію, заключенному въ 1879 году, единственное средство защититься отъ притязаній Льва XIII на свѣтскую власть. Предприняты были дѣятельные переговоры при посредствѣ де Лонэ, посланника въ Берлинѣ, и де Робилана, посланника въ Вѣнѣ: переговоры привели къ секретному договору отъ 20 мая 1882 года. Въ силу этого соглашенія, заключеннаго на пять лѣтъ, высокія договаривающіяся державы взаимно обезпечивали другъ другу свои территоріи, упрочивая такимъ образомъ за Германіей обладаніе Эльзасъ-Лотарингіей, за Австріей Боснію и Герцеговину, за Италіей—Римъ. Манчини удалось выкинуть изъ перваго нѣмецкаго проекта пунктъ, навязывавшій Италіи обязательство слѣдовать внутри рѣшительной консервативной политикѣ. Зато онъ не могъ одержать верхъ по капитальному вопросу объ обезпеченіи не только территорій, но и *общихъ перворазрядныхъ интересовъ*; подъ этимъ терминомъ онъ разумѣлъ поддержаніе равновѣсія на Средиземномъ морѣ. Теперь нетрудно было разсчитать, каковы были для Италіи неудобства и преимущества Тройственнаго союза. Что выигрывала она? обладаніе Римомъ, которому никто не угрожалъ. Чѣмъ жертвовала она? своими притязаніями на Тріентъ и Тріестъ, которыя были особенно близки ея сердцу и которыя вспыхнули съ новой силой по поводу одного недавняго инцидента (дѣло Оберданка). Чего она добивалась? Обезпеченія отъ новаго предпріятія Франціи въ Средиземномъ морѣ; а договоръ умалчивалъ какъ разъ объ этимъ пунктѣ.

Таково было впечатлѣніе того самаго человѣка, на котораго въ силу занимаемой имъ должности какъ разъ была возложена задача подготовленія этого союза. Съ самаго начала переговоровъ Робиланъ ставилъ на видъ Риму, что неприлично проявлять чрезмѣрное усердіе въ этомъ дѣлѣ; получается впечатлѣніе, что Италія вымаливаетъ себѣ этотъ союзъ, а не

свободно договаривается о немъ. Когда онъ былъ заключенъ, тотъ же Робиланъ подчеркивалъ, насколько этотъ союзъ теряетъ свое значеніе вслѣдствіе сближенія трехъ сѣверныхъ державъ, происшедшаго въ Скерневицахъ (въ 1884 году). Наконецъ, позднѣе (въ іюлѣ 1886 года), сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, Робиланъ, на просьбу де Лонэ навѣстить Бисмарка, писалъ буквально слѣдующее: „Положительно, Италія утомлена этимъ безплоднымъ союзомъ, и я слишкомъ глубоко чувствую, что онъ всегда будетъ безполезенъ для насъ... Болѣе, чѣмъ вѣроятно поэтому, что я не возобновлю союза и подожду сознательно связывать себя, когда придетъ время". Тѣмъ не менѣе возобновленіе союза состоялось до истеченія срока (мартъ 1887 года). Удалось ли министру ввести въ договоръ новые пункты, расширяющіе его значеніе? Обезпечилъ ли онъ, путемъ частнаго соглашенія съ Англіей, поддержаніе равновѣсія на Средиземномъ морѣ? Друзья его распространили слухи объ этомъ, но нѣтъ оффиціальнаго документа, подтверждающаго это. Какъ бы то ни было, это происшествіе еще болѣе отдалило перспективу франко-итальянскаго сближенія.

Колоніальная политика.—Одновременно съ новой иностранной политикой Италія начала и политику колоніальную. Желаніе поискать компенсаціи за утрату Туниса и невозможность найти ее въ Триполи, привели Италію къ рѣшимости обосноваться если не на Средиземномъ морѣ, то хоть на Красномъ, которое являлось, по словамъ Манчини, ключомъ къ Средиземному. Занятіе Ассабской бухты компаніей Рубаттино, а затѣмъ и правительствомъ (въ 1882 году), экспедиціи Джулетти (въ 1881 году) и Бьянки (въ 1883 г.) въ Шоа были прелюдіями этого предпріятія; въ дальнѣйшемъ мы увидимъ его перипетіи: высадку оккупаціоннаго отряда въ Массовѣ (январь 1885 года), походъ внутрь страны, пораженіе при Догали (январь 1887 года).

Со смертью Депретиса (въ іюнѣ 1887 года) оканчивается собственная роль исторической лѣвой. При ея появленіи у власти Италія еще расплачивалась за объединеніе, вела политику сбереженій внутри и политику сосредоточенія вовнѣ; при оставленіи власти лѣвою предъ Италіей открылись болѣе блестящія, но и болѣе опасныя перспективы; ея законы стали либеральнѣе, армія сильнѣе, она примкнула къ могущественному союзу, у нея были отдаленныя колоніи, зато ея интересамъ угрожалъ чрезмѣрный ростъ налоговъ, въ будущемъ—внезапное стремительное развитіе честолюбивыхъ замысловъ; словомъ, національное существованіе ея сдѣлалось болѣе интенсивнымъ, а матеріальное благополучіе менѣе прочнымъ.

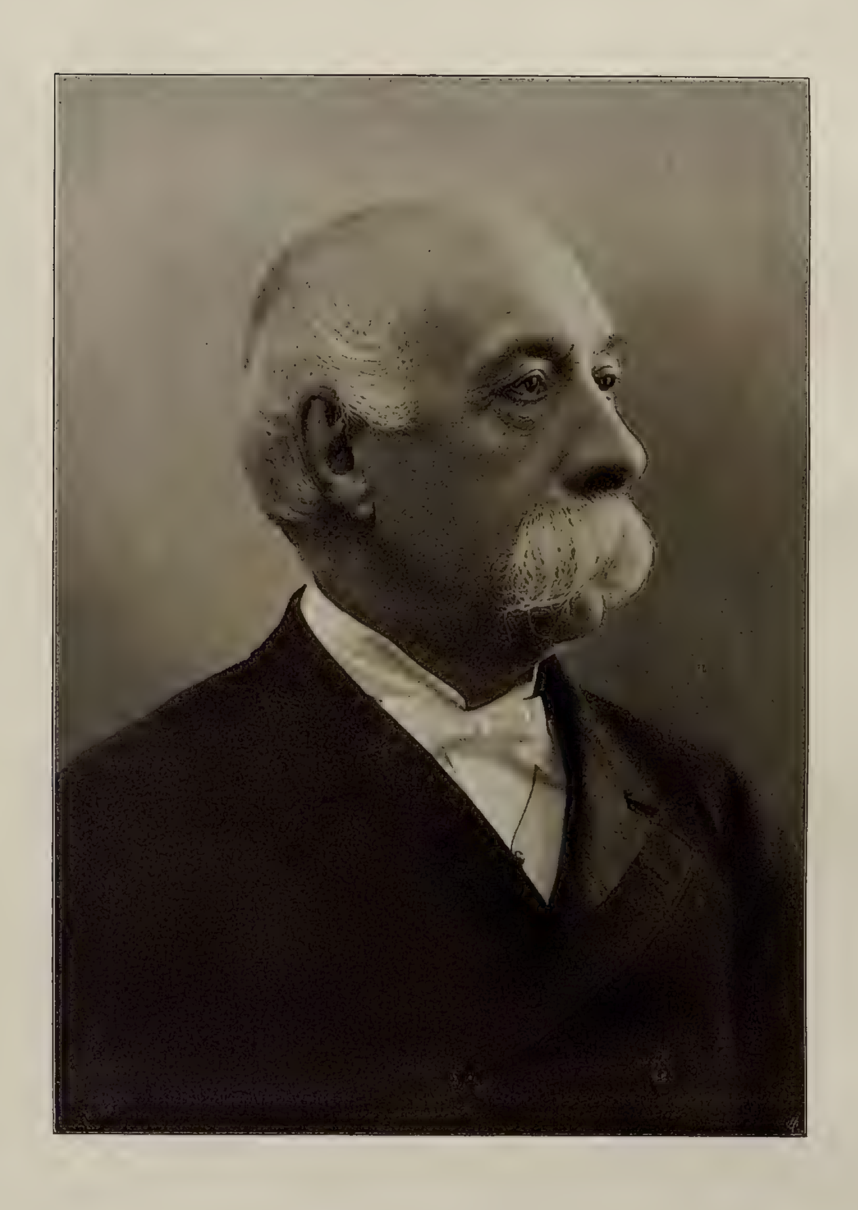
III.—Господство Криспи. (1887—1896).

Криспи.—Съ 1881 года по 1887 годъ итальянская политика отмѣчена личнымъ соперничествомъ вождей лѣвой; послѣ 1887 года весь интересъ, представляемый ею, сосредоточивается на самомъ знаменитомъ изъ нихъ, на Криспи. Въ теченіе тринадцати лѣтъ онъ почередно то становился ея оффиціальнымъ вождемъ, то подавлялъ ее своимъ моральнымъ вліяніемъ; онъ руководилъ ею либо посредствомъ своихъ мѣропріятій, либо тѣмъ противодѣйствіемъ, которое онъ вызывалъ. Въ теченіе столь продолжительнаго времени онъ не могъ играть такой преобладающей роли, не вызывая пламенной вражды и пламеннаго энтузіазма. Однако и его враги, и его друзья, повидимому, согласно признаютъ за нимъ высокія качества, искаженныя прискорбными недостатками. Первые, при всемъ своемъ удивленіи къ энергичной его волѣ, къ смѣлости его инициативы, къ личному его авторитету,

сожалѣли о насильническомъ его характерѣ, о постоянной его неумѣренности въ выраженіяхъ и объ опасномъ безразсудствѣ его поведенія. Вторые упрекали его за то, что онъ не вносилъ въ частную свою жизнь моральной чуткости, а въ общественную жизнь—практическаго чутья, столь необходимаго для партійнаго вождя и политическаго дѣятеля; но они признавали за нимъ мощность замысловъ и выполненія, которую не истощила политика, работоспособность, которую не ослабили годы, мистическую вѣру въ величіе Италіи и чрезвычайно живое сознаніе своего достоинства. Всѣ видѣли въ немъ человѣка борьбы и приключеній, цѣльнаго въ своихъ идеяхъ и страстяхъ, презирающаго полумѣры, человѣка, который по самому темпераменту своему не только борется съ врагомъ, но даже готовъ самъ искать его. Политика, не знающая никакихъ препонъ, сдѣлалась его программой и цѣлью его существованія, привела его къ паденію въ 1891 году, вызвала его возвращеніе къ власти въ 1893 г. и ввергла его въ немилость, повидимому, окончательную, въ 1896 году.

Первое министерство Криспи (1887—1889 гг.).—Получивъ въ свои руки власть, Криспи прежде всего озаботился принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы присвоить ее себѣ цѣликомъ. Онъ началъ съ того, что отсрочилъ парламентскую сессію и захватилъ себѣ, помимо званія министра президента, еще два министерства—внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Въ своей туринской рѣчи (25 окт. 1887 года) онъ призналъ необходимость двухъ большихъ партій, но заявилъ, что болѣе сильная должна образоваться вокругъ его имени и его идей. При открытіи парламента (16 ноября), онъ устами короля изложилъ грандіозную программу административныхъ реформъ. Когда онъ (9 декабря) добился отъ палатъ закона, который отнималъ у палатъ и передавалъ королю право измѣнять министерскія полномочія, то онъ въ сущности получилъ въ свои руки нѣчто въ родѣ диктатуры. Онъ воспользовался ею главнымъ образомъ для борьбы съ истинными или предполагаемыми врагами монархіи: Ватиканомъ, республиканцами и соціалистами, абиссинцами и Франціей.

Прежде всего онъ, повидимому, поставилъ себѣ цѣлью возбудить конфликтъ съ Церковью, въ противоположность Депретису, который благоразумно старался его уладить. Не довольствуясь неоднократнымъ провозглашеніемъ правъ Италіи и принципа „неприкосновенности Рима“, онъ смѣстилъ римскаго городского голову за то, что тотъ передалъ папѣ подарокъ римлянъ по поводу священническаго юбилея папы (въ январѣ 1888 года); въ томъ же году онъ предложилъ палатамъ принять составленное Занарделли уголовное уложеніе, которое карало тюрьмой и штрафомъ поступки и рѣчи церковнослужителей, враждебные государственнымъ интересамъ или цѣлости территоріи. Левъ XIII торжественно протестовалъ противъ этого въ одной изъ консисторій.—Противъ агитаціи крайнихъ партій Криспи провелъ законъ объ общественной безопасности, которымъ ограничивались вооруженныя сборища и установлялись наказанія за нихъ; онъ убѣдилъ короля посредствомъ путешествія въ Романью разсѣять предубѣжденіе населенія этой области противъ монархіи.—Въ Абиссиніи, гдѣ онъ торопился отмстить за пораженіе при Догали, онъ велѣлъ перейти къ энергичному наступленію; военный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Санъ-Марцано, высадился въ Массовѣ и вынудилъ негуса Іоанна отступить безъ боя. Но личное вліяніе Криспи наиболѣе дѣятельно и производительно сказалось главнымъ образомъ въ иностранныхъ дѣлахъ: ставъ на вполнѣ опредѣленную точку зрѣнія, онъ ускорилъ эволюцію, совершавшуюся уже шесть лѣтъ во внѣшней политикѣ Италіи. Первый шагъ его, какъ министра, состоялъ въ томъ,



Фр. Криспи.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

что онъ отправился въ Фридрихсруэ для переговоровъ съ Бисмаркомъ (въ сентябрѣ 1887 года); этимъ онъ выставлялъ на показъ свое намѣреніе крѣпче стянуть связи Тройственнаго союза. Четыре мѣсяца спустя, послѣ долгихъ переговоровъ, онъ отказался продолжить торговый договоръ, заключенный между Франціей и Италій въ 1881 году; этимъ онъ поднималъ между двумя странами таможенную войну, одинаково гибельную какъ для ихъ взаимныхъ интересовъ, такъ и для ихъ добраго согласія. По роковому стеченію обстоятельствъ какъ разъ 1888 годъ отмѣченъ былъ цѣлымъ рядомъ такихъ инцидентовъ, которые способны были ухудшить ихъ политическія отношенія: въ январѣ произошелъ инцидентъ во Флоренціи, гдѣ одинъ приставъ произвелъ арестъ имущества въ помѣщеніи французскаго консульства; въ іюлѣ — происшествія въ Массовѣ, гдѣ генералъ Балдиссера вопреки соглашеніямъ пытался обложить податью находившихся подъ французскимъ покровительствомъ грековъ; въ сентябрѣ—происшествія въ Тунисѣ и декретъ бея, подчинявшій надзору властей всѣ иностранныя школы. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Криспи проявилъ крайнюю щекотливость и раздражительность, и надменностью своего языка хотѣлъ, повидимому, совершенно изгладить тѣ франкофильскія заявленія, которыя онъ съ такою щедростью разсыпалъ въ своихъ рѣчахъ. Къ опасеніямъ, которыя онъ породилъ этимъ путемъ по ту сторону Альпъ, присоединилось впечатлѣніе, произведенное крупною политическою манифестаціей: въ октябрѣ императоръ Вильгельмъ II торжественно отправился въ Римъ, гдѣ онъ встрѣтилъ горячій пріемъ, произвелъ смотръ арміи и флоту и пожаловалъ министру-президенту орденъ Чернаго Орла. При возобновленіи парламентской сессіи (февраль 1889 г.) Криспи рѣшительно протестовалъ противъ всякой попытки къ разоруженію и поздравлялъ себя съ тѣмъ, что „впервые государь могущественной націи прибылъ привѣтствовать въ Квириналъ короля объединенной Италіи“. Французское общественное мнѣніе мало-по-малу пріучалось видѣть въ немъ представителя галлофобства.

Второе министерство Криспи (1889—1891).—Одинъ парламентскій инцидентъ принудилъ его въ февралѣ 1889 года прервать на короткое время свою парламентскую карьеру и измѣнить слегка если не свои идеи, то, по крайней мѣрѣ, программу. Не получивъ въ одобреніе своей финансовой политики достаточнаго по его мнѣнію большинства, онъ подалъ въ отставку, однако снова принялъ на себя задачу составленія кабинета, „чтобы не принести крупныхъ государственныхъ интересовъ въ жертву парламентскому постановленію“, и ограничился смѣной министровъ финансовъ, казначейства и общественныхъ работъ.

Первое министерство Криспи было министерствомъ смѣлыхъ опытовъ, второе—министерствомъ испытаній: „мегаломанія“ его вождя уже приносила первые плоды и начинала вызывать серьезное безпокойство въ умахъ. Съ 1885 года положеніе бюджета все ухудшалось; Мальяни, губившій свою репутацію государственнаго дѣятеля той легкостью, съ которой онъ соглашался на новые военные расходы (146 милліоновъ въ 1888 году) и своимъ умѣніемъ скрывать ихъ, долженъ былъ уйти въ декабрѣ 1888 года въ виду сопротивленія, какое встрѣтили его проекты новыхъ налоговъ. Его преемникъ Грimальди констатировалъ дефицитъ, который для 1888 года выражался суммой въ 73 милліона, и затѣмъ достигъ 230 милліоновъ въ 1889 году, 45 милліоновъ въ 1890 году, т.-е. въ четыре года, по 1-е января 1891 года, получился излишекъ расходовъ въ 384 милліона! Чтобы помочь такому прискорбному положенію дѣлъ, Криспи обѣщалъ не вводить новыхъ налоговъ, а прибѣгнуть къ сбереженіямъ, про-

грамму которыхъ онъ и представилъ. Но ему слѣдовало бы измѣнить свою политику, а между тѣмъ въ вопросѣ римскомъ, въ вопросѣ африканскомъ, во внѣшнихъ дѣлахъ онъ продолжалъ держаться тѣхъ же пріемовъ. Въ Римѣ онъ торжественно открылъ памятникъ въ честь Джордано Бруно (въ маѣ 1889 года), несмотря на то, что Ватиканъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ вызовъ по своему адресу. Въ Абиссиніи онъ поддался вліянію обстоятельствъ и сталъ стремиться къ расширенію сферы вліянія Италіи, зайдя въ этомъ стремленіи дальше, чѣмъ это позволяла слабость его средствъ: поддержавъ властителя Шоа, Менелика, въ борьбѣ его съ негусомъ Іоанномъ, онъ помогъ ему сдѣлаться преемникомъ Іоанна, навязавъ ему, однако, итальянскій протекторатъ по знаменитому договору въ Уччали (май 1887 года); одновременно съ этимъ полоса военной оккупаціи расширена была до Керена и Асмары (августъ); особымъ декретомъ полоса эта превращалась въ колонію, подъ названіемъ Эритреи; наконецъ, два договора, заключенныхъ въ февралѣ и апрѣлѣ 1887 года, одинъ съ султаномъ Оппіи, другой съ султаномъ Сомали давали римскому кабинету право на владѣніе значительнымъ пространствомъ береговой полосы Индѣйскаго океана.

По отношенію къ Франціи чувства Криспи, повидимому, двоились между желаніемъ проявить къ ней расположеніе и потребностью всюду искать враговъ. Чтобы показать свои симпатіи къ ней, онъ провелъ въ обѣихъ палатахъ отмѣну дифференціальныхъ пошлинъ на французскіе товары (декабрь 1889 года), послалъ средиземноморскую эскадру привѣтствовать Карно во время его пребыванія въ Тулонѣ (апрѣль 1890 года) и заявилъ въ своей туринской рѣчи (въ октябрѣ): „Никто не представляетъ, да и не можетъ представить себѣ Европу безъ Франціи, которая является самой симпатичной улыбкой современной цивилизаціи и обладаетъ неотразимой притягательной силой". А тѣмъ временемъ его газеты не переставали твердить, что Франція готовитъ нападеніе, и распространяли слухъ о намѣреніи ея внезапно захватить Спецію; самъ Криспи, повидимому, давалъ вѣру подобному мнѣнію, воздвигая укрѣпленія въ Альпахъ, и непрерывно увеличивая военный бюджетъ (403 милліона въ 1889 году).

По отношенію къ Германіи онъ все учащалъ дружественныя проявленія: визитъ въ Берлинъ, вмѣстѣ съ королемъ и наслѣднымъ принцемъ (май 1889 г.); пріемъ императора Вильгельма въ Монцѣ (окт.—ноябрь 1889 года); сочувственныя телеграммы къ Бисмарку по поводу его отставки; свиданіе съ его преемникомъ Каприви въ Миланѣ (ноябрь 1890 года).

По отношенію къ Австріи его положеніе было щекотливѣе; для поддержанія добрыхъ отношеній съ вѣнскимъ кабинетомъ ему приходилось забыть ирредентистскій вопросъ и подавлять или предупреждать всякія демонстраціи, которыя вызывались этимъ вопросомъ; онъ выполнилъ эту задачу съ такою рѣшительностью и силою, какъ будто самъ онъ не былъ старымъ революціонеромъ. Закрытіе австрійскими властями въ Тріестѣ итальянскаго общества *Pro Patria* вызвало шумныя манифестаціи въ Римѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ; два дня спустя (22 августа 1890 года) особый декретъ постановлялъ закрытіе всѣхъ ассоціацій, которыя подъ именемъ кружковъ Барсанти или Оберданка поддерживали ирредентистскую агитацію по обѣ стороны границъ королевства. На одномъ избирательномъ банкетѣ въ Удино министръ финансовъ, Сеисмитъ-Дода, выслушалъ безъ всякаго протеста рѣчь, содержавшую въ себѣ намекъ на Далмацію, „которая трудится, страдаетъ, не жалуясь, и съ довѣріемъ смотритъ въ будущее"; министръ по телеграфу получилъ отъ президента совѣта приказаніе подать въ отставку.

Столь неуклонная по своему принципу и столь властная по своимъ пріемамъ политика неминуемо должна была породить многочисленныхъ враговъ, особенно въ крайнихъ партіяхъ; чтобы устранить грозившую съ этой стороны опасность, Криспи распустилъ палату депутатовъ (22 октября) и получилъ большинство четырехъ пятыхъ во вновь составленной палатѣ. Въ тотъ самый моментъ, когда власть его казалась прочнѣе, чѣмъ когда-либо, онъ внезапно палъ (въ январѣ 1891 года) по поводу одного изъ тѣхъ парламентскихъ инцидентовъ, которые такъ часты въ парламентахъ, гдѣ партіи плохо разграничены и мало дисциплинированы. Во время бюджетныхъ преній онъ упрекнулъ своего противника, бывшаго министромъ съ 1874 по 1876 годъ, въ томъ, что тотъ участвовалъ въ администраціи, „угодничавшей передъ иностранцами“. Впечатлѣніе, произведенное этой несдержанною рѣчью, онъ еще усилилъ совершенно неумѣстнымъ бахвальствомъ: „Ваше голосованіе,—обратился онъ къ палатѣ,—покажетъ иностранцамъ, желаетъ ли Италія сильнаго правительства или хочетъ вернуться къ тѣмъ правительствамъ, колебанія и непостоянство которыхъ дискредитировали нашу страну“. Покинутый центромъ и правою, онъ остался въ меньшинствѣ и подалъ въ отставку.

Министерство Рудини (февраль 1891—май 1892 г.).—Составленіе кабинета поручено было Маркизу Рудини, главѣ группы, которая вела битву съ Криспи. Рудини привлекъ на свою сторону большинство, принявъ въ составъ своего кабинета Никотеру, вождя лѣвой оппозиціи, и получилъ вотумъ довѣрія съ той же легкостью, съ какой его прежде получалъ его предшественникъ. Въ своей программѣ (февраль) и въ своемъ отвѣтѣ на первыя интерпелляціи онъ въ слѣдующихъ чертахъ опредѣлялъ свою политику: бережливость внутри, система сосредоточенія въ Африкѣ, добрыя отношенія со всѣми другими державами, поддержаніе Тройственнаго союза. Это означало реакцію противъ разорительнаго мотовства, противъ воинственныхъ замашекъ и колоніальныхъ проектовъ Криспи. Эта реакція проявилась прежде всего въ области экономической и религіозной. Новый министръ финансовъ Луццати представилъ паламъ бюджетъ, допускавшій по различнымъ статьямъ, главнымъ образомъ, по военному вѣдомству, сбереженія въ 39 милліоновъ, благодаря чему можно было избѣгнуть дефицита, не обращаясь къ новымъ налогамъ; въ декабрѣ министръ могъ уже предсказать палатамъ избытокъ поступленій въ ближайшемъ году. Съ другой стороны, глава кабинета въ своей рѣчи въ Миланѣ (ноябрь) заявилъ о своемъ желаніи сохранить законъ о гарантіяхъ, подвергавшійся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны криспіанцевъ, и обезпечить полную свободу католическимъ паломничествамъ въ Римѣ. Въ Африкѣ онъ рѣшительно разстался съ политикой расширенія, которой слѣдовали до тѣхъ поръ, и намѣтилъ въ качествѣ крайняго предѣла итальянской оккупаціи треугольникъ Массова-Асмара-Керенъ. Въ области законодательной единственная проведенная имъ реформа заключалась въ возстановленіи голосованія по именамъ. Въ одномъ только пунктѣ онъ продолжалъ криспіанскую политику, внося, впрочемъ, въ нее нѣкоторую умѣренность; именно—онъ не считалъ благоразумнымъ порвать тѣ узы, которыми связана была Италія еще до него, и заявилъ о своемъ намѣреніи оставаться вѣрнымъ Тройственному союзу. Подъ вліяніемъ той же осторожности онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своего паденія возобновилъ договоръ о Тройственномъ союзѣ (іюнь 1891 года). Но онъ старался при всякомъ случаѣ подчеркивать оборонительный и мирный его характеръ.

Эта политика мира, сосредоточенія и сбереженій, хотя и пользовалась одобре-

ніемъ со стороны благоразумныхъ людей, не дала однако маркизу ди Рудини ни солиднаго большинства въ парламентѣ, ни прочной популярности въ странѣ, которая смутно сожалѣла о шумной дѣятельности и объ искусственномъ величіи предшествующаго министерства. Кабинетъ палъ по вѣчному финансовому вопросу, и депутатъ Джіолитти, который собственно и вызвалъ его паденіе, увлекши въ оппозицію пьемонтскую группу, получилъ порученіе замѣнить его.

Министерство Джіолитти (май 1892—декабрь 1893). — Новый министръ-президентъ считался ловкимъ политикомъ и заслуженнымъ финансистомъ; его появленіе у власти, къ несчастью, совпало съ экономическимъ и парламентскимъ кризисомъ, за который вся отвѣтственность пала на него, а между тѣмъ онъ не могъ разрѣшить этого кризиса, и его министерство представило собой лишь длинный рядъ скандаловъ, промаховъ и общественныхъ несчастій.

Его начало отмѣчено было довольно рѣдкимъ въ парламентской лѣтописи инцидентомъ. Его программа встрѣтила въ палатѣ такой холодный пріемъ и получила такое слабое большинство, что онъ подалъ въ отставку; онъ отказался отъ нея лишь по настоянію короля и вынужденъ былъ пойти на требованіе временнаго бюджета на цѣлыхъ полгода. Считая послѣ этого невозможной какую бы то ни было серьезную работу съ собраніемъ, которое послѣдовательно то оказывало поддержку, то боролось съ Криспи, Рудини и съ нимъ самимъ, онъ объявилъ о распущеніи палаты (октябрь) и одержалъ на общихъ выборахъ (ноябрь) блестящій успѣхъ (изъ 444 депутатовъ 326 были на его сторонѣ). Скандалъ, разразившійся два мѣсяца спустя и поглотившій общественное вниманіе, помѣшалъ ему использовать этотъ успѣхъ. Комиссія, назначенная для разслѣдованія злоупотребленій, совершонныхъ эмиссіонными банками, признала, что *Римскій банкъ* незаконно выпустилъ билетовъ на 65 милліоновъ (январь 1893 года) и безъ всякихъ гарантій давалъ взаймы деньги многимъ депутатамъ и чиновникамъ. Эти разоблаченія, бросавшія своеобразный свѣтъ на нравственный укладъ нѣкоторыхъ политическихъ круговъ, произвели въ Италіи такое же впечатлѣніе, какъ Панамское дѣло во Франціи; вмѣсто того, чтобы успокоить общественное волненіе быстрыми и энергичными мѣрами, Джіолитти лишь черезъ три мѣсяца (въ мартѣ), и то какъ бы нехотя, согласился назначить парламентскую слѣдственную комиссію изъ семи членовъ. Почти одновременно съ этимъ онъ столкнулся съ очень серьезными затрудненіями и на почвѣ внѣшней политики. Узы, соединявшія Италію съ Германіей, сдѣлались еще болѣе тѣсными послѣ двухъ путешествій—короля Гумберта въ Берлинъ (іюнь 1892 года) и императора Вильгельма въ Римъ (апрѣль 1893 года); ея отношенія съ Франціей сдѣлались особенно тягостны послѣ поѣздки итальянскаго наслѣднаго принца въ Мецъ (сентябрь) для присутствія тамъ на большихъ маневрахъ, и послѣ кровавагo столкновенія между французскими и итальянскими рабочими въ Эгъ-Мортъ, вызвавшаго отвѣтныя манифестаціи въ Римѣ. Эти тягостные инциденты имѣли косвеннымъ своимъ послѣдствіемъ экономическій кризисъ, вызванный кампаніей, которую предприняла парижская биржа противъ итальянскихъ цѣнностей; рента спустилась до 78 франковъ, лажъ повысился до 16%, многіе банки вынуждены были прекратить свои операціи, и всѣ торговыя сдѣлки тормазились денежной заминкой. Въ то же время и въ Сициліи шла глухая агитація, вызванная чрезмѣрной тягостью и несправедливымъ распредѣленіемъ коммунальныхъ налоговъ. Никогда еще, повидимому, общее положеніе не внушало такого безпокойства.

Всюду стало замѣтнымъ чувство всеобщей тревоги. И вотъ въ такое-то время комиссія семерыхъ представила свой докладъ. Она приходила къ выводу, что министръ-президентъ, какъ, впрочемъ, и его предшественники, виновенъ былъ по меньшей мѣрѣ въ небрежности, потому что первое разслѣдованіе произведено было еще въ 1889 году; не ставя депутатамъ на видъ прямыхъ фактовъ подкупа, комиссія выражала свое „сожалѣніе" и „неодобреніе" по поводу „промаховъ", совершонныхъ нѣкоторыми изъ нихъ, особенно однимъ другомъ Джіолитти, дель Веккіо, и министромъ торговли Лакавою. Джіолитти немедленно подалъ въ отставку.

Третье министерство Криспи (декабрь 1893 — мартъ 1896 г.). — Первая комбинація съ Занарделли продержалась всего нѣсколько дней. Въ виду серьезныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находилась Италія, общественное и парламентское мнѣніе, отдѣлавшееся отъ прежняго своего предубѣжденія, снова увидѣло въ Криспи необходимаго человѣка; самые его недостатки сдѣлались силой въ такой моментъ, когда энергичныя и даже рѣзкія мѣропріятія казались неизбѣжными; наконецъ, его рѣчи въ Палермо (ноябрь 1892 г.) и Кварто (октябрь 1893 года), въ которыхъ онъ выставлялъ себя апостоломъ мира, повидимому, свидѣтельствовали о томъ, что опытъ научилъ его благоразумію. Первые его шаги оправдали надежды, связанныя съ его именемъ. Онъ началъ энергичнымъ заявленіемъ въ палатахъ: „Къ несчастью, мы приняли власть въ такую минуту, когда страна находится въ болѣе критическомъ положеніи, чѣмъ когда-либо. Трудности, которыя намъ предстоитъ преодолѣть, огромны, и, чтобы справиться съ ними, мы нуждаемся въ сотрудничествѣ палаты безъ различія партій. Съ этой цѣлью я прошу васъ установить *божій миръ*. Когда счастье Италіи будетъ возстановлено, каждый снова займетъ свое мѣсто. Бороться другъ противъ друга теперь было бы преступленіемъ. Когда грозитъ опасность, мы должны объединиться для совмѣстной защиты. Предстоящее намъ дѣло — труднѣе всѣхъ со времени объединенія Италіи". Положеніе Сициліи оправдывало пессимизмъ этихъ заявленій; оно сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ во время министерскаго междуцарствія, такъ что грозило соціальной революціей; во многихъ маленькихъ городахъ возставшій съ оружіемъ въ рукахъ народъ сжегъ зданія октруа, разграбилъ мэріи, избилъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства; еще серьезнѣе было то обстоятельство, что движеніе, повидимому, распространилось и на сѣверную Италію; Луниджана (Масса-Каррара) сдѣлалась ареной тяжелыхъ столкновеній между жандармеріей и населеніемъ. Криспи подавилъ это возстаніе чрезвычайно сурово и быстро. Едва очутившись у власти, онъ объявилъ Сицилію въ осадномъ положеніи, отправилъ туда генерала, снабженнаго чрезвычайными полномочіями, приступилъ ко всеобщему разоруженію населенія и осудилъ военнымъ судомъ вожаковъ этого движенія; въ два мѣсяца мятежъ былъ подавленъ, и Криспи могъ разыгрывать роль спасителя порядка. Онъ воспользовался этимъ и сдѣлалъ попытку исправить радикальными средствами плохое состояніе финансовъ: такъ какъ бюджетъ 1894—1895 года сводился съ дефицитомъ въ 177 милліоновъ, то онъ потребовалъ у палатъ новыхъ налоговъ на 100 милліоновъ и чрезвычайныхъ полномочій на годъ для упрощенія и удешевленія администраціи. Его предложенія сдѣлались предметомъ страстныхъ нападокъ и не были приняты цѣликомъ, но тѣмъ не менѣе они имѣли хорошее вліяніе на бюджетъ: въ слѣдующемъ году дефицитъ простирался лишь до 79 милліоновъ, издержки уменьшились на 30 милліоновъ, поступленія возросли на 100 милліоновъ. Сильный

этимъ успѣхомъ, Криспи обратился противъ старыхъ своихъ противниковъ, республиканцевъ и соціалистовъ; волненія въ Сициліи и нѣсколько отдѣльныхъ покушеній послужили ему предлогомъ поставить ихъ на одну линію съ анархистами и распустить всѣ ихъ союзы (октябрь 1894 года). Наконецъ, чтобы справиться съ послѣднимъ сопротивленіемъ, которое онъ встрѣчалъ въ палатѣ, онъ, подобно своимъ предшественникамъ, прибѣгнулъ къ распущенію ея и, подобно имъ же, получилъ путемъ новыхъ выборовъ (май—іюнь 1894 года) внушительное большинство. Онъ вызывалъ довѣріе народа своею энергіей, его нравственный авторитетъ увеличивался, его репутація необходимаго человѣка крѣпла, и даже сами враги его признавали, что онъ вносилъ въ свою политику больше такта и умѣренности, чѣмъ прежде. Однако это превращеніе не было полнымъ; онъ налагалъ узду на свои честолюбивые замыслы только для того, чтобы дать имъ развернуться пышнѣе въ колоніальной сферѣ; извѣстно, какія получились послѣдствія отъ его безразсудства. Оккупаціонная полоса расширена была на западъ до Кассалы (іюль 1894 года), на юго-западъ до Адуи (январь 1895 года); новый негусъ Менеликъ, явившись со всею своею арміей, уничтожилъ первый отрядъ при Амба-Алаги (7 декабря 1895 г.), захватилъ Макалле (январь 1896 года) и разбилъ при Аббагаримѣ десятитысячную армію генерала Баратьери; половина осталась на полѣ сраженія. Это несчастье, которое по своему значенію равнялось крупному пораженію въ Европѣ, возбудило въ Италіи такое сильное волненіе, что общественное мнѣніе, въ поискахъ за отвѣтственными лицами, обратилось противъ министра, который не сумѣлъ ни предотвратить, ни избѣжать этого. 5 марта Криспи объявилъ палатамъ объ отставкѣ кабинета.

Второе министерство Рудини (мартъ 1896—іюнь 1898 года). — Парламентскій кризисъ, во многихъ отношеніяхъ сходный съ кризисомъ 1891 года, разрѣшенъ былъ такимъ же способомъ. Ди Рудини, имя котораго внушало довѣріе сторонникамъ умѣреннаго образа мыслей, поручено было ликвидировать унаслѣдованное отъ Криспи положеніе дѣлъ; онъ оставался у власти до іюня 1898 года, но за это время три раза передѣлывалъ свой кабинетъ (іюль 1896 года, декабрь 1897, іюнь 1898).

Онъ счелъ необходимымъ прежде всего покончить какъ можно скорѣе съ африканской авантюрой; внутренній заемъ въ 140 милліоновъ и удачная кампанія генерала Балдиссеры въ Эритреѣ дали возможность, продолжая веденіе войны, подготовить почетный миръ; въ концѣ октября съ Мениликомъ заключенъ былъ договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: Италія отказывалась отъ своего протектората надъ Ѳеіопіей, оставляла Тигрэ, отодвигала границу своей колоніи до линіи Маребъ-Белеза-Муна и получала обратно своихъ плѣнныхъ. Генералъ Баратьери преданъ былъ военному суду, который оправдалъ его (въ іюнѣ), и вопросъ объ Эритреѣ къ концу года могъ считаться если не рѣшеннымъ, то, по крайней мѣрѣ, отсроченнымъ. Одновременно съ этимъ ди Рудини направилъ свою дѣятельность на другія задачи, доставшіяся ему по наслѣдству: генералъ Рикотти представилъ палатамъ планъ преобразованія арміи, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы усилить армію, сокративъ вмѣстѣ съ тѣмъ расходы на нее; Сицилія отдана была въ управленіе особому королевскому комиссару, которому поручено было изучить и затѣмъ провести тамъ необходимыя соціальныя реформы; наконецъ, новый министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста (іюль 1896 года) воспользовался тѣмъ чувствомъ облегченія, которое вызвалъ по ту сторону Альпъ уходъ

Криспи, и завязалъ добрыя отношенія съ Франціей. Когда ди Рудини, по примѣру своихъ предшественниковъ, пожелалъ почерпнуть новыя силы, обратившись къ голосу самихъ избирателей, мартовскіе выборы 1897 года дали ему большинство, значеніе котораго еще сильнѣе подчеркивалось потерями криспіанской партіи. Въ теченіе всего 1897 года онъ настойчиво держался все той же политики сосредоточенія, отступилъ отъ нея лишь для совмѣстнаго съ другими державами вмѣшательства въ критскія дѣла и сумѣлъ представить въ декабрѣ бюджетъ, сведенный съ излишкомъ поступленій въ 16 милліоновъ.

Эта умиротворяющая работа рѣзко была прервана трагическими происшествіями въ Миланѣ; вслѣдствіе повышенія цѣны на хлѣбъ здѣсь вспыхнуло ужасное возстаніе, которое приняло политическую окраску благодаря вмѣшательству соціалистическаго элемента и стоило жизни сотнямъ солдатъ и рабочихъ (май 1898 года). Министерство Рудини вышло въ отставку и смѣнено было кабинетомъ Пеллу.

Политическая эволюція Италіи съ 1870 по 1899 годъ.—Если бросить общій взглядъ на исторію Италіи со взятія Рима до нашихъ дней, то можно, кажется, различить въ ней два періода, гранью которыхъ является 1881 годъ. Первый періодъ былъ продолженіемъ и какъ бы завершеніемъ предыдущаго періода; страна расплачивалась за объединеніе, развивала учрежденія, облегчавшія это объединеніе, соблюдала союзы, при помощи которыхъ объединеніе осуществилось. Наоборотъ, съ 1881 года Италія, кажется, дѣлаетъ усилія сбросить съ себя прошлое, забыть трудности своего возникновенія и быстро достигнуть той же степени внѣшняго престижа и матеріальнаго могущества, какъ и великія европейскія монархіи; отсюда—увеличеніе расходовъ, ростъ арміи, образованіе колоніальныхъ владѣній, Тройственный союзъ, толчокъ, данный общественнымъ работамъ. Это восходящее движеніе ускоряется во время первыхъ министерствъ Криспи и рѣзко останавливается послѣ его паденія (въ 1896 году). Италія теперь вступаетъ, повидимому, въ третью фазу, въ теченіе которой она усиливается сочетать, слить воедино различныя и, въ извѣстномъ смыслѣ, противоположныя политическія направленія, которымъ она слѣдовала во время первыхъ двухъ періодовъ; она старается не потерять плодовъ тѣхъ жертвъ, какія она принесла въ теченіе второго періода, и сохранить свое международное положеніе; но она отказалась отъ своихъ проектовъ колоніальнаго роста; она преобразуетъ свои финансы и старается жить въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями.

Изъ вопросовъ, которые ей остается разрѣшить, на первый планъ надо поставить вопросъ финансовый и вопросъ моральный. Дефицитъ исчезъ изъ бюджетовъ, но это равновѣсіе еще непрочно. Въ предшествующее время три причины нарушали его: военные расходы, которые съ тѣхъ поръ сведены были къ нормальнымъ пропорціямъ; издержки по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, которыя также сократились; наконецъ, умноженіе общественныхъ должностей, которыя правительство въ настоящее время усиливается сократить и упростить.—Моральный вопросъ потребуетъ для своего разрѣшенія болѣе продолжительнаго срока и большей деликатности: вопросъ этотъ существуетъ въ Италіи съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ поставленъ д'Азеліо въ такой формулировкѣ: „Теперь, когда Италія создана, намъ остается создать итальянцевъ“. Политическій индифферентизмъ, съ одной стороны, обособленность чисто мѣстныхъ интересовъ—съ другой, вотъ тѣ двѣ болѣзни, которыя парализуютъ соціальный организмъ Италіи; онѣ лишаютъ правительство той поддержки, какую оно могло бы имѣть въ общественномъ мнѣніи, и обязываютъ его порой жертвовать

общимъ благомъ для частныхъ интересовъ; чтобы справиться со всѣмъ этимъ, ему приходится разсчитывать только на распространеніе образованія и на дѣйствіе времени.

Внѣшніе вопросы сводятся къ тремъ пунктамъ: вопросъ римскій, вопросъ о Средиземномъ морѣ и вопросъ ирредентистскій. Первый вопросъ, повидимому, едва ли можетъ быть разрѣшенъ путемъ соглашенія, потому что папа не желаетъ отказаться отъ своихъ притязаній на свѣтскую власть, а Италія не можетъ отчудить ни единаго клочка своей территоріи. Время уже отняло и отниметъ еще нѣкоторую долю остроты у этого вопроса. То же самое можно сказать и про вопросъ о Средиземномъ морѣ; Италія, поднявшая его въ моментъ Тунисскаго дѣла, повидимому, заинтересована въ немъ гораздо меньше съ тѣхъ поръ, какъ она отказалась отъ распространенія своего вліянія на Абиссинію и успокоена была относительно намѣреній Франціи. Ея вниманіе обращено скорѣе на восточную границу, и въ тотъ день, когда разложеніе австро-венгерской имперіи станетъ неизбѣжнымъ, общественное мнѣніе, пожалуй, потребуетъ расширенія предѣловъ именно съ этой стороны. Но этотъ день пока еще кажется очень отдаленнымъ.

Глава IX.

Испанія и Португалія

1870—1900.

I.—Испанія.

Амедей Савойскій.—Когда Амедей Савойскій, избранникъ 191 депутата, 2 января 1871 года вступалъ королемъ въ Испанію, не надо было быть великимъ пророкомъ, чтобы предсказать ему недолгое царствованіе. Противъ Амедея были республиканцы и карлисты; прежніе консерваторы были альфонсистами, уніонисты желали Монпансье, нѣкоторымъ прогрессистамъ хотѣлось бы имѣть Эспартеро. Амедей былъ исполненъ благихъ пожеланій, молодъ и отваженъ, но онъ не зналъ ни исторіи, ни языка, ни учрежденій, ни нравовъ, ни партій, ни людей Испаніи. Онъ обладалъ лишь среднимъ умомъ и имѣлъ неосторожность объявить въ первый же день, что онъ не станетъ навязывать себя силой. Онъ старался привлечь народъ своимъ мужествомъ и простотой; аристократія, которая терпѣть его не могла, какъ сына Виктора-Эммануила, презирала его за буржуазное его обращеніе; средній классъ былъ больше удивленъ, чѣмъ увлеченъ, а народныя массы совсѣмъ не понимали этой монархіи безъ блеска и показного величія.

Амедей вручилъ власть Серрано и созвалъ кортесы на 3 августа. Тѣмъ временемъ онъ декретировалъ нѣкоторыя административныя реформы, но не имѣлъ мужества дотронуться до цивильнаго листа; онъ стремился привлечь на свою сторону армію и флотъ,—многіе офицеры отказались присягнуть ему.

Республиканцамъ удалось придать выборамъ характеръ плебисцита; испуганное правительство прибѣгнуло къ такому давленію на избирателей, которое показалось неслыханнымъ даже въ Испаніи, и, несмотря на всѣ усилія властей, въ кортесы проникло довольно сильное антидинастическое меньшинство. Собраніе потеряло сорокъ дней на обсужденіе выборовъ, семнадцать дней на обсужденіе предложенія о пересмотрѣ конституціи, двадцать четыре дня на обсужденіе адреса. Затѣмъ поторопились привести въ равновѣсіе бюджетъ посредствомъ займа въ 375 милліоновъ, и въ тотъ самый моментъ, когда въ рукахъ правительства должны были оказаться рессурсы, министерскій кризисъ разрушилъ согласіе, существовавшее до этихъ поръ между различными фракціями либеральной партіи. Королю хотѣлось бы удержать Серрано, а пришлось принять прогрессистскій кабинетъ подъ предсѣдательствомъ Дзорильи (25 іюля).

Оппозиція со всѣхъ сторонъ нападала на кабинетъ, и онъ палъ въ октябрѣ при самомъ возобновленіи засѣданія кортесовъ; на смѣну ему явилось дѣловое министерство во главѣ съ Малькампо. 21 декабря палъ въ свою очередь и Малькампо, уступивъ свое мѣсто Сагастѣ. Прогрессистская партія безвозвратно раздѣлилась на два лагеря. Сагаста смѣло объявилъ расколъ, происшедшій въ партіи, неизбѣжнымъ и потребовалъ точнаго соблюденія конституціи 1869 года. Друзья Дзорильи, финансовую политику которыхъ онъ порицалъ, отвѣтили ему бѣшеными нападками. Во время одного изъ такихъ великолѣпныхъ ораторскихъ засѣданій, которыя являются торжествомъ краснорѣчія и смертью здравой политики, Дзорилья сдѣлалъ тревожный возгласъ: „Да спасетъ Богъ страну! Да спасетъ Богъ династію!“. Риверо и Мартосъ предсказывали Сагастѣ, что онъ убьетъ испанскую свободу. Республиканцы вопили, что династія бросила перчатку странѣ. Карлисты предложили не платить налоговъ. Сагаста объявилъ распущеніе кортесовъ (24 января 1872 года).

Новые выборы дали Сагастѣ значительное большинство, но онъ обязанъ былъ этимъ большинствомъ административному давленію и страхомъ передъ почти поголовнымъ возстаніемъ баскскихъ областей во имя Донъ Карлоса. Король счелъ своимъ долгомъ проявить энергію. Онъ повторилъ, что не станетъ силой держаться за власть, но прибавилъ, что не дастъ сломить себя насиліемъ, вопреки волѣ народа; онъ заявилъ, что противъ карлистовъ начата будетъ энергичная война, и если существующіе законы не въ состояніи обезпечить общественный порядокъ, то онъ потребуетъ ихъ измѣненія.

Амедей былъ правъ, но кортесы и не думали снабжать Сагасту чрезвычайными полномочіями, которыхъ онъ требовалъ. Было доказано, что онъ взялъ 500.000 пезетъ изъ кассы колоній и истратилъ ихъ на покрытіе издержекъ по избирательной кампаніи. Онъ палъ 28 мая и замѣщенъ былъ Серрано, стоявшимъ въ то время во главѣ сѣверной арміи. Какъ разъ въ этотъ моментъ Серрано только что заключилъ съ карлистами соглашеніе въ Аморевьетѣ, которое явилось въ глазахъ всѣхъ либераловъ измѣной. Едва возникнувъ, кабинетъ Серрано долженъ былъ подать въ отставку, а Дзорилья, не будучи въ состояніи управлять при содѣйствіи консервативныхъ кортесовъ, объявилъ о распущеніи парламента (28 іюня).

Дзорилья долго колебался, прежде чѣмъ принять власть, и принялъ ее съ твердою рѣшимостью сдѣлать все для того, чтобы дать Испаніи правительство. Онъ не потребовалъ никакихъ исключительныхъ мѣръ и поставилъ себѣ задачей упорядоченіе финансоваго вопроса и вопроса о рабствѣ въ колоніяхъ. Но Дзорилья могъ управлять лишь при содѣйствіи республиканцевъ, а республиканцы уже не хотѣли больше Амедея. 18 іюля король и королева едва не были убиты въ самомъ центрѣ Мадрида. Король предпринялъ путешествіе въ сѣверныя провинціи. Онъ былъ принятъ довольно хорошо и былъ бы принятъ еще лучше, если бы не шокировалъ національную серьезность нѣкоторыми странностями, „не совсѣмъ приличествующими тому, кто стоитъ во главѣ такой націи, какъ испанская“ (Пи-и-Маргалъ). Главнымъ его промахомъ было то, что онъ обѣщалъ совершенно невозможную вещь—отмѣну рекрутскаго набора.

Выборы дали 200 голосовъ дзорильистамъ и лишь 80 голосовъ всѣмъ объединеннымъ группамъ оппозиціи, но правительство скоро утратило всю выгоду своего положенія, потребовавъ призыва 40.000 рекрутовъ и предложивъ проектъ обременительнаго договора съ Парижскимъ банкомъ, который считался въ

Мадридѣ мало расположеннымъ къ испанскимъ интересамъ.

Мятежъ въ Мадридѣ, военный бунтъ въ Ферролѣ, разслѣдованіе о происках, въ которыхъ упрекали Сагасту,—все это еще усилило затрудненія министерства. Дзорилья тѣмъ не менѣе хотѣлъ продолжать реформы. Онъ вызвалъ переходъ духовенства въ лагерь карлистовъ, предложивъ передать въ руки отдѣльныхъ общинъ расходы по отправленію культа; онъ окончательно отдалилъ отъ себя консерваторовъ, потребовавъ отмѣны рабства на Антильскихъ островахъ. Послѣ большой рѣчи Кастеляра кортесы вотировали освобожденіе рабовъ на Порто-Рико; освобожденіе должно было произойти въ четырехмѣсячный срокъ, и собственники должны были получить соотвѣтственное вознагражденіе. Этого обѣщанія было мало, чтобы успокоить собственниковъ.

Пока министерство выполняло эту важную реформу, одинъ инцидентъ, сначала незначительный, привелъ къ столкновенію гражданской власти съ арміей и ускорилъ паденіе Амедея.

Гвардейская артиллерія пользуется въ Испаніи чрезмѣрными привилегіями, которыя обязываютъ всякое правительство считаться съ ней. Генералъ Гидальго участвовалъ въ мадридскомъ военномъ мятежѣ 22 іюня 1866 года и попалъ на замѣчаніе у артиллерійскихъ офицеровъ. Назначенный намѣстникомъ баскскихъ провинцій, Гидальго остановился на нѣсколько дней въ Виторіи и принималъ у себя военныя и гражданскія власти; артиллеристы воздержались отъ присутствія на пріемѣ. Гидальго потребовалъ у министра наказанія упрямыхъ офицеровъ арестомъ. Министръ не рѣшился дать ему удовлетвореніе въ этомъ пунктѣ, но назначилъ его немного спустя намѣстникомъ Андалузіи. Артиллерійскіе офицеры массами начали выходить въ отставку, и министръ очутился въ безвыходномъ положеніи. Дзорилья хотѣлъ принять отставки и преобразовать всю эту воинскую часть, король склонялся на сторону офицеровъ и готовъ былъ, если понадобится, смѣнить министровъ. Президентъ палаты Риверо видѣлъ въ отставкѣ Дзорильи начало личнаго правленія Амедея и рѣшилъ всѣми мѣрами воспротивиться этому. Когда дѣло Гидальго перенесено было въ кортесы (7 февраля 1873 года), Дзорилья сталъ доказывать, что непринятіе отставки офицеровъ означаетъ провозглашеніе принципа, что Испанія отнынѣ будетъ управляться гвардейской артиллеріей. Кортесы рѣшили, что отрядъ этотъ будетъ преобразованъ и его привилегіи уничтожены.

Король принялъ постановленіе кортесовъ за личную обиду, подписалъ постановленіе, но почти немедленно отказался отъ престола. Когда онъ покидалъ Испанію, гражданская война была во всемъ разгарѣ.

Республика.—Амедей свергнутъ былъ коалиціей, въ которой республиканцы были въ меньшинствѣ; зато они были смѣлы, и республика была провозглашена. Для огромнаго большинства націи это было слово, лишенное всякаго смысла; почти весь сѣверъ волновался, принимая сторону Донъ Карлоса; Барцелона требовала себѣ автономіи, Андалузія, ненавидѣвшая армію и духовенство, поддавалась вліянію соціализма; Кастилія была слишкомъ невѣжественна и слишкомъ бѣдна, чтобы навязать остальной Испаніи республику.

Республиканцы не были въ согласіи между собой. Пи-и-Маргалъ желалъ федеральной республики по примѣру Соединенныхъ Штатовъ, Кастеляръ мечталъ объ унитарной и радикальной республикѣ, Сальмеронъ и Серрано—о республикѣ консервативной, Павія о республикѣ военной. Непонятый толпою и плохо понятый вождями, новый режимъ имѣлъ непримиримаго врага въ духовенствѣ и не могъ

вступить съ нимъ въ борьбу, не подвергая себя немедленной гражданской войнѣ.

Прежде всего сдѣланъ былъ опытъ министерства концентраціи; Испанія приняла новый режимъ; возстаніе непримиримыхъ въ Мадридѣ было быстро подавлено Павіей. Черезъ нѣсколько недѣль кабинетъ концентраціи уступилъ свое мѣсто федералистскому министерству, кортесы были отсрочены и вскорѣ распущены.

Новые кортесы избраны были лишь одною третью наличнаго числа избирателей; министръ-президентъ Фигерасъ почувствовалъ себя оставленнымъ за флагомъ и уѣхалъ за границу, не предупредивъ даже своихъ товарищей. Власть перешла къ федералистамъ во главѣ съ Пи-и-Маргаломъ. Но если нѣкоторыя области Испаніи дѣйствительно способны къ самоуправленію, то большинство умѣютъ лишь вяло повиноваться приказамъ изъ Мадрида или, лучше сказать, областной жизни не существуетъ вовсе, лишь кантональная жизнь имѣетъ нѣкоторую почву. При федеральномъ режимѣ Испанія раскрошилась. Въ іюлѣ Малага, Севилья, Кадисъ, Гренада превращаются въ небольшія почти автономныя республики, въ *кантоны*. Въ Картагенѣ депутатъ Гальвесъ поднимаетъ населеніе, генералъ Контрерасъ становится во главѣ возставшихъ войскъ; броненосная эскадра присоединяется къ кантоналистамъ и стремится поднять Аликанте, Эльче, Валенсію. Ее останавливаютъ лишь эскадры европейскихъ державъ.

Ставшій 7 сентября во главѣ правительства Кастеляръ принесъ на служеніе республикѣ свой обширный умъ, свои таланты, и свою огромную популярность. Онъ поставилъ себѣ задачей возродить армію, положить предѣлъ гражданской войнѣ, преобразовать страну, „устроить, наконецъ, республику, когда опытъ объединитъ большинство испанцевъ на почвѣ, которая меньше всего раздѣляла ихъ“. Онъ призвалъ обратно на службу уволенныхъ въ отставку артиллерійскихъ офицеровъ, поручилъ дѣятельному Павіи намѣстничество въ Мадридѣ, отправилъ Моріонеса въ Наварру, Мартинецъ Кампоса—въ Каталонію, Лопесъ Домингеца—подъ Картагену. Внутри онъ старался вернуть администраціи ея нормальный ходъ. Вовнѣ ему удалось покончить дѣло о *Virginius*'ѣ, которое могло повести къ столкновенію Испаніи съ Соединенными Штатами.

Эта мудрая политика не могла нравиться федералистамъ, которые дали себѣ обѣщаніе свергнуть Кастеляра, какъ только соберется парламентъ. Павія попытался склонить Кастеляра къ государственному перевороту; онъ сказалъ ему, что его паденіе послужитъ тѣмъ „фитилемъ, которымъ будетъ пущена въ ходъ мина анархіи“. Кастеляръ остался при своемъ рѣшеніи повиноваться вотуму кортесовъ. Тогда Павія, „занимавшій въ Испаніи единственное положеніе, которое давало ему возможность мгновенно ринуться на анархію и подавить ее при самомъ зарожденіи, повинуясь лишь одному голосу, голосу своей совѣсти, и движимый лишь единственнымъ побужденіемъ—своею любовью къ родинѣ, рѣшился совершить насильственный актъ 3 января 1874 года“.

Кортесы собрались 2 января въ два часа пополудни. Ночью они свергли Кастеляра, а 3-го утромъ Павія, занявъ Мадридъ войсками, отправилъ двухъ адъютантовъ самымъ вѣжливымъ образомъ попросить гг. депутатовъ разойтись. Никто не протестовалъ, и, подумавъ было одно мгновеніе взять въ свои руки диктатуру, Павія передалъ власть Серрано, который попробовалъ править „съ помощью революціонной правой“.

Положеніе Испаніи становилось все болѣе и болѣе критическимъ. У правительства было 85.000 солдатъ на Кубѣ, 200.000 дома; требовалось 40 милліоновъ въ мѣсяцъ, чтобы не дать войскамъ уме-

реть съ голоду. Снова появилось разбойничество. Повидимому, никто не вѣрилъ въ будущее республики; всѣ партіи открыто готовились къ нападенію на нее.

Серрано пытался покончить съ гражданской войной, полагая, что страна будетъ ему благодарна за возстановленіе порядка. Ему удалось снять блокаду съ Бильбао (1—2 мая), но вмѣсто того, чтобы продолжать свои успѣхи, онъ вернулся въ Мадридъ и здѣсь усиленно подчеркивалъ реакціонную политику, къ которой привязано было большинство генераловъ. Духовенство, альфонсисты воспользовались такимъ ходомъ дѣлъ и начали дѣятельную пропаганду. Смерть Кончи (27 іюня), пренебреженіе, въ которомъ правительство оставляло армію, вызвали нерасположеніе военачальниковъ къ Серрано. Въ ноябрѣ маршалъ задумалъ было снова выступить въ походъ противъ карлистовъ, но зима была суровая; Серрано вынужденъ былъ расположиться квартирой въ Логроньо, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ начать военныя дѣйствія, сагунтское пронунціаменто отдало корону въ руки сына Изабеллы II (28 декабря 1874 года).

Гражданская война.—Республикѣ приходилось бороться съ карлистами и съ кантоналистами. Она не могла справиться съ первыми, но одержала верхъ надъ вторыми.

Въ концѣ іюля 1873 года Павія отбылъ изъ Мадрида съ тысячей человѣкъ, прибылъ 23 іюля подъ Кордову, разсѣялъ національную гвардію и занялъ городъ. 26-го онъ двинулся на Севилью съ 3000 человѣкъ и 16 орудіями; онъ завладѣлъ городомъ 31 іюля послѣ четырехдневнаго боя. 4 августа онъ былъ въ Кадисѣ, 12-го въ Гренадѣ, но ему пришлось остановиться въ виду колебаній Сальмерона, который не рѣшался идти до конца противъ кантоналистовъ. Павія продолжалъ свое наступленіе на Малагу лишь послѣ того, какъ во главѣ министерства сталъ Кастеляръ. 19 сентября и этотъ городъ очутился въ его рукахъ; кантонализмъ былъ побѣжденъ въ Андалузіи.

Усмирить мятежъ въ Картагенѣ было гораздо труднѣе. Валенсія, попавшая было на время въ руки мятежниковъ, 4 августа отнята была обратно. 18-го Контрерасъ понесъ пораженіе у Чинчильскаго моста, англійскія эскадры овладѣли двумя мятежными фрегатами и отвели ихъ въ Гибралтаръ. Тѣмъ не менѣе до октября не сдѣлано было никакихъ серьезныхъ попытокъ противъ Картагены; у Мартинецъ Кампоса было всего 2000 человѣкъ, 7 мортиръ и 2 пушки, и онъ ничего не могъ предпринять противъ крѣпости, которая считалась самой сильной въ Испаніи. Подготовка осады началась лишь въ ноябрѣ, батареи открыли огонь лишь 26 ноября. 12 декабря принялъ командованіе Лопесъ Домингецъ, придавъ операціямъ двойную энергію. Пожаръ на суднѣ *Тетуанъ*, взрывъ артиллерійскаго парка, капитуляція форта Аталайевъ привели наконецъ къ сдачѣ крѣпости, которая открыла свои ворота 13 января 1874 года, давъ 6.234 пушечныхъ выстрѣла и получивъ 17.579 снарядовъ. Наиболѣе скомпрометированные инсургенты сѣли на фрегаты *Нуманцію* и *Мендецъ-Нунецъ* и убѣжали въ Оранъ.

На сѣверѣ борьба была еще продолжительнѣе и ожесточеннѣе, хотя и оставалась нерѣшительной по своимъ результатамъ. Карлистская война была повтореніемъ „семилѣтней войны", но если въ ней участвовало больше людей, если оружіе было усовершенствованнѣе, зато партіи, повидимому, утратили бо́льшую долю былой своей вѣры. Менѣе продолжительная и менѣе кровавая война эта была лишь конфликтомъ частныхъ интересовъ, и народъ, кажется, смутно понялъ, что монархія Донъ Карлоса мало чѣмъ отличается отъ монархіи Донъ Альфонса.

Въ апрѣлѣ 1872 года началось возстаніе васконгадовъ. Въ нѣсколько дней

14.000 человѣкъ было на ногахъ. 2 мая Донъ Карлосъ прибылъ въ Веру. 4 мая Серрано разбилъ его при Орокьетѣ и вынудилъ его снова перейти за французскую границу. Въ концѣ мая Аморевіетское соглашеніе умиротворило Бискайю. Въ сентябрѣ сѣверная армія была распущена.

Провозглашеніе республики вновь подняло возстаніе; 17 февраля 1873 года отставной офицеръ регулярной арміи Доррегараи принялъ командованіе надъ карлистскими войсками. 18 марта онъ овладѣлъ оружейнымъ заводомъ въ Орбинсетѣ, въ срединѣ апрѣля онъ захватилъ Оньяте, и въ іюлѣ Донъ Карлосъ снова появился въ Наваррѣ. Либеральная армія ограничивалась удержаніемъ Памплоны и линіи рѣки Эбро, генералъ Санчецъ Брегва продолжалъ стоять въ Виторіи и заявлялъ, что не можетъ мобилизовать болѣе 6500 человѣкъ.

Блестящая кампанія въ Бискайѣ привела претендента подъ стѣны Бильбао. Онъ не могъ овладѣть городомъ, но эта неудача отчасти исправлена была взятіемъ Эстельи, которую онъ и сдѣлалъ своею столицей. Къ концу сентября Донъ Карлосъ располагалъ 22.000 человѣкъ; Моріонесъ далъ ему безплодную битву при Монтехуррѣ, снялъ осаду съ Тулузы, но долженъ былъ отойти назадъ по приказанію министровъ, которые стремились прежде всего преградить Донъ Карлосу дорогу на Мадридъ.

Самымъ крупнымъ военнымъ событіемъ 1874 года была осада Бильбао. Владѣя однимъ портомъ, Донъ Карлосъ будто бы получалъ моремъ оружіе и подкрѣпленія и хвасталъ тѣмъ, что многія европейскія державы признали его. Доррегараи овладѣлъ Португалетой, покрылъ батареями Сомоpостро и угрожалъ Бильбао. Моріонесъ попытался обойти его со стороны Миранды и Венты де Баньосъ; онъ потерпѣлъ неудачу 26 февраля при атакѣ на Соморостро. 3 марта принялъ командованіе Серрано, сдѣлалъ два приступа (25—27 марта), потерялъ 2000 человѣкъ и все-таки оказался не въ силахъ сломить линіи карлистовъ. Онъ призвалъ къ себѣ маршала Кончу, который 28 апрѣля обошелъ позиціи непріятеля. 1 мая карлисты сняли осаду съ Бильбао, а на другой день туда вступили Серрано и Конча.

Надо было бы преслѣдовать врага. Серрано вернулся въ Мадридъ, а Конча, оставленный въ Наваррѣ съ недостаточными силами, пошелъ на вѣрную смерть подъ стѣнами Эстельи (27 іюня). Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ года война велась безъ всякой энергіи. Моріонесъ успѣлъ только снабдить припасами Памплону, а Ла Серна снялъ блокаду съ Ируна. Серрано собирался начать энергичную кампанію, но восшествіе на престолъ Альфонса XII заставило его снова удалиться во Францію.

Еще болѣе безсвязный характеръ носила война въ Каталоніи и Валенсіи. Здѣсь была не армія, а простыя шайки, поразительно подвижныя; маневрируя въ горныхъ массивахъ, онѣ не боятся преслѣдованія либеральныхъ вождей, спускаются въ долину, когда ихъ ищутъ въ горахъ, и снова удаляются на высоты, когда генералы появляются на равнинѣ.

Въ Каталоніи Савальсъ, Кастетсъ, Тристани организуютъ каталонскія шайки. 18 іюля 1873 года Савальсъ овладѣваетъ Игваладой и приказываетъ разстрѣлять пятнадцать плѣнниковъ въ присутствіи Донъ Альфонса Бурбонскаго, брата претендента. Въ февралѣ 1874 года Тристани устремляется на Вичъ и беретъ его; въ мартѣ въ свою очередь взятъ Олотъ, и почти вся провинція Хирона въ рукахъ карлистовъ. Въ іюлѣ они въ состояніи выставить уже 14.000 человѣкъ. Въ августѣ они овладѣваютъ Урхелемъ.

Въ Валенсіи возстаніе началось рядомъ мятежей противъ военной службы. Кантоналистское движеніе лѣта 1873 го-

да раздѣлило силы либераловъ и дало возможность карлистамъ организовать свои силы. Цитаделью имъ служилъ Маэстразго. Оттуда они бросались на *Уэрту* Валенсіи, или на Кастеллонскую равнину, или на Теруэль, обирая пригороды и увозя свою добычу въ горы.

Въ 1874 году Донъ Карлосъ старался организовать свою партію въ Валенсіи. Онъ назначилъ своего брата Донъ Альфонса главнокомандующимъ. Силы карлистовъ достигали 12.000 человѣкъ и 1000 лошадей, но ни одинъ изъ вождей не хотѣлъ формировать своихъ солдатъ въ полки. Въ теченіе полугода Сантосъ, Валлесъ, Марко, Кукала держали въ страхѣ войска либераловъ; затѣмъ, 14 іюня, Донъ Альфонсъ былъ разбитъ при Алькорѣ генераломъ Монтенегро и отброшенъ въ Арагонію. Онъ собирался овладѣть Теруэлемъ, когда Павія заставилъ его отступить. Потерявъ всякую надежду организовать карлистскую армію въ Валенсіи, Донъ Альфонсъ удалился въ Каталонію.

Въ моментъ провозглашенія Альфонса XII королемъ у карлистовъ отъ Валенсіи до Бильбао стояло подъ ружьемъ тысячъ съ восемьдесятъ, и національныя войска всюду вынуждены были ограничиваться обороной.

Реставрація.—При паденіи Амедея депутаты-альфонсисты не приняли участія въ голосованіи, которымъ установлялась республика. Одинъ республиканскій депутатъ лукаво замѣтилъ: „Рѣшеніе этихъ господъ сидитъ себѣ да учится въ колледжѣ въ Сандгерстѣ".

Къ концу 1874 года Донъ Альфонсъ, считавшій себя законнымъ носителемъ испанской короны послѣ отреченія Изабеллы II (25 іюня 1869 года), обратился къ испанцамъ съ манифестомъ, который составленъ былъ Кановасомъ и въ которомъ онъ объявлялъ себя „настоящимъ испанцемъ, добрымъ католикомъ и либераломъ". Этотъ манифестъ не произвелъ большого впечатлѣнія. Это было какъ разъ въ то время, когда Серрано отправлялся къ сѣверной арміи. Генералы-альфонсисты готовы были даже отказаться отъ всякой попытки, и Кановасъ, агентъ Донъ Альфонса въ Мадридѣ, открыто говорилъ всѣмъ, что часъ революціи еще не пробилъ. 26 декабря 1874 года бригадиръ Мартинецъ Кампосъ отбылъ изъ Мадрида и направился въ Сагунто, гдѣ стояла бригада, находившаяся подъ командой генерала Дабана. 29 декабря, въ восемь часовъ утра бригада тронулась въ путь по направленію къ Валенсіи; въ 2-хъ километрахъ отъ города Мартинецъ Кампосъ остановилъ войска, обратился къ нимъ съ рѣчью и предложилъ имъ провозгласить испанскимъ королемъ сына Изабеллы II. Офицеры и солдаты послушались, за исключеніемъ одного стараго капитана-*альфонсиста*, который заявилъ, что онъ не желаетъ принимать участія въ пронунціаменто. Командующій арміей центра Ховельяръ примкнулъ къ движенію. Намѣстникъ Валенсіи отказался присоединиться, но далъ альфонсистамъ занять городъ.

Ховельяръ телеграфировалъ мадридскому правительству, что онъ примкнулъ къ пронунціаменто, „чтобы не разъединять армію и чтобы избѣжать величайшихъ бѣдствій для отечества". Намѣстникъ Мадрида Прима де Ривера находился въ согласіи съ альфонсистами; считая обстоятельства еще недостаточно благопріятными, онъ скрывалъ свои планы и обѣщалъ остановить какое бы то ни было движеніе гарнизона. Въ то время какъ Сагаста и его товарищи разсчитывали на него для поддержанія порядка, гарнизонъ, поощряемый втихомолку, высказывался за Донъ Альфонса, и положеніе вскорѣ сдѣлалось настолько серьезно, что Серрано, спрошенный Сагастою по телеграфу, самъ совѣтовалъ своимъ министрамъ капитулировать и поспѣшилъ добраться до французской границы. Съ-

верная армія, даже не дождавшись его отвѣта, провозгласила королемъ Донъ Альфонса.

Побѣдители немедленно захватили власть. Кановасъ, который раньше не одобрялъ движенія, сдѣлался министромъ-президентомъ, Примо де Ривера принялъ портфель военнаго министерства, герцогъ Сесто назначенъ былъ гражданскимъ губернаторомъ Мадрида, графъ Торено городскимъ головой и Мартинецъ Кампосъ главнокомандующимъ сѣверной арміи. Альфонсъ XII находился въ Парижѣ въ тотъ моментъ, когда онъ узналъ о сагунтскомъ происшествіи. 7-го января 1875 года онъ сѣлъ въ Марселѣ на фрегатъ *las Navas de Tolosa*, 10 января прибылъ въ Барселону, 11-го въ Валенсію, а 14 января вступилъ уже въ Мадридъ при неописуемомъ восторгѣ населенія.

Альфонсъ XII.—Новому королю было семнадцать лѣтъ. Въ 1868 году онъ вмѣстѣ со своей матерью отправился въ изгнаніе, и королева помѣстила его въ коллегію Станислава въ Парижѣ. Зимой 1870 года Изабелла отправила его въ Римъ, гдѣ папа, его крестный отецъ, далъ ему первое причастіе. Изъ сорока трехъ испанскихъ прелатовъ, собравшихся въ Римъ къ Латеранскому собору, тридцать девять явились засвидѣтельствовать свое почтеніе молодому государю, который путешествовалъ инкогнито подъ именемъ маркиза Ковадонга. Война заставила королеву Изабеллу покинуть Парижъ; она удалилась въ Женеву, гдѣ Донъ Альфонсъ посѣщалъ лицей. Затѣмъ онъ посѣтилъ Вѣну и Мюнхенъ, и 1-го февраля 1872 года поступилъ въ дворянскую коллегію св. Терезы въ Вѣнѣ. Каникулами онъ воспользовался для посѣщенія Англіи, и 12-го октября поступилъ въ сандгерстскій колледжъ. Онъ проводилъ каникулы въ Кастильскомъ дворцѣ въ Парижѣ когда Мартинецъ Кампосъ сдѣлалъ его королемъ.

Изгнаніе послужило Дону Альфонсу на пользу. Придворное воспитаніе, которое испортило бы его, въ силу случайности замѣнено было либеральнымъ воспитаніемъ въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи, Швейцаріи, Австріи и Англіи. Нѣтъ надобности думать вмѣстѣ съ придворными писателями, будто бы онъ въ четыре мѣсяца выучился нѣмецкому языку, будто бы онъ основательно усвоилъ англійскій, французскій и итальянскій языки и будто бы онъ „былъ замѣчательно силенъ въ греческомъ, исторіи и зоологіи“. Однако при всей своей неполнотѣ его образованіе дѣлало его для своей страны чрезвычайно свѣдущимъ человѣкомъ; вмѣстѣ съ довольно широкими познаніями онъ обладалъ подлиннымъ доброжелательствомъ, довольно серьезнымъ пониманіемъ нуждъ Испаніи, мужествомъ и большою живостью. Къ несчастью, Альфонсъ XII попалъ на престолъ въ такомъ возрастѣ, когда свобода и власть представляютъ собой огромнѣйшую опасность; онъ неистово набросился на наслажденія, и это очень скоро сказалось на его хрупкой натурѣ. Посада Эррера, видѣвшій его при возвращеніи въ Испанію, говорилъ: „У насъ умный и дѣятельный король; если онъ будетъ беречь себя, онъ, можетъ быть, доживетъ до сорока лѣтъ“. Онъ умеръ двадцати восьми лѣтъ въ чахоткѣ и изнуреніи.

Умиротвореніе.—Едва водворившись въ Мадридѣ, король рѣшилъ воспользоваться подкрѣпленіями, которыя Серрано привелъ къ сѣверной арміи, и покончить съ карлистскимъ возстаніемъ. 23 января 1875 года онъ произвелъ въ Перальтѣ смотръ арміи. Она насчитывала 49.500 человѣкъ, 2500 лошадей и 86 орудій. Рѣшено было произвести общую атаку на укрѣпленія карлистовъ; предводитель карлистовъ Мендири покинулъ свои позиціи на лѣвомъ берегу Арги; 3 февраля королевская армія овладѣла Сіеррой дель Пердонъ, которая представляетъ собой юж-

ную окраину бассейна Памплоны; столица Наварры освобождена была отъ блокады. Однако пораженіе бригады Бархеса при Лакарѣ и Лоркѣ заставило вождей арміи отложить общую атаку на другое время. Король вернулся въ Мадридъ, а генералъ Кесада принялъ начальство надъ сѣверной арміей, значительно уменьшенной, тогда какъ карлистовъ было 44.000 человѣкъ при 85 орудіяхъ.

Чего Донъ Альфонсъ не могъ добиться силой, того онъ добился дипломатическимъ путемъ. Въ мартѣ 1875 года подписанное Кабрерой лондонское соглашеніе обезпечило васконгадамъ амнистію и сохраненіе ихъ вольностей (fueros). Офицеры и чиновники-карлисты должны были сохранить свои чины и дожности. Этимъ соглашеніемъ подготовлена была дезорганизація карлистской партіи. Въ іюлѣ Кесада разбилъ карлистовъ при Нанкларесѣ и снялъ блокаду съ Виторіи. Правительство рѣшило продолжать войну до крайняго напряженія и во что бы то ни стало покончить съ возстаніемъ.

Атака начата была съ центральной арміи. У непріятеля было 11.800 человѣкъ и 840 лошадей. Эчагве сумѣлъ удержать его вдали отъ морского берега и разрушилъ его мастерскія въ Люценѣ и Вильяэрмосѣ. Ховельяръ принялъ начальство надъ королевской арміей 9 іюня, занялъ Чельву и устремился со всѣми своими силами на Кантавьеху, гдѣ армія карлистовъ и была подвергнута блокадѣ. 1 іюля вожди инсургентовъ устроили военный совѣтъ и рѣшили распустить свои войска. 6 іюля сдалась Кантавьеха; 11-го отдѣлены были другъ отъ друга шайки Доррегарая и Альвареца, а 19-го пораженіе карлистовъ Маэстразго было окончательно довершено сдачей форта Колладо.

Послѣ этого королевскія войска устремились противъ карлистовъ Каталоніи. Мартинецъ Кампосъ, назначенный намѣстникомъ, окончательно занялъ весною 1875 года Олотъ и грозныя позиціи Кастельфульита, обезпечивъ такимъ образомъ свое сообщеніе съ Хироной. Въ апрѣлѣ онъ продвинулся до стѣнъ Ургеля. Въ маѣ онъ совершилъ походъ на Риполь. Въ іюнѣ онъ отнялъ у карлистовъ форты Миравѣтъ и Фликсъ на Эбро и прервалъ ихъ сообщеніе съ инсургентами Валенсіи. Воспользовавшись его отсутствіемъ, Савальсъ подвергъ осадѣ Пуисерду. Мартинецъ Кампосъ поспѣшилъ на помощь, и карлисты, не дожидаясь его, отошли на Ургель, который вскорѣ былъ осажденъ и взятъ (27 августа). Во время осады Ургеля карлисты, прогнанные изъ Валенсіи, вступили черезъ Арагонъ въ Каталонію, гонимые по пятамъ Ховельяромъ. Они безуспѣшно пытались спуститься къ морю, снять осаду съ Ургеля и пройти въ Церданью. Цѣною неслыханныхъ усилій Доррегараю удалось, идя вдоль Пиренеевъ, добраться до Наварры. Остатки карлистскихъ шаекъ убѣжали во Францію. Въ началѣ ноября туда же перебрался въ свою очередь и Кастетсъ съ 70-ю человѣками,—послѣдній обломокъ арміи, которая еще три мѣсяца тому назадъ насчитывала двадцать тысячъ человѣкъ.

Теперь у правительства была полная возможность вести энергичную кампанію на сѣверѣ. Генералъ Кесада очистилъ Ріоху и окрестности Памплоны. Въ ноябрѣ 1875 года сѣверная армія раздѣлена была на двѣ: правая армія расположилась между Тафальей и Памплоной; она находилась подъ начальствомъ Мартинецъ Кампоса и имѣла задачей отрѣзать карлистамъ отступленіе во Францію и овладѣть Эстельей; лѣвая армія, ввѣренная Кесадѣ, должна была выгнать врага изъ Бискайи и войти въ соприкосновеніе съ правой арміей съ тѣмъ, чтобы окружить карлистскую армію въ Гипудскоѣ.

Съ 29 января по 21 февраля 1876 года Мартинецъ Кампосъ, преодолѣвая ужасныя снѣжныя бури, занялъ Элизон-

до, Ирунъ, Толосу и соединился съ лѣвой арміей, въ то время какъ его помощникъ Примо де Ривера овладѣлъ Эстельей.

Лѣвая армія начала свое движеніе съ 23 января. 30-го Кесада вступилъ въ Ордунью, а 1 февраля въ Бильбао. 13-го при Эльветѣ разбиты были двѣнадцать карлистскихъ батальоновъ, а 16-го состоялся военный совѣтъ въ Вергарѣ. 18-го прибылъ Альфонсъ XII, чтобы принять начальство надъ соединенными арміями, а десять дней спустя Донъ Карлосъ съ немногими своими приверженцами перешелъ французскую границу. 17 марта король вернулся въ Мадридъ съ чувствомъ удовлетворенія по поводу того, что ему удалось прекратить междоусобную войну. Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе Дсанхонское соглашеніе на Кубѣ положило конецъ войнѣ, которая разоряла этотъ большой островъ, и первый разъ со времени паденія О'Доннеля во всей Испаніи царилъ миръ. Оффиціальные исторіографы присудили Донъ Альфонсу прозвище миротворца.

Карлистская война стоила Испаніи огромныхъ денегъ, и если она была не особенно кровава, зато она пріучила страну къ разбойничеству, на уничтоженіе котораго правительству пришлось потратить много труда. Доходило до того, что разбойники нападали на поѣзда желѣзной дороги между Мадридомъ и Лиссабономъ. Подавленіе разбойничества было суровое, порой даже жестокое. Массовыя экзекуціи *mozos de la escuadra* оставили по себѣ въ Каталоніи кровавое воспоминаніе.

Эти безконечныя войны, служившія предметомъ удивленія для иностранцевъ, деморализовали Испанію и показали, что баски, каталонцы и валенсійцы, борясь противъ центральнаго правительства за необразованнаго и развратнаго претендента, въ сущности преслѣдовали лишь одну цѣль: сохраненіе или возстановленіе своей мѣстной автономіи. Для всѣхъ было ясно, что духовенство подливало масла въ огонь и вооружало населеніе на защиту своего господства надъ міромъ. Испанскіе либералы были страшно раздражены этимъ и остались при убѣжденіи, что никакой прогрессъ не будетъ возможенъ до тѣхъ поръ, пока церковь будетъ господствовать надъ умами. Консерваторы, наоборотъ, поняли, что бороться съ церковью, это значитъ идти на вѣрное пораженіе, и для сохраненія за собой власти готовы были дѣлать всѣ уступки, какихъ только она потребуетъ.

Кановасъ дель Кастильо.—Царствованіе Альфонса XII было, собственно говоря, царствованіемъ Кановаса дель Кастильо. Этотъ государственный дѣятель, одинъ изъ самыхъ ловкихъ въ современной Испаніи, былъ бы выдающимся человѣкомъ и во всякомъ другомъ государствѣ. Историкъ, литераторъ, выдающійся ораторъ, очаровательный собесѣдникъ, свѣтскій человѣкъ—онъ напоминалъ разнообразіемъ своихъ талантовъ и знаній и всеобъемлющею любознательностью французскихъ философовъ стараго порядка. Подобно имъ онъ отличался также легкомысліемъ, скептицизмомъ и отсутствіемъ нравственнаго начала въ политикѣ.

Въ молодости онъ былъ либераломъ, принималъ участіе въ викальваристскомъ движеніи, но его политическій идеалъ не шелъ дальше конституціонной монархіи, и въ 1874 году онъ былъ довѣреннымъ лицомъ Донъ Альфонса въ Мадридѣ. Онъ очень благосклонно относился къ духовенству, но былъ католикомъ, кажется, скорѣе изъ политическихъ соображеній, чѣмъ по убѣжденію. Однажды онъ даже рискнулъ высказать маркизу Пидалю, „что огромное большинство испанцевъ индифферентно по части религіи". Лично честный и великодушный, онъ усвоилъ себѣ реакціонную политику и сдѣлалъ своимъ орудіемъ подкупъ, потому что не считалъ возможнымъ примирить въ Испаніи монархію со свободой и потому что ему

казалось выгоднымъ покупать своихъ противниковъ всякій разъ, когда они готовы были продать себя. За пять лѣтъ своего министерства онъ роздалъ 1275 титуловъ и орденовъ, заполнилъ чиновниками всѣ канцеляріи, пристроилъ всѣхъ своихъ политическихъ друзей и друзей своихъ друзей. Онъ развилъ до нелѣпыхъ размѣровъ систему мороченія и надувательства, ту систему, которая дѣлаетъ Испанію по имени и по внѣшности конституціонной державой, а на дѣлѣ превращаетъ ее въ добычу двухъ или трехъ политическихъ партій. Была тамъ конституція, отвѣтственные министры, выборы, палаты; въ законъ внесенъ былъ даже принципъ религіозной свободы, провозглашена была свобода печати; парламентскія учрежденія функціонировали съ невѣдомой до того времени правильностью; консерваторы и либералы смѣнялись у власти. Но все это было не болѣе, какъ показной стороной дѣла. Конституція не помѣшала ни мотовству, ни насиліямъ. Министерства возникали и распадались не по принципіальнымъ, а по чисто личнымъ поводамъ. Выборы оставались большими политическими маневрами, происходившими подъ военнымъ руководствомъ партіи, находившейся у власти. Палаты не сумѣли осуществить сколько-нибудь серьезнаго и дѣйствительнаго контроля надъ правительствомъ. Иновѣрческіе культы по-прежнему почти совершенно изгонялись, а газеты зависѣли отъ произвола власти; 110 процессовъ по дѣламъ печати за четыре года свидѣтельствовали о томъ, какъ далеко заходилъ либерализмъ Кановаса. Партіи были не болѣе какъ обществами страхованія отъ политическихъ рисковъ. Многія семьи дѣлились на консерваторовъ и либераловъ, для того чтобы всегда имѣть точку опоры въ каждомъ изъ двухъ лагерей. Альфонсъ XII говорилъ шутя, что управленіе Испаніей было бы самымъ легкимъ дѣломъ въ мірѣ, если бы каждый испанецъ могъ урвать что-нибудь изъ бюджета.

Нельзя сказать, чтобы у Кановаса не было значительныхъ замысловъ. Онъ старался вернуть Испаніи миръ, онъ хотѣлъ обогатить ее, онъ ставилъ своему честолюбію задачу добиться тѣснаго союза съ Португаліей, выкупа Гибралтара, территоріальнаго расширенія въ Африкѣ. Онъ видѣлъ, гдѣ лежатъ интересы его страны, и широко понималъ ихъ. Но онъ не сумѣлъ увлечь націю, онъ недостаточно сильно желалъ всего того, что онъ задумалъ; онъ занятъ былъ больше всего тѣмъ, какъ бы укрѣпиться самому и упрочить династію. Онъ былъ искуснымъ парламентскимъ дѣльцомъ, но не былъ великимъ государственнымъ дѣятелемъ. Одинъ журналистъ говорилъ про него, что „онъ хотѣлъ соединить порядокъ и революцію такъ, какъ мѣшаютъ хлѣбъ съ бульономъ, чтобы сдѣлать похлебку“ и сумѣлъ сдѣлать лишь очень плохой супъ.

Конституція 1876 года.—Первое затрудненіе, которое пришлось разрѣшать Кановасу, это принятіе новой конституціи. Ему довольно быстро удалось заключить миръ съ умѣренными республиканцами. Сагаста призналъ новый порядокъ вещей. 8 марта 1875 года и Серрано явился во дворецъ поцѣловать руку короля. Труднѣе было рѣшить, какой характеръ придать новой конституціи. Старые альфонсисты хотѣли просто на просто вернуться къ конституціи 1845 года. Либералы не хотѣли разставаться съ конституціей 1869 года. Кановасъ собралъ хунту изъ 341 члена, все прежнихъ депутатовъ и сенаторовъ, которые въ свою очередь назначили комиссію изъ 39 делегатовъ съ порученіемъ выработать проектъ конституціи (20 мая 1875 года).

Такъ какъ министры не могли столковаться насчетъ системы выборовъ, то Кановасъ покинулъ министерство (12 сентября), однако черезъ три мѣсяца (2 де-

кабря) снова вступилъ въ него и руководилъ выборами 22 января 1876 года, которые происходили на основѣ всеобщаго избирательнаго права, согласно закону 1870 года, и дали поводъ къ такой же критикѣ, какъ и выборы, происходившіе при всѣхъ другихъ режимахъ.

Новая конституція вотирована была лишь послѣ продолжительныхъ и бурныхъ преній. Она распредѣляла власть между королемъ, личность котораго неприкосновенна, отвѣтственными министрами, конгрессомъ депутатовъ, выбранныхъ избирателями, обладающими соотвѣтственнымъ цензомъ, и сенатомъ, состоящимъ изъ высшихъ сановниковъ, пожизненныхъ членовъ и членовъ, избранныхъ провинціальными депутаціями. Статья первая конституціи провозглашала католицизмъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, воспрещала всякое публичное проявленіе другого культа, но въ то же время платонически заявляла, „что никто не можетъ подвергаться стѣсненіямъ ни за свои религіозныя убѣжденія, ни за отправленія своего культа, если только при этомъ не нарушается уваженіе къ христіанской морали". Эта неуклюжая уступка, сдѣланная къ тому же столь неохотно, тѣмъ не менѣе вызвала раздраженіе клерикаловъ, которые шумно запротестовали и заставили самого папу протестовать противъ „этого покушенія на истину и на права церкви". Суды строго карали малѣйшее публичное проявленіе, враждебное католицизму. Епископы обнаруживали больше высокомѣрія и непримиримости, чѣмъ когда-либо.

Измѣненіе вольностей (*fueros*).—Баскскія провинціи и Наварра были самыми грозными очагами карлистскаго возстанія. Когда Донъ Карлосъ былъ побѣжденъ, государственные дѣятели хотѣли воспользоваться торжествомъ кастильскаго оружія для того, чтобы заставить Наварру и Бискайю примкнуть къ національному единству. Мѣстныя власти должны были признать въ принципѣ испанскіе законы; этой цѣной они добились временнаго своего сохраненія, но Бискайя обложена была рекрутскимъ наборомъ, поземельнымъ и промышленнымъ налогомъ; она стала платить налоги на рудники, на соль и на гербовую бумагу.

Успѣхи торговли и промышленности.—Когда конституція была принята и національное единство обезпечено, Кановасъ весь отдался возстановленію порядка на Кубѣ. Заемъ, обезпеченный богатствами острова, далъ возможность отправить туда подкрѣпленіе въ 30.000 человѣкъ, и послѣ полутора лѣтъ борьбы маршалу Мартинецъ Кампосу удалось заключить съ возставшими Дсанхонское соглашеніе, которое приравнивало Кубу къ метрополіи и признавало за кубанцами право посылать представителей въ кортесы (1878 годъ).

Король захотѣлъ отдать себѣ личный отчетъ о нуждахъ народа и предпринялъ продолжительное путешествіе въ восточныя и южныя провинціи. Всюду онъ нашелъ самое плачевное разрушеніе. Торговля производилась исключительно по желѣзнымъ дорогамъ, морская торговля почти совершенно исчезла. Налоги давили мелкаго промышленника; процвѣтало лишь нѣсколько крупныхъ фабрикъ, сооруженныхъ при содѣйствіи иностранныхъ капиталовъ.

Однако не все было мертво. Каталонцы спѣшили вновь приняться за работу. Въ нѣсколько дней Барцелона устроила выставку продуктовъ страны, и эта выставка дѣлала величайшую честь каталонской промышленности. Въ рѣчи своей при открытіи кортесовъ король становился на защиту труда и говорилъ въ духѣ ревностнаго ученика Кобдена.

Браки короля.—Альфонсъ XII влюбился въ свою кузину Донью Марію деласъ Мерседесъ, третью дочь герцога Монпансье. Кановасъ разсчитывалъ найти въ этомъ союзѣ вѣрное средство къ воз-

становленію согласія въ королевской семьѣ, народъ плѣнился андалузскимъ изяществомъ инфанты, всей прелестью и необычностью этого царственнаго брака, въ которомъ любовь играла, повидимому, бо́льшую роль, чѣмъ политика. Бракосочетаніе совершено было 23 января 1878 года въ Аточской базиликѣ, съ великолѣпіемъ, достойнымъ самыхъ славныхъ дней монархіи; но уже черезъ пять мѣсяцевъ королева скончалась отъ губительной лихорадки (27 іюня).

Смерть Доньи Мерседесъ была не только тяжелымъ горемъ для короля, она была прямо общественнымъ бѣдствіемъ. Казалось, что взаимныя симпатіи, до этой поры царившія между Испаніей и ея молодымъ королемъ, теперь исчезли. Черезъ годъ послѣ смерти инфанты Альфонсъ XII женился на эрцгерцогинѣ Маріи-Христинѣ австрійской, и Кановасъ выставлялъ этотъ бракъ, какъ новое семейное соглашеніе между двумя самыми католическими и самыми реакціонными державами Европы. Новая королева дала королю троихъ дѣтей и обезпечила будущность его дома, но ея домашнія добродѣтели не могли пріобрѣсти ей популярность въ Испаніи; въ средѣ своего народа она такъ и осталась чужестранкой.

Мартинецъ Кампосъ и Кановасъ. — 25 февраля 1879 года маршалъ Мартинецъ Кампосъ вернулся съ Кубы, а 7 марта король призвалъ его въ министерство по совѣту самого Кановаса, которому хотѣлось возложить на маршала отвѣтственность за непопулярныя распоряженія, сдѣланныя имъ на Кубѣ.

Кортесы были распущены; но всѣмъ было совершенно ясно, что кризисъ этотъ вызванъ чисто личными соображеніями, настолько ясно, что всѣ оппозиціонныя партіи приняли участіе въ выборахъ, и отдѣльные члены оппозиціи заставили маршала выслушать самую горькую истину.

Смерть сестры короля, инфанты Доньи Пиларъ, возобновила при дворѣ всѣ горести предшествовавшаго лѣта. Ужасныя наводненія разорили плодороднѣйшіе кантоны королевства Мурсіи. Парижская благотворительность собрала болѣе милліона для пострадавшихъ отъ наводненія въ тотъ самый моментъ, когда посредники по австрійскому браку старались склонить Испанію къ союзу съ нѣмцами. Кабинетъ Мартинецъ Кампоса палъ, прежде чѣмъ король успѣлъ жениться, прежде чѣмъ на Кубѣ отмѣнено было рабство, прежде чѣмъ удалось получить одобреніе плану реформъ, которыя предложены были министерствомъ для введенія на этомъ большомъ островѣ. Кастеляръ находилъ, что кубанцамъ дано уже слишкомъ много свободы, и этотъ взглядъ раздѣляли всѣ испанскіе политики. Кановасъ обвинялъ Мартинецъ Кампоса въ надувательствѣ, въ томъ, что онъ „заставилъ его вытащить изъ огня вопросъ о рабствѣ“. Превосходя маршала своимъ ораторскимъ искусствомъ и лучше владѣя собой, онъ безъ труда одержалъ надъ нимъ верхъ. При его возвращеніи къ власти на его долю выпало заключеніе торговаго договора съ Австріей и упорядоченіе отношеній между Марокко и христіанскими державами: послѣднее сдѣлано было на международной конференціи, собравшейся въ Мадридѣ. Опустошенія, произведенныя филоксерой, вынудили Францію прибѣгнуть къ ввозу вина изъ-за границы; больше всего выгодъ извлекла отсюда Испанія. Кановасъ воспользовался этими благопріятными обстоятельствами и выпустилъ 260 милліонный заемъ изъ 8%, подъ обезпеченіе кубанскаго казначейства; заемъ покрытъ былъ при подпискѣ три раза.

Сагаста.—Тѣмъ не менѣе 8 февраля 1881 года Кановасъ уступилъ мѣсто кабинету либеральной концентраціи подъ руководствомъ бывшаго республиканскаго министра Сагасты. Мартинецъ Кампосъ получилъ портфель военнаго министерства.

Сагаста далъ нѣкоторую свободу печати и университетскому преподаванію; подобно своимъ предшественникамъ, пустилъ въ ходъ избирательную машину и представилъ бюджетъ, сведенный безъ дефицита, даже съ явнымъ излишкомъ въ 300.000 пезетъ. Но коалиція, приведшая его къ власти, не замедлила распасться. 8 января 1882 года демократы провозгласили свой республиканскій боевой кличъ. Въ февралѣ мадридскіе промышленники отказались вносить налогъ на промышленность, каталонцы протестовали противъ торговаго договора съ Франціей. Карлисты устроили большое паломничество въ Римъ, и архіепископу толедскому стоило большихъ усилій, чтобы отнять у этого паломничества малѣйшій мятежный характеръ. Въ 1883 году анархистская ассоціація *Черной руки* (*Mano negra*) въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ занимала полицію и суды въ Андалузіи. Сдѣлано было 300 арестовъ и произнесено 15 смертныхъ приговоровъ. Разрывъ Сагасты съ династической лѣвой, группой, которую недавно организовалъ Сагаста, довелъ ожесточеніе партій до крайней степени.

Военные мятежи. Путешествіе въ Германію.—5 августа 1883 года къ величайшему изумленію пришло по телеграфу изъ Лиссабона извѣстіе о томъ, что взбунтовался гарнизонъ въ Бадахоцѣ. Мартинецъ Кампосъ въ четыре часа снарядилъ отрядъ въ 2.000 человѣкъ, который немедленно отбылъ по желѣзной дорогѣ въ Бадахоцъ. Подкрѣпленія послѣдовали черезъ короткій промежутокъ; инсургенты поняли, что они погибли еще до сраженія, и перешли въ Португалію; ихъ было 900 пѣхотинцевъ и 150 кавалеристовъ.

Эта выходка прошла бы почти незамѣченной, если бы почти одновременно не возникли другія мятежныя движенія въ Санъ-Доминго де-ла Кальцада, въ Санъ Мартинъ де Провенсальсъ и въ Сеу де Урхель.

Даже люди не особенно дальновидные поняли, что готовилось вспыхнуть республиканское возстаніе. Консерваторы дѣлали отвѣтственными за это либеральную партію. Король почувствовалъ угрозу своему трону и, совершивъ быстрый объѣздъ главныхъ испанскихъ крѣпостей, отправился въ Германію, гдѣ его давно ожидали. Послѣ короткаго пребыванія въ Парижѣ и Вѣнѣ Альфонсъ XII отправился въ Гамбургъ для участія на большихъ маневрахъ, и императоръ Вильгельмъ назначилъ его полковникомъ уланскаго полка, стоявшаго гарнизономъ въ Страсбургѣ. Альфонсъ XII принялъ это званіе и какъ-то во время охоты показался въ прусскомъ мундирѣ. Онъ имѣлъ безтактность на обратномъ пути проѣхать черезъ Парижъ, гдѣ часть населенія освистала его. Президентъ республики выразилъ ему сожалѣніе правительства и просилъ его принять участіе въ банкетѣ, который долженъ былъ состояться въ честь его въ Елисейскомъ дворцѣ. Альфонсъ XII изъявилъ согласіе, и этотъ прискорбный инцидентъ могъ считаться исчерпаннымъ. Испанцы не замедлили вскорѣ показать, что ихъ патріотизмъ не менѣе чувствителенъ, чѣмъ французскій.

Идея союза съ Германіей сначала, повидимому, принята была народомъ сочувственно. Германскій наслѣдный принцъ прибылъ въ ноябрѣ 1883 года отдать визитъ испанскому королю и встрѣтилъ почтительный пріемъ; но въ іюлѣ 1885 года Испанія съ изумленіемъ узнала, что въ тотъ самый моментъ, когда испанскія военныя суда *Manila* и *San Quintin* собирались торжественно занять Каролинскіе острова, ихъ захватила именемъ имперіи германская канонерка *Iltis*. Мадридъ воспрянулъ отъ этой обиды, совсѣмъ какъ Парижъ двумя годами раньше. Толпа бросилась къ германскому посольству, сорвала гербъ и древко знамени, а затѣмъ побѣжала къ французскому посольству, гдѣ и устроила грандіозную овацію.

Альфонсъ XII понялъ опасность; при мудромъ содѣйствіи императора Вильгельма онъ примирилъ распрю, и вопросъ, поссорившій два народа, предоставленъ былъ третейскому суду папы, который далъ двусмысленный отвѣтъ, никого не удовлетворившій.

Повторные министерскіе кризисы, землетрясеніе въ Андалузіи, страшная холерная эпидемія омрачили послѣдніе годы. Король обнаружилъ хладнокровіе въ политикѣ и значительную энергію во время общественныхъ бѣдствій. Его посѣщеніе Аранхуэца въ самый разгаръ эпидеміи доставило ему восторженный пріемъ при его возвращеніи въ Мадридъ, но его слабое здоровье не могло устоять передъ непосильнымъ трудомъ и удовольствіями, которымъ онъ предавался. Уже подорванный туберкулезомъ и ослабленый кишечнымъ катарромъ, онъ скончался 25 ноября отъ капиллярнаго бронхита, схваченнаго во время зимней охоты въ Пардо.

Альфонсъ XIII.—Послѣ смерти Альфонса XII исполнительная власть принадлежитъ въ Испаніи его вдовѣ, королевѣ Маріи-Христинѣ, правившей королевствомъ отъ имени своего сына, Альфонса XIII, родившагося 17 мая 1886 года уже послѣ смерти отца [1]). Регентша пріобрѣла уваженіе Испаніи, но не сумѣла сдѣлаться тамъ популярной. Съ безупречной корректностью выполняетъ она свою конституціонную роль; безучастно и меланхолично относится она къ партійнымъ распрямъ и къ паденію страны, которой ей суждено управлять.

Подъ ея слабой рукой партіи продолжаютъ свою монотонную жизнь. Кабинетъ Сагасты правильно чередуется съ кабинетомъ Кановаса; но пребываютъ ли у власти либералы или консерваторы, все равно замѣчается та же небрежность, та же расточительность. Правительство живетъ со дня на день, рѣшительно покупая себѣ всякихъ сообщниковъ и платя за всякое молчаніе, пока въ его распоряженіи остается хоть одна *пезета*. Введеніе всеобщаго избирательнаго права (въ 1890 году) не улучшило политическихъ нравовъ. Испанія живетъ въ сущности при преторьянскомъ режимѣ. Въ арміи насчитывается 600 генераловъ, во флотѣ 200. Для продленія господства арміи военныя школы поддерживаются при полномъ комплектѣ. Въ угоду арміи правительство нарушаетъ договоры, заключенные съ туземцами Кубы и Филиппинскихъ острововъ, проводитъ въ кортесахъ чрезвычайное и всеобщее повышеніе по службѣ, ввязывается въ войну съ Марокко и въ новую войну съ Кубою и туземцами Филиппинскихъ острововъ. Не проходитъ мѣсяца, чтобы не разразилось какого-нибудь скандала. Нѣкоторыя провинціальныя казначейства должны учителямъ до 800.000 пезетъ, только три изъ сорока девяти казначействъ въ расчетѣ съ ними; мадридское самоуправленіе уличено въ лихоимствѣ. Вслѣдствіе неаккуратной уплаты жалованья и угрозы лишиться мѣста при всякой смѣнѣ министерства чиновники торопятся набрать какъ можно больше, чтобы обезпечить себя на все время существованія слѣдующаго министерства. Отъ времени до времени раздается крикъ негодованія, призывъ къ оружію, нарушая на мгновеніе національную спячку. То Вильякампа пытается поднять мадридскій гарнизонъ при кликахъ „*Да здравствуетъ республика*!“ (27 сентября 1886 года); то Мартинецъ Кампосъ грозитъ сенату государственнымъ переворотомъ при помощи арміи (въ 1890 году); то офицеры мадридскаго гарнизона врываются въ редакціи антимилитаристскихъ газетъ и избиваютъ палками журналистовъ; то анархисты обагряютъ кровью театръ и улицы въ Барцелонѣ, а Кановасъ за это подвергаетъ ихъ пыткѣ въ темницахъ Монжуича. Но

[1]) Съ 1904 года правитъ уже самъ Альфонсъ XIII, достигшій совершеннолѣтія. *Прим. перев.*

весь этотъ шумъ пропадаетъ въ общемъ равнодушіи. Народъ утратилъ всякую вѣру въ своихъ руководителей, а, можетъ быть, и всякую вѣру въ собственное будущее.

Тѣмъ не менѣе матеріальная сторона жизни не подвергалась серьезнымъ колебаніямъ за двадцать два года. Испанія снова обратилась къ труду. Разоренные филоксерой французскіе виноградари пріобрѣтали испанскія вина. Ріоха, Манча превратились въ огромные сплошные виноградники. Иностранные капиталисты приступили къ раціональной разработкѣ рудниковъ. Желѣзнодорожная сѣть, насчитывавшая въ 1870 году 5600 километровъ, увеличилась въ 1896 году до 11.500 километровъ. Построено до 30.000 километровъ шоссейныхъ дорогъ. Торговый флотъ съ 500.000 тоннъ поднялся до 652.000 тоннъ; однако, несмотря на этотъ приростъ, Испанія съ четвертаго мѣста спустилась на седьмое вслѣдствіе того, что торговый флотъ другихъ народовъ развивался гораздо быстрѣе. Бильбао выросъ совершенно по-американски, Барцелона сдѣлалась однимъ изъ крупнѣйшихъ промышленныхъ городовъ Европы и мѣстомъ отправленія испанскихъ судовъ, плавающихъ по Атлантическому океану. Въ 1888 году здѣсь состоялась международная выставка, привлекшая тысячи посѣтителей и обнаружившая неоспоримые успѣхи Испаніи. Торговый обмѣнъ, достигавшій въ 1874 году 785.100.000 франковъ, поднялся въ 1887 году до 1.533 милліоновъ. Въ 1895 году Испанія вывезла на 136 милліоновъ товаровъ на Кубу, на 44 милліона на Порто-Рико, на 25 милліоновъ на Филиппинскіе острова. Сумма бюджетныхъ поступленій съ 663 милліоновъ въ 1876 году выросла до 791 милліона въ 1896 году.

Къ сожалѣнію, большинствомъ этихъ успѣховъ Испанія обязана иностранцамъ или немногимъ мѣстнымъ группамъ. Масса населенія остается невѣжественной и лѣнивой. При 17 милліонахъ испанцевъ насчитываютъ 12 милліоновъ неграмотныхъ. Статистика устанавливаетъ, что 53% жителей не имѣютъ никакой профессіи. Монахи, временно было изгнанные, появились снова и снова начинаютъ распространять вкусъ къ созерцательной жизни. Іезуиты, правда, проявляютъ много энергіи и обладаютъ наиболѣе благоустроенными въ Испаніи воспитательными учрежденіями, но нельзя разсчитывать на то, что они внѣдрятъ въ умы ту энергію, которой имъ не хватаетъ. Послѣдняя война только что показала, до чего можетъ довести націю политическое лицемѣріе.

Въ февралѣ 1895 года снова возстала Куба и въ теченіе трехъ лѣтъ изводила всѣхъ генераловъ, какихъ только посылала противъ нея Испанія. Ни кротость Мартинецъ Кампоса, ни строгости Вейлера не могли преодолѣть упорства кубанцевъ. Испанія заняла и вложила въ Кубу болѣе полутора милліардовъ и потеряла болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ отъ непріятельскаго огня и лихорадки. Въ то время какъ огонь охватилъ Кубу, въ свою очередь возстали противъ деспотизма монаховъ и Филиппинскіе острова (сентябрь 1896 года). Когда возстаніе на Филиппинскихъ островахъ уже казалось угасшимъ, а на Кубѣ близкимъ къ концу, вдругъ Соединенные Штаты заняли угрожающее положеніе. Американскій крейсеръ *Maine* взорвался на рейдѣ въ Гаваннѣ. Неизвѣстна, и безъ сомнѣнія, никогда не будетъ извѣстна точная причина катастрофы, но этотъ несчастный случай вызвалъ войну между Испаніей и Соединенными Штатами. Испанская армія и флотъ дорого заплатили за безпечность администраціи и неспособность своихъ вождей. Флотъ былъ уничтоженъ на три четверти въ двухъ бояхъ при Кавите на Филиппинскихъ островахъ и при Сантьяго на Кубѣ. Генералы Аугустинъ и Торалъ оказывали сопротивленіе на Манильѣ и въ Сантьяго

до полнаго истощенія своихъ силъ. Маршалъ Бланко оставался въ Гаваннѣ, не пустивъ въ дѣло 80.000 человѣкъ, которые были у него подъ рукой, и Испанія, подъ угрозой появленія у ея береговъ американской эскадры, купила себѣ миръ цѣной утраты всѣхъ своихъ колоній.

У нея нѣтъ больше ни Кубы, ни Порто-Рико, ни Филиппинскихъ острововъ. У нея остался на плечахъ кубанскій долгъ, а военные, не сумѣвшіе защитить ее, но желающіе по-прежнему эксплоатировать ее, требуютъ всеобщей и обязательной воинской повинности.

II. Португалія.

Экономическое положеніе.—Португалія за послѣднія тридцать лѣтъ не переживала такихъ приключеній, какъ Испанія.

Достигнуты были нѣкоторые хозяйственные успѣхи. Населеніе простиралось въ 1878 году до четырехъ милліоновъ; теперь оно достигаетъ пяти милліоновъ. Съ 1872 года по 1881 годъ Португалія отправила въ Бразилію 130.000 переселенцевъ. Промышленность, сосредоточенная почти исключительно въ двухъ городахъ, въ Порто и въ Лиссабонѣ, занимаетъ около 100.000 рабочихъ, но страдаетъ отъ англійской конкурренціи. Горная промышленность получила значительное развитіе; Португалія, которая въ 1853 году насчитывала всего два разрабатываемыхъ рудника, въ 1874 году разрабатывала уже 246 рудниковъ. Торговый флотъ увеличился почти на 100.000 тоннъ. Сооружено 2500 километровъ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ главнѣйшіе города съ испанскою желѣзнодорожною сѣтью. Хорошія дороги, содержимыя въ совершенствѣ, смѣнили былыя скверныя тропинки, проходимыя только для муловъ, а полная безопасность, господствующая въ странѣ, дѣлаетъ путешествіе по ней въ высшей степени пріятнымъ.

Но эти успѣхи достигнуты были слишкомъ быстро, въ ущербъ хорошему веденію финансовъ. Португалія впала въ предпринимательскую и спекулятивную горячку; банкирскіе синдикаты поощряли разныя предпріятія, бумаги тысячами выбрасывались на рынокъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кажущееся благополучіе, повидимому, оправдывало всѣ надежды. Растраты, лихоимство, плохое производство способствовали быстрому поглощенію денежныхъ средствъ компаній; послѣднія обратились тогда съ просьбой о государственной гарантіи. Чтобы привести въ равновѣсіе бюджеты, страдавшіе отъ дефицитовъ, пришлось заключать займы, налоги сдѣлались черезчуръ тяжелыми для населенія, мало изобрѣтательнаго, мало работающаго и неспособнаго вынести иностранной конкурренціи. Крестьянинъ впалъ въ отчаяніе; болѣе четырехъ милліоновъ гектаровъ, когда-то обрабатываемыхъ, теперь обращено въ залежь, и земельная собственность за послѣднія двадцать лѣтъ обезцѣнилась на 25%.

Учрежденія и партіи.—Португалія обязана этими печальными результатами тому противорѣчію, которое существуетъ между степенью культуры, на которой она остановилась, и политическимъ режимомъ, которому она была подчинена. Португальскій народъ состоитъ на четыре пятыхъ изъ неграмотныхъ, а Португалія снабжена самыми сложными парламентскими учрежденіями. Конституція въ 1886 году передѣлана была въ самомъ либеральномъ духѣ. Пэрство перестало быть наслѣдственнымъ, депутаты уже не получаютъ вознагражденія, меньшинство имѣетъ свое представительство. Законодательство дополнено было обнародованіемъ гражданскаго уложенія (въ 1869 году) и уставомъ гражданскаго судопроизводства (въ 1877 году). Въ Португаліи есть политическіе клубы и издается 300 газетъ.

Но партіи представляютъ собою не болѣе какъ кружки, главари которыхъ бо-

рются между собой съ полнымъ отсутствіемъ разборчивости и съ совершеннымъ забвеніемъ общественныхъ интересовъ. Все—одна видимость и обманъ. Король по конституціи не долженъ управлять, а между тѣмъ онъ простымъ декретомъ отмѣняетъ конституціонныя гарантіи. Министры считаются отвѣтственными, а между тѣмъ они безнаказанно совершаютъ всякія беззаконія. Выборы считаются свободными, между тѣмъ всегда получаются палаты, благопріятствующія кабинету, который руководитъ выборами. Муниципалитеты, чиновничество не болѣе независимы, чѣмъ депутаты. Конституціонныя партіи вступаютъ въ соглашеніе для преслѣдованія республиканской и соціалистической партіи, а послѣдняя съ каждымъ днемъ выигрываютъ почву, потому что, несмотря на всеобщее равнодушіе, португальцы ничего больше не ожидаютъ ни отъ консерваторовъ, или „преобразователей", ни отъ либераловъ, или „прогрессистовъ".

Донъ Луисъ I.—Два короля царствовали въ Португаліи съ 1870 года.

Донъ Луисъ I, государь образованный и съ хорошими намѣреніями, натолкнулся въ 1879 году на консервативную оппозицію. Предоставивъ съ этихъ поръ свободное поле дѣйствію партій, онъ поочередно допускалъ министерства преобразователей и министерства прогрессистовъ. Въ 1877 году онъ попытался пробудить духъ приключеній и отправилъ въ Африку экспедицію подъ начальствомъ майора Серпа-Пинто. Эксцедиція прошла южную Африку отъ Лоанды до Дурбана и одно время ея начальникъ былъ очень популяренъ, но главнымъ результатомъ его путешествія было возбужденіе ревности Англіи, которая съ 1881 года не скрывала своихъ вожделѣній въ южной Африкѣ.

Женитьба наслѣднаго принца Донъ Карлоса на принцессѣ Амаліи Орлеанской послужило французскому правительству предлогомъ къ изгнанію графа Парижскаго. Очень опредѣленное демократическое движеніе привело къ власти министра-реформатора Лусіано и Кастро; кортесы были распущены, но въ новомъ собраніи оказалось прогрессистское большинство и даже нѣсколько республиканскихъ депутатовъ.

Донъ Карлосъ I.—Принцъ Донъ Карлосъ вступилъ на престолъ 19 октября 1889 года послѣ отца своего Донъ Луиса и сразу очутился лицомъ къ лицу съ враждебно настроенной Англіей. Въ это время англичане составили проектъ о соединеніи Капской колоніи съ Египтомъ посредствомъ желѣзной дороги, проходящей черезъ всю Африку. Португальцы владѣли Бенгвелой на берегу Атлантическаго океана и Мозамбикомъ на берегу океана Индѣйскаго; они считали себя неоспоримыми владѣтелями всей страны, лежащей на материкѣ позади этихъ колоній (такъ назыв. Hinterland). Англійская Южно-африканская компанія вошла въ соглашеніе съ макололосами, обитающими на нижнемъ Шире, и уговорила ихъ стать подъ ея покровительство. Англійскій консулъ въ Мозамбикѣ, Джонстонъ, послалъ имъ даже англійскія знамена. Въ ноябрѣ 1889 года португальцы разбили макололосовъ и предложили Англіи отдать вопросъ на разрѣшеніе третейскому суду. 11 января 1890 года Англія потребовала немедленнаго оставленія спорной территоріи съ оговоркой, чтобы португальское министерство дало отвѣтъ не позднѣе двадцати четырехъ часовъ. Португалія уступила передъ этой угрозой войною, но кортесы отказались подчиниться. Пришлось распустить ихъ, и Серпа-Пиментелю удалось образовать почти послушную палату лишь путемъ стѣсненія права собраній и отмѣны свободы печати. 20 августа особымъ соглашеніемъ Англіи уступлена была южная часть Ньяссы и верхнее Шире. Португалія утрачивала всякую надежду соединить когда-либо свои владѣнія Бенгвелу и Мозамбикъ. Новая

палата не могла рѣшиться изъявить согласіе на такую тяжелую жертву. 31 января 1891 вспыхнуло республиканское возстаніе въ Порто, и лишь 28 мая кабинетъ Абреу и Соису добился отъ палатъ утвержденія подписаннаго съ Англіей договора.

Едва улажено было это трудное дѣло, какъ обнаружился ужасный финансовый кризисъ. Долгъ королевства выражался огромной цифрой въ 500 франковъ на каждаго жителя. Сокративъ число офицеровъ, произведя вычеты изъ жалованія, доходившіе отъ 5 до 30%, установивъ огромные потребительные налоги, казна въ іюлѣ 1892 года оказалась не въ состояніи выполнить свои обязательства и уплатила лишь треть недоимокъ по своему долгу. Франція вынуждена была даже вмѣшиваться неоднократно для защиты интересовъ своихъ соплеменниковъ.

Всѣ эти униженія способствовали возвращенію ко власти консерваторовъ. Кабинетъ Гинтце-Рибейро составилъ самую прекрасную программу, но когда онъ хотѣлъ взимать новые налоги, отвѣтомъ были новые мятежи. Финансовая нужда увеличилась, и потеря послѣднихъ колоній является для Португаліи лишь вопросомъ времени. „Крохотное королевство въ девяносто льё“ можетъ искать спасенія лишь въ политикѣ бережливости и тѣснаго единенія съ Испаніей.

Глава X.

Германія

1871—1900.

Побѣды Германіи въ 1866 и 1870 годахъ произвели на Европу такое впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ не было сдѣлано ни одной серьезной попытки къ противодѣйствію ей. Но безжалостная жестокость, съ которой она использовала свое торжество, внушаетъ всеобщее безпокойство, и всѣ народы до крайности напрягаютъ свои средства защиты. Режимъ вооруженнаго мира, на который Германія обрекла Европу и самоё себя, поддерживаетъ въ постоянномъ возбужденіи чувство патріотизма и тѣмъ облегчаетъ всякія административныя, правовыя и финансовыя преобразованія, которыя создаютъ настоящее государство изъ той довольно неопредѣленной и смутной духовной сущности, какую еще представляла собой имперія въ 1871 году; режимъ этотъ не задерживаетъ промышленнаго и торговаго развитія, давно уже подготовлявшагося и теперь прорвавшагося съ необычайной силой, зато тягости, налагаемыя имъ на низшіе классы, благопріятствуютъ успѣху оппозиціонныхъ партій, въ частности соціалистовъ; стѣсняемая въ организаціи военной защиты разсчетами католиковъ, которые сплотились благодаря безтактному преслѣдованію въ дружную партію и заняли господствующее положеніе въ парламентѣ, монархія прибѣгаетъ то къ безцѣльнымъ преслѣдованіямъ, то къ недостаточнымъ уступкамъ, чѣмъ она только компрометируетъ и ослабляетъ себя. Впрочемъ, все это затрудненія второстепенныя, и было бы опаснымъ ребячествомъ преувеличивать ихъ значеніе.

Въ эволюціи современной Германіи смерть императора Вильгельма I (9 марта 1888 года) и отставка Бисмарка (20 марта 1890 года) знаменуютъ собой рѣшительный переломъ. По окончаніи войны императору былъ семьдесятъ одинъ годъ; онъ удерживаетъ около себя старыхъ своихъ сотрудниковъ: Роона, Мольтке, Мантейфеля; Бисмаркъ, Веніаминъ правительства, приближается къ шестидесятилѣтнему возрасту. Несмотря на всю мощность этого выдающагося поколѣнія, возрастъ угомонилъ ихъ; получилось правительство стариковъ, что вовсе не равносильно правительству дряхлому; просто наступила пора устроенія, а также и подготовки. Партіи выжидаютъ исчезновенія этихъ озаренныхъ славою создателей единства, чтобы вступить потомъ въ рѣшительный бой; онѣ упрочиваютъ свои позиціи, вырабатываютъ программы; онѣ окажутся вполнѣ подготовленными къ битвѣ, когда смерть стараго императора избавитъ

ихъ отъ нѣсколько суевѣрнаго чувства почтенія.

Самое царствованіе Вильгельма I дѣлится на два періода; съ 1871 по 1878 годъ Бисмаркъ правитъ при содѣйствіи либеральной партіи; это эпоха союза трехъ императоровъ, эпоха административной реформы и борьбы съ католической церковью. Послѣ 1878 года канцлеръ сближается съ консерваторами, но этотъ союзъ пріобрѣтаетъ почти революціонную окраску; это эпоха политики таможеннаго покровительства, соціальныхъ реформъ и колоніальнаго расширенія; вовнѣ Германія ищетъ въ тѣсномъ союзѣ съ Италіей и Австріей гарантіи противъ плановъ Россіи, которая отдалилась отъ Германіи.

I.—Либеральная эра (1871—1878).

Административная реформа. — Имперія возникла въ результатѣ долгихъ и тягостныхъ переговоровъ: до послѣдней минуты нѣмецкіе князья противились объединенію, и понадобилась вся ловкость Бисмарка и вся его умѣренность, чтобы одолѣть это сопротивленіе. Онъ разсчитывалъ на силу вещей, которая снесетъ всѣ ограниченія и изъятія, вошедшія въ договоры. Когда 16-го іюля войска возвращались въ Берлинъ, во главѣ съ тремя творцами единства, Рооомъ, Мольтке и Бисмаркомъ, восторженные клики зрителей звучали какъ бы упрекомъ и предупрежденіемъ по адресу государей, черезчуръ державшихся за свои воспоминанія и привилегіи. Какъ и въ 1866 году, канцлеръ не впалъ въ опрометчивость; его поочередно упрекали то въ стремленіи принести Германію въ жертву Пруссіи, то въ желаніи растворить монархію Гогенцоллерновъ въ Германіи: обычная партійная несправедливость. Самъ онъ не заводилъ связи ни съ одной изъ партій, и всѣ нападали на него, но ненависть ихъ не была непримиримой, потому что все время онѣ надѣялись привлечь его на свою сторону, и у каждой изъ нихъ онъ заимствовалъ какую-нибудь часть ихъ программы. Онъ пріучилъ ихъ дѣйствовать на почвѣ имперіи, такъ что черезъ двадцать пять лѣтъ исчезло всякое партикуляристское сопротивленіе, въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что оно не имѣло никакого прямого воздѣйствія на событія. Для современнаго поколѣнія совершенно непонятенъ тотъ пароль, который еще такъ охотно повторяли дипломаты южной Германіи около 1866 года: „лучше быть французами, чѣмъ пруссаками".

Отдѣльные ландтаги сохранили свои полномочія, мѣстная жизнь продолжалась по прежнему. Разумѣется, эволюція партій, особенно въ мелкихъ государствахъ, до извѣстной степени опредѣлялась имперской политикой; такъ націоналъ-либералы нашли себѣ объединяющій центръ въ рейхстагѣ и благодаря ему успѣшно боролись съ крайними консерваторами въ Саксоніи, съ католиками въ Баваріи; въ Баденѣ, который всегда былъ однимъ изъ оплотовъ имперскаго начала, министръ Іолли, и послѣ него Турбанъ (1876 г.) располагали дисциплинированнымъ и послушнымъ большинствомъ. Митнахтъ въ Вюртембергѣ, Гофманъ, смѣнившій въ 1871 году Дальвика въ Гессенѣ, безъ всякаго сопротивленія болѣе или менѣе близко слѣдовали указаніямъ, которыя давались имъ изъ Берлина. Этихъ благорасположенныхъ кліентовъ было достаточно, чтобы наложить на страну отпечатокъ единодушія въ общемъ направленіи; отнынѣ уже не имѣли большого значенія второстепенныя отклоненія въ родѣ того, что Мекленбургъ, вопреки рейхстагу, сохранилъ свои отжившіе законы и свой феодальный строй, или что временами католикамъ удавалось пріобрѣсти большинство въ мюнхенскомъ ландтагѣ, а демократамъ—въ штутгардтскомъ. Эти раздоры отвлекали умы; пока мѣстныя партіи оспаривали другъ у друга власть, онѣ

и не замѣчали, какъ рейхстагъ, расширяя свои полномочія, мало-по-малу стремился лишить эту власть всякаго реальнаго значенія.

Естественными помощниками Бисмарка въ этомъ дѣлѣ захвата и широкаго толкованія конституціи являлись националъ-либералы, ибо вся ихъ программа и весь смыслъ существованія резюмировались въ единствѣ Германіи, такъ что Бисмарку не приходилось даже покупать ихъ содѣйствія. Онъ отказывалъ имъ, часто въ довольно рѣзкой формѣ, во всемъ, чего они просили: въ парламентскомъ правительствѣ, въ отвѣтственности министровъ, въ вознагражденіи депутатовъ. Онъ видѣлъ какъ бы вопросъ чести въ возможно долгомъ удержаніи у власти тѣхъ изъ своихъ сотрудниковъ, за которыми числилась единственная заслуга—именно ихъ реакціонное усердіе. Въ 1874 году Бисмаркъ потребовалъ у нихъ принятія военнаго бюджета разъ навсегда: въ видѣ милости они добились того, что императоръ удовольствовался семилѣтнимъ періодомъ (1875—1881 г.). „Семь лѣтъ въ наши дни, говорилъ старый Вильгельмъ, это почти полстолѣтія". Впрочемъ, онъ былъ доволенъ тѣмъ, что большинство „въ общемъ показало себя щедрымъ по отношенію къ арміи и проявило къ нему чувство преданности". Націоналъ-либералы сознавали, что ихъ оппозиція не встрѣтила бы ни пониманія, ни сочувствія въ массѣ ихъ избирателей, и они успокаивали свою совѣсть, стараясь ускорить дѣло административнаго и политическаго творчества.

Заслуга министра, лишь очень посредственно освѣдомленнаго въ этой области, состояла въ томъ, что онъ поддерживалъ проекты, представляемые ему совѣтниками министерствъ. Быстро добились они устройства имперскаго управленія, имперской канцеляріи, имперскаго управленія желѣзныхъ дорогъ (1873 г.), главнаго управленія народнаго здравія (1876 г.). Законъ 9 іюля 1873 года установилъ золотую валюту и вмѣсто путаницы грошеновъ, крейцеровъ и различныхъ билетовъ, стѣснявшихъ торговлю, завелъ золотую монету съ изображеніемъ императора на одной сторонѣ и имперскаго герба на другой; монета эта „отправилась проповѣдывать народамъ евангеліе единства". 14 марта 1875 года созданъ былъ Имперскій Банкъ. Еще въ 1871 году вождь націоналъ-либераловъ Ласкеръ требовалъ распространенія компетенціи союза на юридическіе вопросы; Союзный Совѣтъ пришелъ было въ ужасъ отъ смѣлости подобной узурпаціи, но потомъ покорился, и въ 1877 году парламентъ вотировалъ законы о гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ, о платежной несостоятельности, о судебной организаціи; большая комиссія принялась за выработку гражданскаго уложенія.

Въ Пруссіи консерваторы, большіе партикуляристы, приходили въ негодованіе: режимъ свободной торговли и потокъ милліардовъ вызвали быстрое экономическое развитіе; Берлинъ преобразовывался. Въ этомъ новомъ мірѣ консерваторы не узнавали себя, подавленные этимъ наплывомъ идей, людей и учрежденій. Одно время они думали было замѣнить Бисмарка Арнимомъ, въ *Крестовой Газетѣ* они преслѣдовали своими сарказмами Дельбрюковъ, Кампгаузеновъ и Блейхредеровъ, въ которыхъ они видѣли главныхъ вдохновителей Бисмарка. Административная реформа округовъ (1872 года), дополненная въ іюнѣ 1875 года указомъ о провинціальной администраціи, окончательно привела ихъ въ отчаяніе. Согласно новой организаціи во главѣ *участка* (*Amtsbezirk*) стоитъ предсѣдатель, назначаемый королемъ и управляющій при участіи избранныхъ старшинъ; нѣсколько участковъ образуютъ *округъ*, управляемый *ландратомъ* по назначенію короля: при немъ *окружный совѣтъ*, избираемый по трехклассной прусской систе-

мѣ; совѣтъ назначаетъ извѣстное количество делегатовъ, засѣдающихъ постоянно и разрѣшающихъ административныя дѣла; делегаты окружныхъ совѣтовъ и муниципальныхъ городскихъ совѣтовъ образуютъ *провинціальный совѣтъ*, назначаемый на шесть лѣтъ: онъ разсматриваетъ проекты, внесенные правительствомъ; онъ избираетъ постоянный совѣтъ и *Landesdirektor*'а, который завѣдуетъ, подъ его присмотромъ, текущими дѣлами. Даровавъ автономію сельскимъ общинамъ, законъ затронулъ финансовыя привилегіи и политическое вліяніе помѣстнаго дворянства, такъ называемыхъ юнкеровъ; въ провинціальныхъ совѣтахъ они по смыслу закона могли оказываться въ меньшинствѣ; предположеніе, въ общемъ, далекое отъ осуществленія и до сихъ поръ еще не оправданное дѣйствительностью. Палата господъ отвергла проектъ. Вильгельмъ не любилъ фрондерства: назначеніемъ новыхъ перовъ принятіе закона было обезпечено (декабрь 1872 года). Какъ бы то ни было, старый монархъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе; онъ сочувственно выслушивалъ печалованія стараго своего друга Роона „объ исчезновеніи патріархальной идеи консервативнаго государства". Разумѣется, онъ не допускалъ и мысли объ отставкѣ канцлера. „Нельзя безнаказанно вкусить плода безсмертія—отвѣтилъ онъ на его просьбу объ отставкѣ,—разъ Прометей похитилъ огонь съ неба, ему приходится ужъ терпѣть и оковы, и коршуна". Однако временами его довѣріе колебалось: враги Бисмарка, всегда побѣждаемые, но никогда не падавшіе духомъ, тайно продолжали свою подпольную работу. Въ отчаяніи Бисмаркъ нѣсколько разъ уединялся въ Варцинъ; въ 1877 году почти цѣлый годъ провелъ онъ здѣсь надорванный, больной, не въ силахъ лично управлять всѣми дѣлами, огорченный невозможностью оказывать на нихъ непосредственное воздѣйствіе. Его недовольство направлено было какъ противъ консерваторовъ, съ которыми онъ разстался, такъ и противъ либераловъ, которые осаждали его своими требованіями, раздражали его своей рѣзкой критикой и приводили въ отчаяніе своимъ гуманитаризмомъ и пошлостью; на нихъ онъ сваливалъ отвѣтственность за борьбу, которую онъ такъ безславно велъ противъ церкви. Это обычная исторія коалицій, распадающихся въ результатѣ понесенныхъ пораженій.

Культуркампфъ.—На комъ въ сущности лежитъ главная отвѣтственность за религіозный конфликтъ?—Какъ и для большинства событій этого періода, свѣдѣнія наши, едва достаточныя для изображенія общихъ очертаній спора, почти не даютъ возможности вскрыть его тайныя пружины. Да, впрочемъ, вопросъ этотъ и неваженъ, потому что самый конфликтъ былъ неизбѣженъ.

Когда послѣ десятивѣковой борьбы между папствомъ и императорскою властью государи изъ страха передъ революціей перешли на сторону врага, Церковь, все отступавшая со времени реформаціи, снова стала усиливаться, а послѣ 1852 г. оперевшись на реакцію и сама поддерживая ее, она всюду стала проявлять извѣстную смѣлость. Ея вліяніе и богатства быстро увеличились, умножились монашескіе ордена, іезуиты научили своихъ служителей искусству дисциплинировать и фанатизировать массы, союзы Пія, св. Винцента, св. Бонифація покрыли всю Германію сѣтью своихъ отдѣленій. При наличности этого угрожающаго пробужденія ультрамонтанства протестанты раздѣлились на партіи и самые правовѣрные изъ нихъ пускались на самые подозрительные союзы и сдѣлки. Захваты клерикаловъ и послабленія государей вызывали ужасъ и негодованіе со стороны всѣхъ тѣхъ, кто сохранилъ традиціи свободомыслія; снова проснулась религіозная вражда. На ряду съ національнымъ соперничествомъ, усиливая его, разгорѣ-

лись вѣроисповѣдныя страсти, роль которыхъ преувеличивалась молвою. Мнѣніе, будто бы іезуиты руководили нападками на Германію, будто бы они вдохновляли Маврикія Эстергази въ 1866, герцога де Грамона въ 1870 году, встрѣчало общее довѣріе; побѣжденные, они не утратили ни своей ненависти, ни надежды на побѣду. Бисмаркъ неоднократно повторялъ это, безъ сомнѣнія онъ вѣрилъ этому. Шовинистическій энтузіазмъ окрасился антикатолическимъ фанатизмомъ: побѣда Германіи станетъ окончательной и полной лишь въ тотъ день, когда раздавленъ будетъ Римъ. При такомъ взвинченномъ настроеніи умовъ провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости показалось нестерпимымъ вызовомъ.

На соборѣ 1870 года нѣмецкіе епископы оспаривали его: но они подчинились мнѣнію большинства, даже Гефеле, епископъ Ротенбургскій, одинъ изъ наиболѣе горячихъ членовъ оппозиціи.—Нѣсколько богослововъ изъ Бонна, Мюнхена, во главѣ съ Деллингеромъ запротестовали, объявили, что ничего не прибавятъ къ своему прежнему символу вѣры. Такъ возникла партія *старо-католиковъ*; они избрали своимъ вождемъ Рейнкенса, котораго рукоположилъ янсенистскій епископъ Роттердама; среди нихъ было много людей съ чуткой совѣстью и дѣйствительно ученыхъ, стоявшихъ неизмѣримо выше того сброда неудачниковъ, которые въ эпоху 1846 года волновались вокругъ Ронжа и Черскаго. Девятнадцатый вѣкъ мало благопріятенъ для новыхъ религій, нѣтъ той пламенной вѣры, которая такъ необходима для распространенія сектъ: въ лучшіе свои дни старо-католикамъ удалось объединить 50.000 приверженцевъ, а съ тѣхъ поръ число ихъ не переставало падать. Гонимые епископами, лишенные приходовъ и каѳедръ, они стали искать покровительства у государства. Протестантское общественное мнѣніе оказало давленіе на министра культовъ Мюлера, увлекло и Бисмарка, который строилъ себѣ иллюзіи насчетъ реальнаго значенія схизмы, думалъ найти въ ней солидную точку опоры противъ клерикаловъ.

Епископы уже раньше ставили Бисмарку свои условія; еще до конца войны кардиналъ Ледоховскій поспѣшилъ въ Версаль съ просьбой о вмѣшательствѣ Германіи въ пользу папы, обобраннаго Викторомъ Эммануиломъ. Такъ какъ Бисмаркъ не обнаруживалъ никакой охоты доказывать имъ свою силу, они сплотились въ партію; на выборахъ въ мартѣ 1871 года они получили 63 мѣста, основали газету *Германію*. Своимъ вождемъ они избрали Виндгорста, выдающагося оратора, первокласснаго парламентскаго тактика, который въ теченіе двадцати лѣтъ поддерживалъ единство въ группѣ, гдѣ рядомъ сидѣли самые разнородные элементы: рейнскіе демократы и силезскіе феодалы, баварскіе партикуляристы и прусскіе патріоты, гвельфы, эльзасцы и поляки; у него были и замѣчательные помощники, двое Рейхенспергеровъ, Маллинкродтъ, Франкенштейнъ, Шорлемеръ-Альстъ. Съ 1866 года Бисмаркъ стоялъ лицомъ къ лицу съ этимъ защитникомъ развѣнчанныхъ династій, неутомимымъ, всегда подготовленнымъ и не унывающимъ; выборомъ Виндгорста католики объявляли Бисмарку открытую войну: но не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы отказаться отъ вызова. Онъ уничтожилъ департаментъ католическаго вѣроисповѣданія въ прусскомъ министерствѣ, а мѣсто черезчуръ мягкаго Мюлера занялъ Фалькъ (январь 1872 года), юристъ, цѣликомъ проникнутый идеей свѣтскаго государства, внесшій въ борьбу безпощадность старыхъ французскихъ парламентаріевъ по отношенію къ римскимъ притязаніямъ. 13 февраля 1872 г. у духовенства отнята была школьная инспекція и членамъ духовныхъ корпорацій закономъ воспрещено было преподаваніе въ школахъ; этимъ, собственно, и начиналось то, чему Вирховъ далъ назва-

ніе *Kulturkampf*'а, т.-е. борьбы за цивилизацію. „Постановленія Ватиканскаго собора", говорилъ Бисмаркъ въ одномъ знаменитомъ циркулярѣ, „превратили епископовъ въ орудіе папы, въ безотвѣтственные органы государя, который въ силу непогрѣшимости располагаетъ гораздо большею полнотою абсолютной власти, чѣмъ какой-либо другой монархъ въ мірѣ" (14 мая 1872 года). Парламентъ призывалъ канцлера къ принятію мѣръ, необходимыхъ для обезпеченія независимости имперіи, обрушивался на іезуитовъ и родственные имъ ордена, требовалъ ихъ интернированія или изгнанія изъ страны. Чтобы подавить поднятую епископами агитацію, Фалькъ провелъ рядъ мѣръ, извѣстныхъ подъ именемъ „майскихъ законовъ" (1873, 1874 и 1875 гг.). — Церковныя должности отнынѣ могли занимать лишь молодые люди, получившіе степень баккалавра и занимавшіеся въ теченіе трехъ лѣтъ въ нѣмецкихъ университетахъ; мелкія семинаріи были закрыты, большія поставлены подъ надзоръ государства; дисциплинарная власть епископовъ была урѣзана.—Прелаты, отказывавшіеся подчиниться новымъ законамъ, подвергались преслѣдованію, ихъ доходы отбирались въ казну. Ревность ихъ отъ этого удвоилась, и вѣрующіе поддерживали ихъ; выборы 1873 года увеличили число депутатовъ „центра",—такъ называется въ Германіи католическая партія,—ихъ стало 91 вмѣсто прежнихъ 63-хъ; вмѣстѣ со старыми консерваторами и непримиримыми, т.-е. поляками, эльзасцами, они равнялись по силѣ націоналъ-либераламъ. Бисмаркъ прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ средствамъ, провелъ обязательность гражданскаго брака, передалъ веденіе метрикъ въ руки свѣтскихъ чиновниковъ. Статьи конституціи, провозглашавшія автономію Церкви, были отмѣнены; епископовъ обязали обо всѣхъ назначеніяхъ сообщать свѣтскимъ властямъ, которыя могли наложить на нихъ свое запрещеніе; религіозныя конгрегаціи были распущены; субсидіи казны духовенству вычеркнуты изъ бюджета. Борьба, затягиваясь, явно измѣняла свой характеръ; противъ своей воли Бисмаркъ отдалялся отъ точки зрѣнія конфессіональной, призывалъ на помощь свѣтское право.

„Діоклетіановское гоненіе" глубоко взволновало имперію; чуть не всѣ епископскія каѳедры оставались пустыми; лица, ихъ занимавшія, были смѣщены, сидѣли по тюрьмамъ или бѣжали, болѣе тысячи приходовъ оставалось безъ священниковъ. 13 іюля 1874 года въ Киссингенѣ одинъ фанатикъ, Кульманъ, произвелъ покушеніе на жизнь Бисмарка,

Энциклика Пія IX, *Quod nunquam nos* (5 января 1875 года) и майскій законъ 1875 года, можно сказать, отмѣчаютъ собой переломъ въ этой борьбѣ. Католики не проявляли ни малѣйшихъ признаковъ ослабленія: такая твердость заставила самого Бисмарка усомниться въ предпринятомъ дѣлѣ. Когда онъ заявлялъ 14 мая 1872 года, что не пойдетъ въ Каноссу, онъ еще не зналъ настоящихъ силъ врага. Въ первый разъ онъ очутился лицомъ къ лицу съ огромной нравственной силой, съ самыми глубоко укоренившимися и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми благородными традиціями Германіи, уваженіемъ къ совѣсти, страхомъ передъ вмѣшательствомъ государства въ вопросы духовной жизни, а между тѣмъ за нимъ не было тѣхъ старыхъ правовыхъ традицій, которыя поддерживаютъ во Франціи свѣтскую власть. Протестанты, жалобамъ которыхъ онъ внялъ, старались отстраниться: они чувствовали себя неловко, къ тому же ослаблены были внутренними раздорами. Либеральныя ассоціаціи, хотя онѣ и насчитывали въ своей средѣ нѣсколько выдающихся ученыхъ, Гольцмана, Вейсцеккера и особенно Ритчля и Ад. Гарнака,— которые, впрочемъ, представляли собой довольно различныя теченія,—были покинуты массою вѣрующихъ, раздраженныхъ

ихъ непослѣдовательностью и ихъ робостью, всюду уступали почву сторонникамъ правовѣрія, а эти послѣдніе очень вѣрнымъ чутьемъ сознавали тѣсную связь, которая соединяла ихъ съ католиками при растущемъ господствѣ индифферентизма и невѣрія: обмірщеніе государства внушало имъ одинаковое подозрѣніе. Императоръ, истый протестантъ, но зато очень набожный, не безъ угрызеній совѣсти допустилъ гражданскій бракъ.

Впослѣдствіи Бисмаркъ увѣрялъ, что майскіе законы были ему навязаны, и Фалькъ принялъ на себя отвѣтственность за эти мѣропріятія, „о которыхъ канцлеръ узналъ лишь одновременно съ другими членами министерства". Эти увѣренія вызываютъ улыбку; во всякомъ случаѣ приходится признать, что Бисмаркъ довольноскоро почувствовалъ опасность своей политики и пожалѣлъ объ усердіи, съ какимъ она проводилась. Левъ XIII, не дѣлая никакихъ уступокъ по существу, облегчилъ ему отступленіе (февраль 1878 года). Предложенія центра, требовавшаго отмѣны майскихъ законовъ, были отвергнуты, но правительство дало понять, что оно охотно согласится на нѣчто среднее, путемъ чего, не затрогивая неразрѣшимаго принципіальнаго вопроса, можно было бы притти къ примиренію. Преемникъ Фалька Путкамеръ испросилъ разрѣшеніе на отмѣну наиболѣе неблагопріятныхъ для духовенства законовъ (въ 1879 году); мало-по-малу приходы были замѣщены, епископы снова водворены на своихъ каѳедрахъ; въ 1885 году, когда возникъ конфликтъ между Испаніей и Германіей изъ-за Каролинскихъ островов, Германія обратилась къ третейскому суду папы. Тщательно выслѣживая всякую возможность поторговаться, готовый ко всѣмъ услугамъ подъ условіемъ полученія за нихъ соотвѣтственной платы, Виндгорстъ сдѣлался съ этихъ поръ рѣшителемъ парламентскихъ судебъ Германіи; въ каждую парламентскую сессію онъ отторгалъ какой-нибудь камень изъ воздвигнутой противъ церкви цитадели; изъ всѣхъ законовъ, созданныхъ въ эпоху Культуркампфа, уцѣлѣли лишь положенія о грждансkомъ бракѣ и гражданскомъ веденіи метрикъ, о государственномъ надзорѣ за школами и объ изгнаніи іезуитовъ; да и то мѣры, направленныя противъ іезуитовъ, подверглись такимъ ограниченіямъ, что нѣтъ почти никакого смысла сохранять ихъ. Только что избавившись отъ преслѣдованія, католицизмъ принялся опять за свои властолюбивые замыслы, потребовалъ отъ государства, чтобы оно употребило свою силу на служеніе его доктринамъ; въ законопроектѣ о замыслахъ къ ниспроверженію существующаго порядка (Umsturzvorlage 1895 г.) и въ знаменитомъ lex Heinze [1]) (1900 г.), католицизмъ раскрылъ свои планы съ безразсудною откровенностью, которая на минуту сплотила противъ него неустойчивыя группы разрозненнаго большинства.

Все это кратковременныя коалиціи, возникающія лишь въ моменты крайней опасности; въ рейхстагѣ центръ всетаки остается тѣмъ козыремъ, съ помощью котораго можно выиграть любую игру. Быть можетъ, входящимъ въ составъ его демократическимъ элементамъ со временемъ надоѣстъ эта игра въ правительство; нѣкоторыя недоразумѣнія словно какъ бы указываютъ на отдаленную возможность раскола, но эта опасность еще очень смутная, и доктору Либеру, преемнику Виндгорста, еще предстоитъ блестящая карьера [2]).

Преслѣдованіе дисциплинировало католическую церковь, избавило ее отъ всѣхъ нечистоплотныхъ и робкихъ элементовъ,

---

[1]) По имени сутенера Heinze, дѣло котораго дало поводъ католикамъ сочинить законопроектъ о публичныхъ проявленіяхъ безнравственности, направленный, въ сущности, противъ всякаго свободнаго художественнаго творчества. Прим. перев.

[2]) Либера теперь уже нѣтъ въ живыхъ. Прим. перев.

В. Парлаги.

Л. Виндгорстъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

зато отдало ее въ руки непримиримыхъ и политикановъ; никогда еще не была она въ такой степени охвачена земными заботами, никогда такъ не забывала своей миссіи примиренія и умиротворенія. Она вооружается всѣми средствами современной цивилизаціи для того, чтобы вернуть общество къ средневѣковью, и ея историки, среди которыхъ самыми знаменитыми являются Пасторъ и Янсенъ, требуютъ, чтобы Германія отреклась отъ кумировъ, которымъ она поклоняется уже нѣсколько столѣтій; ея доктрины торжествуютъ повсюду; іезуиты руководятъ епископами, точно такъ же, какъ и въ протестантской церкви господствуетъ самое узкое правовѣріе, принимающее на югѣ піэтистическую, а на сѣверѣ конфессіональную окраску.—Требуя отъ своей паствы слѣпого подчиненія, церковные вожди различныхъ лагерей теряютъ свое вліяніе на массу умѣренныхъ, которые все болѣе и болѣе порываютъ съ христіанскими традиціями и переходятъ къ матеріалистическому скептицизму. Если восточнѣе Эльбы пасторъ еще является иногда руководителемъ вѣрующихъ, то послѣдніе видятъ въ немъ не болѣе, какъ представителя консервативныхъ интересовъ, и даже мистическія тенденціи, проявляющіяся въ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ, своею безпомощною безсвязностью еще рѣзче подчеркиваютъ разрушеніе старыхъ доктринъ. Такимъ образомъ два противника спорятъ изъ-за моральнаго руководительства великою протестантскою имперіей: ультрамонтанское іезуитство съ одной стороны и агностическій индифферентизмъ съ другой.

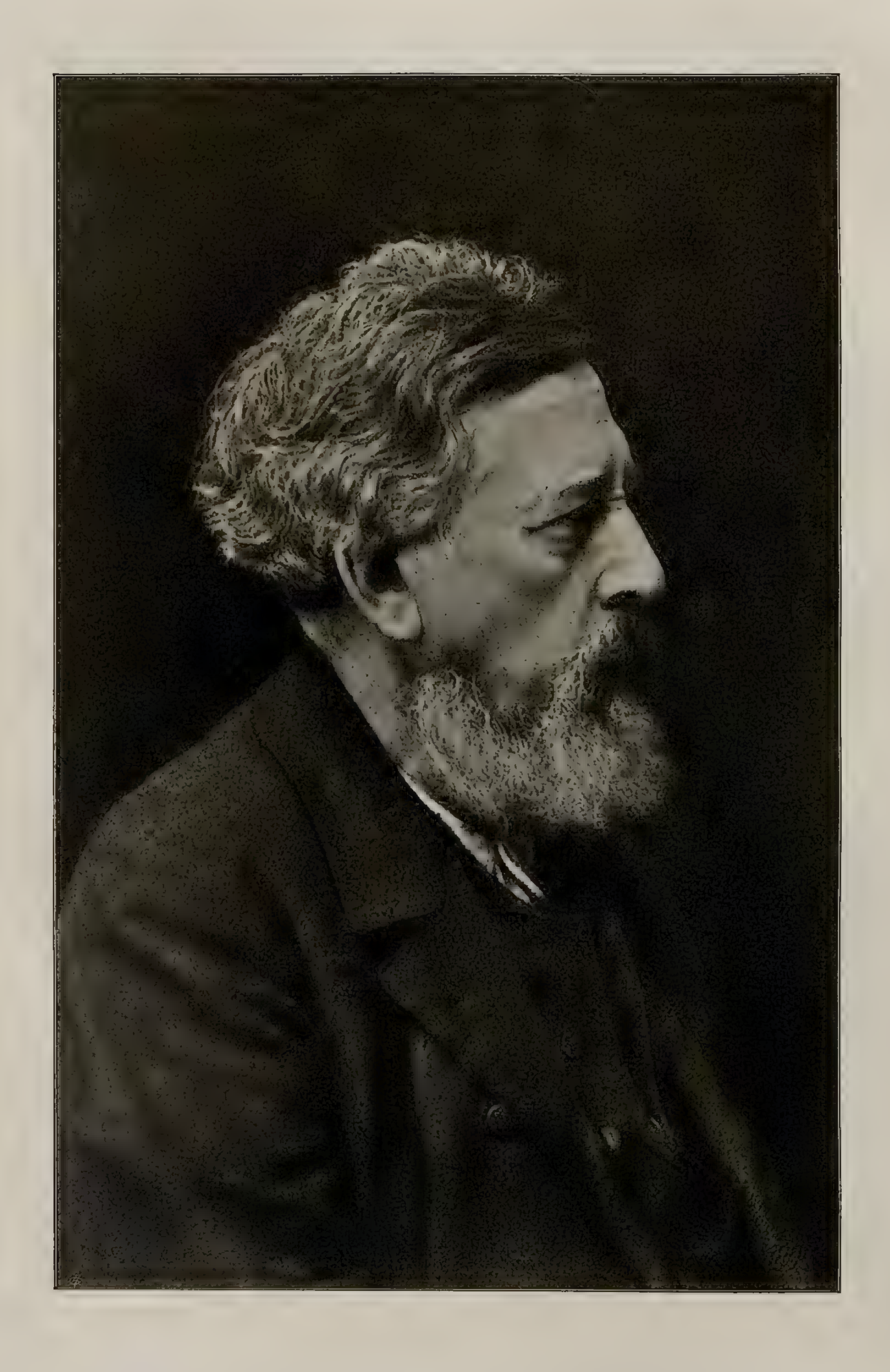
II.—Реакція и соціализмъ (1878—1890).

Обращеніе канцлера; протекціонизмъ.— Въ концѣ лѣта 1875 года одинъ старый пріятель Бисмарка Бланкенбургъ, посѣтивъ Варцинъ, предсказывалъ близкое паденіе „либеральныхъ бюрократовъ". Эволюція въ мысляхъ канцлера происходила медленно: во время продолжительнаго своего уединенія въ 1877 году онъ пришелъ къ опредѣленному выводу, рѣшился порвать съ лѣвою; съ этихъ поръ заправилами нѣмецкой политики явились консерваторы. Вигское правительство смѣнялось правительствомъ торійскимъ, какъ выражались нѣкоторые историки, но сравненіе это грѣшитъ во многихъ отношеніяхъ. Обращеніе Бисмарка вовсе не означало отказа отъ основныхъ его воззрѣній: какъ прежде, такъ и теперь онъ и не думалъ связывать себя съ какой-либо партіей; его новые союзники, какъ и прежніе, должны были подчиниться его игу и соглашались на такія его выдумки, которыя шокировали ихъ сильнѣйшимъ образомъ, соглашались потому, что считали его единственнымъ человѣкомъ, достаточно сильнымъ для того, чтобы спасти традиціи и учрежденія прошлаго отъ натиска новыхъ идей. И дѣйствительно, вопреки нѣкоторымъ проявленіямъ, настоящая цѣль его правленія была именно такова. Никогда онъ не поднимался выше представленій абсолютистскаго протекціонизма, который онъ и прилагалъ поочередно къ различнымъ общественнымъ группамъ, всегда имѣя въ виду лишь одно, именно распространеніе вліянія монарха и аристократіи.

Его проекты объясняются чисто фискальными соображеніями; онъ стремился снабдить имперію обширными рессурсами, которые избавили бы его отъ необходимости просить у отдѣльныхъ государствъ очередныхъ взносовъ и, наоборотъ, дали бы ему возможность раздавать имъ субсидіи. Достаточно было обложить нѣкоторые предметы общаго употребленія, какъ табакъ, алкоголь, а главное тѣ товары, которые имперія ежегодно покупала за границей на сумму въ четыре милліарда франковъ и съ которыхъ не платилось почти никакихъ ввозныхъ по-

шлинъ. Благодаря этимъ косвеннымъ налогамъ, конечнымъ результатомъ которыхъ являлись государственная монополія и протекціонизмъ, имперія дѣйствительно оказалась бы внѣ всякой зависимости и явилась бы въ глазахъ населенія не надоѣдливымъ и вѣчно грозящимъ кредиторомъ, а защитникомъ національнаго труда. Откуда взялась у Бисмарка первоначальная мысль его теорій? Явилась ли она отголоскомъ протекціонистской школы, поборникомъ которой былъ Листъ и которая никогда не исчезала, особенно въ южной Германіи? Способствовало ли его обращенію „Общество преобразованія финансоваго и экономическаго режима", которое основано было въ 1875 году, и профессоры, которые вмѣстѣ съ Вагнеромъ и Шмоллеромъ собирали молодыя поколѣнія вокругъ своихъ каѳедръ политической экономіи? Я съ своей стороны склоненъ придавать лишь небольшое значеніе этимъ догматическимъ вліяніямъ и полагаю, что двумя истинными наставниками Бисмарка были примѣръ Франціи, гдѣ при Тьерѣ восторжествовали косвенные налоги и протекціонизмъ, и кризисъ 1873 года. За войной 1870 года послѣдовалъ періодъ лихорадочной спекуляціи: деньги потекли рѣкой, работы было много, количество предпріятій возрастало, учредители ихъ (*грюндеры*), давшіе названіе всей эпохѣ, обнаруживали безсовѣстную роскошь. Пробужденіе было самое рѣзкое. Въ 1873 году вихрь разрушенія смелъ эти скороспѣлыя или злостно затѣянныя предпріятія и оставилъ однѣ развалины; разгромъ этотъ задѣлъ всѣ классы: закрывались фабрики, разоренныя англійской конкурренціей; сельскіе хозяева, снѣдаемые ростовщичествомъ, жаловались на усиленный ввозъ хлѣба изъ Америки и Россіи. Бисмаркъ, самъ крупный собственникъ и націоналистъ, склоненъ былъ выслушивать тѣхъ, кто обвинялъ либераловъ за принесеніе благосостоянія страны въ жертву спорнымъ принципамъ. Товарищи Бисмарка, не такъ легко мѣнявшіе свои воззрѣнія, продолжали держаться фритредерства; одного за другимъ онъ удалилъ Дельбрюка, Кампгаузена, Ахенбаха, замѣнивъ ихъ Гофманомъ, Майбахомъ, Путкамеромъ. Въ 1880 году эта министерская переборка была, наконецъ, закончена; она стоила ему трехлѣтнихъ усилій, зато никогда у него не было столь покладистыхъ сотрудниковъ, вполнѣ раздѣлявшихъ его воззрѣнія. Въ это же время и его вліяніе на императора никѣмъ не оспаривается. Вильгельму восемьдесятъ три года; чувство долга не позволяетъ ему относиться небрежно къ политическимъ вопросамъ, но, довольный тѣмъ общимъ направленіемъ, какого держится правительство, онъ удовлетворяется общимъ надзоромъ и оставляетъ канцлеру свободу дѣйствій. Роонъ только что скончался (въ 1879 году), Эдвинъ фонъ Мантейфель управляетъ Эльзасомъ (1880 г.), императрица сложила оружіе; канцлеръ укротилъ или истомилъ своихъ послѣднихъ враговъ.

При такомъ всеобщемъ подчиненіи всякое покушеніе на независимость со стороны парламентской лѣвой являлось скандаломъ. Эта партія, вслѣдствіе фритредерской традиціи, а главное, вслѣдствіе нежеланія отказываться отъ своихъ финансовыхъ преимуществъ, являвшихся послѣдней слабой гарантіей ея вліянія, отнеслась чрезвычайно холодно къ новой программѣ. Въ 1877 году она отклонила покровительственныя пошлины на желѣзныя издѣлія, а одинъ изъ вождей ея, Беннигсенъ, поставилъ условіемъ своего вступленія въ министерство отказъ отъ проектовъ обложенія табака. Канцлеръ грубо отвергъ такія требованія: и вотъ на выборахъ 1878 года націоналъ-либералы утратили четвертую часть своихъ полномочій; вслѣдъ за этимъ они раздѣлились на двѣ группы (въ 1880 году), изъ которыхъ одна пошла на буксирѣ за канцлеромъ; другая, во главѣ съ Ласке-



В. Либкнехтъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

ромъ, по крайней мѣрѣ спасла честь своего знамени, а затѣмъ затерялась среди прогрессистовъ, совмѣстно съ которыми она и образовала новую либеральную партію, такъ называемую свободомыслящую (Freisinnige Partei, 1884). Даже послѣ этого раскола рейхстагъ рѣшительно отвергъ нѣкоторыя изъ мѣропріятій, которымъ Бисмаркъ придавалъ весьма большое значеніе, именно табачную и винную монополію. Однако, благодаря поддержкѣ различныхъ консервативныхъ группъ, онъ провелъ налоги на табакъ, керосинъ, кофе, добился покровительственныхъ пошлинъ на желѣзныя издѣлія и на зерновой хлѣбъ и выкупа въ казну желѣзныхъ дорогъ. Если правда, что протекціонизмъ имѣлъ нѣкоторыя благія послѣдствія и что въ частности ему приходится приписать развитіе металлургической промышленности, зато онъ обострилъ столкновеніе интересовъ и, выдвинувъ на первый планъ эгоистическія классовыя вожделѣнія, дезорганизовалъ партіи и внесъ въ политическую борьбу элементъ страшной путаницы. Извиненіе или, если угодно, оправданіе Бисмарка заключается въ томъ, что онъ стремился облагодѣтельствовать весь народъ государственнымъ покровительствомъ и что онъ искалъ въ монополіяхъ рессурсовъ, необходимыхъ ему для выполненія тѣхъ реформъ, которыя должны были такъ же, какъ исключительные законы, помочь ему остановить соціалистическую пропаганду.

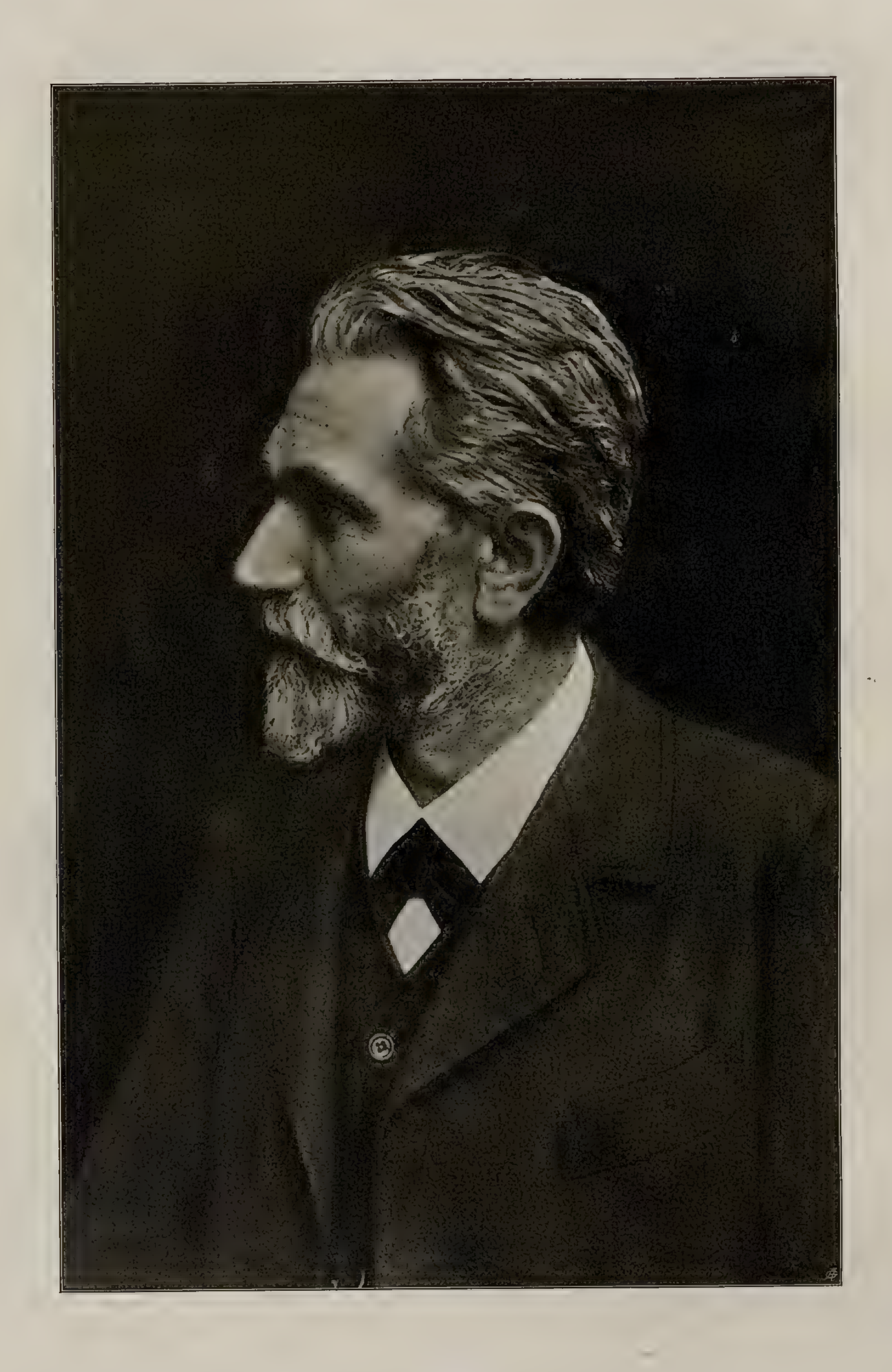
Соціалъ-демократія.—Въ теченіе десяти лѣтъ со смерти Лассаля (1864 г.) до конгресса въ Готѣ (май 1875 года) ростъ соціалистической партіи задерживался внутренней борьбой, происходившей между посредственными учениками краснорѣчиваго агитатора и сторонниками Карла Маркса; готская программа еще представляла собою не болѣе, какъ довольно нелогичный компромиссъ, въ которомъ интернаціонализмъ прикрытъ былъ туманными формулами, и къ проектамъ обобществленія орудій производства примѣшивалась идея коопераций, созданныхъ государствомъ. Какъ бы то ни было, конгрессъ объединилъ всѣхъ рабочихъ, сочувствовавшихъ идеѣ радикальнаго преобразованія общества, въ „Нѣмецкую соціалъ-демократическую рабочую партію“, которая рѣзко отдѣлилась отъ націоналистовъ и анархистовъ.

Присоединенія къ партіи еще долгое время носили единичный характеръ; это объясняется взрывомъ шовинизма, страхомъ, который внушила всѣмъ парижская коммуна, мужествомъ Либкнехта и Беделя, которые выразили протестъ противъ войны и противъ присоединенія Эльзаса. Но буржуазія какъ бы поставила себѣ задачей оправдать нападки коллективистовъ противъ капиталистическаго режима; бѣшеная игра, скандально-быстрое возникновеніе крупныхъ состояній, продажность совѣсти, подкупъ прессы,—все это давало блестящія темы агитаторамъ, которыхъ рабочіе слушали тѣмъ охотнѣе, что приливъ французскихъ милліардовъ рѣзко поднялъ цѣны на съѣстные припасы и этимъ ухудшилъ самое существованіе рабочихъ; стачки, посредствомъ которыхъ они требовали своей доли въ добычѣ, поддерживали въ нихъ постоянное волненіе. Затѣмъ они испытали на себѣ послѣдствія краха 1873 года; число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, упавшее въ 1871 году до 100.000, поднялось въ 1874 году до 350.000. Съ этихъ поръ къ нимъ стали присоединяться радикалы, которымъ надоѣла робость націоналъ-либераловъ и прогрессистовъ; Бисмаркъ отнесся къ нимъ съ той упорной ненавистью, которая составляла какъ бы основную черту его характера; ненависть эта была тѣмъ непримиримѣе, что здѣсь къ инстинктивному чувству примѣшивается и нѣкоторый разсчетъ. Спасеніе порядка, собственности, религіи,—какой великолѣпный предлогъ къ примиренію съ консерваторами и къ при-

крытію своего отступленія передъ Римомъ! Однако схватка его съ церковью оставила въ немъ жгучія воспоминанія и смутное чувство, что нельзя во всѣхъ случаяхъ дѣйствовать только силой; изъ разговоровъ своихъ съ Лассалемъ, изъ своихъ воспоминаній о царствованіи Наполеона III онъ сохранилъ неясные планы союза абсолютной монархіи съ рабочими классами; все это вполнѣ примирялось съ традиціями Гогенцоллерновъ, которые, подобно всѣмъ государямъ, часто высказывали желаніе защищать бѣдныхъ отъ притѣсненія богачей, и даже съ привычками помѣстныхъ дворянъ, чрезвычайно гордившихся опекой надъ своими вассалами; наконецъ, въ Бисмаркѣ все еще сидѣлъ прежній человѣкъ, крупный земельный собственникъ, который терпѣть не могъ бюргеровъ, промышленниковъ и не безъ удовольствія готовъ былъ причинить имъ нѣкоторую непріятность; направленная противъ соціалистовъ программа Бисмарка содержитъ, впрочемъ, не одну статью, которую безъ труда можно истолковать какъ возстановленіе прошлаго.

11 мая 1878 года одинъ полусумасшедшій жестянщикъ, Гедель, стрѣлялъ въ императора, но промахнулся; нѣсколько недѣль спустя, 2-го іюня, Нобилингъ тяжело ранилъ его; нѣкоторое время опасались за его жизнь. Ни Гедель, ни Нобилингъ не были соціалистами, но реакція никогда не задумывалась надъ тѣмъ, чтобы использовать эти печальные инциденты. Канцлеръ какъ разъ былъ очень недоволенъ успѣхами соціалистовъ во время выборовъ, избраніемъ Газенклевера въ Берлинѣ (въ 1877 году).—Онъ предложилъ законъ противъ соціалистовъ, принятый рейхстагомъ 21 октября 1878 года; законъ этотъ получалъ силу все на новые и новые сроки и дѣйствовалъ въ теченіе всего управленія Бисмарка (онъ былъ отмѣненъ канцлеромъ Каприви въ 1890 году); суть его заключалась въ полной отмѣнѣ права собраній и союзовъ, въ полномъ произволѣ министровъ по отношенію ко всѣмъ соціалистамъ и ко всѣмъ тѣмъ, кого угодно было считать таковыми. Въ Берлинѣ за одинъ мѣсяцъ 40 человѣкъ подверглось принудительной высылкѣ; за годъ закрыто было 240 союзовъ, запрещено 500 печатныхъ произведеній; всѣ вожди партіи подверглись преслѣдованію, тюремному заключенію, изгнанію; началось господство террора съ обычными его спутниками: гнусными доносами, скандальными процессами, клеветническими показаніями, глупой провокаціей, произвольными приговорами. Преслѣдованіе усилилось послѣ открытія Нидервальденскаго памятника, во время котораго лишь случайность помѣшала взрыву адской машины, которая должна была уничтожить нѣмецкихъ государей (въ 1884 году).

Бисмарку понадобилось довольно много времени на установленіе второй части его программы соціальной защиты. Хотя онъ еще въ 1872 году объявилъ въ Итценплитцѣ, что желанія рабочихъ оправдываются преобразованіями, происшедшими въ научной и промышленной области, однако онъ занялъ опредѣленную позицію по этому вопросу лишь въ тронной рѣчи отъ 17 ноября 1881 года: „Въ февралѣ мѣсяцѣ,—говорилось здѣсь отъ имени императора,—мы выражали вамъ свое убѣжденіе, что исцѣленія общественныхъ золъ слѣдуетъ домогаться не однимъ подавленіемъ крайностей соціалъ-демократіи, но что надо искать его въ положительныхъ успѣхахъ благосостоянія рабочихъ. Каковы же лучшія средства для этого? Опредѣлить ихъ—одна изъ труднѣйшихъ задачъ, зато и одна изъ существенныхъ обязанностей всякой общественности, покоящейся на основахъ нравственной жизни и христіанства. Прочно опираясь на реальныя силы національной жизни и сосредоточивая ихъ въ



А. Бебель.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

корпоративныя сообщества, покровительствуемыя и поощряемыя государствомъ, мы разсчитываемъ помочь дѣлу, котораго не въ силахъ выполнить одна общественная власть. Впрочемъ, даже и этимъ путемъ мы достигнемъ цѣли, только затративъ значительныя средства". Программа весьма замѣчательная по своей точности: въ ней ясно отмѣчена какъ смѣлость мысли канцлера, такъ и ея предѣлы. Между соціалистами, которые ссылались на права рабочаго, и министромъ, который отправлялся отъ принципа обязанностей государства, никоимъ образомъ не могло установиться прочнаго соглашенія. Соціальное законодательство новой Германской имперіи выражается тремя крупными законами о страхованіи на случай болѣзни (законъ 15 іюня 1883 года), увѣчья (законъ 6 іюля 1884 года), старости и неспособности къ труду (законъ 22 іюня 1889 года): естественнымъ дополненіемъ былъ бы законъ о страхованіи въ случаѣ безработицы, и Бисмаркъ, не разъ торжественно признававшій право на трудъ, понималъ это; но онъ отложилъ этотъ законъ изъ боязни наткнуться на непреодолимую оппозицію. Соціальные законы, первую мысль о которыхъ подалъ, быть можетъ, крупный металлургистъ Штуммъ, были подготовлены тайными совѣтниками Ломаномъ, Бедикеромъ, Гампомъ, президентомъ имперской канцеляріи Гофманомъ и особенно фонъ Беттихеромъ, который увлекся предпринятой работой, даже раздвинулъ ея рамки послѣ паденія Бисмарка, позаботился о томъ, чтобы правила примѣнялись въ точности, и, не испугавшись жалобъ промышленныхъ круговъ, сумѣлъ цѣлымъ рядомъ регламентовъ на дѣлѣ обезпечить рабочему государственную защиту въ мастерской. Легко вышучивать оригинальность этихъ законодателей, которые часто черпали основную идею своихъ проектовъ въ исторіи старой французской монархіи и въ частности въ регламентахъ Кольбера; легко также отмѣчать разные промахи этихъ мѣропріятій, часто плохо согласованныхъ, неясныхъ, неполныхъ, нуждавшихся въ неоднократныхъ передѣлкахъ. Несмотря на все это, уже одно наложеніе подобныхъ жертвъ на капиталистическое общество является дѣломъ далеко не зауряднымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать того, что матеріальныя послѣдствія этихъ мѣропріятій были благодѣтельны и способствовали смягченію рабочей нужды, не вызвавъ того разгрома промышленности, какой пророчили представители классической политической экономіи. Наконецъ, не станемъ забывать того, что отвѣтственность за многія несовершенства и пробѣлы, въ которыхъ не безъ основанія упрекаютъ соціальные законы канцлера, падаетъ не на Бисмарка, а на тотъ рядъ парламентовъ, которые въ своей трусости и эгоизмѣ отступали передъ слишкомъ радикальными его предложеніями.

Упорство, съ которымъ даже наиболѣе послушное парламентское большинство защищало свои позиціи, и та неохота, съ которой оно дѣлало свои частичныя уступки, окончательно убѣдили демократовъ, что съ ихъ стороны было бы безуміемъ ожидать серьезнаго улучшенія своей участи отъ капиталистическаго общества. Того, кто такъ жестоко бичевалъ ихъ одной рукой и гладилъ другой, они считали просто тактикомъ, который стремился упрочить власть консерваторовъ и съ этой цѣлью пытался подкупить рабочихъ, обезпечивъ имъ скудную долю изъ протекціонистской добычи. Но полагать, что они отказались отъ сдѣлки потому, что предложенная имъ цѣна была слишкомъ мала, значило бы плохо понять ихъ и унизить ихъ роль. Въ ихъ программѣ была доля идеализма, къ которому Бисмаркъ относился съ такимъ презрѣніемъ: они добивались не одного матеріальнаго освобожденія рабочаго, а политической и моральной эмансипаціи

народа. На всѣ заигрыванія они давали одинъ отвѣтъ: non possumus. Результаты кампаніи, веденной съ такимъ напряженіемъ съ 1878 до 1880 года, были совершенно противоположны тому, чего ожидалъ Бисмаркъ. Избавившись отъ массы посредственныхъ своихъ послѣдователей, соціалисты сплотились, подобно первымъ христіанамъ, въ тѣсное братство и усвоили себѣ болѣе высокое сознаніе своей роли; мысль о той миссіи, какую они выполняли, и выпадавшія на ихъ долю страданія поднимали ихъ надъ обычнымъ уровнемъ политическихъ партій. Ихъ собранія были воспрещены; въ Бреславлѣ и Гамбургѣ (1880 г.), въ Лейпцигѣ (1881 г.), Франкфуртѣ (1886 г.), Штеттинѣ (1887 г.) объявлено было осадное положеніе; главные вожди ихъ—Либкнехтъ, Бебель, Фольмаръ—сидѣли въ тюрьмѣ. Они собирались тогда за границей, въ Вейденѣ (1880 г.), Копенгагенѣ (1883 г.) и С. Галленѣ (1887 г.); ихъ газета, *Соціалъ-демократъ*, выходившая въ Мюнхенѣ, не боялась бдительности полиціи. Они все болѣе и болѣе удалялись отъ традицій Лассаля. Въ Эрфуртской программѣ, которая въ 1891 году замѣнила собою готскую, уже нѣтъ болѣе рѣчи о кооперативныхъ товариществахъ, основываемыхъ при поддержкѣ государства; умалчивается также и о желѣзномъ законѣ заработной платы, который въ свое время оказалъ блестящія услуги, какъ средство пропаганды; съ этихъ поръ программа Маркса принята безъ оговорокъ, интернаціонализмъ беретъ верхъ и до извѣстной степени находитъ свое осуществленіе во всеобщихъ рабочихъ конгрессахъ и въ рабочемъ праздникѣ 1 мая. Никогда соціалъ-демократія не была такой пламенной и никогда она не относилась къ имперіи съ такою враждою, какъ въ моментъ ухода Бисмарка.

Эта армія, собирающаяся около непримиримыхъ вождей, растетъ съ угрожающей быстротой. Каждые выборы отмѣчаютъ собою успѣхъ революціонной партіи: въ началѣ преслѣдованія, подъ первымъ впечатлѣніемъ испуга и ужаса, партія собираетъ всего 310.000 голосовъ (въ 1881 году); въ 1884 году она привлекаетъ уже 550.000, въ 1887 году 750.000, въ 1890 году число ихъ переходитъ за 1.400.000, а въ 1899 году достигаетъ почти 1.800.000. Успѣхи эти облегчаются и объясняются отчасти проникновеніемъ соціалистической идеи за предѣлы рабочаго класса. Произведенія Бебеля, Евгенія Рихтера и особенно Шеффле, чья *Квинтэссенція соціализма* имѣла огромный успѣхъ, съ жадностью читаются всѣми классами. Такъ называемые *катедеръ-соціалисты*, болѣе или менѣе непосредственные ученики Ротбертуса и Марло, овладѣли университетами; вокругъ Шмоллера, Брентано и Кнаппа создаются семинаріи по разработкѣ соціальныхъ вопросовъ, и монографіи, вышедшія изъ этихъ семинарій и безусловно занимающія видное мѣсто среди наиболѣе выдающихся произведеній современной исторіографіи, способствуютъ распространенію интереса и склонности къ соціальнымъ вопросамъ въ самыхъ различныхъ классахъ общества. Потокъ, увлекающій молодое поколѣніе въ соціализмъ, настолько мощенъ, что консерваторы, безсильные бороться съ нимъ, ищутъ средства использовать его въ своихъ видахъ: антисемитизмъ пастора Штекера является каррикатурой соціализма, а такіе мазурики, какъ Гаммерштейнъ, одно время завѣдывавшій *Крестовой Газетой*, пытаются приспособить доктрины соціализма къ своей программѣ. Кажется, что Германія, наложившая такой глубокій отпечатокъ на девятнадцатое столѣтіе, стремится увѣнчать его окончательнымъ торжествомъ—въ политической и экономической области—того органическаго ученія, которое она провозгласила устами Гердера и Гёте въ противовѣсъ механической теоріи энциклопедистовъ: атоми-

стическому либерализму она противопоставляетъ соціальную солидарность.

Парламентская борьба.—Это распространеніе соціалистическихъ теорій въ извѣстномъ смыслѣ облегчило парламентскіе успѣхи канцлера. Подъ давленіемъ новыхъ интересовъ и вслѣдствіе выступленія на арену такихъ классовъ, которые долгое время принимали въ общественной жизни лишь косвенное и какъ бы случайное участіе, рамки прежнихъ партій расшатались; ихъ программы, слишкомъ узкія, уже больше не отвѣчали современнымъ нуждамъ; ихъ традиціи уже не соотвѣтствовали окружающей обстановкѣ: тѣснимые неумолимыми противниками, либералы и прогрессисты въ борьбѣ своей съ канцлеромъ дѣйствовали уже безъ прежней увѣренности и съ остывшимъ пыломъ. Оппозиція теряла силы въ тотъ самый моментъ, когда могучій защитникъ монархіи почерпнулъ новое вдохновеніе въ томъ милостивомъ благоволеніи, какое проявлялъ къ нему его повелитель. „Если мы станемъ теперь на лучшую дорогу,—сказалъ императоръ послѣ покушенія Нобилинга,—то я не буду жалѣть о своей ранѣ"; немного позднѣе онъ выражалъ министру свои благопожеланія за ту удачную отвагу, съ которой онъ „воткнулъ палку въ это осиное гнѣздо" революціонеровъ и „схватилъ быка за рога. За это родина благословитъ васъ". Бисмаркъ очень живо чувствовалъ удовлетвореніе, котораго онъ не зналъ до этихъ поръ, удовлетвореніе видѣть вокругъ себя только вѣрныхъ сотрудниковъ и преданное содѣйствіе. Если ему и случается еще жаловаться на несправедливость оппозиціи, въ его словахъ уже нѣтъ прежней горечи: это вечеръ побѣды, и меланхолическія попытки противниковъ повторить свои нападенія только поддерживаютъ въ немъ пылъ, нисколько не отражаясь серьезно на его бодрой старости.

Выборы 1878 года дали очень гибкое большинство: либералы, умудренные неудачами, главнымъ образомъ заботились о томъ, какъ бы не раздражить министра; они вотировали ему его таможенные законы, септеннатъ, установили по его требованію мирный составъ арміи въ 427.000 человѣкъ (въ 1880 г.). Наоборотъ, онъ вызвалъ ихъ неудовольствіе своими заигрываніями съ центромъ; смутилъ ихъ соціалистическими теоріями, о которыхъ заявлялъ съ парламентской трибуны; говорилъ о продленіи парламентскихъ сессій, чѣмъ было бы ослаблено вліяніе депутатовъ, такъ какъ ихъ связи съ страной сдѣлались бы менѣе тѣсными; собирался ввести двухгодичный бюджетъ. Въ 1881 году либераламъ удалось послѣ энергичныхъ усилій отвоевать у консерваторовъ почву, которую послѣдніе пріобрѣли въ 1878 году. Прогрессисты, которыхъ было прежде 25, вернулись въ новую палату въ числѣ 60; вмѣстѣ съ націоналъ - либералами и свободомыслящимъ союзомъ они располагали болѣе чѣмъ 150 голосами. Этимъ открывалась новая эра конфликта, правда, конфликта смягченнаго, разумѣется, не умѣренностью канцлера,—никогда онъ не афишировалъ съ бо̀льшею рѣзкостью своего презрѣнія къ собраніямъ, никогда не выставлялъ такъ широко на показъ своей солдатской грубости,—а робостью самого собранія: эти мятежники уже бывали подъ ярмомъ, и ихъ мужество пробуждалось лишь въ отдѣльные моменты; за собой они чувствовали націю колеблющуюся, терзаемую противорѣчивыми инстинктами,—націю, которая плохо понимала своихъ представителей и покидала ихъ въ рѣшительные моменты. Милліоны привѣтствій, которые со всѣхъ концовъ страны неслись къ Бисмарку, когда онъ праздновалъ въ 1885 году семидесятилѣтіе своего рожденія, были какъ бы выраженіемъ недовѣрія, которое народъ бросалъ въ лицо своимъ независимымъ представителямъ. Германская конституція

готова была превратиться въ какой-то режимъ сантиментальныхъ плебисцитовъ. Либералы, которые никакъ не могли вернуть себѣ большинства въ палатѣ, вынуждены были искать поддержки у подозрительныхъ союзниковъ, которые преслѣдовали лишь свои личные интересы и въ рѣшительный моментъ покидали либераловъ; послѣдніе, благодаря этимъ компромиссамъ, лишь дискредитировали себя въ общественномъ мнѣніи, которое ставило имъ въ упрекъ чисто отрицательный характеръ ихъ оппозиціи. Самые выдающіеся вожди ихъ сходили со сцены: въ 1884 году умеръ Ласкеръ, въ 1883 году сложилъ свое депутатское полномочіе Беннигсенъ; саркастическій талантъ блестящаго лидера свободомыслящихъ, Евгенія Рихтера, который, будучи большимъ знатокомъ въ финансовыхъ вопросахъ, изводилъ Бисмарка, приходился не по душѣ людямъ робкимъ, обвинявшимъ его въ томъ, что онъ безъ всякой пользы выводитъ правительство изъ терпѣнія. Въ послѣдней изъ крупныхъ парламентскихъ битвъ, которою отмѣчено правленіе Бисмарка, по поводу возобновленія военнаго септенната въ 1887 году, поведеніе оппозиціи не принесло ей никакой славы, настолько она оказалась нерѣшительной, смутной въ своихъ доказательствахъ, смиренной. Послѣ распущенія рейхстага, въ наказаніе за его относительную независимость, національ-либералы и консерваторы всѣхъ оттѣнковъ условились поддерживать только кандидатовъ, согласныхъ подать голосъ за военный законъ; это такъ называемый *черный синдикатъ* (*das schwarze Kartell*). Съ этихъ поръ 220 послушныхъ депутатовъ слѣдовали указаніямъ правительства, приняли увеличеніе военныхъ контингентовъ, продлили срокъ дѣйствія закона противъ соціалистовъ, увеличили съ трехъ до пяти лѣтъ длительность законодательныхъ полномочій. Это было полное крушеніе либеральныхъ идей. Молодыя поколѣнія, казалось, не сознавали болѣе цѣнности тѣхъ парламентскихъ формъ, изъ-за которыхъ такъ волновались ихъ отцы. Казалось, факты оправдали точность разсчетовъ Бисмарка, который въ 1866 году согласился на всеобщее избирательное право съ задней мыслью о томъ, что народныя массы окажутся болѣе податливыми, чѣмъ прусскіе цензовые избиратели. Однако еще остается подъ вопросомъ, не надоѣстъ ли когда-нибудь этимъ избирателямъ, пока столь равнодушнымъ, ихъ добровольное рабство. Подъ вопросомъ остается также, не имѣла ли слишкомъ полная побѣда канцлера дурныхъ послѣдствій для политической и моральной жизни страны. Всякое конституціонное развитіе пріостановилось, и существованіе народа покоилось на людяхъ, а не на учрежденіяхъ. Бисмаркъ,— и это самый крупный упрекъ по его адресу,—никогда не заботился о своемъ наслѣдствѣ. Исчезнувъ, онъ оставилъ за собой помимо партій, прямо враждебныхъ его режиму, дисциплинированныхъ и ожесточенныхъ его суровостью, лишь разрозненную партійную „пыль“, безъ всякихъ корней въ народѣ; всѣ эти партіи, прирученныя и разстроенныя, не были способны ни поддерживать власть, ни сдерживать ее. Съ другой стороны, справедливость требуетъ признать, что онъ до послѣдняго часа обладалъ очень живымъ чутьемъ народныхъ желаній. Съ необычайною ловкостью, въ которой разсчетъ занималъ лишь небольшое мѣсто, умѣлъ онъ выставить своихъ противниковъ защитниками пустыхъ формъ, довести до абсурда ихъ роль теоретиковъ; въ главномъ онъ слѣдовалъ все-таки народному внушенію. До самаго конца онъ остался, какъ и въ ранніе свои дни, великимъ реалистомъ, съ необычайнымъ пониманіемъ основныхъ теченій; благодаря ему монархія избѣгла окостенѣнія, осталась въ соприкосновеніи съ живыми силами народа и удостоилась руководить наро-

домъ, потому что сама шла за нимъ. Въ этой почти неистощимой способности къ превращенію и обновленію единственными признаками старости является нѣкоторое уменьшеніе пыла и внутренней убѣжденности, меньшая отчетливость и широта размаха. Все это станетъ болѣе яснымъ, если разсмотрѣть поближе колоніальную политику канцлера и внѣшнюю исторію Германіи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ его правленія.

Колоніи [1]**. Тройственный союзъ.**—Когда въ 1871 году нѣкоторые коммерсанты приставали къ Бисмарку, чтобы онъ потребовалъ отъ Франціи оставленія ея факторій въ Индіи и Кохинхинѣ, Бисмаркъ презрительно отстранилъ ихъ. „У меня нѣтъ колоніальныхъ стремленій“, повторялъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ; въ той снисходительности, съ которой онъ толкалъ французскихъ государственныхъ людей въ Тунисъ и Тонкинъ, была извѣстная доля сарказма по адресу тѣхъ министровъ, которые направляли свои взоры на отдаленныя предпріятія, вмѣсто того чтобы сосредоточить ихъ на восточной границѣ. Въ 1878 году Германія пріобрѣла угольную станцію на Жалуитѣ, въ Маршальскихъ островахъ, но въ слѣдующемъ году она упустила случай установить свое господство на Самоанскихъ островахъ. Банкротство гамбургскаго торговаго дома Годфруа угрожало выдачей чрезвычайно важныхъ плантацій, имъ тамъ устроенныхъ, Барингу, т.-е. Англіи; тогда основано было нѣмецкое общество морской торговли съ цѣлью купить эти плантаціи; общество ходатайствовало предъ рейхстагомъ о правительственной гарантіи и получило отказъ. Бисмаркъ въ первый моментъ отнесся къ дѣлу равнодушно, но затрудненія, возникшія для Германіи на Самоанскихъ островахъ изъ совладѣнія съ Англіей и Соединенными Штатами, пробудили его вниманіе, и съ этихъ поръ онъ сталъ ближе слѣдить за усиліями обоихъ колоніальныхъ обществъ—*Нѣмецкаго колоніальнаго союза* (1882 г.) и *Общества нѣмецкой колонизаціи* (1884 г.), которыя слились въ 1887 году и превратились въ *Deutsche Kolonial Gesellschaft*, имѣющую нынѣ 331 отдѣленіе, 32.000 членовъ и газету, выпускаемую въ числѣ 40.000 экземпляровъ (*Kolonial Zeitung*). Общества эти указывали на необходимость открыть новые рынки для нѣмецкой промышленности, обезпечить ея торговому флоту гавани для стоянки и возобновленія припасовъ, принять участіе въ дѣлѣ цивилизаціи и религіозной пропаганды, къ чему обязывала Европу ея болѣе высокая культура; больше всего эти общества волновались по поводу тѣхъ двухъ прорѣхъ, куда ежегодно утекали богатство и жизнь націи; приходилось покупать за границей на милліардъ колоніальныхъ припасовъ, и тысячи эмигрантовъ уходили, затериваясь на латинскихъ или англійскихъ территоріяхъ. Мало-по-малу эти аргументы подѣйствовали на Бисмарка. Если онъ не руководилъ общественнымъ мнѣніемъ, то самъ отдался во власть его. Одна записка отъ мая 1881 года показываетъ, что въ это время Бисмаркъ уже не такъ противился колоніальному расширенію. Дѣйствуя въ духѣ своей протекціонистской эволюціи, онъ предложилъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ развитію нѣмецкой торговли: учрежденіе крупныхъ пароходныхъ кампаній, льготы промышленнымъ предпріятіямъ, поддержка молодымъ людямъ, которые пожелаютъ устроиться въ колоніяхъ. Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, онъ оставался вѣренъ своему отвращенію къ колоніальнымъ дѣламъ: онъ отвергалъ малѣйшее непосредственное вмѣшательство государства. Осторожность нѣсколько наив-

[1]) Мнѣ приходится по этому вопросу отослать читателя къ весьма существенной и отчетливой книгѣ профессора Клермонскаго университета Озера (Hauser): Нѣмецкія колоніи, созданныя имперіей и частной инициативой. Парижъ, 1900.

ная, и факты очень скоро доказали ему всю ея тщетность.

Происки со стороны Англіи пробудили въ немъ воинственный инстинктъ: безъ особаго энтузіазма, но съ твердостью онъ не отказывалъ въ своемъ покровительствѣ ни одному изъ смѣлыхъ авантюристовъ, которые создаютъ для Германіи владѣнія въ Африкѣ и въ Океаніи.

Въ 1884 году онъ отправилъ знаменитую телеграмму съ приказомъ нѣмецкому консулу въ Капштадтѣ объявить Англіи, что Людерицландъ находится подъ нѣмецкимъ покровительствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе Германіи обратилось на Океанію. Ново-гвинейская компанія направила экспедицію на этотъ огромный островъ Новую Гвинею и на сосѣдній архипелагъ (въ 1884 году); въ слѣдующемъ году германскія власти оффиціально вступили во владѣніе Маршальскими островами и захватили острова Каролинскіе, причемъ Испанія тогда только вспомнила о своихъ правахъ на эти острова, когда ихъ уже стали оспаривать у нея. Европа пришла въ движеніе. Канцлеръ обратился къ посредничеству папы, и ему не пришлось раскаиваться въ этомъ: Левъ XIII призналъ сюзеренитетъ Испаніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ Германіи морскую станцію въ архипелагѣ и широкія коммерческія уступки. Этого было достаточно Бисмарку для подготовки дальнѣйшаго: 12 февраля 1889 года Испанія продала ему Каролинскіе и Маріанскіе острова за 25 милліоновъ пезетъ. Такимъ образомъ на всѣхъ пунктахъ земного шара Бисмаркъ подготовлялъ будущее, открывалъ новые пути. Съ этихъ поръ руководители нѣмецкой колонизаціи проявляли все больше честолюбивыхъ замысловъ и одерживали все болѣе громкіе успѣхи; трудно сказать, но, быть можетъ, нѣсколько скептическое благоразуміе стараго канцлера и его медлительность болѣе соотвѣтствовали высшимъ интересамъ страны, чѣмъ грандіозные замыслы нынѣшней *міровой политики* (*Weltpolitik*).

Часто уступая внушеніямъ сторонннковъ колоніальнаго расширенія и не всегда умѣя бороться съ увлеченіями, которыя не разъ заводили его дальше его собственныхъ желаній, канцлеръ всегда подчинялъ свои отдаленныя пріобрѣтенія своимъ европейскимъ интересамъ; онъ полагалъ, что колоніи должны служить плодотворнымъ отвлеченіемъ и способствовать расширенію вліянія, а вовсе не поглощать всѣ интересы націи; допустимо имѣть руки не совсѣмъ чистыми, только бы онѣ оставались свободными. Болѣе осторожная, чѣмъ Франція,—разумѣется, потому, что самое географическое положеніе представляло меньше къ тому соблазна,—Германія до своего окончательнаго территоріальнаго объединенія никогда не поддавалась никакимъ мечтаніямъ насчетъ Океана; она въ нѣкоторомъ родѣ сдѣлала свои гавани экстерриторіальными, чтобы не приходилось защищать ихъ и чтобы поддержаніе флота не повредило силѣ ея арміи. Бисмарку казалось, что приближается время, когда сами обстоятельства укажутъ новую политику и когда Франція явится полезной союзницей противъ Англіи; онъ не думалъ, что примиреніе по обѣ стороны Вогезъ стало окончательнымъ, и если послѣ 1875 года онъ отказался отъ всякихъ наступательныхъ плановъ противъ Франціи, то его довѣріе къ благоразумію французовъ все еще было ограничено. Послѣ 1878 года, какъ и до этого времени, его главной задачей было держать Францію въ одиночествѣ или, по крайней мѣрѣ, мѣшать тому, чтобы заключаемые ею союзы принимали угрожающій характеръ.

Россія не прощала Бисмарку его измѣны; тогда онъ въ пику ей тѣснѣе сблизился съ Австріей (союзъ 7 октября 1879 года). Не умѣя объяснить себѣ этого новаго шага и переоцѣнивая его значеніе, Вильгельмъ пришелъ въ ужасъ; это

было послѣднее недоразумѣніе между старымъ королемъ и его министромъ. Бисмаркъ представилъ ему, что Германіи выгодно покровительствовать Австріи, что это ея долгъ; онъ ссылался на германское единство, нарушенное съ 1866 года; этимъ тѣснымъ соглашеніемъ оно въ нѣкоторомъ родѣ было бы возстановлено; больше всего старался онъ увѣрить въ лояльности своихъ намѣреній; у него нѣтъ никакихъ враждебныхъ намѣреній насчетъ Россіи, онъ только желаетъ показать ей, что свободенъ въ выборѣ своихъ союзниковъ и никого не боится. Вопреки нѣкоторымъ рѣзкостямъ языка и проявленіямъ личнаго настроенія, онъ былъ искрененъ: сообщая политикѣ Германіи новое направленіе, онъ не хотѣлъ порывать съ прошлымъ. Когда послѣ смерти Виктора Эммануила (въ 1878 году) и занятія Туниса Франціей король Гумбертъ примкнулъ къ германско-австрійскому союзу, одной изъ первыхъ заботъ канцлера было успокоить Россію, и онъ заключилъ съ нею „перестраховку“.

Одновременно поддерживать отношенія тѣсной дружбы и сердечнаго согласія съ двумя народами, которые враждебны по своимъ интересамъ и соперничаютъ въ своихъ притязаніяхъ,—дѣло довольно рискованное. Бисмарку оно удавалось до революціи въ Болгаріи: тутъ онъ притворился чрезвычайно корректнымъ, провозгласилъ моральную гегемонію Россіи надъ Болгаріей, энергично выступилъ противъ нѣмецкихъ свободомыслящихъ и ультрамонтанъ, которые были рѣзко настроены противъ царя. Петербургскій кабинетъ не придалъ вѣры его заявленіямъ, и панслависты снова начали свой походъ противъ него. Довольно неуклюже онъ оказалъ услугу ихъ сокровеннымъ намѣреніямъ посредствомъ одного изъ тѣхъ опасныхъ парламентскихъ маневровъ, отъ которыхъ его должна была бы излѣчить неудача 1875 года. Чтобы одолѣть сопротивленіе рейхстага, который въ сущности только и ждалъ давленія со стороны, Бисмаркъ счелъ нужнымъ вызвать наружу шовинизмъ и пробудилъ чувство бѣшеной ненависти къ чужеземцамъ; военные кредиты были приняты огромнымъ большинствомъ (11 марта 1887 года), но страсти съ обѣихъ сторонъ разгорѣлись настолько, что миръ висѣлъ на волоскѣ (инцидентъ съ Шнебеле).

Паденіе генерала Буланже (май 1887 года) привело къ успокоенію положенія съ французской стороны. Но враги Бисмарка получили еще разъ возможность подчеркнуть его неразборчивость въ средствахъ; царь продолжалъ относиться къ нему съ недовѣріемъ. Въ отвѣтъ на угрозы русской печати канцлеръ опубликовалъ союзный договоръ между Австріей и Германіей (3 февраля 1888 года) и предложилъ парламенту рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью дополнить военную организацію имперіи; созданъ былъ *Landwehr* (запасъ) второго призыва, въ которомъ солдаты должны были состоять до тридцати девяти лѣтъ; въ *Landsturm*'ѣ (ополченіе) они числились теперь до сорока пяти лѣтъ.

Во время преній Бисмаркъ произнесъ знаменитую рѣчь (6 февраля 1888 года), которая является какъ бы политическимъ его завѣщаніемъ. Указавъ на то, что Германія получитъ такимъ образомъ силы, необходимыя для отраженія двойного нападенія—на западной и на восточной границѣ, онъ прибавилъ: „Тѣ самыя военныя силы, которыхъ мы добиваемся отъ васъ, обрекаютъ насъ на миролюбивую политику. Это утвержденіе похоже на парадоксъ и тѣмъ не менѣе оно справедливо. Съ такой машиной, какую представляетъ собой нѣмецкая армія, не предпринимаютъ наступательной войны. Въ настоящее время возможна только такая война, которая одобрена была бы всѣми, кто долженъ принять въ ней участіе, т.-е. всѣмъ народомъ,—война, которая будетъ ведена съ такимъ же энтузіазмомъ,

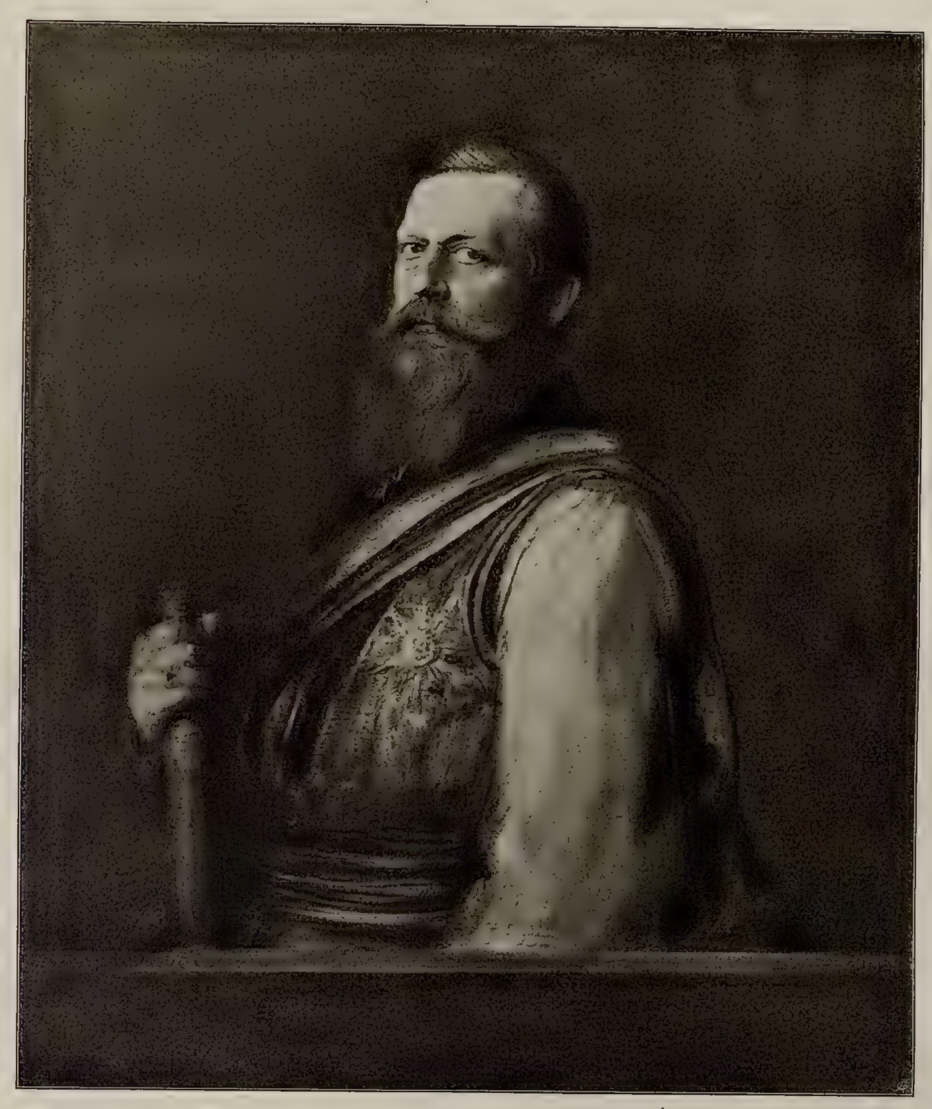
какъ война 1870 года, когда намъ бросили наглый вызовъ. О, въ такомъ случаѣ поднялась бы вся Германія, отъ Рейна до Мемеля; страна ощетинилась бы штыками, и горе тому безумцу, который осмѣлился бы помѣряться съ этимъ тевтонскимъ бѣшенствомъ. Я попросилъ бы также иностранцевъ отказаться отъ ихъ системы угрозъ; мы, нѣмцы, боимся Бога, и больше во всемъ мірѣ мы ничего не боимся".

III.—Новая эра.

Императоръ Фридрихъ III.— Заемъ въ 300 милліоновъ, потребованный Бисмаркомъ на завершеніе обороны имперіи, принятъ былъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ (20 февраля 1888 года); почти всѣ партіи соперничали между собой въ проявленіи лояльности. Это была послѣдняя радость императора Вильгельма. 9 марта онъ скончался послѣ краткой болѣзни на девяносто первомъ году своей жизни. Съ нимъ исчезало героическое поколѣніе, поколѣніе гигантской борьбы и чудесныхъ успѣховъ; большинство его соратниковъ умерло до него: Роонъ (1879), Мантейфель и принцъ Фридрихъ-Карлъ (1885), Фогель фонъ Фалькенштейнъ; Мольтке переживетъ его на три года, Бисмаркъ на десять лѣтъ.—Какъ всегда, послѣ черезчуръ длинныхъ царствованій, всѣ вздохнули облегченно. Теперь начнется новая эра, эра свободы и умѣренности,—такъ говорили охотно всѣ тѣ, кого утомила желѣзная рука канцлера, и кто разсчитывалъ, что новый императоръ избавитъ ихъ отъ его руководительства. Но этотъ императоръ былъ при смерти.

Старшій сынъ Вильгельма I-го, Фридрихъ, родился въ 1831 году. Во время большихъ войнъ онъ былъ на первомъ планѣ и, какую бы долю его успѣховъ ни пришлось приписать начальнику его штаба, Блюменталю, все-таки онъ самъ нигдѣ не казался ниже своей задачи. Судьба, какъ бы желая заранѣе вознаградить его за тѣ мученія, какія она ему готовила, оказывала ему необычайныя милости: его прибытіе на поле битвы, подъ Кениггрецомъ, завершило пораженіе австрійцевъ; онъ же разбилъ Макъ-Магона при Вертѣ и Седанѣ. Съ тѣхъ поръ, несмотря на свое званіе инспектора южныхъ армій и президента Государственнаго Совѣта, онъ находился не то чтобы въ немилости, но въ сторонѣ ото всего, потому ли, что отецъ не довѣрялъ ему вслѣдствіе его либеральныхъ наклонностей, его черезчуръ тѣсныхъ отношеній съ Англіей, или просто тутъ скрывалась зависть старика, цѣпляющагося за власть. Теперь трудно рѣшить, были ли искренними симпатіи, проявленныя по отношенію къ нему партіей свободомыслящихъ, и еще труднѣе, были ли онѣ чѣмъ-нибудь обоснованы. Мы знаемъ, что онъ страдалъ отъ того удаленія, въ которомъ его держали, и еще больше страдала его жена, принцесса Викторія, любимая дочь принца Альберта, который воспиталъ ее въ духѣ своихъ парламентскихъ теорій; какъ относительно многихъ женщинъ, такъ и тутъ можно предположить, что ея политическія убѣжденія не были абсолютно теоретическими и что они были бы ей менѣе дороги, если бы они въ то же время не были столь антипатичны канцлеру. Фридрихъ любилъ ее нѣсколько смиренно, охотно поддавался ея руководительству: онъ былъ воодушевленъ добрыми намѣреніями, довольно нерѣшителенъ и слабъ, и несмотря на все, пропитанъ чистѣйшей прусской традиціей. При такихъ условіяхъ далеко не вѣроятно, осмѣлился бы онъ когда-либо открыто сразиться съ Бисмаркомъ. Какъ же могъ онъ подумать объ этомъ тогда, когда въ немъ оставалась лишь тѣнь жизни!

Въ февралѣ 1887 года началась его болѣзнь, онъ почти лишился голоса. Нѣмецкіе врачи опредѣлили ракъ гортани



Фр. Ленбахъ.

Фридрихъ III.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

и посовѣтовали сдѣлать операцію, но это равносильно было отреченію отъ правъ на престолъ. Супруга его отвергла операцію, ссылаясь на мнѣніе одного англійскаго врача, Мэкензи. Пребываніе на берегахъ озера Комо и въ Санъ-Ремо не остановило развитія болѣзни, и въ февралѣ 1888 года пришлось прибѣгнуть къ трахеотоміи, чтобы избѣжать задушенія. Печальное зрѣлище представлялъ изъ себя этотъ трупъ, изъ-за котораго спорили партіи. Враги Бисмарка торжествовали по поводу нѣсколькихъ орденовъ, розданныхъ либераламъ—Беннигсену, Вирхову, Форкенбеку, котораго считали самымъ близкимъ довѣреннымъ лицомъ принца, предсказывая скорое его возвышеніе. Болѣе серьезнымъ симптомомъ была отставка Путкамера, реакціоннаго министра—и, что чрезвычайно важно,— отставка, вызванная постановленіемъ парламента, который выразилъ порицаніе по поводу вмѣшательства администраціи въ выборы. Зато во внѣшней политикѣ Бисмаркъ рѣшительно дѣйствовалъ по-своему. Высказывались предположенія, что императрица Викторія, оставшаяся совершенной англичанкой, стремилась сблизиться съ Франціей, чтобы выступить во всеоружіи противъ Россіи; вотъ почему пріобрѣталъ такое значеніе проектъ выхода замужъ старшей дочери императора Фридриха III, Викторіи, за принца Александра Баттенбергскаго; принцесса относилась съ симпатіей къ красивому офицеру; ея бабушка, англійская королева, была растрогана этой идилліей, которая приходилась по вкусу и министерству, разумѣется, по соображеніямъ иного характера. Бисмаркъ отнесся безусловно отрицательно къ этому союзу, который былъ бы принятъ русскимъ царемъ за личную обиду. Императоръ, которому этотъ бракъ никогда не нравился, отказался принести своего канцлера въ жертву темной интригѣ. Послѣ одного столкновенія, для котораго поводомъ послужила поѣздка нѣмецкихъ студентовъ въ Бельфоръ, онъ разрѣшилъ канцлеру принять нѣкоторыя мѣры строгости противъ Франціи, потребовалъ паспорты отъ всѣхъ путешественниковъ, прибывающихъ въ Германію съ этой стороны, огородилъ Эльзасъ китайской стѣной (22 мая 1888 года). Нѣсколько недѣль спустя онъ скончался (18 іюня), унося съ собой въ могилу надежды цѣлаго поколѣнія, того поколѣнія, которое родившись около 1840 года, имѣло наклонность къ свободѣ и преклонялось передъ парламентскими учрежденіями.

Вильгельмъ II. Паденіе Бисмарка.—Новый императоръ, Вильгельмъ II, родился въ 1859 году. Его воспитатели, Гинцпетеръ, къ которому онъ сохранилъ прочную привязанность, генералъ Штольбергъ, который руководилъ его военнымъ образованіемъ, позднѣе Штеккеръ и генералъ Вальдерзее, повидимому, больше всего развили въ немъ мистическое представленіе о его царственной миссіи. Онъ росъ подъ шумъ Садовой и Седана, въ немъ сохранилось какъ бы опьянѣніе этой эпохой: страсть къ военнымъ упражненіямъ, культъ силы, приподнятый патріотизмъ, горячее преклоненіе передъ своимъ дѣдомъ. Онъ мало похожъ былъ на него, нѣкоторыми своими чертами—пылкимъ воображеніемъ, пространнымъ краснорѣчіемъ, неожиданностью своихъ рѣшеній—онъ скорѣе напоминалъ брата своего дѣда, романтика Фридриха-Вильгельма IV. Очень молодой, живой и дѣятельный, съ нѣсколько лихорадочнымъ пристрастіемъ къ подвижному образу жизни и съ желаніемъ удивить міръ и показать свою самостоятельность, онъ очень скоро нашелъ опеку Бисмарка черезчуръ тяжелой. Вопреки Бисмарку онъ отказался возобновить *перестраховку* съ Россіей, созвалъ международную конференцію для изученія рабочаго вопроса. Почуявъ, что власть ускользаетъ изъ его рукъ, канцлеръ нѣсколько поздно обратился къ парламентской точкѣ зрѣнія и

напомнилъ, что, отвѣчая за все передъ рейхстагомъ, онъ имѣетъ право требовать, чтобы ничего не дѣлалось безъ его вѣдома, сослался даже на кабинетскій приказъ Фридриха-Вильгельма IV, согласно которому порядокъ сношенія министровъ съ королемъ устанавливался президентомъ совѣта. Въ видѣ репрессіи императоръ сталъ оспаривать право канцлера вести переговоры съ главарями парламентскихъ партій: 15 марта 1890 года онъ раннимъ утромъ явился во дворецъ Бисмарка и сталъ упрекать его за его свиданія съ Виндгорстомъ. Канцлеръ былъ увѣренъ, что умретъ министромъ, былъ увѣренъ настолько, что сразу даже не понялъ, въ чемъ дѣло, сталъ цѣпляться за власть, возражать. 20 марта его вынудили подать въ отставку, а 29-го онъ покидалъ Берлинъ при шумныхъ привѣтствіяхъ толпы, которая забыла о вполнѣ законныхъ своихъ неудовольствіяхъ и помнила лишь о чрезвычайныхъ заслугахъ, какія онъ оказалъ родинѣ. Онъ не могъ равнодушно перенести эту немилость: его органы *Post*, *Hamburger Nachrichten* изъ Фридрихсруэ преслѣдовали своими сарказмами тѣхъ лицъ, которыя подготовили его паденіе и получили его наслѣдство,—Беттихера, Маршаля, Каприви; онъ сдѣлался душою аграрной оппозиціи и безпрестанно создавалъ правительству затрудненія. Даже послѣ того какъ императоръ, тяготившійся враждой человѣка, который въ глазахъ всего міра продолжалъ оставаться величайшимъ изъ нѣмцевъ, въ 1894 и 1895 гг. до нѣкоторой степени принесъ публичное покаяніе, Бисмаркъ все-таки не сложилъ оружія, и когда онъ скончался, 13 іюля 1898 года, къ національной печали примѣшивалась озабоченность правительства, надъ которымъ тяготѣла загробная угроза Бисмарка—обнародовать свои воспоминанія.

Канцлеръ Каприви (1890—1894). — Со времени исчезновенія Бисмарка Германія жалуется на отсутствіе правительственнаго руководства; такъ какъ у нея въ сущности нѣтъ ни учрежденій, ни традицій, то она предоставлена произволу смѣлаго кормчаго, которому доставляетъ удовольствіе плавать близъ подводныхъ камней и вызывать этимъ волненіе у пассажировъ. Недовольные утверждаютъ, что молодой монархъ постояненъ лишь въ погонѣ за эффектомъ, и послѣдователенъ лишь въ той рѣшительности, съ которою онъ предпринимаетъ прямо противоположныя вещи: то онъ поддерживаетъ самыя благородныя мечтанія о рабочихъ реформахъ, то проявляетъ неумолимую суровость по отношенію къ соціалистамъ; заключаетъ съ сосѣдними странами торговые договоры и неизмѣнно заигрываетъ съ аграріями; то сдерживаетъ, то поощряетъ англійскія вожделѣнія; ухаживаетъ за Франціей посреди воинственныхъ призывовъ и атакъ; недовольные находятъ, что настоящее положеніе дѣлъ представляетъ собой нѣкоторое сходство съ эпохой Наполеона III, когда Европа каждое утро съ тревогой открывала правительственную газету и вычитывала тамъ туманныя и измѣнчивыя прорицанія изъ Тюльери. Правда, съ тѣхъ поръ успѣхи общественнаго мнѣнія и еще болѣе успѣхи вооруженія значительно ограничиваютъ капризную волю монарховъ, а потребность всеобщаго мира и свободы уменьшаетъ—если и не уничтожаетъ вовсе—непріятное впечатлѣніе отъ нервной подвижности черезчуръ живого императора. Послѣ 1890 года вполнѣ отчетливо выдѣляются два періода,—именно министерства Каприви и Гогенлоэ.

Фонъ Каприви, итальянецъ по происхожденію, былъ военнымъ; состоя главнымъ морскимъ директоромъ, онъ принималъ весьма замѣтное участіе въ организаціи молодого нѣмецкаго флота. Ясностью ума, быстротой усвоенія, краснорѣчіемъ, а главное тактомъ и умѣренностью онъ быстро оправдалъ выборъ императора. Онъ

Г. Прелль.

Императоръ Вильгельмъ II на капитанскомъ мостикѣ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

обнаружилъ прирожденную способность къ игрѣ парламентскихъ комбинацій, гдѣ онъ являлся въ сущности новичкомъ, но онъ не злоупотреблялъ своимъ умѣньемъ и предпочиталъ обезоруживать партіи своею лояльностью и умѣренностью. На другой день послѣ отставки Бисмарка Вильгельмъ II заявилъ о своемъ намѣреніи держаться прежняго направленія въ политикѣ: „путь остается тотъ же". На самомъ дѣлѣ началась *новая эра*.

Боевое правительство смѣнилось правительствомъ примиренія. Всѣ облегченно вздохнули. Законъ противъ соціалистовъ, срокъ которому истекалъ въ 1890 году, не былъ возобновленъ; мѣры преслѣдованія противъ поляковъ и эльзасцевъ были отмѣнены или смягчены; центръ былъ удовлетворенъ возвращеніемъ редемптористовъ и изъятіемъ отъ военной службы, признаннымъ теперь за студентами католическаго богословія; націоналъ-либералы радовались возвращенію къ системѣ торговыхъ договоровъ.

Послѣ столь продолжительнаго періода бурь это спокойствіе было благотворно; при этомъ однако не приняли въ расчетъ императора, непосредственное вмѣшательство котораго вскорѣ оказалось новымъ невѣсомымъ элементомъ въ политикѣ, не приняли въ расчетъ и тѣхъ вожделѣній, которыя порождены были протекціонизмомъ и теперь осложняли и увеличивали соперничество экономическихъ доктринъ.

Въ 1892 году, во время дебатовъ по поводу закона, которымъ имѣлось въ виду возстановить конфессіональныя школы и отдать надзоръ за школами въ руки духовенства, Каприви, поставившій вопросъ принципіально, въ первый разъ неожиданно былъ покинутъ императоромъ, который чуть не отрекся отъ него. Онъ подалъ въ отставку; императоръ не принялъ ея, но замѣнилъ Каприви по должности прусскаго министра-президента графомъ Эйленбургомъ, крайнимъ реакціонеромъ (мартъ). Ободренные этимъ первымъ успѣхомъ враги министра взвалили на него отвѣтственность за непослушаніе рейхстага, который отвергнулъ въ 1893 г. новое увеличеніе арміи, а потомъ и за результаты выборовъ. Число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, увеличилось съ 1870 года на 350.000—прекрасная тема для консерваторовъ, для Бисмарка, для министра Микеля, выдающагося финансиста, который жаждалъ почестей и ради нихъ измѣнилъ либерализму. Каприви мужественно боролся съ этими нападками,—и не безъ успѣха. Протекціонисты основали въ февралѣ 1893 года земледѣльческую лигу, дѣйствовавшую очень шумно, заносчивую и требовательную: въ составъ ея входили не только почти всѣ консерваторы, но и часть націоналъ-либераловъ и центра, партія *соціальной реформы*, которая подъ этимъ пышнымъ заглавіемъ плохо скрывала свои низменныя вожделѣнія и своими антисемитическими тирадами привлекала къ себѣ мелкую буржуазію. Несмотря на всѣ эти вопли, парламентъ принялъ торговый договоръ съ Россіей (16 мая 1894 года); протекціонисты старались запугать мрачными предсказаніями, рисовали картину заброшенныхъ полей Германіи, беззащитной передъ нашествіемъ иноземныхъ зерновыхъ хлѣбовъ; ихъ преувеличенія только пробудили общественное мнѣніе: нападки на золотую валюту, проектъ Каница, требовавшаго, чтобы государство присвоило монополію на всю ввозную хлѣбную торговлю, мѣры противъ биржевыхъ операцій,—все это способствовало сплоченію большинства парламента около Каприви. Потерявъ симпатіи народа, аграріи утѣшились тѣмъ, что расположили къ себѣ императора.

Въ своеобразномъ устройствѣ Германіи однимъ изъ наиболѣе странныхъ и опасныхъ осложеній является та противоположность между рейхстагомъ и прусскимъ ландтагомъ, которая создается различіемъ въ избирательномъ режимѣ. Въ то время

какъ рейхстагъ выходитъ изъ всеобщаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, выборы въ прусскій сеймъ открытые. косвенные, основанные на цензѣ; консерваторы являются тамъ полными хозяевами, число аграріевъ достаточно велико, такъ что правительство вынуждено считаться съ ними; такимъ образомъ борьба либеральныхъ и реакціонныхъ идей принимаетъ форму конфликта между Пруссіей и Германіей, между ландтагомъ и рейхстагомъ. Лицамъ, которыхъ благосклонно выслушивалъ Вильгельмъ II, безъ большого труда удалось пробудить въ императорѣ гогенцоллернскую обидчивость; опаснымъ для Каприви симптомомъ было то, что Бисмаркъ снова попалъ въ милость; а затѣмъ убійство Карно (24 іюня 1894 года) пришлось весьма кстати для всѣхъ тѣхъ, кто обвинялъ Каприви въ снисходительности къ революціонерамъ, въ непредусмотрительности и легкомысліи. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Вильгельмъ II въ кенигсбергской рѣчи призывалъ дворянство къ объединенію противъ враговъ порядка и религіи; консерваторы по первому же призыву проявили свою лояльность и преданность. Усердіе весьма подозрительное. Каприви никакъ не могъ согласиться съ тѣмъ, чтобы къ нѣмецкому уложенію, и безъ того проникнутому деспотизмомъ, нужно было присоединять новый законъ противъ попытокъ къ разрушенію существующаго порядка (*Umsturzvorlage*). Ему удалось по крайней мѣрѣ смягчить проектъ Эйленбурга; это было послѣднее его торжество, длившееся всего 24 часа; 29 октября 1894 года князь Хлодоміръ Гогенлоэ-Шиллингфюрстъ смѣнилъ его въ качествѣ имперскаго канцлера, одновременно занявъ и постъ министра-президента Пруссіи вмѣсто Эйленбурга.

Князь Гогенлоэ.—Императоръ еще разъ заявилъ, что никакихъ перемѣнъ не будетъ, но и на этотъ разъ къ словамъ его отнеслись скептически. Бывшій первый министръ Баваріи, затѣмъ посланникъ въ Парижѣ послѣ отозванія Арнима (въ 1874 году), намѣстникъ Эльзасъ-Лотарингіи съ 1885 года, новый канцлеръ былъ уже въ возрастѣ семидесяти пяти лѣтъ; онъ всегда слылъ человѣкомъ прямымъ и умѣреннымъ, а возрастъ смягчилъ тѣ недостатки, въ которыхъ его когда-то упрекали,—нѣкоторую суетливость дѣйствій и нѣкоторое излишество въ выраженіи чувствъ, самихъ по себѣ вполнѣ умѣренныхъ. Онъ никогда не питалъ большого пристрастія къ приключеніямъ и конечно не прибавилъ духу тѣмъ безпокойнымъ, которые только и думали о государственныхъ переворотахъ. Тѣмъ не менѣе ему приходилось щадить консерваторовъ и править съ ихъ поддержкой или такъ, чтобы не огорчать ихъ. Такимъ образомъ со времени отставки Каприви правительство сближается съ правой, но это перемѣщеніе совершается съ извѣстной постепенностью, прежде всего потому, что императора удерживаетъ общественное мнѣніе, находящее себѣ отголосокъ въ нѣкоторыхъ министрахъ, а затѣмъ потому, что правая въ сущности состоитъ изъ двухъ группъ, которыя плохо ладятъ между собой, именно изъ правовѣрныхъ протестантовъ и центра, который извлекъ изъ конституціонныхъ учрежденій слишкомъ много пользы, чтобы отказаться отъ гарантій, обезпечиваемыхъ ему этими учрежденіями. Благодаря этой розни либералы отступаютъ лишь постепенно, и это отступленіе ихъ отмѣчается даже нѣкоторыми успѣхами. Консерваторы обвиняютъ канцлера за то, что онъ недостаточно близко принимаетъ къ сердцу эти успѣхи либераловъ, и они стремятся замѣнить его однимъ изъ своихъ приверженцевъ.

Въ исторіи министерства Гогенлоэ первые годы, до 1897, образуютъ какъ бы введеніе; лишь съ 1897 года партіи вступаютъ въ рѣшительную борьбу, и законы о стачкахъ, о борьбѣ съ безнравственностью, о развитіи флота и о сооруженіи канала между Эльбой и Рейномъ при-

водятъ къ столкновенію всѣ страсти и интересы.

Законъ противъ попытокъ къ разрушенію существующаго порядка (Umsturzvorlage) отстаивали такъ плохо, что можно было спросить себя, не искали ли въ немъ его вдохновители просто орудія противъ Каприви; затѣмъ, когда законъ былъ отвергнутъ парламентомъ (11 мая 1895 года), они пришли въ негодованіе и, словно на-зло большинству, увеличили число процессовъ объ оскорбленіи величества, стали запрещать собранія, закрывать кружки. Съ каждымъ днемъ императоръ все болѣе отдалялся отъ той благородной филантропіи, которая внушила ему созывъ въ Берлинѣ международной конференціи труда (мартъ 1890 г.); онъ устранилъ отъ управленія военнымъ министерствомъ Бронсара фонъ Шеллендорфа за то, что онъ въ своемъ проектѣ реформы военнаго уложенія принялъ во вниманіе желанія общества, и замѣнилъ его генералъ-лейтенантомъ фонъ Госслеромъ, котораго считали вполнѣ преданнымъ чистѣйшимъ феодальнымъ традиціямъ. Изъ центра реакція распространилась на другія государства: на Саксонію, гдѣ изъ страха передъ соціалистами, которые занимали въ ландтагѣ 14 мѣстъ изъ 82, введена была прусская избирательная система; въ Баваріи, гдѣ министерство вступило въ союзъ съ ультрамонтанами и обезпечило ихъ торжество на выборахъ. Чтобы одолѣть послѣднее сопротивленіе, аграріи и феодалы прибѣгали къ нечистоплотнымъ пріемамъ, которые ярко освѣщены были во время процессовъ фонъ Лютцова и майора Тауша. Они много выиграли, когда въ 1897 г. Микель сдѣлалъ новый шагъ и сталъ вице-президентомъ прусскаго совѣта министровъ.

Положеніе Германіи къ 1897 году было довольно странное. Никто не могъ равняться съ ней по могуществу, никто не угрожалъ ей: со времени удаленія генерала Вальдерзее, котораго обвиняли въ руссофобствѣ, отношенія между Берлиномъ и Петербургомъ снова сдѣлались болѣе сердечными; Австрія и Италія были вѣрны по-прежнему, Франція образумлена, Англія послушна. Финансовое преуспѣяніе было неоспоримо, а бюджетные излишки позволяли министрамъ легко разставаться съ новыми проектами косвенныхъ налоговъ, которые рейхстагъ упрямо отвергалъ. Въ 1896 г. (1-го іюля) принято было гражданское уложеніе, которое должно было вступить въ силу съ 1-го января 1900 года и скрѣпить политическое единство Германіи единствомъ юридическимъ. Въ слѣдующемъ году (7 апрѣля 1897 года) рейхстагъ принялъ торговое уложеніе. Развѣ счастливое завершеніе этихъ обширныхъ предпріятій не являлось лучшимъ доказательствомъ успѣховъ духа общественности и силы патріотизма? Новымъ звеномъ германскаго единства и обѣщаніемъ дальнѣйшаго прогресса явился также и каналъ, соединившій Нѣмецкое море съ Балтійскимъ; торжественное открытіе его совершилъ 20 іюня 1895 года самъ германскій императоръ, окруженный почти всѣми германскими государями и сопровождаемый торжественнымъ шествіемъ европейскихъ флотовъ, въ которомъ участвовали даже французскія суда. Шумная телеграмма, которою императоръ Вильгельмъ привѣтствовалъ президента Крюгера по поводу побѣды буровъ при Крюгерсдорпѣ, остановивъ этимъ на время англійское нашествіе (3 января 1896 года), вызвала энтузіазмъ всей Германіи. Договоръ 6 марта 1898 года съ Китаемъ, признававшій за Германіей протекторатъ подъ Шантунгомъ и аренду на девяносто девять лѣтъ Кіау-чауской бухты и прилегающихъ территорій, въ частности полуострова Цинь-Тау,—открывалъ обширнѣйшія перспективы для нѣмецкой торговли.—Однако, несмотря на все это, умы охвачены были смутнымъ безпокойствомъ; не было увѣ-

ренности въ завтрашнемъ днѣ и борьба партій становилась все ожесточеннѣе и вызывала тревогу.

Выборы 1898 года были довольно неопредѣленны, и либералы выступали на нихъ весьма плачевно. Въ палатѣ они очутились въ очень затруднительномъ положеніи: имъ приходилось благодарить правительство, снисходительной жалости котораго почти всѣ они обязаны были своимъ избраніемъ, и въ то же время они вполнѣ опредѣленно сознавали, что ихъ робость выводила изъ себя ихъ избирателей. Они вотировали еще одну реформу военнаго уложенія, которая казалась имъ далеко недостаточной; немного поломавшись, они даже дали свое согласіе на новое увеличеніе военнаго контингента, которымъ императоръ отвѣчалъ на созванную Россіей мирную конференцію. Однако долготерпѣніе народа съ теченіемъ времени истощалось. Такъ называемый каторжный законъ (Zuchthausvorlage), провозглашавшій драконовскія мѣры противъ коалицій, вызвалъ негодованіе у однихъ соціалистовъ; законъ Гейнце (lex Heintze) поднялъ всѣ интеллигентные классы. Подъ предлогомъ охраненія общественной нравственности этотъ законъ далъ бы возможность болѣе или менѣе откровенно цензуровать всѣ произведенія литературы и искусства. Подобно тому какъ въ 1892 и 1895 годахъ законами о школьномъ надзорѣ и о мѣрахъ противъ попытокъ къ разрушенію существующаго порядка, такъ теперь коалиція католической и протестанской реакціи снова угрожала самымъ драгоцѣннымъ традиціямъ германской мысли и снова, въ третій уже разъ, либерализму, столь ослабленному и упавшему духомъ, удалось отразить нападеніе. „Гетевскій союзъ“ объединилъ въ общихъ усиліяхъ знаменитѣйшихъ людей изъ всѣхъ умственныхъ сферъ; соціалисты очень ловко выставили себя защитниками этой свободы мнѣнія, изъ которой вышло величіе націи, и въ противовѣсъ коалиціи консерваторовъ и центра прибѣгли къ обструкціи: законъ былъ взятъ обратно (апрѣль 1900 года). Законъ о новомъ увеличеніи флота встрѣтилъ не болѣе благопріятный пріемъ.

Въ прусскомъ ландтагѣ правительство имѣло такъ же мало успѣха, какъ и въ рейхстагѣ; только въ ландтагѣ противниками правительства выступили консерваторы. Императоръ придавалъ большое значеніе сооруженію канала, которымъ предполагалось соединить Рейнъ съ Эльбой, иначе говоря, западныя провинціи имперіи съ восточными. Это предпріятіе затрагивало и карманъ и принципы консерваторовъ; къ тому же ихъ вводило въ недоумѣніе и загадочное поведеніе Микеля; онъ защищалъ предложенія правительства настолько вяло, что большинство задавало себѣ вопросъ, дѣйствительно ли воля императора на этотъ счетъ столь опредѣленна, какъ это утверждали. Къ тому же возникалъ другой важный вопросъ: будутъ ли возобновлены торговые договоры? Аграріи увлеклись; имъ хотѣлось показать министерству свою энергію: они отвергли проекты огромнымъ большинствомъ. Газеты заговорили о „парламентской Іенѣ“.

Такимъ образомъ въ настоящій моментъ положеніе дѣлъ въ общемъ крайне смутно. Разбитое въ рейхстагѣ прогрессистами, правительство въ ландтагѣ терпитъ пораженіе отъ консерваторовъ, которые ставятъ ему въ упрекъ относительно либеральную его политику, и—что гораздо серьезнѣе—причину этихъ пораженій приходится искать прежде всего въ непослѣдовательности и неопредѣленности самого правительства, въ честолюбивыхъ или коварныхъ замыслахъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. При такой игрѣ неизбѣжна порча характеровъ и утрата довѣрія къ лицамъ. Въ парламентѣ отсутствіе прочнаго большинства, безпорядочно мечущіяся изъ стороны въ сторону партіи съ

устарѣвшими программами; утомленный личный составъ, непостоянное и нервно безпокойное общественное мнѣніе; во главѣ всего чуть не восьмидесятилѣтній старикъ, не имѣющій никакого подлиннаго авторитета, довольствующійся примѣненіемъ средствъ, которыя только отдаляютъ кризисъ, можетъ быть, обостряя его; черезчуръ живой и непостоянный императоръ, соблазняемый противоположными мечтами, безсильный бороться съ лукавыми совѣтами. Страна волнуется въ потемкахъ и съ тревогой задаетъ себѣ вопросъ, какъ бы, проснувшись въ одинъ прекрасный день, не очутиться въ рукахъ военной и феодальной камарильи.

Германія въ 1900 году.—Все это ежедневно на всѣ лады повторяется въ либеральной печати, и всѣ эти жалобы, несомнѣнно, имѣютъ основаніе: Германія дѣйствительно переживаетъ довольно серьезный конституціонный кризисъ. Но было бы ребячествомъ придавать этимъ жалобамъ трагическій характеръ и говорить, какъ это иногда дѣлаютъ, объ упадкѣ или безсиліи.

Во-первыхъ, и прежде всего, всѣ эти инциденты, которые пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ огромное значеніе только потому, что происходятъ въ непосредственномъ нашемъ сосѣдствѣ, нисколько не угрожаютъ національному единству. Единство Германіи утвердилось окончательно, по крайней мѣрѣ, въ той степени, въ какой можно говорить объ окончательности въ дѣлахъ человѣческихъ, утвердилось потому, что это единство является результатомъ долгихъ усилій и настойчивыхъ желаній, потому что оно является естественнымъ расцвѣтомъ всего историческаго прошлаго, потому что оно освящено было блестящими побѣдами, потому что оно дало Германіи два существенныхъ блага, къ которымъ стремятся всѣ народы: могущество и богатство. Въ книгахъ охотно говорятъ о партіяхъ, враждебныхъ имперіи, и называютъ при этомъ прежде всего католиковъ и соціалистовъ. Это вздорныя толкованія. Пусть даже вожди этихъ партій дѣйствительно непримиримы, — и всетаки огромное большинство ихъ избирателей не станетъ колебаться ни минуты, если ему придется дѣлать выборъ между ихъ программами и Германіей.

Каковы основныя чувства этой огромной массы, которая подъ покровомъ партійныхъ колебаній, составляетъ самую сущность націи? Пангерманская лига, возникшая въ 1886 году и усилившаяся въ 1894 году, подстерегая австрійское наслѣдство, не оказываетъ большого вліянія на эту массу, но и лига мира пользуется еще меньшимъ вліяніемъ. Тягости военной службы, безъ сомнѣнія, значительныя, принимаются безропотно; соціалисты внесли въ свою программу замѣну постоянной арміи милиціей, но едва ли можно считать это за что-нибудь иное, кромѣ платонической демонстраціи; въ этой области общественное мнѣніе проявило, пожалуй, меньше смѣлости, чѣмъ специалисты, и иниціатива сокращенія военной службы до двухъ лѣтъ исходила отъ правительства вопреки либераламъ. Долговременная старость Вильгельма I и Бисмарка создала традицію: поддерживать существующее. Въ этихъ предѣлахъ монархъ всегда можетъ быть увѣренъ въ полной поддержкѣ со стороны своихъ народовъ. Едва ли даже стоило бы ему большого труда разбудить нынѣ дремлющія дикія страсти. Военная партія могущественна, оффиціозная печать отлично выдрессирована и дипломатіи всегда легко удавалось по мѣрѣ надобности замѣшивать въ дѣло національную честь; какъ ни злоупотреблялъ Бисмаркъ призывами къ шовинизму, страна въ общемъ всегда откликалась на это. Потому-то, хотя почти безпримѣрный въ исторіи по своей продолжительности миръ нѣсколько успокоилъ общественное мнѣніе, будущее все-таки неизвѣстно, и единственнымъ ручательствомъ мира являет-

ся, съ одной стороны, увѣренность въ ожесточенномъ сопротивленіи, которымъ встрѣчена была бы малѣйшая попытка, а съ другой—совѣсть императора, о которомъ и по сію пору никто не знаетъ, какъ онъ пойметъ свой долгъ.

Вотъ откуда тотъ интересъ, съ какимъ вся Европа относится къ эволюціи внутренней политики Германіи, потому что современныя промышленныя демократіи въ общемъ больше боятся внѣшнихъ осложненій. Нѣмецкія политическія партіи дѣлятся нынѣ на четыре главныхъ группы: протестантская правая (консерваторы, имперская партія, аграріи, антисемиты) насчитываетъ въ рейхстагѣ около ста голосовъ; она вербуется главнымъ образомъ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи, въ Мекленбургѣ и Саксоніи; ея органами являются *Крестовая Газета* (крайняя правая) и *Почта* (умѣренная правая); она господствуетъ въ прусскомъ ландтагѣ, гдѣ она почти сама по себѣ уже составляетъ большинство. — Католическая правая, или центръ, имѣетъ своихъ сторонниковъ въ Баваріи, Вестфаліи и особенно въ прирейнскихъ областяхъ; ея газета—*Германія*—является крупной силой; *Народный союзъ* (Volksverein), который является какъ бы центральнымъ ея органомъ, насчитываетъ 200.000 членовъ; поддерживаемый въ большинствѣ случаевъ 14-ью поляками и большинствомъ эльзасцевъ, центръ за послѣднія двадцать лѣтъ занимаетъ господствующее положеніе въ парламентской жизни Германіи.—Либералы, начиная съ національ-либераловъ, которые послушно идутъ за правительствомъ, вплоть до нѣмецкой народной партіи, которая близка къ соціалистамъ, располагаютъ также сотней голосовъ, но они имѣютъ лишь слабое вліяніе какъ у правительства, такъ и въ глазахъ населенія. Дробясь на пять или шесть группъ, безъ всякой связи и программы, они чуть не съ каждыми выборами теряютъ подъ собой почву. Ихъ упадокъ идетъ на пользу главнымъ образомъ соціалистамъ. На выборахъ 1898 года они выставили своихъ кандидатовъ въ 396 округахъ,—во всѣхъ, кромѣ Меппенскаго округа; по первому голосованію они отвоевали 32 полномочія, и кромѣ того въ 101 случаѣ ихъ кандидатамъ предстояла перебаллотировка [1]). Если они въ концѣ-концовъ получили лишь 56 полномочій, то это произошло потому, что противъ нихъ выступила коалиція всѣхъ остальныхъ партій, напуганныхъ первыми успѣхами соціалистовъ, а главнымъ образомъ потому, что распредѣленіе избирательныхъ округовъ, остающееся съ основанія имперіи неизмѣннымъ и не считающееся съ перемѣщеніемъ населенія, является для нихъ неблагопріятнымъ: соціалистическихъ избирателей въ 1871 году было 124.000, въ 1893 году 1.800.000, теперь ихъ 2.120.000; ихъ успѣхи въ деревнѣ очень быстры, и количество городскихъ голосовъ понизилось съ 52% менѣе чѣмъ до 30% общаго числа соціалистическихъ избирателей. Впрочемъ, по мѣрѣ объединенія болѣе многочисленныхъ массъ избирателей единство партіи, повидимому, ослабѣваетъ; Либкнехтъ недавно умеръ; лицомъ къ лицу съ пророками чистаго марксизма, Бебелемъ и Каутскимъ, оказались оппортунисты: Фольмаръ, вождь баварскихъ соціалистовъ, Зингеръ, богатый берлинскій фабрикантъ, Шенланкъ, Бернштейнъ и другіе. На партійныхъ съѣздахъ во Франкфуртѣ (1894 году), въ Галле (въ 1896 году), въ Гамбургѣ умѣренные добились во всякомъ случаѣ нѣкоторой свободы дѣйствія, и во время послѣднихъ прусскихъ выборовъ они примкнули къ либеральной буржуазіи, чтобы сломить всемогущество *юнкерской* партіи.

Бокъ о бокъ съ этимъ непрерывнымъ

[1]) По нѣмецкому закону баллотировка происходитъ между двумя кандидатами, которые при первомъ голосованіи получили наибольшее количество голосовъ.

прогрессомъ соціалистовъ пробужденіе индивидуализма представлять собой явленіе любопытное, но лишенное непосредственнаго значенія. Ницше—удивительный художникъ, и моральная высота его ученія, поэзія и пламенность его твореній, наконецъ трагическая судьба его,—все это снискало ему среди молодежи и женщинъ восторженныхъ послѣдователей, но малочисленныхъ и мало пригодныхъ къ пропагандѣ его ученія.

Если соціализмъ нигдѣ не получилъ такого быстраго развитія, какъ въ Германіи, то это несомнѣнно потому, что конституція предоставляетъ здѣсь слишкомъ много мѣста личной власти и такимъ образомъ бросаетъ въ объятія радикальной оппозиціи всѣхъ тѣхъ, кто полагаетъ, что право руководительства своими судьбами принадлежитъ только самому народу, а также и потому, что нигдѣ промышленное развитіе не происходило съ такою быстротой и силой. Экономическій прогрессъ Германіи за послѣднія двадцать пять лѣтъ прямо необычаенъ: его не безъ основанія сравнивали съ наступленіемъ русской весны, долго задерживаемой морозомъ и вдругъ прорывающейся подъ дѣйствіемъ первыхъ жаркихъ лучей. Ростъ богатства виденъ по значительнымъ новымъ постройкамъ, по чрезвычайному расцвѣту городовъ (въ Берлинѣ болѣе 2 милліоновъ жителей, болѣе чѣмъ въ 30 городахъ число жителей превосходитъ 100.000), по необыкновенно быстрому распространенію новѣйшихъ научныхъ приспособленій.

Старательность, методичность и дисциплина, тѣ качества, которыя создали политическую и экономическую мощь Германіи, обезпечиваютъ ей выдающуюся роль въ европейской научной работѣ; лучи Рентгена и противодифтеритная сыворотка Беринга по справедливости должны занять мѣсто среди важнѣйшихъ открытій вѣка. Въ области литературы и искусства современная Германія менѣе блестяща: ея художники Ленбахъ, Уде, Либерманъ и Максъ Клингеръ—мы называемъ лишь самыхъ извѣстныхъ—не вносятъ ничего оригинальнаго, среди писателей—Зудерманъ и даже Гергардтъ Гауптманъ своею блестящею славою въ значительной степени обязаны также необычайной посредственности, до которой опустились театръ и литература Германіи. Утѣшеніемъ за это временное безплодіе является для Германіи Байрейтъ, театръ котораго, открытый въ 1876 году, сдѣлался однимъ изъ крупныхъ очаговъ современной мысли. Начать столѣтіе съ Гёте и закончить его Вагнеромъ,—самыя высокія притязанія могутъ удовлетвориться этимъ.

Эльзасъ-Лотарингія.—Въ одномъ только вопросѣ Германія тщетно затрачивала свои матеріальныя и духовныя силы: она разсчитывала, что побѣда придастъ ея захватамъ характеръ законнаго владѣнія, однако, несмотря на то, что со времени ея торжества прошло уже болѣе тридцати лѣтъ, протестъ побѣжденныхъ попрежнему звучитъ неумолкая. Ловкими комбинаціями избирательной подтасовки Германія сумѣла свести число датскихъ представителей Шлезвига къ одному; 150.000 датчанъ этого герцогства тѣмъ не менѣе вовсе не склонны признавать закона, который, помимо ихъ воли, превратилъ ихъ въ пруссаковъ. Она изгнала польскій языкъ изъ церкви и школы и, пользуясь расточительностью польской земельной аристократіи, отправляла въ Познань нѣмецкихъ переселенцевъ; эти мѣропріятія оказались довольно накладными и спорными по своимъ результатамъ: не упрочивъ своего господства, Германія ими только обострила ненависть къ нѣмцамъ.

Но нигдѣ сопротивленіе не носило болѣе трогательнаго и удивительнаго характера, чѣмъ въ областяхъ, оторванныхъ у Франціи; оно здѣсь тѣмъ замѣчательнѣе, что не опирается ни на различіе языка, ни на различіе религіи, а един-

ственно на противоположное представленіе о международномъ правѣ. Непосредственно послѣ войны Пруссія, Баденъ, Баварія заявили свои притязанія на завоеванныя страны. Выдвигая среднее предложеніе, которое почти нисколько не задѣвало Пруссіи, Бисмаркъ объявилъ ихъ „имперской землей" (Reichsland, по закону 3 іюня 1871 года) и поманилъ жителей надеждой на широкую автономію, а пока онъ правилъ страною по-диктаторски, указами, посылаемыми изъ Берлина. Эльзасцамъ все было не по душѣ въ ихъ новомъ отечествѣ: спесь аристократіи, наглость офицеровъ, рабская услужливость подчиненныхъ, суевѣрное паденіе ницъ передъ властью; имъ казалось, что ихъ рѣзко повернули назадъ; они задыхались въ феодальномъ зданіи, куда ихъ втиснули: огромнымъ большинствомъ они высказались за Францію (май 1872 года); это была платоническая манифестація, на которую нѣмцы отвѣтили насиліями. Они изгнали французскій языкъ, подчинили школы стѣснительному надзору (февраль 1873 года), основали Страсбургскій университетъ и поощряли нѣмецкое переселеніе. Съ варварскою поспѣшностью ввели они военную повинность: съ 1870 по 1875 годъ 100.000 молодыхъ людей покинуло страну; еще теперь количество уклоняющихся велико, и жестокія страданія, которыя влечетъ за собой это постоянное сопротивленіе, поддерживаютъ чувство ненависти.

Законъ, которымъ введена была диктатура, предусматривалъ ея конецъ, и хотя эльзасцы на выборахъ 1874 года подали голоса за протестующихъ, Бисмаркъ далъ согласіе на нѣкоторое подобіе конституціи. Нѣкоторые скептики, къ которымъ примкнула горсть бѣдняковъ и честолюбцевъ, основали группу *автономіи*: зачѣмъ раздражать побѣдителей, когда все равно приходится подчиняться имъ?—Правительство открыло имъ поле дѣйствія въ генеральныхъ совѣтахъ, затѣмъ въ областномъ комитетѣ (Landesausschuss 1874): автономисты нѣсколько усилились, захватили Нижній Эльзасъ. По наивности, удивительной для Бисмарка, онъ отнесся къ ихъ успѣхамъ серьезно; полномочія Landesausschuss'а были расширены; страна управлялась уже не присылаемыми изъ Берлина указами, а императорскимъ намѣстникомъ (Statthalter) при содѣйствіи статсъ-секретаря (1879 г.). Первый намѣстникъ, Мантейфель, къ негодованію военныхъ и пришлыхъ элементовъ, выставлялъ на показъ вѣжливое обращеніе; это былъ режимъ ухаживанія (*Kurmachen*) за мѣстной аристократіей. Эльзасцы замѣтили ловушку и отвѣтили презрѣніемъ.

Преемникъ Мантейфеля, Гогенлоэ (1885—1894), вернулся къ мѣрамъ строгости, воспретилъ всякое употребленіе французскаго языка: нѣкоторые чиновники зашли такъ далеко, что преслѣдовали французскія надписи на кладбищахъ. И вотъ, когда серьезныя затрудненія въ 1887 году пробудили мысль о разрывѣ между Франціей и Германіей, жители открыто обнаружили свою антипатію къ своимъ господамъ — притѣснителямъ. „Если вы пошлете въ рейхстагъ протестующихъ,—говорилъ Гогенлоэ,— вы должны винить только самихъ себя, если общее безпокойство не уляжется". Этимъ онъ придалъ выборамъ характеръ плебисцита: 21 февраля 1887 года почти безъ всякой пропаганды, безъ печати, во всѣхъ 17 округахъ избраны были всѣ кандидаты партіи протеста. Тогда на страну обрушился настоящій терроръ: муниципальный законъ 16 іюня 1887 года уполномочивалъ правительство назначать мэровъ въ упорствующія общины, которыя должны выплачивать имъ содержаніе; подъ самымъ вздорнымъ предлогомъ изгнано было большое число эльзасцевъ, натурализовавшихся во Франціи, даже Антуанъ, бывшій депутатъ города Метца; закрыты были самые безобидные союзы; запрещено было пребывать въ Эльзасѣ

всѣмъ тѣмъ, кто имѣлъ даже самое отдаленное отношеніе къ французской арміи; арестовывали людей, единственное преступленіе которыхъ состояло въ томъ, что они не отрицали своей привязанности къ Франціи, и имперскій судъ въ Лейпцигѣ присудилъ ихъ послѣ скандальнаго судебнаго разбирательства ко многимъ мѣсяцамъ заключенія въ крѣпости. Наконецъ, 22 мая 1888 года, запрещенъ былъ доступъ въ Имперскія провинціи (Reichsland) путешественникамъ, у которыхъ нѣтъ паспорта, явленнаго въ германскомъ посольствѣ.

Съ уходомъ Бисмарка наиболѣе ненавистныя и стѣснительныя изъ этихъ мѣръ были отмѣнены, перестали требовать паспорта, разрѣшенія на пребываніе въ провинціяхъ стали даваться легче. Съ своей стороны и жители сочли безполезнымъ возобновлять манифестаціи, которыя при современномъ состояніи Европы ни къ чему не ведутъ: они полагали—и совершенно правильно,—что достаточно ясно выразили свое мнѣніе.

Какъ ни щеголялъ Бисмаркъ по временамъ своею наглостью, все же позволительно спросить себя, отдавалъ ли онъ себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, какія онъ готовилъ Германіи, когда потребовалъ отторженія этихъ провинцій. Предполагалось, что послѣ перваго момента неожиданности населеніе, говорившее въ массѣ по-нѣмецки, по привычкамъ и традиціямъ своимъ во многомъ напоминавшее нѣмцевъ, будетъ благодарно смѣлому хирургу, который отдѣлилъ ихъ отъ страны, находившейся въ разложеніи. Эти расчеты были жестоко обмануты энергіей сопротивленія, которая превзошла самыя оптимистическія надежды побѣжденныхъ и навсегда останется однимъ изъ благороднѣйшихъ и удивительнѣйшихъ примѣровъ нравственнаго величія, какія только знаетъ исторія. Дѣйствителенъ только тотъ договоръ, который принятъ обѣими сторонами: протестуя противъ своей отдачи Германіи, Эльзасъ-Лотарингія отстаивала право и справедливость противъ торжествующей силы, но вмѣстѣ съ тѣмъ она въ широкой степени способствовала пріостановленію всякой новой наступательной войны, доказывая тщетность завоеваній, осуждаемыхъ человѣческою совѣстью.

Глава XI.

Европейская политика до Берлинскаго конгресса.

1871—1878.

Европа въ 1871 году.—Война 1870 года и пораженіе Франціи разстроили европейское равновѣсіе. Въ центральной Европѣ завершилось объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Этимъ создана была военная держава, какой Европа не знала со временъ Наполеона I и императорской Франціи. Она оказываетъ прямое давленіе на Францію и Австрію. Косвенно затронута ею и Англія: въ случаѣ опаснаго положенія Турецкой имперіи Англія уже не можетъ разсчитывать на содѣйствіе Франціи, озлобленной и исключительно занятой исцѣленіемъ своихъ ранъ. Въ восточной Европѣ Россія воспользовалась обстоятельствами, отказалась отъ соблюденія статей Парижскаго договора, которыя воспрещали ей держать военный флотъ на Черномъ морѣ, и вернула себѣ полную свободу дѣйствій.

Но объединеніе Германіи достигнуто было силой. Оно является результатомъ двухъ войнъ, слѣдствіемъ пораженія двухъ государствъ, Австріи и Франціи. Поведеніе побѣдителя было очень различно въ 1866 году и въ 1870, при заключеніи Пражскаго договора и при заключеніи договора Франкфуртскаго. Во Франкфуртѣ униженной на поляхъ битвы Франціи нанесено было миромъ почти смертельное оскорбленіе. Отнявъ у нея полосу по Рейну и Вогезамъ, отодвигая границу за Мозель, къ берегамъ Мааса, къ самому началу долины рѣки Сены, нѣмцы лишили ее лучшихъ укрѣпленій, подвергнувъ столицу ея постоянной опасности. Оторвавъ отъ нея часть ея сыновей, отобравъ у нея эльзасцевъ и лотарингцевъ противъ ихъ воли, несмотря на ихъ протестъ, нѣмцы нарушили священное, неотъемлемое право народовъ самимъ распоряжаться своей судьбой, располагать собой по собственному желанію. Разъ задѣто право, разъ нарушена ея безопасность, Франція не можетъ согласиться со всѣми послѣдствіями, даже если она и сумѣла подавить вопль самолюбія и примириться съ пораженіемъ. Если она не станетъ биться ради отмщенія, она должна биться ради границъ. Во Франкфуртѣ подписано перемиріе, а не миръ. Бисмаркъ никогда и не смотрѣлъ на дѣло иначе.

Совсѣмъ не такъ дѣйствовалъ онъ въ Прагѣ. Послѣ Садовой король Вильгельмъ хотѣлъ, помимо исключенія Австріи изъ Германскаго союза, удержать за собой австрійскую Силезію и полосу территоріи по богемской границѣ. Но его министръ въ это время проникнутъ былъ тою мыслью, что „политика повелѣваетъ не спра-

шивать себя послѣ побѣды о томъ, что можно было бы отнять у противника, а стремиться единственно къ тѣмъ результатамъ, какіе вызываются политическими потребностями". Онъ не хотѣлъ вызывать въ побѣжденномъ „непримиримой ненависти или наносить ему и его самолюбію неизлѣчимыхъ ранъ". Напротивъ, онъ хотѣлъ „обезпечить себѣ возможность примиренія съ врагомъ" и настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ разсматривать возобновленіе добрыхъ съ нимъ отношеній, какъ дѣло, которое рано или поздно можетъ случиться [1]). Одержавъ верхъ надъ своимъ государемъ и его вожделѣніями, министръ добился того, что у Австріи не было отнято ни одного дюйма ея территоріи. Австрія не потеряла ничего существеннаго отъ того, что перестала быть номинальной руководительницей Германскаго союза, и исключеніе затрогивало лишь одного человѣка, самого государя. Самолюбіе народа не было оскорблено: народъ этотъ, въ громадномъ своемъ большинствѣ, даже и не былъ нѣмецкимъ; ни его существованію, ни даже его интересамъ не угрожали. Вотъ почему можно было надѣяться, что въ Прагѣ подписанъ былъ настоящій миръ. Австрійскій канцлеръ Бейстъ, обращаясь къ делегаціямъ въ іюлѣ 1871 года, могъ говорить слѣдующія слова: „Новая Германская имперія предложила намъ съ довѣріемъ и уваженіемъ свою дружбу, и мы безъ всякихъ затрудненій приняли ее. Совершенно не желая возвращаться къ прошлому съ намѣреніемъ прибѣгнуть къ безплоднымъ сожалѣніямъ или завистливой критикѣ, мы, обращая свой взглядъ назадъ, почерпаемъ надежду на счастливое и благодѣтельное развитіе новыхъ сношеній, завязанныхъ нами съ Германской имперіей [2]) ".

Соглашеніе трехъ императоровъ (1872).— Вопреки торжественнымъ своимъ заявленіямъ Бисмаркъ подозрѣвалъ,— и не безъ основанія,—у нѣкоторыхъ австрійскихъ политиковъ, въ частности у Бейста, сожалѣніе о прошломъ [1]). Въ Берлинѣ графъ Шуваловъ говорилъ въ 1877 году: „Вамъ все мерещатся коалиціи".—„По необходимости", отвѣчалъ на это Бисмаркъ [2]). Этотъ кошмаръ появился у Бисмарка съ октября 1870 года, съ момента, когда онъ узналъ о хлопотахъ Бейста передъ лондонскимъ и петербургскимъ дворами съ цѣлью вызвать вмѣшательство нейтральныхъ державъ [3]). Съ этихъ поръ онъ постоянно боялся того, что онъ называлъ „старой коалиціей Кауница" и искалъ средства „отвлечь хотя бы одного изъ побѣжденныхъ отъ возможности соблазниться союзомъ съ другими ради реванша". Умѣренность, которую онъ проявилъ въ обращеніи съ Австріей, давала ему право думать, что Австрія подастся на предложеніе о союзѣ. Онъ и обратился къ ней. Онъ сумѣлъ склонить императора Вильгельма, который нѣсколько безпокоился насчетъ того, какъ будетъ встрѣчена его попытка—сдѣлать первый шагъ и посѣтить Франца-Іосифа въ Ишлѣ (августъ 1871 года). Поспѣшность, съ которою Францъ-Іосифъ отплатилъ ему визитъ въ Зальцбургѣ (5 сентября) доказала, что Бисмаркъ вовсе не преувеличилъ благодушія и склонности къ прощенію, свойственныхъ австрійскому императору. Эти два свиданія обезпечили ему двойной успѣхъ: во-первыхъ, ему удалось добиться устраненія министерства Гогенварта, благосклоннаго къ славянамъ и ненавистнаго нѣмцамъ вслѣдствіе того, что оно склонно было относиться къ чехамъ такъ же, какъ относились къ венграмъ въ 1867 году (октябрь 1871 года). Затѣмъ дошла очередь и до канцлера Бейста, котораго императоръ уволилъ въ отставку (14 ноября

[1]) Бисмаркъ, *Мысли и воспоминанія*, II, 45—52.
[2]) Бейстъ, Мемуары, II, 471.

[1]) Тамъ же, II, 434.
[2]) Бисмаркъ, II, 266.
[3]) Ср. Бисмаркъ, II, 119 и Бейстъ, II, 393 и слѣд.

1871 года). Его преемникъ, венгерецъ Андраши, былъ вполнѣ расположенъ вести австро-венгерскую монархію въ согласіи съ германской имперіей: развѣ не прусской побѣдѣ обязана была Венгрія своей автономіей и тою преобладающею ролью, какую она начинала играть въ монархіи? Посѣщеніе Францемъ-Іосифомъ Берлина въ сентябрѣ 1872 года сдѣлало соглашеніе между двумя странами еще болѣе тѣснымъ. Россія начинала безпокоиться по поводу этого сближенія. Царь, лично чрезвычайно привязанный къ императору Вильгельму, выразилъ желаніе участвовать при свиданіи: этимъ онъ шелъ прямо навстрѣчу желаніямъ Бисмарка. Отсюда вышло то, что не совсѣмъ точно называли *союзомъ* трехъ императоровъ, и что въ сущности было только *соглашеніемъ*. Это соглашеніе вытекало не изъ формальныхъ договоровъ, но изъ простого обмѣна нотъ касательно трехъ пунктовъ. Императоры обязывались поддерживать территоріальное *statu quo*, установленное послѣдними договорами; искать совмѣстнаго разрѣшенія затрудненій, которыя могли бы возникнуть на востокѣ; наконецъ, подавлять революцію въ новой ея формѣ, именно соціализмъ.

Такъ осуществился планъ Бисмарка, задуманный имъ во время войны 1870 года и въ главныхъ чертахъ своихъ установленный еще въ Мо. Это былъ новый Священный Союзъ, къ которому, по его расчетамъ, вскорѣ должна была примкнуть монархическая Италія; Священный союзъ, направленный уже не противъ либераловъ, а противъ республиканцевъ и соціалистовъ, которыхъ Бисмаркъ охотно смѣшивалъ въ то время,—„лига системы порядка противъ соціальной республики". Послѣдній пунктъ программы больше всего безпокоилъ канцлера; ему казалось, что тутъ заключается нѣчто гораздо болѣе важное для „монархій, еще полныхъ силъ и свѣжести, чѣмъ соперничество изъ-за вліянія, приводящее къ спорамъ о какомъ-нибудь клочкѣ народности на Балканскомъ полуостровѣ" [1]). Россія и Австрія очень скоро обнаружили иной образъ мыслей на этотъ счетъ. Однако до 1875 года неоднократныя свиданія монарховъ въ Вѣнѣ и Петербургѣ въ 1873 году, въ Ишлѣ въ 1874 и 1875 годахъ, въ Берлинѣ въ 1875 году давали поводъ думать, что они въ самомъ дѣлѣ дѣйствуютъ заодно, и что согласіе—полное по всѣмъ пунктамъ.

Тревога въ мартѣ 1875 года.—Во время свиданія 1872 года Бисмаркъ заявилъ, что „Европа видитъ въ новой германской имперіи оплотъ всеобщаго мира". Однако въ началѣ 1875 года дипломатическому міру пришлось пережить тревожный моментъ, и можно было опасаться новаго конфликта между Германіей и Франціей. Быстрота, съ какою Франція оправлялась отъ своего разгрома, ея поспѣшность въ переустройствѣ арміи раздражала и безпокоила военную партію въ Германіи. Эта партія думала, а газеты, которыя самъ Бисмаркъ называлъ *рептиліями*, взапуски повторяли, что не слѣдуетъ давать наслѣдственному врагу время подготовиться къ реваншу, что необходимо опередить его, что надо сдѣлать Франціи основательное кровопусканіе и лишить ее на цѣлое столѣтіе возможности нарушать миръ Европы. Несмотря на послѣдующіе протесты Бисмарка и передъ рейхстагомъ въ 1886 году, и въ его воспоминаніяхъ, трудно допустить, чтобы онъ былъ чуждъ этой кампаніи. Такъ, въ началѣ марта 1875 года онъ предложилъ Бельгіи сообщить ему, какія мѣры она собирается принять, чтобы обезпечить соблюденіе своего нейтралитета, какъ будто бы Франція грозила нарушить его. Принятіе Національнымъ собраніемъ закона о военныхъ кадрахъ (12 марта) сопровождалось страннымъ шагомъ со стороны германскаго посланника Гогенлоэ. Онъ явился къ герцогу

[1]) Бисмаркъ, II, 272.

Деказу съ заявленіемъ, что его правительство видитъ въ военной подготовкѣ Франціи угрозу, и просилъ принять это заявленіе къ свѣдѣнію. Деказъ отказалъ въ этомъ и просилъ поддержки у русскаго посла, а генералъ Лефло тѣмъ временемъ хлопоталъ въ Петербургѣ о вмѣшательствѣ царя. „Если на насъ нападутъ, говорилъ Деказъ, мы оставимъ на границѣ заслонъ, а сами уйдемъ за Луару". Лондонъ также былъ предупрежденъ. Правительства англійское и русское не могли допустить дальнѣйшаго ослабленія Франціи. Подъ этимъ двойнымъ воздѣйствіемъ, послѣ личнаго вмѣшательства королевы Викторіи и царя, который посѣтилъ 18 мая Берлинъ, газетная кампанія прекратилась и разговоры о войнѣ затихли. „Насъ хотѣли поссорить, говорилъ Вильгельмъ Гонто-Бирону, но теперь все прекратилось". Только русскій канцлеръ Горчаковъ, всегда находившійся въ контрахъ съ Бисмаркомъ, не отказался отъ удовольствія разгласить въ дипломатической средѣ о той миротворческой роли, которую только что сыгралъ его государь. Бисмаркъ не могъ простить ему такой нескромности. Все болѣе и болѣе обезпокоенный возможностью сближенія и соглашенія между Франціей и Россіей, онъ отнынѣ не упускалъ ни одной возможности не то, чтобы открыто создавать затрудненія русскому правительству, но хоть вовлечь его въ трудныя дѣла, которыя могли бы поглотить все его вниманіе и на нѣкоторое время лишить его возможности играть какую бы то ни было роль на западѣ. Обстоятельства на Балканскомъ полуостровѣ какъ нельзя лучше пригодились ему въ этомъ отношеніи.

Возстаніе Босніи и Герцеговины (1875 г.)— Гатти-гумаюнъ 1856 года [1]) остался въ Турціи мертвой буквой. Предпринятыя Али-пашой реформы въ сущности не внесли никакихъ перемѣнъ въ положеніе христіанскихъ подданныхъ султана, однако герцеговинское возстаніе 1862 года, критское возстаніе 1866 года свидѣтельствовали, что христіане едва ли станутъ еще долго выносить ужасный турецкій режимъ. Зрѣлище независимости, которою наслаждались ихъ братья въ Сербіи и Греціи, дѣлало для нихъ мусульманское господство еще болѣе ненавистнымъ. Тѣмъ невыносимѣе было положеніе босняка и герцеговинца, этихъ чистыхъ сербовъ: непосредственное сосѣдство Сербіи дѣлали болѣе ощутительнымъ неравенство въ положеніи различныхъ членовъ сербской семьи. Свободный гражданинъ на правомъ берегу Дрины, сербъ становился на лѣвомъ берегу простымъ *райей*: здѣсь онъ жилъ со дня на день, подвергался произвольному обложенію барщиной, притѣсненіямъ бека, вымогательствамъ паши, здѣсь онъ былъ невѣрнымъ, „собакой", для которой не существуетъ никакой справедливости.

Надежду на освобожденіе онъ всегда возлагалъ на царя. Пораженія въ Крыму на время ослабили престижъ Россіи. Но подобно всѣмъ энергичнымъ народамъ и у русскихъ пораженіе вызвало пробужденіе патріотической дѣятельности. Въ 1857 году возобновилось прежнее Братство Кирилла и Меѳодія, нѣкогда распущенное Николаемъ и ставившее своей задачей улучшеніе участи восточныхъ христіанъ и ихъ освобожденіе. Оно потратило бо̀льшую часть своихъ средствъ въ Болгаріи, Черногоріи, Босніи, Герцеговинѣ; его агенты собирали деньги на церкви, на книги для школъ. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ консульскими учрежденіями, оно не преминуло сообщить своимъ кліентамъ объ успѣхѣ Россіи на Лондонской конференціи и о пересмотрѣ Парижскаго трактата. Наконецъ, когда въ 1870 году, при содѣйствіи русскаго посла въ Константинополѣ, Игнатьева, болгары добились церковной автономіи и права избирать себѣ экзарха, то

---

[1]) См. т. V, стр. 156.

это было въ глазахъ всѣхъ притѣсняемыхъ свидѣтельствомъ того, что царь вернулъ себѣ всю свою мощь, а вмѣстѣ съ этимъ проснулись и давнія надежды. Къ концу 1874 года дѣйствіе русскихъ агентовъ сдѣлалось тѣмъ болѣе энергичнымъ, что Австрія, заключая торговые договоры съ Сербіей и Румыніей, не испросивъ у Высокой Порты обязательной по закону ратификаціи, повидимому, пролагала этимъ дорогу для новой политики и старалась пріобрѣсти дружбу молодыхъ балканскихъ государствъ въ ущербъ русскому вліянію.

9 іюля 1875 года *заптіи* подверглись нападенію въ округѣ Невзинье (въ Герцеговинѣ), гдѣ турецкіе сборщики пытались вторично взыскать налоги, уплаченные всего нѣсколько дней назадъ. Возстаніе одновременно вспыхнуло повсюду. 29 іюля возставшіе выпустили свой манифестъ: „Кто самъ на себѣ не испыталъ турецкаго варварства, кто не былъ свидѣтелемъ страданій и пытокъ христіанскаго населенія, тотъ не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго представленія о томъ, что такое райя, эта нѣмая тварь, ниже всякаго животнаго, человѣкообразное существо, рожденное для вѣчнаго рабства... Каждая пядь земли орошена кровью и слезами нашихъ предковъ... Нынѣ райя рѣшила биться за свободу или умереть до послѣдняго человѣка". Возставшіе провозгласили свое единство съ Сербіей. У турокъ въ обѣихъ областяхъ было менѣе 1800 человѣкъ; и вотъ ко 2 августа цѣлый рядъ крѣпостей подвергся осадѣ. Трепетъ охватилъ Черногорію и Сербію. Въ Крагуевацѣ скупщина говорила „о благородномъ откликѣ, которымъ встрѣчены были крики отчаянія герцеговинцевъ, и о жертвахъ, которыя готова была принести Сербія для обезпеченія прочнаго довольства своихъ братьевъ".

Вмѣшательство державъ.—Въ Вѣнѣ и Будапештѣ испугались немедленной всеобщей вспышки, которая могла бы привести къ возстановленію Великой Сербіи, а эта послѣдняя не замедлила бы оказать притягательное вліяніе на многочисленные сербскіе элементы Австро-Венгерскаго государства. Отсюда желаніе покончить какъ можно скорѣе съ конфликтомъ. И вотъ Австрія приняла на себя иниціативу предложить султану и возставшимъ посредничество трехъ императорскихъ дворовъ. 18 августа 1875 года державы предложили, чтобы ихъ консулы, войдя въ сношенія съ возставшими, облечены были полномочіями передать комиссару султана требованія христіанъ. Предложеніе было принято, и въ концѣ сентября возставшіе представили слѣдующія требованія:

Полная религіозная свобода христіанамъ, которые допущены будутъ къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній на судѣ наравнѣ съ мусульманами.

Организація туземной жандармеріи; фиксація видовъ податей и ихъ раскладки, причемъ не можетъ быть произвольнаго увеличенія ихъ.

Едва только эти предложенія, принятіе которыхъ Портѣ рекомендовали всѣ три державы, были переданы ей, какъ султанъ обнародовалъ 20 октября *ирадэ*, возвѣщавшее начало работъ по общей реформѣ для всей имперіи. Рѣчь шла уже не объ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ, а о всеобщемъ преобразованіи, которымъ имѣлось въ виду обезпечить всѣмъ христіанамъ, безъ различія національности, не только право избранія сборщиковъ и контролеровъ по части податей, но даже постоянное представительство въ Константинополѣ и делегатовъ, облеченныхъ полномочіемъ защищать ихъ интересы передъ Высокой Портой. Эта смѣлая комедія, при помощи которой разсчитывали позабавить и обмануть Европу, была внушена главнымъ образомъ англійскимъ правительствомъ и Дизраэли. 12 декабря появился фирманъ, провозглашавшій возвѣ-

щенныя реформы. Но никто не былъ расположенъ поддаваться этому обману. Русскій *Правительственный Вѣстникъ* заявилъ 3 ноября, что кабинеты ждутъ отъ султана „осязательныхъ доказательствъ твердаго его рѣшенія выполнить данныя имъ обязательства“. Австро-венгерское министерство Андраши поторопилось составить ноту, къ которой немедленно примкнули Россія и Германія, затѣмъ Франція и Италія, и Англія съ нѣкоторыми оговорками. Здѣсь вовсе не было рѣчи объ общей реформѣ, — нота посвящена была исключительно возставшимъ.

Державы требовали „мѣропріятій ясныхъ, неоспоримыхъ, практичныхъ и, главное, способныхъ улучшить положеніе Босніи и Герцеговины,—фактовъ, а не программъ“. Возставшіе должны были получить „полную религіозную свободу и равенство, безъ всякихъ ограниченій, уничтоженіе откупной системы налоговъ, отдачу мѣстныхъ поступленій на мѣстныя нужды обѣихъ областей, установленіе контрольной комиссіи, составленной поровну изъ христіанъ и магометанъ съ цѣлью наблюденія за выполненіемъ реформъ, наконецъ мѣропріятія, направленныя къ улучшенію судьбы земледѣльческаго класса, и возможность для райи сдѣлаться собственникомъ“.

Нота вручена была 31 января 1876 года. 13 февраля Порта, согласно выраженной ей просьбѣ, извѣстила державы о ея полученіи. Державы взяли на себя обязанность склонить возставшихъ къ сложенію оружія.

„Болгарскія звѣрства“.—Однако возставшіе, наученные вѣковымъ горькимъ опытомъ, не придавали обязательствамъ, принятымъ на себя султаномъ, того значенія, какое придавали имъ дипломаты. Какъ бы торжественно ни было дано слово, всетаки оно оставалось только словомъ: возставшіе ждали дѣйствій, ухода оттоманскихъ войскъ, права сохраненія оружія и уступки трети земли, находившейся въ рукахъ бековъ. Наконецъ,—и это главное—они хотѣли ручательства державъ въ томъ, что реформы дѣйствительно будутъ выполнены. Эти требованія, которыя Австрія находила чрезмѣрными, а Россія, поощряемая Германіей, одобряла, могли бы, пожалуй, разстроить тѣсное согласіе трехъ дворовъ, если бы новыя и ужасныя происшествія не показали, насколько оправдывалось недовѣріе по отношенію къ туркамъ. 7-го мая французскій и нѣмецкій консулы убиты были въ Салоникахъ средь бѣла дня мусульманскою чернью. Въ то же время начались ужасныя звѣрства въ Болгаріи.

За предшествующія десять лѣтъ положеніе болгаръ-христіанъ не только не улучшилось, но даже ухудшилось въ значительной степени. Съ 1865 года Болгарія сдѣлалась убѣжищемъ для черкесовъ-мусульманъ, толпами покидавшихъ Кавказъ, чтобы избѣжать перехода въ русское подданство, и принятыхъ султаномъ. Крестьянинъ попалъ вслѣдствіе этого прямо въ рабское состояніе и ежедневно подвергался самому гнусному обращенію. Боснійское возстаніе нашло себѣ здѣсь вполнѣ естественный отголосокъ, а вмѣшательство державъ пробудило надежду на лучшее будущее. Жестокости, совершенныя черкесами въ ноябрѣ 1875 года въ деревнѣ Сульмчи, вызвали въ апрѣлѣ 1876 года небольшое возстаніе въ Стрѣлицѣ. Султанъ выпустилъ противъ возставшихъ 10.000 баши-бузуковъ. Въ одномъ только небольшомъ городкѣ Батакѣ изъ 7000 жителей перерѣзано было 6000 человѣкъ съ самыми ужасными, утонченными проявленіями варварства. Въ нѣсколько дней предано было огню 79 деревень, убито было по меньшей мѣрѣ 15.000 человѣкъ, 80.000 осталось безъ всякаго крова; вся область превратились въ огромное кладбище.

Берлинскій меморандумъ; уклоненіе Англіи.—„Болгарскія звѣрства“ сдѣлались извѣстны лишь впослѣдствіи. Но салоник-

скаго убійства было достаточно для того, чтобы вызвать немедленное свиданіе трехъ канцлеровъ и прибытіе царя въ Берлинъ. 13 мая 1876 года приняты были основанія меморандума, изготовленнаго Горчаковымъ, и сдѣлавшагося знаменитымъ подъ именемъ *Берлинскаго меморандума.* Державы становились здѣсь на почву предложеній инсургентовъ. Онѣ требовали прекращенія военныхъ дѣйствій въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Если по истеченіи этого срока не будетъ достигнуто никакого результата, то „три императорскихъ двора придерживаются того взгляда, что придется по необходимости дополнить дипломатическое воздѣйствіе заключеніемъ соглашенія для проведенія дѣйствительныхъ мѣропріятій, которыя могли бы быть вызваны интересами общаго мира, съ цѣлью остановить зло и воспрепятствовать дальнѣйшему его распространенію“. Франція и Англія заявили о своемъ присоединеніи къ общимъ принципамъ меморандума. Нехватало лишь согласія Англіи. Казалось вѣроятнымъ, что Англія пойметъ, насколько сильное впечатлѣніе произведетъ на султана этотъ шагъ, предпринятый отъ имени всей Европы, и что она сочтетъ нужнымъ присоединиться къ нему для обезпеченія возстановленія мира и для смягченія участи христіанъ. Но Дизраэли ненавидѣлъ Россію и стремился противодѣйствовать ея политикѣ. 19 мая Европа узнала, что „правительство королевы сожалѣетъ, что не имѣетъ возможности присоединиться къ предложеніямъ, исходящимъ отъ императорскихъ дворовъ“. Съ этихъ поръ стало ясно, что Высокая Порта усмотритъ въ поведеніи Англіи какъ бы поощреніе къ сопротивленію и не выполнитъ ни одной изъ потребованныхъ у нея уступокъ. Отвѣтственность за всѣ послѣдующія событія цѣликомъ падала на Дизраэли.

Убійство Абдулъ-Азиса. Мурадъ V. — Тѣмъ не менѣе меморандумъ долженъ былъ быть сообщенъ Портѣ 30 мая. Но въ ночь съ 29 на 30 мая Абдулъ-Азисъ былъ схваченъ во дворцѣ и низложенъ. Два дня спустя его убили. Его преемникъ Мурадъ V долженъ былъ стать орудіемъ непримиримыхъ мусульманъ и военной партіи, руководимой честолюбивымъ Мидхатомъ-пашой, который подъ либеральной внѣшностью таилъ въ себѣ фанатика, исполненнаго ненавистью къ Европѣ и ея цивилизаціи. Немедленно же, 8 іюня, къ Сербіи и Черногоріи обратились за разъясненіемъ по поводу ихъ военныхъ снаряженій. Уже почти годъ, какъ Австрія и Россія съ трудомъ сдерживали оба народа. Но болгарскія звѣрства переполнили чашу терпѣнія сербовъ: они хотѣли войны и приготовились къ ней, подписавъ союзный договоръ съ Черногоріей. Изъ Россіи приходили добровольцы, офицеры, и царь разрѣшилъ одному изъ своихъ генераловъ, Черняеву, перейти на службу въ княжество. На угрожающій запросъ Турціи Миланъ отвѣтилъ требованіемъ, чтобы „турецкая армія и всѣ дикія орды были удалены съ ея границъ“ и чтобы водвореніе мира и порядка въ Босніи и Герцеговинѣ поручено было сербскимъ и черногорскимъ войскамъ (23 іюня). Такъ какъ Турція отказала, то 30 іюня ей объявлена была война, и 1 іюля сербы и черногорцы перешли границы.

Первыя военныя дѣйствія. Общественное мнѣніе въ Англіи. — Черногорцы быстро одержали блестящія побѣды при Требиньѣ, Подгорицѣ. Сербы были менѣе счастливы. Во-первыхъ, турки выставили противъ нихъ лучшія свои войска, въ частности императорскую гвардію, притомъ самыя многочисленныя, около 200.000 человѣкъ, во главѣ съ самымъ выдающимся генераломъ Османомъ-пашой. Затѣмъ допущены были крупные стратегическіе промахи, какъ по личнымъ соображеніямъ самого Милана, такъ и по соображеніямъ дипломатическимъ. Логичнѣе было бы бросить всѣ сербскія силы въ Боснію,—вы-

гнать оттуда турокъ и тамъ войти въ соприкосновеніе съ черногорцами. Но этотъ маневръ оставлялъ открытымъ Бѣлградъ, и Миланъ опасался быстраго движенія турокъ на его столицу. Далѣе, вступленіе сербовъ въ Боснію раздражило бы венгровъ, которые уже поговаривали о занятіи княжества и устраивали на улицахъ Будапешта манифестаціи въ въ пользу турокъ. И вотъ рѣшено было направить главный ударъ въ сторону Болгаріи, ограничиваясь диверсіями къ югу и западу. Такое дробленіе силъ, когда и всего-то было лишь 80.000 человѣкъ, неминуемо приводило повсюду къ пораженію. Къ концу іюля турки вторглись въ Сербію и начали спускаться въ долину рѣки Моравы. Въ четырехдневномъ бою (20—24 августа) Черняевъ на нѣкоторое время задержалъ ихъ подъ Алексинацемъ. Но его позиціи были обойдены (25—30 августа). Встревоженный Миланъ призвалъ къ себѣ на помощь Европу и хлопоталъ о посредничествѣ державъ.

На этотъ разъ Англія не отстранилась. Болгарскія звѣрства только что раскрыты были Гладстономъ и либеральною партіей, которая длиннымъ рядомъ митинговъ старалась настроить общественное мнѣніе противъ турокъ. *Daily News* писалъ: „Если существуетъ альтернатива предоставить Боснію, Герцеговину и Болгарію турецкому произволу или дать Россіи овладѣть ими, то пусть Россія беретъ ихъ себѣ, и Господь съ ней!“ Дизраэли вынужденъ былъ нѣсколько уступить народному движенію. Онъ самъ согласился предъявить Турціи сначала требованіе о перемиріи (1 сентября), а затѣмъ программу окончательнаго замиренія, требовавшую поддержанія въ Сербіи *statu quo ante bellum* и установленія системы административной автономіи въ возставшихъ областяхъ и въ Болгаріи (25 сентября).

Абдулъ-Гамидъ II. Русскій ультиматумъ.—Тѣмъ временемъ въ Турціи партія насилія окончательно одержала верхъ 31 августа смѣщенъ былъ въ свою очередь и Мурадъ V; его мѣсто занялъ Абдулъ-Гамидъ II. Побѣда опьянила турокъ: въ виду дипломатическихъ колебаній и затяжекъ, продолжавшихся уже цѣлый годъ, турки получили убѣжденіе, что бояться имъ нечего и что Европа никогда не перейдетъ отъ угрозъ къ дѣйствіямъ. 3 октября они возобновили враждебныя дѣйствія. 29-го они разбили Черняева при Крушевацѣ. У сербовъ больше не было арміи, дорога на Бѣлградъ была открыта. Серьезность положенія вызвала полную перемѣну въ поведеніи Россіи. Отдѣлившись отъ концерта державъ, она одна выступила противъ турокъ. 31 октября посолъ графъ Игнатьевъ заявилъ Портѣ, что „если въ теченіе двухъ сутокъ не будетъ заключено безусловное перемиріе срокомъ отъ шести недѣль до двухъ мѣсяцевъ,—перемиріе, распространяющееся на всѣхъ воюющихъ, и если начальникамъ турецкихъ войскъ не будетъ отдано рѣшительныхъ приказаній немедленно прекратить всѣ военныя дѣйствія“, то дипломатическія сношенія будутъ прерваны. Посланникъ открыто началъ готовиться къ отъѣзду: это было повтореніе маневра Меньшикова въ 1853 году. На этотъ разъ Турція осталась въ одиночествѣ; въ виду рѣзкаго ультиматума, не оставлявшаго мѣста никакимъ хитростямъ и попыткамъ затянуть дѣло, Турція уступила.

Политика царя.—До сихъ поръ въ поведеніи Россіи были признаки какой-то двойственности. Въ то время какъ царь и его канцлеръ совмѣстно съ австрійскимъ и германскимъ правительствами изыскивали средства къ возстановленію и упроченію мира, изъ Россіи посылались въ Сербію, Черногорію и въ возставшія области люди, оружіе, аммуниція, болѣе 20 милліоновъ денегъ. Но вся эта помощь воюющимъ шла отъ частныхъ лицъ,

славянофильскихъ кружковъ, общественныхъ подписокъ, являлась результатомъ національнаго порыва. Въ началѣ событій и царь и его министръ искренно не желали войны, потому что сознавали всю неподготовленность финансовъ и арміи, находившейся какъ разъ въ самомъ разгарѣ преобразованій, потому что совершенно не знали, какъ будетъ вести себя въ случаѣ конфликта Австрія, а враждебное настроеніе Англіи было внѣ всякихъ сомнѣній. Но неудача всѣхъ примирительныхъ попытокъ, полнѣйшее нежеланіе Турціи, смѣявшейся надъ дипломатическими угрозами и нагло издѣвавшейся надъ Европой, все это незамѣтно привело царя къ мысли, что иначе, какъ силой, ничего не добьешься, и что пришло время, когда дипломаты должны уступить мѣсто солдатамъ. Съ другой стороны, разсказы о совершенныхъ въ Болгаріи ужасахъ волновали общественное мнѣніе, которое переживало въ пораженіяхъ сербовъ какъ бы свои національныя пораженія, тревожилось по поводу медлительности дипломатовъ и чуть не насильственно требовало войны.

Царь не сразу пошелъ вслѣдъ за желаніемъ своего народа. Сначала онъ хотѣлъ дѣйствовать въ согласіи съ державами: 1 октября онъ предложилъ Лондону и Вѣнѣ англійскую морскую демонстрацію, занятіе Босніи Австріей и Болгаріи—Россіей. Неудача его попытки и крайняя опасность, угрожавшая Сербіи, заставили его рѣшиться дѣйствовать въ одиночествѣ и вручить Турціи ультиматумъ 31 октября. Какъ только Турція согласилась на перемиріе, царь во время одной бесѣды въ Ливадіи съ лордомъ Лофтосомъ предложилъ созвать конференцію въ Константинополѣ; задачей ея было бы опредѣлить режимъ, какой слѣдуетъ установить въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ, и гарантіи, какихъ слѣдуетъ потребовать отъ султана. Но вмѣстѣ съ тѣмъ царь указывалъ, что его терпѣніе истощилось, что онъ не допуститъ водить себя за носъ и что это послѣдній опытъ мирнаго воздѣйствія, въ которомъ онъ готовъ принять участіе. „Если Европа готова сносить безпрерывныя оскорбленія со стороны Порты, то Россія настроена совсѣмъ не такъ. Подобный образъ дѣйствій не соотвѣтствовалъ бы ея чести и ея интересамъ. Онъ желалъ бы не отдѣляться отъ европейскаго концерта, но настоящее положеніе дѣлъ казалось ему невыносимымъ и не могло продолжаться, и если Европа не расположена дѣйствовать твердо и настойчиво, то онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать единолично“.

Ничто не могло уже остановить его. Угрожающая рѣчь Дизраэли, произнесенная 10 ноября на банкетѣ лордъ-мэра, заставила его торжественно повторить 11 ноября свои ливадійскія заявленія. День спустя онъ отдалъ приказъ о мобилизаціи шести армейскихъ корпусовъ. Въ Бухарестѣ предприняты были шаги насчетъ договора, разрѣшающаго проходъ русскихъ войскъ черезъ румынскую территорію (28 ноября). Одновременно съ этимъ сдѣланъ былъ запросъ въ Германіи, можно ли разсчитывать на ея нейтралитетъ въ случаѣ, если бы война съ Турціей повлекла за собой войну съ Австріей. И такъ какъ сильно запоздавшій отвѣтъ былъ мало утѣшителенъ, то Россія завязала непосредственные переговоры съ Австріей. Отсюда вышло секретное соглашеніе отъ 15 января 1877 г., въ силу котораго Австрія, въ вознагражденіе за свой нейтралитетъ, получала право при заключеніи мира занять Боснію и Герцеговину [1]).

Константинопольская конференція (декабрь 1876 г.).—Однако одновременно съ подготовкой похода, одновременно съ сосредоточеніемъ всѣхъ своихъ силъ въ Бессарабіи царь искренне и лояльно стремился обезпечить успѣхъ послѣдней

[1]) Ср. Бисмаркъ, II, 250—282.

примирительной попытки. Онъ принялъ изготовленную Англіей программу конференціи, которая должна была собраться въ Константинополѣ въ первыхъ числахъ декабря. Посланники рѣшили допустить турецкихъ комиссаровъ лишь послѣ того, какъ будутъ установлены съ общаго согласія предложенія, которыя должны быть сдѣланы отъ имени державъ. 23 декабря происходило открытіе засѣданій конференціи уже въ полномъ составѣ. Въ тотъ моментъ, когда полномочный французскій посолъ де Шодорди только что передалъ турецкимъ представителямъ текстъ постановленій конференціи и когда должно было начаться ихъ обсужденіе, вдругъ раздались орудійные выстрѣлы. Сафетъ-паша торжественно поднялся съ мѣста. „Эти салюты,—заявилъ онъ,—возвѣщаютъ обнародованіе конституціи, которую султанъ жалуетъ имперіи. Этотъ актъ измѣняетъ форму правленія, господствовавшую шесть сотъ лѣтъ, и открываетъ собой новую эру на благоденствіе оттоманскихъ народовъ".

Это былъ послѣдній и самый смѣлый актъ той наглой комедіи, которою Мидхатъ-паша уже болѣе года дурачилъ Европу. Европа предлагала нѣсколько реформъ: ей отвѣчали цѣлой революціей, которая ставила на мѣсто самодержавія султана конституціонный режимъ, скопированный съ парламентскихъ порядковъ самыхъ либеральныхъ государствъ. Конституція провозглашала прежде всего нераздѣльность имперіи; она установляла палату депутатовъ, избираемую закрытой подачей голосовъ, контролирующую всѣ дѣйствія правительства; Сенатъ, назначаемый султаномъ; отвѣтственность министровъ; генеральные и муниципальные совѣты (мѣстное самоуправленіе); свободу печати и преподаванія; свободу союзовъ; несмѣняемость судей; равенство всѣхъ передъ закономъ, допущеніе всѣхъ, безъ различія исповѣданій, къ общественнымъ должностямъ; равномѣрное распредѣленіе налоговъ. Конфискація имущества, барщина, пытка отмѣнялись навсегда.

Если бы посланники упорно настаивали на предложенной ими программѣ, они, быть можетъ, выиграли бы дѣло. Вмѣсто этого они пустились въ переговоры, причемъ турокъ все время упиралъ на конституцію. Они сдѣлали уступки, свели потребованныя у Порты гарантіи на нѣтъ и такимъ образомъ внушили султану вполнѣ основательное представленіе, что европейское соглашеніе—лишь кажущееся, и что ни одна изъ державъ, за исключеніемъ Россіи, не желаетъ перейти отъ словъ къ дѣйствіямъ. Султанъ и отвѣтилъ контръ-предложеніями, о которыхъ самъ лордъ Сольсбюри выразился, что они не соотвѣтствуютъ „ни уваженію, которымъ султанъ обязанъ по отношенію къ державамъ, ни правильно понимаемому достоинству самой Порты". Въ довершеніе комедіи Порта созвала Большой Національный Совѣтъ изъ 240 чиновниковъ, въ послушаніи которыхъ можно было быть увѣреннымъ; они съ важнымъ видомъ единогласно отвергли предложенія Европы; не могъ же послѣ этого султанъ идти противъ свободно выраженной воли своего народа! 20 января 1877 года конференція разошлась, а турки совершенно спокойно и не безъ ироніи присутствовали при отбытіи всѣхъ посланниковъ, при этомъ крайнемъ средствѣ запугиванія, придуманномъ дипломатіей.

Впрочемъ, чтобы окончательно разъединить державы, изъ которыхъ многія готовы были удовольствоваться малѣйшей уступкой, султанъ очень ловко рѣшилъ продолжать переговоры съ Сербіей и Черногоріей и, проявляя по отношенію къ побѣжденному чрезвычайную умѣренность, 1 марта изъявилъ согласіе простонапросто заключить миръ. Съ побѣдительницей Черногоріей соглашеніе было невозможно. Между тѣмъ Англія уже заявляла, что она не можетъ долгое

время оставаться безъ представителя въ Константинополѣ, а Франція, еще не совсѣмъ оправившаяся отъ пораженій, заявила въ отвѣтъ на циркулярное предложеніе Горчакова, что она не станетъ прибѣгать къ принужденію. Относительно Германіи уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сдѣлалось извѣстно, что для нея весь Восточный вопросъ „не стóитъ костей одного померанскаго гренадера". „Въ миссію Германской имперіи не входитъ предоставленіе своихъ подданныхъ другимъ и принесеніе въ жертву ихъ крови и имущества для осуществленія желаній нашихъ сосѣдей" [1]). Зато Германія толкала Россію къ войнѣ, дѣйствуя черезъ своего посланника и военнаго атташе, а также путемъ мотивированныхъ оптимистическихъ свѣдѣній,— сообщеніе которыхъ добровольно бралъ на себя германскій главный штабъ.

Лондонскій протоколъ (мартъ 1877 г.)— Время года и недостатокъ желѣзныхъ дорогъ затрудняли и замедляли сосредоточеніе арміи въ Бессарабіи: раньше весны невозможно было приготовиться. Вотъ почему Россія на этотъ разъ просто, чтобы выиграть время, еще разъ приняла на себя иниціативу переговоровъ, которые завершились лондонскимъ протоколомъ (31 марта 1877 г.). Принимая къ свѣдѣнію обѣщанія реформъ, данныя султаномъ, державы обязывались слѣдить за ихъ выполненіемъ и оставляли за собой свободу дѣйствій въ случаѣ, если Турція еще разъ не сдержитъ своего слова. Сверхъ этого державы приглашали ее разоружиться. Но, съ одной стороны, лордъ Дерби заявлялъ, что Англія не признаетъ протокола, если въ свою очередь не разоружится и Россія; съ другой стороны, графъ Шуваловъ ставилъ разоруженіе Россіи въ зависимость отъ подписанія мира съ Черногоріей. 11 апрѣля оттоманскій парламентъ вотировалъ продолженіе войны; затѣмъ онъ отвергнулъ протоколъ: „Императорское правительство не усматриваетъ, въ чемъ оно провинилось передъ справедливостью и цивилизаціей, чтобы видѣть себя поставленнымъ въ столь унизительное и безпримѣрное въ мірѣ положеніе". Турки шли навстрѣчу войнѣ съ легкимъ сердцемъ, убѣжденные, въ виду поведенія Англіи, что опять повторятся дни англо-французскаго союза и 1854 года. Всѣ охвачены были самыми странными иллюзіями: „Въ настоящее время Германія, повидимому, заодно съ Россіей,—писалось въ одной константинопольской газетѣ,—а Австро-Венгрія соблюдаетъ благосклонный нейтралитетъ. Но несомнѣнно, что съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ Австрія первая станетъ умолять Турцію о защитѣ. Что касается Германіи, то она пойметъ, что единственное средство спасенія для нея — открыто выступить противъ Россіи".

Однако, когда 24 апрѣля прибылъ манифестъ царя съ объявленіемъ войны, Турція, вспомнивъ вдругъ о томъ, что Парижскій трактатъ создалъ ей исключительное положеніе [1]), имѣла дерзость сослаться на 8-й параграфъ этого трактата и потребовала посредничества той самой Европы, надъ которой она издѣвалась цѣлыхъ два года.

Война; первые успѣхи русскихъ.—Россія сдѣлала нападеніе въ Европѣ и въ Азіи; въ Европѣ съ 250.000 человѣкъ подъ начальствомъ государева брата, великаго князя Николая Николаевича, въ Азіи съ 60.000 съ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ. 16 апрѣля подписано было соглашеніе объ условіяхъ прохода русской арміи черезъ Румынію. Принцъ Карлъ полагалъ, что „было бы величайшимъ счастьемъ, если бы катастрофа отсрочена была на два года [2]). Онъ не

[1]) Бисмаркъ, II, 298.

[1]) См. т. V, стр. 154.
[2]) Въ письмѣ отцу отъ 2 апр. 1877 г.

довѣрялъ Россіи и боялся, какъ бы царь въ случаѣ побѣды не потребовалъ обратной уступки Бессарабіи, чтобы стереть послѣдній слѣдъ Парижскаго мира. Вотъ почему онъ очень хотѣлъ остаться нейтральнымъ и еще во время константинопольской конференціи все старался добиться признанія и обезпеченія этого нейтралитета. Но такъ какъ это не удалось, то пришлось вести переговоры съ царемъ, который поручился за независимость и цѣлость Румыніи. Во всякомъ случаѣ румынское княжество порвало съ Турціей лишь послѣ бомбардировки Калафата; оно провозгласило тогда свою независимость и 21 мая объявило войну.

Успѣхи русскихъ въ Арменіи были чрезвычайно быстры. Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ начала кампаніи Лорисъ-Меликовъ отнялъ Ардаганъ, осадилъ Карсъ, и войска его угрожали уже Эрзеруму. Въ Европѣ наступательное движеніе было помедленнѣе. 250.000-ная армія великаго князя Николая Николаевича, усиленная съ конца мая 60.000 румынъ, подошла къ берегамъ Дуная, но была задержана здѣсь огромнымъ и продолжительнымъ разливомъ рѣки. Переправа въ нижнемъ теченіи Дуная произошла 22 іюня у Буджака, близъ Галаца. Но главное усиліе сдѣлано было 27 іюня у Зимницы, противъ Систова, которое генералъ Драгомировъ взялъ послѣ четырнадцатичасового боя. Казалось, съ этого момента кампанія пойдетъ съ быстротою молніи. Турки, державшіе 100.000 человѣкъ въ Босніи и Герцеговинѣ, имѣли въ Болгаріи всего 186.000, да и тѣ разсѣяны были между Виддиномъ и Силистріей; резервы находились въ Шумлѣ и Варнѣ, а въ центрѣ, противъ мѣста переправы русской арміи, не было сколько-нибудь значительныхъ силъ.

6 іюня русскіе на лѣвомъ флангѣ заняли Бѣлу на Янтрѣ; 14-го на правомъ они заставили сдаться Никополь; такимъ образомъ они разрѣзали пополамъ турецкую армію и держали въ своихъ рукахъ линію Лома на востокѣ и линію Осмы — на западѣ. 7-го они были въ Тырновѣ, у подножія Балканъ, этой второй и самой важной оборонительной линіи Турецкой имперіи. Отважнымъ маневромъ Гурко преодолѣлъ 13 іюня препятствіе на гребнѣ Ганкіоя, зашелъ въ тылъ туркамъ, стоявшимъ у важнѣйшаго южнаго перевала Шипки, и 17 іюня овладѣлъ обѣими главными дорогами, которыя ведутъ внизъ въ Румелію, по направленію къ Филиппополю и долинѣ рѣки Марицы. Прошло всего три недѣли съ начала кампаніи. Быстрота этихъ успѣховъ ошеломила Европу и вызвала сильное безпокойство Англіи.

Османъ-паша въ Плевнѣ; неудачи русскихъ. — Однако среди турецкихъ генераловъ нашелся одинъ настоящій военачальникъ: это былъ Османъ-паша. Онъ командовалъ войсками, сосредоточенными вокругъ Виддина. Оставивъ въ крѣпости гарнизонъ, достаточный для болѣе или менѣе успѣшнаго сопротивленія попыткамъ румынской арміи къ переправѣ, онъ быстро спустился вдоль берега Дуная и 16 іюля расположился въ Плевнѣ, впереди Вида, въ 40 километрахъ отъ Никополя, угрожая правому флангу русской арміи, растянувшейся отъ Дуная до Балкана, между Осмой и Янтрой. Положеніе наступающихъ благодаря этому разомъ измѣнилось. На лѣвомъ флангѣ въ свою очередь тѣснилъ ихъ Махметъ-Али со своими войсками, сосредоточенными въ четырехугольникѣ позади Лома, а изъ-за Балканъ спѣшилъ Сулейманъ-паша, ведя съ собою значительныя подкрѣпленія, взятыя изъ Босніи и Герцеговины.

Важно было быстро расчистить себѣ дорогу. Великій князь Николай Николаевичъ издалъ приказъ немедленно атаковать Плевну. Попытка сдѣлана была съ недостаточными силами и окончилась неудачно (20 іюля). 30-го русскіе повторили нападеніе съ болѣе многочисленными вой-

сками. Послѣ бѣшеныхъ столкновеній и героическихъ усилій въ теченіе цѣлаго дня они должны были отступить, оставивъ на полѣ битвы 7000 человѣкъ.

Нечего было и думать о продолженіи наступательнаго движенія. Царь отдалъ приказъ о мобилизаціи гвардіи и четырехъ новыхъ корпусовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ торопилъ прибытіемъ румынъ, которыхъ до этого времени настойчиво удерживалъ на лѣвомъ берегу Дуная. Къ концу августа онъ разсчитывалъ имѣть 550.000 человѣкъ, а пока приходилось ограничиваться защитой пріобрѣтенныхъ позицій. Турки нападали повсюду. Сулейманъ отбросилъ Гурко на шипкинскій перевалъ и тамъ атаковалъ его безпрерывно въ теченіе шести дней (21—26 августа). На лѣвомъ флангѣ Мехметъ-Али отнялъ у цесаревича линію Лома. На правомъ Османъ вышелъ изъ Плевны и 31 августа у Скалевицы отступилъ лишь послѣ восьми атакъ.

Осада и взятіе Плевны. Тогда русскіе, получивъ подкрѣпленіе, послѣдовали за нимъ подъ самую Плевну. Въ третій разъ разбились они о многочисленныя земляныя укрѣпленія, которыми Османъ въ нѣсколько недѣль покрылъ весь городъ. Въ шестидневномъ бою, съ 7 по 13 сентября, имъ удалось взять лишь Гривицскій редутъ,—безполезный успѣхъ, стоившій почти 16.000 человѣкъ. Эта новая неудача чуть было не привела къ очищенію праваго берега Дуная и отступленію на зимнія квартиры въ Румынію. Такой совѣтъ поданъ былъ царю изъ Берлина. Но царь вовсе не намѣренъ былъ терять такимъ путемъ всѣ плоды кампаніи, было рѣшено въ случаѣ необходимости предпринять зимнюю кампанію и подвергнуть Плевну правильной осадѣ, разъ нельзя взять ее съ бою. Дѣло это поручено было севастопольскому герою Тотлебену. Въ то время какъ онъ охватывалъ крѣпость рядами редутовъ и траншей, а Скобелевъ, послѣ ряда подступныхъ работъ, овладѣлъ (9—11 ноября) однимъ изъ узловъ оборонительной системы — Зелеными горами, въ это время Гурко выполнялъ обложеніе крѣпости на большой дистанціи, отрѣзавъ послѣ цѣлаго ряда ежедневныхъ ожесточенныхъ боевъ, съ 11 октября по 24 ноября, всѣ сообщенія между Плевной и Софіей, гдѣ Мехметъ-Али сосредоточивалъ вспомогательную армію. Сулейманъ-паша, поставленный во главѣ арміи, занимавшей четырехугольникъ, сдѣлалъ тщетную попытку диверсіи въ направленіи къ Тырнову: 5 и 6 ноября онъ былъ задержанъ у Яковицы. Истощивъ свои запасы, Османъ-паша, которому уже нечего было ждать помощи извнѣ, сдѣлалъ 10 декабря новаго стиля отчаянную попытку прорваться. Сначала онъ одержалъ верхъ, но затѣмъ былъ раненъ и отброшенъ къ берегамъ Вида; между тѣмъ въ тылу у него русскіе вступали въ Плевну; это и заставило его сложить оружіе послѣ защиты, которая является одной изъ наиболѣе блестящихъ въ исторіи.

Конецъ войны.—Несмотря на наступленіе зимы, отличавшейся особенною суровостью, русскіе рѣшили не упускать достигнутыхъ успѣховъ и использовать разстройство, вызванное у противника паденіемъ Плевны.

Ближайшею цѣлью былъ переходъ чрезъ Балканы. Движеніе началось съ праваго фланга. Въ 25-градусный морозъ Гурко перевалилъ черезъ Этропольское ущелье, пробираясь загроможденными снѣгомъ и льдомъ тѣснинами, гдѣ приходилось пушки тащить на рукахъ, а снаряды переносить поодиночкѣ; отсюда онъ спустился къ Софіи, раздавилъ турецкую армію (3 января 1878 года) и такимъ образомъ снялъ блокаду съ Шипкинскаго перевала, осажденнаго съ августа мѣсяца; турки въ количествѣ 32.000 человѣкъ, теперь въ свою очередь окружены были передъ самымъ ущельемъ, и 9 января положили оружіе. 16-го Гурко вступилъ въ Филиппополь. Русскіе повалили изъ-за Балканъ

въ разныхъ мѣстахъ, спускались по всѣмъ переваламъ и устремлялись къ Адріанополю, гдѣ Сулейманъ-паша пытался устроить новый укрѣпленный лагерь. Отрѣзанный отъ этой крѣпости, онъ отброшенъ былъ къ Родопскому горному массиву. 20 января всѣ русскія силы заканчивали свое сосредоточеніе у Адріанополя. 31-го главы отдѣльныхъ колоннъ прибыли къ Родосто на Мраморномъ морѣ. А турки всюду терпѣли пораженіе; сербы, 14-го декабря снова взявшіеся за оружіе, дѣйствовали болѣе удачно, чѣмъ въ предыдущую кампанію, и овладѣли Пиротомъ и Нишемъ. Черногорцы захватили Антивари и Дульчиньо (10—19 января) и шли на Скутари. Въ Арменіи Лорисъ-Меликовъ, задержанный въ іюлѣ 1877 года, во время своего похода на Эрзерумъ, у Зевина, и даже отброшенный одно время назадъ на русскую территорію, въ ноябрѣ взялъ приступомъ Карсъ. Турціи оставалось подчиниться волѣ побѣдителя.

Со времени паденія Плевны Турція пыталась начать переговоры и ходатайствовала о посредничествѣ Англіи. Но Россія отклонила это посредничество. Тогда Турція просила о временномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій какъ разъ въ тотъ моментъ, когда русскіе заканчивали переходъ черезъ Балканы (9 января). Но Россія, достаточно зная турецкое двоедушіе и не желая давать султану выиграть время, отвѣчала на это, что согласится на перемиріе лишь въ томъ случаѣ, если Турція подпишетъ сначала предварительное соглашеніе о мирѣ. А такъ какъ турецкіе уполномоченные, прибывшіе въ главную квартиру 19 января, не рѣшались подписать, то ихъ прихватили съ собой при дальнѣйшемъ наступленіи къ самому Адріанополю. Здѣсь имъ объявили 27-го января, что если они не примутъ опредѣленнаго рѣшенія къ 31 числу, то русская армія немедленно двинется на Константинополь. 31-го подписаны были предварительныя условія мира и вслѣдъ за этимъ сейчасъ же прекращены были военныя дѣйствія. Мѣсяцъ спустя, 3 марта 1878 года, у воротъ Константинополя подписанъ былъ миръ при Санъ-Стефано.

Санъ-Стефанскій договоръ (3 марта 1878 года).—Санъ-Стефанскій договоръ устанавливалъ полную независимость Черногоріи, Сербіи, Румыніи. Два первыхъ государства получали нѣкоторое расширеніе территоріи. Румынія возвращала Россіи Бессарабію и получала за это Добруджу. Создавалось новое христіанское государство—Болгарія; она должна была составить особое самостоятельное княжество, платящее дань султану; въ предѣлы его входила собственная Болгарія, Восточная Румелія, большая часть Македоніи, т.-е. 16.000 квад. километровъ съ 4 милліонами жителей. Такимъ образомъ новое государство простиралось отъ Архипелага до Чернаго моря, раздѣляя на-двое тѣ части имперіи, которыя оставались въ непосредственномъ подчиненіи у султана и представляли собой меньше, чѣмъ половину европейской Турціи, какою она была до 1876 года. Сверхъ того во всѣхъ областяхъ, гдѣ христіане являлись преобладающею частью населенія, намѣчены были реформы, которыми ограничивалась власть турокъ. Боснія и Герцеговина должны были получить самоуправленіе. Органическій регламентъ 1868 года подлежалъ точнѣйшему примѣненію на Критѣ, сверхъ того его дѣйствіе распространялось на Эпиръ и Ѳессалію. Реформы должны были осуществиться и въ Арменіи. Военное вознагражденіе установлено было въ 640 милліоновъ. Въ уплату 440 милліоновъ царь получалъ дельту Дуная, затѣмъ въ Азіи Ардаганъ, Карсъ, Батумъ, Баязетъ, т.-е. 35.650 квадр. километровъ армянской территоріи.

Отношеніе державъ. — Противъ Санъ-Стефанскаго договора должны были оказаться: Англія, которая не хотѣла раздѣла Турціи; Австрія, которая хотѣла своей

части добычи; обѣ эти державы, потому что онѣ не желали Великой Болгаріи, которая представлялась имъ вѣрнымъ кліентомъ, чуть не вассаломъ Россіи. Эти державы и сблизились между собой, какъ только узнали при посредствѣ Турціи текстъ предварительныхъ мирныхъ условій, и попытались запугать Россію. Австрія начала мобилизацію въ Далмаціи и вдоль Савы и Дуная. Андраши объявилъ особымъ циркуляромъ, что его правительство „сохраняетъ за собой свою долю вліянія на окончательную формулировку условій будущаго мира". Онъ потребовалъ созыва европейской конференціи въ Вѣнѣ. Англія пошла еще дальше: 14 февраля ея флотъ сталъ на якорѣ у Принцевыхъ острововъ въ виду Константинополя. Но, узнавъ, что царь въ отвѣтъ на это отдалъ приказъ занять городъ, англійское правительство отозвало эскадру, не желая доводить дѣло до конфликта. Тѣмъ не менѣе было ясно, что Россіи предстояло имѣть дѣло съ австро-англійской коалиціей и что всѣ державы отнеслись благосклонно къ идеѣ конференціи, гдѣ будутъ разсмотрѣны и разрѣшены тѣ изъ вопросовъ, которые имѣли общій интересъ и не касались непосредственно воюющихъ сторонъ. Россія, пожалуй, рѣшилась бы оказать сопротивленіе этимъ требованіямъ,—впрочемъ, вполнѣ законнымъ,—если бы она могла разсчитывать на содѣйствіе Германіи. Но 28 февраля въ отвѣтъ на запросъ, сдѣланный въ рейхстагѣ, Бисмаркъ рѣшительно высказался за созывъ конференціи. Однако онъ замѣтилъ при этомъ, что правительство вовсе не собирается играть „роль судьи или учителя Европы", что оно просто предложитъ свои услуги, что оно явится „честнымъ маклеромъ", посредникомъ-примирителемъ между покупателемъ и продавцомъ, работая надъ установленіемъ добрыхъ отношеній Вѣны съ Петербургомъ. Однако въ своей декларацiи о нейтралитетѣ онъ, повидимому, все еще проявлялъ особое расположеніе къ Россіи.

Тѣмъ не менѣе царю казалось необходимымъ поспѣшить заключеніемъ договора, чтобы поставить Европу лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ. Съ цѣлью отвлечь Австрію отъ Англіи въ договоръ было внесено, что Австрія призвана будетъ къ разрѣшенію, совмѣстно съ Россіей, тѣхъ разногласій, которыя могутъ возникнуть между Портой и Черногоріей, и къ изученію будущихъ измѣненій въ организаціи Босніи и Герцеговины. Но этимъ трудно было удовлетворить огромныя вожделѣнія Франца-Іосифа, который, послѣ изгнанія своего изъ Италіи и Германіи, мечталъ о томъ, что Австро-Венгрія сдѣлается балканской державой, направляющей свою дѣятельность на востокъ, стремящейся къ Салоникамъ и Средиземному морю. 12 марта делегаціи вотировали кредитъ въ 60 милліоновъ гульденовъ на пополненіе вооруженія, и Андраши заговорилъ о необходимости занять Боснію и Герцеговину. Въ тотъ же день англичане заявили, что они не примутъ участія въ конгрессѣ, если его пересмотру не будетъ подлежать весь трактатъ цѣликомъ. Парламентъ былъ созванъ на 1-е апрѣля и въ посланіи королевы предусматривался близкій призывъ резервовъ. Съ своей стороны и Румынія отчаянно протестовала противъ вторичной уступки Бессарабіи и готовила свои силы, а Турція пыталась хоть отчасти преобразовать свои. Получалось представленіе, что противъ Россіи образуется союзъ четырехъ державъ и что приближается начало новой гигантской войны. Русскіе собирали войска на границахъ Сербіи и Трансильваніи и готовились къ каперству, покупая многочисленныя суда у Соединенныхъ Штатовъ. Но Болгарская кампанія уже стоила имъ болѣе 4 милліардовъ, и кредитъ ихъ былъ почти истощенъ. Вотъ почему царь вполнѣ разумно рѣшилъ вступить въ непосредственные

переговоры съ Англіей и обезоружить ее уступками; онѣ внесены были въ особый *memorandum*, подписанный въ Лондонѣ 30 мая 1878 года. Россія приносила въ жертву Великую Болгарію и отказывалась отъ части своихъ азіатскихъ завоеваній; Англія, заявлявшая о томъ, что дѣйствуетъ въ общихъ интересахъ, а въ сущности руководившаяся лишь личнымъ интересомъ и заботой охранить путь въ Индію, приняла всѣ остальныя условія договора. 4 іюня она тайно подписала договоръ съ Портой, по которому обязывалась защищать азіатскую Турцію отъ всякаго нападенія Россіи; въ уплату за эти будущія услуги она выговорила себѣ право занять островъ Кипръ. Запасшись такимъ образомъ, она готова была отправиться на конгрессъ, увѣренная, что тамъ ее въ свою очередь поддержитъ и Австро-Венгрія, которой она обѣщала Боснію и Герцеговину.

Берлинскій конгрессъ (іюнь-іюль 1878 года). — Конгрессъ открылся въ Берлинѣ 13 іюня 1878 года. Его засѣданія продолжались ровно мѣсяцъ: заключительный актъ подписанъ былъ 13 іюля. Предсѣдательство предложено было Бисмарку. Представители царя Горчаковъ и Шуваловъ къ великому своему изумленію уже не нашли у него того расположенія къ Россіи, какого они ожидали: ничего, кромѣ холоднаго и строгаго безпристрастія, ни малѣйшей поддержки ни въ чемъ, развѣ только въ вопросахъ, гдѣ заинтересованною являлась лишь Турція, какъ, напр., въ вопросѣ о военномъ вознагражденіи. Турки заявили, что они не въ состояніи платить и не могутъ взять на себя никакого денежнаго обязательства; Англія поддерживала ихъ. Бисмаркъ разомъ оборвалъ пренія: „Турціи не приходится брать на себя обязательства,— сказалъ онъ:—оно уже принято въ Санъ-Стефано“. Но онъ не поддержалъ Горчакова, даже когда тотъ вполнѣ умѣстно въ концѣ засѣданій попросилъ, чтобы конгрессъ опредѣлилъ мѣропріятія, необходимыя для того, чтобы обезпечить въ крайнемъ случаѣ выполненіе постановленій конгресса. Предложеніе было отвергнуто. Вскорѣ можно было убѣдиться, какая тутъ сдѣлана была ошибка, когда пришлось улаживать черногорскій и греческій вопросы. Въ то время какъ англійскіе министры Дизраэли и Сольсбери вели себя рѣзко и агрессивно по отношенію къ Россіи, русскіе уполномоченные почти непрестанно обнаруживали умѣренность и примирительное настроеніе. Въ одномъ только пунктѣ они оказались непримиримыми: когда румынскіе делегаты, поддерживаемые Англіей, заявили протестъ противъ вторичной уступки Бессарабіи, Горчаковъ заявилъ, что „Россія не можетъ отступить по этому вопросу“. Зато, ко всеобщему изумленію, онъ пошелъ на предложеніе англичанъ, клонившееся къ тому, чтобы Боснія и Герцеговина заняты были Австро-Венгріей.

Постановленія Берлинскаго трактата. — Главныя постановленія Берлинскаго конгресса были слѣдующія: Великая Болгарія Санъ-Стефанскаго договора раздѣлена была на-трое. Македонская часть просто поступала опять подъ турецкое иго. Южнѣе Балканъ создана была „Восточная Румелія“, автономная область, зависящая отъ султана, но управляемая христіанскимъ губернаторомъ по назначенію Порты, съ согласія европейскихъ державъ. Къ сѣверу отъ Балканъ собственно Болгарія превращалась въ вассальное княжество, платящее дань султану, причемъ князь болгарскій, избранный болгарами, не можетъ принадлежать ни къ одной изъ правящихъ династій.

Боснія и Герцеговина остаются неотъемлемой частью Турецкой имперіи; но ихъ оккупируетъ и управляетъ ими Австро-Венгрія, которая сверхъ этого можетъ ставить гарнизоны и строить стратегическія и торговыя дороги въ санджакѣ Новый Базаръ. Послѣдняя оговорка преслѣдуетъ единственную цѣль—прервать

всякое сообщеніе между двумя сербскими государствами, между Бѣлградомъ и Цетинье.

Черногорія, Сербія, Румынія признаны были независимыми подъ условіемъ, что въ нихъ будетъ установлено религіозное, гражданское и политическое равенство.

Черногорія пріобрѣтала Антивари и прилегающее побережье; поверхность княжества почти удвоивалась пріобрѣтеніемъ Подгорицкаго округа; но полицейская власть надъ гаванью и морскимъ берегомъ принадлежала Австріи, и у Черногоріи не было ни флота, ни военнаго флага; она не имѣла права сооружать на новой своей территоріи ни колесной, ни желѣзной дороги, не войдя въ предварительное соглашеніе съ Австріей. Албанская лига взялась за оружіе, чтобы помѣшать черногорцамъ захватить нѣкоторые округа и вступить въ Дульциньо. Князю Николаю пришлось разбить албанцевъ при Гусиньѣ (январь 1880 года), Европѣ устроить передъ Дульциньо морскую демонстрацію, а султану послать свои войска.

Сербія получила округа Пиротъ, Малый Зворникъ, Захаръ, Вранію, но у нея отняли Новый Базаръ и Митровицу.

Румынія снова уступила Россіи свою небольшую часть Бессарабіи и лѣвый берегъ дельты Дуная. Въ возмѣщеніе за эти потери она получила острова, образующіе дельту, ранѣе предназначавшіеся Россіи, и Добруджу. Статья 44-я трактата обязывала Румынію даровать равноправіе евреямъ.

Что касается Россіи, то она вернула себѣ Бессарабію, утраченную въ 1856 году; но ея пріобрѣтенія въ Азіи ограничились Карсомъ, Ардаганомъ, Батумомъ, причемъ послѣдній обязательно становился порто-франко и предназначался исключительно для торговли. Результаты ея побѣдъ, казалось, обратились противъ нея, ибо она была теперь отъ Константинополя дальше, чѣмъ когда-либо; образованіе независимой Румыніи и Болгаріи, которая, несмотря на полузависимое свое положеніе, была не менѣе могущественна, являлось двойнымъ барьеромъ, препятствіемъ, гораздо труднѣе преодолимымъ, какъ съ матеріальной, такъ и съ моральной точки зрѣнія, чѣмъ турецкія арміи, столько разъ уже побѣжденныя.

Греціи, за которую вступились уполномоченные французскіе, русскіе и англійскіе, обѣщано было выправленіе ея границы въ Ѳессаліи и Эпирѣ. Ей предоставлено было войти на этотъ счетъ въ непосредственныя сношенія съ Портой, а державы ограничились обѣщаніемъ своего посредничества для облегченія соглашенія.

Относительно Крита и других христіанскихъ провинцій Порта возобновила обязательства, принятыя на себя въ Санъ-Стефано. Султанъ снова обѣщалъ своимъ подданнымъ свободу совѣсти, гражданское и политическое равенство. Что касается вопроса о проливахъ, то тутъ не сдѣлано было никакихъ перемѣнъ: по-прежнему черезъ нихъ воспрещалось пропускать военныя суда. Дунай признанъ былъ нейтральнымъ и сохранена Европейская комиссія. Наконецъ одна статья спеціально обезпечивала права Франціи и подтверждала statu quo въ святыхъ мѣстахъ.

Таковы были главныя постановленія Берлинскаго трактата: въ исторіи мало такихъ странныхъ, такихъ несправедливыхъ трактатовъ. Двѣ державы, не принимавшихъ въ войнѣ никакого участія, причемъ одна изъ нихъ, Англія, сдѣлала неизбѣжной самую войну, поощряя турокъ,—эти двѣ державы извлекли изъ нея самыя явныя выгоды. Англія заняла Кипръ и обезпечила себѣ этимъ новый пунктъ на Средиземномъ морѣ; Австро-Венгрія пріобрѣла Боснію и Герцеговину, становясь прямо на пути къ Салоникамъ; этимъ нарушалось равновѣсіе на Балканскомъ полуостровѣ. Австрія господствуетъ здѣсь на западѣ, какъ Россія, повиди-

А. А. Вернеръ.

Берлинскій конгрессъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

мому, должна была господствовать на востокѣ. Но Австрія отнынѣ стала ближе къ Средиземному морю, даже къ Константинополю, чѣмъ Россія. А за Австріей начинало давать себя чувствовать вліяніе Германіи, которая является съ этихъ поръ руководительницей стремленія на востокъ (*Drang nach Osten*). Понадобилось всего два мѣсяца, чтобы сломить въ этихъ областяхъ сопротивленіе босняковъ, сербовъ-мусульманъ. Во главѣ послѣднихъ стоялъ отважный Хаджи-Лоша, который былъ разбитъ и схваченъ 2 октября 1878 года. Сербскій народъ, надѣявшійся составить единое цѣлое, оказался, вопреки законному своему желанію и ясно выраженной, въ іюлѣ 1876 года, своей волѣ, раздѣленнымъ на три группы, причемъ Австрія взяла на себя препятствовать всякому сношенію между ними. Точно такъ же нарушена была народная воля и раздѣломъ Болгаріи на три части. Вернувъ Македонію подъ владычество султана, Европа совершила по побужденію Англіи и Австріи прямое нарушеніе гуманности. Въ Санъ-Стефано Россія стремилась обезпечить освобожденіе всѣхъ христіанъ; въ Берлинѣ не считались ни со справедливостью, ни съ волей народовъ, ни даже со здравымъ смысломъ и общими интересами. Заключительный актъ является памятникомъ эгоизма, дѣломъ взаимной зависти и личныхъ счетовъ, дѣломъ безнравственнымъ и жалкимъ, потому что, нисколько не обезпечивая мира, онъ подготовилъ лишь многочисленные поводы для конфликтовъ и войнъ въ будущемъ. Болгарскій вопросъ, македонскій вопросъ, вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ, этой балканской Эльзасъ-Лотарингіи, вотъ итоги европейской дипломатіи на Берлинскомъ конгрессѣ.

Берлинскій трактатъ отразился и на всеобщей политикѣ. Одураченная Германіей Россія съ этихъ поръ начинаетъ искать поддержки въ другомъ мѣстѣ: обманутыя ожиданія 1878 года подготовили франко-русское сближеніе. Наоборотъ, щедро вознагражденная Австрія, получившая поощреніе въ своемъ „шествіи на востокъ“, должна была тѣснѣе сблизиться съ Германіей, и восточная война должна была привести къ тѣсному союзу обѣихъ имперій.

Глава XII.

Христіанскія государства Балканскаго полуострова.

1870—1900.

I.—Сербія.

Регентство. Конституція 1869 года. На другой день послѣ убійства князя Михаила (10 іюня 1868 года)[1] согласно закону о престолонаслѣдіи 1859 года княземъ провозглашенъ былъ его двоюродный братъ Михаилъ Обреновичъ. Такъ какъ новому князю еще не было четырнадцати лѣтъ, то скупщина назначила трехъ регентовъ: генерала Бласноваца, Гавриловича и Ристича. Послѣдній игралъ нѣкоторую роль въ переговорахъ 1864 года касательно очищенія крѣпостей турками. Человѣкъ гибкаго и проницательнаго ума, онъ обладалъ яснымъ пониманіемъ положенія вещей, большимъ честолюбіемъ, полною увѣренностью въ себѣ. Онъ былъ моложе своихъ товарищей, однако получилъ преобладающее вліяніе въ совѣтѣ регентства.

Со времени своего освобожденія Сербія въ сущности жила подъ гнетомъ деспотической княжеской власти. Крестьянинъ,—а изъ крестьянъ состоитъ весь сербскій народъ,—вполнѣ довѣрялъ Милошу и князю Михаилу. Однако изъ сербскихъ школъ и изъ иностранныхъ университетовъ начали выходить люди, желавшіе принять участіе въ управленіи страной. Подъ ихъ вліяніемъ скупщина выразила пожеланіе, „чтобы приступлено было къ такой организаціи законодательной власти, которая дала бы народу возможность принять дѣятельное и законное участіе въ управленіи своими дѣлами". Регенты выработали конституцію, которая и была принята 29 іюня 1869 года.

Исполнительная власть ввѣрялась князю, неотвѣтственному, управляющему при содѣйствіи министровъ, выбираемыхъ имъ самимъ и отвѣтственныхъ передъ скупщиной. Послѣдняя, избираемая на три года, дѣлила съ княземъ законодательную власть и вотировала бюджетъ. Государственный совѣтъ, назначаемый княземъ, подготовлялъ законы и контролировалъ бюджетъ. Органическій законъ устанавлялъ способъ избранія депутатовъ: всякій плательщикъ налоговъ, достигшій тридцати лѣтъ, получалъ активное и пассивное избирательное право, если онъ не былъ чиновникомъ, адвокатомъ или учителемъ. Князь собственнолично назначалъ треть депутатовъ.

Санкціи султана не испрашивали. Конституція была „дѣломъ вполнѣ національнымъ", предназначеннымъ „закрыть навсегда дорогу иностранному вмѣшатель-

[1]) См. т. V, стр. 168.

ству во внутреннія дѣла княжества" [1]). Это твердое поведеніе вынудило султана признать законъ о престолонаслѣдіи и преемственность его въ династіи Обреновичей. Благодаря установленію, которое обезпечивало князю назначеніе трети депутатовъ, благодаря выключенію, согласно закону, людей интеллигентныхъ, регенты являлись господами собранія, сведеннаго къ роли простой регистратурной комиссіи, и приложеніе парламентскаго режима не вызвало никакихъ затрудненій. Предприняты были мѣры, способствовавшія развитію начальнаго и средняго образованія. Чтобы помочь экономическому развитію, принята была французская десятичная система, созданы были учрежденія народнаго кредита, національный банкъ, сберегательныя кассы; основано было нѣсколько земледѣльческихъ школъ; сдѣланъ былъ сводъ законовъ и указовъ; въ военной области провозглашена была всеобщая воинская повинность и частично преобразовано вооруженіе пѣхоты. Въ этомъ отношеніи однако дѣло регентства было довольно несовершенно: Сербіи пришлось горькимъ опытомъ убѣдиться въ этомъ въ 1876 году.

Партіи.—Сдавая власть Милану, который сдѣлался совершеннолѣтнимъ 22 августа 1872 года, регенты радовались, что оставляютъ „примѣръ согласія, которое ни на одну минуту не переставало царить какъ между всѣми политическими элементами, такъ и между послѣдними и народомъ". Въ дѣйствительности во время регентства Сербія управлялась *либеральной партіей*, единственной, организованной въ моментъ смерти Михаила. Но со времени обнародованія конституціи образовалась оппозиціонная партія, состоявшая изъ интеллигенціи, закономъ устраненной отъ дѣлъ.

Среди этихъ людей можно было различать два направленія. Одни, вышедшіе по большей части изъ французскихъ школъ, боялись крестьянскаго партикуляризма; они знали, что крестьянину чужда самая идея государства и что онъ почти вовсе не смотритъ дальше узкихъ интересовъ своей деревни. Они считали совершенно невозможнымъ какой бы то ни было прогрессъ, и самое существованіе націи казалось имъ въ опасности, если не объединить разрушенные элементы рамками вполнѣ законченной администраціи, руководимой очень сильною центральною властью. Они были поборниками власти и централизаціи на французскій ладъ. Другіе, вышедшіе преимущественно изъ швейцарскихъ университетовъ, имѣли въ виду, наоборотъ, ограничить вліяніе центральной власти и подчинить ее самому бдительному контролю; какъ истинные консерваторы, они требовали возможно полнаго сохраненія сербской традиціи и, слѣдовательно, оставленія за общинами широкой автономіи: впослѣдствіи имъ дали прозвище *радикаловъ*. Первые расположены были произвести значительныя затраты для того, чтобы поставить Сербію на уровень цивилизаціи старыхъ европейскихъ государствъ, двинуть ее впередъ, „*напредъ*", отсюда послѣдующее ихъ прозваніе „*напреднякáми*", обычно переводимое словомъ *прогрессисты*. Радикалы тоже признавали, что преобразованія неизбѣжны, но они стремились ограничить ихъ самымъ необходимымъ. Всѣ вмѣстѣ признавали борьбу противъ конституціи и, сплотившись въ единую партію, дружно выступили противъ правительства съ неопредѣленной программой, выражавшейся въ одномъ требованіи: пересмотръ конституціи.

Правленіе Милана. Конституція 1888—1889. — Трудно было вдохновить этимъ требованіемъ крестьянина; вотъ почему до 1880 года оппозиція оставалась штабомъ безъ солдатъ. Власть попрежнему

[1]) *Положеніе Сербіи, изложенное княжескимъ регентствомъ его свѣтлости князю сербскому по поводу провозглашенія его совершеннолѣтія* (Бѣлградъ, 1872).

была въ рукахъ конституціоналистовъ, т.-е. либераловъ и Ристича. Михаилъ удерживалъ его у дѣлъ, потому что онъ былъ сторонникомъ сильной власти, и страна довѣряла ему, потому что онъ велъ чисто руссо-фильскую политику, потому что онъ проповѣдывалъ священную войну съ турками и въ обоихъ этихъ вопросахъ совершенно сходился во взглядахъ съ народомъ. Съ другой стороны, неудачныя войны 1876 и 1877 года, необходимость бороться съ двумя нашествіями отвратили вниманіе отъ вопросовъ чисто политическихъ. Пріобрѣтеніе Ниша по Берлинскому трактату, признаніе Европой полной независимости Сербіи, провозглашеніе независимости національной церкви (октябрь 1879 года) доставили Ристичу широкую популярность.

Одинъ инцидентъ во внѣшней политикѣ совершенно измѣнилъ положеніе дѣлъ. Съ Австріей велись переговоры о торговомъ трактатѣ, Ристичъ не хотѣлъ подчиняться праву сильнаго и отозвалъ изъ Вѣны сербскихъ уполномоченныхъ (августъ 1880 года). Австрія пригрозила Сербіи экономической блокадой. Полагая, что это роковымъ образомъ отразится на Сербіи, Миланъ потребовалъ отставки Ристича. Поссорившись съ этихъ поръ съ либералами, онъ долженъ былъ призвать ко власти оппозицію. Одинъ изъ вождей ея, Пиротханацъ, составилъ новый кабинетъ. Скупщина была распущена, и декабрьскіе выборы 1880 года обезпечили оппозиціи господство въ палатѣ.

Расколъ между напредняцкими и радикальными элементами, входившими въ составъ оппозиціи, произошелъ почти немедленно. Михаилъ остановилъ свой выборъ на Пиротханацѣ, потому что онъ былъ напреднякъ, сторонникъ очень сильной центральной власти, крупныхъ предпріятій и крупныхъ расходовъ: такая программа вполнѣ соотвѣтствовала властнымъ замашкамъ и денежнымъ аппетитамъ самого князя. Бюджетъ, не достигавшій и 20 милліоновъ, перешагнулъ за 40. За семь лѣтъ долгъ съ 7 милліоновъ поднялся до 312. Правда, было построено 500 километровъ желѣзныхъ дорогъ; правда, княжество возведено было въ королевство (6 марта 1887 года), зато заложены были иностраннымъ банкамъ всѣ источники доходовъ Сербіи, а податное бремя увеличилось болѣе чѣмъ въ четыре раза.

Къ этой плачевной финансовой политикѣ присоединилась внѣшняя политика, противорѣчившая національному чувству. Миланъ навязывалъ своимъ министрамъ дружбу съ Австріей, смертельно ненавидимой съ тѣхъ поръ, какъ она занимала Боснію и Герцеговину, эту сербскую Эльзасъ-Лотарингію. Недовольство послужило на выгоду радикальной партіи, возникшей въ январѣ 1881 года, отлично организованной по образцу нѣмецкой соціалистической партіи. Партія требовала строгой бережливости и широкой автономіи для общинъ. Въ 1883 году она сдѣлала попытку захватить власть путемъ возстанія (Зайчарское возстаніе), безпощадно подавленнаго и вызвавшаго полное разоруженіе страны. Однако новые промахи Милана, особенно нечестивая и неудачная война въ 1885 году противъ болгаръ, дали партіи возможность вновь образоваться. Скандальная частная жизнь окончательно погубила Милана. Въ 1875 году онъ женился на русской, Наталіи Кешко. Королева сумѣла пріобрѣсти всеобщее уваженіе и привязанность. Безъ всякаго видимаго предлога Миланъ вздумалъ разводиться. Напредняки, руководимые Гарашанинымъ, покинули его въ 1887 году. Къ услугамъ Милана оставались теперь лишь честолюбцы, въ родѣ Ристича, или смѣльчаки, въ родѣ Николы Кристича. Въ обходъ всякихъ законовъ православной церкви король 24 октября 1888 года самъ провозгласилъ свой разводъ. Общественное мнѣніе взволновалось настолько, что два дня спустя Миланъ, въ видѣ диверсіи, объявилъ о близкомъ созывѣ учре-

дительнаго собранія и о немедленномъ образованіи комиссіи, составленной изъ представителей трехъ партій, съ порученіемъ выработать новую конституцію.

Выборы въ учредительное собраніе дали 500 полномочій радикаламъ, 79 либераламъ, одно напреднякамъ. Собраніе приняло (21 декабря 1888—2 января 1889г.) конституцію, признававшую за королемъ, правящимъ при содѣйствіи отвѣтственнаго передъ скупщиной министерства, власть исполнительную; власть же законодательная и вотированіе бюджета предоставлены были единой палатѣ, избираемой непосредственно всѣми плательщиками налоговъ, что̀ почти равносильно было всеобщему избирательному праву. Конституція обезпечивала свободу личности, свободу печати, собраній и союзовъ. Король принялъ конституцію, но даже не сдѣлалъ попытки примѣнить ее.

Отреченіе Милана. Александръ I. Государственные перевороты въ августѣ 1892 и въ апрѣлѣ 1893 года.—6 марта 1889 года Миланъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына Александра, которому было двѣнадцать лѣтъ, и вручилъ регентство Ристичу и генераламъ Протичу и Бѣлимарковичу. 12 февраля 1892 года Миланъ, сдѣлавшійся графомъ Таковскимъ, довершилъ свое отреченіе, отказавшись за два милліона отъ своихъ правъ члена королевской семьи, и даже отъ сербскаго гражданства.

Сообразуясь съ духомъ конституціи, регенты призвали къ власти одного изъ вождей радикальной партіи, генерала Груича. Радикалы приложили усилія къ возстановленію порядка въ финансахъ и къ возвращенію на путь традиціонной руссо-фильской политики. Почти три года страна пользовалась миромъ. Но одинъ изъ регентовъ, Протичъ, умеръ въ 1892 году. Скупщина, въ силу своего состава, должна была назначить ему преемника изъ радикаловъ. Глава либераловъ Ристичъ, испугавшись, что этимъ путемъ подорвано будетъ его преобладающее значеніе, поощряемый къ тому же Миланомъ, которому радикалы не хотѣли больше давать денегъ, приступилъ въ августѣ 1892 года къ государственному перевороту. Безъ всякаго видимаго предлога онъ отставилъ радикальное министерство, въ которомъ Пашичъ смѣнилъ генерала Груича, и образовалъ либеральный кабинетъ Авакумовича-Рибараца. Скупщина была распущена, и либералы путемъ террора пытались навязать странѣ свое господство и заставить выбрать палату, вполнѣ преданнную имъ. Въ Горачичѣ безъ предупрежденія, безъ малѣйшаго предлога разстрѣливали въ упоръ гражданъ, собравшихся мирно и на законномъ основаніи. Несмотря на все это, выборы оказались вполнѣ благопріятными для радикаловъ. Министерство частично опротестовало ихъ. Дѣло грозило возстаніемъ, какъ вдругъ 1/13 апрѣля 1893 года король, достигшій въ то время шестнадцатилѣтняго возраста, устранилъ опасность, арестовавъ во время одного обѣда регентовъ и министровъ и образовавъ при участіи своего бывшаго учителя Докича коаліционное министерство изъ радикаловъ и напредняковъ. Этотъ государственный переворотъ встрѣченъ былъ страною съ энтузіазмомъ.

Возвращеніе Милана. Переворотъ 1894 года. Бракъ Александра I.—Къ несчастью, гибельное вліяніе Милана вскорѣ снова дало себя почувствовать. Министерство Авакумовича-Рибараца предано было суду. Рибарацъ угрожалъ обнаружить во время преній переписку, которая должна была показать, что все сдѣлано было по наущенію Милана. Съ другой стороны, радикалы отказались вотировать бывшему королю содержаніе. Вопреки закону, запрещавшему ему въѣздъ въ Сербію, Миланъ 21 января 1894 года вернулся въ Бѣлградъ. Радикальное министерство вышло въ отставку. Печать повела противъ Милана ужасную кампанію. Король прежде

всего возстановилъ своего отца въ его правахъ и прерогативахъ. Затѣмъ 21 мая 1894 года онъ отмѣнилъ новымъ переворотомъ конституцію 1888—89 г., уничтожилъ свободу печати, гарантіи личной неприкосновенности и возстановилъ дѣйствіе конституціи 1869 года. Слабость радикальныхъ вождей, отсутствіе значительнаго центра, гдѣ сопротивленіе могло бы сорганизоваться, обезпечило успѣхъ Милану. Въ 1895 году можно было надѣяться, что кризисъ подходитъ къ концу. Миланъ покинулъ Сербію. Королева Наталія вернулась въ Бѣлградъ. Въ іюлѣ 1895 года министерство ввѣрено было одному изъ вождей напредняцкой партіи, Новаковичу, по справедливости пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ. Съ радикалами [1]) открыты были переговоры; старательно выработанъ былъ проектъ конституціи. Интрига Милана, который обманулъ радикаловъ, разрушила все. Новаковичъ вышелъ въ отставку (октябрь 1897 года). Миланъ вернулся и поселился въ Бѣлградѣ. Назначенный главнокомандующимъ арміей, онъ правилъ именемъ своего сына при содѣйствіи министерства, составленнаго изъ его любимцевъ подъ предсѣдательствомъ Владана Георгіевича. Въ сессію 1898 года скупщиной приняты были драконовскіе законы о печати, о союзахъ, объ избирательномъ режимѣ. Право голоса отнято было у всей мыслящей части сербскаго народа, у журналистовъ, врачей, адвокатовъ, учителей, чиновниковъ. Въ іюлѣ 1899 года покушеніе босняка Княжевича дало Милану поводъ обрушиться на радикальныхъ вождей; ихъ впутали въ заговоръ, вымышленный полиціей Милана, и подкупленные судьи осудили ихъ, совершенно невинныхъ. Сербія подчинена была деспотическому произволу въ угоду одному человѣку, какъ вдругъ молодой король рѣшительно вернулъ себѣ власть и разорвалъ съ своимъ отцомъ по поводу своей женитьбы. Вопреки Милану онъ женился 5-го августа 1900 года на сербкѣ, Драгѣ Машиной, бывшей фрейлинѣ королевы Наталіи. Министерство получило отставку и замѣнено было коалиціоннымъ министерствомъ изъ радикаловъ и напредняковъ. Всѣ осужденные по политическимъ дѣламъ выпущены были изъ тюремъ, изгнанники получили право вернуться на родину.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ кризисовъ развитіе Сербіи за послѣднія тридцать лѣтъ не было такимъ, какимъ оно должно было бы быть. Особенно рѣзко это бросается въ глаза при сравненіи болгарскаго государственнаго долга съ сербскимъ и при сопоставленіи того, что сдѣлано на эти займы. Сербскій долгъ превысилъ 409 милліоновъ, и проценты поглощаютъ въ годъ около 21 милліона, почти треть 69 милліоннаго бюджета. Болгарскій долгъ ежегодно требуетъ уплаты меньше 20 милліоновъ, а бюджетъ превышаетъ 84 милліона. Но Болгарія снабдила свои войска самымъ современнымъ вооруженіемъ, тогда какъ Сербія, правда, пріобрѣла около 300 французскихъ орудій (Банжа), зато до сихъ поръ еще не перевооружила пѣхоту скорострѣльными ружьями. Болгарія построила 993 километра желѣзныхъ дорогъ, а Сербія всего только 570. Линіи, построенныя одной французской компаніей, въ 1889 году насильно захвачены были сербскимъ правительствомъ, которое вознаградило строителей послѣ долгихъ переговоровъ. Помимо желѣзныхъ дорогъ, важнѣйшими мѣропріятіями были: въ области административной—организація общинъ въ 1880 году; въ области народнаго просвѣщенія—замѣчательный законъ 1882 года (законъ Новаковича), установлявшій безплатное и обязательное начальное обученіе; совокупность законовъ по санитаріи и общественной гигіенѣ, обнародованныхъ въ 1881 году; наконецъ,

[1]) По исторіи партій и особенно радикальной партіи см. Альберъ Малэ,—*Король Миланъ* (Revue de Paris, 1 ноября 1899 года).

законы 1886 и 1896 года объ арміи, въ силу которыхъ военная служба дѣлается обязательной для всѣхъ сербовъ отъ 21 года до 51; теоретически эти законы позволяютъ довести 22-тысячный контингентъ арміи до 353.000 (?), изъ нихъ 160.000 линейныхъ войскъ [1]).

II. — Болгарія.

Съ возникновеніемъ Болгарскаго государства уменьшилось значеніе Сербіи на Балканскомъ полуостровѣ. По злополучному предложенію лорда Сольсбери и его начальника, Дизраэли, Берлинскій конгрессъ разбилъ на три части созданную Санъ-стефанскимъ договоромъ Великую Болгарію. Македонія вновь отдана была подъ непосредственную власть султана; изъ области, заключенной между Деспото-Дагомъ на югѣ и Балканами на сѣверѣ, создана была автономная провинція Восточная Румелія; страна между Балканами и Дунаемъ образовала вассальное княжество Болгарію. Румелія получала губернатора изъ христіанъ, назначаемаго на пять лѣтъ Портою съ согласія Европы. Болгарія должна была имѣть князя, избраннаго населеніемъ и утвержденнаго Портой и державами. До окончательнаго водворенія новаго порядка Болгаріей долженъ былъ управлять русскій комиссаръ; но этотъ временный режимъ не могъ продолжаться больше девяти мѣсяцевъ. Въ теченіе такого же срока русскіе должны были занимать Восточную Румелію.

Конституція 1879 года. Александръ Баттенбергскій. — Комиссаръ по управленію Болгаріей генералъ Дондуковъ-Корсаковъ созвалъ въ Тырново собраніе, которое выработало конституцію: текстъ ея принятъ былъ 16 апрѣля 1879 года. Княжеское достоинство наслѣдственно въ мужской линіи по праву первородства. Исполнительная власть принадлежитъ князю, неотвѣтственному, правящему при содѣйствіи министровъ, отвѣтственныхъ передъ народнымъ представительствомъ, *Собраніемъ*. Собраніе законодательствуетъ, устанавливаетъ бюджетъ и контролируетъ расходы. Депутаты изъ лицъ не ниже тридцатилѣтняго возраста, умѣющихъ читать и писать, избираются на три года всеобщимъ и прямымъ голосованіемъ, причемъ избирателемъ можетъ быть всякій болгаринъ, достигшій двадцати одного года. Когда зашла рѣчь о выборѣ князя, генералъ Дондуковъ объявилъ, что царь выставляетъ кандидатуру принца Александра Баттенбергскаго, молодого человѣка 22 лѣтъ, прусскаго офицера, племянника государыни. Уступая желанію *царя-освободителя*, Баттенберга единодушно избрали въ князья (27 августа 1879 года).

Русская опека. Партіи. — Первые годы существованія княжества были наполнены значительными смутами. Вина въ этомъ падаетъ главнымъ образомъ на русскихъ. Освободивъ Болгарію, они выражали желаніе держать ее подъ опекой, распоряжаться ею, какъ подвластнымъ государствомъ, превратить ее съ точки зрѣнія политической въ ленъ, а съ точки зрѣнія экономической въ колонію. Покорностью болгары должны были расплачиваться за пролитую кровь царскихъ солдатъ. Въ Петербургѣ думали, что покорность не составитъ тягости для болгаръ: ихъ считали за полуварваровъ, не способныхъ руководить собою. Между тѣмъ среди этихъ варваровъ было много лицъ довольно образованныхъ: объ этомъ можно было судить по учредительному собранію въ Тырновѣ, гдѣ разсчитывали видѣть лишь неотесанныхъ крестьянъ и гдѣ въ дѣйствительности двѣ трети депутатовъ говорили по-французски, половина по-французски и по-нѣмецки. Сверхъ того при турецкомъ господствѣ болгары, какъ и сербы, пользовались довольно широкой

---

[1]) Относительно Черногоріи, вся политическая жизнь которой сводится къ ея роли во время войны 1876—1878 года, см. предыдущую главу.
Прим. автора.

общинной независимостью, такъ что до извѣстной степени они оказались подготовленными къ политической жизни. Наконецъ, многіе посѣщали университеты въ Румыніи, Россіи, Германіи, Франціи; они получали даже высшія ученыя степени. Они стремились играть активную роль въ своей освобожденной родинѣ и не могли долго мириться съ мыслью, что они лишь орудія чужеземной воли.

Среди нихъ, какъ и среди сербовъ, господствовало два различныхъ теченія. Одни, бывшіе студенты французскихъ и нѣмецкихъ университетовъ, полагали, что народу, недавно освобожденному, коварному, склонному къ заговорамъ, мало считающемуся съ законностью и уважающему одну только силу,—такому народу надо давать свободу, такъ сказать, малыми пріемами и что слѣдуетъ подчинить его сильно вооруженной центральной власти, которую не станетъ стѣснять въ ея работѣ по всеобщему устроенію непостоянный парламентскій режимъ. Этимъ сторонникамъ сильной власти, которыхъ назвали *консерваторами*, конституція казалась слишкомъ либеральной. Въ этомъ отношеніи консерваторы вначалѣ вполнѣ сходились съ русскимъ правительствомъ и многочисленными офицерами и чиновниками, которымъ царь поручилъ созиданіе новой Болгаріи. Но согласіе это было непродолжительно. Русское вмѣшательство скоро оказалось не по душѣ консерваторамъ, которые, правда, стремились дать Болгаріи сильныхъ руководителей, но разсчитывали сами стать этими руководителями. Съ 1879 года они могли бы считать своимъ девизомъ слова, сказанныя позднѣе Стамбуловымъ: „Болгарія для болгаръ". Наиболѣе выдающимися людьми партіи были Начевичъ, Грековъ и Стоиловъ, питомцы университетовъ парижскаго, эксъ-марсельскаго и гейдельбергскаго.

Когда русскіе открыли намѣренія консерваторовъ и сообразили, что тѣ внушаютъ Александру быть болгарскимъ княземъ, а не просто намѣстникомъ царя, они стали бороться противъ своихъ недавнихъ союзниковъ и искали поддержки у *либеральной* партіи. Эта партія состояла изъ тѣхъ, кто побывалъ въ Россіи, и изъ тѣхъ, кто въ турецкія времена жилъ въ изгнаніи по разнымъ балканскимъ государствамъ. Сторонники парламентскаго режима, они требовали точнаго примѣненія конституціи. Сверхъ того они считали вполнѣ законнымъ, чтобы доля вліянія въ политической жизни княжества принадлежала Россіи. Ихъ вождями вначалѣ были Цанковъ и Каравеловъ. Впослѣдствіи партія пришла въ разстройство какъ разъ по поводу вопроса о русскомъ вліяніи, въ 1882 году, послѣ филиппопольской революціи и паденія Александра. Въ это время уже многіе, не желавшіе „ни русскаго меда, ни русскаго жала" [1]), образовали во главѣ со Стамбуловымъ *либеральную народную* партію, съ которой вскорѣ слилась консервативная партія въ виду общаго предмета ненависти. Остатокъ либеральной партіи, руссофильскій прежде всего, раздробился вслѣдствіе личнаго соперничества между Цанковымъ и Каравеловымъ; но эти дѣленія не имѣютъ политическаго значенія.

Майскій переворотъ 1881 года. — Князь составилъ свой первый кабинетъ при участіи вождей консервативной партіи, Грекова и Начевича, и русскаго генерала Паренцова. Но выборы дали большинство либераламъ, которые немедленно обнаружили враждебное отношеніе къ министерству. Черезъ шесть дней послѣ своего созыва Собраніе было распущено (ноябрь 1879 года). При новыхъ выборахъ избрано было 138 либераловъ при 32 консерваторахъ. Князь уступилъ и ввѣрилъ власть Цанкову и Каравелову. Однако консерваторы остались его закулисными совѣтниками. Подъ ихъ влія-

[1]) Слова эти принадлежатъ Цанкову, который тѣмъ не менѣе остался рѣшительнымъ „руссофиломъ".

ніемъ князь сдѣлалъ царю запросъ и получилъ отъ него разрѣшеніе произвести государственный переворотъ. 9 мая 1881 года онъ отставилъ кабинтъ Цанкова—Каравелова и образовалъ министерство во главѣ съ русскимъ генераломъ Эрнротомъ. Конституція была отмѣнена; созвано было учредительное собраніе, и князь заявилъ, что желаетъ испросить у него чрезвычайныя полномочія на семь лѣтъ. Для подготовки выборовъ онъ объѣхалъ провинціи въ сопровожденіи русскаго агента Хитрово. Благодаря этой поѣздкѣ и административному давленію, получилась палата съ консервативнымъ большинствомъ. Вожди либеральной партіи были избраны, но сочли благоразумнымъ удалиться въ изгнаніе. Одинъ только Цанковъ осмѣлился явиться въ засѣданіе; онъ былъ арестованъ. Собраніе дало князю испрошенныя имъ полномочія.

Теперь Болгаріей правили консерваторы и русскіе генералы Ремлингенъ, Соболевъ и Каульбарсъ. Послѣдніе стремились установить повсюду русское вліяніе: армія была уже въ рукахъ русскихъ офицеровъ; теперь требовали принятія русскихъ законовъ, русскихъ школьныхъ программъ и передачи крупныхъ сооруженій, особенно постройки желѣзныхъ дорогъ, русскимъ спекулянтамъ. Обезпокоенные консерваторы уговаривали князя не уступать этимъ требованіямъ. Царь Александръ III, не любившій Баттенберга, не простилъ ему этого сопротивленія, и Соболеву съ Каульбарсомъ поручено было подготовить сверженіе консерваторовъ и князя путемъ сближенія съ либералами и возстановленія конституціи. Грековъ пронюхалъ объ этомъ проектѣ и предложилъ Баттенбергу упредить его, образовавъ коалиціонный кабинетъ, въ которомъ либералы получили бы мѣсто рядомъ съ консерваторами. Соглашеніе между партіями состоялось за спиной у Россіи. 19 сентября 1883 года князь сложилъ съ себя чрезвычайныя полномочія и возстановилъ конституцію. Русскіе генералы удалились. Либералы немедленно выжили ихъ консервативныхъ коллегъ, а сами остались у власти во главѣ съ Каравеловымъ. Два года прошли относительно спокойно; злопамятство русскихъ въ это время, повидимому, улеглось.

Румелія. Филиппопольская революція.— Но революція въ Филиппополѣ стала точкой отправленія новаго и продолжительнаго критическаго періода. Согласно Берлинскому трактату русскіе оставались въ Румеліи до іюля 1879 года. Губернаторъ Болгаріи воспользовался оккупаціей и организовалъ Румелію по одинаковому съ Болгаріей плану, не считаясь съ учрежденной для этой цѣли европейской комиссіей. „Это административное единообразіе,—говорилъ онъ,—въ моихъ глазахъ чрезвычайно важно для будущаго Румеліи“. Едва ли можно было яснѣе показать, что русское правительство разсчитывало со временемъ на отмѣну Берлинскаго трактата въ той его части, которая касалась раздѣленія Болгаріи и Румеліи. Нельзя было болѣе откровенно призвать румеліотовъ къ тому, чтобы они потребовали присоединенія и готовились къ нему. Назначенный султаномъ губернаторъ (въ апрѣлѣ 1879 года) Алеко-паша, родомъ болгаринъ, не имѣлъ охоты бороться со сторонниками присоединенія, которыхъ съ своей стороны поддерживали многіе русскіе консулы. Послѣдніе, впрочемъ, перемѣнили тактику, когда Баттенбергъ пересталъ нравиться Петербургу. Они пытались теперь задержать революцію, которая оказалась бы выгодной для него, увеличила бы его престижъ, затруднила бы его ниспроверженіе. Гавріилъ-паша, въ 1884 году смѣнившій по требованію Россіи Алеко-пашу, сдѣлался агентомъ этой политики отсрочки, которая вызвала недовольство румеліотовъ. Англійскій консулъ воспользовался положеніемъ для упроченія англійскаго вліянія и склонилъ румеліотовъ къ дѣй-

ствію. Въ ночь съ 17 на 18 сентября 1885 года Гавріилъ-паша былъ схваченъ, изгнанъ изъ Филиппополя, и румеліоты провозгласили свое присоединеніе къ княжеству. Баттенбергъ былъ озадаченъ внезапностью происшествія, однако явился и принялъ титулъ „князя обѣихъ Болгарій“.

Война съ Сербіей. — Боясь скомпрометировать себя въ глазахъ Европы и ненавидя Баттенберга, царь отозвалъ русскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ въ Болгаріи, и объявилъ уполномоченнымъ, прибывшимъ къ нему просить о признаніи совершившагося факта, что онъ ничего не сдѣлаетъ для Болгаріи, пока ею будетъ управлять Александръ. Одновременно съ этимъ въ Сербіи Миланъ мобилизовалъ армію (22 сентября 1885 года). Отношенія между Софіей и Бѣлградомъ были довольно натянуты уже съ мая 1884 года. Миланъ упрекалъ болгарское правительство въ томъ, что оно недостаточно строго наблюдаетъ за радикалами, бѣжавшими въ Болгарію послѣ Зайчарскаго возстанія. Даже отозванъ былъ дипломатическій представитель Сербіи (іюнь 1884 года). Милану казалось, что соединеніе Болгаріи съ Румеліей нарушаетъ „равновѣсіе силъ балканскихъ государствъ“ [1]) и что Сербія „не можетъ оставаться равнодушной въ виду такого потрясенія“. Болгарская армія, разстроенная отозваніемъ русскихъ кадровъ, находилась въ Румеліи въ ожиданіи турецкаго нашествія. Разсчитывая на дружбу Милана, Баттенбергъ настроенъ былъ очень довѣрчиво. Миланъ воспользовался этимъ довѣріемъ и затѣялъ походъ, который, по его словамъ, въ десять дней долженъ былъ довести его до Софіи; онъ напалъ неожиданно (14 ноября). Въ то время какъ одинъ корпусъ двигался на Виддинъ, главныя силы, подъ руководствомъ Милана, прошли чрезъ Драгоманово ущелье. Но противъ всякаго ожиданія Миланъ былъ задержанъ передъ сливницкою позиціей. Трехдневный бой (17, 18, 19 ноября 1885 года), благодаря энергіи и дружному натиску молодыхъ болгарскихъ офицеровъ, закончился полнымъ пораженіемъ Милана. 26 ноября болгары вступили въ Сербію и заняли Пиротъ (26 — 27 ноября). 28-го графъ Кевенгюллеръ именемъ Австріи потребовалъ у Баттенберга перемирія. Это вмѣшательство спасло Милана отъ полнаго пораженія. Подписанный въ Бухарестѣ миръ возстановилъ *statu quo ante* (8 марта 1886 года). Побѣды, повидимому, ничего не дали Болгаріи.

Въ дѣйствительности онѣ отняли у Турціи и великихъ державъ возможность не признавать совершившійся фактъ и заставили косвеннымъ образомъ санкціонировать Филиппопольскую революцію. Султанъ предложилъ назначить Баттенберга губернаторомъ Румеліи; державы, за исключеніемъ Россіи, примкнули къ предложенію. Фактическая унія дополнена была юридически уніей личной (5 апрѣля 1886 года).

Отреченіе Баттенберга. — Положеніе Баттенберга казалось значительно упроченнымъ. Но Россія упорно добивалась его паденія. Она нашла сторонниковъ среди прошедшихъ русскую школу офицеровъ, побѣдителей при Сливницѣ, недовольныхъ повышеніями, которыя достались за ихъ счетъ офицерамъ румелійской арміи. При участіи военнаго министра Никифорова и министра-президента Каравелова офицеры въ ночь съ 20 на 21 августа 1886 года захватили князя во дворцѣ, вынудили его подписать отреченіе, а затѣмъ отправили его на русскую территорію, въ Рени, гдѣ, какъ они разсчитывали, его задержатъ. Они учредили временное правительство. Но бóльшая часть болгарской арміи и вся армія румелійская была предана Баттенбергу. Вмѣстѣ съ тѣмъ на сцену выступила новая партія, состоявшая изъ румеліотовъ и либе-

[1]) Манифестъ 14 декабря.

раловъ, отколовшихся отъ Россіи въ виду ея непримиримаго образа дѣйствій. Вождемъ новой партіи былъ Стамбуловъ, президентъ Собранія, засѣдавшаго въ это время въ Тырновѣ. По соглашенію со своимъ шуриномъ Муткуровымъ, командовавшимъ румелійскою арміей, онъ пошелъ на Софію, гдѣ временное правительство растаяло само собой. 1-го сентября 1886 года Баттенбергъ былъ призванъ обратно. Но, чувствуя, что ему невозможно будетъ править вопреки Россіи, онъ сдѣлалъ попытку обезоружить царя. „Россія дала мнѣ корону, въ руки ея государя готовъ я вернуть ее“, телеграфировалъ онъ, прибывъ въ Рущукъ. 3 сентября Александръ III отвѣчалъ: „Я воздержусь отъ всякаго вмѣшательства въ печальное состояніе дѣлъ, въ какое попала Болгарія, до тѣхъ поръ, пока вы останетесь тамъ“. Князь немедленно отрекся и передалъ власть регентству со Стамбуловымъ во главѣ. Съ этого началась диктатура Стамбулова, длившаяся восемь лѣтъ.

Стамбуловъ. Стамбуловъ былъ сыномъ тырновскаго трактирщика. Образованіе онъ получилъ самое незначительное; онъ самъ пополнилъ его послѣ освобожденія Болгаріи. Связанный съ судьбой Каравелова, у котораго онъ состоялъ избирательнымъ агентомъ, онъ продвинутъ былъ своимъ покровителемъ на мѣсто президента палаты. Ему было тридцать три года. Отличаясь яснымъ и живымъ умомъ, онъ обладалъ отчетливымъ пониманіемъ нуждъ своей страны и условій, при которыхъ полуварварскій, невѣжественный и склонный къ рутинѣ народъ, образовавшій полуанархическое государство, могъ бы превратиться въ прочно организованную и способную къ дальнѣйшему развитію націю. Властный отъ природы, онъ еще больше становился такимъ въ силу необходимости: онъ силой повлекъ свой народъ на мучительный, зато плодотворный путь прогресса. Первой мечтой его честолюбія было достиженіе полной эмансипаціи Болгаріи, осуществленіе „Болгаріи для болгаръ“, освобожденіе ея какъ отъ русской опеки, такъ и отъ суверенитета Турціи.

За исключеніемъ послѣдняго пункта, ему удалось осуществить свою программу, несмотря на гнѣвъ и угрозы Россіи и вражду одной части европейскаго общественнаго мнѣнія. Полная освѣдомленность относительно взаимнаго соперничества и зависти, благодаря которымъ державы дѣйствовали разрозненно и парализовали другъ друга, дала ему смѣлость отважиться на все и позволила ему восторжествовать въ концѣ-концовъ.

Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій. — Прежде всего надо было избѣжать новаго давленія Россіи на правительство. Царь отправилъ чрезвычайнаго уполномоченнаго, генерала Каульбарса, брата бывшаго министра, съ порученіемъ подготовить избраніе на престолъ русскаго подданнаго, князя Мингрельскаго. Чтобы не дать ему времени объединить руссофильскую партію, Стамбуловъ ускорилъ выборы въ національное собраніе. Депутаты, всѣ почти друзья Стамбулова, съѣхались въ Тырново. Тщетно Каульбарсъ объявилъ, что царь не признаетъ постановленій собранія. 18 ноября оно избрало принца Вольдемара, сына датскаго короля, затѣмъ утвердило полномочія регента Стамбулова. Немедленно вслѣдъ за этимъ сессія была закрыта. Принцъ Вольдемаръ отказался отъ короны; царь отозвалъ Каульбарса и всѣхъ русскихъ агентовъ. Власть оказалась въ рукахъ Стамбулова. Съ дикой энергіей подавилъ онъ попытки своихъ противниковъ вырвать ее у него. Малѣйшая свобода была подавлена послѣ возстанія офицеровъ русской партіи въ Рущукѣ: десятерыхъ казнили (въ мартѣ 1887 года). Въ Софіи Каравеловъ подвергнутъ былъ Паницею пыткѣ въ темницѣ, а его товарищи избѣжали той же участи лишь благодаря энергіи французскаго консула Флека.

Тѣмъ временемъ особая миссія во главѣ со Стоиловымъ объѣзжала Европу, отстаивая передъ державами дѣло Болгаріи и подыскивая для нея князя. Въ Вѣнѣ миссія нашла принца Фердинанда саксенъ-кобургскаго, приходившагося по матери внукомъ короля Людовика-Филиппа. Ему было двадцать шесть лѣтъ и очень хотѣлось играть видную роль; къ тому же онъ обладалъ образованіемъ, послѣдовательностью и гибкой волей, вполнѣ достаточными для успѣха. Одновременно съ этимъ и султанъ,—который, несмотря на настоянія Россіи, отказался отъ вооруженнаго вмѣшательства,—обратился къ державамъ съ предложеніемъ указать одного или двухъ кандидатовъ на корону (21 мая 1887 года). Стамбуловъ съ своей стороны ускорилъ событія, и 7-го іюля національное собраніе единодушно избрало князя Фердинанда. Послѣдній прибылъ въ Софію 23 августа и присягнулъ конституціи, хотя султанъ далъ ему понять, что онъ не признаетъ его избранія и что державы тоже не признали его. Однако Англія, Австрія и Италія были къ нему благосклонны: въ ихъ расчеты входило образованіе на Балканскомъ полуостровѣ государства, враждебнаго Россіи. Заявленія Кальноки въ Вѣнѣ и Тиссы въ Пештѣ (въ 1888 году) не позволяли сомнѣваться, что вмѣшательство Россіи повлекло бы за собой войну съ Австро-Венгріей. Россія не хотѣла пускаться въ такое приключеніе. Что касается султана, то онъ ограничился неоднократно повтореннымъ, но лишь платоническимъ протестомъ.

Диктатура Стамбулова. Заговоры.—Князь Фердинандъ поручилъ составленіе перваго своего министерства Стамбулову. Это было продолженіемъ диктатуры, которою онъ обладалъ еще во время регентства. Въ началѣ своего правленія князь ничего не могъ сдѣлать безъ него или противъ него. Всѣ общественныя должности заняты были его ставленниками; многочисленная и совершенно преданная ему жандармерія распространена была по всей странѣ, обезпечивая быстрое и полное выполненіе его приказовъ; во главѣ арміи онъ поставилъ своего шурина, полковника Муткурова, и румелійскихъ офицеровъ, рѣшительныхъ сторонниковъ его политики независимости. Съ этого времени роль князя должна была свестись совсѣмъ на нѣтъ вплоть до того времени, когда ему удастся, такъ сказать, пустить корни въ странѣ и когда, пріобрѣтя личное вліяніе, онъ получитъ возможность имѣть свою собственную волю и осуществлять ее. До этого момента ему приходилось довольствоваться положеніемъ государя въ англійскомъ духѣ, т.-е. царствовать, не управляя. Впрочемъ, такое отреченіе для князя было нетрудно, потому что взгляды министра какъ во внѣшней политикѣ, такъ и въ вопросахъ внутреннихъ во многомъ отвѣчали его собственнымъ взглядамъ; если они очень часто расходились въ средствахъ, зато обыкновенно вполнѣ сходились относительно конечной цѣли.

Держа власть въ своихъ рукахъ, Стамбуловъ нерѣдко защищалъ ее съ неукротимой энергіей противъ непрерывныхъ атакъ; но онъ пользовался властью на благо Болгаріи. Съ противниками своими онъ обращался безжалостно. Въ февралѣ 1890 года открытъ былъ заговоръ, составленный Паницею, довольно темнымъ авантюристомъ. Когда-то онъ былъ въ числѣ друзей Стамбулова: министръ тѣмъ не менѣе подвергнулъ его казни. Годъ спустя (27 марта 1891 года) палъ министръ финансовъ Бельчевъ, сраженный тремя пулями, которыя предназначались Стамбулову. Это дало послѣднему поводъ окончательно расправиться со своими противниками. Разомъ арестованы были всѣ извѣстные или предполагаемые враги министра, болѣе 800 человѣкъ, среди нихъ Каравеловъ; многіе подвергнуты были пыткѣ и умерли отъ нея. Слѣдствіе закончилось черезъ пятнадцать мѣсяцевъ казнью четырехъ обвиняемыхъ и многочислен-

ными приговорами къ каторжнымъ работамъ. Эта жестокая расправа напугала заговорщиковъ: всякія проявленія ненависти прекратились до самаго паденія министра (май 1894 года) и до ужасной драмы, которая закончилась смертью Стамбулова (18 іюля 1895 года).

Устроеніе Болгаріи.—Внутри достигнуты были серьезные успѣхи и дѣятельность министра привела въ движеніе всю страну, подняла повсюду трудъ и вызвала разработку природныхъ богатствъ Болгаріи. Законодательная и экономическая работы поведены были одновременно. Собраніе, цѣликомъ находившееся въ рукахъ министра, занималось лишь подготовкой и голосованіемъ законовъ. Такимъ образомъ въ одну сессію 1889 года въ два мѣсяца проведено было сорокъ законовъ, изъ нихъ многіе чрезвычайно важные, какъ, напр., законы объ общей полиціи, о народномъ просвѣщеніи, объ административныхъ единицахъ, число которыхъ было уменьшено, и особенно законъ военный, устанавливавшій обязательную всеобщую военную службу для всѣхъ отъ 21 года до 45 лѣтъ. Войска получили самое современное вооруженіе. Финансовая администрація была преобразована по планамъ, выработаннымъ еще во времена Баттенберга, инспекторомъ финансовъ Килле, уполномоченнымъ французскаго правительства. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ было сильно двинуто впередъ. Помимо 300 километровъ, построенныхъ частными компаніями, ко времени паденія Стамбулова дѣйствовало болѣе 500 километровъ, сооруженныхъ казной, да 108 километровъ достраивались. Начато было оборудованіе Бургасскаго порта французскими инженерами. Предпринята была разработка каменноугольныхъ копей. Грязный турецкій городишко Софія былъ снесенъ до основанія и менѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ, перестроенъ въ большую и красивую столицу. Эти превращенія производились съ помощью иностранныхъ капиталовъ; но займы заключались на выгодныхъ условіяхъ, и финансовая независимость страны никоимъ образомъ не была стѣснена. Торговля со 114 милліоновъ въ 1886 году поднялась до 172 милліоновъ въ 1894 году.

Во внѣшней политикѣ Стамбуловъ терпѣливо добивался признанія князя Фердинанда султаномъ и Европой. Благожелательность Австріи съ каждымъ днемъ становилась все яснѣе. Въ 1899 году императоръ Францъ-Іосифъ объявилъ делегаціямъ, что „въ княжествѣ царствуютъ порядокъ и спокойствіе, и что отрадно констатировать непрерывные успѣхи страны“. Въ томъ же году оффиціальные болгарскіе агенты получили разрѣшеніе обосноваться въ Вѣнѣ и Константинополѣ, гдѣ дипломатія Стамбулова мало-по-малу добилась блестящихъ успѣховъ. Султанъ согласился выдать *бераты* четыремъ болгарскимъ епископамъ въ Македоніи (августъ 1890 года): это было оффиціальнымъ признаніемъ болгарской національности въ этой провинціи, гдѣ она до этихъ поръ подвергалась преслѣдованію со стороны греческаго фанаріотскаго духовенства. Въ 1891 году турецкій комиссаръ въ Софіи оффиціально представлялся во дворцѣ, а князь принятъ былъ въ Вѣнѣ императоромъ Францемъ-Іосифомъ.

Пересмотръ конституціи. Женитьба князя Фердинанда.—Женитьба князя обнаружила и авторитетъ Стамбулова и привязанность народа къ своему государю. Хотя согласно 38 статьѣ конституціи князь долженъ былъ принадлежать къ православной вѣрѣ, Фердинадъ остался католикомъ. Женившись на Маріи-Луизѣ Бурбонской, принцессѣ Пармской, онъ желалъ, чтобы будущія дѣти отъ этого брака воспитывались въ католической вѣрѣ; отсюда являлась необходимость пересмотра конституціи. Казалось, нѣтъ жертвы, которой было бы такъ трудно добиться отъ болгаръ, искренно привязанныхъ къ православію. Стамбуловъ добился ея, несмо-

тря на интриги Россіи. Пересмотръ почти единогласно принятъ былъ Собраніемъ (декабрь 1892 года), затѣмъ большимъ національнымъ собраніемъ (май 1893 г.). Пересмотръ даже не ограничился однимъ этимъ вопросомъ: для ослабленія опасностей парламентскаго режима ограничено было избирательное право, число депутатовъ со 170 сокращено было до 150, а срокъ ихъ полномочій съ трехъ лѣтъ увеличенъ былъ до пяти. Создано было министерство общественныхъ работъ и министерство торговли и земледѣлія; наконецъ вмѣсто титула *Свѣтлости* правящему князю и наслѣднику престола присвоенъ былъ титулъ *Королевскаго Высочества.* 20 апрѣля 1893 года въ Италіи, въ Вилла Пьяноре совершенно было бракосочетаніе князя. 30 января 1894 г. родился княжичъ Борисъ.

Паденіе Стамбулова.—Однако диктатура Стамбулова тяготила и князя и болгаръ. Его деспотизмъ отдалялъ отъ него самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ его политики. Князь пріобрѣлъ серьезное вліяніе въ особенности на армію; добросовѣстность, съ которой онъ выполнялъ свои обязанности государя, денежныя жертвы, которыя онъ принесъ странѣ и которыя поглотили большую часть его состоянія, пріобрѣли ему живую симпатію. Теперь онъ могъ уже обходиться безъ всемогущаго министра и сдѣлать попытку сломить его, не рискуя своей короной. Въ маѣ 1894 г. домашній скандалъ, ловко использованный врагами, заставилъ Стамбулова подать въ отставку: она была принята. Князь немедленно началъ политику примиренія, оставаясь въ то же время вѣрнымъ политикѣ національной независимости. Отбывавшіе тюремное наказаніе были помилованы; Каравеловъ отпущенъ былъ на свободу; Цанковъ, съ 1886 года покинувшій Болгарію, былъ возвращенъ. Министерство ввѣрено было людямъ умѣреннымъ и просвѣщеннымъ, вождямъ консервативной партіи, какъ разъ тѣмъ, которые въ 1893 году составляли меньшинство, противившееся пересмотру конституціи, именно Начевичу и Стоилову. Послѣдній въ декабрѣ 1894 года на долгое время сдѣлался министромъ-президентомъ.

Болгарія и державы. — Капитальнымъ фактомъ этого послѣдняго періода было примиреніе съ Россіей и признаніе князя Фердинанда Турціей и державами. Несмотря на всю вражду, проявленную къ князю и консерваторамъ Россіей, несмотря на всю ненависть, съ которой она даже преслѣдовала нѣкоторыхъ изъ нихъ, и князь, и консерваторы считали необходимымъ для блага страны примиреніе съ царемъ. Не было иного пути къ выходу изъ того внѣлегальнаго положенія, въ которомъ страна очутилась съ 1886 г., ибо ни одна изъ державъ, при всей своей благосклонности къ князю, не согласилась бы на оффиціальное признаніе, которое могло бы имѣть характеръ недружелюбнаго отношенія къ Россіи.

При такихъ обстоятельствахъ Франція, повидимому, сыграла полезную и почетную роль, благодаря своему консулу Лако. Смерть Александра III, вступленіе на престолъ Николая II, личное самолюбіе котораго не было замѣшано въ этомъ вопросѣ, облегчили примиреніе. Чтобы удовлетворить православныхъ, князь согласился воспитывать своего сына въ греческой вѣрѣ. 14 февраля 1896 года произошло крещеніе княжича Бориса, причемъ крестнымъ отцомъ былъ царь. 14 февраля султанскій фирманъ утвердилъ князя Фердинанда и назначилъ его генералъ-губернаторомъ Румеліи. Державы немедленно признали его.

Такимъ образомъ послѣ десятилѣтняго кризиса Болгарія снова вступила въ европейскій концертъ. Она окончательно упрочила свое единство и независимость, ибо вассальная зависимость, связывающая ее съ Турціей, чисто номинальная, и малѣйшій кризисъ на востокѣ уничтожитъ

ее. Со своимъ трудолюбивымъ и быстро растущимъ населеніемъ (въ среднемъ 45.000 человѣкъ въ годъ при населеніи въ 3.310.000 человѣкъ), со школами, размножающимися повсюду, съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, искусно развиваемою (993 километра открытыхъ и 736 километровъ сооружаемыхъ желѣзныхъ дорогъ въ 1898 году), съ арміей, насчитывающею въ мирное время 43.000 человѣкъ, а въ военное 200.000, съ этой арміей, дисциплинированною, сплоченною, хорошо вооруженною, Болгарія занимаетъ нынѣ первое мѣсто среди балканскихъ государствъ и, повидимому, ей предстоитъ блестящее будущее. Временныя финансовыя затрудненія, объясняемыя какъ плохими урожаями, такъ и слишкомъ быстрымъ ростомъ расходовъ, не могутъ вызывать сомнѣній относительно ея будущаго. Она мечтаетъ освободить и присоединить къ себѣ Македонію: она ведетъ тамъ дѣятельную пропаганду посредствомъ своихъ епископовъ и субсидируемыхъ школъ; но тутъ она сталкивается съ вполнѣ законнымъ соперничествомъ Сербіи и съ не менѣе энергичной пропагандой Общества св. Саввы и сербскихъ консуловъ.

III. — Румынія.

Кризисъ 1870 года. Министерство Катарджи.—Въ Румыніи съ 1870 года парламентскій режимъ функціонировалъ правильно; власть поперемѣнно была въ рукахъ двухъ большихъ партій, либеральной, во главѣ съ Иваномъ Братіано, и консервативной, съ ея вождемъ Катарджи. События 1870—71 года во Франціи отозвались и въ Бухарестѣ. Въ началѣ войны произошли даже въ самомъ парламентѣ манифестаціи противъ Пруссіи; чтобы избѣгнуть вотума недовѣрія, министръ долженъ былъ провозгласить, что „тамъ, гдѣ развѣваются знамена Франціи, тамъ и весь интересъ, всѣ симпатіи румынъ“. Сессія палаты была отсрочена. Попытка революціи, сдѣланная 20 августа 1870 г. въ Плоештахъ, не удалась; но заговорщики преданные суду, были оправданы, и палата приняла адресъ, прямо оскорбительный для князя. Послѣдній думалъ объ отреченіи. На одинъ моментъ онъ осуществилъ свой проектъ, именно послѣ мятежа, вызваннаго 22 марта 1871 года банкетомъ, который организовала нѣмецкая колонія по поводу одержанныхъ надъ Франціей побѣдъ. Кризисъ продолжался три дня. Князь передалъ власть Катарджи, который образовалъ консервативное министерство, упросилъ князя взять свое рѣшеніе обратно и приступилъ къ распущенію палаты. Но мысль объ отреченіи была окончательно оставлена лишь послѣ майскихъ выборовъ, которые обезпечили кабинету сильное большинство. Министерство продержалось до 1876 года.

Въ теченіе этихъ шести лѣтъ князь организовалъ армію, а министерство работало надъ приведеніемъ въ порядокъ страны. Армія устроена была по прусскому образцу; обязательная для всѣхъ военная служба продолжается три года въ дѣйствующей арміи; такъ какъ денежныя средства не позволяли призывать къ отбыванію повинности всего наличнаго количества, то послѣднее раздѣлено было на двѣ части: одна дѣйствительно служила три года, другая составляла резервъ (*доробанцы*), призываемый ежегодно въ теченіе пяти лѣтъ на пять или шесть мѣсяцевъ (законы 1868 и 1876 года). Такимъ образомъ ко времени войны 1877-78 года имѣлось на лицо 120.000 человѣкъ, изъ нихъ 50.000 линейныхъ войскъ.

Въ экономическомъ отношеніи сооруженіе желѣзныхъ дорогъ происходило не безъ затрудненій, вслѣдствіе банкротства концессіонера Струзберга (декабрь 1870 г.); значительную часть подписчиковъ составляли нѣмцы; отсюда энергичныя требованія Бисмарка. Это вмѣшательство канцлера было ловко использовано либералами

противъ князя и Германіи. Дѣло наконецъ было улажено въ началѣ 1872 года. Въ 1873 году устроенъ былъ румынскій Поземельный банкъ. Въ 1875 году, послѣ долгихъ переговоровъ подписанъ былъ торговый договоръ съ Австріей, причемъ не было испрошено согласіе султана.

Въ февралѣ 1872 года въ Бессарабіи вспыхнули антисемитическія волненія. Они были быстро подавлены; но въ послѣдовавшихъ судебныхъ процессахъ осуждены были невинные евреи. Тогда Англія пригласила державы къ коллективному ходатайству передъ Турціей противъ Румыніи: предложеніе не имѣло послѣдствій въ виду отказа Россіи присоединиться къ этой демонстраціи. Въ февралѣ 1873 г. обнародованіе закона, запрещавшаго евреямъ продажу спиртныхъ напитковъ въ деревняхъ, вызвало новыя затрудненія и вмѣшательство Порты.

Порта вообще становилась все придирчивѣе. Она уже вмѣшалась по поводу желѣзныхъ дорогъ. Она ежеминутно, въ качествѣ сюзеренной державы, проявляла наклонность вмѣшиваться въ малѣйшія дѣла княжества. Она протестовала противъ того, чтобы Румынія имѣла своихъ представителей у иностранныхъ державъ, противъ того, чтобы на монетахъ чеканилось изображеніе князя, протестовала даже противъ румынскаго герба. Она хотѣла единолично разрѣшить съ австрійскимъ правительствомъ вопросъ о регулированіи Дуная. Немудрено, что князь ждалъ лишь благопріятнаго случая для провозглашенія независимости и стремился привлечь симпатіи державъ къ своимъ планамъ. Подписаніе торговаго договора съ Австріей, безъ предварительнаго совѣщанія съ Турціей, было въ этомъ смыслѣ первымъ и блестящимъ успѣхомъ.

Министерство Братіано. Независимость Румыніи.—Майскіе выборы 1875 года въ палату еще дали большинство министерству Катарджи; однако, начинали находить, что это министерство „зажилось“. И сенаторскіе выборы въ апрѣлѣ 1876 года были уже неблагопріятны для него. Катарджи сейчасъ же вышелъ въ отставку. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ парламентской агитаціи власть перешла въ руки либераловъ во главѣ съ Братіано (5 августа 1876 года); случилось это въ самый разгаръ восточнаго кризиса. Братіано не могъ избѣжать вмѣшательства Румыніи въ борьбу. Она добыла въ ней свою независимость (21 мая 1877 года), зато утратила Бессарабію.

Къ тому же державы поставили условіемъ признанія независимости пересмотръ статьи 7-й конституціи, въ силу которой иностранцы не-христіане не могли натурализоваться. Послѣ четырехмѣсячныхъ страстныхъ преній спеціально избранныя для пересмотра конституціи палаты постановили (октябрь 1879 года), что различія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ не могутъ служить препятствіемъ къ пріобрѣтенію и пользованію гражданскими и политическими правами. Но натурализація была чрезвычайно затруднена и подъ видомъ распоряженій, касающихся всѣхъ иностранцевъ, предпринятъ былъ рядъ мѣръ, назначенныхъ къ тому, чтобы предотвратить фактическое осуществленіе признаннаго права евреевъ. Этимъ объясняется воспрещеніе иностранцамъ пріобрѣтать и владѣть недвижимымъ имуществомъ и держать по деревнямъ кабаки. При посредничествѣ Австріи державы приняли новую редакцію.

Въ началѣ 1887 года онѣ признали возвышеніе княжества въ королевство, вотированное 26 марта. Коронованіе короля произошло въ Бухарестѣ 22 мая. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого приведенъ былъ въ порядокъ вопросъ о престолонаслѣдіи: за отсутствіемъ прямыхъ потомковъ Карла, конституція признавала его преемникомъ старшаго его брата принца Леопольда Гогенцоллерна, но онъ отказался отъ своихъ правъ; они были

перенесены на его старшаго сына, который послѣдовалъ примѣру отца. Тогда румынскія палаты намѣтили въ наслѣдники его брата, принца Фердинанда, который поселился въ Румыніи (апрѣль 1889 года).

Помимо двухъ законовъ объ арміи (закона 1882 и 1883 года), главная законодательная работа министерства Братіано состояла въ пересмотрѣ конституціи въ 1884 году. Отмѣнена была національная гвардія и уничтожена особая коллегія избирателей, платящихъ 3000 франковъ земельнаго налога. Вмѣстѣ съ тѣмъ затронутъ былъ и важный земельный вопросъ [1]). Въ 1864 году при надѣленіи крестьянъ землей князь Куза постановилъ, что надѣлы должны быть неотчуждаемы въ теченіе тридцати лѣтъ. Этимъ путемъ имѣлось въ виду защитить крестьянина отъ него самого, отъ ростовщиковъ и спекулянтовъ. Въ 1884 году показалось необходимымъ продлить дѣйствіе этихъ ограниченій полнаго права собственности на 25 лѣтъ, т.-е. до 1909 года. Съ другой стороны, надѣлы были слишкомъ малы для обезпеченія жизни крестьянина, и еще не былъ предусмотрѣнъ приростъ семей. Поэтому крестьяне вынуждены были продавать свой трудъ. Началась эксплоатація ихъ нужды: выплачивая имъ впередъ часть заработной платы, ихъ заставляли закабаляться на долгіе сроки за самую ничтожную плату. Для борьбы съ этимъ зломъ было рѣшено, чтобы ни одно условіе найма не заключалось болѣе, чѣмъ на два года. Нужда оставалась все-таки значительной и еще усилилась вслѣдствіе суровой зимы 1887—1888 года. Въ результатѣ началось крестьянское движеніе, которое мѣстами превратилось прямо въ бунтъ и вызвало примѣненіе военной силы. Въ 1889 году палаты распорядились продажей новыхъ земель и уполномочили Общество сельскаго кредита выдать крестьянамъ ссуды съ погашеніемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы помочь ихъ первоначальному обзаведенію.

Министерскіе кризисы. — Министерство Братіано пало, когда принятъ былъ этотъ законъ. Ему ставили въ упрекъ его внѣшнюю политику, благопріятную Германіи, согласно желаніямъ короля, и политику внутреннюю съ ея подкупами и насиліями. Въ палатѣ произошли скандальные инциденты (27 марта 1888 года). Манифестаціи въ Бухарестѣ заставляли опасаться революціи. Братіано хотѣлъ пустить въ ходъ войска; король былъ противъ этого. Министерство вышло въ отставку. Съ этого начался новый періодъ кризисовъ; пять кабинетовъ смѣнило другъ друга въ теченіе трехъ лѣтъ.

Для образованія новаго кабинета король обратился не къ консерваторамъ, которыхъ подозрѣвали въ излишней склонности къ Россіи, а къ переходной партіи молодыхъ консерваторовъ, или *юнимистовъ*.

Министерство Розетти-Карпъ (апрѣль 1888 года) приступило къ выборамъ: они были благопріятны консерваторамъ. Кабинетъ былъ передѣланъ; палата постановила отдать подъ судъ министерство Братіано. Немного спустя вспыхнуло крестьянское возстаніе, и король призвалъ къ власти Катарджи (апрѣль 1889 года). Послѣдній провелъ аграрный законъ и законъ объ устройствѣ укрѣпленнаго лагеря въ Бухарестѣ. Онъ палъ въ ноябрѣ 1889 года. Его смѣнили юнимисты съ кабинетомъ Мано-Розетти, который началъ новую экономическую политику, смѣнивъ режимъ запретительныхъ тарифовъ, введенныхъ Братіано въ 1887 году, системой торговыхъ договоровъ. Въ февралѣ 1891 года кабинетъ уступилъ свое мѣсто консервативному министерству Флореско-Катарджи. Но между двумя главами кабинета существовало соперничество. Катарджи удалился, а затѣмъ снова

[1]) См. т. V, стр. 171.

взялъ въ руки власть послѣ паденія генерала Флореско (декабрь 1891 года). Онъ примирилъ консерваторовъ съ юнимистами. Онъ приступилъ къ административному преобразованію королевства, къ созданію сельской жандармеріи. Въ октябрѣ 1895 года власть перешла въ руки либеральной партіи во главѣ со Стурдзою; она сохранила власть до апрѣля 1899 года. Въ промежуткѣ партія раскололась. Съ другой стороны, министерство упрекали за его политику, слишкомъ благопріятную Тройственному союзу. А между тѣмъ преслѣдованія, которымъ подвергаются трансильванскіе румыны со стороны мадьяръ, дѣлаютъ подобную политику очень непопулярной. Успѣхъ *Лиги единства въ образованіи румынъ*, основанной въ 1891 году въ Бухарестѣ, общее одобреніе, которымъ встрѣчены были манифестаціи студентовъ на конгрессахъ въ Турну-Северину и Бухарестѣ,—все это ясно свидѣтельствовало о чувствахъ страны по отношенію къ венграмъ. Чудовищный колошварскій процессъ (январь—февраль 1894 года), въ которомъ девятнадцать лицъ осуждено было венгерскими присяжными только за то, что они сообщили императору-королю о поведеніи венгерскаго правительства, расшевелилъ румынскій патріотизмъ. Обнародованіе въ Будапештѣ одной анонимной брошюры, въ которой совершенно бездоказательно утверждалось, что появленію у власти министерства Стурдзы предшествовало соглашеніе съ венгерскимъ правительствомъ, раздражило страсти. Стурдзу обвинили въ измѣнѣ. Въ палатахъ начата была обструкція. Волненіе захватило улицу и вынудило кабинетъ Стурдзы уйти въ отставку (9 апрѣля 1899 года). Власть перешла въ руки Кантакузена, ставшаго вождемъ консерваторовъ по смерти Катарджи (23 апрѣля). Сенатъ и палата были распущены; іюньскіе выборы 1899 года обезпечили огромное большинство консерваторамъ, которые все-таки продолжаютъ дѣлиться на двѣ группы: группу старыхъ консерваторовъ, руководимую Кантакузеномъ, и конституціонную консервативную группу юнимистовъ, руководимую Карпомъ.

Благосостояніе Румыніи. — Результаты, достигнутые въ Румыніи со времени вступленія на престолъ короля Карла могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ. Въ политическомъ отношеніи Румынія пріобрѣла полную независимость. Въ военномъ отношеніи она располагаетъ въ случаѣ войны 180.000 линейныхъ войскъ. Два большихъ укрѣпленныхъ лагеря, въ Фокшанахъ и въ Бухарестѣ, прикрываютъ ея территорію. Въ области экономической она соорудила болѣе 14.000 километровъ шоссейныхъ дорогъ и болѣе 3000 километровъ желѣзныхъ дорогъ, изъ нихъ около 2000 километровъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ: ея пути связаны съ венгерскими, русскими и болгарскими желѣзными дорогами. Благодаря аграрнымъ законамъ и мѣрамъ, предпринятымъ къ защитѣ крестьянина отъ его собственной непредусмотрительности, крестьянинъ почувствовалъ улучшеніе своей участи. Ежегодный приростъ населенія значителенъ (около 77.000 душъ въ 1897 году при населеніи въ пять съ половиною милліоновъ). Страна земледѣльческая по преимуществу Румынія начинаетъ обзаводиться собственною цвѣтущею промышленностью; изъ всѣхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова она имѣетъ самую оживленную торговлю: съ 200 милліоновъ въ 1870 году торговля поднялась до 673 милліоновъ въ 1898 году. Бюджетные доходы удвоились за послѣднія двадцать лѣтъ. Въ этомъ отношеніи сдѣлано большое усиліе и нынѣ достигнуты большіе результаты. Тѣмъ не менѣе слишкомъ частые займы и дурные урожаи послѣднихъ двухъ лѣтъ [1]) вызвали недавно экономическій кризисъ

[1]) Писано въ 1900 году. Прим. перев.

и на нѣкоторое время вынуждаютъ Румынію держаться благоразумной и скромной политики.

IV.—Греція.

Парламентская анархія.—Въ Греціи до 1880 года министерства продолжали быть столь же непостоянными, какъ и въ предшествующій періодъ. Если полицейскія мѣры, принятыя послѣ мараѳонскаго покушенія [1]), обезпечили въ странѣ безопасность, то парламентская анархія оставалась почти такою же, какъ и раньше. Партіи, возникавшія не около какой-либо программы, а около какого-нибудь лица, продолжали оспаривать власть другъ у друга, преслѣдуя одну только цѣль—захватъ власти и распредѣленіе должностей между сторонниками партіи. Одно распущеніе палаты смѣнялось другимъ; министерскіе кризисы происходили безпрерывно. Нельзя было осуществить ни одной серьезной реформы, ни одного значительнаго предпріятія. Занимаясь отдачей подъ судъ министровъ за ихъ поведеніе во время выборовъ (въ 1875 году), составляя и передѣлывая (въ теченіе 1876—77 года) законъ объ отвѣтственности министровъ, преобразуя избирательную систему (въ 1877 году), парламентъ въ то же время былъ не въ состояніи дать Греціи военную организацію, соотвѣтствующую завоевательнымъ мечтамъ и панэллинистическимъ вожделѣніямъ націи. Проектъ представленъ былъ въ 1871 году кабинетомъ Кумундуроса; ничего не было сдѣлано къ 1876 году, когда начались волненія въ Босніи. Поспѣшили принять временный регламентъ, который видоизмѣненъ былъ въ 1877 году, дополненъ въ 1878 и далъ армію, многочисленную на бумагѣ. Вотированъ былъ даже десятимилліонный заемъ на вооруженіе. Но финансы были уже дезорганизованы, въ бюджетѣ былъ дефицитъ, едва удавалось выплачивать государственнымъ кредиторамъ; пришлось установить принудительный курсъ бумажныхъ денегъ, и едва четвертая часть займа была подписана. Греція оказалась неспособной сыграть какую бы то ни было роль въ великомъ восточномъ кризисѣ 1876—1878 годовъ.

И тѣмъ не менѣе во время Берлинскаго конгресса она заявила притязанія на свою долю изъ турецкой добычи. Получила она только обѣщаніе исправленія границы въ Ѳессаліи, да и то ей предоставлено было сговориться непосредственно съ Турціей относительно плана новой границы. Державы ограничились обѣщаніемъ своихъ услугъ, если переговоры не приведутъ къ удовлетворительному результату.

Кризисъ 1880 года.—Въ 1880 году Греція все еще ничего не добилась, Тщетно державы собирались на конференцію въ Берлинѣ; зная о ихъ розни, Турція не уступала. Министерство Трикуписа, смѣнившее кабинетъ Кумундуроса (19 марта), стало готовиться къ войнѣ, ввело въ дѣйствіе военный законъ, принятый въ 1878 году и объявило мобилизацію (августъ). Этихъ мѣръ было мало для удовлетворенія палаты, настроенной очень воинственно: она свергла Трикуписа (21 октября). Его смѣнилъ Кумундуросъ. Франція предупредила его, что Греція не получитъ поддержки, если объявитъ войну (декабрь). Одновременно она вмѣстѣ съ Англіей хлопотала о томъ, чтобы добиться у Турціи уступки округовъ Воло, Ларисcы, Кардицы и Трикалы въ Ѳессаліи и округа Арта въ Эпирѣ. Это было меньше того, что обѣщалъ Берлинскій конгрессъ. Поэтому министерство Кумундуроса продолжало вооруженіе. Однако пришлось склониться передъ волею державъ (14 іюня 1881 года). Уступленныя территоріи заняты были безъ затрудненій. Греція пріобрѣла 13.000 квадр. километровъ съ 36.000 жителей.

[1]) См. т. VI, стр. 165.

Министерства Трикуписа и Деліаниса.— Страна проявила свое недовольство, избравъ палату, враждебную Кумундуросу. Онъ уступилъ мѣсто Трикупису. Съ четвертымъ министерствомъ Трикуписа (мартъ 1882 года) начался періодъ сравнительно спокойный. Съ марта 1882 по октябрь 1890 года, за исключеніемъ годичнаго перерыва (съ 19 апрѣля 1885 года по 15 апрѣля 1886), у власти продержался Трикуписъ. Отлично сознавая необходимость преобразованія страны для осуществленія со временемъ „великой идеи“ и для созданія „болѣе великой Греціи“, онъ принялся за созданіе арміи, флота и за постройку въ странѣ обширной сѣти путей сообщенія. Съ этой цѣлью онъ призвалъ на помощь три французскихъ миссіи. Но это обращеніе къ иностранной помощи вызвало недовольство среди „паликаровъ“, исполненныхъ недовѣрія къ западу, а съ другой стороны, новые налоги, явившіеся слѣдствіемъ выполненія его плана, вызвали его паденіе (августъ 1885 года).

Его преемникъ Деліанисъ хотѣлъ воспользоваться переполохомъ, произведеннымъ въ Европѣ румелійскою революціей, и добиться у Порты территоріальныхъ уступокъ. Армія и флотъ были мобилизованы. Но великія державы, за исключеніемъ Франціи, устроили своими эскадрами блокаду береговъ Греціи; Деліанисъ подалъ въ отставку (апрѣль 1886 года), и Трикуписъ снова вернулся къ власти. Онъ сохранилъ ее около пяти лѣтъ, взялъ на себя предсѣдательство въ совѣтѣ и портфели военный и финансовъ и снова принялся за выполненіе своего плана. Работая надъ возстановленіемъ пошатнувшагося кредита, онъ успѣлъ выполнить конверсію и погашеніе одной части долга, заключивъ новые займы на менѣе обременительныхъ условіяхъ. Онъ энергично подвинулъ работы по прорытію Коринѳскаго перешейка, начатыя въ 1882 году въ предыдущее его министерство; предпринялъ въ Ѳессаліи работы по осушенію болотъ и сооруженію желѣзныхъ дорогъ, которыя онъ разсчитывалъ связать съ одной стороны съ Аѳинами, а съ другой—съ сѣтью континентальной Европы черезъ посредство турецкихъ желѣзныхъ дорогъ. Начаты были другія линіи. Выработанъ былъ проектъ учрежденія земледѣльческихъ банковъ. Это была серьезная и плодотворная дѣятельность.

Но внѣшняя политика не отличалась удачей. Въ маѣ 1889 года уже не въ первый разъ возстали критяне. Грекамъ хотѣлось бы поддержать возставшихъ. Трикуписъ, хорошо знавшій о неподготовленности Греціи, не хотѣлъ повторять авантюры 1885 года. Онъ обратился къ державамъ; тѣ отказались отъ вмѣшательства. Женитьба наслѣдника престола Константина, герцога Спартанскаго, на прусской принцессѣ Софіи, сестрѣ императора Вильгельма II, подала грекамъ надежду на поддержку со стороны Германіи; надежда эта была обманута. Утвержденіе султаномъ болгарскихъ епископовъ въ Македоніи окончательно привело въ отчаяніе грековъ, привыкшихъ считать Македонію за греческую провинцію (августъ 1890 года). На октябрьскихъ выборахъ 1890 года противнники Трикуписа получили 106 полномочій, его сторонники—44.

Министерскіе кризисы. „Ethnike Hetairia“.—Трикуписъ уступилъ мѣсто Деліанису. Но король разстался съ нимъ съ большимъ сожалѣніемъ. Онъ цѣнилъ его выжидательную внѣшнюю политику и его организаторскій духъ въ политикѣ внутренней. Несмотря на неоднократныя и упорныя настоянія политиковъ, считавшихъ гибельнымъ для Греціи это постоянное волненіе и эту такъ называемую „министерскую диктатуру“, король до сихъ поръ отказывался отъ вмѣшательства въ борьбу партій и, строго ограничиваясь своею конституціонною ролью, постоянно передавалъ министерство вождю большинства. Но когда палата хотѣла предать

Трикуписа суду, король въ первый разъ вышелъ изъ своей наблюдательной роли. Затѣмъ, убѣдившись, что политика Деліаниса грозитъ опасностью королевству, онъ предложилъ ему подать въ отставку, а когда тотъ отказался, онъ отставилъ все министерство (февраль 1892 года). Министерство средней партіи (министерство Константопуло-Раллисъ) приступило къ распущенію палаты; страна, одобряя поведеніе короля, выбрала большинство сторонниковъ Трикуписа. Послѣдній снова принялъ власть и удерживалъ ее съ шестимѣсячнымъ перерывомъ (министерство Сатирапуло, май—ноябрь 1893 года) въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ (іюнь 1892—январь 1895 года). Деліанисъ вернулся къ власти въ іюнѣ 1895 года. Финансовое положеніе становилось все хуже и хуже, количество бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ было внѣ всякаго соотношенія со звонкою наличностью, какою располагала страна; Грецiя плохо платила своимъ кредиторамъ. Въ Европѣ поговаривали о необходимости подчинить маленькое королевство международному финансовому контролю. Часть націи тѣмъ не менѣе мечтала о завоеваніяхъ и, завидуя успѣхамъ болгаръ въ Македоніи, стремилась къ приключеніямъ, къ какому-нибудь блестящему удару, который далъ бы возможность осуществить „великую идею“ либо на Критѣ, либо хоть въ самой Македоніи. Такой политики приключеній придерживалось одно наполовину тайное, наполовину открытое общество—*Этнике Гетерія* (Народное Общество), которое, съ возникновеніемъ волненій на Критѣ, въ февралѣ 1897 г., побуждало правительство отправить отрядъ войскъ для помощи возставшимъ и для присоединенія острова. Одновременно съ этимъ оно отправляло вооруженныя шайки въ Македонію. Деліанисъ не могъ устоять передъ возбужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Вспыхнула война съ Турціей. Она была неудачна съ самаго начала. Король отставилъ министерство Деліаниса и замѣнилъ его кабинетомъ Раллиса, который былъ свергнутъ палатой, когда представилъ на ея утвержденіе договоръ, навязанный великими державами Греціи и Турціи. Съ тѣхъ поръ и до 1900 года Грецiя имѣла еще два министерства; въ 1898 году министерство Займиса (1897—1899) и министерство Теотокиса, сорокъ седьмое министерство со вступленія на престолъ короля Георга.

Основныя черты исторіи развитія біологіи въ XIX столѣтіи.

Проф. К. А. Тимирязева.

§ 1.

31 августа 1886 года только что отстроенная и еще незагроможденная своими коллекціями громадная зоологическая зала Парижскаго музея Естественной Исторіи, который парижане, по закоренѣлой привычкѣ, продолжаютъ звать Jardin des Plantes, представляла необычное зрѣлище. Она была переполнена учеными депутаціями со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра, собравшимися по поводу также необычному, едва ли не единственному въ исторіи науки,—по поводу празднованія *столѣтія* знаменитаго ученаго Шеврёля, еще сравнительно бодраго старика, несмотря на то, что его важнѣйшіе труды восходили къ первой четверти того девятнадцатаго столѣтія, которое само уже склонялось къ своему концу. Когда очередь привѣтствовать старика дошла до меня, я подчеркнулъ тотъ фактъ, что на его глазахъ возникли и развились цѣлыя новыя науки и закончилъ свою рѣчь словами: „Enfant du siècle de la raison Vous êtes la personification vivante du *siècle de la science*". Вслѣдъ за мною взошелъ на каѳедру одинъ изъ наиболѣе видныхъ и симпатичныхъ представителей третьей республики, въ то время ея министръ просвѣщенія, Ренэ Гобле и подтвердилъ мою мысль слѣдующими словами: „Тотъ вѣкъ, въ которомъ вы жили, какъ только что было совершенно вѣрно высказано, принадлежитъ по преимуществу наукѣ. Какое бы мѣсто ни заняли въ исторіи тѣ значительныя событія, которыя онъ пережилъ, его истинный характеръ сообщитъ ему тотъ совершенно новый подъемъ научнаго изслѣдованія, который въ изученіи природы даетъ средство для расширенія круга дѣятельности и могущества человѣка". Такимъ образомъ, едва ли не въ первый разъ, передъ такой обширной международной аудиторіей, не только представителемъ науки, но и представителемъ политической жизни въ странѣ, наиболѣе къ ней чуткой, было заявлено, что девятнадцатый вѣкъ по преимуществу *вѣкъ науки*, разумѣя это слово въ смыслѣ французской *science*, т.-е. точной науки, естествознанія.

И нельзя не признать, что если важнѣйшій итогъ восемнадцатаго вѣка заключался въ побѣдѣ мысли вообще надъ пережитками старины, надъ преданіемъ и суевѣріемъ, въ торжествѣ раціонализма, то важнѣйшій итогъ девятнадцатаго заключается въ побѣдѣ той болѣе опре-

[1]) Дитя вѣка разума, вы живое олицетвореніе вѣка науки.

дѣленной формы мысли, которую она пріобрѣтаетъ въ трезвой школѣ изученія природы. „To the solid ground of Nature trusts the mind which builds for aye“ [1]), сказалъ поэтъ начала этого вѣка, и вся исторія XIX вѣка только подтверждала вѣрность этихъ словъ.

Но если развитіе естествознанія вообще отмѣчаетъ девятнадцатый вѣкъ, то нѣтъ ли еще особой области этого знанія, развитіе которой представлялось бы наиболѣе отличительной чертой этого направленія мысли? Выслушаемъ мнѣніе одного изъ тѣхъ рѣдкихъ, уже вымирающихъ представителей естествознанія, которые еще въ силахъ охватить его своею мыслью почти во всей его совокупности,— блестящаго, остроумнаго вѣнскаго физика Лудвига *Больцмана* [2]). Вотъ что говорилъ онъ въ томъ же 1886 году въ торжественномъ засѣданіи Вѣнской академіи наукъ: „Если вы желаете знать мое глубокое убѣжденіе о томъ, какъ назовутъ со временемъ нашъ вѣкъ—вѣкомъ ли желѣза, пара или электричества, то я отвѣчу, не задумываясь: его назовутъ вѣкомъ механическаго объясненія природы, вѣкомъ Дарвина“.

Послѣдняя изъ этихъ двухъ идей всецѣло принадлежитъ біологіи, но и торжество первой нигдѣ, быть можетъ, не выступило такъ рѣзко и опредѣленно, какъ въ переходѣ отъ *метафизическаго витализма* начала вѣка къ научнымъ воззрѣніямъ *химико-физическаго* порядка, отмѣтившимъ всю совокупность успѣховъ физіологіи за истекшій вѣкъ. Такимъ образомъ, на почвѣ науки о живыхъ существахъ, можетъ быть, особенно наглядно обнаружился тотъ идейный прогрессъ, которымъ, по мнѣнію Больцмана, всего лучше характеризуется умственный обликъ прошлаго вѣка. Мнѣніе этого ученаго тѣмъ болѣе цѣнно, что исходитъ оно отъ посторонняго свидѣтеля и не можетъ быть заподозрѣно въ пристрастіи спеціалиста къ своей излюбленной отрасли знанія.

Изъ сказаннаго, понятно, не вытекаетъ, чтобы обширная область естествознанія, за вычетомъ біологіи, не сдѣлала успѣховъ, можетъ быть, болѣе обширныхъ, блестящихъ и болѣе прочныхъ, но дѣло въ томъ, что между направленіемъ въ изученіи природы неоживленной, въ XIX вѣкѣ и въ предшествовавшихъ ему, не произошло такого коренного перелома, какъ между направленіемъ дѣятельности біологовъ XIX и всѣхъ ему предшествовавшихъ. Это выразилось наглядно и въ томъ фактѣ, что именно біологамъ приходилось за этотъ вѣкъ пробивать свой путь въ борьбѣ съ предразсудками и зложелательствомъ представителей того устарѣлаго склада мышленія, которые даже въ концѣ вѣка безуспѣшно пытались прикрывать свои отжившія идеи, украшая ихъ ничѣмъ не мотивированной приставкой *нео* (неовитализмъ, неотелеологія и пр.). Біологія пережила въ XIX вѣкѣ тотъ періодъ, который общее естествознаніе пережило въ XVI.

Но что примемъ мы за мѣру успѣховъ біологіи? Въ развитіи какого бы то ни было цикла реальныхъ знаній мы должны отличать успѣхи умственные отъ успѣховъ матеріальныхъ. Первые, т.-е. успѣхи въ пониманіи подлежащихъ изученію фактовъ, обнаруживаются прежде всего въ возможности ихъ обобщенія, сведенія къ наименьшему числу основныхъ положеній, затѣмъ въ возможности ихъ предсказанія и наконецъ въ возможности ихъ

[1]) „На прочную основу природы полагается разумъ, возводящій свое зданіе для вѣчности“. Эти слова Уодсворта избрало своимъ девизомъ лучшее изъ общихъ научныхъ обозрѣній второй половины вѣка, англійскій журналъ *Nature*.

[2]) Эти строки были уже написаны, когда пришла вѣсть объ ужасной смерти знаменитаго ученаго. Больцманъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ современныхъ ученыхъ, которые могли по праву, а не въ силу одной смѣлости читать курсы исторіи индуктивныхъ наукъ, философіи естествознанія и т. д.

подчиненія волѣ человѣка, когда по своей природѣ они подлежатъ его воздѣйствію. Agir et prévoir (Контъ, Клодъ Бернаръ) всегда было и будетъ мѣриломъ истиннаго положительнаго знанія, въ отличіе отъ праздныхъ измышленій метафизиковъ, въ лучшемъ случаѣ успѣвавшихъ прилаживать свои системы къ готовому содержанію положительнаго знанія, но съ своей стороны нимало не содѣйствовавшихъ пріобрѣтенію того дара предвидѣнія и той власти надъ природой, которыми человѣчество при господствѣ теологическаго воззрѣнія надѣляло своихъ пророковъ и чудотворцевъ, а позднѣе мечтало осуществить въ двухъ отдѣлахъ магіи „дивинаторной" и „оперативной". Но этими непосредственными завоеваніями не ограничивается значеніе того или другого вновь возникающаго цикла знанія. Онъ вырабатываетъ складъ мышленія, находящій себѣ примѣненіе и къ другимъ задачамъ болѣе сложныхъ порядковъ, онъ вноситъ свой вкладъ въ ту общую сокровищницу мысли, въ ту единственную школу логики, какою со временъ Ф. Бэкона, а въ истекшемъ вѣкѣ, по слѣдамъ Конта и Миля, всѣми строгими умами признается только положительная наука.

Косвеннымъ критеріемъ успѣховъ, сдѣланныхъ какою-нибудь отраслью реальныхъ знаній, служитъ болѣе или менѣе широкое приложеніе къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей человѣка. Конечно, никакая мысль не можетъ принести столько вреда успѣхамъ умственнымъ и матеріальнымъ, чѣмъ убѣжденіе, будто наука въ своемъ поступательномъ движеніи должна руководиться утилитарными цѣлями. Эта мысль, къ сожалѣнію, слышится съ самыхъ противоположныхъ сторонъ. Въ дѣйствительности же наука можетъ развиваться только строго послѣдовательно, переходя отъ простого къ сложному, и никакой гнетъ самыхъ настоятельныхъ потребностей не можетъ заставить научную мысль двигаться капризными, случайными скачками, а не идти впередъ строго логическимъ, единственнымъ возможнымъ путемъ. Исторія всѣхъ наукъ согласно свидѣтельствуетъ о томъ, и развитіе біологіи за истекшій вѣкъ, конечно, не могло представить исключенія; напротивъ, мы увидимъ въ ней едва ли не самые разительные примѣры изслѣдованій, стоявшихъ въ сторонѣ отъ какихъ-нибудь практическихъ задачъ и ставшихъ источникомъ самыхъ широкихъ и плодотворныхъ приложеній. Но, съ другой стороны, понятно, что именно эти практическія завоеванія становятся извѣстными въ наиболѣе широкихъ кругахъ и признаются за важнѣйшіе успѣхи науки, за которыми ея дѣйствительные, идейные успѣхи остаются незамѣченными. Съ этой точки зрѣнія историку необходимо отмѣчать и этотъ матеріальный успѣхъ наукъ, служащій тѣмъ знаменіемъ, которое поддерживаетъ вѣру въ значеніе науки и въ широкихъ сферахъ, а не въ тѣсныхъ только рядахъ ея сознательныхъ цѣнителей.

Слово *біологія*, едва ли не въ первый разъ примѣненное Ламаркомъ [1]), почти современно началу того періода въ развитіи этихъ знаній, который мы имѣемъ въ виду здѣсь очертить. Появленіе слова какъ бы символизируетъ характеризующее этотъ періодъ направленіе—стремленіе къ объединенію тѣхъ знаній, которыя прежде формально разбивались на двѣ совершенно отдѣльныя науки о растеніяхъ и животныхъ—ботанику и зоологію [2]).

---

[1]) Также Тревиранусомъ.

[2]) Само собой понятно, что во всемъ нашемъ изложеніи мы принимаемъ это слово въ этомъ его первоначальномъ и единственномъ законномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, во второй половинѣ вѣка его стали примѣнять въ какомъ-то новомъ, совершенно неопредѣленномъ смыслѣ, стали говорить о *біологіи растеній* и *біологіи животныхъ* какъ главахъ физіологіи, обозначая такимъ образомъ часть части тѣхъ двухъ частей, совокупность которыхъ обнимается словомъ біологія. При ближайшемъ анализѣ этого неудачнаго выраженія оказывается,

Мы увидимъ, что одно изъ плодотворнѣйшихъ направленій науки о живыхъ существахъ за разсматриваемый періодъ состояло въ стремленіи къ раскрытію не только различій (для цѣлей классификаціи), но и глубокихъ сходствъ въ строеніи и въ отправленіяхъ растеній и животныхъ—стремленіи, которое, впрочемъ, въ послѣднія десятилѣтія принимало и совершенно ненаучную форму попытокъ обнаруженія у растеній даже психики.

Всю совокупность знаній о живыхъ существахъ мы можемъ удобно раздѣлить, по точкѣ отправленія и основнымъ пріемамъ изслѣдованія, на два отдѣла, хотя увидимъ, что однимъ изъ главныхъ завоеваній вѣка въ смыслѣ обобщенія является ихъ сближеніе, ихъ сліяніе. Эти два отдѣла *морфологія* и *физіологія*. Если второе обозначеніе существуетъ уже давно, то первое, благодаря *Гёте*, появилось только въ началѣ девятнадцатаго вѣка. *Блэнвиль*, а по его примѣру О. Контъ предложили для этихъ двухъ отдѣловъ біологіи термины *статики* и *динамики* живыхъ существъ. Это обозначеніе вѣрно, конечно, лишь въ томъ смыслѣ, что во второй мы изучаемъ организмы непремѣнно въ дѣятельномъ состояніи, въ движеніи, какъ явленіе, какъ *процессъ*, а въ первой *какъ строеніе*, хотя, конечно, не должны, не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что части организма—*органы*, т.-е. орудія, исполняющія извѣстныя отправленія, и слѣдовательно непонятны иначе, какъ въ связи съ ихъ дѣйствіемъ [1]. Анатомія человѣка (а по очевидной аналогіи и животныхъ), по вполнѣ понятной причинѣ, никогда не отрѣшалась отъ этой физіологической точки зрѣнія, и только немногіе органы пришлось изучать не понимая ихъ функціи. Напротивъ того, анатомія растеній (главнымъ образомъ микроскопическая), многія функціи которыхъ долгое время оставались непонятными, только во второй половинѣ вѣка рѣшительно выступила на физіологическій путь. Но не въ одномъ этомъ заключалось сближеніе двухъ отдѣловъ біологіи. Едва ли не важнѣйшимъ успѣхомъ ея мы должны считать коренное измѣненіе воззрѣній на форму. Если въ началѣ вѣка она представлялась чѣмъ-то статически неподвижнымъ, разъ навсегда созданнымъ, законченнымъ, то въ концѣ вѣка сама *форма* представлялась уже *явленіемъ*; она предстала передъ нами, какъ процессъ, какъ нѣчто не просто отъ вѣка существующее, а непрерывно образующееся. Но и здѣсь необходимо отличать двѣ точки зрѣнія—одну наблюдательную, морфологическую, другую экспериментальную, физіологическую. Смѣшеніе этихъ двухъ точекъ зрѣнія составляетъ до самаго послѣдняго времени главный источникъ непониманія своей задачи между біологами. Мы можемъ сравнивать между собой существующія формы (пріемъ сравнительно анатомическій все равно макро-

что подъ нимъ разумѣется какая-то повѣствовательная или описательная физіологія, совершенно противорѣчащая современному теченію научной мысли, стремящейся и описательную морфологію подчинить физіологіи, превративъ ее въ *экспериментальную*. Гораздо удачнѣе для обозначенія этой категоріи явленій, сравнительно недавно обратившихъ на себя вниманіе примѣнить и новый, предложенный Геккелемъ, терминъ *экологія* (превратившійся у нѣкоторыхъ русскихъ переводчиковъ въ школьно-педантическую ойкологію), а еще лучше обозначать этотъ отдѣлъ привычнымъ словомъ *экономика*—экономика растеній, экономика животныхъ. Этотъ терминъ удачно опредѣляетъ содержаніе отдѣла и устраняетъ ошибку, отъ которой старательно остерегаетъ любое школьное руководство логики, т.-е. путаницу понятій, возникающую отъ примѣненія одного слова въ совершенно различныхъ смыслахъ.

[1] До чего распространено смѣшеніе понятій *строеніе* и *организація*, можно видѣть изъ очерка успѣховъ біологіи въ XIX в. О. Гертвига, постоянно ихъ путающаго. Но если необходимо различать эти два понятія, то безплодно пытаться строго разграничивать эти двѣ точки зрѣнія. Такая попытка была сдѣлана ботаникомъ *Саксомъ*, но онъ самъ долженъ былъ отъ нея отречься.

или микроскопическій), можемъ сравнивать ихъ съ формами исчезнувшими (пріемъ палеонтологическій) или сравнивать между собой послѣдовательныя стадіи индивидуальнаго развитія одной и той же формы (пріемъ эмбріологическій, *онтогенезисъ* Геккеля) и, наконецъ, сопоставлять различныя формы, со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія пытаясь установить ихъ общую послѣдовательность во времени (*филлогенезисъ* Геккеля), —и тѣмъ не менѣе мы не покидаемъ почвы описательной морфологіи. Описаніе начальныхъ формъ, видимыхъ только въ микроскопъ, не отличается отъ описанія формъ, видимыхъ невооруженнымъ глазомъ, такъ же, какъ и сравненіе формъ во времени и сравненіе ихъ въ пространствѣ остается только описаніемъ. Никакимъ *сопоставленіемъ* формъ мы не получаемъ еще *объясненія* ихъ взаимной связи, ихъ происхожденія. Объясненіе предполагаетъ пониманіе самаго процесса, установленіе его зависимости отъ условій, при которыхъ онъ происходитъ, а это уже составляетъ удѣлъ физіологіи. Такимъ образомъ сближеніе морфологіи и физіологіи осуществляется въ концѣ-концовъ подчиненіемъ конечной задачи морфологіи методу физіологіи. Рядомъ съ *морфологіей описательной* нарождается *морфологія экспериментальная.* Къ сожалѣнію, это не всегда понималось въ томъ смыслѣ, что физіологія своими болѣе точными экспериментальными пріемами должна пролить свѣтъ на сложныя задачи морфологіи. Морфологи нерѣдко полагали, что сами могутъ взяться за эти задачи, не вооружившись разносторонними свѣдѣніями физіологовъ, не обладая ихъ выработавшимся въ болѣе строгой школѣ процессомъ мышленія, не отдавая себѣ даже отчета въ коренномъ различіи между наукой *описательной* и наукой *объяснительной.* Смыслъ этихъ двухъ, казалось бы, столь понятныхъ выраженій усиліями нѣкоторыхъ ученыхъ, къ сожалѣнію, въ послѣднее время былъ значительно затемненъ. Толчокъ этому былъ данъ совершенно произвольнымъ толкованіемъ изреченія знаменитаго Кирхгофа, что механика ограничивается „описаніемъ“ подлежащихъ ея изученію явленій. Изъ этого дѣлался выводъ, что біологія и подавно можетъ довольствоваться пріемами описательной науки. Но если мысль Кирхгофа вѣрна въ примѣненіи къ механикѣ, оперирующей простѣйшими, неразложимыми понятіями—движенія, пространства, времени, то, конечно, того же нельзя сказать о другихъ наукахъ, опирающихся на понятія гораздо болѣе сложныя, разложимыя. Всякое объясненіе есть *подчиненіе*—подчиненіе сложнаго простому, неизвѣстнаго извѣстному, частнаго общему,—а за предѣлами сложныхъ явленій, біологическихъ, остается болѣе простая и ранѣе извѣстная область явленій физико-химическаго порядка, область законовъ общихъ для міра органическаго и неорганическаго. Если объясненіе физіолога—описаніе, то описаніе на языкѣ болѣе общихъ наукъ, а это предполагаетъ знаніе этихъ наукъ и умѣніе подчинять имъ наблюденія, сдѣланныя въ болѣе сложной сферѣ явленій біологическихъ. Отсюда понятенъ историческій фактъ, что физіологія могла въ дѣйствительности возникнуть только на почвѣ уже развившихся физики и химіи, между тѣмъ какъ морфологическія знанія могли долго развиваться внѣ какой-либо связи съ другими болѣе общими областями знанія.

Отмѣтивъ, какъ одно изъ главнѣйшихъ завоеваній біологіи за истекшій вѣкъ,—это сближеніе задачъ морфологіи и физіологіи, т.-е. подчиненіе сферы наблюденія и описанія сферѣ эксперимента и объясненія, мы тѣмъ не менѣе, оставаясь на исторической почвѣ, въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ сначала придерживаться этого фактически еще существующаго подраздѣленія біологіи на двѣ области, отличныя по содержанію и по методу его обработки.

§ 2.

Первая задача, представляющаяся морфологіи, какъ и всякой отрасли знанія, вступающей въ стадію науки — потребность такъ или иначе осилить громадный матеріалъ, подлежащій ея изученію, потребность въ какой бы то ни было систематизаціи, классификаціи. Эта задача въ XIX вѣкѣ кореннымъ образомъ измѣнилась въ своемъ содержаніи, по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ она была въ предшествующіе вѣка. Но начало этого кореннаго переворота, этой глубокой революціи, составившей эру въ исторіи естествознанія, относится къ концу XVIII вѣка и замѣчательнымъ образомъ совпало съ эрой великой французской революціи.

Въ 1789 году въ Парижѣ, почти не замѣченная въ минуту всеобщаго политическаго возбужденія, появилась знаменитая книга Антуана Лорана Жюсье: „Genera plantarum secundum ordines naturales disposita". Но такіе умы, какъ Кондорсе, Ламаркъ, Викъ д'Азиръ, поняли ея значеніе. Въ этой книгѣ задача классификаціи въ первый разъ получила совершенно новое хотя и ранѣе подозрѣваемое, значеніе. Явилась *естественная метода* классификаціи, какъ нѣчто противополагаемое *искусственнымъ системамъ* прежнихъ ботаниковъ и зоологовъ. Въ искусственныхъ системахъ, какъ это вытекаетъ изъ самаго слова, классификація является только *средствомъ* для осуществленія цѣли удобнаго способа группировки предметовъ, для легкаго нахожденія уже извѣстнаго и для включенія новаго въ ряды извѣстныхъ. Это были простые *каталоги* естественныхъ предметовъ [1]). Они являлись продуктами человѣческаго ума, навязанными имъ природѣ. Организмы распредѣлялись въ нихъ на основаніи возможно малаго числа, возможно наглядныхъ признаковъ, какъ, напр., въ самой замѣчательной изъ нихъ ботанической системѣ Линнея на основаніи половыхъ частей цвѣтка. Но по мѣрѣ того, какъ, благодаря этому удобному средству, удавалось предварительно осилить подавляющій фактическій матеріалъ формъ, стало обнаруживаться новое отношеніе къ этому матеріалу. Сама классификація становилась *цѣлью*; задача изъ чисто субъективной, зависящей отъ остроумія автора, стала превращаться въ объективную; вмѣсто изобрѣтенія того или другого легкаго пріема группировки живыхъ существъ выступалъ вопросъ о раскрытіи одной дѣйствительной, истинной, данной самой природой, т.-е. естественной классификаціи. При разысканіи этой не внесенной извнѣ, а запечатлѣнной въ самой природѣ системы, уже не ограничивались выборомъ того или иного признака, а стремились принять во вниманіе ихъ совокупность, да и самые признаки, по мѣткому выраженію Жюсье, *взвѣшивались*, а не *подсчитывались*. Словомъ, *естественная метода* (самое выраженіе система, какъ указаніе на искусственность первоначально избѣгалось) должна была раскрыть сложную сѣть, то болѣе близкаго, то болѣе отдаленнаго сходства между существами—ихъ *сродства*, какъ принято было выражаться, не придавая однако этому слову никакого опредѣленнаго смысла. Жюсье также въ первый разъ послѣдовательно провелъ идею *восходящей лѣстницы* существъ, расположивъ растенія въ восходящемъ порядкѣ, начиная съ простѣйшихъ (водорослей и грибовъ) и кончая сложнѣйшими (цвѣтковыми).

Путь, указанный Жюсье, т.-е. разысканіе наиболѣе естественной, наиболѣе согласной съ природной, классификаціи, привлекъ и продолжаетъ привлекать многочисленныхъ ученыхъ; стоитъ упомя-

[1]) Къ сожалѣнію, существуютъ и теперь еще ученые, не постигающіе этой основной мысли, что искусственная система есть *средство* какъ всякій каталогъ, а естественная система составляетъ сама въ себѣ *цѣль* научнаго изслѣдованія.

нуть имена Ламарка, Кювье, Декандоля, Эндлихера, Агассиса, Бентама и др. Зоологическія и особенно ботаническія классификаціи останутся навсегда образцами одной изъ необходимѣйшихъ операцій человѣческаго ума, составляющей первый шагъ, первый приступъ къ строго научному изслѣдованію въ какой бы то ни было области знанія. Отмѣтимъ, что всѣ эти попытки стремились дать только возможно вѣрную картину дѣйствительности, не задаваясь вопросомъ о причинѣ, почему она именно такова, почему она слагается изъ подчиненныхъ въ различныхъ степеняхъ чертъ сходства и различія, дозволяющихъ соединить ее въ одно обязательное для наблюдателя стройное цѣлое, а не представляетъ расплывающагося хаоса формъ, разнесенныхъ по произвольнымъ клѣткамъ только ради удобства ихъ нахожденія и распредѣленія. Къ тому же картина эта была въ буквальномъ смыслѣ *мозаичная*; ея части сливались въ стройное цѣлое только подъ условіемъ разсматриванія его на разстояніи. При болѣе близкомъ разсмотрѣніи каждая отдѣльная и однозначная составная часть, каждая систематическая единица (такъ называемая *видовая* группа) представлялась какъ кусокъ мозаики, совершенно замкнутой отдѣльной отъ ближайшихъ съ нимъ смежныхъ. Такимъ образомъ связь идейнаго цѣлаго, какъ будто нарушалась въ его реальныхъ подробностяхъ. Такимъ былъ общій результатъ естественной классификаціи органической природы, составлявшей справедливую гордость біологической науки, но еще долго не удовлетворявшей, а скорѣе только раздражавшей умы болѣе философскіе, т.-е болѣе склонные къ объясненію изучаемаго, этой своей антиноміей—единствомъ цѣлаго при разрозненности частей.

Вторымъ завоеваніемъ вѣка можно считать развитіе *сравнительной анатоміи* (*органографіи* въ ботаникѣ). Хотя и она имѣла корни въ восемнадцатомъ столѣтіи, (стоитъ упомянуть дѣятельность Викъ д'Азира), но возникла она во всеоружіи въ безсмертныхъ лекціяхъ сравнительной анатоміи *Кювье*, первый томъ которыхъ появился ровно въ 1800 году. Съ одной стороны, сравнительно анатомическое изслѣдованіе животныхъ и растеній привело къ тому же, но еще болѣе общему выводу, къ которому пришла классификація, именно, что даже различные съ виду, но *соотвѣтственные* органы различныхъ существъ, равно какъ и различные органы тѣхъ же существъ, могутъ представлять несомнѣнное глубокое сходство строенія, выражающееся въ повтореніи тѣхъ же частей въ томъ же числѣ, взаимномъ положеніи и порядкѣ послѣдовательности. Въ зоологіи это всего полнѣе обнаружилось по отношенію къ строенію скелета позвоночныхъ, чѣмъ, какъ увидимъ, вскорѣ воспользовалась другая вновь возникшая отрасль біологіи. Въ ботаникѣ оно выразилось въ скромномъ по названію ученіи *О. П. Де-Кандоля — О симметріи цвѣтка* представлявшемъ стройную систему сравнительной анатоміи этого важнѣйшаго для классификаціи растеній образованія, и въ ученіи о *метаморфозѣ* органовъ, высказанномъ уже Вольфомъ, но въ своей настоящей формѣ навсегда связанномъ съ именемъ *Гёте*. Это ученіе показывало внутреннее сходство и взаимное превращеніе самыхъ различныхъ по внѣшнему виду органовъ растенія. Результатомъ сравнительно анатомическихъ изслѣдованій явилась необходимость различать при этихъ сопоставленіяхъ *сходство*, основанное на одинаковости служебной роли, или отправленія органовъ и *соотвѣтствіе* по положенію, числу и взаимному отношенію частей. Первыя предложено было называть строеніями *аналогическими*, вторыя—*гомологическими*. Но если смыслъ перваго выраженія былъ ясенъ, то содержаніе второго, какъ и слова *сродство* оставалось безъ объясненія, а когда оно

было найдено, самый терминъ, какъ увидимъ, было предложено замѣнить другимъ, болѣе удачно выражающимъ обозначаемое имъ понятіе.

На самомъ порогѣ вѣка трудами того же *Кювье* скристаллизовалась въ новую отдѣльную дисциплину и наука объ ископаемыхъ живыхъ существахъ *палеонтологія*. Въ началѣ вѣка она почти исключительно развивалась на почвѣ зоологіи, благодаря преобладанію у животныхъ легко сохраняющихся твердыхъ частей (скелета, раковины, чешуи и пр.). Позднѣе трудами *Броньяра, Унгера* и др. создалась и палеонтологія растеній, но она долго еще играла незначительную роль и признавалось аксіомой, что растенія, не производящія твердыхъ трудно разрушающихся частей, и не могли оставить на себѣ такихъ важныхъ для науки слѣдовъ, какъ животныя, но позднѣе, во второй части вѣка и отчасти уже за его предѣлами, когда раскрылась возможность изучить микроскопическое строеніе минерализированныхъ, окаменѣлыхъ растительныхъ остатковъ, роли почти помѣнялись, и мы увидимъ, что едва ли не самыя поразительныя обобщенія выпали именно на долю палеонтологіи растеній. Общій результатъ палеонтологическихъ изслѣдованій первой половины вѣка былъ сходенъ съ тѣмъ, который дали систематическій и сравнительно анатомическій пріемъ изслѣдованія. Исчезнувшія съ поверхности земли существа нашли себѣ мѣсто въ общей системѣ; въ болѣе отдаленныя эпохи геологической лѣтописи преобладали формы болѣе простыя, но по общему признанію ученыхъ этой эпохи, эти ископаемыя формы не заполняли промежутковъ между существующими и сами между собою не были связаны тѣснѣе, чѣмъ живущія видовыя группы. Словомъ, антиномія общей связи цѣлаго и разрозненности частей, казалось, проявлялась въ мірѣ исчезнувшихъ, какъ и въ мірѣ современныхъ существъ.

Параллельно и почти одновременно съ палеонтологіей, наукой о распредѣленіи жизни во времени, возникла еще другая отрасль біологіи—ученіе о распредѣленіи жизни въ пространствѣ т.-е. *географія животныхъ и растеній*. *Гумбольдтъ*, отправившійся наканунѣ новаго вѣка (въ 1799 году) въ свое знаменитое путешествіе въ Южную Америку, вывезъ изъ Новаго Свѣта и эту новую науку. Созданная Гумбольдтомъ на почвѣ ботаники, она и продолжала развиваться преимущественно на ней; рядомъ съ именами *Гумбольдта, Скау, Декандоля* (Альфонса) и въ новѣйшее время *Гризебаха, Друде, Уарминга* и *Шимпера* зоологія, за исключеніемъ *Уолесса*, едва ли можетъ выставить одинаковыя по значенію.

Изучающему исторію наукъ часто приходится убѣждаться въ томъ, что изобрѣтеніе, или правильное послѣдовательное примѣненіе новаго пріема изслѣдованія, новаго инструмента, играетъ иногда не менѣе важную роль въ развитіи знаній, чѣмъ даже новая идея, новая теорія. Нигдѣ, быть можетъ (не исключая даже астрономіи), это не оправдывалось въ такой степени, какъ въ развитіи біологіи подъ вліяніемъ широкаго примѣненія *микроскопа*. Послѣ почти двухъ вѣковъ своего существованія, несмотря на успѣшныя попытки одиночнаго, а иногда и строго систематическаго примѣненія (вспомнимъ Мальпиги и Грю), только въ теченіе XIX вѣка раскрылъ онъ почти неистощимое новое поле плодотворнаго изслѣдованія, чему немало способствовало его почти непрерывное техническое усовершенствованіе, начиная съ *Амичи* въ началѣ вѣка и кончая *Аббе* въ его концѣ. Рядомъ съ усовершенствованіемъ, конечно, играло несомнѣнную роль и широкое его распространеніе, благодаря все возрастающей доступности. Иногда высказывается мнѣніе, что малые успѣхи, сдѣланные микроскопическими изученіями организмовъ въ теченіе XVIII вѣка, въ

сравненіи съ блестящимъ его дебютомъ въ XVII зависѣло не мало отъ авторитета Линнея, питавшаго будто бы нескрываемое отвращеніе къ этому инструменту. Но, быть можетъ, въ этомъ отрицательномъ отношеніи высказалась именно чуткость генія, понимающаго логическую послѣдовательность въ развитіи различныхъ частей науки и угадывающаго ближайшія задачи своего времени. Не подлежитъ также сомнѣнію, что увлеченіе микроскопомъ, убѣжденіе, будто изученіе недоступныхъ невооруженному глазу существъ или подробностей строенія составляетъ какую-то высшую сферу знанія, имѣло и свою обратную сторону, отвлекая вниманіе изслѣдователей отъ болѣе глубокихъ вопросовъ физіологіи и особенно отъ изученія жизненныхъ явленій цѣлыхъ видимыхъ безъ микроскопа организмовъ въ ихъ зависимости отъ условій ихъ существованія. Эта односторонность только во второй половинѣ вѣка, подъ вліяніемъ новыхъ теоретическихъ воззрѣній, была восполнена возникновеніемъ того новаго отдѣла науки, который получилъ названіе *біологіи* въ томъ новомъ неудачномъ смыслѣ этого слова, о которомъ мы уже имѣли случай говорить выше. Но въ свое время эта односторонность въ увлеченіи микроскопическими изслѣдованіями, какъ и односторонность Линнея, была, конечно, понятна и логична, почему и оказалась полезной.

Микроскопическое изученіе организмовъ только подтвердило и еще болѣе обобщило два положенія, выработанныя изученіемъ макроскопическимъ, установивъ еще болѣе глубокое сходство внутренняго строенія всего организованнаго и наличность еще болѣе простыхъ представителей на границѣ двухъ царствъ, что еще болѣе дополнило представленіе объ органическомъ мірѣ, какъ единомъ цѣломъ, какъ о восходящей лѣстницѣ существъ, начиная со стоящихъ почти на предѣлѣ организаціи.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи изученія болѣе глубокаго строенія организмовъ, совпавшимъ съ началомъ вѣка были попытки Биша (его Anatomie générale вышла въ 1801 г.) установить *типы тканей*, лежащихъ въ основѣ разнообразныхъ органовъ различныхъ существъ,—тканей соотвѣтствующихъ основнымъ физіологическимъ отправленіямъ. Этимъ основная задача морфологіи—найти однообразіе, лежащее въ основѣ безконечнаго разнообразія формъ, конечно, дѣлала большой шагъ впередъ, но онъ былъ еще ничто въ сравненіи съ установленіемъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ *Шлейденомъ* и вслѣдъ за нимъ *Шваномъ ученія о клѣточкѣ какъ элементарномъ органѣ всего живого*. Болѣе счастливая, чѣмъ химія, въ теченіе всего столѣтія остававшаяся при своихъ многочисленныхъ элементахъ, біологія сводила все безконечное разнообразіе своихъ строеній къ одному основному морфологическому элементу—и если сложные организмы оказывались состоящими изъ милліоновъ этихъ элементовъ, хотя всегда начинались съ одного, то нашлись и такіе простѣйшіе организмы, которые въ теченіе всей своей жизни представлены только однимъ. Omne vivum e cellula стало съ той поры основнымъ закономъ морфологіи. Шлейдена вообще принято считать творцомъ ученія о клѣточкѣ, оказавшагося столь богатымъ самыми плодотворными обобщеніями. Но это едва ли справедливо и уже, конечно, совершенно невѣрно приписывать эту заслугу Фирхову, получившему это ученіе готовымъ и только приложившему его къ частной области патологіи. Шлейденъ, краснорѣчивый, страстный противникъ рутины и застоя, могъ по праву сказать о себѣ, какъ нѣкогда Бэконъ, что онъ трубачъ герольдъ, *buccinator*, возвѣщавшій о появленіи этого ученія, но фактическія данныя его обосновавшія, уже существовали ранѣе (*Мирбель* и др.). Не малую роль,

напримѣръ, сыграло изслѣдованіе *Гуго Моля*, доказавшаго, что сосуды, которые принимались за образованія первичныя наравнѣ съ клѣточками, въ дѣйствительности сами образуются изъ клѣточекъ. Молю же обязана наука дальнѣйшимъ морфологическимъ анализомъ того, что признавалось за клѣточку; онъ установилъ значеніе одной составной части ея жидкаго содержимаго—*протоплазмы*, оказавшейся тождественной съ основнымъ веществомъ простѣйшихъ животныхъ *саркадой Дюжардена* (1835). Эта *саркада—протоплазма* вскорѣ сосредоточила на себѣ вниманіе ученыхъ (Максъ Шульце и др.). Особенно, когда ботаникамъ удалось обнаружить организмы, представляющіе большія накопленія нагой протоплазмы—плазмодія *Де-Бари* и *Ценковскаго* [1]) (у слизистыхъ грибовъ). Уже не клѣточка, а протоплазма была признана началомъ всего живого. Даже была сдѣлана попытка найти залежи ея (невольно напоминавшія предвѣчную слизь Uhrschleim нѣмецкихъ натурфилософовъ) на днѣ океана (Гёксли, Геккель), что оказалось, впрочемъ, ошибкой. Въ представленіи о протоплазмѣ, какъ о чемъ-то однородномъ, индивидуальномъ, въ этомъ ея ипостазированіи, также какъ и въ находившихся въ связи съ этимъ воззрѣніемъ столь же упорныхъ, какъ и неудачныхъ попытокъ приписать ей дальнѣйшую организацію, высказалась исключительная морфологическая точка зрѣнія, только къ концу вѣка уступившая мѣсто болѣе трезвому и простому (первоначально высказанному Моллемъ), воззрѣнію на нее, какъ на жидкость.

Гегемоніи протоплазмы, какъ основоначала всякой жизни, явилась позднѣе конкурренція въ другой составной части клѣточки,—въ ядрѣ, открытомъ еще ранѣе (*Робертомъ Брауномъ*), выдвинутомъ впередъ Шлейденомъ, но обратившемъ на себя особое вниманіе только съ семидесятыхъ годовъ, когда былъ открытъ (въ ботаникѣ *Чистяковымъ*) сложный процессъ, сопровождающій одинъ изъ способовъ его размноженія, поразительно сходный и у растеній и у животныхъ (такъ называемый *каріокинетическій* процессъ). Стремленію къ объединенію, къ упрощенію на этотъ разъ былъ нанесенъ ударъ: вмѣсто одной все изъ себя родящей (въ томъ числѣ и ядро) протоплазмы явились два сосуществующія и преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе передающіяся начала—протоплазма и ядро. Съ этимъ неразрѣшеннымъ дуализмомъ вступаетъ морфологія въ новый вѣкъ, такъ какъ вопросъ о возможности существованія у самыхъ простѣйшихъ организмовъ чего-то еще не дифференцировавшагося, чего-то равнаго протоплазмѣ + ядро, что вновь удовлетворяло бы стремленіе къ объединенію, вопросъ этотъ едва ли можно считать окончательно разрѣшеннымъ въ томъ или иномъ смыслѣ.

Какъ бы то ни было, эти ученія о тканяхъ, о клѣточкѣ, о протоплазмѣ, о ядрѣ, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи охватившія весь вѣкъ, дали самый могущественный аргументъ въ пользу морфологическаго объединенія всего живущаго, такъ какъ обнаружили глубокое сходство между наиболѣе крупными отдѣлами этого цѣлаго—между царствами растеній и животныхъ.

Успѣхи, сопровождавшіе изученіе клѣточки и ея основныхъ составныхъ частей (*оболочки* главнымъ образомъ у растеній и протоплазмы и ядра у растеній и животныхъ), а съ другой стороны, очевидно, лавры, которые химики и физики стяжали въ мірѣ молекулъ, подали мысль, начиная съ половины вѣка, нѣкоторымъ ученымъ пойти въ своемъ морфологическомъ анализѣ еще глубже, даже за пре-

[1]) Слѣдуетъ вспомнить, что скромный труженикъ, мало извѣстный ботаникъ Черняевъ, объяснилъ настоящій смыслъ этихъ интереснѣйшихъ образованій ранѣе этихъ двухъ знаменитыхъ ученыхъ.

дѣлы видимаго, и установить жизненныя единицы болѣе элементарныя, чѣмъ клѣточки. Но всѣ эти попытки до сихъ поръ можно считать неудачными. Первою наиболѣе разработанною и наиболѣе прославленною попыткою въ этомъ родѣ была *теорія строенія* и роста растительнаго вещества, предложенная *Негели*. Саксъ въ своей исторіи ботаники провозглашалъ ее едва ли не самымъ блестящимъ завоеваніемъ біологіи въ XIX в., хотя болѣе внимательное отношеніе къ ней невольно вызывало сомнѣнія [1]) и время оправдало ихъ, такъ какъ она оказалась невѣрной во всѣхъ своихъ фактическихъ посылкахъ. Ту же участь испытала и навѣянная ученіемъ Негели попытка найти какое-то элементарное строеніе въ протоплазмѣ (Гофмейстеръ и по его слѣдамъ цѣлый рядъ ботаниковъ и зоологовъ). Какъ было уже замѣчено раньше, за послѣднія десятилѣтія все болѣе и болѣе беретъ перевѣсъ представленіе о протоплазмѣ, какъ о смѣси жидкостей, (эмульсіи) основныя свойства которой (форма, принимаемая въ свободномъ состояніи, дѣленіе, движеніе) прямо вытекаютъ изъ физическихъ свойствъ этого аггрегатнаго состоянія (*Бертольдъ*, *Квинке*, *Бючли* и др.). Ту же участь, вѣроятно, ожидаетъ и цѣлый сонмъ ультра-оптическихъ индивидуумовъ, которыми нѣкоторые ученые (Дарвинъ, Негели, Вейсманъ, Де-Фризъ и др.) пытались будто бы объяснить, а въ сущности только перефразировали въ болѣе темныхъ выраженіяхъ факты наслѣдственности, обратившіе на себя во второй половинѣ вѣка особое вниманіе. Всѣ эти попытки представляютъ собою только пережитокъ пользовавшихся такимъ широкимъ распространеніемъ въ XVIII вѣкѣ теорій преформаціи, emboitement и т. д. Какъ и тогда эти попытки представляютъ примѣры незаконнаго вторженія въ область біологической динамики статическаго склада мышленія морфологовъ, порожденнаго ихъ неотвязчивымъ убѣжденіемъ, будто форма объясняется другой ей предшествовавшей формой и если порывается связь видимыхъ, то стоитъ только *придумать* рядъ невидимыхъ формъ и такъ до безконечности.

Это приводитъ къ разсмотрѣнію еще одного ряда изслѣдованій, еще одного метода изученія хотя и не вполнѣ новаго, но ставшаго на твердую почву въ самомъ началѣ разсматриваемаго вѣка и съ той поры представлявшаго одну изъ выдающихся чертъ въ развитіи біологической науки за этотъ періодъ.

Во всѣхъ предшествовавшихъ дисциплинахъ обобщеніе, установленіе сходства всего живого достигалось сравненіемъ на почвѣ все болѣе и болѣе глубокаго изученія внѣшняго и внутренняго строенія готовыхъ, вполнѣ развитыхъ организмовъ. Рядомъ съ этимъ методомъ сравненія „существующаго" въ первыхъ годахъ столѣтія благодаря геніальнымъ изслѣдованіямъ *Карла Эрнеста Бэра* (и *Пандера*) выступаетъ методъ сравненія „образующагося", т.-е. изслѣдованіе организма въ послѣдовательныхъ, отъ яйца, позднѣе отъ клѣточки, стадіяхъ развитія—открывается широкое примѣненіе метода *эмбріологіи* или правильнѣе *исторіи развитія* (позднѣе *онтогенезиса* Геккеля). Здѣсь слово *исторія* въ первый разъ принималось не въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, какъ въ выраженіи естественная исторія, а въ строгомъ смыслѣ сопоставленія фактовъ во времени, а не въ пространствѣ. Эмбріологія особенно развилась въ области зоологіи и на долю русскихъ зоологовъ выпала едва ли не самая выдающаяся роль (*Бэръ* и *Пандеръ* въ началѣ вѣка, *Ковалевскій* и *Мечниковъ*—во второй). Въ примѣненіи къ растенію это направленіе нашло краснорѣчиваго защитника въ томъ же *Шлейденѣ*, видѣвшемъ въ изученіи исторіи развитія

[1]) Я былъ первымъ категорически высказавшимся противъ нея, когда еще она вызывала общій восторгъ ботаниковъ.

едва ли не главную задачу своего времени. Но должно отмѣтить, что эта идея не только провозглашалась, но и примѣнялась ранѣе, напримѣръ, *Мирбелемъ*, лозунгъ котораго voir venir призывалъ изучать организмы не только въ ихъ *sein*, но и въ ихъ *werden*, начиная съ первыхъ клѣточекъ.

Изученіе исторіи развитія, на первыхъ порахъ, было наиболѣе плодотворно въ примѣненіи къ животнымъ организмамъ; удалось установить широко распространенныя общія черты развитія, сходныя стадіи въ процессѣ образованія органовъ и цѣлыхъ системъ (ученіе о *зародышевыхъ пластахъ* [1]), *гаструлѣ* и т. д.). Черты сходства, не обнаруживающіяся на вполнѣ развитыхъ организмахъ, ясно выступаютъ при сравненіи болѣе или менѣе раннихъ стадій развитія (напримѣръ, жаберныя дуги зародыша человѣка, напоминающія жабры рыбъ). При этомъ обнаружился замѣчательный законъ (позднѣе названный *Геккелемъ біогенетическимъ*), что раннія стадіи развитія болѣе сложныхъ организмовъ представляютъ глубокое сходство съ развитымъ состояніемъ болѣе простыхъ. Ботаника на первыхъ порахъ будто отстала въ этомъ направленіи отъ зоологіи, зато позднѣе ей удалось представить едва ли не самый широкій и обстоятельно разработанный примѣръ объединенія наиболѣе рѣзко между собой обособленныхъ группъ растительнаго царства на основаніи изученія ихъ исторіи развитія. Это *открытіе* несомнѣнно *самое крупное въ области всей морфологіи за истекшее столѣтіе*, недостаточно извѣстно въ широкихъ кругахъ, а имя ученаго, его осуществившаго, далеко не пользуется той славой, какой заслуживаетъ [2]). На самомъ перевалѣ изъ первой половины вѣка во вторую (въ 1851) нѣмецкій ботаникъ-самоучка *Гофмейстеръ*, изучивъ исторію развитія представителей главнѣйшихъ группъ растительнаго царства, указалъ на возможность установить морфологическую связь между двумя самыми большими подраздѣленіями растительнаго царства— *„перебросить мостъ“ изъ одного полуцарства въ другое*, изъ полуцарства такъ называемыхъ *споровыхъ* растеній въ полуцарство *сѣменныхъ* (или цвѣтковыхъ) растеній.

Гофмейстеръ установилъ гомологію органовъ высшихъ споровыхъ и простѣйшихъ сѣменныхъ растеній и указалъ, гдѣ, у какихъ растеній, мы можемъ ожидать наиболѣе ясныхъ указаній этой связи (именно у голосѣмянныхъ, куда относятся саговыя и хвойныя). Высшія споровыя растенія оплодотворяются подвижными органами *антерозоидами* (совершенно сходными съ *сперматозоидами* высшихъ животныхъ)— у сѣменныхъ цвѣтковыхъ растеній ничего подобнаго не было извѣстно, но на основаніи изслѣдованія Гофмейстера стало ясно, гдѣ и у какихъ растеній можно ожидать ихъ найти—и они были найдены почти черезъ полвѣка послѣ появленія изслѣдованій Гофмейстера, а вѣсть объ ихъ открытіи пришла изъ страны, въ его время еще не пріобщившейся къ общечеловѣческой жизни науки—изъ Японіи. Японскіе ученые *Икено* и *Гиразе*, а вслѣдъ за ними американскій ученый *Уебберъ* открыли эти органы у саговыхъ и хвойныхъ, т.-е. тамъ именно, гдѣ ихъ слѣдовало ожидать по Гофмейстеру. Мало того, черезъ нѣсколько лѣтъ и уже за порогомъ вѣка, англійскіе палеонтологи, въ особенности *Д. Скоттъ*, одинъ изъ блестящихъ представителей той школы

---

[1]) Фамицынымъ была сдѣлана попытка распространить ученіе о зародышевыхъ пластахъ на растенія, но она оказалась неудачной.

[2]) Противъ такого отношенія къ этому открытію мнѣ было сдѣлано возраженіе, что самое выдающееся открытіе—открытіе клѣточки. Но дѣло въ томъ, что клѣточку никто не открывалъ; открытіе же, о которомъ идетъ рѣчь, сдѣлано опредѣленнымъ ученымъ и высказано на извѣстныхъ страницахъ извѣстной книги.

микроскопической растительной палеонтологіи, о которой мы упоминали выше, доказалъ, что нѣкоторые изъ казавшихся самыми несомнѣнными споровыми растеніями—нѣкоторые папоротники каменноугольной эпохи уже обладали органами, схожими съ сѣменами. Такимъ образомъ предсказаніе Гофмейстера о связи между полуцарствами споровыхъ и сѣменныхъ растеній оправдалось вполнѣ, нашлись сѣменныя растенія съ антерозоидами, какъ у споровыхъ и споровыя съ сѣменами, какъ у сѣменныхъ. И подтвержденіе пришло съ двухъ совершенно независимыхъ сторонъ, двумя совершенно самостоятельными путями, изученіемъ исторіи развитія существующихъ формъ и микроскопическимъ изслѣдованіемъ ископаемыхъ. Это сбывшееся пророчество Гофмейстера [1]) морфологія XIX вѣка можетъ смѣло выставить наряду съ предсказаніемъ существованія Нептуна (Адамсомъ и Леверье), предсказаніемъ коническій рефракціи Гамильтономъ, открытіемъ новыхъ химическихъ элементовъ, предсказанныхъ Менделѣевымъ и высшимъ изъ всѣхъ—пророчествомъ Максуэля о тождествѣ свѣта и электричества. Если возможность предсказывать является блестящей повѣркой надежности избраннаго пути изслѣдованія, то біологія въ правѣ сказать, что ея сравнительный методъ, особенно въ формѣ сравнительной исторіи развитія организмовъ, вполнѣ доказалъ, какого онъ заслуживаетъ довѣрія. Это заключеніе важно не только по отношенію къ самой біологіи, но и потому, что методъ этотъ начинаетъ пріобрѣтать соотвѣтствующее ему значеніе и въ слѣдующей за біологіей, по сложности своихъ задачъ, соціологіи. Успѣхи біологіи подаютъ надежду, что со временемъ и выводы соціологіи, быть можетъ, достигнутъ такой же степени достовѣрности.

Если успѣхи всѣхъ отдѣловъ морфологіи, уже ранѣе существовавшихъ или вновь возникшихъ въ теченіе первой половины вѣка приводили къ одному всеобъемлющему обобщенію—къ установленію основного, хотя нерѣдко глубоко скрытаго, единства всего живого, несмотря на его безграничное разнообразіе въ частностяхъ, то для этого основного факта не было предложено никакого удовлетворительнаго объясненія. Этотъ коренной шагъ, этотъ переворотъ въ основномъ міровозрѣніи, представляющій главное умственное пріобрѣтеніе вѣка и осуществленный въ его второй половинѣ, удобнѣе будетъ оцѣнить послѣ знакомства съ другимъ отдѣломъ біологіи—съ физіологіей.

§ 3.

Если морфологія стремится видѣть въ организмѣ преимущественно строеніе, форму (объ исключительномъ проведеніи этой точки зрѣнія, какъ мы видѣли, не можетъ быть рѣчи), то *физіологія* имѣетъ въ виду совершающіяся въ нихъ явленія; въ параллель съ морфологіей, ее умѣстнѣе было назвать *феноменологіей* живыхъ существъ. Она неизмѣнно имѣетъ въ виду не *строеніе*, а *организацію*, не *часть*, а *органъ*, т.-е. орудіе, исполняющее извѣстную функцію, извѣстное отправленіе. Слѣдовательно, не просто явленіе, а и значеніе этого явленія для существа, въ которомъ оно совершается, вотъ двойственная задача, которая отличаетъ динамику организованныхъ тѣлъ отъ простой динамики тѣлъ неорганизованныхъ. Огюстъ Контъ удачно выразилъ это такъ: задача физіологіи двоякая: данъ органъ, найти его отправленіе, дано отправленіе, найти органъ. Но тѣмъ не менѣе, какъ мы указали выше, первой и основной задачей физіологіи является *объясненіе* совершающихся въ организмѣ процессовъ, ихъ подчиненіе законамъ

[1]) Какъ уже сказано выше, фактъ этотъ до того мало извѣстенъ, что у историка біологіи *Томсона* встрѣчается фраза: ни одинъ біологъ, конечно, не рискнетъ подвергать свое ученіе этой строгой пробѣ, не рискнетъ пророчествовать.

общимъ, какъ для живыхъ, такъ и для не живыхъ тѣлъ.

Главной характеристикой успѣховъ физіологіи въ смыслѣ ея сближенія съ общими науками — физикой и химіей — можно считать торжество въ ней экспериментальнаго метода, подчиненіе изучаемыхъ ею явленій числу и мѣрѣ, этому лучшему критерію вступленія извѣстной отрасли знанія въ область точной науки. Можно сказать, что всѣ блестящіе успѣхи физіологіи были тѣсно связаны съ распространеніемъ на нее и нерѣдко талантливымъ усовершенствованіемъ въ примѣненіи къ ея болѣе сложнымъ и болѣе тонкимъ задачамъ экспериментальныхъ методовъ физики и химіи. Здѣсь еще болѣе оправдалось правило, что открытіе новыхъ методовъ изслѣдованія нерѣдко было источникомъ болѣе знаменательныхъ успѣховъ, чѣмъ провозглашеніе новой теоріи, новаго толкованія фактовъ.

Изученіе отдѣльныхъ отправленій различныхъ органовъ, особенно таинственной нервной системы, путемъ вивисекціи, несмотря на лицемѣрные возгласы противъ ея примѣненія, дало прежде всего возможность осуществить самую важную задачу разложенія сложной и въ своей сложности непонятной дѣятельности животнаго организма на ея отдѣльныя функціи. Безъ этого экспериментальнаго *изолированія отдѣльныхъ отправленій* физіологія животныхъ не сдѣлала бы ни шага впередъ и все еще стояла бы безпомощной передъ загадкой непонятнаго цѣлаго. Параллельно съ этимъ физіологія растеній цѣлымъ рядомъ заимствованныхъ у физики пріемовъ могла *изолировать дѣйствіе различныхъ внѣшнихъ факторовъ* (свѣта, тепла, тяготѣнія и т. д.) на растительные организмы, гораздо болѣе имъ подчиненныхъ, чѣмъ организмы животныхъ. Въ свою очередь, цѣлый рядъ усовершенствованныхъ физическихъ пріемовъ былъ примѣненъ къ изученію механизма движеній животнаго организма, явленій кровообращенія, дыханія, мускульнаго сокращенія и т. д., для чего *Веберомъ, Гельмгольцемъ, Людвигомъ, Марэйемъ* и др. былъ изобрѣтенъ цѣлый рядъ остроумнѣйшихъ, такъ называемыхъ *саморегистрирующихъ* и крайне чувствительныхъ приборовъ (міографъ, сфигмографъ, атмографъ и пр.). Даже нервная возбудимость, передающая велѣнія человѣческой воли и дѣйствующая „со скоростью мысли", оказалась вполнѣ измѣримою и даже не особенно быстрою (*Гельмгольцъ*). Явленія, совершающіяся въ темнотѣ внутреннихъ полостей тѣла, были въ буквальномъ смыслѣ вынесены на свѣтъ остроумными приборами, допустившими ихъ освѣщеніе и удобное изслѣдованіе, какъ напр., освѣщеніе пузыря, гортани (Ларингоскопъ Гарсіа), внутренности глаза (Офтальмоскопъ *Гельмгольца*). Изученіе газоваго обмѣна въ животномъ и растительномъ организмѣ породило усовершенствованіе этой до той поры мало разработанной отрасли химическаго анализа (*Реньо* и *Резе, Буссенго, Лудвигъ—Сѣченовъ—Петенкоферъ* и *Фойтъ — Тимирязевъ*). Спектроскопъ нашелъ себѣ примѣненіе для изученія химизма крови (*Стоксъ, Клодъ-Бернаръ, Гоппе Зейлеръ*) и хлорофилла (*Тимирязевъ*). Ускользающія отъ непосредственнаго наблюденія ничтожныя колебанія температуры растеній стали измѣряться изобрѣтенными Дютроше термоэлектрическими иглами, позднѣе получившими широкое примѣненіе въ физіологіи животныхъ. Съ этою цѣлью, въ особенности же для измѣренія лежащихъ въ основѣ мышечной и нервной дѣятельности электрическихъ явленій, гальванометръ былъ доведенъ до небывалой степени чувствительности, едва ли не ставъ въ этомъ смыслѣ предѣльнымъ, какимъ только располагаетъ экспериментальная наука.

Сопоставленіе того обширнаго арсенала орудій точнѣйшаго изслѣдованія, которымъ располагаетъ современная физіологія въ сравненіи съ чуть ли не един-

ственнымъ орудіемъ — анатомическимъ ножомъ, которымъ она располагала въ началѣ вѣка, составило бы едва ли не самый наглядный памятникъ того, что успѣла она осуществить за истекшее столѣтіе. Отмѣтимъ еще, что это стремленіе подчинить подлежащій ей фактическій матеріалъ числу и мѣрѣ начинаетъ распространяться и на сосѣднюю съ физіологіей область—психологію, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя успѣваетъ себѣ подчинить физіологія.

Физіологія отличается тѣмъ отъ морфологіи, что ея содержаніе представляется болѣе однороднымъ; если не желать распредѣлить его по отдѣльнымъ органамъ, даже довольно трудно установить общіе принципы для основной группировки этого содержанія. Въ физіологіи животныхъ давно предложено было дѣленіе отправленій на отправленія жизни растительной, т.-е. общія и животнымъ и растеніямъ,—каковы питаніе, ростъ, размноженіе—и отправленія жизни животной т.-е. явленія движенія и чувствованія. Во второй половинѣ вѣка явилось стремленіе къ установленію общей физіологіи тѣхъ и другихъ организмовъ, но эта попытка давала интересные результаты только тогда, когда осуществлялась такимъ піонеромъ физіологіи животныхъ, какъ Клодъ-Бернаръ, при своей геніальности успѣвшимъ внести любопытныя новыя точки зрѣнія въ чуждую ему область физіологіи растеній и оказывалась совершенно безплодной, когда за нее брались такіе dii minores, какъ Гертвигъ или Ферворнъ [1]), ограничивающіеся перепиской въ одну книгу того, что находятъ въ двухъ.

[1]) Такъ же неудачно притязаніе Ферворна на основаніе будто бы какой-то новой *физіологіи клѣточки.* Эта мысль не нова, за 50 лѣтъ до Ферворна ее пытался осуществить уже *Моль.* Она пока и не осуществима, такъ какъ не придумано еще ни вѣсовъ, ни термометровъ, ни гальванометровъ для клѣточки; осталась она неосуществленной и у Ферворна.

Наиболѣе общую группировку сюда относящагося фактическаго матеріала можно сдѣлать, конечно, только съ точки зрѣнія самыхъ широкихъ категорій явленій, совершающихся въ живыхъ организмахъ. Все безконечное разнообразіе *объективныхъ* явленій живого организма можетъ быть сведено къ тремъ порядкамъ превращеній — къ превращеніямъ вещества энергіи и формы. Процессы же *субъективные,* представляющіе внутреннюю обратную сторону физіологическихъ явленій, поскольку ихъ не удалось еще связать съ ихъ объективнымъ субстратомъ, находятся пока въ стадіи подготовительной классификаціи и составляютъ область психологіи въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Благодаря относительной простотѣ задачи, понятно, нигдѣ біологія не сдѣлала такихъ рѣшительныхъ успѣховъ, какъ по отношенію къ первой проблемѣ, по отношенію къ процессамъ превращенія вещества. И здѣсь основная постановка вопроса была завѣщана предшествовавшимъ вѣкомъ. Подчиняется ли вещество организмовъ тѣмъ же основнымъ законамъ, состоитъ ли оно изъ тѣхъ же элементовъ, совершаются ли его превращенія такъ же, какъ они происходятъ in vitro? Или они состоятъ изъ совершенно особаго вещества и происходятъ совершенно непонятнымъ образомъ, подражать которому человѣкъ не въ состояніи въ своихъ лабораторіяхъ? Всѣ эти вопросы, на которые въ началѣ вѣка получались только самые безнадежные отвѣты, въ теченіе его удалось разрѣшить въ положительномъ смыслѣ. Въ началѣ вѣка еще могъ ставиться вопросъ, откуда берется вещество растенія: заимствуется ли изъ окружающей его среды или созидается самимъ растеніемъ и, что еще удивительнѣе, въ одномъ сочиненіи на эту тему, одобренномъ Берлинской академіей, вопросъ разрѣшался во второмъ смыслѣ. Такимъ образомъ, физіологія вступала въ новый вѣкъ еще съ сомнѣніемъ насчетъ при-

ложимости къ организмамъ двухъ основныхъ законовъ Лавуазье—законовъ сохраненія вещества и постоянства элементовъ. Совокупностью цѣлаго ряда изслѣдованій, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить труды *Сенебье, Соссюра, Буссенго* и *Либиха* и главнымъ образомъ тѣхъ изслѣдованій, которыя доказали, что самый важный свой элементъ—углеродъ—растенія черпаютъ изъ воздуха, удалось поставить внѣ сомнѣнія, что всѣ свои элементы растенія заимствуютъ изъ троякой среды ихъ окружающей—почвы, воды и воздуха. Такимъ образомъ выяснилось, что организмы подчиняются основнымъ законамъ Лавуазье, а также опредѣлилась и химическая характеристика растенія—въ немъ вещество неорганическое, минеральное, превращается въ *органическое*.

Параллельно съ этимъ установилось полное сходство этого послѣдняго вещества въ растеніи и въ животныхъ, между тѣмъ какъ въ первыя десятилѣтія господствовало, напр., убѣжденіе, что растеніе лишено азота, присутствіе котораго характеризуетъ будто бы исключительно животное вещество, при чемъ становилось непонятнымъ, какъ это замѣтилъ *Огюстъ Контъ*, откуда же травоядныя берутъ свой азотъ. Органической химіи путемъ такъ называемаго *ближайшаго анализа*, значеніе котораго было особенно выяснено *Шеврелемъ*, удалось установить основныя группы органическихъ веществъ, входящихъ въ составъ организмовъ. Были установлены три важнѣйшія группы этихъ ближайшихъ составныхъ началъ, оказавшихся весьма близкими въ растеніяхъ и животныхъ, именно *бѣлковыя вещества, углеводы* и *жиры*. Это состоящее изъ четырехъ или трехъ элементовъ и тѣмъ не менѣе безконечно разнообразное вещество уже не было болѣе тѣмъ таинственнымъ совершенно отличнымъ отъ неорганическаго, какимъ оно представлялось въ XVIII вѣкѣ Бюффону. Но если установленный ближайшимъ и элементарнымъ анализомъ составъ органическаго вещества пересталъ быть тайной, то та же тайна продолжала въ теченіе первой половины вѣка облекать вопросъ объ образованіи этого вещества изъ его элементовъ или изъ простѣйшихъ тѣлъ неорганическихъ. Самые выдающіеся химики той эпохи (стоитъ указать на Герара) исповѣдывали, что наука въ состояніи разлагать, анализировать органическое вещество, но безсильна воссоздать его изъ продуктовъ анализа, безсильна ихъ *синтезировать*. А защитники всего темнаго, непонятнаго, которые не переводились за все столѣтіе—*виталисты* радостно добавляли: это тайна организма, тайна особой *жизненной силы*, подражать которой человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи въ своихъ лабораторіяхъ. Этотъ и подобные ему факты нельзя достаточно часто напоминать, такъ какъ виталисты, въ теченіе всего вѣка неизмѣнно вынуждаемые покидать свои позиціи, провозглашаемыя ими неприступными, каждый разъ, не смущаясь, прятались въ новыя траншеи, объявляя, что на этотъ разъ ихъ никогда изъ нихъ не выбьютъ. Между тѣмъ уже въ 1828 году *Вёллеръ* осуществилъ *синтезъ* вещества, встрѣчавшагося только въ организмахъ, вырабатываемой животными организмами *мочевины*, но фактъ этотъ не былъ достаточно оцѣненъ современниками, хотя самъ Вёллеръ зналъ ему цѣну. Какъ бы то ни было, ученіе о синтезѣ органическихъ веществъ изъ элементовъ, какъ новая научная доктрина, появилось въ знаменитомъ сочиненіи *Бертло*—Chimie organique fondée sur la Synthèse въ 1861 г. Все, что удалось осуществить съ той поры въ этомъ направленіи, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что осуществленіе остального—только вопросъ времени. Здѣсь, какъ и вездѣ, наука шла строго логическимъ, систематическимъ путемъ отъ простого къ

сложному,—прежде всего былъ осуществленъ *синтезъ жировъ* (Бертло и др.), за ними *углеводовъ* (или сахаристыхъ веществъ) *Э. Фишеромъ*, а въ концѣ вѣка тотъ же *Фишеръ* приступилъ уже къ самой сложной задачѣ—*синтезу бѣлковъ* и уже за предѣлами вѣка стали доходить вѣсти объ его успѣхахъ на этомъ пути.

Тѣмъ не менѣе химія живыхъ организмовъ долго продолжала представлять многое не поддающееся объясненію. Цѣлый рядъ самыхъ существенныхъ процессовъ (напр. раствореніе бѣлковъ при ихъ переваривaніи, превращеніе крахмала въ сахаръ въ солодѣ), воспроизводимыхъ искусственно при помощи энергическихъ химическихъ дѣятелей, или при высокой температурѣ, въ организмахъ протекаетъ въ отсутствіи такихъ тѣлъ и при обыкновенныхъ температурахъ. Обширную категорію явленій броженія (напр., спиртового) даже вовсе не удавалось воспроизвести искусственно въ лабораторіяхъ; они считались тайной микроскопическихъ организмовъ. Но способъ, которымъ первый рядъ процессовъ осуществляется въ организмахъ, былъ разъясненъ, когда *Пайенъ* открылъ осахаривающее крахмалъ вещество, ферментъ *діастазъ* (1833), а вслѣдъ затѣмъ Шванъ нашелъ ферментъ желудочнаго сока—*пепсинъ*. Реакціи, извѣстныя до тѣхъ поръ только въ живомъ организмѣ, стали получаться in vitro. Гораздо долѣе затянулось дѣло съ объясненіемъ явленій броженія. Открытіе ферментовъ подало мысль, не будутъ ли явленія броженія зависѣть не отъ таинственной жизненной дѣятельности микроорганизмовъ, какъ таковыхъ, а отъ присутствія въ клѣточкахъ веществъ, подобныхъ діастазу, пепсину и др. Два знаменитыхъ ученыхъ выступили защитниками двухъ противоположныхъ взглядовъ. Въ пользу перваго, *виталистическаго*, въ значительной степени обоснованнаго его же трудами, выступилъ *Пастёръ*, въ пользу второго, *химическаго*, выступилъ *Бертло* и на первыхъ же порахъ подтвердилъ его своими опытами. Почти до конца вѣка виталистическій взглядъ Пастёра торжествовалъ. Спиртовое броженіе оставалось тайной живой клѣточки,—дрожжей, пока *Бухнеру* (1897) не удалось разоблачить эту тайну, извлекши изъ дрожжей ихъ ферментъ—*зимазу*. И достигъ онъ этого очень просто,—разрушивъ микроскопическія клѣточки перетираніемъ съ пескомъ (собственно съ инфузорной мукой) и подвергнувъ затѣмъ сильному давленію гидравлическаго пресса. Извлеченный ферментъ уже безъ всякаго участія таинственной жизненной силы вызываетъ броженіе. Защитники витализма долго не могли опомниться отъ этого удара и все надѣялись, что въ этихъ разрушенныхъ клѣточкахъ найдутся остатки таинственной жизни. Однако всѣ ихъ надежды были разрушены, и теперь блестящій опытъ Бухнера демонстрируютъ многочисленной публикѣ на выставкахъ. Пораженіе витализма на почвѣ органическаго синтеза совершилось на глазахъ поколѣнія теперь уже состарѣвшагося и молодые виталисты говорятъ, что старики перетрясаютъ архивную пыль, но это второе рѣшительное пораженіе случилось чуть не вчера, и его замалчивать уже не приходится. Ученіе о ферментахъ сдѣлало еще одинъ новый шагъ впередъ. До недавняго времени всѣ реакціи ферментовъ имѣли исключительно характеръ аналитическій, т.-е. представляли явленія разложенія сложныхъ тѣлъ на болѣе простыя. Какъ происходитъ въ организмахъ процессъ обратный т.-е. синтезъ, превращеніе простыхъ соединеній въ болѣе сложныя, оставалось тайной, пока англійскому химику *Крофту-Гиллю* не удалось показать, что они могутъ происходить подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ ферментовъ. Мы имѣли здѣсь дѣло съ явленіемъ химическаго равновѣсія; смотря по условіямъ процессъ можетъ идти то въ томъ, то въ другомъ направленіи.

Такимъ образомъ, сдѣлавшее громадные успѣхи ученіе о ферментахъ представляется ключомъ къ объясненію безчисленныхъ превращеній органическаго вещества въ живыхъ тѣлахъ. Многіе уже начинаютъ выражаться такъ, что въ ферментахъ заключается химическая тайна жизни (Лёбъ). Клодъ-Бернаръ еще до послѣднихъ открытій [1]) говаривалъ, что ферментъ четвертое условіе жизни (первыя три: вода, кислородъ и теплота). По своему химическому составу ферменты очень близки къ бѣлковымъ веществамъ или даже тождественны съ ними. Появленіе фермента связано съ наличностью нерастворимаго, такъ называемаго *зимогеннаго* (ферменто-родящаго), вещества, присутствіе котораго подозрѣваютъ и въ ядрѣ. Мысль, что ядро можетъ играть роль фермента, высказывалась даже такимъ осторожнымъ мыслителемъ, какъ Клодъ Бернаръ. Если бы этой догадкѣ (пока только догадкѣ [2]) суждено было оправдаться, то, быть можетъ, получилось бы химическое объясненіе для указаннаго выше морфологическаго дуализма—протоплазма+ядро: одна представляла бы основной матеріалъ для полученія всего безконечнаго разнообразія веществъ въ организмѣ, другое заключало бы условіе для осуществленія этой дифференцировки.

Если изученіе состава и внутреннихъ превращеній органическаго вещества установило близкое сходство растительныхъ и животныхъ организмовъ, то изученіе первоначальнаго происхожденія вещества у тѣхъ и другихъ, т.-е. процесса ихъ питанія, установило, быть можетъ, самое коренное между ними различіе. Животное зависитъ въ своемъ питаніи отъ наличности уже готоваго органическаго вещества (другихъ животныхъ или растеній), растеніе же само вырабатываетъ его изъ неорганическаго вещества окружающей его среды. Эта неорганическая пища получается въ формѣ жидкой или газообразной, пища животнаго по существу твердая [1]). Первыя воспринимаютъ пищу широко развитыми поверхностями (корней, листьевъ), у вторыхъ она поступаетъ во внутреннія полости и перерабатывается ферментами. Изученіе основного механизма питанія устанавливаетъ самую широкую черту различія между растеніемъ и животнымъ, послѣдствіемъ которой являются чуть ли не всѣ остальныя.

Ученіе объ осмотическихъ явленіяхъ, основаніе которому положилъ *Дютроше* (1835) и которое составляетъ гордость физіологіи растеній, такъ какъ въ немъ она опередила физику, позднѣе обобщенное *Грэамомъ* въ ученіи о *диффузіи*, установило эту коренную антитезу между питаніемъ растенія и животнаго. Пища растенія состоитъ изъ *кристаллоидовъ* и газовъ, которые, въ силу своей способности къ диффузіи, сами проникаютъ въ растеніе, пища же животныхъ изъ *твердыхъ веществъ* и *коллоидовъ*, почти не диффундирующихъ, неподвижныхъ. Отсюда пища растеній сама идетъ ему навстрѣчу, и растеніе можетъ оставаться неподвижнымъ, животное же, питающееся неподвижной пищей, должно идти ей навстрѣчу. Отсюда безусловная необходимость движенія для привлеченія пищи, для перемѣщенія въ поискахъ за ней, для хватанія, борьбы или, наоборотъ, для уклоненія, бѣгства, защиты отъ другихъ такихъ же подвижныхъ существъ. Отсюда сложная система внутреннихъ органовъ для помѣщенія и переработки этихъ твердыхъ веществъ, система пищепріемныхъ

[1]) Впрочемъ, онъ самъ, повидимому, былъ на пути къ нимъ, судя по оставшимся послѣ него и обнародованнымъ Бертло замѣткамъ.

[2]) Но зависимость извѣстныхъ химическихъ процессовъ, напр., образованія клѣтчатки отъ ядра несомнѣнно доказанный фактъ.

[1]) Излишне пояснять, что мы постоянно имѣемъ въ виду растеніе и животное, какъ типы; существуютъ, какъ исключенія, и растенія (каковы напр., грибы), питающіяся органической пищей, и т. д.

органовъ и железъ, выдѣляющихъ ферменты. Отсюда развитіе мышечной системы и служащаго ей опорой скелета; отсюда система органовъ чувствъ, этихъ сигнальныхъ аппаратовъ, направляющихъ движенія; отсюда, наконецъ, всѣмъ руководящая нервная система съ ея высшимъ проявленіемъ—психикой. Мы видѣли, что физіологи еще въ началѣ вѣка пытались установить въ проявленіяхъ животной жизни двѣ категоріи, одну общую съ растеніемъ, другую собственно свойственную животному, но, можетъ быть, правильнѣе сказать, что эта вторая является только результатомъ коренного различія въ процессахъ жизни растительной у тѣхъ и другихъ. Какъ и всегда, справедливость этого правила подтверждается исключеніями. Тѣ растенія, которыя питаются животной пищей, представляютъ цѣлую совокупность особенностей, несвойственныхъ типу растенія и приближающихъ ихъ къ животному типу. Таковы *насѣкомоядныя животныя*. Открытые еще въ XVIII вѣкѣ, сюда относящіеся факты долго встрѣчали сомнѣнія и даже насмѣшки и, только благодаря обстоятельнымъ изслѣдованіямъ *Дарвина*, въ семидесятыхъ годахъ, стали однимъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ изученія для ботаниковъ. Эти изслѣдованія показали, что въ тѣхъ случаяхъ, когда растенія нуждаются въ животной (главнымъ образомъ въ азотистой) пищѣ, они вырабатываютъ цѣлую совокупность органовъ и приспособленій, свойственныхъ животнымъ, каковы внутреннія полости, системы железъ, выдѣляющихъ такіе же ферменты; наконецъ, органы хватанія и приводящіе ихъ въ движеніе органы раздраженія.

Къ числу особенностей, отличающихъ питаніе растеній, должно отнести еще замѣчательную экономію по отношенію къ азоту. Растеніе не выдѣляетъ его; у него не существуетъ и органовъ для изверженія продуктовъ разрушенія бѣлковъ, такъ широко распространенныхъ въ животномъ царствѣ. Быть можетъ, это находится въ связи съ различіями въ процессахъ окисленія, т.-е. въ связи съ тѣмъ, что растенія окисляютъ главнымъ образомъ углеводы и жиры, а животныя также и бѣлковыя вещества.

Физіологіи растеній посредствомъ примѣненія *методовъ искусственныхъ культуръ* (*Буссенго*, *Кнопъ*, *Гельригель*) удалось въ такой степени изучить явленія питанія, что въ настоящее время эта глава служитъ однимъ изъ наглядныхъ примѣровъ того, въ какой степени экспериментаторъ можетъ подчинить своей власти жизненныя явленія, а слѣдовательно и самымъ вѣрнымъ критеріемъ успѣха физіологіи. Измѣняя составъ пищи, физіологъ можетъ управлять развитіемъ растенія; отказавъ ему въ почти невѣсомыхъ количествахъ одного вещества (солей желѣза), онъ можетъ вполнѣ остановить его развитіе; измѣняя количество другого (азота въ формѣ селитры), строго пропорціонально измѣняетъ приростъ, такъ что можетъ впередъ предсказать результатъ; наконецъ, въ опытахъ надъ простѣйшими растеніями (плѣсенью) можетъ въ числахъ выразить количество ожидаемаго прироста въ зависимости отъ каждаго питательнаго вещества. Эти послѣдніе опыты (принадлежащіе *Роллену*), пріемъ которыхъ прямо заимствованъ изъ болѣе раннихъ опытовъ надъ высшими растеніями, почему-то стали болѣе извѣстными за предѣлами ботаники, и, можно сказать, послужили образцомъ для цѣлаго ряда изслѣдованій надъ культурой простѣйшихъ организмовъ.

Питаніе человѣка (и животныхъ), начиная съ знаменитаго счастливаго случая съ канадскимъ охотникомъ, прострѣлившимъ себѣ желудокъ и тѣмъ не менѣе оставшимся живымъ (опыты Бомона 1830), и кончая систематическими примѣненіями такихъ фистулъ особенно въ блестящихъ опытахъ *Павлова* и его школы,

выяснилось въ значительной степени, несмотря на несравненно большую сложность этого процесса, въ значительной степени подчиняющагося воздѣйствію нервной системы.

Полный процессъ питанія у высшихъ организмовъ, кромѣ принятія, переработки и усвоенія пищи, еще предполагаетъ ея распредѣленіе по всему организму. У высшихъ животныхъ эту роль исполняетъ сложная кровеносная система, управляемая сердцемъ. Изученіе всего механизма кровообращенія и его главнаго двигателя сердца стало предметомъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій (при помощи уже упомянутыхъ ранѣе самопишущихъ приборовъ *Вебера*, *Лудвига* и др.). Позднѣе тѣ же пріемы были успѣшно примѣнены и къ движенію соковъ въ растеніи (*Вотчалъ*). Но — Blut ist ein besonderer Saft, какъ говоритъ Мефистофель; она представляетъ не только ту общую, внутреннюю жидкую среду, черезъ посредство которой питательныя вещества разносятся къ мѣстамъ ихъ потребленія, она же опредѣляетъ и тѣ явленія окисленія, которыя проявляются въ процессѣ дыханія. Если основаніе ученію о дыханіи было положено еще въ XVIII вѣкѣ классическими трудами Лавуазье и Лапласа, установившими широкое обобщеніе, сблизившее міръ живыхъ и не живыхъ тѣлъ въ смыслѣ аналогіи между дыханіемъ и горѣніемъ, то девятнадцатый вѣкъ въ значительной степени видоизмѣнилъ это основное представленіе, показавъ, что этотъ процессъ сжиганія органическаго вещества совершается не въ извѣстныхъ только органахъ (легкихъ, жабрахъ, трахеяхъ), казалось, исключительно для того предназначенныхъ, а во всѣхъ тканяхъ тѣла насчетъ кислорода, доставляемаго артеріальной кровью. Въ растеніи, не обладающемъ спеціальнымъ органомъ для принятія и удаленія газовъ, это понятіе о повсемѣстномъ дыханіи тканей естественно могло установиться ранѣе. Успѣхи пріемовъ газоваго анализа, особенно со времени примѣненія ртутнаго насоса въ его простѣйшей (*Буссенго*) и болѣе совершенной формѣ (*Лудвигъ*, *Сѣченовъ*), а равно и спектроскопическаго изученія пигментовъ кровяныхъ шариковъ въ ихъ отношеніи къ газамъ (*Стоксъ*, *Клодъ Бернаръ*, *Гоппе Зейлеръ*) пролило значительный свѣтъ на химизмъ газоваго обмѣна организмовъ. Подробное изученіе дыханія растеній позволило установить почти полную аналогію этого процесса въ обоихъ царствахъ. Что касается тѣхъ веществъ, которыя окисляются, то по отношенію къ растенію это — главнымъ образомъ углеводы и жиры, въ организмахъ же животныхъ въ значительной степени подвергаются окисленію и бѣлковыя вещества. Этимъ объясняется уже отмѣченный фактъ значительной траты азотистаго вещества (въ видѣ мочевины, мочевой кислоты и пр.) въ животномъ организмѣ и замѣчательная экономія въ этомъ направленіи растенія.

Явленія траты и разрушенія вещества въ организмѣ невольно наводятъ на размышленіе о томъ, что же выигрываетъ онъ отъ этой траты, и приводятъ насъ къ разсмотрѣнію второй великой проблемы, поставленной и въ значительной мѣрѣ разрѣшенной физіологіей въ минувшемъ столѣтіи — къ проблемѣ *превращенія энергіи*. Этотъ переходъ не случайный; онъ, какъ увидимъ, объясняетъ самый фактъ возникновенія этого физическаго ученія на почвѣ физіологіи.

Понятно, что выработанное въ процессѣ питанія вещество служитъ на пользу организму, когда идетъ на построеніе его тѣла, его тканей. Но въ чемъ же заключается польза веществъ разрушенныхъ организмовъ, когда къ тому же продукты разложенія извергаются (углекислота, вода, мочевина и пр.)? Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ дало открытіе, около средины вѣка, за-

кона, по словамъ Фарадэ, „высшаго изъ всѣхъ доступныхъ человѣческому пониманію въ области физическихъ знаній — закона сохраненія силы“ или, по позднѣйшей, терминологіи закона *сохраненія энергіи*. Слѣдуетъ отмѣтить, что и на этотъ разъ (какъ и при открытіи явленій осмоза) первымъ толчкомъ послужило размышленіе надъ физіологическимъ явленіемъ, желаніе объяснить себѣ значеніе процесса окисленія, разрушенія вещества въ живомъ организмѣ. Въ 1840 году до той поры совершенно неизвѣстный молодой нѣмецкій медикъ *Робертъ Майеръ*, пуская кровь одному паціенту на островѣ Явѣ, замѣтилъ, что цвѣтъ крови былъ болѣе алый, чѣмъ онъ привыкъ видѣть въ Европѣ. Отправляясь отъ этого, казалось бы, ничтожнаго наблюденія, онъ пришелъ въ результатѣ своихъ размышленій къ заключенію о существованіи закона сохраненія энергіи, значеніе котораго для науки девятнадцатаго столѣтія справедливо сравниваютъ съ закономъ Лавуазье, закономъ сохраненія вещества, составлявшимъ самое широкое научное обобщеніе науки восемнадцатаго. Творцы этого физическаго ученія, *Майеръ* и *Гельмгольцъ* оба были физіологами и отъявленными врагами витализма; для нихъ оно было особенно цѣнно тѣмъ, что не оставляло мѣста для этой таинственной жизненной силы. Всѣ проявленія энергіи въ организмѣ должны быть прослѣжены до какого-нибудь извѣстнаго ея физическаго или химическаго источника; ни одна единица механической работы, ни одна *калорія*, такъ же какъ ни одинъ атомъ вещества, не можетъ быть создана этой таинственной силой [1]). Мышечная работа, животная теплота происходятъ насчетъ потенціальной энергіи, заключенной въ органическомъ веществѣ, принятомъ въ пищу. Но эта потенціальная энергія органическаго, или, выражаясь опредѣленнѣе, растительнаго вещества (такъ какъ всякая пища происходитъ изъ растенія), откуда берется она въ свою очередь? Содержащее запасъ потенціальной энергіи вещество растенія происходитъ изъ неорганическаго вещества, его не содержащаго, — изъ углекислоты воздуха, слѣдовательно процессъ запасанія, поглощенія энергіи совпадаетъ съ моментомъ перехода неорганическаго вещества въ органическое. Еще въ исходѣ восемнадцатаго столѣтія было выяснено, что процессъ разложенія углекислоты происходитъ только подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта (*Ингенгузъ*, *Сенебье*). Этого было достаточно, чтобы высказать предположеніе, что солнечный свѣтъ [1]) и есть тотъ источникъ энергіи, который запасается растеніемъ и затѣмъ расходуется какъ имъ самимъ, такъ и, въ еще большей мѣрѣ, животнымъ міромъ. Но Р. Майеръ находилъ, что этого мало, и предъявлялъ наукѣ своего времени требованіе „доказать, что свѣтъ, падающій на живое растеніе, дѣйствительно получаетъ иное назначеніе, чѣмъ тотъ, который падаетъ на мертвыя тѣла“. Это доказательство и было доставлено физіологіей растеній (*Тимирязевъ*). Опредѣливъ поглощеніе свѣта *хлорофилломъ* (его спектръ), изучивъ *разложеніе углекислоты зеленымъ листомъ въ солнечномъ спектрѣ* и соотвѣтствующее этому разложенію *образованіе органическаго вещества* (крахмала), удалось показать, что именно эти лучи, поглощаемые зеленымъ листомъ, преобразуются въ химическую работу превращенія неорганическаго вещества въ органическое [2]). Такимъ образомъ выясни-

[1]) Р. Майеръ напоминаетъ, что въ его время существовали физіологи, учившіе, что животная теплота *наслѣдуется*.

[1]) Вѣрнѣе лучистая энергія солнца, такъ какъ двусмысленность слова свѣтъ не мало тормазила успѣхи изученія самого явленія.

[2]) Немаловажное содѣйствіе пониманію этой функціи растенія оказали параллельные успѣхи фотографіи. Функція хлорофилла оказалась только частнымъ случаемъ дѣйствія, такъ называемыхъ *сенсибилизаторовъ*.

лась во всѣхъ подробностяхъ самая широкая, самая общая, можно сказать, *космическая функція растенія*—его роль посредника между центральнымъ свѣтиломъ нашей системы и жизнью на нашей планетѣ.

Функція *хлорофилла*, зеленаго начала растеній, совершенно противоположна функціи *гемоглобина*, краснаго пигмента крови и это тѣмъ болѣе любопытно, что позднѣйшія изслѣдованія (*Ненцкаго*) показали химическую связь этихъ двухъ важнѣйшихъ веществъ въ экономіи растеній и животныхъ, что дѣлаетъ возможнымъ ихъ общее происхожденіе и служитъ новымъ связующимъ звеномъ между двумя царствами.

Хотя еще Лавуазье и Лапласъ производили свои классическіе опыты надъ животной теплотой, помѣщая животныхъ въ калориметръ, но только съ возникновеніемъ ученія о сохраненіи энергіи задача представилась во всей ея полнотѣ и, благодаря усовершенствованію экспериментальной стороны дѣла, явилась возможность осуществить такіе опыты не только надъ животными, но и надъ человѣкомъ и притомъ, въ состояніи покоя или производящими мышечную работу. Съ другой стороны, точно установлены калорическіе эквиваленты пищевыхъ веществъ, и такимъ образомъ явилась возможность подсчитать балансъ между приходомъ и расходомъ энергіи въ организмахъ. При оцѣнкѣ источниковъ энергіи въ организмѣ пришлось, кромѣ процессовъ окисленія, принять во вниманіе и цѣлый рядъ другихъ процессовъ, имѣющихъ то общее, что всѣ они реакціи *экзотермическія* (*Бертло*), т.-е. сопровождаются освобожденіемъ тепла. Самымъ типическимъ изъ нихъ служитъ спиртовое броженіе, оказавшееся широко распространеннымъ, а не исключительно присущимъ дрожжевому грибку. Туда же пришлось отнести процессы образованія азотистой и азотной кислоты при нитрификаціи и еще болѣе неожиданные процессы окисленія сѣры и желѣза, вызываемые также, какъ и нитрификація микроорганизмами (*Виноградскій*). У типическихъ растеній, соотвѣтственно ихъ неподвижному образу жизни, и процессъ превращенія потенціальной энергіи въ кинетическую оказывается ничтожнымъ въ сравненіи съ животными, вслѣдствіе чего для обнаруженія избытка температуры растеній надъ окружающей средой понадобился чувствительный пріемъ термоэлектрическихъ иглъ (*Дютроше*) или столбиковъ, позднѣе примѣненный и къ измѣренію колебаній температуры въ тканяхъ животныхъ и человѣка, начиная съ мышцъ и кончая головнымъ мозгомъ.

Необходимость движенія—результатъ, какъ мы видѣли, способа питанія—обусловливаетъ у животныхъ развитіе характерныхъ для нихъ и отсутствующихъ у растеній системъ—*мышечной* и *нервной*. Системы эти соотвѣтствуютъ тѣмъ отправленіямъ, которыя справедливо предлагали называть жизнью животной по преимуществу. Зачатки способности къ движенію встрѣчаются у простѣйшихъ представителей обоихъ царствъ и въ этой формѣ сохраняются и у высшихъ (движеніе амёбъ, зооспоръ, протоплазмы, антерозоидовъ, сперматозоидовъ). Эти движенія, по большей части очень медленныя (ихъ кажущаяся быстрота зависитъ отъ увеличеній, при которыхъ они наблюдаются), рѣзко отличаются отъ тѣхъ быстрыхъ движеній, которыми высшія животныя благодаря своей мышечной и нервной системѣ отвѣчаютъ на внѣшнія возбужденія. Высшія растенія представляютъ только рѣдкіе случаи подобной быстрой реакціи, подобной отзывчивости на внѣшніе толчки (мимоза, мухоловка, тычинки барбариса, сложноцвѣтныхъ и т д.) и самый механизмъ движенія и его передачи совершенно иного свойства, чѣмъ у животныхъ. Въ наилучше изученномъ случаѣ (у мимозы) онъ сводится на *ви-*

димое выталкиваніе воды изъ клѣточекъ, вызывающее ослабленіе напряженія и соотвѣтственное спаданіе тканей, за которымъ слѣдуетъ медленное ихъ возвращеніе къ нормальному состоянію [1]). Передача возбужденія также совершается (у мимозы) посредствомъ гидростатическаго давленія, въ системѣ трубокъ, напоминающагб воздушный звонокъ и не имѣющаго даже отдаленнаго сходства со сложнымъ механизмомъ мышечнаго сокращенія подъ вліяніемъ нервнаго раздраженія.

У растенія мы не имѣемъ ничего подобнаго мышечной системѣ животныхъ, почему и понятно, что въ ботаникѣ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго такъ совершенно обработанной главѣ физіологіи животныхъ—главѣ о движеніяхъ. Вооружившись самыми совершенными способами изслѣдованія (отъ міографа *Гельмгольца* до моментальной фотографіи *Маррея*), физіологи изучили во всѣхъ подробностяхъ эту функцію какъ съ точки зрѣнія *механизма* (и химизма) отдѣльной изолированной *мышцы*, такъ и въ примѣненіи къ сложнымъ явленіямъ *передвиженія* (локомоціи) цѣлаго организма или тончайшимъ движеніямъ, опредѣляющимъ явленія *голоса* и *рѣчи*. Если этого предмета по самой природѣ организмовъ не существуетъ въ физіологіи растеній, то ей, въ свою очередь, удалось несравненно подробнѣе изучить тѣ явленія, которыя хотя и являются у нея общими съ физіологіей животныхъ, но настолько типичны для нея, что связаны съ самымъ словомъ растеніе — явленія *роста*. Но эти совершенно своеобразныя явленія, которыя, по какой-то непонятной причинѣ, нѣмецкіе ботаники за послѣднее время стали смѣшивать съ явленіями движенія, болѣе умѣстно разсматривать при обсужденіи третьей категоріи явленій—превращеній формы [1]).

Быть можетъ, еще болѣе блестящей побѣдой экспериментальнаго метода являются необычайные успѣхи за истекшее столѣтіе въ изученіи самой сложной задачи физіологіи—въ изученіи нервной системы, по мѣрѣ усложненія организаціи болѣе и болѣе подчиняющей себѣ и регулирующей все то, что совершается въ организмѣ, усложняя тѣмъ возможность осуществленія основного условія всякаго успѣшнаго изслѣдованія—изолированія отдѣльныхъ функцій, отдѣльныхъ процессовъ, безъ чего немыслимо ихъ пониманіе, а еще менѣе ихъ подчиненіе волѣ человѣка [2]). Но эта же сложность задачи дѣлаетъ почти невозможнымъ сколько-нибудь обстоятельное ея изложеніе въ предѣлахъ этого краткаго очерка. Скажемъ только, что отправляясь отъ отмѣтившаго начало вѣка открытія *Чарльза Белля*, положившаго основаніе всей современной нервной физіологіи и кончая позднѣйшими успѣхами въ области локализаціи функцій головного мозга, наука побѣдоносно примѣняла (менѣе симпатичное въ области политики) правило—divide et impera. Результатомъ примѣненія этого правила, успѣшностью своей все болѣе и болѣе поощрявшаго смѣ-

---

[1]) Отдаленное сходство съ движеніемъ мышцъ можетъ быть, найдется въ томъ, что и ихъ сокращеніе сводится (*Энгельманъ*) къ *невидимому* перемѣщенію воды въ элементахъ мышечнаго волокна. Дальнѣйшая аналогія обнаруживается въ сопровождающихъ тѣ и другія движенія такъ называемыхъ отрицательныхъ колебаніяхъ электрическаго тока (*Бурдонъ-Сандерсонъ*). Какъ бы то ни было, объясненія нужно ждать отъ сравненія сложныхъ явленій съ простѣйшими и уже ни въ какомъ случаѣ не изъ области психологіи, какъ это думаютъ нѣкоторые нѣмецкіе и русскіе *фито-психологи*.

[1]) Всякому понятно, что построить домъ и переносить его съ мѣста на мѣсто нѣчто совершенно различное. Неизвѣстно, почему смѣшеніе этихъ понятій понадобилось нѣмецкимъ ботаникамъ и по ихъ примѣру и философамъ (Махъ).

[2]) Успѣхамъ физіологіи нервныхъ центровъ много способствовали и успѣхи ихъ микроскопическаго изслѣдованія. Итальянскому ученому Golgi и испанскому Ramon y Cajal удалось пролить свѣтъ на ихъ сложное строеніе.

лость изслѣдователей, являлось все болѣе и болѣе увѣренное ихъ отношеніе къ основной задачѣ, передъ которой безпомощно останавливалась наука въ то время, когда все въ организмѣ представлялось ей результатомъ всѣмъ заправлявшей, своевольной дѣятельности одного нераздѣльнаго жизненнаго начала, сѣдалище котораго искали то въ желудкѣ (архей Ванъ Гельмонта), то въ извѣстной части головного мозга (Декартъ) и т. д. Другимъ плодотворнымъ руководящимъ принципомъ было строго научное отношеніе къ концевымъ аппаратамъ, подающимъ организму вѣсти изъ внѣшняго міра, къ органамъ чувствъ, какъ къ опредѣленнымъ физическимъ приборамъ. Изслѣдованія *Гельмгольца* въ области *физіологіи зрѣнія* и *слуха* составили едва ли не самую блестящую страницу экспериментальной физіологіи и останутся надолго трудно досягаемыми образцами.

Открытіе *Чарльза Белля* (1811) формулированное имъ въ законѣ, что *передніе корешки спинномозговыхъ центровъ двигательные, а задніе—чувствительные* положило основаніе общей схемѣ нервной системы, наглядно сравниваемой съ значительно позднѣе изобрѣтеннымъ электрическимъ телеграфомъ, съ его центральной станціей, получающей и отправляющей телеграммы. Нѣсколько позднѣе изслѣдованія *Маршаля Голля* установили понятіе объ отраженныхъ движеніяхъ или *рефлексахъ*, т.-е. движеніяхъ, непосредственно слѣдующихъ за раздраженіемъ и хотя съ виду вполнѣ цѣлесообразнымъ, но совершающимся роковымъ образомъ, безъ участія органа сознанія и воли. Эти блестящіе первые шаги англійскихъ ученыхъ въ новой области нервной физіологіи затѣмъ, по непонятной причинѣ [1]), задерживаются и центръ движенія перемѣщается во Францію. *Дюшенъ* основываетъ то, что онъ мѣтко назвалъ „анатоміей на живомъ тѣлѣ", т.-е. систематическое изученіе функцій отдѣльныхъ мускуловъ посредствомъ мѣстнаго раздраженія электричествомъ. *Мажанди* продолжаетъ изслѣдованія въ направленіи, начатомъ Беллемъ и доводитъ искусство вивисекціи до высокой степени. *Флурапъ* открываетъ свой *neud vital* (жизненный узелъ), нервный центръ, управляющій дыхательными движеніями. *Клодъ Бернаръ* продолжаетъ дѣло Мажанди и открываетъ свой знаменитый сахарный уколъ, т.-е. нервный центръ, одно прикосновеніе къ которому иглы вызываетъ выдѣленіе сахара печенью. Еще позднѣе главный очагъ научной дѣятельности какъ въ этой, такъ и другихъ областяхъ физіологіи, перемѣщается въ Германію. Родившійся съ вѣкомъ, *Іоганнъ Мюллеръ* (1801) могъ бы быть признанъ его наиболѣе всеобъемлющимъ умомъ въ области физіологіи, если бы къ той же области не принадлежалъ, хотя только половиной своей дѣятельности, универсальный геній, *Германъ Гельмгольцъ*. Іоганнъ Мюллеръ былъ центромъ физіологической школы, насчитывавшей такія имена, какъ *Гельмгольцъ, Эмиль Дю Буа Реймонъ, Брюкке, Шванъ, Фирховъ* и др. Эта школа навсегда положила конецъ тому виталистическому и натурфилософскому направленію, которое тормазило успѣхи нѣмецкой науки въ началѣ вѣка. Какъ широко смотрѣлъ I. Мюллеръ на задачу физіологіи видно изъ слѣдующихъ словъ: „Душа только одна изъ формъ жизни, составляющихъ предметъ физіологическаго изученія. Ученіе о жизни души только часть физіологіи въ широкомъ смыслѣ слова. Въ болѣе узкомъ смыслѣ его называютъ психологіей. Но то, что пока обыкновенно называютъ психологіей, относится къ будущему ученію о душѣ такъ же, какъ обыкновенное физіологическое описаніе

[1]) Весьма возможно, что здѣсь сыграла извѣстную роль та борьба, которую англійскимъ физіологамъ еще и долго послѣ того приходилось выдерживать противъ общественнаго мнѣнія, осуждавшаго вивисекцію.

отправленій и функцій относится къ истинной научной физіологіи". Введеніе къ „Физіологіи человѣка" І. Мюллера такъ же, какъ и еще болѣе знаменитое введеніе къ „Изслѣдованіямъ надъ животнымъ электричествомъ" его ученика *Эмиля Дю Буа Реймона* служили какъ бы исповѣданіемъ вѣры, германской физіологической школы въ періодъ ея блестящаго развитія. Дю Буа Реймону наука обязана тончайшей разработкой методики одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физіологіи—*электрофизіологіи*.

Подобно тому какъ Дюшенъ когда-то въ электрическомъ раздраженіи нашелъ пріемъ для основанія анатоміи мышцъ на живомъ тѣлѣ, примѣненіе этого же метода электрическаго раздраженія доставило (параллельно съ прежнимъ удаленіемъ частей) новое средство для изученія локализаціи отдѣльныхъ центровъ нервной дѣятельности, вплоть до изученія локализаціи психической дѣятельности въ полушаріяхъ головного мозга (*Ферьеръ, Фритшъ, Гитцигъ* и др.), чѣмъ былъ положенъ конецъ долго господствовавшему ученію Флуранса о единствѣ дѣятельности этого органа. Любопытно отмѣтить, что локализація психическихъ функцій въ началѣ вѣка горячо отстаивалась мыслителемъ, къ которому многіе ученые новѣйшей формаціи позволяютъ себѣ относиться съ ничѣмъ не оправдываемымъ высокомѣріемъ. Огюстъ Контъ, какъ позднѣе І. Мюллеръ, настаивалъ на томъ, что научная психологія можетъ быть только главой физіологіи и что при изученіи функціи головного мозга задача физіологіи прежде всего та же, что и въ другихъ ея отдѣлахъ: данъ органъ — найти отправленіе; дано отправленіе—найти органъ. Откуда на первый планъ выступаетъ задача о локализаціи психическихъ функцій. Едва ли не самымъ глубокимъ изслѣдователемъ въ области научной психологіи былъ *Сѣченовъ*, не останавливавшійся передъ самыми сложными вопросами и приступавшій къ ихъ разрѣшенію съ тою осторожностью ученаго и проницательностью мыслителя, объ отсутствіи которыхъ у современныхъ ему физіологовъ сѣтовалъ І. Мюллеръ и которое вновь начинаетъ сказываться у нѣкоторыхъ ученыхъ новѣйшей формаціи. Такова, напримѣръ, совершенно неудачная попытка нѣкоторыхъ ученыхъ извратить законную послѣдовательность развитія знаній и даже логическое содержаніе понятія *объясненіе*—попытка искать объясненія физіологическихъ явленій въ психологическихъ чисто словесныхъ толкованіяхъ. Въ самой уродливой формѣ попытка эта выразилась въ возникновеніи такъ называемой психологіи растенія, призывающей чувство, сознаніе, память, волю, словомъ всѣ факторы самой сложной нервной организаціи для объясненія явленій (напр. роста), вызываемыхъ дѣйствіемъ внѣшнихъ физическихъ факторовъ на организмъ, лишенный нервной системы.

Если попытку найти органы чувствъ у растеній слѣдуетъ признать вполнѣ неудачнымъ сближеніемъ, то, обратно, главу объ *органахъ* чувствъ у *животныхъ* послѣ той обработки, которую они получили въ двухъ безсмертныхъ трудахъ *Гельмгольца*, должно признать самымъ совершеннымъ отдѣломъ физіологіи, приближающимъ ее къ ея идеалу, т.-е. къ физикѣ живыхъ тѣлъ. По отношенію къ зрѣнію физіологіи удалось даже проникнуть въ химическій (зрительный пурпуръ *Болля* и др.) и физическій (электрическія явленія) субстратъ, составляющій объективную сторону свѣтовыхъ впечатлѣній. Быть можетъ, нигдѣ цѣлесообразность строенія не достигаетъ такой изумительной степени совершенства какъ именно въ органѣ зрѣнія и если Гельмгольцу и удалось показать, что въ этомъ наиболѣе совершенномъ органѣ существуютъ недостатки, которые современный оптикъ поспѣшилъ бы исправить въ своемъ инструментѣ, то тѣмъ не менѣе и въ этомъ

случаѣ основная загадка, какимъ образомъ могли возникнуть эти изумительно прилаженные къ своему отправленію органы, оставалась во всей своей силѣ. И потому именно Гельмгольцъ, этотъ, быть можетъ, наиболѣе глубокій и всеобъемлющій умъ, которымъ могъ гордиться XIX вѣкъ, въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ [1]) привѣтствовалъ появленіе ученія другого великаго мыслителя, принесшаго разрѣшеніе этой загадки, первое удовлетворительное ея разрѣшеніе, съ той, теряющейся во мракѣ временъ, поры, когда человѣкъ сталъ впервые надъ ней задумываться. I. Мюллеръ не дождался этого; онъ умеръ за годъ до появленія книги Дарвина, оставивъ, какъ мы увидимъ, самое краснорѣчивое свидѣтельство полной безпомощности науки его времени передъ этой задачей.

Мы переходимъ такимъ образомъ къ разсмотрѣнію третьей категоріи явленій, совершающихся въ организмахъ—явленій *превращенія формы.* До сихъ поръ мы разсматривали форму съ морфологической, статической точки зрѣнія. Но *форма есть въ то же время явленіе,* если ее разсматривать съ точки зрѣнія ея происхожденія, точки зрѣнія по существу динамической. Установленіе этой точки зрѣнія составляетъ, быть можетъ, самое важное завоеваніе біологической науки за истекшій вѣкъ. Отсюда понятно, что послѣднее слово въ морфологіи остается за физіологіей. Морфологія, становясь раціональной, поглощается физіологіей. Непониманіе этого основного положенія породило тѣ реакціонныя теченія мысли, которыя отмѣтили въ Германіи послѣднія десятилѣтія вѣка [2]).

[1]) „Дарвинъ внесъ въ науку существенно новую творческую идею. Онъ показалъ, что цѣлесообразное строеніе организмовъ можетъ являться результатомъ дѣйствія естественныхъ законовъ".

[2]) Такъ, напримѣръ, О. Гертвигъ въ своей рѣчи *„Развитіе біологіи въ XIX вѣкѣ"* утверждаетъ, что односторонность химико-физическаго направленія физіологіи будетъ исправлена какимъ-то *анатомо-біологическимъ* направленіемъ. Анатомія, *объясняющая* физіологію! Можетъ ли смѣшеніе понятій идти далѣе этого. Не правильнѣе ли сказать: анатомія открываетъ новые факты, ожидающіе физіологическаго объясненія.

Задача о формѣ, какъ явленіи, представляется въ двоякомъ видѣ: съ точки зрѣнія теченія этого формообразовательнаго процесса, т-е. причинъ его обусловливающихъ въ единичномъ случаѣ и съ точки зрѣнія общаго результата осуществляемаго этими процессами, т.-е. всѣхъ тѣхъ совершенныхъ, цѣлесообразныхъ формъ, которыя до половины вѣка вставали передъ человѣкомъ настойчивымъ неразрѣшимымъ вопросомъ.

Разсмотримъ сначала первую изъ этихъ задачъ. Можетъ ли наука достигнуть по отношенію къ превращенію формы такихъ же результатовъ, какъ и по отношенію къ превращенію вещества и энергіи—можетъ ли она въ такой же мѣрѣ подчинить своему экспериментальному искусству процессы первой категоріи, какъ уже успѣла это по отношенію къ двумъ послѣднимъ? Можно смѣло отвѣтить, что успѣхи физіологіи въ этомъ направленіи даютъ намъ право сказать, что ей уже удается *лѣпить* органическія формы—что рядомъ со старой *морфологіей анатомической, описательной* народилась *морфологія физіологическая, экспериментальная*—въ этомъ подчиненіи одного отдѣла знанія другимъ является одна изъ характеристическихъ чертъ *объединяющаго* движенія біологіи [1]). Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ такой геніальный экспериментаторъ и строгій мыслитель, какъ Клодъ Бернаръ, указывалъ на коренное различіе задачъ морфологіи и физіологіи и не допускалъ возможности подчинить первыя экспериментальному методу вто-

[1]) Это положеніе развито мною еще въ 1878 г. и подробнѣе въ 1889 (см. мой сборникъ *Насущныя задачи современнаго естествознанія.* Москва, 1904.

рой. Это до извѣстной степени понятно, потому что движеніе это началось и дало лучшіе плоды на почвѣ ботаники, что въ свою очередь объясняется тѣмъ, что наукѣ о растеніи, естественно, удалось глубже заглянуть въ явленія роста, лежащія въ основѣ процессовъ развитія и формообразованія. Съ одной стороны, присутствіе твердой оболочки сообщаетъ клѣточкамъ и тканямъ растенія болѣе опредѣленныя геометрическія формы и облегчаетъ изученіе ихъ роста; отсюда удалось проникнуть въ подробности этого процесса (*Моль*, *Диппель*, *Ноль*, *Клебсъ* и др.), удалось установить закономѣрность въ первоначальномъ порядкѣ заложенія клѣточекъ въ точкахъ роста (*Негели*), удалось заглянуть въ самый механизмъ этихъ процессовъ, исходя изъ законовъ осмоза (*Траубе*, *Де Фризъ*, *Пфефферъ* и др.) и поверхностнаго натяженія жидкихъ пленокъ (*Ауэрбахъ*, *Еррера* и др.). Съ другой стороны, ростъ у растенія находится въ гораздо болѣе тѣсной зависимости отъ внѣшнихъ физическихъ факторовъ: *воды*, *тепла*, *свѣта*, *тяжести*, *механическаго натяженія* и т. д., а въ силу общей неподвижности растеній дѣйствіе этихъ факторовъ имѣетъ вполнѣ опредѣленныя пространственныя отношенія, опредѣляя направленіе роста, а отсюда и форму органовъ (*Гербертъ Спенсеръ*). Первый толчокъ къ этого рода изслѣдованіямъ былъ данъ въ самомъ началѣ вѣка *А. Найтомъ* (1806) по отношенію къ дѣйствію земного притяженія, а *А. П. Де Кандолемъ*—по отношенію къ свѣту. Позднѣе этого рода изслѣдованія составили одну изъ обширныхъ главъ физіологіи растеній. *Дютроше*, *Гофмейстеръ*, *Саксъ*, *Франкъ* и др. развили ученіе о дѣйствіи силы тяжести, *А. Де Кандоль*, *Саксъ*, *Мюллеръ* и др.—о дѣйствіи температуры, *Де Фризъ*, *Вескъ*, *Визнеръ*, *Кооль* и др.—о дѣйствіи воды и ея испареніи, *Саксъ*, *Визнеръ* и др.—о дѣйствіи свѣта и т. д. *Дарвинъ* обнаружилъ крайнюю чувствительность нѣкоторыхъ органовъ (ростковъ злаковъ) къ свѣту и тотъ фактъ, что мѣсто органа, въ которомъ измѣняется направленіе роста, можетъ не совпадать съ мѣстомъ дѣйствія свѣта и тяжести. Обнаружилось также, что измѣненія въ направленіи роста могутъ не совпадать и во времени съ дѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ, а запаздывать и обнаруживаться уже по минованіи прямого ихъ воздѣйствія (конечно, въ силу уже вызванныхъ ими внутреннихъ измѣненій). Эти послѣднія категоріи фактовъ, къ сожалѣнію, привели многихъ ботаниковъ къ совершенно неудачному представленію, будто въ явленіяхъ роста внѣшнія условія дѣйствуютъ не какъ непосредственные факторы (источники энергіи), а лишь какъ стимулы какой то нервной или даже психической дѣятельности, при помощи воображаемыхъ органовъ чувствъ. Эта аналогія неудачна въ самой своей основѣ, такъ какъ для нея именно нѣтъ почвы въ животномъ организмѣ, гдѣ при несомнѣнной наличности органовъ чувствъ и психики не установлено зависимости отъ нихъ явленій роста. Что же сказать о растеніи, гдѣ и то и другое приходится еще изобрѣтать [1]). Вооружившись не такими фантастическими толкованіями, а прочными фактами, добытыми относительно зависимости роста растеній отъ внѣшнихъ факторовъ, цѣлый рядъ ботаниковъ (*Леваковскій*, *Визнеръ*, *Фёхтингъ*,

[1]) Такъ, напримѣръ, исходя изъ того факта, что нѣкоторыя твердыя тѣла (крахмалъ) при поворачиваніи клѣтокъ падаютъ на ихъ дно, заключаютъ, что это органы, ощущающіе дѣйствіе силы тяжести и соотвѣтственно направляющіе ростъ другихъ частей. Съ такимъ же правомъ можно было бы признать за органъ чувствъ песочные часы. Съ другой стороны, для установленія аналогіи этого органа съ подобными органами животныхъ (статоцистами) недостаетъ самой малости—доказательства существованія у растеній воспринимающаго концевого аппарата, промежуточной нервной системы и сокращающейся мышцы, т.-е. совокупности всего того, изъ чего слагается этотъ механизмъ у животныхъ.

Боньe, Костантенъ и др. и въ послѣднее время особенно *Клебсъ*) положили основаніе тому, что я предложилъ (въ 1889 г.) назвать *экспериментальной морфологіей*, т.-е. той отрасли физіологіи, которая отвѣчаетъ на третій и самый сложный вопросъ—о превращеніи формъ. Не вдаваясь въ подробности, можно сказать (какъ я это высказывалъ въ 1889 г., а *Клебсъ* недавно развилъ подробнѣе), что физіологу уже удается воспроизводить по желанію такія видоизмѣненія, которыя равнозначащи видовымъ признакамъ, и что нѣтъ почти такого видового признака, появленіе котораго не удавалось бы въ томъ или другомъ случаѣ вызывать произвольно. Это направленіе наука девятнадцатаго вѣка завѣщаетъ двадцатому.

Хотя зоологи и пытались подражать въ этомъ отношеніи ботаникамъ, но до сихъ поръ имъ не удапось собрать такого числа и такихъ поразительныхъ фактовъ, какъ ботаникамъ; зато у нихъ есть другая область, въ которой они опередили ихъ, это—область, получавшая различныя названія: *экспериментальной тератогеніи* (*Дарестъ*), *механики развитія* (*Ру* и др.), *эмбріональной трансплантаціи* (*Борнъ* и др.) или, наконецъ. вообще *физіологической* или *экспериментальной эмбріологіи*. То, что ботаники продѣлывали надъ развитыми растеніями (рѣдко надъ зародышами), зоологамъ, правда, въ значительной части случаевъ въ болѣе грубой формѣ, удалось осуществить надъ зародышами. Я говорю въ болѣе грубой формѣ, такъ какъ на первыхъ порахъ дѣло ограничивалось вивисекціей зародышей, разрѣзаніемъ ихъ на части, сращиваніемъ частей различныхъ зародышей, раздавливаніемъ ихъ, сплющиваніемъ и вообще гораздо болѣе рѣзкими воздѣйствіями (*Гертвигъ*, *Лёбъ*), чѣмъ тѣ соразмѣряемыя вліянія физическихъ и химическихъ условій существованія, регулированіемъ которыхъ ботаники могли достигать вполнѣ нормальныхъ и опредѣленныхъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ уже одна возможность такихъ смѣлыхъ вторженій въ нормальный ходъ развитія, совершенно неожиданная живучесть цѣлыхъ зародышей и независимость ихъ частей даютъ поводъ ожидать отъ этой частной, но столь важной главы экспериментальной морфологіи самыхъ важныхъ результатовъ.

То, что дала и еще обѣщаетъ дать экспериментальная морфологія, очевидно, относится къ области разъясненія формообразовательнаго процесса въ отдѣльныхъ, индивидуальныхъ случаяхъ. Изъ-за этого частнаго вопроса выдвигается, какъ мы сказали выше, другой болѣе широкій, охватывающій весь органическій міръ, вопросъ, почему въ общемъ результатѣ этихъ индивидуальныхъ процессовъ являются формы неизмѣнно несущія печать совершенства и цѣлесообразности? Этотъ вопросъ одновременно охватываетъ всю совокупность морфологіи и физіологіи, но для его разрѣшенія недостаточно тѣхъ данныхъ, которыя даютъ сравнительное наблюденіе морфолога или экспериментальное изслѣдованіе физіолога; для этого мало изученія развитія отдѣльныхъ формъ; необходимо привлечь соображенія иного порядка; необходимо раскрыть процессъ развитія всего органическаго міра, какъ цѣлаго.

Огюстъ Контъ дѣлитъ свою біологическую статику на *анатомію* или статику отдѣльнаго организма, и *біотаксію*, или статику органическаго міра, какъ цѣлаго. Теперь является потребность рядомъ съ *физіологіей*, т.-е. динамикой индивидуума (хотя бы и сравнительной) установить недостающую въ его системѣ динамику органическаго міра, *какъ цѣлаго*, т.-е. *біодинамику* [1]), къ разсмотрѣнію которой мы и переходимъ.

[1]) Я предложилъ этотъ терминъ въ 1890 году въ своемъ курсѣ *Историческій методъ въ біологіи*.

§ 4.

Самыя широкія обобщенія всѣхъ отдѣловъ морфологіи, какъ мы видѣли, совершенно согласно, и притомъ, идя вполнѣ независимыми путями, приводили къ заключенію о единствѣ всего органическаго міра. Замѣна искусственныхъ классификацій естественной системой, и именно естественной системой, а не системами, такъ какъ по самой своей идеѣ такая система можетъ быть только одна, та, которая выражаетъ реальный фактъ дѣйствительности—эта замѣна привела къ установленію понятія о *сродствѣ* всего живого. Мы видѣли далѣе, что сравнительно-анатомическое изученіе привело къ установленію понятія о *гомологичности*, т.-е. о глубокомъ внутреннемъ сходствѣ въ строеніи частей, по своему внѣшнему виду или по отправленію различныхъ, что еще болѣе подтверждало это представленіе о *сродствѣ* всего живого. Рядомъ съ этимъ, палеонтологія убѣждала, что не только все живущее, но и все жившее населеніе земли, на основаніи господствовавшаго воззрѣнія появлявшееся безъ связи съ предыдущимъ и безслѣдно исчезавшее, тѣмъ не менѣе связано самыми несомнѣнными чертами того же таинственнаго *сродства*. Географія организмовъ, въ свою очередь, учила о сходствѣ, о *сродствѣ* существующихъ населеній тамъ, гдѣ можно было предполагать ихъ непосредственное соприкосновеніе и ихъ различіе, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ между обитаемыми ими областями нельзя было предположить непосредственнаго сообщенія. Еще шагъ далѣе сдѣлала эмбріологія или исторія развитія, въ особенности, съ появленіемъ ученія о клѣточкѣ, какъ исходномъ началѣ всего живого; она указала на еще болѣе глубокое сходство между стадіями развитія высшихъ формъ и законченными формами низшихъ типовъ; она установила сближеніе между ступенями въ развитіи единичныхъ формъ и тѣми ступенями усложненія, которыя пыталась выразить своею восходящей лѣстницей существъ естественная система—сближенія, снова сводившіяся къ тому же понятію *сродства*.

Невольно возникалъ вопросъ, что же такое, наконецъ, это таинственное *сродство*, эта связь, это единство всего живого? Самое простое, самое естественное объясненіе, конечно, состояло въ томъ, что это *сродство—прямое родство*, эта связь, это единство—кровная связь, единство происхожденія. И однако, противъ этого простого объясненія, навязываемаго уму всею совокупностью быстро накоплявшихся данныхъ всѣхъ отраслей біологической науки, возставало подавляющее большинство ученыхъ и, что еще важнѣе,—такъ какъ въ наукѣ одно большинство не имѣетъ никакого значенія,—тѣ, именно изъ нихъ, кто, казалось, сдѣлалъ всего болѣе для торжества этой идеи (Кювье, Бэръ, Агассизъ, Оуенъ и др.). Причиной тому были препятствія, совершенно независимыя и весьма различныя по своему содержанію и объему. Первое препятствіе заключалось въ теологическомъ міровоззрѣніи, въ еврейской космогоніи, отъ авторитета которой не могли отрѣшиться даже сильные и въ другихъ направленіяхъ свободные умы.

Второе препятствіе было характера философски-метафизическаго; оно заключалось въ невозможности объяснить себѣ естественнымъ путемъ происхожденіе тѣхъ цѣлесообразно построенныхъ совершенныхъ формъ, которыя представлялись загадкой и служили самымъ вѣрнымъ и позднѣйшимъ убѣжищемъ для телеологическихъ воззрѣній философовъ, опорой ученія о конечныхъ причинахъ (causae finales) въ отличіе отъ причинъ дѣйствующихъ (causae efficientes). Ученіе это приводило къ невозможности представить себѣ органическій міръ иначе, какъ продуктомъ дѣятельности, направляющей его

къ извѣстному концу—сознательной, высшей воли. Какъ отчаянно бился человѣческій умъ еще въ срединѣ вѣка, сознавая свою безпомощность передъ этой дилеммой, между желаніемъ освободиться отъ метафизической телеологіи и невозможностью замѣнить ее строго научнымъ объясненіемъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова ученаго, совмѣщавшаго въ себѣ морфологическія и физіологическія знанія своего времени,—Іоганна Мюллера: „Произведеніе механическаго искусства создается соотвѣтственно идеѣ, носящейся передъ ея творцомъ, идеѣ той цѣли, которую оно должно осуществить. Идея же лежитъ и въ основѣ каждаго организма и соотвѣтственно этой идеѣ всѣ его органы цѣлесообразно организованы; но у механизма идея лежитъ внѣ его, въ организмѣ же, она лежитъ въ немъ самомъ и здѣсь она творитъ по необходимости и безъ умысла, потому что цѣлесообразно творящая дѣйствующая причина организованныхъ тѣлъ не имѣетъ выбора и осуществленіе одного единственнаго плана является для нея необходимостью; болѣе того, цѣлесообразно дѣйствовать и необходимо дѣйствовать для этой дѣйствующей причины одно и то же. И потому мы не можемъ сравнивать эту организующую силу съ чѣмъ-нибудь аналогичнымъ сознательному духу, не можемъ усматривать въ ея слѣпой, роковой дѣятельности что-либо общее съ образованіемъ представленій. Организмъ — фактическое единство органической творческой силы и органической матеріи". Что̀, кромѣ желанія освободиться отъ телеологіи и полнаго безсилія предложить что-либо ей въ замѣну, можно усмотрѣть въ этихъ строкахъ великаго ученаго? *Необходимость* цѣлесообразной организаціи остается ничѣмъ недоказанной; вся аргументація— только тонкое изворотливое petitio principii. Здравая логика требовала, чтобы эта необходимость была выведена, какъ необходимый результатъ изъ другихъ несомнѣнно реальныхъ свойствъ организмовъ, но этого то наука того времени и не была въ силахъ осуществить. Это свидѣтельство величайшаго авторитета своего времени понадобится намъ при оцѣнкѣ того реакціоннаго движенія, которое проявилось въ послѣднія десятилѣтія противъ ученія, которое одно успѣшно вывело науку изъ дилеммы, передъ которой безпомощно остановился І. Мюллеръ. Его метафизическія разсужденія, конечно, не могли никого убѣдить, такъ какъ только повторяли вопросъ въ болѣе темныхъ выраженіяхъ.

Наконецъ, третье препятствіе, мѣшавшее допустить единство, кровную связь всѣхъ организмовъ, ихъ естественное происхожденіе однихъ изъ другихъ, было уже чисто научнаго, можно сказать, техническаго характера; оно основывалось на вполнѣ реальной, но невѣрно истолкованной особенности всего органическаго міра [1]), въ представленіи о совершенной обособленности и неизмѣняемости, а отсюда въ неподвижности такъ называемыхъ *видовыхъ* группъ. Поэтому и та книга, которая принесла давно желанное разрѣшеніе самой широкой задачи всей біологіи, носила узкое, техническое названіе „*О происхожденіи видовъ*".

Трудно дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько первое препятствіе примѣшивалось къ двумъ другимъ. Завоеванія научной мысли за два предшествовавшіе вѣка мало-по-малу отучили людей науки отъ тѣхъ аргументовъ, которые могли успѣшно зажать ротъ Джордано Бруно или еще значительно позднѣе вызвать отреченіе отъ своихъ идей Бюффона. Простая ссылка на внѣнаучные авторитеты уже не примѣнялась болѣе, но тѣмъ охотнѣе ученые старались защищать свои религіозныя воззрѣнія, при-

[1]) Въ томъ, что мы назвали ранѣе его мозаичностью.

крываясь аргументами чисто философскаго характера или, и того лучше, принимая личину научнаго скептицизма, преклоняющагося передъ фактомъ, какъ бы безжалостно онъ ни разбивалъ самыя соблазнительныя широкія обобщенія теоріи [1]). Въ свою очередь и немногочисленные сторонники идеи единства происхожденія органическаго міра, проникнутые ея величіемъ, слишкомъ легко скользили по тѣмъ двумъ препятствіямъ, которыя стояли на ея пути. Этимъ они предоставляли сторонникамъ отдѣльныхъ творческихъ актовъ выгодную роль, давали имъ поводъ выдавать себя за представителей критической научной мысли, а своихъ противниковъ—за фантазеровъ, недостаточно проникнутыхъ духомъ истинной скептической науки, приносящей блестящія идеи въ жертву всемогущему факту.

Задача біологіи заключалась не въ томъ только, чтобы голословно допустить существованіе *историческаго процесса* образованія организмовъ, а въ томъ, чтобы доказать, что этотъ историческій процессъ былъ именно таковъ, что въ результатѣ его долженъ былъ появиться современный органическій міръ съ его двумя указанными загадочными особенностями. Первая изъ двухъ частныхъ задачъ, на которыя распадалась эта общая задача, заключалась въ томъ, чтобы допустивъ этотъ историческій процессъ образованія органическихъ формъ, однѣхъ изъ другихъ и сложнѣйшихъ изъ простѣйшихъ, показать, что онъ роковымъ, неизбѣжнымъ образомъ долженъ былъ имѣть своимъ послѣдствіемъ возникновеніе именно формъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ совершенныхъ и тѣмъ разрѣшить загадку, передъ которой останавливались всѣ мыслители (за исключеніемъ, какъ увидимъ, Огюста Конта), не находя для ея разрѣшенія другого исхода, кромѣ допущенія чудеснаго вмѣшательства творческой воли высшаго существа. Другими словами, теорія, которая удовлетворяла бы этимъ требованіямъ, должна была явиться въ формѣ ученія о *біологическомъ прогрессѣ*, естественно вытекающемъ изъ намъ извѣстныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ свойствъ организмовъ. Эту колоссальную умственную задачу осуществилъ ученый—мыслитель, съ чьимъ именемъ, какъ мы видѣли, по мнѣнію вполнѣ безпристрастнаго судьи (Больцмана) по праву должно связать общую характеристику XIX вѣка. Дарвинъ далъ до сихъ поръ единственное ея разрѣшеніе, и это нужно повторять въ виду того, что различные dii minores, имѣя передъ собою геніальное произведеніе, пытались пополнить, исправить или даже упразднить его, по большей части, какъ мы увидимъ, только доказывая этимъ, что не понимаютъ *всей* задачи, имъ осуществленной, или даже *вовсе* ея не понимаютъ.

Изъ предшественниковъ Дарвина должно упомянуть о *Ламаркѣ*, не потому только, что никакая исторія, не только біологіи, но и научной мысли вообще, не была бы полна безъ упоминанія о его заслугахъ, но и потому еще, что это ученіе за послѣдніе годы особенно охотно выдвигается впередъ явными и тайными врагами дарвинизма, какъ нѣчто болѣе глубокое и упраздняющее, за ненадобностью, ученіе Дарвина [1]).

[1]) Не многіе обладали благородною откровенностью Агассиза, не скрывавшаго связи его научной точки зрѣнія съ его религіознымъ міровоззрѣніемъ и съ такою же откровенностью позднѣе признавшаго, что научное движеніе, которому онъ не могъ сочувствовать, торжествуетъ.

[1]) Особенность эта, конечно, свидѣтельствуетъ о полной бездарности представителей того реакціоннаго направленія, которое, выступая противъ важнѣйшихъ завоеваній біологической науки XIX в. выдвигаетъ противъ нихъ не что-либо новое, свое, а нѣчто устарѣлое, уже оказавшееся несостоятельнымъ: противъ химико-физическаго направленія въ физіологіи—витализмъ, противъ дарвинизма—ламаркизмъ. На страницахъ книги, посвященной исторіи, не мѣшаетъ, быть можетъ, от-

Широкій, свободный отъ религіозныхъ предразсудковъ, умъ Ламарка не остановился передъ разрѣшеніемъ указанной нами задачи во всей ея совокупности. Къ сожалѣнію, смѣлость замысла не соотвѣтствовала успѣху осуществленія и причиной тому былъ, конечно, не недостатокъ свѣдѣній, такъ какъ Ламаркъ совмѣщалъ въ себѣ почти всѣ современныя ему знанія въ области ботаники и зоологіи, а именно отсутствіе той творческой мысли, которая внезапно озаряетъ новымъ лучомъ свѣта уже извѣстную обширную область накопившихся фактовъ. По отношенію къ факту отсутствія переходовъ между современными видами и т. д. (тому, что мы назвали мозаичностью общей картины органическаго міра), Ламаркъ ограничился указаніемъ на искусственность всѣхъ классификаціонныхъ единицъ и выраженіемъ надежды, что, можетъ быть, переходы найдутся гдѣ-нибудь въ мало изслѣдованныхъ частяхъ земного шара. Первая мысль, т.-е. что всѣ группы: виды, роды, семейства и т. д. только искусственныя созданія человѣческаго ума плохо вязалась съ основной идеей и несомнѣннымъ фактомъ естественной системы, выражающей не наилучшее только изобрѣтеніе ума, а нѣчто реально существующее, помимо его желанія налагаемое на него извнѣ самою дѣйствительностью. Что же касается до надежды найти связующія формы, затаившіяся гдѣ-то въ неизслѣдованныхъ уголкахъ земли, то она, конечно, была совершенно голословной. А въ итогѣ частный вопросъ о наличности обособленныхъ видовыхъ формъ оставался неразрѣшеннымъ. Не болѣе успѣшно, по отношенію къ общему вопросу (хотя въ извѣстномъ ограниченномъ смыслѣ и болѣе плодотворно), было воззрѣніе Ламарка на свойство того процесса, результатомъ котораго являлась главная особенность организмовъ, ихъ изумительное совершенство, ихъ гармонія съ условіями существованія. Причины измѣнчивости для обоихъ царствъ природы у Ламарка приводятся различныя. По отношенію къ растеніямъ, онъ указывалъ на дѣйствіе внѣшнихъ условій среды и это объясненіе, въ основѣ вѣрное, опиралось на многочисленныя собственныя наблюденія, такъ какъ Ламаркъ былъ прежде ботаникомъ и только позднѣе зоологомъ. Для измѣненія животныхъ формъ онъ предложилъ совершенно иное объясненіе. Исходя и на этотъ разъ изъ вѣрнаго наблюденія, что упражненіемъ (напримѣръ, мышцъ) можно содѣйствовать развитію

мѣтить мало замѣчаемую, но, къ сожалѣнію, несомнѣнную роль, которую сыгралъ, даже въ исторіи науки узкій національнизмъ послѣдней половины вѣка. Извѣстно, каково было отношеніе къ Дарвину въ шовинистской императорской Франціи. Напротивъ, въ Германіи, сосредоточившей всѣ свои антипатіи на Франціи, дарвинизмъ былъ встрѣченъ благопріятно. Послѣ 1870 года разбитая Франція двинулась впередъ въ умственномъ отношеніи, и въ числѣ благихъ результатовъ явилось болѣе разумное отношеніе къ нѣмецкой и англійской наукѣ. Въ Германіи всѣ антипатіи перешли съ французскаго народа на англійскій, какъ на единственный, стоящій будто бы на пути къ осуществленію маніи всемірнаго владычества, охватившей извѣстныя сферы нѣмецкаго народа. И вотъ между учеными новѣйшей, имперской формаціи (старики, какъ *Геккель*, остались вѣрными идеямъ своей молодости) стало условіемъ хорошаго тона отрицать дарвинизмъ, объявлять, что онъ находится „при послѣднемъ издыханіи“ и, за неимѣніемъ чего-нибудь своего, оригинальнаго, подогрѣвать ламаркизмъ, порою только компрометируя его своимъ союзомъ. Приведу одинъ примѣръ. Палеонтологъ Коккенъ въ одномъ изъ тѣхъ обзоровъ, которыми нѣмецкіе натуралисты помянули отошедшій вѣкъ, осуждаетъ дарвинизмъ и высказывается сторонникомъ ламаркизма. Но если догадка Ламарка, что быкъ пріобрѣлъ рога потому, что сердился и кровь приливала у него къ головѣ, могла въ свое время только подавать поводъ къ шуткамъ, то что сказать объ ученомъ, утверждающемъ наканунѣ XX вѣка, какъ это дѣлаетъ Коккенъ, что ихтіозавръ и плесіозавръ пріобрѣли свою организацію не въ силу какого-то естественнаго отбора, а усиліями своей воли!

органовъ, онъ предположилъ, что воля животнаго, или вообще психическій элементъ, направляя упражненіе, можетъ служить факторомъ развитія и даже возникновенія органовъ. Но оба эти объясненія не подвигали въ разрѣшеніи главной задачи, не давали ключа для пониманія совершенства, цѣлесообразности всего живого. Измѣненія, вызываемыя средою, несомнѣнно существуютъ (эта мысль, особенно благодаря торжеству дарвинизма, принесла свои плоды), но они, какъ не трудно понять [1]), не объясняютъ, почему результатомъ этого процесса являлись бы формы, цѣлесообразно построенныя. Наоборотъ, процессъ измѣненія, предложенный Ламаркомъ для животнаго міра, могъ бы, пожалуй, объяснить эту особенность, такъ какъ являлся бы, въ извѣстномъ смыслѣ, сознательнымъ—сама потребность рождала бы орудія для ея удовлетворенія, но Ламаркъ не могъ привести убѣдительныхъ фактовъ въ подтвержденіе своего предположенія, а изслѣдованія послѣднихъ десятилѣтій, предпринятыя, именно, въ виду возрожденія ламаркизма, показали, что слабыя и въ отдѣльности недостаточныя измѣненія, вызываемыя упражненіемъ, не наслѣдуются, а слѣдовательно, не могутъ накопляться. Такимъ образомъ, первое объясненіе, фактически вѣрное, было логически несостоятельно, такъ какъ не объясняло того, что должно было объяснить, а второе, можетъ быть, и удовлетворительное съ общей логической точки зрѣнія, было фактически невѣрно. Если прибавить къ этому уже указанный выше недостатокъ объясненія для отсутствія переходовъ между видами, то станетъ понятнымъ, почему эта теорія не могла удовлетворить даже тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые съ радостью встрѣтили бы разъясненіе мучившихъ их загадокъ, а тѣмъ, кому самая идея естественнаго объясненія была въ основѣ не симпатична, какъ идущая въ разрѣзъ съ ихъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, давала благовидный предлогъ утверждать, что они отвергаютъ теорію не какъ вѣрующіе, а какъ истинные ученые скептики. Но во всякомъ случаѣ смѣлая попытка Ламарка искать естественнаго объясненія для основного факта происхожденія организмовъ, готовность отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей, навязанныхъ наукѣ теологами и философами (даже такими, какъ Кантъ) заслуживала полнаго уваженія какъ подвигъ мыслителя [1]) и ни въ какомъ случаѣ не оправдывала того презрительнаго отношенія, которое проявилъ Кювье, даже не упомянувъ въ своихъ отчетахъ о замѣчательномъ трудѣ своего великаго соперника.

Въ годъ появленія *Philosophie Zoologique* Ламарка (1809) родился Дарвинъ, а ровно черезъ полвѣка (1859) вышла его книга *On the origin of species by means of natural selection*, въ которой онъ съ совершенно инымъ успѣхомъ разрѣшилъ задачу, остановившую на себѣ вниманіе Ламарка, не оставивъ безъ отвѣта ни одного изъ тѣхъ затрудненій, по которымъ Ламаркъ только скользилъ. Почему идеи Дарвина побѣдили всякое сопротивленіе и сообщили свою окраску всему естествознанію (и не ему одному, но и другимъ областямъ знанія) второй половины вѣка? Представители той реакціи противъ дарвинизма, которая народилась между современными, особенно нѣмецкими, біологами, объясняютъ это тѣмъ, что Дарвинъ просто явился въ болѣе счастливую эпоху, когда ученые были будто бы къ тому подготовлены. Но кто же были эти подготовители, когда Кювье, Бэръ, Агасизъ, Оуэнъ высказывались противъ

[1]) Хотя, какъ увидимъ, именно этимъ непониманіемъ и страдаютъ новѣйшіе сторонники ламаркизма.

[1]) Тѣмъ болѣе, что этотъ свободный духъ изслѣдованія, перенесенный Ламаркомъ изъ XVIII в. въ удушающую атмосферу начала XIX, навлекъ на него преслѣдованія со стороны Наполеона.

того, что теперь называется *трансформизмомъ*, а Жоффруа Сентъ Иллеръ безуспѣшно его отстаивалъ? И почему ученый, наиболѣе свободный отъ предразсудковъ, отрѣшившiйся въ сосѣдней области знанiя отъ традицiонныхъ представленiй о началѣ мiра и объяснившiй происхожденiе земной коры *„нынѣ дѣйствующими причинами“*, почему Лайель послѣ тщательнаго анализа ученiя Ламарка отказался отъ мысли распространить на органическiй мiръ идею постепеннаго историческаго развитiя, идею *эволюцiи*, какъ теперь принято выражаться? Очевидно, потому, что никакая теорiя эволюцiи не могла имѣть успѣха, пока не были успѣшно разрѣшены указанныя выше задачи. Можно сказать наоборотъ, что моментъ, когда появилась книга Дарвина, былъ наименѣе благопрiятенъ, потому что ученые успѣли извѣриться въ возможности объяснить естественными причинами происхожденiе организмовъ. Тѣмъ болѣе несправедливо то проявляющееся въ средѣ нѣмецкихъ бiологовъ псевдо-скептическое направленiе [1]), которое выдвигается впередъ, что важно собственно эволюцiонное ученiе, а не та его форма, которая предложена Дарвиномъ, забывая, что *эволюцiонное ученiе только потому и восторжествовало, что приняло форму дарвинизма*. Простая, безсодержательная формула эволюцiи не могла имѣть успѣха, пока не было отвѣта на вопросъ, какъ и почему совершается эта эволюцiя. Только дарвинизмъ объяснилъ, почему эволюцiя имѣетъ характеръ *бiологическаго прогресса*, а также почему въ результатѣ этого процесса получился современный складъ органическаго мiра съ его несомнѣннымъ единствомъ и столь же несомнѣннымъ отсутствiемъ переходовъ между группами, начиная съ видовъ и кончая обоими царствами.

[1]) Представителемъ котораго является, напр., Оскаръ Гертвигъ въ его извѣстной рѣчи: Die Entwicklung der Biologie im 19 Iahrhundert.

Здѣсь, конечно, не мѣсто излагать въ подробности эту теорiю, но подчеркнуть ея основныя идеи тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ это ни покажется страннымъ, именно непониманiемъ ея основныхъ идей или умышленнымъ желанiемъ затемнить ихъ значенiе объясняются всѣ безплодныя попытки умалить ея значенiе и замѣнить ее чѣмъ-нибудь старымъ или еще менѣе удачнымъ новымъ [1]).

Повторяемъ: задача съ морфологической точки зрѣнiя состояла въ объясненiи, почему совокупность органическихъ существъ представляетъ несомнѣнную цѣпь, но именно цѣпь изъ отдѣльныхъ звеньевъ, а не непрерывную нить, а съ физiологической — въ объясненiи, почему историческiй процессъ образованiя живыхъ существъ въ результатѣ давалъ не просто формы, а формы, во всѣхъ своихъ частяхъ представляющiя орудiя, т.-е. *органы*, поразительно *приспособленные* къ ихъ отправленiю, а въ совокупности *организмы*, *приспособленные* къ условiямъ существованiя. Въ этомъ словѣ *приспособленiе*, со времени Дарвина ставшемъ лозунгомъ всѣхъ бiологовъ, всего яснѣе выражается основной смыслъ переворота, произведеннаго дарвинизмомъ. Въ первый разъ выраженiе совершенство, цѣлесообразность, гармонiя и т. д. получили опредѣленный смыслъ. Совершенство—не результатъ творческихъ актовъ въ смыслѣ теологовъ; оно также не результатъ какого-то голословнаго метафизическаго внутренняго стремленiя организмовъ къ совершенству, къ чему прибѣгали и до Дарвина (Ламаркъ и I. Мюллеръ), и, что уже не простительно, даже послѣ него (Нэгели и др.); оно—результатъ истори-

[1]) Это замѣчанiе особенно примѣнимо къ цѣлому систематическому ряду нѣмецкихъ произведенiй, имѣющихъ такое же значенiе, какъ и эта статья, т.-е. попытки охарактеризовать столѣтнiе итоги бiологiи, и отличающихся общей чертой—враждебнымъ отношенiемъ къ дарвинизму (Рѣчи Гертвига, Коккена, Де Фриза, Ветштейна).

ческаго процесса *приспособленія*, взаимодѣйствія между организмомъ и средой, прилаживанія организма къ условіямъ его существованія. Справедливость требуетъ отмѣтить, что основную мысль этого приспособленія высказалъ съ замѣчательною проницательностью и свойственною ему точностью выраженія *Огюстъ Контъ* [1]), опередившій въ этомъ отношеніи современныхъ ему натуралистовъ, идеи которыхъ онъ долженъ былъ излагать въ своей книгѣ, да и не только современныхъ, но и вообще всѣхъ натуралистовъ, вплоть до Дарвина [2]). Вотъ эти замѣчательныя слова: „Безъ сомнѣнія, каждый организмъ находится въ необходимомъ соотношеніи съ опредѣленною совокупностью внѣшнихъ условій. Но изъ того не слѣдуетъ, чтобы одна изъ этихъ двухъ совмѣстныхъ силъ вызывала другую или была вызвана ею. Мы имѣемъ дѣло только съ равновѣсіемъ двухъ силъ, совершенно независимыхъ и разнородныхъ. *Если представить себѣ, что всевозможные организмы были подвергнуты послѣдовательно и въ теченіе достаточно долгаго времени дѣйствію всевозможныхъ условій, то для насъ станетъ очевиднымъ, что большая часть этихъ организмовъ необходимо должна была бы исчезнуть, уцѣлѣли бы только тѣ, которые удовлетворяли бы основному закону указаннаго равновѣсія. По всей вѣроятности, подобнымъ путемъ исключенія (élimination) установилась и продолжаетъ видоизмѣняться на нашихъ глазахъ та біологическая гармонія, которую мы наблюдаемъ на нашей планетѣ*". Слова великаго мыслителя сохранили и теперь все свое значеніе. Они являются лучшимъ отвѣтомъ противникамъ дарвинизма, какъ тѣмъ, которые пытаются все объяснить темнымъ внутреннимъ стремленіемъ организмовъ (Нэгели и его новѣйшіе поклонники), такъ и тѣмъ, которые думаютъ все объяснить еще менѣе понятнымъ прямымъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ условій (Генсло и нѣмецкіе неоламаркисты). Ни одно изъ условій въ отдѣльности, т.-е. ни организмъ, ни среда, не объясняютъ ихъ гармоніи — она результатъ ихъ взаимодѣйствія. Въ этомъ весь дарвинизмъ; непониманіемъ этого основного положенія объясняются всѣ неудачныя новѣйшія попытки его упраздненія или замѣны.

Заслуга Дарвина въ томъ и заключалась, что онъ доказалъ существованіе этого процесса *élimination,* какъ необходимаго результата основныхъ свойствъ организмовъ, и *необходимость совершенствованія,* какъ рокового послѣдствія этого процесса. Въ первый разъ совершенство организмовъ являлось не простымъ результатомъ творческаго умысла, какъ у теологовъ, или таинственнаго стремленія, какъ у метафизиковъ, а сложнымъ послѣдствіемъ совмѣстнаго дѣйствія вполнѣ реальныхъ, изучаемыхъ положительной наукой факторовъ. Эти три реальные фактора — *измѣнчивость* организмовъ, *наслѣдственность* ихъ свойствъ и быстро возрастающая *прогрессія ихъ размноженія.* Самымъ оригинальнымъ, конечно, являлось примѣненіе послѣдняго въ качествѣ главнаго фактора *біологическаго прогресса.* Фактъ геометрической прогрессіи размноженія организмовъ, давно извѣстный, оцѣненный по достоинству *Франклиномъ*, легшій въ основу ученія *Мальтуса,* у кого онъ и былъ заимствованъ Дарвиномъ, сталъ краеугольнымъ камнемъ всего его ученія. Относительная роль трехъ факторовъ такова. Измѣнчи-

[1]) Эта идея Конта осталась неизвѣстной Дарвину, такъ какъ онъ нигдѣ о ней не упоминаетъ. Болѣе удивительно, что ее упустилъ изъ виду даже Риголажъ въ своемъ извѣстномъ сокращеніи *Philosophie positive*. Я указалъ на это мѣсто еще въ 1864 году.

[2]) Почему нельзя читать безъ улыбки попытки одного изъ нашихъ современныхъ антипозитивистовъ, извѣстнаго минералога академика Федорова, пытающагося опровергнуть Конта Дарвиномъ, обнаруживая при этомъ одинаковое непониманіе того и другого.

вость доставляетъ матеріалъ для построенія новыхъ формъ. Но нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы эти измѣненія имѣли какое-нибудь опредѣленное направленіе, именно полезное для организма; очевидно, они могутъ быть и полезными, и вредными, и безразличными. Слѣдовательно, измѣнчивость сама въ себѣ не обусловливаетъ совершенствованія—прогресса. Второй факторъ—наслѣдственность—не производитъ ничего новаго, а только сохраняетъ старое *и новое;* это начало, по существу консервативное, непосредственнаго отношенія къ прогрессу въ тѣсномъ смыслѣ слова не имѣющее. Но благодаря ему измѣненія закрѣпляются и накопляются, организація если не совершенствуется, то усложняется и становится прочной. Совершенствованіе, въ томъ единственномъ опредѣленномъ смыслѣ, которое сообщилъ ему Дарвинъ, т.-е. въ смыслѣ приспособленія, является логически необходимымъ, роковымъ послѣдствіемъ прогрессии размноженія. Фактъ размноженія настолько широко распространенъ въ органическомъ мірѣ, что нерѣдко самое слово размноженіе употребляется вмѣсто слова воспроизведенія, хотя эти понятія далеко не тождественны. Отсюда—постоянное стремленіе всѣхъ организмовъ къ перенаселенію, а это равносильно постоянному истребленію громаднаго числа появляющихся существъ, т.-е. тому процессу èlimination, къ которому уже Контъ сводилъ причину гармоніи между организмомъ и средой. Эту èlimination Дарвинъ назвалъ, по аналогіи съ процессомъ образованія искусственныхъ породъ животныхъ и растеній, *отборомъ* (selection), а въ отличие отъ него—*естественнымъ отборомъ*. Позднѣе онъ самъ находилъ, что придуманное *Гербертомъ Спенсеромъ* выраженіе *переживаніе наиболѣе приспособленнаго* (survival of the fittest) едва ли не удачнѣе выражаетъ его мысль. Эти оба выраженія во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть несчастной метафорѣ „борьба за существованіе", одной изъ тѣхъ метафоръ, объ избавленіи отъ которыхъ еще Гейне молилъ Провидѣніе [1]). Этому выраженію не понимавшіе основной сущности ученія, а еще болѣе его враги, сообщили широкое распространеніе и совершенно превратное толкованіе. Дарвинъ принималъ выраженіе „борьба за существованіе" въ томъ смыслѣ, въ которомъ говорятъ, напр., что утопающій, дѣлающій усилія выплыть, борется за жизнь, а близорукіе его сторонники, а еще болѣе дальновидные враги придали ей узкій смыслъ, прямой схватки, кончающейся непремѣнно гибелью одной изъ сторонъ. Естественный отборъ, единственный до сихъ поръ извѣстный факторъ, объясняющій, почему историческій процессъ превращается въ біологическій прогрессъ, разумѣя подъ нимъ сохраненіе и накопленіе тѣхъ особенностей, которыя наилучшимъ образомъ обезпечиваютъ существованіе организма и устраненіе всего вреднаго, а въ силу строгости этой браковки даже всего безполезнаго для даннаго организма. Это новое объясненіе совершенства организмовъ существенно отличается отъ телеологіи теологовъ и метафизиковъ: оно объясняетъ только возникновеніе свойствъ, исключительно полезныхъ для обладающихъ ими организмовъ или взаимнополезныхъ при извѣстномъ соотношеніи организмовъ (напр., при такъ называемомъ *симбіозѣ*). Между тѣмъ старая телеологія, соотвѣтственно своей точкѣ отправленія предустановленной гармоніи, допускала, что существуютъ и особенности полезныя не для обладателя, а исключительно для другихъ существъ. Одинъ такой случай, говорилъ Дарвинъ, опровергъ бы всю мою теорію—и такого случая не нашлось въ

[1]) Укажу на фактъ, что я могъ однажды прочесть цѣлый курсъ дарвинизма *(Историческій методъ въ біологіи)*, не обмолвившись ни разу этимъ несчастнымъ выраженіемъ.

природѣ. Эту особенность природы не слѣдуетъ забывать новымъ защитникамъ старой телеологіи.

Изъ того же начала естественнаго отбора, какъ необходимое его логическое слѣдствіе, вытекаетъ и объясненіе того второго препятствія для принятія теоріи эволюціи, надъ которымъ тщетно ломали себѣ головы предшественники Дарвина, а новые его противники обходятъ молчаніемъ, такъ какъ не въ состояніи дать своего объясненія, а готоваго стараго не находятъ. Между тѣмъ самъ Дарвинъ, какъ и понятно, придавалъ высокую цѣну этому выводу, какъ доказательству вѣрности теоріи, которая, исходя изъ одного и того же принципа, разъясняетъ обѣ совершенно различныя, но одинаково загадочныя особенности современнаго строя органическаго міра. Доказавъ гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ Ламаркъ, особенно при помощи новаго, статистическаго пріема, искусственность понятія о видѣ, не разграниченномъ съ понятіемъ о разновидности (что и выразилъ своей формулой: *разновидность—зачинающійся видъ*), онъ тѣмъ не менѣе призналъ фактъ разграниченности большей части существующихъ видовъ между собою и предъявилъ своей теоріи требованіе найти для этого реальнаго факта реальное же объясненіе. Когда ему это наконецъ удалось, онъ такъ обрадовался, что въ своей автобіографіи указываетъ моментъ и мѣсто (въ каретѣ, во время путешествія), гдѣ ему пришла эта блестящая мысль. Объясненіе явилось только логическимъ развитіемъ той аналогіи, которая легла въ основу всей теоріи, аналогіи съ искусственнымъ отборомъ. При размноженіи новыхъ искусственныхъ породъ постоянно наблюдается, что представители крайнихъ типовъ предпочитаются среднимъ формамъ, и такимъ образомъ порывается между ними связь, исчезаютъ промежуточныя звенья. То же оказывается и въ природѣ, но, понятно, по иной причинѣ. Для организмовъ выгодно возможно глубоко различиться между собою; этимъ увеличиваются шансы на совмѣстное существованіе [1]). Въ силу этого явленія, которое Дарвинъ назвалъ *началомъ расхожденія признаковъ* (Divergence of Character) при томъ несмѣтномъ истребленіи существъ, которое наблюдается въ природѣ въ силу прогрессіи ихъ размноженія, изъ вновь появляющихся формъ сохраняются тѣ, которыя наиболѣе между собою различны, уничтожаются тѣ, которыя составляютъ промежуточныя, связующія звенья, и вся картина получаетъ характеръ мозаики изъ разрозненныхъ кусковъ и группъ, тѣмъ не менѣе сливающихся въ одно несомнѣнно связное цѣлое.

Въ разрѣшеніи, исходя изъ одного принципа, обѣихъ основныхъ задачъ біологіи и заключается превосходство дарвинизма передъ смѣлой, но безуспѣшной попыткой Ламарка. Этимъ и объясняется, что именно доставленное Дарвиномъ *доказательство необходимости эволюціи*, а не простое предположеніе о ея возможности, сталкивавшееся съ неразрѣшимыми препятствіями, завоевало всѣ умы, способные къ здравому мышленію, свободному отъ предвзятыхъ идей. Именно та форма эволюціоннаго ученія, за которой сохранится навсегда имя *дарвинизма*, а не эволюціонное ученіе, вообще одержало эту побѣду—этого нельзя достаточно часто повторять въ виду указаннаго стремленія нѣкоторыхъ біологовъ, въ особенности нѣмецкихъ, утверждать противное вопреки очевидности. То же относится и къ позднѣйшимъ попыткамъ нѣкоторыхъ ученыхъ упразднить дарвинизмъ, замѣняя его своими метафизическими измышленіями или выхватывая у него одну изъ частей его теоріи и преувеличивая ея

[1]) Лугъ даетъ тѣмъ болѣе сѣна, чѣмъ разнообразнѣе растенія; растительность, проникающая въ новыя для нея страны, относительно богаче родами, чѣмъ видами, и т. д.

значеніе, не замѣчая, что въ такой односторонней формѣ она болѣе не отвѣчаетъ на вопросы, которые призвана разрѣшить. Такъ, Нэгели на мѣсто фактическаго естественнаго отбора ставитъ голословно приписываемое организмамъ метафизическое внутреннее стремленіе къ совершенствованію. Наоборотъ, Вейзманъ впадаетъ въ противоположную крайность: допуская „всемогущество отбора", онъ отрицаетъ значеніе воздѣйствія среды и тѣмъ отказывается отъ перваго, необходимаго шага въ цѣпи объясненій,—отъ объясненія начальнаго происхожденія того матеріала, безъ котораго и процессъ отбора не можетъ осуществиться. Съ другой стороны, неоламаркисты (въ родѣ Ветштейна), утверждая, что, разъ доказанъ фактъ измѣнчивости, этого достаточно и для объясненія факта приспособленія, забываютъ, что логически одно изъ другого нимало не вытекаетъ [1]). Наконецъ, еще другіе неоламаркисты (Генсло, Вармингъ), исходя изъ того факта, что многія воздѣйствія внѣшнихъ условій оказываются полезными, заключаютъ, что нѣтъ надобности прибѣгать къ отбору, такъ какъ сами условія дѣйствуютъ цѣлесообразно—это такъ называемое ученіе о *прямомъ приспособленіи*.

Нетрудно усмотрѣть логическую ошибку и этой новѣйшей попытки упразднить дарвинизмъ. Что первоначальныя причины, вызывающія при участіи отбора полезныя приспособленія, должны заключаться именно въ *окружающихъ*, а не какихъ иныхъ условіяхъ, само собою очевидно, такъ какъ біологія, еще менѣе, чѣмъ физика, можетъ допустить дѣйствія на разстояніи, т.-е. дѣйствія не тѣхъ условій, которыя окружаютъ. Очевидно, что полезныя измѣненія, дающія матеріалъ для отбора, должны быть изъ числа вызываемыхъ окружающими условіями, иначе и быть не можетъ, но заключить обратно, что это воздѣйствіе по существу должно давать начало полезнымъ измѣненіямъ, значитъ создавать новую, еще болѣе темную и голословную метафизическую телеологію среды на мѣсто оказавшейся несостоятельной телеологіи организмовъ (какъ у І. Мюллера, Нэгели и др.). Логически допустимо только одно положеніе, что физическое воздѣйствіе среды независимо отъ его результата, т.-е. что оно можетъ быть всѣхъ трехъ родовъ: полезное, вредное и безразличное. *Геккель* давно предложилъ въ качествѣ особой главы біологіи *дистелеологію*, т.-е. морфологическую статику безполезныхъ и вредныхъ органовъ; рядомъ съ ней можно было бы основать и *дистелеологію физіологическую*, динамическую, т.-е. описаніе явленій безполезнаго и вреднаго воздѣйствія среды. Если же въ общемъ итогѣ современные организмы (въ своей обычной средѣ, а не перенесенные въ другую) представляютъ намъ болѣе случаевъ приспособленія, то это и есть результатъ историческаго процесса, стирающаго слѣды неудачъ и сохраняющаго только результаты успѣховъ, т.-е. отбора.

Другія попытки умалить значеніе дарвинизма носятъ болѣе спеціальный характеръ. Изъ нихъ особенно обратило на себя вниманіе утвержденіе Де Фриза, будто ему удалось найти дѣйствительный процессъ образованія новыхъ видовъ, именно не путемъ постепеннаго измѣненія, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій, а скачкомъ, вслѣдствіе неизвѣстной внутренней причины. Но Де Фризъ вполнѣ сознаетъ, что этими скачками невозможно объяснить приспособленія организмовъ; онъ сознаетъ, что эту главную ихъ особенность объясняетъ только дарвинизмъ, и такъ формулируетъ свое къ нему отношеніе: *естественный отборъ опредѣляетъ не происхожденіе видовъ, а уничтоженіе видовъ не приспособленныхъ*. Уже и это

[1]) На протяженіи почти всей своей рѣчи Ветштейнъ просто замѣняетъ слово измѣнчивость словомъ приспособленіе. Въ этой неточности повиненъ, впрочемъ, даже Геккель.

различіе между двумя теоріями невелико, но даже и въ этой формѣ оно вертится на игрѣ словъ, на примѣненіи слова *видъ* въ двухъ совершенно различныхъ смыслахъ. Когда Дарвинъ выпустилъ въ свѣтъ свою книгу „О происхожденіи видовъ", онъ имѣлъ въ виду общепринятые „хорошіе" виды, въ линнеевскомъ смыслѣ. Уже послѣ появленія его книги французскій ботаникъ *Жорданъ* указалъ на присутствіе въ предѣлахъ общепринятыхъ видовъ, болѣе мелкихъ группъ, отличающихся тѣмъ же постоянствомъ, которое считалось признакомъ видовъ. Эти формы такъ и называются *жордановскими видами*, а все направленіе, стремящееся къ разбивкѣ старыхъ видовыхъ группъ на болѣе мелкія,—*жорданизмомъ*. Эти то новые, не извѣстные во время появленія книги Дарвина виды разумѣетъ Де Фризъ въ своей формулѣ. Должно замѣтить, что самый фактъ не ускользнулъ отъ вниманія Дарвина; онъ указывалъ на совмѣстное существованіе разновидностей, очевидно, не исчезающихъ черезъ скрещиваніе и раздѣляющихъ это свойство съ видами, т.-е. зналъ о существованіи того, что послѣ Жордана стали называть мелкими видами, но что въ его время всѣми признавалось за разновидности. Де Фризъ такимъ образомъ называетъ разновидности Дарвина (и всѣхъ его современниковъ) видами въ позднѣйшемъ жордановскомъ смыслѣ, откуда у него и выходитъ, что въ силу отбора не образуются новые виды, а уже образовавшіеся, но неприспособленные уничтожаются. Какъ бы то ни было, для образованія настоящихъ видовъ [1]) Де Фризъ, такъ же какъ и Дарвинъ не находитъ другого объясненія, кромѣ отбора; онъ не можетъ обойтись безъ этого начала, потому что понимаетъ различіе между простою измѣнчивостью и приспособленіемъ. Того же нельзя сказать о Коржинскомъ. Изъ фанатическаго дарвиниста онъ внезапно превратился въ отъявленнаго антидарвиниста и полагалъ, что ему удалось изобрѣсти какую-то теорію, упраздняющую дарвинизмъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ только увеличилъ (соотвѣтственно накопившемуся за сорокъ лѣтъ матеріалу) списокъ примѣровъ внезапныхъ крупныхъ измѣненій, въ изобиліи собранныхъ Дарвиномъ въ его двухъ книгахъ [1]). Для Коржинскаго такъ и осталось непонятнымъ различіе между простымъ измѣненіемъ и приспособленіемъ, т.-е. главное содержаніе дарвинизма. Должно еще замѣтить, что попытка Де Фриза, Коржинскаго и др. ничего принципіально не измѣняла и не дополняла въ положеніяхъ Дарвина даже по частному вопросу объ измѣнчивости. Дарвинъ также допускалъ измѣнчивость рѣзкую, скачками, и болѣе постепенную, общую, и ничто и теперь не принуждаетъ приписывать первой изъ нихъ не только исключительное, но даже преобладающее значеніе. Измѣненія второй категоріи нерѣдко зависятъ отъ опредѣленныхъ внѣшнихъ факторовъ и потому ихъ происхожденіе понятно, но зато число примѣровъ ихъ наслѣдственной передачи очень ограничено и, наоборотъ, измѣненія первой категоріи, обыкновенно наслѣдственныя трудно прослѣдить до ихъ ближайшей причины. По всей вѣроятности измѣненія наслѣдственныя вызываются вліяніями въ ранніе періоды эмбріональнаго развитія, болѣе глубокими, но обыкновенно ускользающими отъ наблюденія. Можно надѣяться, что значительный свѣтъ на этотъ вопросъ прольетъ упомянутая выше физіологическая эмбріологія. Съ другой стороны, возможно, что болѣе продол-

[1]) Что формы, найденныя Де Фризомъ, не имѣютъ характера настоящихъ видовъ, „хорошихъ" видовъ, ясно уже изъ того, что даже въ лучшихъ случаяхъ признаки почти исключительно количественные недостаточны для установленія хорошаго діагноза.

[1]) До Коржинскаго и Де Фриза эта задача была уже выполнена Бэтсономъ.

жительные опыты надъ извѣстными уже экспериментальной морфологіи вліяніями внѣшнихъ факторовъ будутъ сопровождаться и болѣе прочными наслѣдственными измѣненіями. Въ разрѣшеніи этой дилеммы заключается одна изъ важнѣйшихъ біологическихъ задачъ, завѣщанныхъ девятнадцатымъ вѣкомъ двадцатому, и ничто не даетъ права предполагать, чтобы она оказалась неразрѣшимой; все сказанное ранѣе объ экспериментальной морфологіи и физіологической эмбріологіи скорѣе ручается за успѣхъ.

Разрѣшеніе общей задачи о происхожденіи органическихъ формъ, какъ бы, повидимому, цѣлесообразно онѣ ни были построены, распадается такимъ образомъ на три подчиненныя задачи. Первая, непосредственно экспериментальная, *физіологическая*, сводится къ объясненію дѣйствіемъ какихъ внѣшнихъ факторовъ первоначально образовались морфологическія особенности, чрезъ дальнѣйшее развитіе которыхъ могли сложиться подлежащія объясненію формы. Вторая задача—указать въ природѣ тѣ послѣдовательныя усложненія, чрезъ которыя должна была пройти эта форма. Задача эта по существу *морфологическая*. На нее дала отвѣтъ сравнительная анатомія, особенно послѣ торжества осмыслившаго ее дарвинизма[1]), и еще болѣе палеонтологія, обогатившая морфологію безчисленными, неожиданными переходными формами, связующими звеньями, какъ между видами такъ и между систематическими группами высшихъ порядковъ. Наконецъ третья задача, *историческая*, осуществленная дарвинизмомъ,—объяснить, въ силу какого достовѣрнаго историческаго процесса тѣ измѣненія, которыя полезны, сохраняются и нарастаютъ а остальныя уничтожаются, чѣмъ порывается связь между звеньями общей цѣпи. Совокупное разрѣшеніе этихъ трехъ задачъ въ первый разъ дало ключъ къ полному пониманію органическаго міра, какъ поражающаго своимъ совершенствомъ цѣлаго.

Историческая послѣдовательность въ постановкѣ этихъ трехъ вопросовъ не соотвѣтствовала ихъ логической послѣдовательности. Первымъ, по очереди, явился сравнительно простой вопросъ—*морфологическій*, разрѣшенный внѣ связи съ другими дисциплинами знанія, при помощи характеристическаго для біологіи и достигшаго въ ней самаго блестящаго развитія *сравнительнаго* метода. Позднѣе явился вопросъ *физіологическій* и еще позднѣе *исторической*. Поэтому самой широкой характеристической чертой успѣховъ біологіи въ истекшемъ вѣкѣ являются съ одной стороны, подчиненіе ея задачъ строгому детерминизму *экспериментальнаго* метода, заимствованнаго у наукъ физическаго цикла и устранившаго навсегда безполезную и вредную гипотезу своевольной жизненной силы, а съ другой стороны, распространеніе на нее метода *историческаго*, вмѣсто праздныхъ телеологическихъ догадокъ, ищущаго объясненія не въ одномъ только экспериментально изучаемомъ настоящемъ данныхъ явленій, но и во всемъ ихъ длинномъ прошломъ. Этотъ послѣдній успѣхъ насъ особенно поражаетъ при сравненіи современнаго состоянія біологіи съ той картиной, которую намъ оставили два самыхъ компетентныхъ знатока общаго состоянія естествознанія первой половины вѣка—*Огюстъ Контъ* и *Юэль*. Контъ признавалъ, что методъ, присущій біологіи, *сравнительный* (экспериментальный она заимствуетъ у предшествующихъ въ его системѣ наукъ), методъ же *историческій* считалъ исключительнымъ удѣломъ соціологіи. Развитіе науки XIX в. показало, что примѣненіе этого метода начинается ранѣе въ общемъ циклѣ наукъ и что его примѣненіе въ біо-

[1]) Онъ въ первый разъ объяснилъ, напр., смыслъ темнаго выраженія *гомологія*. Гомологичны части одинаковаго происхожденія почему Рей Ланкестеръ предложилъ замѣнить слово гомологическій словомъ *гомогенетическій*.

логіи увѣнчалось такимъ успѣхомъ, на какой соціологія пока еще не можетъ разсчитывать. Юэль, допускавшій (по стопамъ Лайэля) примѣненіе историческаго метода къ задачамъ неорганической природы, отрицалъ какое-нибудь его отношеніе къ міру живыхъ существъ и заявлялъ (въ согласіи съ Кантомъ), что вмѣсто раскрытія историческихъ причинъ, біологъ вынужденъ только угадывать цѣли, т.-е. продолжать прежнія блужданія въ дебряхъ туманной телеологіи. Съ Дарвиномъ все измѣнилось. Какъ нѣкогда въ *Scienza nuova* Вико *исторія* сдѣлала попытку стать *естественной*, такъ въ Scienza nuova Дарвина (и Лайэля) такъ называемая *естественная* исторія стала въ первый разъ дѣйствительной *исторіей*. Вотъ почему приведенныя въ началѣ этого очерка слова Больцмана, относящіяся къ вѣковымъ успѣхамъ положительнаго знанія вообще, еще лучше характеризуютъ успѣхи біологіи. Съ одной стороны, она распространила экспериментальный методъ физики и химіи на свои *болѣе сложныя* задачи, съ другой показала въ дарвинизмѣ, что историческій методъ, характеризующій циклъ слѣдующихъ за нею соціологическихъ знаній, успѣшно примѣняется къ ея сравнительно *простымъ* задачамъ. Въ этомъ методологическомъ расширеніи ея области изслѣдованія и заключается главная причина необыкновенныхъ успѣховъ біологіи за истекшій вѣкъ.

§ 5.

Остается сказать нѣсколько словъ о третьемъ указанномъ нами въ началѣ очерка признакѣ или мѣрилѣ прогресса тѣхъ или другихъ знаній—о ихъ приложеніяхъ къ насущнымъ запросамъ жизни. Къ сожалѣнію, очень часто только эти приложенія и являются знаменіемъ успѣха въ глазахъ не только темной толпы, но и ея близорукихъ вожаковъ. Съ самыхъ противоположныхъ сторонъ, отъ ультра-идеалистовъ, какъ и ультра-матеріалистовъ, можно слышать заявленія, что знанія постольку лишь и цѣнны, поскольку они непосредственно полезны, и что умъ ученаго долженъ руководиться, и будто бы фактически руководится, только давленіемъ потребностей. Утверждать что-нибудь подобное — значитъ допускать непонятную, чудесную связь между элементарными потребностями человѣка и строго послѣдовательнымъ логическимъ развитіемъ научной мысли, неизбѣжно переходящей къ сложному отъ простого. Пища важнѣе средствъ передвиженія и однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы біологія должна была развиться ранѣе физики, чтобы раціональное земледѣліе должно было опередить желѣзныя дороги. Скажутъ: правящіе классы болѣе интересуются удобствами сообщенія, чѣмъ голодомъ бѣдныхъ, котораго сами не испытываютъ. Положимъ, что и такъ, но быть живымъ и здоровымъ одинаково желательно и для богатыхъ и для бѣдныхъ, и однако медицина сдѣлала колоссальный скачекъ впередъ не потому, чтобы обнаружилась въ ней новая потребность, а потому, что въ наукѣ, въ біологіи, стали на очереди новые вопросы и геній Пастёра пролилъ на нихъ новый свѣтъ [1]). Практическое значеніе успѣховъ біологіи выразилось именно въ полномъ переворотѣ, вызванномъ ими въ этихъ двухъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ для существованія человѣка искусствахъ, — въ *земледѣліи* и *медицинѣ*.

Опиравшіяся почти исключительно на многовѣковыя, теряющіяся во мракѣ исторіи, эмпирическія знанія, эти два искусства только въ настоящемъ столѣтіи могли въ первый разъ вполнѣ осмыслить свою дѣятельность, благодаря даннымъ, доставленнымъ физіологіей растеній и физіологіей животныхъ, которыя въ свою очередь обязаны своимъ развитіемъ пред-

[1]) Этотъ вопросъ мною подробно разобранъ въ этюдѣ о *Пастерѣ* (*Насущныя задачи современнаго естествознанія*. Москва, 1904).

варительнымъ успѣхамъ физики и химіи. *Сенебье, Соссюръ, Дэви, Буссенго, Либихъ, Кнопъ, Бертло, Гельригель* и др., работая въ пограничной области *физіологіи растеній* и *агрономической химіи*, создали *раціональное земледѣліе*, благодаря чему современный земледѣлецъ уже не руководится только рецептами, завѣщанными ему предками, а вполнѣ сознательно идетъ впередъ къ опредѣленной цѣли. Едва ли не самымъ выдающимся пріобрѣтеніемъ земледѣлія слѣдуетъ признать коренной переворотъ въ основныхъ воззрѣніяхъ на факторы плодородія. На смѣну господствовавшаго и закрѣпленнаго авторитетомъ Тэера представленія о преобладающемъ значеніи перегноя почвы, какъ источника органическаго вещества растенія, явилось основанное на изслѣдованіяхъ *Сенебье, Соссюра* и *Буссенго* ученіе, благодаря краснорѣчивой формѣ, въ которую облекъ ее *Либихъ*, получившее названіе *либиховой минеральной теоріи*. Вытекающее изъ несомнѣннаго положенія, что органическое вещество вырабатывается растеніемъ не изъ такого же вещества почвы, а изъ углекислоты атмосферы, это ученіе выдвинуло на первый планъ заботу земледѣльца о скудно распространенныхъ въ почвѣ зольныхъ минеральныхъ веществахъ. Чисто дедуктивное, *химическое* направленіе Либиха нашло себѣ поправку въ *физіологическомъ* направленіи, основателемъ котораго слѣдуетъ считать *Буссенго*; оно предъявляло требованіе не ограничиваться дедукціями, основанными на аналитическихъ химическихъ данныхъ, а провѣрять всѣ свои положенія прямымъ опытомъ надъ растеніемъ въ искусственно упрощенныхъ средахъ (*Буссенго, Гельригель, Кнопъ, Ноббе*) или въ полѣ (*Буссенго, Лоозъ* и *Гильбертъ* и др.). Это направленіе исправило односторонность либиховой минеральной теоріи, добавивъ, что и азотъ растеніе не получаетъ въ обезпеченныхъ количествахъ, какъ получаетъ оно углеродъ, изъ чего слѣдуетъ, что снабженіе растенія необходимыми количествами азота лежитъ на обязанности земледѣльца не менѣе, чѣмъ снабженіе элементами золы. Это заставило обратить вниманіе на значеніе одного эмпирическаго пріема земледѣлія, извѣстнаго еще классической древности, но только къ концу XVIII вѣка получившаго широкое распространеніе и легшаго въ основу усовершенствованныхъ системъ культуры—именно воздѣлыванія бобовыхъ растеній (клевера, люцерны и пр.). Сдѣланные къ тому времени успѣхи въ области изученія микроскопическихъ организмовъ привели къ выводу (*Воронинъ*), что особые желвачки на корняхъ этихъ бобовыхъ растеній, не встрѣчающіеся у другихъ культурныхъ растеній, вызываются поселяющимися въ нихъ бактеріями. Блестящія ислѣдованія *Гельригеля* показали, что эти бактеріи обладаютъ спеціальною особенностью усвоять свободный азотъ атмосферы. Такимъ образомъ выяснилось, что этою способностью бобовыхъ растеній, чрезъ посредство поселяющихся въ нихъ бактерій, пользоваться даровымъ источникомъ азота и объясняется экономическое значеніе этихъ растеній въ сельскомъ хозяйствѣ. Параллельно съ этимъ открытіемъ изслѣдованія *Мюнца* и *Виноградскаго* выяснили, что образованіе самаго важнаго почвеннаго источника азота—селитры—происходитъ также благодаря дѣятельности особыхъ бактерій.

Послѣдствіемъ этихъ открытій явилось, начиная съ сороковыхъ годовъ, быстро разросшееся примѣненіе *искусственныхъ удобреній* (селитры, амміачныхъ, фосфорнокислыхъ, калійныхъ солей), къ концу вѣка составившее едва ли не самую видную черту новѣйшихъ системъ земледѣлія. Къ нему съ восьмидесятыхъ годовъ присоединилось новое направленіе, клонящееся къ обезпеченію размноженія въ почвѣ благотворныхъ бактерій (какъ усвояющихъ атмосферный азотъ, такъ и вызывающихъ образованіе селитры). Наконецъ, въ виду вы-

яснившагося значенія селитры, химики и физики обратили вниманіе на извѣстный еще въ восемнадцатомъ столѣтіи фактъ образованія ея изъ воздуха, при дѣйствіи электрическаго разряда, и разрѣшили эту важную для земледѣлія задачу—правда, уже за порогомъ новаго столѣтія.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ завоеваній въ области чисто научныхъ изслѣдованій, раскрывшихъ истинные факторы плодородія, явилось значительное увеличеніе производительности земледѣльческаго труда. Девятнадцатый вѣкъ зарождался при мрачномъ напутствіи мальтузіанскаго ученія, доказывавшаго, что ростъ производительности земли не поспѣваетъ за ростомъ населенія, и что роковымъ неотвратимымъ послѣдствіемъ этого несоотвѣтствія являются всѣ соціальныя бѣдствія: нищета, преступность, болѣзни и наконецъ возрастающая смертность, провиденціальнымъ образомъ возвращающая населеніе къ прежней гармоніи со средствами существованія. Но, когда стало возможнымъ подвести столѣтніе итоги, зловѣщее пророчество Мальтуса не оправдалось; оказалось, что, по крайней мѣрѣ, въ той странѣ, гдѣ указанія науки наиболѣе проникали въ жизнь—въ Германіи, населеніе увеличилось въ три раза, а средства пропитанія возросли въ четыре.

Этотъ послѣдній результатъ обнаружился параллельно съ другимъ нагляднымъ завоеваніемъ вѣка—уменьшеніемъ смертности, увеличеніемъ средней продолжительности жизни, и это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію успѣховъ другого практическаго искусства, связанныхъ съ успѣхами біологіи. Если мы видѣли, что успѣхи земледѣлія являются прямымъ слѣдствіемъ успѣховъ физіологіи растеній, то это еще болѣе справедливо по отношенію къ *медицинѣ*, совершенно преобразившейся на почвѣ изученія физіологіи животнаго организма. Въ общемъ можно сказать, что связь между медициной и физіологіей стала очевидной ранѣе, чѣмъ между земледѣліемъ и физіологіей растеній, почему и плоды этого вліянія оказались болѣе многочисленными и разнообразными. Понятно, что здѣсь возможно только отмѣтить эту связь, указать на главнѣйшія точки соприкосновенія.

Прежде всего, медицина вооружилась цѣлымъ рядомъ научныхъ пріемовъ изслѣдованія больного организма. Къ классическому изслѣдованію языка и пульса присоединилась *аускультація* (стэтоскопъ *Лэнека*), термометрія, множество экспериментальныхъ усовершенствованій, дозволившихъ, какъ мы видѣли, заглянуть въ полости тѣла, въ пузырь, въ гортань (ларингоскопъ *Гарсія*), въ глубину глаза (офталмоскопъ *Гельмгольца*). Микроскопъ и ученіе о клѣточкѣ положили основаніе тщательному изслѣдованію пораженныхъ частей и слѣдовательно, раскрытію ближайшихъ причинъ болѣзни (*целлюлярная патологія Фирхова*). Упрощенныя химическія изслѣдованія и спектроскопъ позволили слѣдить за измѣненіями крови и выдѣленій, а *Рентгеновскіе* лучи, сдѣлавъ человѣческое тѣло въ извѣстномъ смыслѣ прозрачнымъ, дали возможность обнаруживать въ немъ присутствіе постороннихъ тѣлъ (пули и т. д.) и даже патологическія измѣненія внутреннихъ органовъ. Цѣлыя новыя системы лѣченія возникли на почвѣ физіологическаго изученія отправленій животнаго тѣла въ зависимости отъ внѣшнихъ факторовъ (обширная область *электротерапіи* и новѣйшая *фототерапія*). Наконецъ, раскрытіе функцій нервной системы и ихъ локализаціи дали ключъ къ лѣченію нервныхъ разстройствъ и пролили свѣтъ въ дотолѣ темную область психіатріи.

Но какъ ни велики всѣ эти пріобрѣтенія, которыми медицина обязана физіологіи и на которыя мы могли здѣсь только намекнуть, они блѣднѣютъ въ сравненіи съ кореннымъ переворотомъ, совершившимся въ ней благодаря развитію *микробіологіи*,—переворотомъ, давшимъ право

сказать, что исторію медицины можно раздѣлить на два по своему протяженію несоразмѣрные періода — до Пастёра и послѣ него, такъ какъ успѣхи, сдѣланные за послѣднія сорокъ лѣтъ, въ извѣстномъ смыслѣ превышаютъ то, что сдѣлано за предшествовавшіе сорокъ вѣковъ. Успѣхи микробіологіи, создавъ строго научное ученіе о сущности заразныхъ заболѣваній, одновременно пролили свѣтъ и на средства прямой борьбы съ ними при помощи *медицины* и на мѣры предупрежденія ихъ при помощи *гигіены*. Напомнимъ, что первый толчокъ всему этому движенію былъ сообщенъ извнѣ, обязанъ своимъ происхожденіемъ чисто научнымъ изслѣдованіямъ въ области химіи и біологіи, развивавшимся строго логическимъ путемъ, а не по указкѣ утилитарныхъ требованій. Изученію собственно микроскопическихъ организмовъ (дрожжевого грибка, бактерій) логически предшествовало изученіе организмовъ полумикроскопическихъ, т.-е. хотя и видныхъ невооруженнымъ глазомъ, но изучаемыхъ только при помощи микроскопа. Именно изученіе этихъ растительныхъ формъ изъ класса грибовъ положило основаніе строго научному представленію о вызываемыхъ паразитами болѣзненныхъ явленіяхъ высшихъ организмовъ. Здѣсь должно отмѣтить труды ботаниковъ *Тюлана*, *Де-Бари*, *Воронина*, *Брефельда* и др., во всѣхъ подробностяхъ изучившихъ цѣлый рядъ такихъ паразитныхъ грибковъ и положившихъ основаніе единственному точному методу изслѣдованія, основанному на искусственномъ зараженіи и выслѣживаніи исторіи развитія, начиная съ первой клѣточки (споры, конидіи) и до полученія новыхъ органовъ воспроизведенія,—методу, положившему въ то же время конецъ прежнимъ догадкамъ о повѣтріяхъ, медовыхъ росахъ и ядовитыхъ туманахъ, игравшимъ такую видную роль въ первоначальной патологіи растеній. Методы эти послужили образцомъ для болѣе хлопотливыхъ изслѣдованій надъ вполнѣ микроскопическими, невидимыми заразами, съ бо́льшимъ правомъ еще долго приписывавшимся различнымъ безформеннымъ источникамъ. Но еще болѣе значенія получило въ этой области примѣненіе пріема *стерилизаціи* изслѣдуемыхъ средъ, т.-е. способъ несомнѣннаго уничтоженія предполагаемыхъ, хотя и невидимыхъ, живыхъ тѣлъ *(Шванъ, Гельмгольцъ, Пастёръ, Готье* и др.*)*. Ученіе о заразныхъ болѣзняхъ стало на прочную почву, когда былъ рѣшенъ вопросъ о сущности процесса, съ давнихъ временъ уподоблявшагося болѣзненнымъ измѣненіямъ, даже отождествлявшагося съ самою сущностью жизненныхъ явленій—процесса броженія. *Пастёръ*, поставившій своими классическими изслѣдованіями внѣ сомнѣнія біологическій характеръ этого процесса, доказавъ, что всегда сопровождающіе его микроорганизмы не возникаютъ *самопроизвольно*, а заносятся извнѣ, тѣмъ самымъ доставилъ средство для доказательства *несамопроизвольности* возникновенія заразныхъ заболѣваній, а причинной ихъ связи съ наличностью специфическихъ болѣзнетворныхъ организмовъ. Уже одно открытіе истиннаго источника заразныхъ болѣзней, снабдившее гігіену раціональнымъ, а не болѣе или менѣе гадательными или грубо эмпирическими, средствами защиты, было громаднымъ успѣхомъ, но еще большимъ блескомъ покрыло имя Пастёра другое его открытіе—возможности прямой борьбы съ невидимыми врагами путемъ предварительной, *предохранительной* или послѣдующей (за процессомъ зараженія), *ослабляющей* болѣзненные процессы *прививки* культуръ болѣзнетворныхъ организмовъ съ ослабленною заразительностью. Эти изслѣдованія открыли передъ медициной новые необозримые горизонты (стоитъ припомнить дѣятельность *Мечникова*, *Ру*, *Беринга* и др.). Но едва ли не поразительнѣе были практическіе результаты, можно сказать, косвеннаго влія-

нія этихъ біологическихъ открытій на другую область медицины—на хирургію. Казалось бы, что здѣсь всѣ успѣхи обусловливались непосредственно развитіемъ личнаго искусства оператора, его знаніемъ анатоміи, пожалуй, еще усовершенствованіемъ инструментальной части. Но ученіе Пастёра подало мысль *Листеру* объ огражденіи обнажаемыхъ тканей отъ зараженія вездѣсущими микроорганизмами, и явилась *антисептика*, а вслѣдъ за ней *асептика*, уменьшившія въ поразительныхъ размѣрахъ процентъ смертности оперируемыхъ и сдѣлавшія возможными такія операціи, о которыхъ хирурги прежнихъ вѣковъ (а уже подавно, замѣнявшіе ихъ, по словамъ историковъ медицины, еще въ началѣ вѣка цырюльники!) не посмѣли бы и подумать [1]).

Приведенныхъ бѣглыхъ данныхъ изъ исторіи земледѣлія и медицины за истекшій вѣкъ, указывающихъ понятно только на самыя выпуклыя черты ихъ поступательнаго движенія, достаточно, чтобы убѣдить защитниковъ самаго односторонняго утилитарнаго направленія. Сравнимъ, напр., ужасы „черной смерти", когда-то обезлюдившей Англію и глубоко отразившейся на ея соціальномъ строѣ, съ недавней вспышкой чумы въ Глазго, задушенной въ самомъ ея зародышѣ, и мы поймемъ, чѣмъ обязано человѣчество современной біологіи. Но эта біологія шла своимъ самостоятельнымъ путемъ; ея послѣдовательныя задачи вытекали изъ логическаго сцѣпленія самыхъ явленій, безъ всякаго отношенія ихъ къ пользѣ или вреду для человѣка, а въ результатѣ явились безчисленныя и самыя неожиданныя приложенія. Нигдѣ свобода мысли, свобода творчества не является такимъ существеннымъ условіемъ успѣха, какъ въ области науки, и нигдѣ, конечно, эта свобода не отплачивала за себя такъ щедро, какъ въ области научныхъ примѣненій [1]).

§ 6.

Подводимъ итогъ. Если оцѣнивать качество знанія на основаніи критерія его обобщенія, его объединенія [2]), то за этотъ вѣкъ морфологія, примѣняя присущій ей *сравнительный методъ*, успѣла связать всѣ свои частныя задачи, всѣ независимыя стремленія своихъ отдѣльныхъ дисциплинъ (классификаціи, органографіи, сравнительной анатоміи, гистологіи, эмбріологіи, палеонтологіи и географіи организмовъ) одной идеей общности происхожденія (эволюціи въ узкомъ смыслѣ простого, связнаго описанія), доказавъ надежность своего метода изученія фактовъ возможностью предсказанія новыхъ. Если оцѣнивать знанія не только съ точки зрѣнія пониманія дѣйствительности и ея предсказыванія, но и ея подчиненія волѣ человѣка, то физіологія (успѣвшая и въ смыслѣ обобщенія опередить морфологію) вполнѣ доказала примѣнимость къ сложнымъ жизненнымъ явленіямъ *экспериментальнаго метода* и подтвердила это широкими приложеніями къ практической жизни. Наконецъ, и это, быть можетъ, всего важнѣе подчеркнуть на страницахъ этой книги, переходя къ задачѣ, составлявшей до тѣхъ поръ исключительный удѣлъ теологіи и метафизики, къ объясненію загадочнаго совершенства строенія и отправленій живыхъ существъ, біологія доказала возможность ея научнаго разрѣшенія путемъ примѣненія къ ней того *историческаго метода*, который считался удѣломъ только болѣе сложной области знанія—области соціо-

[1]) Другое величайшее благодѣяніе въ области хирургіи, анэстезію, медики, кажется, получили прямо изъ рукъ химиковъ, безъ посредства біологовъ, хотя должно замѣтить, что физіологъ Флурансъ обратилъ вниманіе Парижской академіи на значеніе хлороформа за нѣсколько мѣсяцевъ до его перваго примѣненія въ хирургіи.

[1]) Эта мысль мною подробно развита въ этюдѣ о Пастёрѣ (*Насущныя задачи современнаго естествознанія.* Москва, 1904).

[2]) Вспомнимъ опредѣленіе Спенсера: „философія—объединенное знаніе".

логіи [1]). Путемъ наблюденія и опыта надъ настоящимъ она раскрыла самый *процессъ эволюціи*, необходимымъ, роковымъ послѣдствіемъ котораго является *прогрессъ* органическаго міра и его современное совершенство, придавая этому слову въ первый разъ опредѣленный смыслъ *приспособленія*, т.-е. гармоніи между живыми существами и театромъ ихъ дѣйствія, внѣшнимъ міромъ.

Такимъ образомъ, развитіе біологіи, соотвѣтственно ея промежуточному положенію, послужило для болѣе полнаго философскаго объединенія всего обширнаго реальнаго содержанія человѣческихъ знаній, доказавъ универсальность того научнаго пріема раскрытія истины, который, отправляясь отъ наблюденія и опыта и провѣряя себя наблюденіемъ и опытомъ, оказался способнымъ къ разрѣшенію самыхъ сложныхъ проблемъ, передъ которыми безпомощно останавливалась поэтическая интуиція теолога и самая тонкая діалектика метафизика.

Этимъ выясняется важное философско-воспитательное значеніе, пріобрѣтаемое современной біологіей. Успѣшно прилагая самые разнообразные методы изысканія истины къ задачамъ, несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ тѣ, которыми вѣдаетъ анорганологія, она, конечно, призвана служить лучшей подготовительной школой для изслѣдованія въ отрасляхъ знанія еще болѣе сложныхъ и наконецъ для разрѣшенія тѣхъ сложнѣйшихъ вопросовъ, которые человѣкъ, хочетъ ли онъ этого или не хочетъ, роковымъ образомъ призывается разрѣшать въ жизни, какъ это превосходно разъяснилъ *Пирсонъ* [2]). Въ теченіе вѣка все громче и громче раздавались голоса, повторявшіе, что логика перестала быть только діалектикой, словеснымъ искусствомъ аргументировать, умѣніемъ выводить истины, заключенныя въ другихъ истинахъ или нерѣдко, какъ у метафизиковъ, въ томъ, что произвольно признавалось за истину, а стала логикой въ дѣйствіи, искусствомъ добывать новыя истины непосредственно изъ дѣйствительности. Съ той поры ея содержаніе стало все болѣе и болѣе отождествляться съ изученіемъ общихъ методовъ наукъ (*Сенебье* [1]), *Контъ, Гершель, Д. С. Милль, Бэнъ, Джевонсъ, Минто, Пирсонъ*). Въ этой новой логикѣ, современной біологіи, показавшей свою гибкость и разносторонность въ примѣненіи разнообразнѣйшихъ методовъ раскрытія истины, должно быть отведено почетное мѣсто. Съ другой стороны, ея изученіе можетъ доставить значительное удовлетвореніе и тому, что *Пирсонъ* удачно называетъ *эстетическимъ сужденіемъ*, т.-е. присущей, въ той или иной формѣ, каждому человѣку потребности въ стройномъ обобщеніи своихъ воззрѣній.

„Эстетическое сужденіе“ вѣковъ вѣры могло удовлетвориться, по отношенію къ основной задачѣ біологіи, поэтическимъ представленіемъ, на ихъ исходѣ воплощеннымъ геніемъ Микель-Анджелло, въ мощный образъ духа, несущагося надъ землей, простирая надъ ней свою властную длань, изъ-подъ которой брызнула жизнь. Но это эстетическое сужденіе—конечно, уже не могли удовлетворить метафизическія хитросплетенія, пытавшіяся примирить поэтическое творчество дѣтства съ трезвымъ опытомъ болѣе взрос-

---

[1]) Любопытно, что въ старыхъ шотландскихъ университетахъ существовали каѳедры „исторіи, гражданской и естественной“, очевидно, по примѣру классификаціи Бэкона, сопоставлявшаго эти отрасли знанія, въ его время, кромѣ названія, не имѣвшія ничего общаго.

[2]) Въ его интересной книгѣ Grammar of Science—Грамматика наукъ. Вступительная глава этой книги переведена мною подъ заглавіемъ *Наука и обязанности гражданина*. Москва, 1905.

[1]) Я уже много лѣтъ тому назадъ указывалъ на эту сторону дѣятельности *Сенебье* и только недавно встрѣтилъ признаніе ея въ интересной книгѣ *Гюнтера*. Geschichte der Anorganischen Wissenschaften im XIX Iahrhundert.

лаго возраста человѣчества,—какая-нибудь теорія отдѣльныхъ творческихъ актовъ, столь же безчисленныхъ, какъ несмѣтно число видовыхъ формъ, со всемогущимъ творцомъ, связаннымъ въ своемъ творчествѣ какими-то „планами творенія“ или „профетическими типами“, вынужденнымъ каждый разъ отправляться отъ той же исходной точки, и даже безсильнымъ стереть слѣды строеній, утратившихъ значеніе, неизмѣнно повторяя ихъ въ формѣ остаточныхъ органовъ, орудій безъ отправленія и смысла [1]). Но возмужалое „эстетическое сужденіе“ „вѣка науки“ можетъ вновь найти удовлетвореніе этому, присущему человѣческому разуму, стремленію къ постижимому, объединяющему, простому, признавъ, что „есть величіе въ томъ воззрѣніи, по которому“, „между тѣмъ какъ наша планета продолжаетъ описывать свой путь, согласно неизмѣннымъ законамъ тяготѣнія, изъ столь простого начала [2]) возникли и продолжаютъ возникать формы изумительнаго совершенства и красоты“. Этими заключительными словами своей безсмертной книги великій мыслитель, конечно, хотѣлъ дать понять, что то дѣло, которое было начато его великими предшественниками XVI и XVII вѣковъ въ области астрономіи, на его долю выпало продолжать въ XIX, въ біологіи. По отношенію къ движенію всего органическаго міра, отрицаемому до половины вѣка, какъ отрицалось когда-то движеніе нашей планеты, біологія устами Дарвина сказала свое побѣдное è pur si muove. Въ этомъ смыслѣ знаменитый физикъ, слова котораго были приведены въ началѣ этого очерка, конечно, имѣлъ право назвать XIX вѣкъ вѣкомъ Дарвина.

---

[1]) Я считалъ излишнимъ знакомить читателя съ новѣйшими продуктами схоластической метафизики въ родѣ взятыхъ на прокатъ у Аристотеля *энтелехій* (Дриша) или выдаваемыхъ за новое изобрѣтеніе *доминантъ* (Рейнке). Лучшій образецъ метафизической діалектики и ея лебединую пѣснь мы видѣли въ словахъ I. Мюллера.

[2]) Естественнаго отбора и его предпосылокъ.

Библіографія.

Глава I.

Третья республика.

Документы.—1. Парламентскіе документы: *Comptes rendus des débats des Chambres* и *Annexes* (*enquêtes, rapports, budgets, projets de loi*), напечатанные въ *Journal officiel* и воспроизведенные въ *Annales de l'Assemblée nationale* (до 1876 г.), *de la Chambre, du sénat;*—2. Газеты и журналы; перечислены у Schultz, *Catal. méthod. des revues et iournaux* (1893). Для справокъ удобны ежегодные обзоры: Daniel, *Année politique,* съ 1876 г., *Annual register, Schulthess' Europ. Geschichtskalender.*

Есть нѣсколько изданій мемуаровъ, особенно объ эпохѣ до 1880 г.: J. Simon, *Le gouvernement de M. Thiers,* 1879.—H. Pessard, *Mes petits papier,* 1887—1888.—Chesnelong, *La campagne monarchique d'octobre 1873,* 1895.—E. Daudet, *Trois mois d'histoire contemporaine,* 1873. Всѣ они даютъ лишь второстепенныя детали.

Книги.—Maxime Du Camp, *Les convulsions de Paris,* 5 т., 1878—1879, очень консервативно и мало провѣрено.— Lissagaray, *Histoire de la Commune,* изд. 1896 г., сторонникъ коммуны.—Наиболѣе критическая работа—Fiaux, *Histoire de la guerre civile de 1871,* 1879.

Mathieu-Bodet, *Les finances françaises de 1870 à 1878,* 2 т., 1881.—Amagat, *Les finances françaises,* 1889.

A. Lebon, *Das Staatsrecht der franz. Republik,* 1886 (въ коллекціи Марквардсена).—Block, *Dictionn. de l'administration franç.,* 3-е изд., 1891.

Изъ общихъ историческихъ обзоровъ можно указать только популярныя сочиненія. Самое крупное—E. Zévort, *Histoire de la 3-e République,* 4 т., 1896—1900.

Глава II.

Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи.

Относительно *парламентскихъ матеріаловъ* и *оффиціальныхъ изданій* см. періодическіе каталоги книгоиздательствъ Eyre and Spottiswoode и P. S. King and Sons въ Лондонѣ. Въ *Statesman's Jear-Book* (Лондонъ, Macmillan) съ 1867 г., in-8, указываются важнѣйшія изъ этихъ изданій, вышедшія за годъ, равно какъ и главныя книги о Великобританіи. Чтобы составить себѣ полную библіографію, надо выписать періодическіе каталоги главныхъ лондонскихъ книгоиздательствъ. Статьи изъ англійскихъ журналовъ отмѣчаются и анализируются въ *Review of Reviews* (съ 1890). Изъ газетъ *Times* (консерват.) печатаетъ парламентскія пренія (съ рисунками) и даетъ статьи и корреспонденціи, очень полезныя для справокъ; *Daily Chronicle* является органомъ радикальнаго либерализма.—Въ *Annual Register* (консерват.) подробно излагаются важнѣйшія событія каждаго года.

Общая исторія.—J. Mac Carthy, *A history of our own times... to the general election of 1880,* франц. пер. въ 5 т., 1885, и продолженіе подъ заглавіемъ: *A history... to the Diamond Jubilee,* Лондонъ, 1897, in-8 (сочиненіе крайне неполное вопреки своей большой извѣстности: авторъ—ирландскій націоналистъ).—Ch. Seignobos, *Histoire politique de l'Europe contemporaine,* Парижъ, 1897, in-8.—Th. H. Ward, *The reign of Queen Victoria,* Лондонъ, 1887, 2 т., in-8, собраніе монографій.

Біографіи.—Англійскія біографіи очень многочисленны и часто обработаны серьезно. Сравн. *Dictionary of National Biography,* Лонд., издаю-

щійся съ 1885 г., очень полный, очень надежный, съ хорошей библіографіей.— *Statesmen's series*, Лондонъ, Allen; *The Prime Ministers of Queen Victoria*, Лондонъ, S. Low., двѣ біографическія серіи, составленныя различными авторами.—**Cucheval-Clarigny**, *Lord Beaconsfield et son temps*, Парижъ, 1880, in-16.—**Augustin Filon**, *Profils anglais*, Парижъ, 1898, in-18 (нѣсколько стилизовано).

Парламентская исторія.—**Franqueville**, *Le gouvernement et le parlement britanniques*, Парижъ, 1887, 3 т., in-8, очень полное и очень ясное изложеніе избирательной реформы.—**Reynaert**, *Histoire de la discipline parlementaire*, Парижъ, 1884, 3 т., in-8, интересно для исторіи обструкціи и прекращенія преній.—**Alpheus Todd**, *On parliamentary government in England*, 2-е изд., 1887—89, 2 т., in-8.—Въ *Revue politique et parlementaire*, Парижъ, съ 1894 г. печатаются корреспонденціи объ англійской парламентской жизни.

Мѣстное управленіе.—**I. Arminjon**, *L'administration locale en Angleterre*, Парижъ, 1896, in-8.—**E. Chevallier**, *La loi des pauvres et la société anglaise*, Парижъ, 1895, in-8.—**A. Shaw**, *Municipal government in Great Britain*, Нью-Іоркъ, 1896, in-8 (рус. пер.).—**Maurice Vauthier**, *Le gouvernement local de l'Angleterre*, Парижъ, 1896, in-8.—О муниципальномъ соціализмѣ см. **C. Hugo**, *Städte-Verwaltung und Munizipal-Socialismus in England*, Штутгартъ, 1897, in-16 (рус. пер.), брошюры *Fabian Society* и *London Reform Union*, газету *London* и *Municipal Jear Book*, Лондонъ, in-8.

Ирландія.— **Ph. H. Bogenal**, *The american Irish and their influence on irish polities*, Лондонъ, 1881, in-8 (съ точки зрѣнія англ. консерватизма).—**F. de Pressensé**, *L'Irlande et l'Angleterre depuis l'Acte d'Union jusqu' à nos jours*, Парижъ, 1889, in-8.

Экономическая и соціальная исторія.—**Jeans**, *England's Supremacy*, франц. пер. *La Suprématie de l'Angleterre*, Парижъ, 1887, in-8.—**Koenig**, *Die Lage der englischen Landwirthschaft*, Іена, 1896, in-8, по оффиц. докум.—**A. Métin**, *Le socialisme en Angleterre*, Парижъ, 1897, in-18 (рус. пер.).—**P. de Rousiers**, *La question ouvrière en Angleterre*, Парижъ, 1895, in-8, собраніе интересныхъ монографій; *Le trade-unionisme en Angleterre*, Парижъ, 1897, in-18, монографіи, составленныя на основаніи коллективной анкеты.— **B. et S. Webb**, *Histoire du trade-unionisme*, франц. пер., Парижъ, 1897, in-8, лучшее изслѣдованіе по исторіи рабочаго движенія и демократіи въ Англіи.—**Von Schulze-Gaevernitz**, *Крупное производство...* рус. пер. Спб. 1897.—**H. D. Traill**, *Social England*, т. VI, Лондонъ, 1897, in-8, собраніе обобщающихъ монографій (рус. пер.).— Доклады и протоколы *Royal Commission on Labour* (1891—94) и *R. C. on Agriculture* (1891—95).—*What to Read*, библіогр., изданная Фабіанскимъ обществомъ, Лондонъ, 2-е изд., 1896.—*Labour Annual*, изд. J. Edwards'омъ съ 1895 г., Ливерпуль.

Національная оборона.—**Clarke and Thursfield**, *The Navy and the Nation*, Лондонъ, 1897, in-18.—(Ген.-маіоръ) **Maurice**, *National Defences*, Лондонъ, 1897, in-8.

Глава III.

Британскія колоніи.

Для составленія полной библіографіи современной эпохи нужно было бы имѣть подъ руками каталоги главныхъ англійскихъ книгоиздательствъ и оффиціальныхъ изданій Оттавы, Сиднея и главныхъ городовъ колоній. Для практическихъ надобностей слѣдуетъ пользоваться *Statesman's Jear-Book*'омъ (общая библіографія, *Review of Reviews* (указаніе и разборъ журнальныхъ статей за послѣднія 15 лѣтъ), *National Biography* (біографіи ген.-губернаторовъ, съ библіографіей) и т. п. Ниже указываются лишь немногія сочиненія, которыя особенно интересны или которыя легко можно достать.

Общія сочиненія.—Федерація.—**Sir Ch. Dilke**, *Problems of Greater Britain*, Лондонъ, 1890, 2 т., in-8; статья въ *Revue de Paris* отъ 1 января 1898.—**Pierre Leroy-Beaulieu**, *Les nouvelles sociétés anglo-saxonnes*, Парижъ, 1897, in-18 (точка зрѣнія стараго либерализма).— **G.-R. Parkin**, *Imperial Federation, the problem of national Unity*, Лондонъ, 1895, in-8.—**A. Todd**, *Parliamentary Government in the British colonies*, 2-е изд., Лондонъ, 1894, in-8.—*Story of Empire Series*, Лондонъ, in-8, рядъ небольшихъ исторій отдѣльныхъ колоній.

Канада.—**J.-P. Bourinot**, *Canada*, Лондонъ, 1896, in-8, краткій истор. очеркъ,—стоитъ выше сочиненія **W.-P. Greswell**, Лондонъ, 1890, in-8.—**G.-M. Grant**, *Picturesque Canada*, Toronto, 1884, 2 т., in-4, съ великолѣпными гравюрами.—**Ch. Lindsey**, *Rome in Canada..*, Торонто, 1889, in-8.—**G.-R. Parkin**, *The great Dominion; Studies in Canada*, Лондонъ, 1895, in-8 (собраніе корреспонденцій).

Австралазія.—**E. A. Coghlan** (завѣдующій статистикой въ Новомъ Уэльсѣ), *A statistical account of the seven colonies of Australasia*, Сидней, in-8 (выходитъ съ неправильной періодичностью).—Въ *Review of Reviews* разбирается и указывается большая часть многочисленныхъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ, о демократіи и соціальныхъ реформахъ въ Австралазіи. См. кромѣ того

сборники и журналы по рабочему законодательству.

Англійскія владѣнія въ Африкѣ.—G. Aubert, *L'Afrique du Sud*, Парижъ, 1897, in-8 (статистика).—Mermeix, *Le Transvaal et la Chartered*, Парижъ, 1897, in-18, наиболѣе безпристрастный французскій отчетъ о конфликтѣ 1896—97.—Различныя сочиненія F.-R. Statham'a.—О Родезіи и войнахъ съ матабелами—многочисленныя сочиненія офицеровъ и добровольцевъ: Baden-Powell (1896), Leonard (1896), Plumer (1897), Sykes (1897), и др.—О раздѣлѣ Африки—по-французски—V. Deville, по-англ.—Scott Keltie, *The partition of Africa*, Лондонъ, 1898 (рядъ изданій).

Индія.—Сочиненія B.-H. Baden-Powell'я доказываютъ, вопреки гипотезамъ Сёмкеръ Мэна и Лавелэ, что сельская община возникла сравнительно недавно и не распространена повсемѣстно.—A. Chevrillon, *Dans l'Inde*, Парижъ, 1889, in-18 (впечатлѣнія туриста).—James Darmesteter, *Lettres sur l'Inde: A la frontière afghane*, Парижъ, 1888, in-18.—Маркизъ de Dufferin, *Quatre ans aux Indes anglaises. Notre vice-royauté...* 1884—88, франц. пер., Парижъ, 1898, 2 т., in-18.—Lord Roberts, *41 years in India from subaltern to commander in chief*, Лондонъ, 1867, 2 т., in-8.—Sir John Strachey (бывш. индійскій министръ финансовъ), *L'Inde*, франц. пер., Парижъ, 1893, in-8.

Глава IV.

Австро-Венгрія.

Библіографія современной исторіи Австро-Венгріи, исключая оффиціальныхъ документовъ, вся разбросана по газетнымъ и журнальнымъ статьямъ. Обобщающій характеръ носитъ только работа Rogge, *Oesterreich seit der Katastrophe Beust-Hohenwart*. 2 т., которая останавливается на 1879 г. и отличается тѣми же недостатками, какъ и предыдущіе три тома, преимущественно сбивчивостью. Мы ограничиваемся здѣсь указаніемъ только главныхъ справочныхъ изданій и нѣсколькихъ трудовъ по важнѣйшимъ вопросамъ. Путемъ справокъ въ этихъ изданіяхъ и трудахъ можно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ составить себѣ нужную библіографію.

Оффиціальные документы: протоколы Делегацій, рейхсрата, венгерскаго парламента, австрійскихъ сеймовъ (особенно чешскаго, галиційскаго, нижне-австрійскаго, штирійскаго), хорватскаго сейма.— Оффиціальная статистика, австрійская и венгерская; оффиціальныя анкеты министерства торговли, напримѣръ, 1898 года о состояніи австрійской промышленности, 1898 года—о проектѣ венгерскаго автономнаго таможеннаго тарифа.

Газеты: нѣмецко-либеральная *Neue Freie Presse*; клерикально-феодальная *Vaterland*; христіанско-соціалистическая *Deutsches Volksblatt*; нѣмецко-національная *Ostdeutsche Rundschau*; соціалистическая *Arbeiter-Zeitung* (всѣ въ Вѣнѣ); младо-чешская *Národni Listy* и старо-чешская *Politik* въ Прагѣ; *Czas* польско-консервативная въ Краковѣ; оффиціозная либеральная *Pester Lloyd*, клерикальная *Magyar Allám* и радикальная *Egyetertés*—въ Пештѣ.—Много интересныхъ корреспонденцій изъ Австро-Венгріи въ нѣмецкихъ газетахъ, особенно во *Frankfurter Zeitung* и *Kölnische Zeitung*.

Журналы: *Cas, Naše Doba, Osvěta* въ Прагѣ; *Die Zeit, Wage, Deutsche Worte* въ Вѣнѣ; *Ungarische Revue* въ Пештѣ; *Kroatische Revue* въ Аграмѣ; *Preussische Jahrbücher, Die Nation* въ Берлинѣ; *Die Neue Zeit* въ Штутгартѣ. Во всѣхъ крупныхъ нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ есть статьи о выдающихся событіяхъ австрійской и венгерской жизни (см. указатели этихъ журналовъ; мы не приводимъ здѣсь заглавія этихъ статей). По-французски много политико-экономическихъ статей объ Австріи и Венгріи въ *Revue d'économie politique*; въ *Revue politique et parlementaire* можно найти точную и довольно безпристрастную политическую хронику и нѣсколько статей по существу. Въ *Revue des Deux Mondes* за 1897 и 1898 см. статьи Ch. Benoist, La monarchie *austro-hongroise et l'équilibre européen*; въ *Revue de Paris* за 1894.—Horn, *Le mariage civil en Hongrie*, и Gaidoz, *Les serbes de Hongrie*, за 1897.—*La crise austro-hongroise*, за 1898.—Kramár, *L'avenir de l'Autriche* и Cramaussel, *En Transylvanie*.

По вопросу о національностяхъ—важнѣйшему изъ всѣхъ—полезны для справокъ: Hainisch, *Die Zukunft der Deutsch-Oesterreicher*, 1892.—*Herkner*, то же заглавіе, 1893.—T. G. Masaryk, *Ceská otázka* и *Naše nynější krise*, 1895.—*Die Reichsrathswahlen in Ostgalizien i J. 1897*, Вѣна, 1898 (русинскаго происхожденія).—Madeyski, *Die Nationalitätenfrage*, 1898; *Die deutsche Staatssprache*, 1883.—Брошюры Эдуарда Грегра объ участіи въ рейхсратѣ, 1879.—Kramár, *Das böhmische Staatsrecht*, 1896.—Menger, *Der böhmische Ausgleich*, 1891.—Объ австрійской избирательной реформѣ: V. Adler, *Das allgemeine, gleiche, direkte Wahlrecht*, 1893.

Объ экономическихъ и соціальныхъ движеніяхъ: Waentig, *Gewerbliche Mittelstandspolitik*, 1898.—Rauchberg, *Die Bevölkerung Oesterreichs auf Grund der Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dez. 1890*, 1895;—протоколы ежегодныхъ соціалистическихъ конгрессовъ;—серія брошюръ, издаваемыхъ въ Вѣнѣ Брантомъ подъ заглавіемъ: *Socialpolitische*

Flugschriften.—Часть сочиненій, указанныхъ въ предыдущемъ томѣ, относятся и къ этому періоду; таковы труды Андраши, Ауэрбаха, Бексича, Кронеса, Тецнера, Ульбриха.

Глава V.

Швейцарія.

Къ указаннымъ въ т. I стр. 315 и въ т. IV стр. 307, слѣдуетъ прибавить: *Histoire Suisse*, соч. **Morin**, Женева, 1856, 3 т., in-12.—Кромѣ того: **Oechsli**, *Bausteine zur Schweizergeschichte*, Цюрихъ, 1890, in-8.—**Rambert**, *Etudes historiques*, Лозанна, 1889, in-12.—**Mulinen**, *Prodromus einer Schweizer Historiographie*, Бернъ, 1874, in-8.—**Hilty**, *Constitutions fédérales*, Невшатель, 1891, in-8.—**Baumgarten**, *die Schweiz v.* 1830—1850, Цюрихъ, 1868, 4 т., in-8.—**B. Bulle**, *Geschichte der neusten Zeit*, 1888.—**Его же**, *Kampf der Eidgenossen gegen. Jesuitismus und Sonderbund*, Солотурнъ, 1848, in-8.—**Siegwart-Muller**, *Joseph Leu v. Ebersoll*, Альтдорфъ, 1863, in-8.—**Bruntschli**, *Der Sieg des Radicalismus*, Шафгаузенъ, 1850, in-8.—**Crétineau-Joly**, *Histoire du Sonderbund*, Парижъ, 1850, 2 т., in-8.—**Dufour**, *Campagne du Sonderbund et évenements de* 1856, Парижъ, 1876, in-8.—**Elgger**, *Luzerns Kampf gegen den Radicalismus*, Шафгаузенъ, 1850, in-8; другія сочиненія по конституціи 1848 г., см. т. IV, стр. 307.—**Hottinger**, *Neuenburg und seine geschichtliche Verhältnisse zur Schweiz und Preussen*, 1853.—**Schulze**, *Die staatsrechtliche Stellung des Fürstentums Neuenburg*, Іена, 1854.—*Mémoires de* **Bismark**, **Cavour**, **Ernest II de Cobourg**.—**Escher**, *Memorabilia Tigurina*, 1850—1860.—**J.-C. Kern**, *Souvenirs politiques*, Бернъ, 1887.—**Rustow**, *Der italienische Krieg von 1859*, Цюрихъ, 1860.—**Gonzenbach**, *La Suisse et la Savoie, considérées dans leurs relations de neutralité*, Лозанна, 1860, in-12.—**Vulliemin**, *La Suisse dans la question de Savoie*, Парижъ и Лозанна, 1860.—**Clossmann**, *Die Savoyerfrage vom europaeischen Standpunkt*, Бернъ, 1860.—**Hornung**, *Un mot sur la question de Savoie*, Женева, 1860.—**De la Rive**, *Le droit de la Suisse*, Женева, 1860.—**Schweizer**, *Die Schweizerische Neutralität*, Фрауэнфельдъ, 1895, in-8.—**Simon Kaiser**, *Untersuchungen über die Neutralität der Schweiz*, 1894.—**Sidney Schopfer**, *Le principe juridique de la neutralité*, Лозанна, 1894.—**Secretan**, *L'armée de l'Est*, 1894.—**Davall**, *Les troupes françaises internées en Suisse*. Докладъ, сдѣланный союзному военному департаменту. Бернъ, 1873, in-4.—**Bluntschli**, *Biographie Herzogs (Neujahrsblatt*, 1895.)—**Adams** и **Cunningham**, *La Confédération suisse*, Женева, 1890. in-8.—*La Suisse au XIX s.*, выпущено Сейппелемъ, Лозанна, 1898, in-4. Бѣглый историческій обзоръ сдѣланъ **Нумой Дрозомъ**.—**Gavard**, *Histoire de la Suisse au XIX s.*, Шо-дефонъ, 1898, in-4.—**Oechsli**, *Geschichte der Schweiz im XIX. Jahrh.*, Лейпцигъ.—**Bluntschli**, *Aus meinem Leben*, Нордлингенъ, 1884, 3 т., in-8.—**H. Escher**, *Erinnerungen*, Цюрихъ, 1867, in-12.—**Baechtold**, *G. Kellers Leben*, Берлинъ, 1894—1897, 3 т., in-8.—**Rambert**, *Alex. Vinet*, Лозанна, 1875, in-8.—**De Crue**, *Génève et la société de lecture*, 1896, in-8.—**Henri Fazy**, *James Fazy*, Женева, 1887, in-8, и *Les constitutions de Génève*, 1890, in-8.—**Secretan**, *Galerie suisse*, Лозанна, 1873—1880, 3 т., in-8.—Соч. по исторіи швейцарск. литерат. **Бехтольда, Росселя** и **Годэ**.—**Van Muyden**, *Histoire de la nation suisse*.—*Abschiede*, 1814—1848, обнарод. Фетчериномъ, 1874—1876, 2 т., in-4.—*Feuille fédérale*, Бернъ, 1849, и слѣд.—*Neue Zürcher Zeitung*, *Bund*, *Journal de Genève*, *Gazette de Lausanne*, и друг. швейцарскіе журналы.—*Archiv der Schweizerischen Geschichte*, Цюрихъ, 1843, и слѣд.—*Quellen zur Schweizer Geschichte*, Базель, 1877 и слѣд.—*Indicateer d'antiquités suisses*, Цюрихъ, 1855 и слѣд.—*Indicateur d'histoire suisse*, Бернъ, 1870 и слѣд.—*Jahrbuch für Schweizerische Geschichte*, Цюрихъ, 1877 и слѣд. *Mémoires de la Société d'histoire de la Suisse romande*, Лозанна, 1838 и слѣд.—*Mémoires de la Société d'histoire de Genève*, Женева, 1838 и слѣд.—*Bibliothèque universelle*, Лозанна; *Revue historique vaudoise* и другія мѣстныя обозрѣнія, *Chroniques*, *Annales politiques*, *Etrennes*. и проч.

Глава VI.

Королевства Бельгія и Голландія. Великое герцогство Люксембургское.

Бельгія.—Среди парламентскихъ документовъ, *Enquête scolaire de* 1881 (составлено подъ сильнымъ клерикальнымъ вліяніемъ) и *Rapports de* 1883, Брюссель, 1881—83, 4 т.—См. ниже слѣд. главные журналы: *L'indépendance belge*, *L'Etoile belge*, *La Réforme* (прогрессивн. органъ), *Le Peuple* (соціалист. орг.), *Le Journal de Bruxelles* (органъ католъ.), *Courrier de Bruxelles* (ультрамонтанск. орг.).—Среди обозрѣній можно указать *Revue sociale et politique* (рад.-соціалист. орг.), Revue générale (катол. орг.).—**L. Arnaud.**, *La révision belge*, 1890.—93, Парижъ, 1894, in-18.—**E. Bernimolin**, *Les institutions provinciales et communales de la Belgique*, Брюссель, 1891—92, 2 т., in-8.—**L. Demarteau**, *Histoire de la dette publique belge*, 1886, in-4.—**C. Frère**, *La dette publique belge de* 1830 à 1882, Брюссель, 1884.—**E. de Laveleye**

(либ.), *Le parti clérical en Belgique,* Брюссель, 1874.—Émile Vandervelde (деп. соціалистъ), *Enquête sur les associations professionnelles d'artisans et d'ouvriers en Belgique*, Брюссель, 1892, 2 т., in-8.—Его же и Destrée (деп. соціалистъ). *Le Socialisme en Belgique,* Парижъ, 1898, in-18.—P. van Nerom, *Les lois ouvrières et sociales en Belgique,* Брюссель 189,—in-8. — Ch. Woesle (ультрамонтанъ), *Vingt ans de polémique,* Брюссель, 1890, in-8 (сборникъ статей и рѣчей).

Нидерланды. — Nuyens, *Geschiedenis van het Nederlandschen Volk van* 1815, 4 т., 1883—86.—F. de Bosch-Kemper, *Geschièdenis van Nederland na* 1830, 5 т., 1873—82.—Hartog, *das Staatsrecht des Königr. Niederlande,* 1886. (Собр. Маркардсенъ).

Люксембургъ. — Eyschen, *Das Staatsrecht des Gross-Herzogthums Luxemburg,* 1890. (Собр. Маркардсенъ).

Глава VII.

Скандинавскія государства.

По исторіи скандинавскихъ государствъ для современнаго періода нѣтъ сколько-нибудь законченныхъ трудовъ: мы можемъ только отослать къ общимъ трудамъ, указаннымъ въ прежнихъ томахъ настоящей исторіи; нѣкоторые изъ нихъ восходятъ къ началу періода, разсмотрѣннаго въ настоящей главѣ. Справки можно найти въ статьяхъ періодическихъ, а также въ ежегодникахъ, а именно въ англійскомъ *Annual Register,* въ нѣмецкомъ, Schulthess, *Europäischer Geschichtskalender,* и въ французскомъ, *La vie politique à l'étranger,* выходившемъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.—Брошюры по исторіи сканд. госуд. до того многочисленны, что нѣтъ возможности перечислить даже главнѣйшія: впрочемъ, въ общемъ онѣ не представляютъ никакого историческаго интереса. Можно рекомендовать и энциклопедическія статьи, въ особенности Nordisk familjelbok (Стокгольмъ, 18 т., in-8), какъ для названій странъ, такъ и для спеціальныхъ словъ, какъ напр., *landtmannaparti, kompromiss* и т. п.

Глава VIII.

Италія.

Общей исторіи для этого періода нѣтъ. Однако изложеніе событій въ хронологическомъ порядкѣ можно найти у Rinaudo (C.), *Cronologia italiana dal 1869 al 1879,* Туринъ, 1897, и отчеты съ парламентской точки зрѣнія у Ruiz (G.), *Storia constituzionale dei Regno d'Italia,* 1848 — 1898, Флоренція, 1898. Можно пользоваться также политическими статьями *Nuova Antologia* и ежегодныя книжки *Annual Register, Europäischer Geschichtskalender* Schulthess и *Politische Geschichte der Gegenwart.*

Сочиненія по внутренней исторіи.—V. Bersezco, *Il Regno de Vittorio-Emanuele* II (t. VII) останавливается на 1878 г. Petruccelli della Gattina (1880), *la Storia dell'idea* italiana (t. II).—E. de Laveleye, *Lettres d'Italie* (1880) и *Nouvelles lettres d'Italie* (1884) содержатъ любопытныя подробности, касающіяся политическихъ нравовъ; финансовую исторію Италіи можно найти у Cucheval-Clarigny въ *Les Finances de l'Italie* (1866—1885), 1885 г. и у I. Sachs, *L'Italie, Ses finances.* (1859 — 84), 1885.

Сочиненія по внѣшней исторіи. — Chiala (L.), *Pagine di Storia contemporanea,* 1858—1897, 3 т., представляетъ полную исторію внѣшней политики Италіи до 1897 г.—По тунисскому вопросу: *Les préliminaires du traité du Bardo* (Анналы Свободной Школы политическихъ наукъ, 15 іюля 1893); по ирредентистскому вопросу, Brachet (Aug), *L'Italie qu'on voit, et l'Italie qu'on ne voit pas,* Парижъ 1883; по колоніальному вопросу, Golajani (N.) *Politica coloniale,* Палермо, 1891.

Сочиненія по позднѣйшей исторіи Италіи:— Brunialti; *La Costituzione italiana,* Туринъ, 1881,— *Brusa, Staatsrecht des K. Italien,* 1890 (сборн. Маркардсена).—Fischer, *Italien und die Italiener,* Берлинъ, 1899.—Ottonieri (F), *L'Italia presente ed i suoi fati,* Римъ, 1897.—L'Italie (коллективн. трудъ), Парижъ, *Larousse,* 1896.

Глава IX.

Испанія и Португалія.

Испанія.—Политическая исторія: Conde de la Almena, *La politica de la regencia,* Мадридъ, 1886.— Anonyme, *Episodios contemporaneos,* Кадиксъ, 1895.— Bermejo, *Historia de la interinidad y de la ultima guerra civil desde* 1868, Мадридъ, 1876, 3 т.— Borrego, *España ante Europa* (*Revista hispano-americana,* 1-го сент. 1881).—Buisen y Tomaty, *La nueva monarquia y el nuevo rey,* Мадридъ, 1876.— Caso, *La question Cabrera,* Мадридъ, 1875.—Castelar, *Historia del movimiento republicano en Europa,* Мадридъ, 1873—74, 2 т.; его же *Europa en el ultimo trienio,* Мадридъ, 1883; его же *Historia del año* 1883, Мадридъ, 1884; его же *Historia del año* 1884, Мадридъ, 1885.—Diez de Tejada,

Historia de la restauracion, Мадридъ, 1879.—**Fernandez Herrero**, *Historia de las germanias de Valencia, y breve reseña del levantamiento republicano de* 1869, Мадридъ, 1870.—**Houghton**, *Les origines de la restauration des Bourbons en Espagne*, Парижъ, 1890. — **Lopez Dominguez**, *San Pedro de Abanto y Bilbao, operaciones del ejercito del Norte, mandado por el capitan general duque de la Torre en* 1874, Мадридъ, 1876; **его же** *Memoria y comentarios sobre el sitio de Cartagena*, Мадридъ, 1877; **его же** *Narracion militar de la querra carlista* de 1869 à 1876 *por el cuerpo de Estado—mayor del ejercito*, Мадридъ, 1883, 14 т. — **Oliver (Antonio)**, *Dorregaray y la traicion del centro, apuntes para la historia de la ultima guerra civil*, Байонна, 1876.—**Pirala (Antonio)**, Historia contemporanea (1843—1875); **его же** *El rey en Madrid'y en provincias*.—**Polavieja**, *Mi mando en Cuba*, Мадридъ, 1896.—**Pi y Margall**, *Amadeo de Saboya*, Мадридъ, 1884.—**Prugent**, *Los hombres de la restauracion*, Мадридъ, 1880—81, 2 т. in-4.—**Raamonde y Ortega**, *Memoria de los servicios prestados por la marina de guerra en la campaña del Norte*, Мадридъ, 1878.— **Reyes y Mesa**, *Refutacion a las aseveraciones erroneas hechas por el teniente general D. Manuel Pavia Rodriguez de Albuquerque, en un libro titulado „Ejercito del centro"*, Мадридъ, 1878. — **Sanchez Ortiz y Barastegui** *(los Señores)*, *Las primeras camaras de la Regencia*, Мадридъ, 1886.—**La Serna**, *La Restauracion y el rey en el ejercito del norte*, Мадридъ, 1876.—**Serrano-Bedoya (D. Francisco)**, *El general enjefe del ejercito del centro, y el ministro de la guerra durante el mes de setiembre de* 1874, Мадридъ, 1878.—**Sociats y Colls**, *La marina militar*, Валенція, 1886.—**Tebar y Olmedo**, *Las segundas Cortes de la Restauracion. Semblanzas parlamentarias*, Мадридъ, 1879.—**Valera (D. Juan)**, *Historia de España por D. Modesto Lafuente, continuada hasta nuestros dias*, Барселона, 1890.

По исторіи учрежденій:—**Andreu y Serra**, *Procedimiento electoral en España*.—**Alos de Berenguer**, *Discurso sobre el estado religioso de España en relacion con la enseñanza popular catolica*.—**Girona (D. Manuel)**, *Arreglo, unificacion y extincion completa de la deuda publica en España*, Барселона, 1880.—**Martinez Alcubilla**, *Diccionario de la administracion española, peninsular y ultramarina*, Мадридъ, 1868—70, 12 т.—**Montoliu**, *D. Alfonso o D. Carlos. Estudio historico legal acerca del derecho de sucesion a la corona de España*, Барселона, 1876.—**Prat de la Riva y Montanyola** (Los Señores), *Compendi de la doctrina catalanista*, Барселона.—**Permonyer y Ayats**, *Necesidad de que la vida juridica de Cataluña sea catalana en todas sus esferas y manifestaciones, cuolesquiera que sean las consecuencias*, Барселона, 1896.—**Pi y Margall**, *Los luchas de nuestras dias*, Мадридъ, 1884.—**Ruiz Miyares**, *Geografia comercial o sea finanzas, comercio e industria de España y sus colonias*, Барселона, 1884.—**Sanchez**, *Novedad e ilegitimidad del carlismo*, Мадридъ, 1886.—**Torras y Bages**, *La tradició catalana, estudic del valor etich y racional del regionalismo català*, Барселона, 1892.—**Zugasti**, *El bandolerismo, estudio social y memorias historicas*, Мадридъ, 1880. **Его же** *L'Espagne: politique, littérature, armée et marine, justice, enseignement*, économie, *ethnographie, colonies, beaux-arts, la cour, la société*, Парижъ, 1900.—**G. Routier**, *L'industrie et le com. de l'Esp.*, Парижъ, 1901; *L'Espagne en* 1897, Парижъ, 1897.—*Los frailes Filipinos por un Español que ha residido en aquel pais*. Madrid, 1898, (сочиненіе весьма благосклонное къ монахамъ, представляетъ нѣсколько интересныхъ документовъ).—**F. Tarrida del Marmol**, *Les inquisiteurs d'Espagne. Montjuich, Cuba, Philippines*, Парижъ, 1897.—**Bendemann**, *Der Seekrieg zwischen Spanien und den Wereinigten Staaten von Nord Amerika* (Militär Wochenblatt, 1899).—**Pluddemann**, *Der Krieg um Cuba*, Берлинъ, 1899.—**Atkins**, *The war in Cuba*, 1902.—Капит. **Ch. Bride**, *La guerre hispano-américaine de* 1898, Парижъ, 1899.—**Arderius**, *La escuadra española en Santiago de Cuba*, Мадридъ, 1903.—*Hispania fuit? reflexiones dolorosas y provechosas*, Мадридъ, 1899.—**A. T. Mahan**, *Guerre hispano américaine* (франц. перев.), Парижъ, 1902.—**Madrazo**, *El pueblo español ha muerto?* Мадридъ, 1903.—**R. Altamira y Crevea**, *Psicologia del pueblo español*, Барселона, 1903.—**A. Posada**, *Socialismo y reforma social*, Мадридъ, 1904.—Каталанскій вопросъ былъ предметомъ изученія въ рядѣ монографій, обнародованныхъ *La Lectura*, научно-художественнымъ журналомъ, издающимся въ Мадридѣ (янв. 1902).

Португалія.—**Adam** (M-me Juliette), *La patrie portugaise*, Парижъ, 1896.—**Aranha**, *Subsidios paraahistoria do jornalismo nas provincias ultramarinas, portuguezas*, Лиссабонъ, 1879, 2 т.—**Bark**, *Wanderungen in Spanien und Portugal* (1881—83), Берлинъ, 1883.—**Crawford**, *Old and new Portugal*, Лондонъ, 1880.—**Gallenga**, *Iberian reminiscences. Fifteen years travelling impressions of Spain and Portugal*, Лондонъ, 1883, 2 т.—**Guedes**, *L'industrie minière en Portugal*, Лиссабонъ, 1878.—**Leck**, *Iberian Sketches. Travels in Portugal and the North West of Spain*, Лондонъ, 1885.—**Marquardsen** и **Max Seydel**, *Handbuch des öffentlichen Rechts*, Фрейбургъ, 1883—92, 4 т. (т. IV).—**Pepper**, *Le Portugal, ses origines, son histoire, ses productions*, Парижъ, 1879.—**Prunol**, *Souvenirs de voyage en Espagne et en Portugal*, Парижъ, 1883.—**De Bouffeyroux**, *Le Portugal*, Парижъ, 1880.—**De la Saigne**, *Le Portugal historique, commercial et industriel*,

Парижъ, 1876.—Serpa Pinto (Le Major), *Comment j'ai traversé l'Afrique* (перев. Belin de Launay), Парижъ, 1881, 2 т.— Маркизъ de **Souza-Holstein**, *O Portugale os Portuguezes* (Ежегодники Географ. Комис., Лиссабонъ, 1876 и 77).

Глава X.
Германія.

См. т. V соч., указанныя въ библіографіи гл. VIII, стр. 346. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить лишь нѣсколько сочиненій, недавно вышедшихъ, или относящихся непосредственно къ новѣйшему періоду. Прекрасныя указанія имѣются у **Marcks'a**, Wilhelm I (1900). О **Бисмаркѣ.**—**Poschinger**, *Fürst Bismarck als Volkswirth*, 5 т., 1889—1891.—**Bismarck**, *Gedanken und Erinnerungen*, франц. перев. 1899.—**Moritz Busch**, *Bismarck, some secret pages of his history* (французскій переводъ озаглавленъ *Mémoires de Bismarck*), 2 т. 1899.—**Poschinger**, *Neue Tischreden Bismarck's*, 2 т. 1899. — **Kohl**, *Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen*, 1899.—**Klein Hattingen**, *Bismarck und seine Welt* (1903).—**Kreutzer**, *O. v. Bismarck*, 1900 (прекрасный популярно-научный трудъ).—Среди многочисленныхъ критическихъ трудовъ, вызванныхъ мемуарами Бисмарка и вышедшихъ подъ различными заглавіями слѣдуетъ отмѣтить труды **Bamberger'a** (1899), (въ недружелюбномъ духѣ),— **Schmoller'a** (экономическіе вопросы), **Lenz'a**, **Marcks'a** и **Kaemmel'я** (1899).—**Penzler**, *Bismarck seit seiner Entlassung*, 1897.—**Andler**, *Le prince de Bismarck*, 1899. — **Ch. Benoist**, подъ тѣмъ же заглавіемъ, 1900.—**Treitschke**, *Zehn Jahre deutscher Kämpfe*, 1865—1875.—**Его же**, *Historische und politische Aufsätze* (1886—1897).—**H. Delbrück**, *Erinner., Aufsätze und Reden*, 1902.—**Lamprecht**, *Zur jüngsten Vergangenheit*, 1904. (Соч. растянутое и пошлое.)

Внѣшняя политика.—**Karl v. Rumaenien**, *Aus dem Leben* (т. IV, 1900).—**De Broglie**, *Mission de Gontaut-Biron*, 1898. — *Les pièces du procès d'Arnim* (франц. перев., Парижъ, 1876 и 1877).— **Daudet**, *Hist. diplomat. de l'alliance franco-russe*, 1894.—**Benedetti**, *Essais diplomatiques* (1899).

Культуркампфъ. — **Kurtz**, *Lehrb. der K.-Gesch.* 1898.—**Hahn**, *Gesch. der Kulturk. in Preussen*, 1881 (протест.).—**Schulte**, подъ тѣмъ же заглавіемъ (катол.).—**Majunke**, подъ тѣмъ же заглавіемъ, 1876—1888 (катол.).—**Sill**, *Die Entwicklung der Kath. Kirche im XIX. Jahrh.*, 1898.—**Goyau**, *Le protestant. allemand*, 1899.— **Knopp.**, Windthorst (катол.).

Соціализмъ.—**Meyer.**, *Der Emancipationskampf des vierten Standes*, 1874—1877.—**Bourdeau**, *Le socialisme allemand et le nihilisme russe*, 1892.—**de Wyzewa**, *Le mouvement socialiste en Europe*, 1892.— **Zenker**, *Der Anarchismus*, 1895.— **Mehring**, *Gesch. der deutschen Socialdemokratie*, 2 т., 1897 (имѣется русск. перев. изд. Т-ва Гранатъ и К°).—**Schmoller**, *Zur Social-und Gewerbepolitik der Gegenwart* (*Reden und Aufsätze*), 1898;—*Ueber einige Grundfragen der Socialpolitik und der Volkswirtschaftslehre*, 1898.—**Ad. Stöcker**, *Christlich-Social* (*Reden und Aufsätze*), 1885.—**Sombart**, Socialismus und sociale Bewegung im XIX. Jahrh., 1896.— **Его же**, Das Wirtschaftsleben im Deutschl. (замѣчательный трудъ), 1900.

Реформы и парламентская борьба.—Собраніе законовъ и постановленій можно найти у **Hue de Grais**, *Handbuch der Gesetzg. in Preussen u. d. d. Reiche.* Тотъ же авторъ выпустилъ очень цѣнное руководство подъ загл.: *Handbuch der Verf. und Verwalt. in Preussen u. d. d. Reiche* (1904).—**Roell**, *B. s Staatsrecht*, 1900.— **Robolsky**, *Der deutsche Reichstag*, 1867—92 (трудъ неудовлетвор.), 1897.—**Klöppel**, *30 Jahre deutscher Verfass. Gesch.* (1900).—**Petersdorff**, *Die Kaiserin Augusta*, 1900.—**Philippson**, *Forckenbeck*, 1898 (замѣчательный трудъ).—**Parisius**, *Hoverbeck*, 1898.

Для періода, послѣдовавшаго за отставкой Бисмарка, приходится пользоваться анналами и сборниками документовъ, особенно сочин. **Schulthess**, *Europäischer Geschichts-Kalender*, а также обозрѣніями *Deutsche Rundschau, Deutsche Revue, Preussische Jahrbücher, Neue Zeit* (соціалист. орг.). Цѣнные отчеты парламентскихъ работъ можно найти въ *Revue politique et parlamentaire* съ 1894 г.

Изъ книгъ, представляющихъ интересъ минуты, можно указать слѣд.: **Wiermann**, *Die Politik seit Bismark's Entlassung.*—*Die nationalliberale Partei*, 1867—1892.—**Heyck**, *Die Allgemeine Zeitung*, 1898.— **Baumgarten et Jolly**, *Staatsminister Jolly*, 1897.— **Hauser**, *Colonies all.* 1900.— **Blondel**, *L'essor économiqual de l'All.*, 1900. — **Lair**, *L'impérialisme allemand*, 1902.—**Lavisse**, *Trois empereurs d'Allemagne*, 1888.—**M. Philippson**, *Friedrich III*, 1893.— *Journal* Фридриха III былъ обнародованъ въ *Deutsche Rundschau*, 1888; см. по этому поводу докладъ Бисмарка въ *Journal officiel* отъ 23 сент.— **Freitag**, *Der Kronprinz und die deutsche Kaiserkrone*, 1889.—**Hintzpeter**, *Kaiser Wilhelm II*, 1888.— **Buxenstein**, *Unser Kaiser*, 1898.—Изъ брошюръ, обратившихъ на себя вниманіе въ моментъ ихъ появленія, можно указать: *Politische Generale am preuss. Hofe seit* 1848, 1897.—**Douglas**, *Was wir von unserm Kaiser hoffen dürfen*, 1888 и проч.

Рѣчи **Каприви** были изданы Арндтомъ въ Берлинѣ, 1893.

Къ концу XIX в. появилось значительное число

очерковъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ интересъ. Изъ болѣе обширныхъ по замыслу предпріятій книжнаго рынка заслуживаетъ вниманія выпущенное Бонди въ Берлинѣ: *Das XIX-e Jahrhundert in Deutschland's Entwicklung;* 1-й томъ **Ziegler**'а, *Die geistigen und socialen Strömungen*, представляетъ замѣчательный интересъ. Что касается тома **Kaufmann**'а *L'Histoire politique*, то онъ представляетъ лишь резюме событій съ 1870 г., не имѣющее никакого значенія.

Глава XI.

Европейская политика до Берлинскаго трактата.

По исторіи Восточной войны см. *Catalogue de la Bibliothèque du Dépôt de la Guerre.* Главныя сочиненія слѣд.: **Rustow**, *Der Krieg in der Türkei*, 1877.—**Lemomte**, *La guerre d'Orient en* 1876—1877, 2 т., 1877—1887.—**Amédée de Faure**, *Histoire de la guerre d'Orient*, 2 т., 1878. — **Morice Weill**, *La guerre d'Orient*, 1878.—**Etat—major de l'armée serbe**, *Guerre de la Serbie contre la Turquie*, франц. перев., Парижъ, 1879.—**Anonyme**, *La Guerre d'Orient*, съ тактич. точки зрѣн. Парижъ, 4 т., 1879—1885.—Полковн. **Wonlarlarsky**, Souvenirs d'un officier d'ordonnance, фр. перев., Парижъ, 1899.—О Берлинскомъ Конгрессѣ: **B**on **d'Avril**, Négociations relatives au traité de Berlin. Справки можно найти у **Beust**'а, *Mémoires*, фр. пер. Kohn—Abrest, 2 т. 1888 и у **Bismarck**'а, *Pensées et Souvenirs.*

По исторіи Босніи и Герцеговины можно пользоваться **Ch. Yriarte**, *Bosnie et Herzégovine*, Парижъ, 1876.—**Spalaikovitch**, *La Bosnie et l'Herzégovine*, Парижъ, 1899.

Глава XII.

Христіанскія государства на Балканскомъ полуостровѣ.

См. т. V, стр. 344.

По исторіи Сербіи и Кроаціи.—**Nicolas S. Petrovitch**, *Essai de bibliographie française sur les Serbes et les Craates* съ 1554 до 1900, выходитъ въ Бѣлградѣ благодаря содѣйствію Сербской Королевской Академіи.

По исторіи Румыніи. Новѣйшіе матеріалы по исторіи Румыніи были разобраны въ *Revue Historique*, т. 73, за іюль—августъ 1900 г., стр. 366—369, **Xénopol'емъ** и **Theodoru.** Богатый библіографическій матеріалъ имѣется въ концѣ каждой изъ слѣдующихъ книгъ: *Histoire de la Roumanie contemporaine*, **Frédéric Damé**, Парижъ, 1900.—*Notes sur la vie du roi Charles de Roumanie*,—т. III и IV (Штутгартъ, 1900) вышли на нѣмецкомъ языкѣ; (I и II томы появились на франц. яз., типографія Indépendance roumaine),—въ нихъ много документальныхъ данныхъ, а также переписка короля Карла. Къ *annuaires*, указаннымъ въ т. V стр. 344, слѣдуетъ прибавить *Archives diplomatiques*, 1871—1900.—*La vie politique à l'étranger* съ 1889. **Daniel**, *L'année politique.* Оффиціальные документы отчасти опубликованы правительствомъ въ *Livres jaunes, bleus, rouges, blancs. L'Europe politique* **Sentupéry**, 8 книжекъ, Парижъ, 1893—1895, даетъ много подробныхъ свѣдѣній о политическихъ организаціяхъ, о партіяхъ и ихъ главныхъ представителяхъ въ различныхъ странахъ. Много полезныхъ свѣдѣній представляютъ таблицы *Revue politique et parlementaire.* Кромѣ того, соч. капитана **Lamouche**, *La péninsule balkanique*, 1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Третья Республика.

Ш. Сеньобоса.

Глава II.

Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи.

Съ 1873 г.

А. Метена.

Глава III.

Британскія колоніи.

Съ 1870 г.

А. Метена.

Глава IV.

Австро-Венгрія.

Съ 1871 г.

Л. Эйзенмана.

Глава V.

Швейцарія.

1848—1900.

Фр. де-Крю.

Глава VI.

Королевство Бельгія и Голландія съ 1870 г. Великое герцогство Люксембургское съ 1815 г.

А. Метена.

Глава VII.

Скандинавскія государства.

1870—1900.

Хр. Шеффера.

Глава VIII.

Италія.

1870—1900.

А. Пенго.

Глава IX.

Испанія и Португалія.

1871—1900.

Дедевиза дю-Дезера.

Глава X.

Германія.

1871—1900.

Э. Дени.

Глава XI.

Европейская политика до Берлинскаго конгресса.

1871—1878.

А. Мале.

Глава XII.

Христіанскія государства Балканскаго полуострова.

1870—1900.

А. Мале.

Приложеніе.

Основныя черты исторіи развитія біологіи въ XIX столѣтіи.

Проф. К. А. Тимирязева.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

СНИМКИ СЪ ПОРТРЕТОВЪ и КАРТИНЪ.

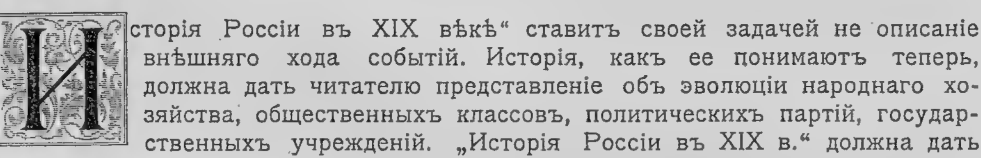
ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ XIX ВѢКѢ.

Въ изданіи принимаютъ участіе:

Е. В. Аничковъ, С. М. Блекловъ, М. М. Богословскій, И. Н. Бороздинъ, С. А. Венгеровъ, А. К. Дживелеговъ, Н. Жордани, В. Я. Канель, А. А. Кизеветтеръ, А. Коллонтай, К. И. Ландеръ, К. Н. Левинъ, Н. Ленинъ, З. Ленскій, Л. Мартовъ, В. Д. Медемъ, П. Н. Милюковъ, Н. М. Никольскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. Н. Покровскій, Н. А. Рожковъ, С. Ѳ. Русова, П. Н. Сакулинъ, В. Н. Сторожевъ, М. Таганскій, В. М. Фриче, С. Я. Цейтинъ, В. И. Чарнолускій, М. П. Чубинскій, Г. И. Шрейдеръ, Ю. Д. Энгель

и другіе.



„Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ" ставитъ своей задачей не описаніе внѣшняго хода событій. Исторія, какъ ее понимаютъ теперь, должна дать читателю представленіе объ эволюціи народнаго хозяйства, общественныхъ классовъ, политическихъ партій, государственныхъ учрежденій. „Исторія Россіи въ XIX в." должна дать прежде всего отвѣтъ на вопросъ: какъ сложился тотъ общественный строй, съ которымъ Россія вступила въ XX вѣкъ и который не сегодня-завтра станетъ для насъ „старымъ порядкомъ". Подобно французскому „старому порядку", онъ не такъ старъ, какъ кажется: если его корни идутъ и глубже XIX вѣка, то во всякомъ случаѣ не дальше XVIII. Углубляться въ до-петербургскій періодъ русской исторіи было сочтено поэтому совершенно излишнимъ, ограничившись, въ видѣ вступленія, очеркомъ положенія Россіи въ XVIII вѣкѣ (главнымъ образомъ, во второй его половинѣ). Съ другой стороны, составители не нашли нужнымъ трактовать исторію XIX в. въ одинаковомъ объемѣ на всемъ его протяженіи. Мы лучше знаемъ нашу древнюю исторію, чѣмъ новую, новую,—чѣмъ новѣйшую, это общее правило примѣнимо и къ послѣдовательнымъ отдѣламъ самой новѣйшей исторіи.

Отправляясь отъ этихъ соображеній, составители рѣшили отвести на вторую половину XIX вѣка приблизительно *втрое* болѣе мѣста сравнительно съ первою. Въ окончательномъ видѣ книга должна составить 4 части (не равнаго объема): первая будетъ охватывать время отъ 1801 до 1840 года, вторая—эпоху, непосредственно предшествующую реформамъ 60-хъ гг., и самыя реформы (1840—1866 гг.), третья—эпоху реакціи до ея окончательнаго завершенія, земскаго и городового положеній Александра III (1866—1892 гг.) и, наконецъ, четвертый—періодъ подготовки русской революціи (1892—1903 гг.).

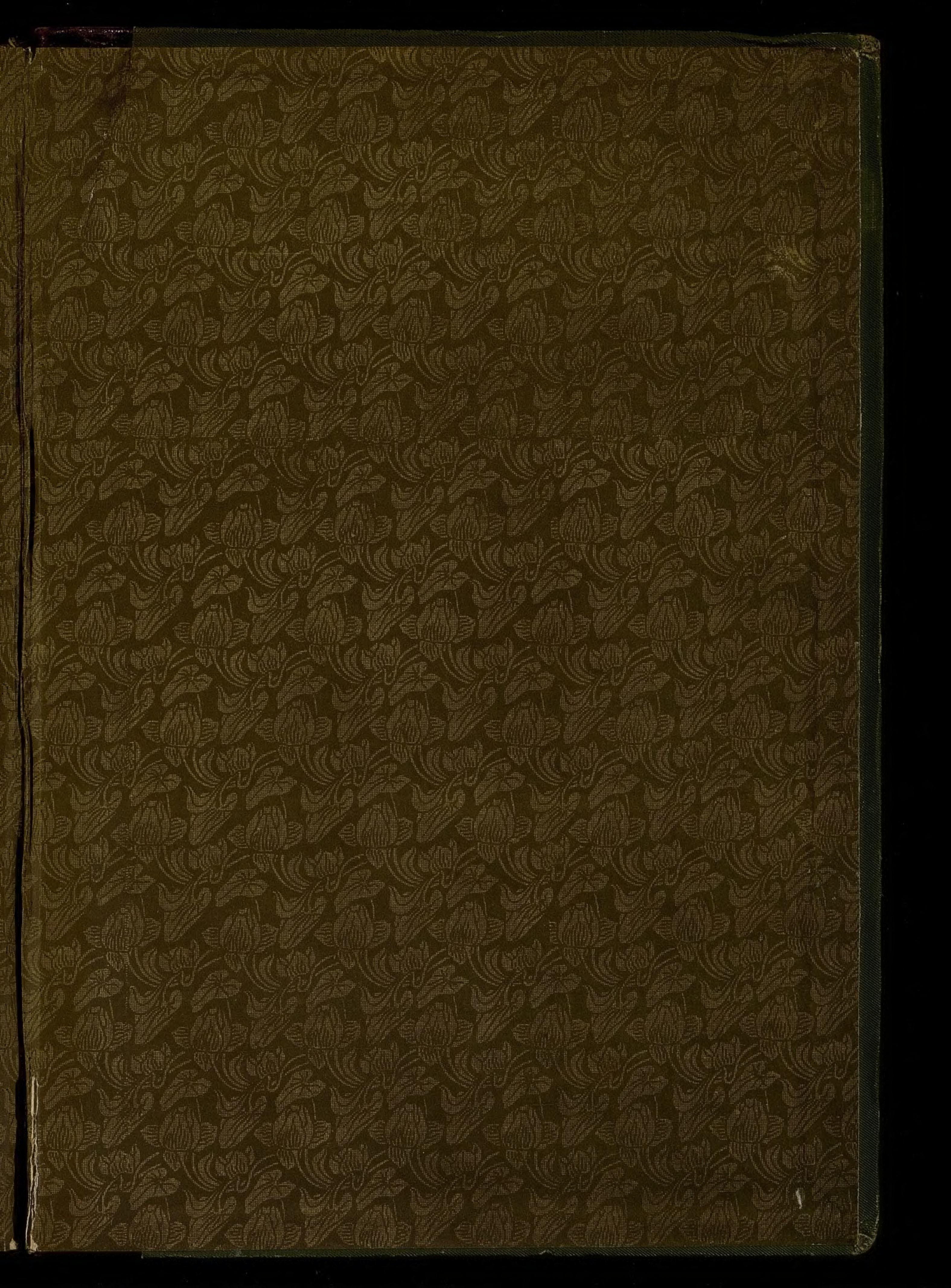
ОГЛАВЛЕНІЕ
„Исторіи Россіи въ XIX в.“.

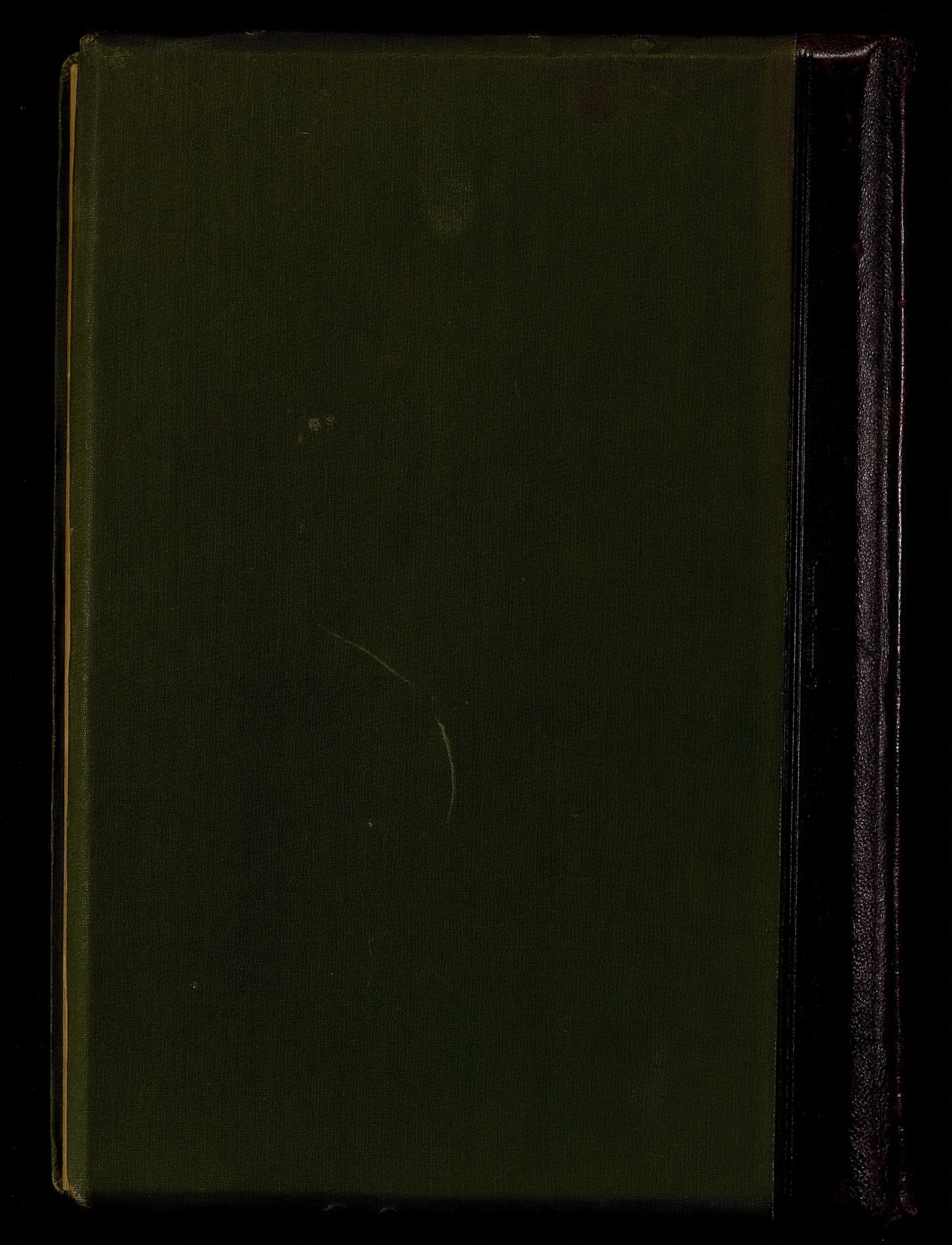
ГЛАВНАЯ КОНТОРА ИЗДАНІЙ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“:

Москва, Большая Никитская, 5.
Отдѣленіе въ С.-Петербургѣ: Загородный проспектъ, 14.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° Москва.





Берлинскій конгрессъ.

1. Баронъ Гаймерле.—2. Графъ Карольи.—3. Графъ Лоннэ.— 4. Князь Горчаковъ.— 5. Лордъ Биконсфильдъ.—6. Ваддингтонъ.—7. Фонъ Радовицъ.—8. Князь Гогенлоэ.—9. Графъ Корти.—10. Баронъ Убри.—11. Графъ Моюи.—12. Графъ С.-Валлье.—13. Депре.—14. Графъ Андраши.— 15. Лотаръ Бухеръ.— 16. Князь Бисмаркъ.—17. Фонъ-Гольштейнъ.— 18. Д-ръ Бушъ.— 19. Графъ Г. Бисмаркъ.— 20. Графъ Шуваловъ.—21. Садулла-дей.— 22. Лордъ Одо Россель.— 23. Фонъ-Бюловъ.—24. Лордъ Сольсбери.—25. Каратеодори-паша.—26. Мехмедъ Али-паша.